

Мир приключений

Жюль ВЕРН

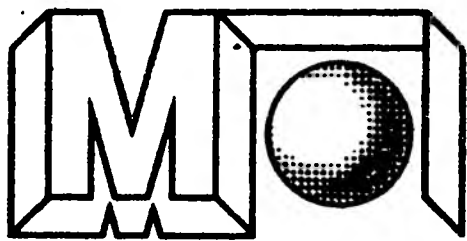
Школа Робинзонов

Клодиус Бомбарнак

Повести

Scan Kreyder - 15.05.2014
STERLITAMAK

Мир приключений

Жюль ВЕРН

Школа Робинзонов

Клодиус Бомбарнак

Повести

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО « ПРАВДА »

1989

84.4 Фр

В 35

Переводы с французского

Послесловие

С. Б э л з ы

Иллюстрации

П. П а р а м о н о в а

В $\frac{4703000000-1787}{080(02)-89}1787-89$

© Издательство «Правда», 1989.
Составление. Послесловие. Иллюстрации.

Школа Робинзонов

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой читатель, если захочет,
сможет купить по случаю остров в Тихом океане*

— Продается остров, за наличные! Издержки за счет покупателя! Достанется тому, кто даст больше! — выкрикивал, не переводя дыхания, Дин Фелпорг, оценщик на аукционе, где обсуждались условия этой странной продажи.

— Продается остров! Продается остров! — еще громче подхватывал его помощник, Джинграс, расхаживая взад и вперед по битком набитому залу.

Действительно, в большом аукционном зале, в доме № 10 по улице Сакраменто, народу собралось видимо-невидимо. В этой возбужденной толпе были не только американцы из штатов Калифорния, Орегон и Юта, но и некоторые из тех французов, что составляют добрую шестую часть населения этих мест, и мексиканцы, завернутые в свои сарапы, и китайцы в халатах с широкими рукавами, в башмаках с заостренными носами, с конусообразными шляпами на голове, и канаки с островов Океании, даже несколько индейцев с острова Тринидад.

Поспешим добавить, что сцена эта происходила в Сан-Франциско, столице Калифорнии, но не в 1849—1852 годах — пору открытия золотых россыпей, привлекавших сюда золотоискателей обоих полушарий, а значительно позднее, когда он перестал уже быть караван-сараем, пристанью, где могли найти приют на одну ночь всякие авантюристы, стекавшиеся со всех концов света на золотоносные земли к западному склону Сьерры-Невады.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как на месте никому не известной Эрба-Буэны вырос этот единственный в своем роде город с его сотысячным населением, построенный на склоне двух холмов (не хватило места на морском побережье), город, затмивший Лиму, Сантьяго, Вальпараисо, а также

всех соперников в Западной Америке, город, превращенный американцами в звезду Тихого океана, в «славу Западного побережья».

В день аукциона — 15 мая — было еще холодно. В этой стране, непосредственно подверженной влиянию полярных течений, первые недели мая скорее напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в аукционном зале на холод жаловаться не приходилось. Колокольчик своим непрерывным звоном привлекал все новые и новые толпы людей, и там стояла такая жара, что на лицах присутствующих выступали крупные капли пота.

Только не подумайте, что все, толпившиеся в зале аукциона, пришли сюда с целью совершить покупку. Большие того, не будет преувеличением, что там были одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат, как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, по безумной затее правительства ставший предметом торгов? Поговаривали, что никто не даст назначенную цену, что не найдется любителя, который позволит втянуть себя в игру на повышение. Однако в этом нельзя было обвинить оценщика Фелпорга и его помощника Джинграса, которые с помощью жестов, восклицаний и неумеренных похвал пытались завлечь покупателей.

Кругом смеялись, но никто не двигался с места.

— Остров! Продается остров! — повторял Джинграс.

— Продается, но не покупается, — заметил какой-то ирландец, карман которого не был отягощен даже мелочью.

— Остров, земля которого обойдется дешевле шести долларов за акр, — выкрикивал оценщик Дин Фелпорг.

— Но который не принесет и цента на доллар, — возразил толстый фермер, как видно, большой знаток сельского хозяйства.

— Остров не менее шестидесяти четырех миль в окружности, а площадью в двести двадцать пять тысяч акров!

— Достаточно ли устойчиво его основание? — спросил мексиканец, старый завсегдатай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

— Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками, — не унимался оценщик.

— С гарантией? — спросил какой-то француз, видно, не очень склонный поддаваться на приманку.

— Вот именно, с гарантией, — ответил Фелпорг, слишком привыкший к своей профессии, чтобы обращать внимание на насмешки публики.

— На два года?

— До конца дней.

— И даже больше?

— Остров в полную собственность! — выкрикивал аукционист. — Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся...

— И пляж? — спросил какой-то весельчак.

— И нет насекомых? — задал вопрос другой.

— Предлагаем остров! — снова завелся Дин Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте, раскошеливайтесь! Кто хочет получить во владение остров? Остров в прекрасном состоянии, почти не бывший в употреблении! Кому остров? Остров в Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Всего лишь миллион сто тысяч долларов!.. Кто покупает?.. Кто хочет сказать свое слово?.. Это вы, сударь?.. Или вы?.. Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин?.. Предлагаю остров!.. Есть остров!.. Кому остров!..

— Позвольте взглянуть! — крикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или о китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот, но никто не прибавил и полдоллара сверх назначенной цены.

Однако, если невозможно было взглянуть на самый остров, то план его был вывешен для всеобщего обозрения. Продавался не кот в мешке. Любители могли увидеть, что представляет собой этот идущий с молотка кусок земли. Никаких неожиданностей, никакого разочарования опасаться не следовало. Географические очертания, местоположение, рельеф, водную систему, климат, средства сообщения — все это легко было выяснить заранее. Можете мне поверить, тут не было никакого подвоха! Кроме того, журналы и газеты Соединенных Штатов, а особенно Калифорнии, выходящие ежедневно, дважды в неделю, еженедельно, два раза в месяц и ежемесячно, вот уж почти полгода привлекали внимание публики к этому острову, продажа которого с аукциона была утверждена Конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западу — юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под 32°15' северной широты и 142°18' западной долготы по Гринвичу.

Хоть остров Спенсер и был расположен довольно близко от побережья и даже, можно сказать, находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более изолированное от всяких пассажирских и товарных морских путей. Постоянные морские течения, отклоняясь к северу или к югу, образовали вокруг него нечто вроде озера

с тихими водами, иногда обозначаемого на карте как «Глубина Флерье».

В центре этого бассейна и лежал остров Спенсер. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый Свет со Старым — будь то Япония или Китай, — лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, а паровым не было никакого смысла бороздить эти воды. Итак, ни те, ни другие близ острова Спенсер почти никогда не показывались, и он возвышался средь моря подобно одинокой вершине, которыми увенчиваются в Тихом океане многие подводные скалы.

Правда, для человека, уставшего от городского шума, мечтающего о покое, что может быть лучше этой «Исландии», затерянной в нескольких сотнях лье от берега! Идеал для добровольного Робинзона! Но за этот идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от этого острова? Не было ли это вздорной фантазией? Нет, большая нация не может поддаваться капризам, как какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следующем: остров Спенсер давно уже стал совершенно бесполезным. Колонизовать его не имело смысла — все равно никто бы там не поселился. И с военной точки зрения он не представлял интереса, так как господствовал над абсолютно пустынной частью Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и здесь от него не было бы никакого проку. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком близко от берега. Занять же его просто так было бы слишком дорогим удовольствием.

С незапамятных времен остров Спенсер оставался необитаемым, и Конгресс, состоявший из людей «в высшей степени практичных», принял решение продать его с аукциона, но только с условием, чтобы покупатель был гражданином свободной Америки.

Однако дешево отдавать остров государство не хотело. Была назначена сумма в миллион сто тысяч долларов, которая для какой-нибудь акционерной компании представляла бы сущую безделицу.

Такая компания могла бы обеспечить акциями покупку и эксплуатацию острова, но только в том случае, если бы знала, что сможет извлечь из него хоть какую-нибудь выгоду. Однако, как мы уже говорили, никакой выгоды здесь ожидать

не приходилось, и деловые люди обращали на остров Спенсер не больше внимания, чем на какой-нибудь айсберг в полярных морях. Для частного лица эта сумма была достаточно высокой. Нужно было обладать крупным состоянием, чтобы позволить себе роскошь так дорого заплатить за причуду, которая в лучшем случае не принесла бы и одного процента прибыли.

Остров продавался только за наличные, а известно, что даже в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые, не раздумывая, могут бросить на ветер миллион сто тысяч долларов, без всякой надежды получить с них прибыль.

Итак, Конгресс твердо решил не уступать. Один миллион сто тысяч долларов! Ни цента меньше! Пусть уж лучше остров Спенсер останется тогда собственностью государства!

При этом условии заранее можно было предположить, что вряд ли найдется безумец, который пойдет на такую авантюру.

Кроме того, было оговорено, что человек, купивший остров Спенсер, получит не права суверена, а только — президента, что он не сможет, подобно королю, иметь подданных. Сograждане будут выбирать его как президента республики на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так будет продолжаться до конца его дней. Во всяком случае, он, при всем желании, не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда бы не согласились на образование в американских водах королевства, каким бы маленьким оно ни было.

Очевидно, эта оговорка была предусмотрена с целью устранения от торгов какого-нибудь честолюбивого миллионера или лишенного власти набоба, если бы тому захотелось соперничать с туземными правителями Сандвичевых¹ или Маркизских островов, Помоту² или других архипелагов Тихого океана.

Короче говоря, по той или иной причине, но покупатель не объявлялся. Время шло. Оценщик надрывался, пытаясь добиться надбавки. Помощник тоже кричал, что было мочи, но никто из присутствующих даже не кивнул головой, — жест, который эти прожженные аукционисты не преминули бы заметить, — и о цене тем более никто не заикался.

Надо сказать, что если молоток Фелпорга неутомимо поднимался над конторкой, то и собравшимся не лень было ждать. Со всех сторон доносились насмешливые возгласы

¹ Старое название Гавайских островов.

² Новое название — Туамоту.

и довольно плоские шутки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками. Другие требовали возмещения расходов по покупке.

Дин Фелпорг продолжал выкрикивать:

— Продается остров! Продается остров!

Но покупателя все не находилось.

— А вы гарантируете, что там есть золотonosные жилы? — спросил лавочник Стемпи с Мерчент-стрит.

— Нет, — ответил аукционист, — но если они там окажутся, государство предоставляет владельцу все права на эти участки.

— А есть ли там по крайней мере вулкан? — спросил Окхерст, трактирщик с улицы Монтгомери.

— Вулкана там нет, — ответил Дин Фелпорг. — Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким смехом.

— Остров продается! Продается остров! — понапрасну надрывался оценщик. — Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз... Два...

Но никто не отзывался.

— Если не найдется желающий, торги будут сейчас же прекращены. Раз... Два...

— Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале, как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Все повернули головы, чтобы взглянуть на смельчака, отважившегося назвать такую цифру.

Это был Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско
состязается с Таскинаром из Стоктона*

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Ходили слухи, что он даже богаче самого герцога Вестминстерского, чей годовой доход достигает восьмисот тысяч фунтов и который в состоянии тратить пятьдесят тысяч франков ежедневно, иначе говоря, тридцать шесть франков в минуту. Поговаривали, что он богаче сенатора Джона из Невады, владельца тридцатипятимиллионной ренты, богаче Мак-Кея,

получающего от своего капитала два миллиона семьсот семь тысяч восемьсот франков в час, или два франка и несколько сантимов в минуту.

Нечего говорить уже ни о таких мелких миллионерах, как Ротшильд, Ван дер Билт, герцог Нортумберлендский или Стюарт, ни о директорах мощного калифорнийского банка и других капиталистах Старого и Нового света, которым Уильям Кольдеруп мог бы подавать милостыню. Ему легче было бросить на ветер миллион, чем нам с вами каких-нибудь сто су.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному состоянию эксплуатацией золотых россыпей в Калифорнии в качестве главного компаньона швейцарского капитана Зуттера, на чьей земле в 1848 году была открыта первая золотосносная жила. Смело бросаясь в торговые и коммерческие авантюры, Кольдеруп, благодаря смекалке и везению, вскоре становится соучастником чуть ли не всех крупных предприятий Старого и Нового света. На его неистощимые средства были построены сотни заводов, продукция которых экспортировалась на его же кораблях во все части света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Говорили, что он из тех миллиардеров, которые даже не могут сосчитать свой капитал. На самом же деле он знал, чем располагает с точностью до одного доллара, только, в отличие от других, не кичился своим богатством.

В то время, когда мы представили его читателям, Уильям Кольдеруп был владельцем двух тысяч торговых контор, учрежденных чуть ли не во всех странах мира, флотилии из пятисот кораблей, беспрестанно бороздивших моря для его вящей выгоды. У него было сорок тысяч конторских служащих, триста тысяч корреспондентов, и на одни только марки и почтовые расходы он тратил не меньше миллиона в год.

Короче говоря, он выделялся своим богатством среди всех богачей Фриско, — так американцы фамильярно называют столицу Калифорнии.

Надбавка, сделанная Уильямом Кольдерупом, была очень значительной. И вот, когда присутствовавшим на аукционе стало известно имя того, кто только что накинул к цене на остров Спенсер сто тысяч долларов, по залу пронесся трепет. Шуточки мгновенно прекратились. Вместо насмешек слышались восторженные возгласы, раздались крики «ура».

Затем воцарилась тишина. Толпа замерла. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, которая могла бы разыгаться, если бы кто-нибудь отважился вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться?

Нет! Стоило только взглянуть на Кольдерупа, чтобы убедиться, что он никогда не отступит от принятого решения, особенно если дело касается его финансовой репутации.

Это был высокий, сильный человек с крупной головой, широкими плечами и массивным телосложением. Ни перед кем он не опускал своего решительного взгляда. Его сидящая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Прямые линии носа образовывали геометрически очерченный треугольник. Усы он сбривал. Подстриженная на американский манер борода с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ, а затем тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Ровные белые зубы симметрично окаймляли тонко очерченный, в ту минуту сжатый рот. Ничего не скажешь, — голова командора, готового противостоять любой буре. В разыгравшейся битве на повышение каждое движение этого человека, малейший кивок головы могли означать надбавку в сто тысяч долларов.

Бороться с ним было невозможно.

— Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! — выкрикивал Дин Фелпорг, и в голосе его чувствовалось удовлетворение профессионала, почувствовавшего, наконец, что старается он не напрасно.

— Есть покупатель за миллион двести тысяч долларов! — повторял за ним Джинграс.

— Теперь можно набавлять без страха, — пробормотал трактирщик Окхерст, — все равно Кольдеруп не уступит.

На них зашикали. Раз уже дошло до надбавок, нужно было соблюдать тишину. Все боялись пропустить какую-нибудь захватывающую подробность. Сердца присутствовавших учащенно бились. Осмелится ли кто-нибудь выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот стоял с гордым видом, не шелохнувшись, и был так спокоен, будто дело его и не касалось. Только находившиеся рядом с ним могли заметить, что глаза его метали искры, как два пистолета, заряженные долларами и готовые в любой момент выстрелить.

— Никто не дает больше? — крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

— Раз!.. Два!..

— Раз!.. Два!.. — повторял за ним Джинграс, привыкший к этому диалогу с оценщиком.

— Я присуждаю...

— Мы присуждаем...

— За миллион двести тысяч долларов!

— Все видели?.. Все слышали?..

— Никто потом не будет раскаиваться?

— Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики возрастало. Сдавленные груди сотен людей судорожно вздымались и опускались. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь решится набавить?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров будет продан.

Даже при учинении самосуда, который именуется в Америке судом Линча, толпа не могла быть более возбужденной.

Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, несколько мгновений трепетал в воздухе, как рапира в руках фехтовальщика, готового сделать неотразимый выпад, потом быстро опустился.

— Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас удивления, а вслед за ним — крики ликования. Желаящий сделать надбавку все-таки нашелся!

Итак, состязание продолжается.

Но кто же был этот смельчак, вступивший в поединок за доллары с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только богат, но к тому же еще и очень толст. Он весил около двухсот килограммов и если на последнем конкурсе толстяков завоевал только вторую премию, то лишь потому, что ему не дали закончить обед, и он потерял в весе не менее пяти килограммов.

Этот колосс, который мог сидеть только на специально сделанном для него стуле, жил в Стоктоне на улице Сан-Иохим. Стоктон — один из значительных городов Калифорнии, один из центров, куда свозится добыча с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена продукция рудников Севера. В этом же городе производится самая крупная погрузка на суда калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил не только эксплуатацией рудников и торговлей хлебом. Помимо этого он был азартным, притом удачливым игроком в покер, заменяющем в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар был богат, но хорошими человеческими качествами не отличался, и его, не в пример Кольдерупу, никто не называл бы «почтенным коммерсантом». Однако, что бывает нередко, злословили о нем больше, чем он того заслуживал. Впрочем, слухи о том, что Таскинар при малейшем поводе не постесняется пустить в ход

«деррингер» — так называется калифорнийский револьвер, — вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он завидовал его состоянию, положению, репутации. Он презирал его так, как только может толстяк презирать тощего. И не впервые коммерсант из Стоктона пытался из чувства соперничества взять верх над богачом из Сан-Франциско, если это даже шло в ущерб его выгоде. Уильям Кольдеруп прекрасно это знал и всякий раз при встрече выказывал достаточно пренебрежения, чтобы вывести из себя соперника.

Особенно Таскинар не мог простить своему конкуренту последнего успеха, когда тот буквально разбил его на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы, клевету — не говоря уже о тысячах долларов, напрасно истраченных им на предвыборных маклеров — в Законодательном совете Сакраменто сидел не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот Таскинару удалось пронюхать, что Уильям Кольдеруп задумал приобрести остров Спенсер. По правде сказать, остров этот был ему так же не нужен, как и его сопернику. Но это не имело значения. Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого случая Таскинар упустить не мог.

Потому он и оказался в то утро в зале аукциона, замешавшись в толпе любопытных. Почему же Таскинар так долго собирался? Почему не вступал в борьбу, а выжидал, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в ту минуту, когда Уильям Кольдеруп мог уже считать себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

— Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись. Раздались голоса:

— Толстяк Таскинар!

И это имя переходило из уст в уста.

Еще бы! Ведь толстяк Таскинар был известной персоной. Его комплекция дала пищу не одной газетной статье! Какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывала заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушала лунную орбиту.

Но не комплекция Таскинара в этот момент интересовала собравшихся на аукционе. Все были взбудоражены тем, что он вступил в открытую борьбу с Уильямом Кольдерупом. Это была решительная схватка, битва, движимая долларами, и трудно было предугадать, на который из этих двух денежных меш-

ков стоило ставить любителям пари. Оба соперника были чертовски богаты, и это был уже вопрос самолюбия.

После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук ткёт свою паутину. Тягостное молчание нарушил голос Дина Фелпорга:

— Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер! — крикнул он, вставая, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились, чтобы освободить место соперникам. Богач из Сан-Франциско и богач из Стоктона могли сколько угодно смотреть друг на друга. Однако справедливость заставляет нас заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

— Миллион четыреста тысяч! — сказал Кольдеруп.

— Миллион пятьсот тысяч! — произнес в ответ Таскинар.

— Миллион шестьсот тысяч долларов!..

— Миллион семьсот тысяч долларов!..

Не походило ли это на историю с двумя капиталистами из Глазго, соревновавшимися из-за того, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь этим катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Между тем, услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп призадумался, не решаясь снова вступить в борьбу. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел и минуты тратить на размышление.

— Миллион семьсот тысяч долларов! — повторил оценщик. — Продолжайте, господа. Ведь это сущая безделица.

Можно было предположить, что, следуя своей профессиональной привычке, он не преминет добавить:

— Вещь стоит гораздо дороже!

— Миллион семьсот тысяч! — орал Джинграс.

— Миллион восемьсот тысяч! — вдруг заявил Уильям Кольдеруп.

— Миллион девятьсот тысяч! — не унимался Таскинар.

— Два миллиона! — тут же, не задумываясь, крикнул Кольдеруп.

При этом лицо его немного побледнело, но всем видом своим он давал понять, что борьбу так легко не прекратит.

Таскинар был вне себя. Его огромное лицо напоминало красный железнодорожный диск, который служит для остановки поездов. Но, видно, его соперник не считался с сигнализацией и продолжал раздувать пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его апоплексическому лицу.

Толстыми пальцами, унизанными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов. Глянув на своего противника, он на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти до сих пор не было в его взгляде.

— Два миллиона пятьсот тысяч! — изрек, наконец, толстяк, надеясь этим маневром устранить дальнейшую надбавку.

— Два миллиона семьсот тысяч! — спокойно заявил Уильям Кольдеруп.

— Два миллиона девятьсот тысяч!

— Три миллиона!

Да! Это было так! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал цифру в три миллиона долларов!

Его слова были встречены аплодисментами публики. Однако они сразу же смолкли, когда оценщик, повторив последнюю цифру, поднял молоток и, того и гляди, готов был его опустить. Даже Дин Фелпорг, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в аукционном зале обратились к Таскинару. Толстяк явно ощущал их тяжесть. Но еще больше тяготели над ним три миллиона долларов. Они буквально раздавили его.

Он, без сомнения, хотел говорить, прибавить цену, но не мог... Хотел пошевелить головой... Не тут-то было...

Наконец его голос совсем слабо, но достаточно внятно произнес:

— Три миллиона пятьсот тысяч!

— Четыре миллиона! — заявил Уильям Кольдеруп.

Нанесен был последний, ошеломляющий удар. Таскинар сдался. Молоток в последний раз глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер был присужден за четыре миллиона долларов Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

— Я отомщу! — злобно прошипел Таскинар.

И, бросив испепеляющий взгляд на противника, он зашагал по направлению к Западной гостинице.

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит. Энтузиазм американцев был так велик, что они даже забыли пропеть «Янки Дудл»!¹

¹ «Янки Дудл» — национальная песня северо-восточных штатов США.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой беседа Фины Холланей
с Годфри Морганом сопровождается игрой
на фортепьяно*

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монтгомери. Эта улица для Сан-Франциско все равно, что Риджент-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка, Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль всей громадной артерии, пересекающей город параллельно набережной, кипит оживление. Множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше любителей хорошо провести время — у дверей баров.

Трудно описать особняк этого набоба из Фриско. Миллионер окружил себя ненужной роскошью. Больше комфорта, чем вкуса. Меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое вместе не уживаются.

Пусть читатель узнает, что в особняке этом был великолепный салон для приемов, а в салоне стояло фортепьяно, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, когда он переступил порог своего дома.

— Вот удача! — подумал он. — Оба они здесь. Дам только распоряжение кассиру и сразу к ним.

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же покончить дело с покупкой острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Нужно было только реализовать несколько ценных бумаг и уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру, и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем в другом жанре.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепьяно, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

— Ты слушаешь мою игру? — спросила она.

— Конечно, Фиона!

— Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

— Как же, все слышу. Никогда еще ты так хорошо не играла этих вариаций из «Auld Robin gray»¹.

¹ «Auld Robin gray» — «Старый Робин Грей» (англ.) — опера, написанная по мотивам одноименной шотландской баллады Анн Линдсей, которую приписывают американскому композитору Александру Рейналу (1756—1804).

— Но ведь это совсем не «Auld Robin gray», Годфри, это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

— Так я и думал,— равнодушным тоном ответил Годфри.

Молодая девушка подняла обе руки и несколько мгновений держала их над клавишами, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполоборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Фина Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, который любил ее, как родную дочь.

Фине исполнилось шестнадцать лет. Это была миловидная блондинка с решительным характером, отражавшимся в кристальной голубизне ее глаз. У молодой девушки было доброе сердце, но не меньше практического ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных этому возрасту.

— Годфри? — произнесла она.

— Что, Фина?

— Где витают сейчас твои мысли?

— Как где? Возле тебя... Здесь...

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь... Они далеко, далеко... За морями... Не правда ли?

Рука Фины невольно упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, грустный тон которых, видимо, не дошел до племянника Кольдерупа.

Сын родной сестры богача из Сан-Франциско, рано потерявший родителей, Годфри Морган, как и Фина Холланей, получил воспитание в доме своего дядюшки, слишком увлеченного делами, чтобы подумать о собственной семье.

Годфри было двадцать два года. К этому времени он успел закончить образование, а теперь вел праздную жизнь. Хотя он и удостоился университетского диплома, но учений от этого не стал. Жизнь открывала перед ним большие возможности, широкую дорогу. Он мог следовать по ней направо, налево и, в конце концов, пришел бы туда, где бы ему улыбнулось счастье.

К тому же Годфри был хорошо сложен, воспитан, элегантен, никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями. Одним словом, не питал пристрастия к товарам ювелирных магазинов, до которых так падки его сограждане.

Никто не удивится, если я сообщу, что Годфри Морган должен был жениться на Фине Холланей. Да и как могло быть иначе? Все шло к тому. Прежде всего, этого хотел Уильям Кольдеруп. Он ничего так не желал, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал

отеческие чувства, не говоря уже о том, что его воспитанник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть с этого нужно было начинать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годфри на его имя был открыт один счет и на имя Фины — другой. Теперь оставалось только подытожить обе суммы и завести новый общий счет супругов. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что это, в конце концов, произойдет и что итог будет подведен без пропусков и ошибок.

Однако в то время, когда начинается наш рассказ, сам Годфри еще не чувствовал себя подготовленным к браку. Впрочем, его мнения никто не спрашивал, и уж во всяком случае дядюшке было безразлично, что он думает.

Закончив образование и проводя свои дни в праздности, Годфри преждевременно пресытился жизнью, дарившей ему все блага, каких только он мог пожелать. Ему захотелось повидать свет. Он вбил себе в голову, что изучил все науки, кроме путешествий. И действительно, из всех земель Старого и Нового Света он знал лишь одну географическую точку, Сан-Франциско, свой родной город, с которой расставался только во сне.

Да разве может уважающий себя молодой человек, особенно если он американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? Как иначе испытать ему свои способности? Где еще встретятся ему приключения, в которых он проявит мужество и находчивость? Кроме того, преодолеть несколько тысяч лье, чтобы видеть, наблюдать, расширять свои знания — разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

И вот произошло следующее. Примерно за год до начала нашего рассказа Годфри стал с увлечением читать многочисленные книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, с Колумбом — Америку, с капитаном Куком — Тихий океан, с Дюмон д'Юрвилем — земли у Южного полюса. С тех пор Годфри загорелся желанием посетить все эти места, где побывали до него прославленные путешественники. Он готов был ради этих экспедиций пойти на любой риск — встретиться лицом к лицу с малайскими пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селкирку¹ или Робинзону Крузо. Робинзон! Стать Робинзоном! Чье молодое воображение не воспламенялось этой мечтой

¹ *Селкирк* — шотландский моряк, проводивший несколько лет на необитаемом острове. Биографы Даниэля Дефо утверждают, что Селкирк был прототипом Робинзона Крузо, героя знаменитого романа Дефо.

при чтении романов Даниэля Дефо или Висса?¹ В этом смысле Годфри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, необитаемых островах и пиратах, дядюшка задумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой после того, как она станет миссис Морган? Нет, это было бы безумием! Либо нужно отправиться в путь одному, либо вовсе отказаться от своих дерзновенных планов.

Годфри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, когда ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был так рассеян Годфри, вот почему он с таким безразличием внимал словам песни, был так безучастен к игре, которую когда-то не уставал расхваливать.

Фина, девушка серьезная и сообразительная, быстро все заметила. Сказать, что это не доставило ей некоторой досады, смешанной с огорчением, значило бы незаслуженно ее оклеветать. Но, привыкнув искать во всем положительную сторону, она решила: если Годфри так необходимо путешествовать, то лучше пусть он поедит до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку так просто, но многозначительно:

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь, не возле меня, они далеко, далеко, за морями!

Годфри поднялся, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к фортепьяно, машинально ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось ре-бемоль самой нижней октавы, печальная нота, выразившая его душевное состояние.

Фина все поняла и без долгих колебаний сначала решила припереть своего жениха к стенке, а потом уже помочь ему устремиться туда, куда его влекла фантазия. Но в эту самую минуту дверь салона отворилась.

В комнату вошел, как всегда, немного озабоченный Уильям Кольдеруп. Покончив с одной операцией, он собирался приступить к другой.

¹ В романе немецко-швейцарского писателя Иоганна Давида Висса «Швейцарский Робинзон» (1812) изображена трудовая жизнь на необитаемом острове не одного человека, как в «Робинзоне Крузо» Дефо, а целой семьи: отца и четырех сыновей с разными характерами и наклонностями. В 1900 г. Жюль Верн опубликовал роман «Вторая родина», задуманный как продолжение «Швейцарского Робинзона» Висса.

— Итак,— изрек коммерсант,— остается лишь окончательно наметить день.

— День? — вздрогнув, спросил Годфри.— Какой день, дядюшка, вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, день вашей свадьбы,— ответил Кольдеруп.— Надо полагать, что не моей.

— Пожалуй, это было бы более кстати,— заметила Фина.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился Кольдеруп.— Итак, назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

— Но, дядя Виль. Сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

— Отъезда? Какого отъезда?

— Очень просто, дату отъезда Годфри, который, перед тем как жениться, хочет совершить небольшое путешествие.

— Значит, ты в самом деле хочешь уехать? — воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, будто для того, чтобы тот от него не сбежал.

— Да, дядя Виль,— бодро ответил Годфри.

— И надолго?

— На восемнадцать месяцев или, самое большее, на два года, если...

— Если?..

— Если вы мне разрешите, а Фина будет ждать моего возвращения.

— Ждать тебя! Нет, вы только поглядите на этого жениха, который только и думает, как бы сбежать,— воскликнул Кольдеруп.

— Пусть Годфри поступает так, как хочет,— сказала девушка.— Дядя Виль! Ведь я на этот счет много передумала. Хоть годами я и моложе Годфри, но в знании жизни гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться жизненного опыта, и, мне кажется, не стоит его отговаривать. Хочет путешествовать — пусть едет. Ему самому захочется спокойной жизни, а я буду его ждать.

— Что! — воскликнул Уильям Кольдеруп.— Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

— Да, на два года, которые он просит.

— И ты будешь его ждать?

— Если бы я была неспособна его ждать, это бы означало, что я его не люблю.

Произнеся эту фразу, Фина возвратилась к фортепьяно, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли очень модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хоть песня

и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал его без слов, и слова для ответа тоже не понадобилось.

А мелодия «Отъезд нареченного» становилась все печальнее.

Наконец, Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который походил на подсудимого, стоящего перед судьей.

— Это серьезно? — спросил он у племянника.

— Очень серьезно! — ответила за жениха Фина, не прерывая музыки, тогда как Годфри лишь утвердительно качнул головой.

— All right, — произнес Кольдеруп, окинув племянника странным взглядом.

Затем сквозь зубы добавил:

— Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!

И сделав еще два-три шага, остановился перед Годфри, скрестил руки и спросил:

— Итак, где бы ты хотел побывать?

— Повсюду, дядюшка.

— А когда ты собираешься в путь?

— Как вам будет угодно, дядя Виль.

— Ладно! Это произойдет очень скоро.

При этих словах Фина внезапно оборвала игру. Быть может, девушке немного взгрустнулось. Так или иначе, решение ее оставалось непоколебимым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

*в которой читателю по всем правилам
представляют Т. Артелетта,
называемого Тартелеттом*

Если бы Т. Артелетт был французом, соотечественники не преминули бы шутливо окрестить его Тартелеттом¹, так как это имя ему очень подходит, мы, не колеблясь, и будем впредь его так называть.

¹ Тартелетт — сладкий пирожок (фр.).

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, «напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми¹ манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов»².

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хотя в уплату за уроки он и не получал, как его предшественник, бобровыми шкурами и медвежьими окороками, зато ему платили долларами. Во всяком случае, он ничуть не меньше способствовал цивилизации своих учеников, чем тот француз, обучавший хорошим манерам ирокезов.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему сорок пять лет. Но за десять лет до этого он чуть было не вступил в брак с одной перезрелой девицей.

Ради такого события его попросили в нескольких строках изложить свою биографию, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам воспроизвести его портрет с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост — пять футов, два дюйма, три линии.

Объем выше бедер — два фута, три дюйма.

Вес, увеличившийся за последний год на 6 фунтов, — сто пятьдесят один фунт, две унции.

Форма головы — продолговатая.

Волосы — каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб — высокий.

Лицо — овальное.

Цвет лица — здоровый.

Зрение — отличное.

Глаза — серо-карие.

Брови и ресницы — светло-каштановые.

Веки — запавшие.

Нос — средней величины, на краю левой ноздри выемка.

Щеки — впалые, без растительности.

Уши — большие, приплюснутые.

Рот — средний. Гнилых зубов нет.

Губы — тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

¹ Дрогет, муслин — ткани.

² Ирокезы — группа индейских племен, широко распространенных в XVI—XIX веках на равнинах Северной Америки.

Подбородок — круглый.

Шея — полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

Жизнь ведет правильную, уравновешенную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел его сохранить благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине лишен дурной привычки курить табак.

Не употребляет ни спиртных напитков, ни кофе, ни ликеров, ни виноградных вин.

Короче говоря, избегает всего, что может оказывать пагубное воздействие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином, — вот единственные напитки, которые употребляет без всяких опасений. Благодаря своему благоразумию ни разу от рождения не обращался к врачу.

Жесты — оживленные, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности — до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной из страха сделать ее несчастной.

Такой была характеристика, составленная самим Тартелеттом и, безусловно, заманчивая для девицы определенного возраста. Тем не менее, брак этот не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком и продолжал давать уроки танцев и изящных манер.

В этом амплуа он и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали мало-помалу отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, человек он был очень славный и все домочадцы к нему привязались. Он любил Годфри, любил Фину, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него в жизни было только одно честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно учителя танцев Тартелетта и выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, у него были некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для полного завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, 16 апреля, он вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Просьба набоба была для Тартелетта равносильна приказу. Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно расставляя ноги, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с приятной улыбкой на лице вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, скрестив нижние части ног таким образом, что пятки касались друг друга, а носки смотрели в противоположные стороны.

Любой другой на месте учителя танцев Тартелетта не смог бы удержаться на ногах в таком неустойчивом положении, но он выполнил это с большим знанием дела.

— Мсье Тартелетт,— обратился к учителю Уильям Кольдеруп.— Я пригласил вас, чтобы сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

— К вашим услугам,— ответил Тартелетт.

— Свадьба моего племянника откладывается на год или на полтора года. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового Света.

— Мистер Кольдеруп,— ответил учитель,— мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

— А равно и наставника, который обучил его хорошим манерам,— добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт не усмотрел в его голосе никакой иронии.

Вслед за этим учитель танцев, убежденный, что он должен проделать все требуемые позиции, сначала наклонил ноги вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, легко согнув колено, поклонился Уильяму Кольдерупу.

— Я подумал,— продолжал коммерсант,— что вам не совсем приятно будет расставаться со своим учеником.

— О, крайне неприятно,— сказал Тартелетт,— но если это нужно...

— Совсем это не нужно,— возразил Уильям Кольдеруп, нахмутив густые брови.

— Тогда как же?— произнес Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил назад, чтобы перейти из третьей в четвертую позицию, потом расставил ноги, видимо, не сознавая, что делает.

— Вот так!— безапелляционно заявил коммерсант.— Мне пришло в голову, что будет действительно очень жестоко разлучить учителя и ученика, достигших такого взаимопонимания.

— Конечно, путешествия...— пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

— Да, конечно...— подхватил Уильям Кольдеруп.— Во время путешествия раскроются не только таланты моего племянника, но и учителя, которому он обязан умением так хорошо себя держать...

Никогда этому большому ребенку и в голову не приходило, что в один прекрасный день ему придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию, даже Америку, чтобы отправиться бороздить моря. Этого никак не мог понять человек, больше занятый хореографией, чем путешествиями, и не выезжавший из города на расстояние свыше десяти миль. И вот теперь ему предлагали, нет, ему дали понять, что, хочет он или не хочет, он вынужден покинуть свою страну, чтобы испытать все трудности и неудобства переездов, которые он сам же рекомендовал своему ученику! Было от чего волноваться такому не слишком тренированному мозгу, каким обладал Тартелетт. Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искушенных тридцатипятилетними упражнениями ног.

— Может быть,— сказал он, пытаясь вызвать на губах шаблонную улыбку танцовщика, которая только на мгновение исчезла.— Может быть, я не гожусь для...

— Привыкнете!— ответил Кольдеруп тоном, не терпящим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно. Тартелетт о таком даже не подумал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом, который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его порядком взволновало.

— И когда же состоится отъезд?— спросил он, снова пытаясь стать в академическую позицию.

— Через месяц.

— А по какому бурному морю решил мистер Кольдеруп отправить нас с Годфри?

— Сначала по Тихому океану.

— А в какой точке земного шара должна ступить моя нога?

— В Новой Зеландии,— ответил коммерсант.— Я заметил, что новозеландцы не умеют толком округлять локтей! Вы их подучите!

Вот при каких обстоятельствах учитель танцев Тартелетт был назначен в спутники Годфри Моргану.

Одного знака Кольдерупа было учителю достаточно, чтобы понять, что аудиенция окончена. Он удалился в таких рас-

трепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его уход, на этот раз оставляла желать много лучшего.

И в самом деле, впервые за свою жизнь учитель танцев Тартелетт, забыв от волнения элементарные правила своего искусства, вышел из кабинета, не выворачивая ног.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*которая начинается со сборов к путешествию
и кончается благополучным отбытием*

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Перед тем, как начать вдвоем долгое путешествие по жизни, именуемое супружеством, Годфри должен был совершить путешествие вокруг света, что бывает иногда намного опасней. Но наш герой рассчитывал на успех своего предприятия. Он вернется домой не зеленым юнцом, а зрелым мужем, он многое сможет повидать, будет наблюдать и сравнивать, удовлетворит свое любопытство, а потом со спокойной совестью станет наслаждаться семейным счастьем. И тогда уже никакие искушения не заставят Годфри покинуть свой дом, отказаться от оседлой, спокойной жизни.

Правильно рассуждал он или нет? Окажется ли предстоящий урок для него полезным? Это покажет будущее.

Годфри сиял от радости, а Фина, не выдавая своей тревоги, смирилась с предстоящим испытанием.

Учитель танцев Тартелетт, всегда так твердо стоявший на ногах, такой искусственный во всех поворотах и позициях, на этот раз утратил свою обычную уверенность и тщетно пытался вновь ее обрести. Он качался даже на паркетном полу в своей комнате, словно в каюте корабля во время бортовой или килевой качки.

Что касается Уильяма Кольдерупа, то, приняв решение, невозмутимый коммерсант стал еще менее общительным, особенно с племянником. По его сжатым губам и полужакрытым глазам можно было определить, что в его практичную голову, в которой обычно роились сложнейшие финансовые комбинации, засела навязчивая мысль.

— Итак, тебе захотелось путешествовать, — бормотал он сквозь зубы, — путешествовать вместо того, чтобы жениться и сидеть дома, — что ж! Ты попутешествуешь!

Вскоре начались приготовления.

Прежде всего, следовало обсудить и взвесить все вопросы, связанные с выбором маршрута.

В какую сторону отправится Годфри — на юг, на восток или на запад? Это предстояло решить в первую очередь.

Если бы он сначала отправился на юг, то пароходные компании «Панама — Калифорния — Британская Колумбия», а затем «Саутгемптон — Рио-де-Жанейро» помогли бы ему добраться до Европы.

Если бы он взял курс на восток, то мог бы достичь берегов Старого Света, воспользовавшись сначала трансконтинентальной тихоокеанской железной дорогой, которая доставила бы его до Нью-Йорка, а потом — любым пакетботом американской или французской трансатлантической судоходной компании.

Если бы ему вздумалось сначала ехать на запад, то, прибегнув к услугам трансокеанской пароходной компании «Золотой Век», он легко попал бы в Мельбурн, а оттуда на каком-нибудь судне, принадлежащем «Восточной пароходной линии», добрался бы до Суэца. Благодаря математически точной координации расписаний пароходов и поездов, путешествие вокруг света превращалось в обычную туристскую поездку. Но совсем не так предстояло путешествовать племяннику набоба из Фриско!

Для своих коммерческих операций Уильям Кольдеруп располагал целой флотилией паровых и парусных судов. Почему бы миллионеру не предоставить одно из них в распоряжение Годфри Моргана, как если бы он был принцем крови и путешествовал ради собственного удовольствия на средства подданных своего отца?

Сказано — сделано.

По приказанию Кольдерупа стали снаряжать «Dream»¹ — солидный пароход водоизмещением в шестьсот тонн, с двигателем в двести лошадиных сил, под командованием капитана Тюркота, испытанного морского волка, избородившего все океаны под всеми широтами. Отважный моряк, привыкший к торнадо, тифонам и циклонам², он из пятидесяти лет своей жизни сорок отдал навигации. Лечь в дрейф во время шторма и смело идти навстречу урагану этому храбрецу было легче, чем выдерживать «земную болезнь» в редкие недели отпуска. От вечного потряхивания на капитанском мостике он приобрел привычку постоянно раскачиваться вправо и влево, вперед и назад — это был своего рода «качечный» тик.

¹ «Dream» — мечта, сновидение (англ.).

² Торнадо, тифоны, циклоны — название сильных морских бурь с вихревым движением воздуха.

Помощник капитана, механик, четыре кочегара и двенадцать матросов вместе с боцманом — вот восемнадцать человек, составлявших экипаж «Дрима», который при спокойном ходе, то есть не более восьми миль в час, мог сойти за образцовое судно. А то, что он был не в состоянии развивать достаточную скорость во время бури, — это сушая правда. Но зато это не заливала волна — несомненное преимущество, компенсирующее тихоходность, особенно в том случае, когда некуда спешить. К тому же «Дрим» был оснащен, как шхуна, и при благоприятном ветре пятьсот квадратных ярдов парусов всегда могли облегчить работу паровой машины.

Однако не подумайте, что плавание на «Дриме» должно было стать только увеселительной прогулкой. Уильям Кольдеруп был человек достаточно практичный, чтобы не воспользоваться для своих дел переездом в пятьдесят — шестьдесят тысяч миль по всем морям земного шара. Правда, отчалить от гавани предстояло без груза, но устойчивость легко было сохранить, наполнив водобалластные отсеки, что позволило бы в случае необходимости погрузиться ниже ватерлинии, хотя бы до самой палубы. Погрузка должна была производиться в промежуточных портах, где находились торговые конторы богатого негоцианта. В этом не было ничего необычного: капитану Тюркоту и не придется понапрасну гонять судно! Фантазия Годфри Моргана не уменьшит ни на один доллар дядюшкину кассу! Вот как совершаются сделки в хороших торговых домах!

Все подробности были обговорены на долгих и секретных совещаниях между Кольдерупом и капитаном Тюркотом. Но, как видно, несложное на первый взгляд дело оказалось не таким уж легким, если капитану пришлось несколько раз навещать кабинет коммерсанта. Когда он оттуда выходил, наиболее прозорливые из домочадцев Уильяма Кольдерупа могли бы заметить, что вид у него был довольно странный: взъерошенные, растрепанные волосы словно вздымались ветром, туловище еще больше, чем обычно, раскачивалось во все стороны. Во время этих переговоров из кабинета иногда доносились раскаты громких голосов, из чего можно было заключить, что беседы носили далеко не миролюбивый характер. Капитан Тюркот, человек по природе прямой, никогда не гнул спину перед Уильямом Кольдерупом. А богач настолько любил и ценил капитана, что даже позволял ему себе противоречить.

Наконец, как будто все уладилось. Кто же уступил, Уильям Кольдеруп или Тюркот? Трудно было решить, не зная предмета споров. Но вряд ли это был капитан.

Так или иначе, после восьмидневных переговоров коммерсант и моряк, как видно, все же пришли к соглашению, несмотря на то, что Тюркот продолжал недовольно ворчать:

— Пусть меня унесут пятьсот тысяч чертей, если я когда-нибудь ожидал такой работы!

Между тем, снаряжение «Дрима» быстро продвигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море. Все было сделано наилучшим образом: подводная часть выкрашена суриком и резко отличалась коричневато-красным цветом от черной верхней части корпуса.

В порт Сан-Франциско заходит множество судов под разными флагами. Городская гавань, раскинувшаяся вдоль побережья, давно уже стала бы помехой для погрузки и выгрузки товаров, если бы инженерам не удалось возвести искусственные сооружения. В воду вбили прочные сваи из красной ели, а сверху положили дощатый настил, образующий широкую платформу в несколько квадратных миль. И хотя она заняла большую часть бухты, места еще оставалось достаточно. На стапелях для разгрузки громоздились подъемные краны и множество тюков с товарами. К стапелям в образцовом порядке, не задевая друг друга, причаливали одно за другим океанские суда и речные пароходы, клипера из всех стран и американские рыбацьи баркасы.

У одной из таких искусственных пристаней, в конце Уорф-Мишн-стрит, снаряжался по всем правилам «Дрим», уже прошедший в особом доке килевание¹.

Короче говоря, было сделано все, чтобы приготовленный для Годфри пароход мог пуститься в долгий путь: провиант и необходимые припасы были вовремя заготовлены, к оснастке не придрался бы лучший из знатоков, котел был тщательно проверен, машина и винты не оставляли желать лучшего. Для надобности экипажа и большей легкости сообщения с землей на палубу «Дрима» была установлена быстроходная и устойчивая паровая шлюпка, необходимая во время плавания.

К 10 июня все было готово. Оставалось лишь выйти в море.

Люди, поставленные капитаном Тюркотом для наблюдения за машиной и парусами, были специалистами своего дела,

¹ Килевание — ремонт подводной части судна.

и лучших найти было трудно. На нижней палубе в загонах поместили скот и птицу: агути¹, баранов, коз, петухов и кур. Кроме того, заготовили изрядное количество ящиков с отборнейшими консервами.

Что касается маршрута «Дрима», то он, вероятно, и вызвал разногласия Уильяма Кольдерупа и капитана Тюркота. Пока было только известно, что первую остановку решили сделать в Окленде, столице Новой Зеландии, если только потребность в угле или противные ветры не заставят до этого посетить какой-нибудь из тихоокеанских архипелагов или какой-нибудь китайский порт.

Впрочем, все эти подробности не имели для Годфри никакого значения с того момента, как он узнал, что путешествие состоится, и еще меньше интересовали Тартелетта, чье болезненное воображение с каждым днем все больше увеличивало предстоящие опасности.

Нужно было выполнить еще одну формальность: сняться у фотографа.

Какой жених позволит себе отправиться в кругосветное путешествие, не взяв с собой портрета своей невесты и не оставив ей своего?

Поэтому Годфри в костюме туриста предстал перед Стефенсоном, фотографом с Монтгомери-стрит. Его сопровождала Фина в строгом костюме для прогулок, доверившая солнцу запечатлеть черты своего миловидного, слегка опечаленного лица.

Обмен фотографиями был иллюзорным способом не разлучаться во время долгой разлуки. Портрет Фины должен был стоять в каюте Годфри, а портрет Годфри в комнате его невесты.

Несмотря на то, что Тартеллет не был женихом и быть им никогда не собирался, решили и его черты запечатлеть на сверхчувствительной бумаге. Но при всем своем таланте фотограф не мог получить удовлетворительного снимка. На снимке проступал какой-то смутный туман, в котором невозможно было узнать учителя танцев и изящных манер. А происходило это оттого, что во время фотографирования, не слушаясь указаний ассистентов знаменитого фотографа, Тартелетт не переставал ерзать. Испробовать другие, более быстрые методы — моментальную съемку? Бесполезно! Тартелетт заранее начинал раскачиваться, совсем как капитан «Дрима».

¹ Агути — род зайцевидных грызунов.

Пришлось отказаться от мысли увековечить черты этого замечательного человека — непоправимое несчастье для будущих поколений, если — мы, конечно, далеки от этой мысли — если Тартелетт вместо того, чтобы попасть, как он предполагал, в Старый свет, отправится на тот свет, откуда уже нет возврата.

Итак, приготовления закончились, оставалось лишь сняться с якоря. Все нужные бумаги, записи о владении кораблем, страховой полис — все было в полном порядке. Еще за два дня до этого поверенный торгового дома Уильяма Кольдерупа прислал последние подписи.

Девятого июня в особняке на Монтгомери-стрит был дан прощальный завтрак. Пили за счастливое путешествие Годфри и за его скорое возвращение.

Молодой человек был очень взволнован и даже не старался этого скрыть. Фина держалась гораздо спокойнее. Что касается Тартелетта, то он потопил свои волнения в нескольких стаканах шампанского, действие которого сказывалось на нем до самого отъезда. Он даже забыл захватить с собой карманную скрипку, и ему принесли ее в ту минуту, когда на «Дриме» уже были отданы концы.

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

— Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

— Счастливого пути! — крикнул Уильям Кольдеруп.

— А еще важнее — благополучного возвращения! — крикнул в ответ учитель танцев и изящных манер.

— Смотри, Годфри, — добавил Кольдеруп, — никогда не забывай девиза, начертанного на корме «Дрима» «*Confide, recte, agens!*»¹

— Никогда не забуду, дядя Виль! Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

Пароход отошел. С борта и с пристани махали платками до тех пор, пока с той и другой стороны можно было хоть что-нибудь разглядеть.

Вскоре «Дрим» оставил позади бухту Сан-Франциско, едва ли не самую большую в мире, затем миновал узкий канал «golden-gate»² и, наконец, очутился в водах Тихого океана, будто и в самом деле ворота за ним только что закрылись.

¹ «*Confide, recte, agens!*» — Действуй смело и верь! (лат.)

² *Golden-gate* — Золотые ворота. (англ.)

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой читателю придется познакомиться
с новым персонажем*

Путешествие благополучно началось. Впрочем, читатели охотно согласятся, что отчалить от гавани куда легче, чем возвратиться.

Учитель танцев Тартеллет любил часто повторять со свойственной ему неоспоримой логикой:

— Путешествие всегда имеет свое начало. Важнее, где и когда оно кончится.

Дверь от каюты Годфри выходила в полуют, расположенный в кормовой части «Дрима» и служивший столовой. Наш юный герой устроился со всем возможным комфортом. Портрету Фины было предоставлено место на самой светлой стене. Койка, умывальник, несколько шкафчиков для одежды и белья, рабочий стол, удобное кресло — что еще нужно путешественнику двадцати двух лет?

В таких условиях можно и двадцать два раза объехать вокруг света! Не обладал ли Годфри тем возрастом, здоровьем и хорошим настроением, которые дают человеку наилучшую практическую философию?

Ах, молодые люди, молодые люди! Путешествуйте, если можете, а если не можете... все равно путешествуйте!

А вот Тартеллетту было совсем невесело. Его каюта, находившаяся рядом с каютой Годфри, казалась ему слишком узкой, койка — невозможно жесткой, а свободное пространство в шесть ярдов явно недостаточным, чтобы проделывать там всевозможные па.

Мог ли турист подавить в нем хоть на время призвание учителя танцев и хороших манер? Нет! Оно было у него в крови и, надо думать, что даже в предсмертный час его ноги будут находиться в первой танцевальной позиции: пятки вместе, носки врозь.

Трапезы решили проводить сообща. Годфри и Тартеллет получили места друг против друга, а капитан и его помощник — на противоположных концах так называемого «качечного стола». Это ужасное наименование «качечный стол» или «стол боковой качки» не вызывало сомнений, что место учителя танцев часто будет пустовать.

Девятого июня, в день отъезда, погода стояла прекрасная. Дул легкий северо-восточный бриз. Чтобы набавить скорость, капитан Тюркот приказал поднять паруса, после чего «Дрим» перестал раскачиваться с боку на бок. А поскольку волна на-

бегала теперь сзади, меньше беспокоила и килевая качка. Лица пассажиров не изменили своего выражения: не было ни зажатых носов, ни запавших глаз, ни посиневших губ, ни бледных щек. Плавание проходило пока вполне сносно. Пароход шел в юго-западном направлении, по спокойному, только слегка пенящемуся морю, и американский берег скоро исчез за горизонтом.

В течение двух следующих дней ничего значительного не произошло. «Дрим» шел по-прежнему хорошим ходом.

Начало путешествия было благоприятным, хотя капитан Тюркот иногда проявлял беспокойство, не укрывшееся от его пассажиров. Каждый день, как только солнце переходило через меридиан, он с необыкновенной пунктуальностью определял местонахождение корабля. Затем он запирался со своим помощником в каюте, и там они долго что-то обсуждали, словно могло произойти какое-нибудь важное событие. Правда, секретные совещания ускользнули от внимания Годфри, неискушенного в делах навигации, но у некоторых матросов вызывали недоумение.

Недоумение было тем большим, что по ночам, два или три раза в течение первой недели плавания, «Дрим» без видимой причины менял курс. То, что было бы естественным для парусного судна, зависящего от атмосферных явлений, было непонятно и неестественно для парохода, который мог всегда идти по намеченному курсу, снимая паруса при неблагоприятном ветре.

Утром 12 июня на борту произошел неожиданный инцидент.

В ту минуту, когда капитан Тюркот, его помощник и Годфри как раз собирались приступить к завтраку, на палубе послышался странный шум и на пороге столовой показался боцман.

— Капитан! — обратился он к Тюркоту.

— Что случилось? — воскликнул Тюркот, бывший — как истый моряк — всегда настороже.

— На борту оказался китаец, — ответил боцман.

— Китаец?

— Да. Самый настоящий. Мы только что обнаружили его на дне трюма.

— Тысяча чертей! — вскричал Тюркот. — Бросить его в море.

— All right! — ответил боцман.

Как и многие калифорнийцы, зараженные презрением к сынам Небесной империи¹, он нашел это приказание как

¹ *Небесная империя* — название императорского Китая.

нельзя более правильным и готов был исполнить его без малейших угрызений совести.

Капитан Тюркот в сопровождении Годфри и своего помощника вышел из столовой и направился к баку.

Они увидели китайца, отбивавшегося от двух или трех матросов, которые скрутили ему руки и награждали ударами. Это был человек лет тридцати пяти — сорока, с умным лицом, щеками, лишенными всяких признаков волосяного покрова, слегка осунувшийся от шестидневного пребывания в спертom воздухе трюма. Найден он был в этом убежище только по чистой случайности.

Капитан тут же велел матросам отпустить несчастного.

— Кто ты? — спросил он.

— Сын солнца.

— Как твое имя?

— Сенг-Ву, — ответил китаец.

— Что ты здесь делаешь?

— Плыву, — спокойно ответил китаец, — и при этом не причиняю вам ни малейшего вреда.

— Верно! Ни малейшего вреда!.. А когда ты успел спрятаться в трюме? Незадолго до отхода?

— Так оно и было, капитан.

— Чтобы бесплатно прокатиться из Америки в Китай, на тот берег Тихого океана?

— Да, если вам угодно.

— А если мне это неудобно? Если я предложу тебе добраться до Китая вплавь?

— Попробую, — с улыбкой ответил китаец, — но, скорее всего, я утону по дороге.

— Ах, вот как! Сейчас я научу тебя, как экономить деньги на проезд.

И сверх меры рассерженный капитан, вероятно тут же привел бы свою угрозу в исполнение, если бы не вмешался Годфри.

— Послушайте, капитан, — обратился он к Тюркоту. — Лишний китаец на борту «Дрима» это значит одним китайцем меньше в Калифорнии. А там их достаточно...

— Даже предостаточно, — заметил немного успокоившийся Тюркот.

— Действительно, их там слишком много, — продолжал Годфри.

— Итак, за то, что этот оборванец счел нужным освободить от своего присутствия Сан-Франциско, он заслуживает

снисхождения. Давайте лучше высадим его где-нибудь поблизости от Шанхая и забудем об этом.

Говоря, что в штате Калифорния слишком много китайцев, Годфри выражал мнение большинства калифорнийцев. И в самом деле, иммиграция китайцев в Америку, учитывая, что население Китая возросло до трехсот миллионов, а население Соединенных Штатов насчитывало тридцать миллионов¹, становилась серьезной проблемой. Законодатели Западных Штатов — Калифорнии, Орегона, Невады, Юты, — и сам Конгресс были в то время озабочены массовым переселением китайцев в Америку.

В ту пору в Соединенных Штатах проживало свыше пятидесяти тысяч китайцев, не считая Калифорнии. Этот трудолюбивый народ, отличавшийся особым искусством в работах по промыванию золота, народ, который довольствуется щепоткой риса и несколькими глотками чая, легко поддавался эксплуатации, снижая заработную плату в ущерб местным рабочим. По этой причине, вопреки американской конституции, их иммиграция ограничена в Америке особым законом: китайцам отказывают в правах гражданства из опасения, чтобы они не получили голоса в Конгрессе. Относятся к ним ничуть не лучше, чем к индейцам и неграм. Их называют «зачумленными» и чаще всего поселяют в своеобразных гетто, где они стараются сохранить нравы и обычаи своей страны.

В столице Калифорнии они были оттеснены в квартал близ улицы Сакраменто, где красовались китайские вывески и традиционные фонарики. Там их можно встретить тысячами в национальных халатах с широкими рукавами, в шапках конической формы и сапогах с загнутыми носками. Чаще всего они служат в лавках, поступают в садовники или повара, работают в прачечных и даже входят в состав китайских драматических трупп.

Пора уже сообщить читателям, что Сэнг-Ву состоял в одной из таких трупп, на амплуа первого комика, если подобное амплуа вообще может быть применимо к китайскому актеру. Действительно, вид у них всегда такой серьезный, даже когда они шутят, что калифорнийский романист Брет Гарт с полным основанием мог сказать, что никогда не видел на сцене смеющимся ни одного китайского актера. По этой же причине, присутствуя на представлении китайской пьесы, он никак не мог решить, трагедия это или фарс.

Итак, Сэнг-Ву был комическим актером.

¹ Эти данные относятся ко второй половине XIX века.

Закончив сезон с большим успехом и небольшим количеством звонкой монеты, он решил еще при жизни добраться до родной страны¹. Вот почему он и проскользнул тайком в трюм парохода «Дрим».

Запасшись провизией, он, как видно, надеялся незаметно провести на судне несколько недель, а потом украдкой высадиться где-нибудь на китайском берегу.

План был вполне осуществим. Даже в худшем случае виселица ему не угрожала.

Конечно, Годфри поступил правильно, вступившись за незаконного пассажира, а капитан Тюркот, бывший в сущности не таким грозным, каким хотел выглядеть в глазах окружающих, легко отказался от своего плана выбросить Сенг-Ву за борт.

Теперь китайцу уже не было надобности забиваться в трюм, ведь и на палубе он никого не стеснял. Флегматичный, малообщительный, он особенно избегал матросов, не упускавших случая наградить его тумаками. Впрочем, Сенг-Ву был настолько худ, что от его веса на судне не могло получиться перегрузки, и, хотя он и ехал бесплатно, Уильяма Кольдерупа он не разорил ни на один цент.

Его присутствие, однако, наводило капитана Тюркота на размышления, понятные только его помощнику:

— Как бы нам не помешал этот проклятый китаец, когда дойдет до дела. Впрочем, тем хуже для него!

— Для чего он пролез на «Дрим»? — спросил помощник.

— Чтобы добраться до Шанхая, — сказал капитан. — Вот уж некстати свалился нам на голову этот сын Небесной империи!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой читатель сможет убедиться,
что Уильям Кольдеруп не напрасно
застраховал свой корабль*

В течение трех следующих дней — 13, 14 и 15 июня — барометр медленно опускался ниже обозначения «переменно». Стрелка колебалась между «дождем» или «ветром» и «бурей».

Ветер значительно посвежел при повороте к юго-западу. Для такого судна, как «Дрим», это могло быть пагубно. Паро-

¹ По китайскому обычаю, захоронение нужно производить только на родной земле и существуют специальные суда, занимающиеся перевозкой трупов. — *Прим. авт.*

ходу приходилось бороться с высокими волнами, набегавшими на него с носа. Паруса были предусмотрительно убраны; продвигаться вперед помогал только гребной винт, да и то он должен был действовать не в полную силу, во избежание резких толчков.

Годфри легко переносил и бортовую, и килевую качку, не теряя хорошего настроения и завидного аппетита. Можно было поверить, что юноша действительно любил море, чего нельзя сказать о Тартелетте.

Тартелетт моря не любил, и оно платило ему тем же. Надо было видеть несчастного учителя изящных манер, которому пришлось забыть о собственной грации знаменитого танцмейстера, который должен был выписывать вензеля вопреки всем правилам танцевального искусства! Но ему ничего не оставалось, как делать эти непосильные па: отсиживаться в каюте, подвергаясь ужасным толчкам, сотрясавшим весь пароход, было еще хуже.

— Воздуху! Воздуху! — стонал бедняга, стараясь подавить тошноту.

Начиналась боковая качка, и его швыряло от одного борта к другому.

Начиналась килевая качка, и его перекатывало от кормы к носу.

Он тщетно хватался за планширы, напрасно цеплялся за шкоты, принимая самые отчаянные с точки зрения современной хореографии позиции!

Ах, если бы он мог взлететь ввысь, как воздушный шар, чтобы не делать этих диких прыжков на вечно движущемся палубном настиле!

И зачем только сумасбродному богачу Уильяму Кольдеруну вздумалось обречь его на такие пытки!

— Долго еще будет продолжаться эта ужасная погода? — по двадцать раз в день спрашивал он у капитана Тюркога.

— Гм... Барометр пока не радует, — неизменно отвечал капитан, хмуря брови.

— А скоро ли мы приедем?

— Скоро, господин Тартелетт!.. Гм... теперь уже скоро.. Придется немного потерпеть.

— И этот океан называется Тихим! — повторял несчастный в промежутках между икотой и акробатическими упражнениями.

Надо сказать, что учитель танцев страдал не только от морской болезни, но еще и от страха, который охватывал его

при виде громадных катящихся валов, достигавших уровня палубы.

Он был подавлен грохотом машинного отделения, шумом выхлопных клапанов, выпускавших отработанный пар мощными толчками. Он с содроганием ощущал всем телом, как пароход проваливался точно в пропасть и как пробка выскакивал на водяную вершину.

— Нет, тут уж ничем не поможешь, корабль непременно опрокинется, — повторял несчастный страдалец, устремляя на своего ученика бессмысленный взгляд.

— Спокойствие, Тартелетт! — отвечал Годфри. — Кораблю положено качаться на волнах, плавать, а не тонуть. Это достаточное основание, чтобы успокоиться.

— А я не вижу оснований, — твердил Тартелетт.

И, одержимый маниакальной идеей, учитель танцев надел спасательный пояс, не расставаясь с ним ни днем, ни ночью. Всякий раз, когда море начинало успокаиваться, он изо всех сил надувал его, но, как ни старался, по-прежнему считал пояс недостаточно надутым.

Страх Тартелетта был вполне понятен. Человеку, не привыкшему к морю, разгул стихии доставляет много беспокойства, а ведь Тартелетт никогда не плавал даже по тихим водам бухты Сан-Франциско. Отсюда, естественно, и морская болезнь, и страхи при сильной качке.

А между тем погода все ухудшалась, угрожая «Дриму» шквальным ветром. Если бы пароход находился в виду берега, на это указали бы семафоры¹.

В течение всего дня корабль, сотрясаемый ужасными волнами, шел только средним ходом, чтобы не портить машину и не сломать винт, который при перемещении судна с одного уровня на другой то погружался в воду, то повисал над ней, работая вхолостую. В эти моменты лопасти поднимались выше ватерлинии и били по воздуху с риском повредить механизм. Из-под кормы «Дрима» слышались тогда как бы глухие выстрелы, и поршни двигались с такой скоростью, что механик едва успевал регулировать машину.

При этом от наблюдательности Годфри не укрылось одно странное обстоятельство, причину которого он сначала никак не мог понять: ночью пароход сотрясало меньше, чем днем. Следовало ли отсюда заключить, что ветер уменьшался после захода солнца, и потому наступало некоторое затишье?

¹ Семафоры — сигнальные приспособления, расположенные в опасных местах или указывающие приближение бури.

Различие было настолько явственно, что в ночь с 21 на 22 июня Годфри решил разобраться, в чем дело. Как раз в этот день море было особенно беспокойным, ветер еще больше усилился и казалось, что после такого длинного дня никогда не наступит ночь.

Дождавшись, однако, полночи, Годфри поднялся, оделся потеплее и вышел на палубу. Вахту нес капитан Тюркот. Он стоял на мостике, пристально вглядываясь в даль.

И тут Годфри почувствовал, что ветер хотя и не уменьшился, но натиск волн, рассекаемых форштевнем «Дрима», заметно ослабел. Подняв глаза на задернутую черным дымом трубу, он увидел, что дым отлетает не назад, а по ходу судна.

— Значит ветер переменялся,— заметил он про себя.

Очень довольный этим наблюдением, Годфри поднялся на капитанский мостик и подошел к Тюркоту.

— Капитан!— обратился он к моряку.

Тюркот, закутанный в клеенчатый плащ, не слышал его шагов и не мог скрыть удивления, увидев перед собой молодого человека.

— Это вы, мистер Годфри? Вы... На мостике...

— Да, капитан, я пришел у вас спросить...

— Но о чем?— подхватил Тюркот.

— Разве ветер не переменялся?

— Нет, мистер Годфри, к сожалению, нет... И я боюсь, как бы он не перешел в бурю.

— Однако ветер теперь сзади!

— Ветер теперь сзади... В самом деле... Ветер сзади...— повторил капитан, почему-то раздосадованный этим замечанием.— Но это помимо моей воли,— добавил он.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я хочу сказать, что для безопасности судна пришлось изменить направление и постараться уйти от бури.

— Досадно, если мы из-за этого опоздаем,— сказал Годфри.

— Да, очень досадно,— ответил капитан Тюркот,— но днем, как только море немного стихнет, я снова поверну на запад. А сейчас советую вам, мистер Годфри, вернуться в каюту. Доверьтесь мне! Постарайтесь уснуть, пока нас качает на волнах. Так вам будет спокойнее.

Годфри в знак согласия кивнул головой и бросил тревожный взгляд на небо, по которому с удивительной быстротой мчались низкие тучи. Затем, покинув мостик, он вернулся в свою каюту и тотчас же погрузился в крепкий сон.

На следующее утро, 22 июня, ветер почти не ослаб, но «Дрим», как и обещал капитан Тюркот, пошел по прежнему направлению.

Это странное плавание — днем на запад, ночью на восток — длилось еще двое суток. Постепенно барометр стал проявлять тенденцию к повышению, и колебания стали не такими резкими. Следовало ожидать, что непогода уйдет вместе с ветрами, повернувшими теперь на север.

Действительно, так и случилось.

Двадцать пятого июня около восьми часов утра, когда Годфри поднялся на палубу, легкий северо-восточный ветерок быстро прогонял по небу облака. Солнечные лучи, играя на снастях судна, отбрасывали огненные блики на всех выступах борта. Море, отсвечивавшее зеленью в глубине, искрилось на поверхности лучезарным светом. Еще не окончательно утихший ветер покрывал пеной гребни волн. Собственно говоря, это были не настоящие морские волны, а легкая морская зыбь, тихо качавшая пароход. Зыбь или волны, затишье или буря — для учителя танцев Тартелетта все было одинаково скверно. В полулежачем положении он примостился на палубе, открывая и закрывая рот, словно карп, вынутый из воды.

Помощник капитана, стоя на полюте, глядел на северо-восток в подзорную трубу.

Годфри приблизился к нему.

— Ну что, — сказал он весело, — сегодня, пожалуй, лучше, чем вчера!

— Да, мистер Годфри, — ответил помощник, — море успокоилось.

— А «Дрим» уже взял свой курс?

— Нет еще.

— Нет еще? Но почему же?

— Потому что шквальный ветер отбросил его к северо-востоку, и теперь мы должны снова проложить курс. В полдень мы произведем наблюдения, и капитан даст нам указания.

— А где же он сам? — спросил Годфри.

— Капитана нет на борту.

— Нет на борту?

— Да... ему пришлось уехать. Когда небо прояснилось, наши вахтенные заметили на востоке буруны, не обозначенные у нас на карте. Чтобы узнать расположение рифов, капитан Тюркот приказал спустить шлюпку и вместе с боцманом и тремя матросами отправился на разведку.

— Давно это было?

— Часа полтора назад.

— Как жалко, что меня не предупредили! Я бы с удовольствием к ним присоединился!

— Вы еще спали, мистер Годфри,— сказал помощник,— и капитан не хотел вас будить.

— Досадно. Но скажите, в какую сторону отправилась шлюпка?

— Туда,— показал помощник капитана,— к северо-востоку от правого борта.

— А можно их разглядеть в подзорную трубу?

— Нет, они еще слишком далеко.

— Надеюсь, они скоро вернутся?

— Им нельзя медлить,— ответил помощник,— ведь капитан должен определить месторасположение корабля, а потому ему необходимо быть на борту до полудня.

Поговорив с помощником, Годфри уселся на краю полубака и велел принести морской бинокль. Ему хотелось увидеть возвращающуюся шлюпку. Что же касается морской разведки, предпринятой капитаном Тюркотом, то это его нисколько не удивило. Конечно же, «Дрим» должен обойти подводные рифы, если они действительно окажутся.

Прошло два часа. Только в половине одиннадцатого на горизонте обозначился тонкий, как стрелка, дымок.

Очевидно, это и была паровая шлюпка с «Дрима».

Годфри, глядя в бинокль, не выпускал ее из поля зрения. Он видел, как шлюпка, словно вырастая на поверхности моря, постепенно принимала все более ясные очертания, как на светлом фоне неба все резче и резче выделялась струйка дыма, смешиваясь с облачками пара. Шлюпка быстро приближалась. Скоро ее уже можно было разглядеть невооруженным глазом, а затем — различить белую струю воды у носа и длинную пенистую борозду за кормой, расширявшуюся, как хвост у кометы.

В четверть двенадцатого капитан Тюркот причалил и взойшел на палубу «Дрима».

— Итак, капитан, какие новости? — спросил Годфри, пожимая ему руку.

— А, здравствуйте, мистер Годфри! Добрый день!

— Эти буруны действительно представляют опасность?

— Одна видимость! — ответил капитан. — Мы не обнаружили никаких рифов. Наши люди ошиблись. По правде говоря, я не очень в это поверил.

— Теперь, значит, нас уже ничто не задержит? — спросил Годфри.

— Да, теперь мы возьмем наш курс. Но прежде я должен определить координаты.

— Шлюпку можно поднять на борт?—спросил помощник.

— Нет,— ответил капитан,— она еще может понадобиться. Возьмите ее на буксир.

Приказание капитана было исполнено, и шлюпка привязана за кормой «Дрима».

Спустя сорок пять минут капитан Тюркот, с секстантом в руке, измерил высоту солнца и определил курс.

Покончив с этим делом и бросив последний взгляд на горизонт, он позвал своего помощника и увел к себе в каюту, где они довольно долго совещались.

День был прекрасный. «Дрим» мог идти своим ходом, не прибегая к помощи парусов. Ветер так ослабел, что при усиленной работе винта не смог бы их раздуть, а потому они были убраны.

Годфри блаженствовал. Плавание по тихому морю, под ясным небом вселяло в него столько бодрости, укрепляло душу и тело! Однако ничто не могло развеселить бедного Тартелетта. Хотя состояние моря и не внушало теперь непосредственных опасений, учитель танцев потерял уже всякую способность реагировать на погоду. Он заставил себя пообедать, не чувствуя ни вкуса, ни аппетита. Годфри хотел снять с него спасательный пояс, сдавливавший ему грудь, но Тартелетт решительно воспротивился. Разве не могло это соединение дерева и железа, называемое кораблем, треснуть в любую минуту?

Наступил вечер. Туман нависал густой завесой, не достигая, однако, поверхности моря. Судя по этому признаку, ночь будет непроглядно темной.

Хорошо, что хоть рифов не оказалось поблизости! Ведь капитан Тюркот сверил их расположение по карте. Впрочем, столкновения возможны всегда, особенно в такие туманные ночи.

Вскоре после захода солнца были зажжены все фонари: белый—на верху фок-мачты, на вантах—справа—зеленый, слева—красный. Если бы столкновение и произошло, то, во всяком случае, не по вине «Дрима»—утешение, впрочем, довольно слабое. Потонуть, даже при соблюдении всех морских правил,—все равно потонуть. Если кто-либо на «Дриме» приходил к такому заключению, то прежде всего, конечно, Тартелетт.

Однако этот достойный человек, перекатываясь от борта к борту и от носа к корме, добрался все-таки до своей каюты;

между тем Годфри прошел в свою. Учитель танцев — по-прежнему с сомнением, а молодой человек с надеждой спокойно провести ночь, так как «Дрим» тихо покачивался на длинной волне.

Капитан Тюркот, передав вахту помощнику, тоже отправился к себе, чтобы отдохнуть несколько часов. Все было в порядке. Судно могло держать курс даже и при тумане, оставлявшем все же достаточную видимость. Похоже на то, что туман не собирался сгущаться. Никакая опасность не угрожала.

Через двадцать минут Годфри уже крепко спал, а мучимый бессонницей Тартелетт, в одежде и со спасательным поясом, издавал протяжные вздохи.

Вдруг, около часа ночи, Годфри проснулся от ужасных криков.

Вскочив с койки, молодой человек наскоро оделся и натянул сапоги. Но не успел он выскочить из каюты, как на палубе раздались вопли: «Мы тонем! Мы тонем!»

Годфри бросился наверх. В полюте он наткнулся на бесформенную массу, в которой с трудом распознал Тартелетта.

Весь экипаж находился на палубе. Матросы мгновенно выполняли приказание капитана и помощника.

— Столкновение? — спросил Годфри.

— Не знаю... Ничего не знаю... Такой проклятый туман, — отвечал помощник. — Ясно только, что мы тонем...

— Тонем? — переспросил Годфри.

И действительно, «Дрим», очевидно наскочив на риф, медленно и неотвратно погружался.

Вода доходила уже до палубы и, без сомнения, залила уже топку и погасила огонь.

— Бросайтесь в море, мистер Годфри! — вскричал капитан. — Нельзя терять ни минуты! Корабль идет ко дну! Если вы будете медлить, вас затянет водоворот!

— А мой учитель?

— Я о нем позабочусь. Мы находимся всего в полукабельтове¹ от берега.

— А вы, капитан?

— Мой долг — покинуть корабль последним, и я остаюсь! — сказал капитан. — Быстрее! Быстрее! Дорога каждая секунда!

Годфри несколько мгновений колебался, но вода уже стала заливать палубу.

¹ Кабельтов — морская мера длины — около 200 метров.

Зная, что Годфри плавает, как рыба, капитан схватил его за плечи и толкнул в море.

И как раз вовремя! Если бы не такая тьма, можно было бы увидеть, как возле «Дрима» разверзлась водяная бездна.

Океан был спокойный, и Годфри удалось в несколько взмахов отплыть от водяной воронки, которая втянула бы его в себя, подобно Мальштрему¹.

Все это произошло за какую-нибудь минуту.

Среди криков отчаяния гасли один за другим корабельные фонари.

Сомневаться не приходилось: «Дрим» пошел ко дну...

Годфри вскоре добрался до большой высокой скалы, где и нашел укрытие от прибоя.

Напрасно взывая из крошечной тьмы, не слыша никакого ответа, не зная, где он находится, на уединенной ли скале или на вершине какого-нибудь рифа, быть может единственный, уцелевший от кораблекрушения, молодой человек стал дожидаться наступления дня.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой Годфри предается печальным
размышлениям относительно мании путешествий*

Прошло долгих три часа прежде, чем на горизонте появилось солнце. В подобных обстоятельствах часы ожидания могут показаться вечностью.

Для начала испытание было слишком суровым. Но ведь Годфри пустился в море не ради увеселительной прогулки! Отправляясь в путешествие, он прекрасно сознавал, что счастливая, спокойная жизнь остается позади и не следует ждать ничего хорошего, когда приходится преодолевать всевозможные трудности, встречающиеся на пути. Но что бы ни случилось, путешественник не должен терять мужества!

Пока что он находился в полной безопасности. Волны не достанут его на этой скале, омываемой морским прибоем. А во время прилива? «Нет, — рассудил Годфри, — кораблекрушение произошло при новолунии, когда вода достигает высшего уровня. Значит, волны меня не коснутся...»

А каково положение этой скалы? Была ли она уединенной или возвышалась над цепью рифов? Что это за берег, который капитан Тюркот разглядел во тьме? Какому он мог принадле-

¹ Мальштрем — водоворот около берегов Норвегии.

жать материку? Очевидно, во время бури, не утихавшей несколько дней, «Дрим» был отброшен со своего пути, а взять прежний курс не удалось. Конечно, так оно и было, иначе капитан Тюркот не стал бы утверждать, что в этом месте на его карте не обозначено никаких рифов. И говорил он это не далее, как два-три часа назад. Кроме того, он же сам ездил на разведку, чтобы проверить утверждение вахтенных, будто бы заметивших на востоке буруны...

Теперь-то уж было совершенно ясно, что если бы капитан Тюркот еще немного продолжил свою разведку, не случилось бы катастрофы. Но зачем возвращаться к прошлому? Чему быть, того не миновать!

Для Годфри сейчас самое важное — это вопрос жизни и смерти — выяснить, нет ли поблизости какой-нибудь земли. В какой части Тихого океана он очутился, можно будет поразмыслить потом. Как только наступит день, он должен во что бы то ни стало покинуть эту скалу, чья плоская вершина имела не более двадцати шагов в длину и ширину. Но как ее покинуть, если не окажется поблизости ни островка, ни земли? Вполне возможно, что капитана ввел в заблуждение туман, и Годфри ничего вокруг себя не увидит, кроме беспредельного моря...

Увы, он ничего не видел. Не доносилось никаких запахов, которые свидетельствовали бы о близости земли. Уши не улавливали никаких характерных звуков. Ни одна птица не рассекала крыльями темноту. Вокруг ничего не было, кроме водяной пустыни...

Годфри прекрасно сознавал, что на спасение у него один шанс из тысячи, и дело теперь шло не о том, чтобы продолжить кругосветное путешествие, а чтобы без страха глянуть в лицо смерти. Единственно, что от него зависело — терпеливо ждать наступления дня, а затем покориться судьбе, если спасение окажется невозможным, либо решиться на все, если представится этот единственный шанс из тысячи.

Рассуждая таким образом, он немного успокоился и в задумчивости сел на скалу. Держась наготове, чтобы можно было в любую минуту пуститься вплавь, он снял с себя вымокшую шерстяную куртку и отяжелевшие от воды сапоги.

Но неужели не спасся кроме него ни один человек? Неужели никто из экипажа «Дрима» не сможет добраться до земли? Страшно подумать, что всех могло затянуть в водоворот, который образуется на поверхности вокруг тонущего корабля! Последний, с кем говорил Годфри, был капитан Тюркот. Отважный моряк решил покинуть судно последним. Он же пре-

дусмотрительно толкнул Годфри за борт, когда палуба начала погружаться...

А как же все остальные: несчастный Тартелетт, на которого Годфри наткнулся, взбегая на палубу, бедный китаец, забившийся в трюм? Что с ними случилось? Неужели только ему одному удалось спастись? Но ведь на буксире была шлюпка! Не мог ли кто-нибудь из команды воспользоваться ею и покинуть тонущий корабль? Нет, скорее всего и ее затянуло водоворотом, и теперь она покоится на дне, на глубине двух или трех десятков морских саженей.

Годфри подумал, что если в этой непроглядной тьме ничего нельзя увидеть, то слышать можно не хуже, чем днем. Ничто не мешало ему среди этой тишины кричать, звать на помощь. Быть может, на его зов откликнется кто-нибудь из спутников?

И вот он стал изо всех сил кричать, чтобы быть услышанным на большом расстоянии.

Напрасно. Никто не отвечал.

Он звал на помощь, повторяя призывы по нескольку раз, поворачиваясь во все стороны.

Полное молчание.

— Один, я совсем один, — в отчаянии шептал юноша.

Никакого ответа. Даже эхо не вторило его крику. Будь поблизости утесы, скалы или высокие берега, его крики, отраженные препятствием, возвратились бы назад. Итак, либо берег на востоке от скалы был так низок, что не мог отражать звуков, либо, что более вероятно, никакой земли поблизости не было. В таком случае риф, на котором нашел убежище Годфри, расположен в море уединенно.

Вот так и прошли три долгих часа. Продрогший от холода, Годфри ходил взад и вперед по вершине скалы, стараясь согреться. Наконец, облака в зените слегка посветлели. Это было отражение первых лучей солнца.

Повернувшись в ту сторону, где могла находиться земля, Годфри пытался разглядеть, не выступит ли из темноты силуэт какого-нибудь утеса. Поднимающееся солнце должно было резко обозначить его контуры.

Но заря еще только занималась, и ничего нельзя было разглядеть. Море было окутано легким туманом, который не давал различить очертаний прибрежных скал — если, разумеется, поблизости был берег и возле берега рифы.

Да и не стоило вдаваться в иллюзии. Скорее всего буря выбросила Годфри на уединенную скалу где-то в Тихом океане. А раз так, то его ожидает скорая смерть, смерть от голода, от

жажды, или, захоти он этого, смерть в морской пучине, которая будет его последним прибежищем.

Но юноша все еще всматривался вдаль, сосредоточив в своем пристальном взгляде всю силу воли и всю свою еще не погасшую надежду.

Но вот утренний туман стал мало-помалу рассеиваться. Перед глазами Годфри постепенно начали вырисовываться камни и рифы, окружавшие его скалу, точно морские звери. Это было скопление глыб странной формы и всевозможных размеров, обращенных к западу и к востоку. Огромный утес, на вершине которого находился Годфри, выступал к западу от гряды коралловых рифов, приблизительно в тридцати морских саженях от того места, где потерпел кораблекрушение «Дрим». Море там было, по всей вероятности, очень глубоко, так как от парохода не осталось и следов. Не видно было даже верхушек мачт. Впрочем, подводные течения могли отнести корабль в другую часть моря.

Одного взгляда достаточно было Годфри, чтобы понять все. Ждать спасения с этой стороны было бесполезно. Все его внимание вскоре обратилось на полосу бурунов, постепенно выступивших из тумана. Надо заметить еще, что уровень моря был сравнительно низок, и благодаря отливу над поверхностью проступали многочисленные скалы, разделенные то обширными водяными пространствами, то маленькими проливами. Если бы они примыкали к какому-нибудь берегу, добратся до него не составило бы никакого труда.

Однако ничего похожего на берег нельзя было различить. Никаких признаков, указывающих на близость земли!

Туман между тем все больше рассеивался, расширяя поле зрения Годфри. Теперь он мог уже видеть на расстоянии полумили. Среди скал блестели песчаные отмели, покрытые водорослями. Это было несомненным признаком побережья. Значит, поблизости должен находиться либо материк, либо остров.

Действительно, восточная часть горизонта вскоре открыла взору ряд низких дюн, усеянных гранитными глыбами. Солнце выпило уже все утренние испарения, и его огненный диск медленно выплывал из воды.

— Земля! Земля! — закричал Годфри.

И, протянув к ней руки, юноша, охваченный неожиданным счастьем, опустился на колени.

И в самом деле, это была земля. Рифы образовывали в этом месте выступ наподобие южного мыса бухты не менее двух миль в окружности. Поверхность его представляла пло-

скую отмель, окаймленную маленькими дюнами, поросшими невысокой травой. Видно было, как она колыхалась от ветра.

С места, где он стоял, Годфри мог охватить взглядом все побережье.

Ограниченное с севера и с юга неровными выступами, оно было не длиннее пяти-шести миль, и, конечно, могло составлять часть какой-нибудь большой земли. Так или иначе, потерпевший кораблекрушение найдет здесь хотя бы временное прибежище.

Годфри вздохнул с облегчением. Скала, на которой он очутился, не была уединенной!

— К земле! К земле! — подбадривал он себя и прежде, чем покинуть утес, еще раз осмотрелся, окинув взглядом беспредельное море. Не заметит ли он каких-нибудь обломков кораблекрушения, следов «Дрима», кого-нибудь из оставшихся в живых?

Ничего...

Не видно было и шлюпки. Без сомнения, и ее постигла общая участь.

И тут Годфри подумал, что кто-нибудь из его спутников мог, так же, как и он, спастись на одном из рифов, и сейчас тоже ожидает наступления дня, чтобы попытаться доплыть до берега.

Но никого не было видно ни на скалах, ни на отмели. Рифы были так же пустынные, как и океан!

Но, если нет живых людей, может быть море выбросило трупы? А что если там, среди рифов, покоятся останки кого-нибудь из его спутников?

Нет, ни на одной из скал, — отчетливо выступавших из воды после отлива, никого не было — ни живого, ни мертвого.

Итак, Годфри остался в одиночестве! В борьбе с угрожающими ему опасностями он мог надеяться только на самого себя.

К чести Годфри нужно признаться, что он не пал духом. Прежде всего нужно было достичь земли, от которой его отделяло сравнительно небольшое пространство. Не долго думая, он спустился с утеса и поплыл к ближайшему рифу.

Когда расстояние между скалами было незначительным, он перепрыгивал или переходил вброд, а когда увеличивалось — снова бросался в воду. Переход по этим скользким камням, покрытым цепкими водорослями, был труден и долг. В таких условиях нужно было одолеть около четверти мили!

И вот, наконец, ловкий, проворный юноша ступил на землю, где его может быть ждала, если не скорая смерть, то

жалкое прозябание, могущее оказаться хуже смерти: голод, жажда и холод, всевозможные лишения и различные опасности. Ни ружья, чтобы подстрелить дичь, ни теплой одежды — вот в каком жалком положении он теперь находился.

Безрассудный человек! Ты хотел убедиться, способен ли противостоять трудностям! Что ж! Теперь ты сможешь проверить свои силы! Ты завидовал Робинзону? Теперь ты узнаешь, завидна ли его участь!

Вспомнилась счастливая жизнь в Сан-Франциско среди благополучной и любящей семьи, которую он покинул ради приключений, дядя Виль, невеста Фина, друзья... Несомненно, никого из них он больше никогда не увидит. При этой мысли сердце у него сжалось и, вопреки заранее принятому решению держаться стойко, на глаза навернулись слезы.

Если бы не одиночество, если бы кому-нибудь из потерпевших крушение тоже удалось добраться до этого берега! Пусть это будет не капитан Тюркот или его помощник, а любой из матросов, пусть даже учитель танцев Тартелетт! Правда, этот легкомысленный человек при сложившихся обстоятельствах был бы ему слабой опорой. Все равно! Только не быть одному! Если бы нашелся человек, который разделил бы с ним одиночество, будущее показалось бы ему не таким грозным.

Он хотел надеяться до последней минуты. Правда, на прибрежных скалах никого не оказалось, но может быть он кого-нибудь встретит, когда достигнет песчаной косы? Не исключена же возможность, что кто-нибудь добрался до берега и теперь тоже разыскивает товарищей по несчастью?

Годфри еще раз обвел взглядом местность к северу и к югу. Никого. По крайней мере, этот участок земли был необитаем — ни хижины, ни поднимающегося к небу дымка.

— Вперед! Вперед! — подбадривал себя Годфри.

И он зашагал по отмели в северном направлении, решив сначала подняться на песчаный холм, откуда открывалось более широкое пространство.

Полное безмолвие. На песке никаких следов. Только морские птицы — чайки и поморники — резвились среди скал, — единственные живые существа в этой пустыне.

Годфри шел около четверти часа, и уже начал подниматься на самый высокий склон, поросший тростником и низким кустарником, как вдруг неожиданно остановился.

В пятидесяти шагах от него, среди прибрежных рифов, лежала бесформенная вздувшаяся масса, точно труп какого-нибудь морского животного, выброшенного последней бурей.

Годфри бросился туда.

С каждым шагом сердце у него билось все сильнее. В бесформенной массе, принятой им за останки какого-то зверя, он стал различать человеческие черты.

В десяти шагах от цели Годфри остановился, как вкопанный, и закричал:

— Тартелетт!

Да, действительно, это был учитель танцев и изящных манер.

Годфри бросился к своему спутнику.

Через минуту он увидел, что надутый до предела спасательный пояс и делал Тартелетта похожим на морское чудовище. Учитель танцев лежал неподвижно. Но может быть он еще жив? Спасательный пояс должен был удерживать его на волнах, а прилив — прибить к берегу...

Годфри принялся за дело. Став на колени перед Тартелеттом, он растегнул спасательное снаряжение и с силой стал растирать бесчувственное тело. Наконец, приоткрытые губы слегка зашевелились... Юноша приложил руку к его сердцу... Оно еще билось!

Годфри окликнул его.

Тартелетт покачал головой, потом издал хриплый звук, за которым последовало несколько бессвязных слов.

Годфри схватил его за плечи и сильно потряс.

Тартелетт открыл глаза и провел левой рукой по лбу. Потом приподнял правую, чтобы убедиться, на месте ли его карманная скрипка и смычок.

— Тартелетт! Милый мой Тартелетт! — закричал Годфри, поддерживая голову учителя.

Голова с остатками всклокоченных волос едва заметно кивнула в знак одобрения.

— Это я... Я... Годфри!

— Годфри? — переспросил Тартелетт.

Потом он оглянулся, поднялся на колени, поглядел вокруг, улыбнулся и встал во весь рост... Наконец-то он почувствовал под собой надежную точку опоры! Теперь он понял, что уже нечего бояться качки: под ногами не уходящая палуба, а верная, твердая земля...

И тут учитель танцев вмиг обрел свой былой агломб, утраченный им со дня отъезда. Ноги его сами приняли правильную позицию, левая рука схватила карманную скрипку, правая взялась за смычок. Протяжный, меланхолический звук сорвался со струн, и Тартелетт произнес, улыбаясь:

— В позицию, сударыня!

Добряк думал о Фине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой доказывается, что не все прекрасно
в профессии Робинзона*

Тут учитель и ученик бросились друг другу
в объятия.

— Дорогой Годфри! — вскричал Тартелетт.

— Милый Тартелетт! — ответил Годфри.

— Наконец-то мы прибились к порту, — воскликнул учитель танцев тоном человека, пресыщенного плаванием и приключениями.

— Снимите же, наконец, ваш спасательный пояс, — посоветовал юноша. — Эта махина душит вас и мешает двигаться.

— А вы думаете, что теперь я действительно могу его снять? — спросил Тартелетт.

— Вне всякого сомнения. Затем положите вашу скрипку в футляр и отправимся на разведку.

— Не возражаю, — ответил учитель танцев. — Но, прежде всего, прошу вас, зайдите в первый попавшийся ресторан. Я умираю от голода. Десяток бутербродов и два-три стаканчика вина сразу поставят меня на ноги.

— Согласен... Зайдем в первый попавшийся... А если нам там не понравится, пойдем в другой...

— Затем, — невозмутимо продолжал Тартелетт, — спросим у кого-нибудь из прохожих, где здесь поблизости находится телеграф. Необходимо послать депешу вашему дяде Кольдерупу. Надеюсь, что этот превосходный человек не откажется выслать нам денег на обратный путь. Ведь у меня нет ни цента...

— Договорились! Зайдем в первую же телеграфную контору, а если ее поблизости не окажется, то на ближайшую почту. Итак, в дорогу, Тартелетт!

Наконец-то Тартелетт освободился от спасательного пояса, повесил его через плечо, как охотничий рог, и оба путешественника пустились в путь по направлению к окаймлявшим берег дюнам.

Встреча с Тартелеттом придала Годфри некоторую бодрость. Теперь юношу больше всего интересовало, не уцелели еще кто-нибудь с «Дримы».

Четверть часа спустя наши исследователи поднимались на дюну высотой от шестидесяти до восьмидесяти футов и уже почти достигли ее вершины. Отсюда открывалась панорама всего восточного берега, ранее скрытого от глаз неровностями почвы.

В двух или трех милях от них возвышалась вторая гряда холмов, замыкавшая линию горизонта.

К северу берег заканчивался выступом, но трудно было утверждать, соединен ли он с каким-нибудь невидимым отсюда мысом. В южной части побережье пересекала глубокая впадина, а дальше расстился океан. Итак, можно было сделать вывод, что если эта земля оказалась бы полуостровом на побережье Тихого океана, то перешеек, соединяющий ее с другой частью суши, мог находиться на севере или на юго-востоке.

Что бы там ни было, значит земля эта — не бесплодная пустыня, а обширная зеленая долина со светлыми извилистыми ручьями, покрытая густым высоким лесом. Деревья спускались вниз по холмам, как по ступеням. Поистине великолепный пейзаж!

Однако нигде не видно было домов, образующих городок, деревню или поселок. Никаких сельскохозяйственных построек, ни фермы, ни мызы. Из-за деревьев не поднимался дым, по которому легко было бы найти скрытую в чаще хижину. За деревьями не проглядывали ни купол колокольни, ни построенная на возвышенности ветряная мельница. Не видно было не только хижины, но даже шалаша или вигвама. Ничего! Нигде!

Если в этих неизвестных краях и жили человеческие существа, то только под землей, подобно троглодитам. Нигде глаз не различал ни проложенной дороги, ни дорожки, ни тропинки. Казалось, человеческая нога никогда не топтала ни камешков на этой отмели, ни травинки в этих прериях.

— Никак не пойму, где же находится город,— заметил Тартелетт, вытягиваясь на носках.

— Похоже на то, что в этой местности его и нет,— невозмутимо ответил Годфри.

— Ну, а деревня?

— Тоже нет.

— Где же мы находимся?

— Спросите что-нибудь полегче.

— Как! Вы не знаете? Но скажите, Годфри, ведь мы это скоро узнаем?

— Но от кого?

— Что же с нами будет? — вскричал Тартелетт, простирая руки к небу.

— Должно быть, мы станем Робинзонами.

При этих словах учитель танцев сделал такой прыжок, какому позавидовал бы любой клоун.

Робинзонами! Они станут Робинзонами! Потомками того Селкирка, который долгие годы провел на острове Хуан-Фернандес! Подражателями воображаемых героев Даниэля Дефо и Висса, приключениями которых они так увлекались! Жить вдали от родных и друзей, за тысячи миль от себе подобных! Влачить жалкое существование в постоянной борьбе с хищниками, быть может, даже с дикарями, если им вздумается сюда забрести! Не иметь никаких средств к жизни, даже самых необходимых орудий, ни одежды, ни оружия! Страдать от голода и жажды, быть предоставленными самим себе! Нет! Это невозможно!

— Не говорите мне, Годфри, таких ужасных вещей, — вскричал Тартелетт. — Не шутите так жестоко! Одно представление о подобной жизни способно меня убить! Ведь вы пошутили, не так ли?

— Да, милый Тартелетт, — ответил Годфри. — Успокойтесь, я пошутил! Но пока что подумаем о ночлеге.

Действительно, прежде всего нужно было найти какое-нибудь убежище — пещеру или грот, чтобы там провести ночь. Затем следовало позаботиться о пище: поискать каких-нибудь съедобных раковин, чтобы утолить голод.

Итак, Годфри и Тартелетт стали спускаться по склону дюн, в сторону рифов: Годфри — возбужденный этими поисками, Тартелетт — растерянный и недоумевающий, вне себя от ужасов, начавшихся задолго до кораблекрушения. Первый внимательно смотрел и вперед, и назад, и по сторонам, второй — неспособен был ясно видеть и в десяти шагах.

Годфри занимала одна мысль: «Если здесь нет людей, то, может быть, есть по крайней мере животные?»

Он, конечно, думал о лесной дичи, а не о диких или хищных зверях, которыми изобилует тропическая зона. С этими он не знал бы, что и делать.

Но ответить на этот вопрос помогут дальнейшие поиски.

Как бы то ни было, стаи птиц кружили над побережьем: выпи, водяные утки, кулики носились взад и вперед, оглашая воздух своими криками, словно протестуя против вторжения человека в их птичье царство.

Годфри тут же смекнул, что можно будет воспользоваться их яйцами. Раз эти птицы собирались большими стаями, значит, в соседних скалах есть множество расщелин, где они гнездятся. Кроме того, Годфри различил вдалеке несколько цапель и бекасов, что указывало на близость болота.

Итак, в пернатых здесь не было недостатка. Трудность заключалась в том, как их поймать, не имея оружия. Но пока

можно было довольствоваться яйцами в сыром или печеном виде. Впрочем, надо их еще найти, а если испечь, то как достать огня? Все эти важные вопросы с ходу решить было невозможно.

Годфри и Тартелетт спустились к рифам, над которыми кружились стаи морских птиц.

Здесь их ожидала приятная неожиданность: среди диких птиц, бегавших по песку или рывшихся в морских водорослях, выброшенных прибоем, оказалось около дюжины кур и два-три петуха американской породы. Нет, это был не обман зрения. Петухи оглашали воздух бодрым «ку-ка-ре-ку».

И еще один сюрприз: среди скал виднелись какие-то четвероногие животные. Они взобрались на дюны, где их, должно быть, привлекали зеленеющие кусты. Нет, Годфри не ошибся! Это были агути, числом не менее дюжины, пять или шесть баранов и столько же коз, которые преспокойно щипали траву.

— Глядите, Тартелетт! — вскричал юноша.

Учитель танцев посмотрел, но ничего не увидел. Бедняга был окончательно подавлен горестной ситуацией, в которой неожиданно очутился.

Годфри пришла в голову мысль, оказавшаяся справедливой. Он вдруг сообразил, что все эти животные плыли вместе с ними на «Дриме». Когда произошло кораблекрушение, куры каким-то образом добрались до рифов, а четвероногим не стоило большого труда достигнуть вплавь первых скал побережья.

— Итак, — с грустью заметил Годфри, — то, что не удалось никому из наших несчастных спутников, совершили животные, руководимые инстинктом. Из всех, кто был на «Дриме», спаслись лишь они.

— Включая сюда и нас, — наивно добавил Тартелетт.

И в самом деле, учитель танцев спасся так же инстинктивно, как и животные, без малейшего морального усилия.

Но это в данном случае значения не имело. Для обоих Робинзонов наличие на берегу нескольких животных было большим счастьем. Если пребывание на острове затянется, совсем не худо будет заняться разведением домашнего скота и устроить птичий двор.

А пока Годфри решил ограничиться теми ресурсами, которые предоставляло им побережье: яйцами морских птиц и съедобными раковинами. Вдвоем с Тартелеттом они принялись обыскивать щели между камнями и укромные места под водорослями. И не безуспешно. Вскоре они собрали довольно много моллюсков, которых можно было есть в сыром виде.

В высоких скалах, замыкавших бухту с севера, удалось найти несколько десятков утиных яиц. Еды хватило бы и на большую компанию. Измученные голодом, Годфри и Тартелетт не могли, конечно, быть слишком взыскательными.

— А где взять огонь? — спросил один.

— В самом деле, как мы его добудем? — вторил другой. Вопрос был чрезвычайно серьезным, и оба стали обследовать содержимое своих карманов.

Карманы учителя были почти пусты. Там нашлось лишь несколько запасных струн для карманной скрипки да кусок канифоли для смычка. Разве с такими предметами добудешь огонь?

У Годфри дело обстояло не лучше. Однако молодой человек с большим удовлетворением вытащил из кармана прекрасный нож в кожаном чехле, предохранявшем лезвие от воды.

Этот нож — он имел еще дополнительное маленькое лезвие, бурав, пилку и штопор — при сложившихся обстоятельствах оказался очень ценным инструментом. Ничего другого, кроме четырех рук, у них не было.

А много ли сделаешь голыми руками? К тому же руки Тартелетта способны были только играть на скрипке да еще проделывать грациозные движения.

Годфри пришел к неутешительному выводу, что может рассчитывать только на себя. Однако после зрелых размышлений, он решил, что можно будет использовать Тартелетта для добывания огня посредством быстрого трения один о другой двух кусков дерева. Несколько яиц, испеченных под горячим пеплом, вполне были бы кстати ко второму полуденному завтраку.

И вот, пока Годфри занимался опустошением птичьих гнезд, отбиваясь от их обитателей, защищавших свое будущее потомство, учитель танцев собрал валявшиеся у склона дюн обломки деревьев и снес их к подножью рифа, защищенному от морских ветров. Затем выбрал две самые сухие деревяшки, надеясь путем долгого интенсивного трения добыть огонь.

Неужели то, что с легкостью давалось диким полинезийцам, окажется не под силу учителю танцев и изящных манер, считавшему себя по умственному развитию на много голов выше любого туземца?

И вот он начал тереть куски дерева, не жалея ни рук, ни мускулов. Но, увы, ничего не получалось! То ли порода дерева была неподходящей, то ли сухость недостаточной, а, может быть, просто у него не хватало ловкости для подобной

операции. Во всяком случае, его собственная температура повысилась куда больше, чем температура деревяшек.

Когда Годфри вернулся с птичьими яйцами, учитель танцев буквально плавал в собственном поту. Он дошел до такого изнеможения, до какого едва ли его доводили когда-нибудь даже самые интенсивные хореографические упражнения!

— Ну что, не ладится? — спросил Годфри.

— Да, Годфри, ничего не выходит. И мне начинает казаться, что все эти открытия дикарей — сплошной обман, придуманный для дурачков.

— Вовсе нет, — возразил Годфри. — Надо только, как и в любом деле, иметь сноровку.

— А как же будет с яйцами?

— Есть еще другой способ их испечь, — сказал Годфри. — Яйцо привязывают к нитке, затем ее быстро вращают, а потом резко прекращают вращение. Механическая энергия может перейти в тепловую и тогда...

— Яйцо испечется?

— Да, только при быстром вращении и резкой остановке... Но как остановить вращение и не раздавить яйца? Знаете что, мой дорогой Тартелетт, не проще ли поступить вот так?

И, осторожно разбив скорлупу утиного яйца, Годфри без дальнейших околичностей проглотил содержимое.

Но на это Тартелетт уж никак не мог решиться, и ему пришлось довольствоваться одними моллюсками.

Теперь оставалось подыскать какой-нибудь грот или пещеру, чтобы было где переночевать.

— Робинсонам всегда удавалось найти для ночлега пещеру, — заметил учитель танцев. — А потом она становилась их постоянным жилищем.

— Поэтому пойдем и поищем, — ответил Годфри.

Но хотя Робинсонам это всегда удавалось, на сей раз их невольным последователям явно не повезло. Напрасно ходили они среди скал вдоль северной части бухты. Не нашлось ни пещеры, ни грота, даже никакой расщелины, которая могла бы послужить убежищем.

Тогда Годфри решил лучше уяснить себе местоположение и направился к деревьям на границе песчаной отмели.

Поднявшись по склону передних дюн, они направились к зеленеющим прериям, которые разглядели еще раньше.

По странной и одновременно счастливой случайности, за ними добровольно следовали и прочие обитатели «Дрима», спасшиеся от кораблекрушения. Должно быть, эти петухи, куры, овцы, козы агути, по-прежнему движимые инстинктами,

решили, что надо следовать за людьми. По-видимому, они неважно чувствовали себя на песчаной отмели, где не было ни достаточного количества травы, ни земляных червей.

Три четверти часа пути в полном молчании, и наши утомленные Робинзоны вышли на опушку леса. Никаких следов человека! Местность совершенно пустынна! Можно было предположить, что нога человеческая не ступала по этой земле.

Прекрасные деревья росли отдельными группами, а дальше, на расстоянии четверти мили, виднелся довольно густой лес, состоящий из разных древесных пород.

Годфри старался разыскать какое-нибудь старое дупло, чтобы укрыться в нем хотя бы на первую ночь. Но поиски оказались тщетными. Между тем, после долгой ходьбы, путники сильно проголодались. На этот раз и тому и другому пришлось насыщаться моллюсками, предусмотрительно собранными на отмели. Потом, смертельно усталые, они заснули на земле, у первого дерева, под покровом звездной ночи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой Годфри делает то,
что сделал бы на его месте каждый человек,
потерпевший кораблекрушение*

Ночь прошла без происшествий. Оба путешественника, утомленные волнениями и ходьбой, спали так безмятежно, будто занимали самую комфортабельную комнату в особняке на Монтгомери-стрит.

Утром 27 июня, при первых лучах солнца, их разбудило пение петуха.

Годфри сразу вспомнил все, что с ним приключилось, тогда как Тартелетт долго тер глаза и потягивался, прежде чем вернулся к действительности.

— Наш сегодняшний завтрак будет таким же, как и вчерашний обед? — спросил он, наконец.

— Боюсь, что да, — ответил Годфри. — Зато, надеюсь, сегодняшний обед будет удачнее.

Лицо учителя танцев выразило досаду. Где же чай и сэндвичи, которые обыкновенно приносили ему прямо в постель? Неужели он не дождется звонка к завтраку и не сможет до этого проглотить даже чашки чая?

Однако нужно было принять решение. Теперь Годфри прекрасно понимал, что все дальнейшее будет зависеть только от

него одного. На его спутника ни в чем нельзя положиться. В пустой коробке, заменявшей Тартелетту голову, не могло зародиться ни одной практической идеи. Годфри должен был думать, изобретать, решать за двоих.

И тут он подумал о своей невесте Фине, от которой так безрассудно отказался, отложив женитьбу до возвращения, о дяде Виле, которого так неосмотрительно покинул; затем, повернувшись к Тартелетту, произнес:

— Для разнообразия вот еще несколько ракушек и полдюжины яиц!

— А их никак нельзя испечь?

— Нет! — ответил Годфри. — Но что бы вы сказали, дорогой Тартелетт, если бы у нас и этого не было?

— Я сказал бы, что на нет и суда нет, — сухо ответил учитель танцев.

Пришлось довольствоваться более чем скудной трапезой.

После завтрака Годфри стал обдумывать свое положение и решил продолжить начатое накануне изучение местности. Прежде всего надо было определить, по возможности, в какой части Тихого океана произошла катастрофа с «Дримом», потом — попытаться найти ближайший на побережье населенный пункт и установить на месте, что делать дальше: телеграфировать дяде и ждать его распоряжений или сразу же уехать на родину с попутным кораблем.

Годфри рассуждал достаточно разумно: если перейти второй ряд холмов, живописные очертания которых вырисовывались из-за деревьев, то может быть удастся что-нибудь разузнать. И он решил потратить на необходимую разведку час или два, а если понадобится — всю первую половину дня.

Годфри огляделся вокруг. Петухи и куры отыскивали себе корм в высокой траве. Агути, козы и бараны паслись на лугу у кромки леса.

Чтобы удержать на одном месте домашних птиц и животных и не водить их за собой, Годфри решил оставить около них для присмотра Тартелетта. Последнему показалось даже забавным превратиться на несколько часов в пастуха. Однако он все же задал вопрос:

— А что будет со мной, Годфри, если вы погибнете?

— О, этого не бойтесь, милый Тартелетт, — успокоил его юноша. — Я только пройду через лес и сейчас же вернусь на лужайку. Только, пожалуйста, никуда не уходите.

— Не забудьте телеграфировать вашему дяде Виллю, чтобы он поскорее перевел нам сотни три-четыре долларов!

— Ну, разумеется! Я тотчас же пошлю телеграмму или, в крайнем случае, письмо, — ответил Годфри, не желая лишать Тартелетта его иллюзий хотя бы до тех пор, пока он сам не узнает толком, где они находятся и на что можно рассчитывать.

Он пожал учителю руку и углубился в чащу леса, определяя направление по солнечным лучам, которые, однако, едва пробивались сквозь густую листву. Он шел к высоким холмам, скрывавшим восточный горизонт.

Не было никаких тропинок. На земле виднелись иногда отпечатки копыт проходивших здесь четвероногих. Два или три раза Годфри даже показалось, будто в чаще промелькнуло несколько животных из породы жвачных — не то оленей, не то лосей, но, к счастью, не было заметно никаких следов хищных зверей вроде тигров или ягуаров.

Вокруг, в густой заросли деревьев, порхали сотни диких голубей, в чаще скрывались орланы и тетерева. Оглашали воздух пронзительными криками пестрые попугаи, а высоко в небе парили ягнятники с пучками щетинистых перьев под клювом, похожих на какаду. Однако ни одна из пород пернатых не была достаточно специфичной, чтобы определить, на какой широте находилась эта местность.

То же самое можно было сказать и о породах деревьев. Это были примерно те же разновидности, что и в той части Соединенных Штатов, которая включает в себя Нижнюю Калифорнию, залив Монтрей и Новую Мексику. Здесь росли земляничники¹, цветущие кусты кизила, клёны, березы, дубы, пять или шесть разновидностей магнолии и сосна, вроде той, какая встречается в Южной Каролине, а на лужайке — оливковые деревья, каштаны, кусты тамаринда, мастики и мирты — все, что можно встретить на юге умеренной зоны. Между стволами было достаточно пространства, чтобы пройти, не прибегая ни к огню, ни к топору. Легкий морской ветерок колыхал верхушки деревьев, а на земле то здесь, то там блестели солнечные блики.

Годфри, одержимый желанием побыстрее достигнуть высот, окаймлявших с востока лесную чащу, пересекал ее наискосок, не думая ни о каких предосторожностях. Определяя путь по направлению солнечных лучей, он прямо шел к своей цели и даже не замечал выпархивающих из-под ног птиц-гидов, названных так оттого, что они летят впереди путешест-

¹ *Земляничное дерево* — растение семейства вересковых. Известно 25 видов земляничников в Европе и Северной Америке.

венников. Птицы то задерживались, то отлетали назад, то снова устремлялись вперед, будто желая указать путнику дорогу. Но ничто не могло его отвлечь и, конечно, такая сосредоточенность была вполне понятна. Не пройдет и часа, как должна будет решиться его судьба! Еще немного терпения, и он узнает, легко ли отсюда добраться до первого поселка или города, есть ли здесь люди и можно ли с ними сговориться.

Размышляя о маршруте, проделанном «Дримом» за время семнадцатидневного плавания и невольных отклонений от курса, Годфри пришел к выводу, что земля эта вряд ли могла быть японским или китайским побережьем. Кроме того, солнце, всегда находившееся на юге по отношению к судну, показывало, что «Дрим» не выходил за пределы южного полушария.

За два часа пути Годфри прошел около пяти миль, иногда из-за густоты леса отклоняясь от принятого направления. Тем не менее он был уже недалеко от второй линии холмов. Деревья постепенно редели, сбивались в отдельные группы, солнце свободно просвечивало через высокие ветви. Поверхность почвы все повышалась, и вскоре начался крутой подъем.

Годфри сильно устал, но был полон решимости и не замедлял шага. Не будь такой кручи, он, не задумываясь, пустился бы бежать. Вскоре он поднялся выше зеленой полосы леса, выше самых высоких деревьев. Юноша не оглядывался назад, его глаза по-прежнему были устремлены на оголенный участок земли, видневшийся вверху, в четырех- или пятистах футах впереди. Эта вершина все еще загораживала восточную часть горизонта.

Из неровной цепи холмов выступал как бы срезанный сверху маленький конус, вознесшийся выше всей стальной гряды.

— Туда! Туда! — подбадривал себя Годфри. — Надо добраться до этой высшей точки! Гребень уже близок! Но что я оттуда увижу? Город? Деревню?.. Пустыню?..

В крайнем возбуждении он продолжал взбираться, сжимая руками грудь, чтобы успокоить биение сердца. Он сильно запыхался, но не мог позволить себе хоть немного передохнуть. До вершины оставалось не больше сотни футов! Еще несколько минут — и он у цели!

Подъем сделался еще круче и шел теперь под углом в тридцать или тридцать пять градусов. Пришлось карабкаться цепляясь и руками, и ногами. Годфри хватался за траву, за кусты мастики и миртов, росшие в изобилии до самой верхушки гребня.

Вот он сделал последнее усилие! Голова его поднялась над ровной площадкой конуса, и он упал навзничь, пожирая глазами восточную линию горизонта...

Перед ним простиралось море, сплошное море, сходящееся с небом на расстоянии приблизительно двух десятков миль.

Годфри обернулся...

Везде только море — и с запада, и с севера, и с юга — со всех сторон бесконечное море!

— Остров...

От одного этого слова можно было прийти в отчаяние. Мысль о том, что он находится на острове, до сих пор не приходила ему в голову. Но это было так! Воображаемый перешеек, который мог связать эту землю с материком, внезапно исчез. Годфри чувствовал себя, как человек, который заснул в лодке, а пробудившись, увидел себя в океане — без руля и без ветрил.

И все же Годфри быстро овладел собой. Ничего не оставалось, как смириться с положением Робинзона. В ближайшее время рассчитывать на спасение не приходилось. Нужно было надеяться только на себя, на свою находчивость и терпение.

Теперь надо было определить как можно точнее, где находится остров, открывавшийся взору со всех четырех сторон. Неправильная окружность его, по-видимому, не превышала шестидесяти миль: с юга на север он имел около двадцати миль, а с востока на запад — не более двенадцати.

Центральная часть, вплоть до гребня холмов, увенчанного плоским конусом, покрыта была сплошным лесом. Отсюда можно было сойти по откосу к самому побережью — на другую сторону острова.

Остальное пространство было занято прерией, где виднелись группы деревьев, и песчаными отмелями, над которыми громоздились скалы, образуя далеко уходящие в море мысы. Берег был прорезан несколькими заливчиками и бухтами, из которых могли укрыться по две или по три рыбачьих лодки. И только бухта, в которой потерпел крушение «Дрим», занимала от семи до восьми миль в ширину. Она походила на открытый рейд с береговой линией наподобие тупого угла. Но никакое судно не могло бы там укрыться от ветра — разве только от восточного.

Что же это был за остров? Каково его географическое положение? Относился ли он к какому-нибудь архипелагу или лежал уединенно в этой части Тихого океана?

Во всяком случае, насколько хватало глаз, вокруг не видно было никакого другого острова: ни большого, ни маленького, ни низменного, ни гористого.

Годфри еще раз приподнялся и внимательно осмотрел горизонт, но на линии, соединяющей небо с землей, по-прежнему ничего не увидел. Если с подветренной стороны и находился остров или берег материка, то где-то очень далеко.

Тогда, призвав на помощь все свои знания по географии, юноша попытался определить примерные координаты этого острова. Рассуждал он таким образом:

В течение семнадцати дней «Дрим» почти не уклонялся от направления на юго-запад. При скорости в сто пятьдесят или сто двадцать миль в сутки он должен был пройти около ста пятидесяти градусов. С другой стороны, было очевидно, что экватор он перейти не успел. Следовательно, остров или архипелаг, частью которого мог быть этот остров, находился между 160° или 170° северной широты.

Если Годфри не изменяла память, в этой части Тихого океана не было другого архипелага, кроме Сандвичевых островов¹. Но ведь по океану, вплоть до берегов Китая, рассеяно множество небольших островов. Поди, знай, на котором ты находишься!

Да, впрочем, это не имело никакого значения. При всем желании Годфри не мог отправиться на поиски другой, более гостеприимной земли.

— Ну что ж, — сказал он себе, — раз мне неизвестно его название, то пусть он называется островом Фины, в память той, которую я покинул, пускаясь бродить по свету.

Теперь надо было узнать, не населен ли остров в той части, которую Годфри еще не посетил.

С вершины конуса нельзя было заметить никаких признаков туземного населения: ни жилищ где-нибудь среди прерий, ни домиков на краю леса, ни рыбацких хижин на берегу.

Море было таким же пустынным, как и остров: ни одного корабля не появлялось в широком поле зрения, открывавшемся Годфри с вершины конуса.

Расследование было закончено, и Годфри ничего больше не оставалось, как спуститься к подножью холма и вернуться на лесную опушку, где его ожидал Тартелетт. Когда он уже приготовился к спуску, его внимание привлекла группа громадных деревьев у северного края прерии. Это были настоящие гиганты, каких ему еще не приходилось видеть до сих пор.

¹ Старое название Гавайских островов.

— Пожалуй, там стоит поселиться,— подумал он вслух.— Именно там мы и поищем подходящее место для жилья, тем более, что я, кажется, вижу отсюда ручеек. Он вытекает из центральной цепи холмов и вьется по всей долине. Нужно будет посвятить завтрашний день обследованию этой части острова...

На юге был несколько иной пейзаж. Леса и прерии занимали здесь небольшое пространство, вытесненное широким песчаным ковром, на котором кое-где попадались живописные скалы.

Но каково же было удивление Годфри, когда он вдруг заметил легкий дымок, поднимающийся из-за скал!

— Неужели там кто-нибудь из наших спутников? — вскричал он.— Нет! Это невозможно! Не могли же они со вчерашнего дня забраться так далеко, на много миль от рифа. Быть может, это рыбацкий поселок или какая-нибудь туземная деревушка?

Годфри напряженно вглядывался. В самом деле, был ли это дым, или только легкое облачко, относимое ветром к западу? Здесь можно было ошибиться. Во всяком случае, оно быстро рассеялось в воздухе и через несколько минут совсем исчезло.

Еще одна погибшая надежда!

Юноша в последний раз посмотрел на море и, окончательно убедившись, что там ничего не видно, стал спускаться по склону холма; потом углубился в чащу леса и еще через час вышел на лужайку.

Там поджидал его Тартелетт среди своего двуногого и четырехногого стада. Чем же занимался все это время учитель танцев? Все тем же: изо всех сил тер один о другой два куска дерева, стараясь добыть огонь. Работал с упорством, достойным лучшего применения.

— Ну, как? — спросил он издалека, заметив Годфри.— Удалось вам найти телеграфное отделение?

— Оно закрыто,— ответил Годфри, все еще не решаясь открыть учителю всей правды.

— Ну, а почта?

— И почта оказалась закрытой... Но сначала пообедаем... Я умираю от голода!.. Позже я вам все расскажу...

В это утро Годфри и его спутнику пришлось довольствоваться той же скудной трапезой, состоявшей из еще не иссякших запасов сырых яиц и моллюсков.

— Очень здоровый режим! — уверял Годфри Тартелетта. Однако учитель танцев придерживался другого мнения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой герои озабочены поисками убежища
и решают этот вопрос так,
как его можно было решить*

День был на исходе, и Годфри решил отложить до завтра поиски места, удобного для жилья. На настойчивые вопросы учителя о результатах разведки, он, в конце концов, должен был признаться, что они попали на остров, остров Фины, и прежде чем подумать, как отсюда выбраться, нужно обеспечить хотя бы на первое время средства к жизни.

— Остров? — воскликнул Тартелетт.

— Да... остров.

— Значит, он со всех сторон окружен морем?

— Разумеется, а как же иначе?

— Что же это за остров?

— Я уже сказал вам... Остров Фины... Конечно, вы понимаете, почему я его так назвал.

— Фи... Фи... — произнес Тартелетт с недовольной гримасой, — не вижу никакого сходства... Мисс Фина, окруженная водой!..

После этого печального разговора нашим Робинзонам ничего не оставалось, как провести вторую ночь в столь же плачевных условиях. Годфри отправился к скалистому мысу, чтобы снова завестись птичьими яйцами и раковинами. Ни на что другое пока рассчитывать не приходилось. Утолив кое-как голод, он свалился под тем же деревом и, сломленный усталостью, крепко заснул, тогда как Тартелетт все еще не мог примириться со своим новым положением и долго ворочался с боку на бок, предаваясь грустным мыслям.

На другой день, 28 июня, потерпевшие кораблекрушение встали ни свет ни заря. Скромный завтрак был таким же, как накануне. К счастью, воду из ручья удалось заменить небольшой порцией молока от одной из коз, позволившей себя подоить.

Ах, достойнейший Тартелетт! Куда девались всевозможные мятные гроги, портвейны, ликеры, хересы и коктейли, которых он, правда, не пивал, но всегда мог заказать в любом из ресторанов или баров Сан-Франциско! А теперь ему придется завидовать курам и козам, которые никогда не знавали ни спиртных, ни прохладительных напитков и лишь скромно довольствовались пресной водой! Да, он будет завидовать животным, которые живут на подножном корму, не испытывая потребности ни в вареной, ни в горячей пище! Ведь этим

счастливым достаточно корней, зерен и трав; завтрак всегда накрыт для них на зеленой скатерти.

— Итак, в путь! — скомандовал Годфри, прервав размышления Тартелетта.

И оба зашагали, сопровождаемые эскортом домашних животных, решительно не желавших от них отставать.

План Годфри состоял в том, чтобы исследовать ту часть северного берега, где он заметил вчера группу гигантских деревьев. Быть может, прилив выкинул на отмель мертвые тела кого-нибудь из экипажа «Дрима»? Предать земле покойников — его первейший долг. Не исключено, что там найдутся и какие-нибудь обломки погибшего корабля. Но встретить живого человека Годфри теперь и не надеялся. Ведь после катастрофы прошло уже тридцать шесть часов.

Первая линия дюн вскоре осталась позади. Годфри и учитель танцев достигли скалистого мыса, но он был таким же пустынным, как и накануне. Здесь они запаслись провизией, так как на северном побережье могло не оказаться ни яиц, ни раковин, а затем снова двинулись в путь, жадно всматриваясь в берег, устланный бахромой морских водорослей, выброшенных последним приливом.

Ничего! Нигде ничего!

Нельзя не согласиться с тем, что злая судьба, превратив в Робинзонов двух пассажиров «Дрима», обошлась с ними куда более жестоко, чем с их многочисленными предшественниками. Тем всегда перепадало хоть что-нибудь из корабельного имущества. Кроме предметов первой необходимости, Робинзоны могли воспользоваться даже обломками самого судна. Им доставались и съестные припасы, и орудия труда, и одежда, и оружие, словом, все необходимое для удовлетворения элементарных жизненных потребностей. Здесь же не было ничего похожего! Темной ночью корабль бесследно исчез в пучине моря, не оставив после себя ни малейших следов! Ничего не удалось спасти, не было даже спичек, которые сейчас больше всегогодились бы...

Какой-нибудь славный господин, сидя в своей уютной комнате перед пылающим камином, скажет вам с милой улыбкой:

— Но ведь нет ничего легче, как добыть огонь! Для этого существует тысяча способов! Например, два камня!.. Немного сухого мху или любой другой горючий материал! Взять хотя бы тряпицу... Да, но как ее зажечь?.. На худой конец, вместо огнива можно воспользоваться ножом... либо двумя кусками

деревя, если будете энергично тереть их друг о друга, как это делают полинезийцы!..

— Пожалуйста, что ж, попробуйте сами!

Так размышлял Годфри, продолжая свой путь. В те минуты для него не было ничего более важного. В самом деле, как он добудет огонь?

Когда-то, сидя у камина в своей уютной комнате, он рассеянно помещивал угли, читая увлекательные книжки о путешествиях, и сам думал так же, как этот славный господин, который любит давать советы. Но теперь, очутившись на необитаемом острове, он убедился, что на деле все обстоит иначе и даже добывание огня превращается в сложную проблему.

Он шагал, погруженный в свои мысли, а сзади плелся Тартелетт, взявший на себя заботу о стаде. Время от времени учитель танцев подзывал домашнюю птицу и, как настоящий пастух, подгонял следовавших за ним баранов, агути и коз.

Вдруг Годфри заметил кустарник с ветвями, усеянными маленькими яркими яблочками. Сотни таких же плодов валялись на земле у подножья дюн. Юноша вспомнил, что это так называемая манзанилла, которую охотно употребляют в пищу индейцы в некоторых местностях Калифорнии.

— Наконец-то! — воскликнул он. — Теперь у нас будет и другая пища, кроме яиц и моллюсков!

— Разве это можно есть? — спросил Тартелетт, по привычке скорчив гримасу.

— А почему бы и нет? — сказал Годфри и, срывая с веток манзаниллы спелые плоды, стал с удовольствием их поедать.

Это были дикие яблоки, довольно терпкие, но все же приятные на вкус. Учитель танцев тут же последовал примеру юноши и, кажется, остался доволен. А Годфри пришло в голову, что из этих плодов можно приготовить напиток, который, во всяком случае, будет приятнее простой воды.

Отдав дань яблокам, путники отправились дальше. Песчаные дюны скоро сменились прерией, которую пересекал маленький ручеек с проточной водой. Годфри видел его еще вчера с вершины конуса. А поодаль возвышались гигантские деревья, заинтересовавшие юношу накануне. Чтобы добраться до них, нашим путешественникам, утомленным четырехчасовым переходом, пришлось проделать не менее девяти миль. И только после полудня они достигли долины.

Уголок этот был удивительно живописен. Здесь все восхищало и радовало глаз. Можно было не колебаться относительно выбора места для жилья!

На обширном лугу, среди зарослей манзаниллы и других кустарников, вздымалось к небу десятка два гигантских деревьев: тех же родственных елям хвойных пород, что растут в лесах Калифорнии. Расположены они были полукругом, а у подножия расстился зеленый ковер. На протяжении нескольких сотен шагов он покрывал берег ручья и затем переходил в большую песчаную площадку, усеянную скалами, утесами и глыбами камней, которая с северной стороны вытягивалась длинным выступом в море.

Громадные хвойные деревья принадлежали к породе мамонтовых, или секвой. Англичане называют их веллингтониями, а американцы — вашингтониями.

Разница очевидна для всех. Однако напоминает ли их название флегматичного победителя в битве при Ватерлоо¹ или знаменитого основателя американской республики² — в том и в другом случае это самые гигантские представители растительного мира Калифорнии и Невады.

В разных частях этих штатов встречаются целые леса, состоящие из таких деревьев. Например, в Марипоза и Калавера окружность стволов иногда достигает от шестидесяти до восьмидесяти футов при высоте в триста футов, а в Иоземитской долине известно одно дерево, которое имело в обхвате не менее сотни футов. Верхние ветви этой, теперь уже поверженной секвойи достигали высоты Мюнстерского собора в Страсбурге, иначе говоря — вздымались до четырехсот футов. Упоминаются и другие феномены растительного царства. Основание ствола одной из спиленных секвой послужило для местных жителей танцевальной площадкой, где могли одновременно кружиться от восьми до десяти пар. Но настоящий гигант из гигантов, составляющий гордость штата, это «Мать леса» — старая секвойя — в пятнадцати милях от Мерфи, достигшая четырехтысячелетнего возраста. Высота этого исполина — четыреста пятьдесят два фута. Он вздымается выше собора Святого Петра в Риме, выше пирамиды Гизека, выше железной колоколенки на одной из башен Руанского собора, самого высокого здания в мире³.

¹ Веллингтон Артур (1769—1852) — английский полководец, командовал войсками в битве при Ватерлоо, в которой Наполеон потерпел поражение.

² Вашингтон Джордж (1732—1799) — американский деятель периода борьбы североамериканских колоний Англии за независимость. Первый президент США.

³ Это утверждение устарело. Более высокие здания, чем Руанский собор, появились уже через несколько лет после выхода «Школы Робинзонов».

Странный каприз природы забросил в незапамятные времена на этот остров семена гигантских деревьев. Самые большие из них были здесь высотой примерно в триста футов, самые «маленькие» — в двести пятьдесят. Некоторые из деревьев, прогнившие внутри от старости, образовали у основания гигантскую арку, через которую легко мог проехать целый отряд всадников.

Годфри был потрясен великолепием этих феноменов природы, обычно растущих на высоте трех — трех с половиной километров над уровнем моря. Он подумал даже, что ради этого бесподобного пейзажа стоило совершить такое далекое путешествие. В самом деле, с чем можно было сравнить стройные светло-коричневые колонны, которые вздымались, почти не уменьшаясь в диаметре от корня до первых разветвлений! Эти цилиндрические стволы, высотой от восьмидесяти до ста футов, переходили в огромные ветви, почти такие же толстые, как и сами стволы, образуя целый лес, висящий в воздухе.

Одна из гигантских секвой — самая большая из всех — особенно привлекала внимание Годфри. У основания ее зияло дупло шириною от четырех до пяти и высотой в десять футов, внутрь которого легко было проникнуть. Сердце гиганта исчезло, ядро древесины превратилось в мягкую белую пыль, дерево держалось только на своей толстой коре, скрепленной заболонью¹, но могло простоять еще целые века.

— За неимением пещеры или грота, — вскричал Годфри, — пусть это дупло станет нам жилищем! У нас будет деревянный дом и высоченная башня, каких не найдешь и в обжитых местах. Здесь мы сможем укрыться от непогоды. Пойдемте же, Тартелетт, пойдемте!

И схватив за руку своего спутника, юноша увлек его за собой внутрь секвойи.

Почва в диаметре не менее десяти английских футов была покрыта слоем растительной пыли. Высоту же, где закруглялся свод, мешала определить темнота. Сквозь стенки, образованные корой, не проникало ни одного луча света. Отсюда легко было заключить, что в стенках не было ни щелей, ни трещин, сквозь которые пробивался бы дождь или ветер. Итак, наши Робинзоны оказались в довольно сносных условиях, и теперь могли не бояться любой непогоды. Вряд ли какая-нибудь пещера могла быть более прочной, более сухой

¹ *Заболонь* — наружные слои древесины, отличающиеся от внутренних меньшей плотностью.

или более укрытой. Ничего не скажешь, лучшего места им было не найти!

— Ну, Тартелетт, какого вы мнения об этом естественном убежище? — спросил Годфри.

— Оно великолепно, но где камин?

— Прежде, чем говорить о камине, нужно еще добыть огня!

На этот логичный ответ возражения не последовало.

Годфри пошел знакомиться с окрестностями. Как мы уже говорили, почти вплотную к секвойям подступала прерия, образуя перед ними как бы опушку леса. Извилистый ручеек, пересекая зеленый ковер, приносил в эти удушливые места благодатную свежесть. По краям его росли кустарники различных пород: мирты, мастика, манзаниллы, которые должны были обеспечить наших Робинзонов запасом диких яблок.

Поодаль виднелись отдельные группы деревьев: дубы, буки, сикоморы, выглядевшие кустами рядом с гигантами растительного мира, которые при восходе солнца отбрасывали свою тень до самого моря. Вся прерия была покрыта зеленеющим кустарником, который Годфри решил завтра же исследовать.

Этот живописный уголок понравился не только юноше, но и домашним животным. Агути, козы и бараны охотно вступили во владение пастбищами, изобилующими травой и кореньями. Что касается кур, то они тут же стали жадно клевать зерна и червей на берегу ручья. Безмолвие этих пустынных мест нарушилось кудахтаньем, мычанием, блеянием, топотом. Жизнь заявляла свои права! Годфри вернулся к секвойям и еще раз внимательно осмотрел дерево, в котором решил поселиться. Первые ветки росли так высоко над землей, что до них невозможно было добраться, по крайней мере снаружи.

«Быть может, туда удастся влезть изнутри, если дупло простирается на такую высоту?» — подумал юноша.

В этой густой кроне, соединенной с огромным стволом многочисленными ветвями, можно было найти надежное убежище в случае опасности, да и само дупло послужило бы хорошим укрытием.

Тем временем солнце уже довольно низко опустилось над горизонтом и окончательное устройство жилища пришлось отложить на завтра.

После ужина, с десертом из диких яблок, наши путники расположились на ночлег. Что могло быть удобнее для сна, чем эта растительная пыль, покрывавшая почву в дупле внутри секвойи?

В честь дядюшки Виля, пославшего его в путешествие, Годфри решил назвать это гигантское дерево «Вильтри»¹; невзирая на то, что граждане Соединенных Штатов присвоили подобным деревьям имя одного из великих граждан американской республики.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой очень кстати разражается удар молнии

Обстоятельства сильнее нас. Годфри, прежде такой веселый, беззаботный, беспечный, все получавший от жизни, в новом положении сделался другим человеком. Его спокойное существование никогда не нарушали заботы о завтрашнем дне. В роскошном особняке на Монтгомери-стрит ни одна тревожная мысль не смущала его сна, продолжавшегося по десяти часов.

Теперь все резко изменилось. Очутившись на необитаемом острове, отрезанный от всего мира, предоставленный самому себе, вынужденный столкнуться лицом к лицу с суровой действительностью, он оказался в таких условиях, при которых растерялся бы и не такой непрактичный человек...

Прежде всего, надо было узнать, что случилось с «Дримом». Но что могли сделать два беспомощных человека,брошенные на остров, столь же незаметный в необозримом океане, как булавка в стоге сена или песчинка на дне морском? Даже неисчислимы богатства дядюшки Кольдерупа в данном случае были бессильны!

Хотя убежище вполне себя оправдывало, Годфри провел беспокойную ночь. Его мозг лихорадочно работал: мысли об утраченном прошлом, которого было до боли жаль, переплетались в мозгу с неопределенным настоящим и переносились в будущее, которое страшило больше всего! Перед этими суровыми испытаниями его ленивая прежде мысль, скованная безмятежным существованием, мало-помалу просыпалась от дремоты. Годфри твердо решил всеми силами бороться с обрушившимися на него трудностями, сделать все возможное, чтобы найти выход из создавшегося положения. Если это ему удастся, такой урок не пройдет бесследно.

Юноша встал на рассвете с намерением заняться устройством более удобного жилья. Кроме того, следовало, наконец, как-то решить вопрос с пищей и связанной с ней проблемой

¹ Will-Tree — дерево Виля. (англ.).

огня. Затем позаботиться о предметах первой необходимости — орудиях, оружии и одежде, которая в скором времени так обещает, что оба Робинзона должны будут подражать моде полинезийских островитян.

Тартелетт между тем спал крепким сном. Темнота мешала его разглядеть, но он заявлял о своем присутствии громким храпом. Бедняга, переживший кораблекрушение, оставался в свои сорок пять лет таким же легкомысленным, каким был до случайной катастрофы его ученик, и, конечно, в этих условиях он был не только бесполезен, но скорее даже обременителен. Ведь Годфри постоянно приходилось заботиться о своем учителе. Но что поделаешь? Не бросать же товарища по несчастью на произвол судьбы? Во всяком случае, это было живое существо, хотя, по правде говоря, проку от него было меньше, чем от любой дрессированной собаки, послушно исполняющей приказание своего хозяина и готовой отдать за него жизнь. Но даже с Тартелеттом, при всей его бесполезности, можно было переброситься несколькими словами, разумеется, только по пустякам, а иногда и посетовать вместе с ним на судьбу. Как-никак Годфри мог слышать человеческий голос! Все же учитель танцев был поумнее робинзонова попугая! С Тартелеттом Годфри чувствовал себя не таким одиноким, а в его положении не могло быть ничего ужаснее перспективы одиночества!

«Робинзон без Пятницы и Робинзон с Пятницей! Какое тут может быть сравнение!» — думал Годфри.

Однако в это утро, 29 июня, юноша с удовольствием остался один и прежде всего решил заняться обследованием той местности, где возвышались секвойи. Быть может, ему повезет обнаружить какие-нибудь плоды или съедобные корни, которым обрадуется, как ребенок, учитель танцев. Итак, предоставив Тартелетту спать сколько ему вздумается, Годфри пустился в путь.

Легкий туман еще окутывал берег и море, но на севере и востоке воздух уже становился прозрачным под воздействием солнечных лучей. День обещал быть прекрасным.

Срезав себе толстую палку, Годфри направился к той незнакомой ему части берега, которая мысом выдавалась в море. Пройдя около двух миль, он решил сделать привал и приступил к первому завтраку, состоявшему из великолепных устриц и других съедобных моллюсков, которые были здесь в изобилии.

— Во всяком случае, с голоду тут не умрешь, — сказал он самому себе. — Здесь десятки тысяч устриц, а такая еда не про-

тивно показана для самого изнеженного желудка! Если Тартелетт недоволен, то только потому, что он вообще не любит никаких моллюсков! Ничего, стерпится — свыкнется и даже полюбит! — утешал себя Годфри.

«Можно предположить, — думал он, — что устрицы в должном количестве не менее питательны, чем хлеб и мясо. Перевариваются они легко и вполне безопасны, конечно, если ими не злоупотреблять, как и всякой другой пищей».

Окончив завтрак, Годфри взял свою палку и пошел к юго-востоку по правому берегу ручья. Этот маршрут через прерию должен был вывести его к длинной линии кустарников, а затем к отдельным группам деревьев, которые он заметил накануне и хотел осмотреть поближе.

Юноша прошел в этом направлении еще около двух миль, ступая по густой траве, покрывавшей землю зеленым бархатистым ковром. Стаи водяных птиц с шумом летали вокруг незнакомца, вторгшегося в их владения. В прозрачной воде ручья виднелись рыбы разных пород. В этом месте ширина его была около четырех или пяти ярдов.

Наловить рыбу здесь было бы совсем нетрудно. Но как ее изжарить? Проблема по-прежнему оставалась неразрешенной!

Благополучно добравшись до первой линии кустарников, Годфри, к своей великой радости, обнаружил два вида плодов или корней, из которых одни были съедобны, правда, только в вареном виде, зато другие годились в пищу и в сыром. Эти растения — довольно распространенное средство пропитания у американских индейцев:

Первые из них, называемые «камас», произрастают на какой угодно почве, даже на столь бесплодной, где больше ничего не растет. Из этих корней, по форме напоминающих луковицу, готовят муку, богатую клейковиной и вполне питательную. Кроме того, в жареном или печеном виде камас может заменить картофель.

Другой род корнеплодов, ямс¹, хотя и не обладает такими питательными свойствами, как камас, но имеет перед ним явное преимущество: ямс можно употреблять в сыром виде.

Довольный своим открытием, Годфри не замедлил отве-
дать великолепного ямса, затем, нарвав пучок для Тартелет-
та, перебросил его через плечо и пустился в обратный путь.

¹ Ямс — растение, корни которого богаты крахмалом и используются в пищу, подобно картофелю. Растет главным образом в тропиках.

Увидев аппетитные луковицы, учитель танцев встретил молодого человека распростертыми объятиями и с такой жадностью набросился на еду, что Годфри пришлось сдерживать своего воспитателя.

— Не мешайте мне, Годфри! — взмолился Тартелетт. — Сегодня у нас есть эти корешки, а кто знает, будут ли завтра?

— И завтра, и послезавтра, в любой день и час! Стоит только пойти и нарвать их.

— Прекрасно, Годфри! Но что делать с этими камасами?

— Из камасов мы приготовим муку и хлеб, когда у нас будет огонь.

— Огонь! — воскликнул учитель танцев, сокрушенно покачивая головой. — Огонь! А как его достать?

— Пока еще не знаю, — ответил Годфри, — но так или иначе, мы его добудем!

— Увы, мой дорогой Годфри! Я впадаю в бешенство, как только подумаю, что другим людям стоит лишь чиркнуть спичкой, чтобы сразу появился огонь. Вот уж никогда не предполагал, что окажусь в таком дурацком положении! На Монтгомери-стрит достаточно попросить спичку у какого-нибудь джентльмена с сигарой во рту, и он немедленно протянет вам коробок... А здесь?

— Здесь не Сан-Франциско и не Монтгомери-стрит, дорогой Тартелетт, и на любезность прохожих рассчитывать не приходится...

— Но почему же нужно непременно печь хлеб или жарить мясо? Почему природа не устроила, чтобы мы могли питаться одним воздухом?

— Когда-нибудь дойдем и до этого, — сказал Годфри, улыбаясь.

— Вы думаете?

— Да. Ученые, во всяком случае, занимаются этим вопросом.

— Неужели? Но на чем они основываются в изысканиях этого нового вида пищи?

— На том соображении, что пищеварение и дыхание — функции близкие, а потому, вероятно, могут заменить одна другую. В тот день, когда химикам удастся достигнуть того, чтобы питательные вещества усваивались через дыхание — задача будет решена. Весь вопрос в том, как изобрести питательный воздух: если ученые добьются успеха, можно будет вдыхать свой обед вместо того, чтобы съедать его. Вот и все.

— Какая жалость, что это ценное открытие все еще не сделано! — воскликнул учитель танцев. — С каким удовольствием я вдохнул бы в себя полдюжины сандвичей и хороший бифштекс!

И предавшись сладкой мечте о воздушных обедах, Тартелетт невольно открыл рот и стал дышать полной грудью, забыв, что с грехом пополам может насытить себя и обычным способом.

Годфри вернул его к действительности.

Нужно было заняться устройством жилища в дупле секвойи: прежде всего очистить его от мусора и удалить несколько центнеров растительной пыли, в которой нога утопала по щиколотку. За два часа они едва управились с этой малоприятной работой, но зато комната теперь была немного прибрана, хоть пыль и поднималась столбом при малейшем движении.

Толстые корни секвойи, переплетающиеся на поверхности, образовали хоть и неровный, но удобный пол. В двух противоположных углах были устроены постели. Тюфяками служили высушенные на солнце пучки травы. Со временем наши Робинзоны рассчитывали изготовить необходимую мебель: деревянные кровати, скамейки и столы. Сохранившийся у Годфри прекрасный нож с пилкой и буравом в этих условиях окажет несомненную помощь. Нечего было жаловаться и на отсутствие света: он вливался волнами в широкое входное отверстие. В дурную погоду можно было есть и работать, не выходя из дупла. Если для большей безопасности придется впоследствии закрыть этот вход, Годфри рассчитывал проделать в коре секвойи одну или две скважины, которые могли бы заменить окна.

Что касается высоты свода, то без внутреннего освещения определить ее было невозможно. Во всяком случае, длинный шест — от десяти до двенадцати футов, — который Годфри поднимал над головой, не встречал никакого препятствия. Значит, «потолок» находился на неопределенной высоте. Предстояло еще установить, как далеко простирается пустота. Но заняться этим можно будет позднее — вопрос не из срочных.

Весь день незаметно прошел в работе. Годфри и Тартелетт настолько устали, что им показалось великолепным ложе из сухой травы, к счастью, заготовленной впрок в большом количестве. Но из-за нее пришлось вступить в борьбу с курами, пожелавшими устроить себе насест внутри того же дупла. Ничего не оставалось, как наломать веток и загородить ими вход, подыскав для курятника более подходящее место —

в дупле другого дерева. К счастью, ни бараны, ни козы, ни агуты не испытывали подобного искушения. Домашним животным нравилось пастись на воле, и они даже не пытались переступить установленный барьер. Забор из сухих веток кустарника не стал бы для них преградой.

Следующие дни ушли на устройство и оборудование жилища, а также на заготовку провизии. Нужно было набрать побольше яиц и моллюсков, корней ямса и плодов манзаниллы. Каждое утро приходилось совершать походы на побережье за устрицами. Все это отнимало много часов, а ведь известно, как быстро летит время, когда у человека забот полон рот.

Посуда, состоящая из нескольких двустворчатых раковин, заменявших чашки и тарелки, была вполне достаточной для той простой пищи, какую употребляли наши Робинзоны. Пока что лучшей посуды им и не требовалось. Стирка белья в ручье входила в обязанность Тартелетта, который легко справлялся с этим нехитрым делом, так как весь гардероб потерпевших кораблекрушение сводился к двум рубашкам и двум парам штанов, если не считать еще двух носовых платков и двух пар носков. Во время стирки Годфри и Тартелетт оставались в чем мать родила, но солнце было таким палящим, что белье высыхало быстро.

Так они прожили до 3 июля, не страдая ни от дождя, ни от ветра.

Жилье было вполне сносным. Ни на что лучшее и не могли рассчитывать Годфри и Тартелетт, выброшенные кораблекрушением на этот необитаемый остров.

Разумеется, нельзя было пренебрегать ни малейшими шансами на спасение. Годфри ежедневно ходил к северо-западному мысу и внимательно осматривал все открывающееся оттуда морское пространство, но ни разу не видел на горизонте ни парусного корабля, ни рыбацкого баркаса, ни дыма проходящего парохода. Очевидно, остров Фины лежал в стороне от путей торговых и пассажирских судов. Приходилось запастись терпением и дожидаться счастливого случая.

И только в редкие часы досуга Годфри, пробуждаемый Тартелеттом, возвращался к важной и до сих пор не решенной проблеме огня.

Прежде всего он попробовал подыскать что-нибудь похожее на трут — вещество, абсолютно сухое и легко воспламеняющееся. Подходящими показались ему грибные наросты, которые обычно появляются в старых дуплах. После долгой просушки они могли бы, вероятно, послужить горючим мате-

риалом. Найдя несколько таких грибов, Годфри разломал их на мелкие куски и сушил на солнечной поляне, где они лежали до тех пор, пока, в конце концов, не превратились в порошок. Затем Годфри тупым краем ножа стал высекать из камня искры, пытаясь направить их на легковоспламеняющийся материал. Но, несмотря на все его усилия, порошок не загорался.

После этого Годфри проделал такие же опыты над древесной трухой, накопившейся за много веков в дупле большой секвойи, потом над тщательно просушенной морской губкой, росшей между скалами, но ни в том, ни в другом случае ничего не получалось. Искра, высеченная из камня ударом ножа, тотчас же гасла, не воспламеняя этого заменителя трута.

От этого можно было прийти в отчаяние! До каких же пор они будут обходиться без огня? Годфри и Тартелетт с трудом уже выносили пищу, состоявшую из плодов, корней и моллюсков, и не без основания опасались желудочных заболеваний. При виде пасшихся баранов, коз и агути они, особенно учитель танцев, начинали чувствовать острый голод и пожирали глазами это живое мясо.

Так дальше продолжаться не могло!

И вдруг им на помощь пришла сама природа.

В ночь с 3 на 4 июля, после нескольких дней изнурительной жары, которую не в силах был умерить даже дувший с моря ветер, разразилась давно собиравшаяся страшная гроза.

Годфри и Тартелетт были разбужены в первом часу ночи зловещими ударами грома, сопровождавшимися ослепительными вспышками молнии. Дождя еще не было, но с минуты на минуту должен был разразиться ужасный ливень.

Годфри встал и пошел взглянуть на небо. Оно пламенело гигантским заревом, будто охваченное пожаром, и на огненном фоне проступала ажурная хвоя деревьев, напоминая четкий рисунок китайских теней.

Вдруг среди раскатов грома небесное пространство прорезал яркий и резкий зигзаг молнии. По Вильтри сверху донизу пробежала электрическая искра.

Годфри, брошенный сильным толчком на землю, поднялся на ноги среди бушующего огненного дождя: молния воспламенила сухие ветки на вершине дерева, и на землю падали раскаленные добела угли...

Годфри тут же закричал Тартелетту:

— Огонь! Огонь!

— Огонь! — подхватил Тартелетт. — Да будет благословенна молния, которая его нам принесла!

И оба они тотчас бросились к пылающим углям, часть которых уже тлела без огня, и сложили их в кучу вместе с сухими ветками, собранными тут же, у подножья дерева. Потом вернулись в свое темное жилище как раз в ту минуту, когда дождь хлынул с новой силой и потушил пожар, угрожавший верхушке Вильтри.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой Годфри снова замечает легкий дымок,
но теперь на другом конце острова*

Гроза разразилась как нельзя более кстати! Теперь нашим героям не нужно будет изощряться подобно Прометею, чтобы похитить небесный огонь. Само небо, как выразился Тартелетт, оказалось настолько любезным, что прислало им огонь вместе с молнией. Теперь остается лишь позаботиться о его сохранении!

— Нет, мы не дадим ему погаснуть! — вскричал Годфри.

— Тем более, что топлива тут вдоволь и можно будет без конца подбрасывать! — ответил Тартелетт, выражая свое удовольствие радостными возгласами.

— Верно, — ответил юноша, — но кто будет этим заниматься?

— А это уж предоставьте мне! Если понадобится, я буду бодрствовать и днем, и ночью, — сказал учитель танцев, размахивая горячей головней.

И он действительно просидел у огня до восхода солнца.

Сучьев и хвороста возле больших деревьев было в изобилии. Как только рассвело, Годфри и Тартелетт, собрав топливо в большую кучу, стали подбрасывать его в костер. Яркое пламя вспыхивало с веселым треском, пожирая новые порции горючего. Для костра было выбрано удобное место в промежутке между толстыми корнями одной из соседних секвой. Тартелетт, задыхаясь от натуги, все время раздувал костер, хотя этого совсем не требовалось — огонь и не собирался гаснуть. При этом танцмейстер принимал самые рискованные позы, следя за серым дымом, завитки которого вздымались вверх и терялись в густой листве.

Но пора было приниматься за дело! Ведь наши Робинзоны мечтали о благословенном огне совсем не для того, чтобы им любоваться или просто греть руки у костра. В жарком клима-

те в этом не было нужды. С помощью огня они получают здоровую и разнообразную пищу. Теперь можно будет покончить со скудным, достаточно надоевшим рационом. На обсуждение этого важного вопроса они потратили часть утра.

— Перво-наперво мы зажарим пару цыплят! — воскликнул Тартелетт, от вожделения пощелкивая зубами. — Затем добавим к этому окорок агути, жаркое из барашка, козью ножку, несколько куропаток или рябчиков, которые водятся в прерии, а на закуску выловим двух-трех пресноводных и несколько морских рыб.

— Не торопитесь, Тартелетт, — заметил Годфри, чье настроение заметно улучшилось от такого обильного меню. — Не стоит рисковать желудками и сразу накидываться на пищу после длительного недоедания! Кроме того, нужно приберечь кое-что и про запас! Остановимся пока на паре цыплят. Каждому по штуке. Ведь это совсем неплохо! А вместо хлеба используем корни камаса. При умелом приготовлении они вполне его могут заменить.

Этот разговор стоил жизни двум ни в чем не повинным курам, которых учитель танцев старательно ощипал, выпотрошил, насадил на вертел и зажарил на слабом огне.

А тем временем Годфри готовил корни камаса, припасенные для первого настоящего завтрака на острове Фины. Чтобы сделать их съедобными, он применил индейский способ, известный также американцам в прериях Западной Америки.

Вот что придумал Годфри.

Сначала он набрал на отмели мелких и плоских камней и бросил их в горящие угли, чтобы сильно раскалить. Быть может, Тартелетт находил, что незачем жарить камни на таком добром огне, но поскольку это не мешало приготовлению кур, он не стал выражать недовольства.

Пока камни раскалялись, Годфри наметил участок приблизительно в квадратный ярд и вырвал оттуда всю траву; затем с помощью больших раковин он сделал выемку дюймов десять глубиной, положил на дно сухих веток и зажег их; таким образом земля под ними должна была сильно нагреться.

Когда сучья прогорели, Годфри удалил пепел и принес в углубление очищенные корни камаса, прикрыл их травой, положил на нее раскаленные камни, а сверху развел новый костер.

Получилось нечто вроде хлебной печи. Довольно скоро — не прошло и получаса — все было готово.

Корни, испеченные под слоем камней и дерна, приобрели новые свойства. Теперь их можно было превратить в муку, пригодную для выпечки хлеба, либо употреблять вместо картофеля.

Мы предоставляем читателю самому вообразить, с каким восторгом наши Робинзоны уселись за завтрак, состоявший из двух жареных цыплят, которых они проглотили чуть ли не с костями, и чудесных камасов, заменивших гарнир из картофеля. Природа о них позаботилась: луг, где росли камасы, находился совсем недалеко и стоило только нагнуться, чтобы собирать их сотнями.

Покончив с завтраком, Годфри занялся приготовлением муки, которая могла очень долго сохраняться. Теперь в любую минуту легко было при желании испечь из нее хлеб.

День прошел в непрерывных трудах. Костер все время заботливо поддерживался. Особенно много топлива положили на ночь. Тем не менее Тартелетт несколько раз срывался со своего ложа, чтобы помешать угли, потом снова укладывался спать, но затем ему начинало казаться, что огонь все-таки погас, и опять он в страхе вскакивал и начинал шевелить угли. И так до самого утра.

Ночь прошла спокойно.

Треск костра и пение петуха разбудили Годфри и его спутника. Проснувшись, юноша очень удивился, почувствовав сильную струю воздуха. Это навело его на мысль, что дупло доходит до первого разветвления, а может быть, тянется еще выше, и что где-то там, наверху, образовалось отверстие.

«Отверстие непременно нужно заделать,—подумал Годфри.— Но почему же я не чувствовал тока воздуха в прошлые ночи? Неужели это произошло из-за молнии?»

И он решил внимательно осмотреть со всех сторон ствол секвойи. Обследование показало, что ударом молнии расщепило всю нижнюю часть ствола Вильтри от веток до корней. Если бы электрическая искра проникла внутрь дерева, то Годфри и Тартелетта не было бы уже в живых. Лишь благодаря счастливой случайности они избежали верной смерти.

«Во время грозы,—продолжал размышлять Годфри,—не рекомендуется спать под деревьями. Эти советы хороши для тех, кто может укрыться под надежной кровлей. Но как избежать опасности тем, кому дерево служит домом? Посмотрим!»

Он оглядел длинный след, оставленный на стволе молнией.

— По-видимому, самый сильный удар все же пришелся по верхушке, где могло образоваться отверстие, — сказал Годфри. — Но раз через него возникла тяга, значит, дерево насквозь пустое и живет только корой? Так ли это, нужно проверить!

Выбрав сосновую ветку, покрытую просочившейся смолой, он тут же зажег ее, и она загорелась ярким пламенем.

С факелом в руке, Годфри вошел в свое жилище. Темноту внезапно сменил яркий свет и теперь легко было рассмотреть, как далеко простирается дупло.

Футах в пятнадцати над землей внутри дерева образовалось нечто вроде свода. Приподняв факел, Годфри разглядывал узкое трубчатое отверстие, уходящее до самого верха. Значит, сердцевина дерева была пустой от основания до верхушки, если только местами не сохранилась еще неповрежденная древесина. В таком случае можно будет, цепляясь за эти уцелевшие куски заболони, подняться по ступеням до первого разветвления или даже еще выше.

Помышляя о будущем, Годфри решил, что ни в коем случае нельзя медлить. У него была двойная цель: прежде всего — как можно плотнее закрыть отверстие, благодаря которому дупло Вильтри, подвергаясь действию дождя и ветра, становилось непригодным для жилья; затем — разведать, нельзя ли добраться до верхних ветвей, которые послужили бы убежищем при нападении животных или дикарей. Мало ли что могло случиться?

Попытка — не пытка. Если во время подъема в этой узкой трубе встретится какое-нибудь препятствие, он всегда сможет спуститься вниз — только и всего.

Укрепив свой факел между двумя толстыми корневищами, Годфри стал взбираться по внутренним выступам еще не прогнившей древесины. Легкий, сильный и ловкий, привыкший, как все американцы, к гимнастике, он делал это без всякого напряжения и вскоре достиг узкой части отверстия. Согнувшись в дугу, Годфри полз на манер трубочиста, опасаясь, как бы дальнейшее сужение дупла не заставило его вернуться назад. Но пока еще можно было продвигаться вперед, задерживаясь на ступенчатых выступах, чтобы перевести дыхание. Через три минуты он был уже на высоте шестидесяти футов. Еще каких-нибудь двадцать футов — и он у цели!

Годфри чувствовал уже дуновение свежего воздуха и жадно вдыхал его из своего душного дупла.

Переведя дух и отряхнув труху, падавшую со стенок дуп-

ла, Годфри продолжал подниматься; между тем отверстие все больше сужалось.

Вдруг его внимание привлек подозрительный шум. В верхней части дупла слышалось царапанье, а затем раздался свист.

Годфри замер.

«Что бы это могло быть? — подумал он. — Какое-нибудь животное, укрывшееся в пустом стволе? А может быть, это змея?.. Нет! Змеи здесь не попадались... Должно быть, залетела сюда какая-нибудь птица...»

Годфри не ошибся. Продолжая подниматься, он услышал сердитый клекот и хлопанье крыльев. Очевидно, он нарушил покой какой-то ночной птицы, гнездившейся в этом дереве.

Громогласные: «Кыш! Кыш!» вспугнули незаконно вторгшееся существо, которое оказалось всего-навсего огромной галкой, не замедлившей вылететь через отверстие и скрыться в зеленой чаще Вильтри.

Через несколько минут голова Годфри показалась из того же отверстия, и вскоре он удобно устроился у начала главного разветвления секвойи, в восьмидесяти футах над землей.

Громадные ветви простирались на этой высоте наподобие настоящего леса, поддерживаемого снизу гигантским стволом. Причудливо ветвящиеся поперечные стволы образовывали непроницаемую чащу. Густая хвоя почти не пропускала света. Было такое впечатление, будто ты находишься в дремучем бору.

Годфри, хотя и не без труда, удалось, перелезая с ветки на ветку, добраться до верхушки этого феноменального дерева. Стаи птиц с криками поднимались при его приближении, перелетая на соседние деревья, намного уступавшие по высоте гиганту Вильтри.

Годфри поднимался все выше и выше — до тех пор, пока верхние ветви не стали прогибаться под его тяжестью.

С высоты, точно на рельефной карте, перед ним расстился широкий водный горизонт, окружавший остров Фины.

Годфри жадно всматривался в морскую даль. Увы, все вокруг по-прежнему оставалось пустынным!

Он мог только лишний раз убедиться, что остров лежал в стороне от торговых путей Тихого океана.

Годфри глубоко вздохнул и опустил глаза на ту землю, где судьба предназначила ему жить, вероятно, очень долго, а может быть, и до конца дней.

Но каково же было его удивление, когда он снова заметил дым, правда, на этот раз не в южной, а в северной части острова. Годфри стал пристально вглядываться.

Тонкий, темно-синий дымок спокойно струился в тихом, прозрачном воздухе.

— Нет! Двух мнений тут быть не может!— вскричал Годфри.— Я вижу дым. Но не даром же говорится— нет дыма без огня! Только откуда ему взяться? Кто мог его зажечь?..

Годфри старался точнее определить положение места, откуда поднимался дым.

Он поднимался с северо-востока, из-за высоких скал, окаймлявших берег, приблизительно в пяти милях от Вильтри. Ошибки здесь быть не могло! Чтобы добраться до этих скал, нужно было пересечь прерию по направлению к северо-востоку, а потом пройти еще по берегу... Это совсем недалеко!..

Дрожа от волнения, Годфри стал спускаться. Добравшись до нижнего разветвления, он на минутку остановился, набрал мху и хвои, затем, спустившись в отверстие, тщательно, как только мог, заткнул его. Добравшись, наконец, до земли, Годфри бросил на ходу несколько слов Тартелетту, чтобы тот не беспокоился, и быстрым шагом направился к побережью.

Сначала он шел по зеленеющей прерии, среди разбросанных групп деревьев и длинных живых изгородей из дрока, потом вдоль берега и, наконец, через два часа достиг последней цепи скал.

Напрасно искал он дымок, который отчетливо видел с верхушки дерева. Однако он не сомневался, что определил ориентиры правильно и что ошибки не могло произойти. Тогда Годфри начал поиски. Он тщательно обследовал эту часть побережья, кричал, звал... Но тщетно. Никто ему не ответил. Ни одно живое существо не появилось на отмели. Среди скал не видно было никаких следов погасшего костра или пепла сгоревших водорослей.

— Нет, я не мог ошибиться,— повторил Годфри.— Я отчетливо видел дым. Я видел. Это не обман зрения!

Оставалось предположить, что на острове существовал гейзер с горячей водой и что действие его не было постоянным.

В самом деле, разве на острове не могли быть естественные источники? В таком случае появление дыма— обычный геологический феномен.

Годфри пошел обратно. По дороге он внимательно разглядывал местность, на которую почти не обращал внимания, когда шел к берегу, движимый желанием побыстрее найти тех, кто зажег этот таинственный огонь. Несколько раз перед ним промелькнули животные из породы жвачных, среди них— вапити, называемые иначе канадскими оленями. Но мчались они

с такой быстротой, что их нельзя было даже внимательно разглядеть.

Когда Годфри к четырем часам подходил к Вильтри, до него донеслись нежные звуки карманной скрипки, а затем он увидел и самого учителя танцев. Славный Тартелетт в позе весталки бережно охранял священный огонь, который ему был поручен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Годфри находит подарок,
выброшенный морем,
и принимает его с большой радостью*

Стойко переносить лишения, когда это неизбежно — принцип практической философии, которая, правда, не вдохновляет на подвиги, но для жизни весьма полезна. Годфри решил следовать этому принципу: раз уж он очутился на необитаемом острове, то сделает все возможное, чтобы прожить как можно лучше, пока не представится случая его покинуть.

Поэтому он прежде всего занялся благоустройством жилища в дупле Вильтри. При отсутствии элементарных удобств приходилось особенно заботиться о гигиене: часто менять подстилки из травы и следить за тем, чтобы раковины, которые служили посудой, мылись не менее тщательно, чем блюда и тарелки в лучших американских ресторанах. Справедливости ради следует заметить, что Тартелетт справлялся с этой задачей безупречно. С помощью своего ножа Годфри сделал настоящий стол: вбил в землю четыре ножки и покрыл их широким плоским куском коры, затем приволок чурбаки, вполне заменившие табуретки. Таким образом, если погода мешала устраивать трапезы на открытом воздухе, обитатели Вильтри могли обедать у себя в дупле с полным комфортом.

Еще предстояло решить не менее важный вопрос — как быть с одеждой. Конечно, под этими широтами смело можно было расхаживать в легких штанах и рубаше. Но ведь такая одежда недолговечна! Чем же заменить ее, когда она совсем износится? Можно будет по примеру Робинзона Крузо сшить штаны и куртки из козьих и бараньих шкур, предварительно воспользовавшись мясом. Это вполне реально. А пока была еще старая одежда, Тартелетт с не меньшим успехом справлялся с обязанностями прачки.

Годфри же занимался хозяйством и добыванием пищи. Каждый день по несколько часов уходило у него на сбор съедобных корней и плодов манзаниллы, затем на ловлю рыбы с помощью верш, сплетенных из тростника, которые он устанавливал либо поперек ручья, либо между вдававшимися в море скалами. Но даже и при таких примитивных средствах на столе у наших героев нередко появлялись разные виды ракообразных, а иногда и крупные рыбы, не говоря уже о моллюсках, которые сами шли в руки.

Однако Годфри и Тартелетт все еще были лишены самой необходимой вещи — обыкновенного котелка, — и его ничем нельзя было заменить. Ведь без него не приготовишь ни бульона, ни вареного мяса, ни рыбы! Приходилось есть одно только жареное. Тартелетт горько жаловался, что даже забыл вкус настоящего супа. Но как ему можно было помочь?

Кроме добывания пищи у Годфри были и другие заботы. Внимательно осмотрев соседние деревья, он обнаружил еще одну исполинскую секвойю с таким же большим дуплом и решил устроить там курятник. Куры быстро привыкли к новому жилищу, исправно неслись и высиживали цыплят. По вечерам дупло тщательно закладывалось, чтобы оградить курятник от нападения хищных птиц, которые, сидя на деревьях, подстерегали добычу и легко могли уничтожить весь выводок.

Домашние животные паслись на воле и до наступления сезона дождей в крове не нуждались. Корма у них было вдоволь, и самого отборного — эспарцета¹, и сочных трав, которыми изобиловала прерия.

Несколько коз успели уже принести потомство, и теперь их нельзя было доить: молоко требовалось козлятам.

Одним словом, в окрестностях Вильтри жизнь была ключом. В часы сильного зноя домашние животные укрывались от солнца в тени секвойи. Далеко от Вильтри они не удалялись, так что Годфри мог о них не беспокоиться, да и хищные звери на острове Фины как будто не водились.

Так проходило время. Настоящее начинало казаться довольно сносным, но будущее внушало опасения. И вдруг случилось одно неожиданное событие, благодаря которому жизнь наших Робинзонов заметно скрасилась.

Это произошло 29 июля.

Годфри бродил по отмели, прилегающей к заливу, названному им в память о погибшем корабле — Дримбей². Ему хоте-

¹ Эспарцет — многолетнее кормовое растение семейства бобовых.

² *Dream-Bay* — Дримбей, бухта «Дрима» (англ.).

лось узнать, так же ли богата эта бухта моллюсками, как северная, но втайне он надеялся встретить тут какие-нибудь следы крушения «Дрима», пусть даже обломки, выброшенные прибоем.

И вот, когда он дошел до песчаного мыса, образуемого отмелью с северной стороны, его внимание вдруг привлек большой камень очень странной формы, лежащий среди водорослей и морских трав.

Необъяснимое предчувствие заставило Годфри ускорить шаг. Каково же было его удивление и радость, когда он обнаружил, что это вовсе не камень, а наполовину занесенный песком сундук!

Был ли это один из сундуков, находившихся на «Дримае»? Неужели он тут лежал с самого кораблекрушения? А может быть, это след другой, более поздней катастрофы? Трудно было ответить определенно. Во всяком случае, откуда бы он ни взялся и каково бы ни было его содержимое, от такого подарка отказываться не приходилось.

Годфри внимательно осмотрел сундук. Снаружи на нем не было ничего похожего на металлическую пластинку с именем владельца, фамилией или инициалами адресата. Такие пластинки обычно прикрепляются к чемоданам американцев. А не найдутся ли какие-нибудь указания внутри? Если окажутся бумаги, которые позволяют определить, откуда взялся сундук и кто его владелец, то можно надеяться, что эти документы, как и все остальное, будут в хорошем состоянии. Ведь сундук закрывается герметически и не должен пропускать воды! Он был крепкий, деревянный, обитый толстой кожей, с металлическими уголками и затягивался широкими толстыми ремнями.

Как ни велико было желание Годфри узнать, что находится в сундуке, он все же решил, что не стоит его взламывать, а лучше попытаться открыть. О том, чтобы перенести такую тяжесть из Дримбея в Вильтри — не могло быть и речи. Сундук был слишком громоздким.

«Хорошо, — подумал Годфри, — откроем его здесь, а потом перенесем содержимое по частям».

От этой бухты до группы секвой расстояние было не менее четырех миль. Переноска потребует много времени и будет очень утомительной. Но на отсутствие свободного времени жаловаться не приходилось, а усталость в таком деле не помеха.

«Что же все-таки в нем лежит?» — ломал себе голову Годфри.

Перед тем, как пуститься в обратный путь и порадовать учителя танцев, он решил попытаться открыть сундук.

Сначала юноша развязал ремни, затем, расстегнув пряжку, стащил с замка кожаный клапан. Теперь оставалось только отомкнуть замок. Но как?

Задача оказалась нелегкой. Что бы использовать в качестве рычага? Нож? Нет, Годфри ни за что не рискнул бы испортить свое единственное орудие, неоценимое в жизни Робинзона. Быть может, поискать камень потяжелее и сбить скобу?

Годфри так и сделал. Выбрав на отмели крепкий булыжник величиной с кулак, он ударил им изо всей силы по медной скобе.

И вдруг, оттого ли, что сломалась скоба, или замок не был заперт на ключ, к великому удовольствию Годфри, задвижка сама отскочила.

С бьющимся от волнения сердцем он поднял крышку сундука и тотчас убедился, что если бы его пришлось ломать, это стоило бы громадных усилий.

То был даже не сундук, а настоящий сейф, обитый изнутри листами цинка, предохраняющими содержимое от влаги. Следовательно, все, что там находилось, было в полной сохранности.

И что это были за вещи! При виде их Годфри не мог удержать крика радости. Без сомнения, этот сундук или сейф, как его ни назови, принадлежал очень практичному путешественнику, который, должно быть, отправлялся в такую страну, где нельзя приобрести даже самых необходимых вещей.

Прежде всего, там было белье: рубашки, полотенца, простыни и одеяла. Затем одежда: шерстяные куртки, шерстяные и нитяные носки, полотняные панталоны, бархатные брюки, трикотажные жилеты, прекрасные сюртуки, две пары ботинок, охотничьи сапоги с высокими голенищами и в придачу ко всему две фетровые шляпы.

Во-вторых, там оказались предметы, необходимые для хозяйства и туалетные принадлежности: котелок — да, да! вожделенный котелок! чайник, кофейник, несколько ложек, ножей и вилок, маленькое зеркальце, щетки всех видов, три фляги с водкой вместимостью по пятнадцать пинт¹, набор всевозможных гвоздей, лопаты, топор, молоток, долото, железные крючки.

¹ Пинта — единица объема в системе английских мер, равняется приблизительно 0,5 дм³.

В-третьих — оружие: два охотничьих ножа в кожаных футлярах, карабин, два пистонных ружья, три шестизарядных револьвера, фунтов десять пороху, несколько тысяч патронов, порядочный запас свинца и пуль — все, по-видимому, американского происхождения.

Наконец, в сундуке имелась небольшая дорожная аптечка, подзорная труба, компас, хронометр, несколько английских книг, писчая бумага, карандаш, чернила, перья, календарь, Библия нью-йоркского издания и вдобавок ко всему — «Руководство по кулинарному искусству».

Нельзя не согласиться, что в данных обстоятельствах это были неоценимые сокровища.

Годфри прыгал от радости. Если бы понадобилось специально подобрать предметы, необходимые для потерпевших кораблекрушение, трудно было бы составить более полный список.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии разложить все эти сокровища на песке и рассмотреть каждую вещь в отдельности. Но никаких бумаг, которые помогли бы установить имя владельца или название корабля, там не оказалось.

На берегу вокруг никаких других обломков кораблекрушения заметить тоже не удалось. Ни на песке, ни среди камней ничего не было видно. Должно быть, сундук довольно долго держался на воде, прежде чем прилив выбросил его на берег.

Теперь обоим жителям острова Фины надолго были обеспечены все средства к существованию. Счастливый случай подарил им орудия и необходимую одежду, оружие и домашнюю утварь.

Само собой разумеется, Годфри и помышлять не мог о том, чтобы немедленно перенести все эти богатства к Вильтри. Сделать это можно было вместе с Тартелеттом, да и то в несколько приемов. Однако следовало торопиться. Ведь в любой день мог хлынуть тропический ливень.

Уложив большую часть вещей обратно в сундук, Годфри решил захватить с собой только ружье, револьвер, немного пороху и пуль, котелок и подзорную трубу.

Затем, тщательно закрыв сундук и затянув ремни, он пустился в путь к своему жилью.

С каким восторгом встретил его час спустя Тартелетт! Как был счастлив учитель танцев, когда ученик рассказал ему о всех богатствах, найденных в сундуке! Один только котелок доставил ему такую радость, что маэстро тут же проделал це-

лую серию сногсшибательных па, завершившихся эффектным прыжком.

Было только двенадцать часов дня. Годфри решил сразу же после обеда снова отправиться в Дримбей. Ему не терпелось перенести в Вильтри все подаренные судьбой сокровища.

На этот раз Тартелетт без всяких возражений согласился отправиться вместе с ним. Теперь незачем было сторожить огонь. В любую минуту его можно было получить с помощью пороха. Но все же, для большей уверенности, учитель танцев решил оставить маленький огонек и заодно сварить на нем бульон.

В одну минуту славный Тартелетт налил в котелок воды, положил туда мясо агути и дюжину корешков ямса, заменивших овощи, всыпал щепотку соли, которую добыл из щелей в прибрежных камнях.

— Он сварится и без меня! — торжественно изрек Тартелетт, видимо, очень довольный своей идеей.

Затем оба направились в Дримбей, выбрав самый короткий путь.

Сундук стоял на прежнем месте. Осторожно откинув крышку, Годфри стал сортировать содержимое под радостные возгласы Тартелетта.

По первому заходу Годфри и Тартелетт, нагрузившись, как вьючные мулы, перенесли оружие, боеприпасы и часть одежды.

Вернувшись к Вильтри, усталые и измученные, они присели отдохнуть перед столом, на котором дымился бульон из агути. Наши герои нашли его великолепным, а что касается мяса, то, по словам учителя танцев, это была пища богов. Вот до чего могут довести лишения!

На другой день, 30 июля, Годфри и Тартелетт, поднявшись на рассвете, тут же отправились в путь и в три приема перенесли все содержимое сундука. Еще до наступления сумерек вся утварь, одежда, орудия и оружие находились в дупле Вильтри.

Наконец, 31 июля, хоть и не без труда, они перетаскили и самый сундук, который предназначался для хранения белья.

Тартелетт, теперь видевший все в розовом свете, взял карманную скрипку, подозвал своего ученика и сказал ему самым серьезным тоном, как если бы они находились на Монтгомери-стрит, в доме богача Кольдерупа:

— А что, дорогой Годфри, не возобновить ли нам уроки танцев?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой происходит то, что, по крайней мере, хоть раз должно произойти в жизни настоящего или воображаемого Робинзона

Итак, будущее становилось менее безотрад-ным. Но если Тартелетт, живя только сегодняшним днем, надеялся с помощью всех этих инструментов, орудий и ору-жия скрасить одинокое существование, то Годфри уже поду-мывал о возможности покинуть остров Фины. Нельзя ли будет построить достаточно прочное судно, чтобы добраться до ближайшей земли или встретить какой-нибудь проходящий корабль?

Но прежде чем приступить к реализации этого плана, юноша в течение нескольких недель действовал по програм-ме, намеченной Тартелеттом.

Теперь гардероб квартирантов Вильтри был в полном по-рядке, но не зная, как еще сложатся обстоятельства, они ре-шили менять одежду только по мере необходимости. Впро-чем, так решил Годфри, а Тартелетт недовольно ворчал:

— К чему такая бережливость? Мы ведь не дикари, чтобы ходить полуголыми!

— Простите меня, Тартелетт, но чем мы отличаемся от дикарей?

— Ну, это уж слишком! Вы увидите, что ко времени отъез-да у нас останется еще не ношенная одежда.

— В этом я не уверен,— возражал Годфри.— Пусть лучше будет лишнее, чем совсем ничего!

— Но по воскресеньям-то, я думаю, мы можем хоть немножечко принарядиться?

— Ну, это другое дело. По воскресеньям и в праздничные дни — пожалуйста! — отвечал Годфри, не желая слишком огорчать своего легкомысленного спутника.— Но так как сего-дня только понедельник, то впереди у нас целая неделя.

Следует сказать, что со времени своего появления на острове, Годфри аккуратно отсчитывал день за днем, и теперь, найдя в сундуке календарь, убедился, что сегодня действи-тельно был понедельник.

Теперь, когда положение несколько улучшилось, наши Робинзоны поделили между собой по способностям ежеднев-ные работы. Тартелетт, которому больше не нужно было приглядывать за огнем, без особого сожаления расстался со своими обязанностями весталки, поглощавшими все его вни-мание. На его долю выпало другое занятие, с которым он

справлялся, впрочем, с не меньшим успехом: собирание корней ямса и камаса, особенно последних, служивших, как мы знаем, для выпечки хлеба. Учителю танцев ежедневно приходилось проделывать путь до кустарников, окаймлявших прерию, что составляло не менее двух миль. Сначала он жаловался на усталость, но вскоре привык и преодолевал это расстояние без труда. В свободное время Тартелетт занимался также сбором устриц и других моллюсков, которые по-прежнему, несмотря на прибавление пищевых ресурсов, потреблялись в большом количестве.

Годфри взял на себя заботы о домашнем скоте и птице. Обязанности мясника были ему совсем не по душе, но пришлось перебороть отвращение, и теперь, благодаря его усердию, нередко подавались к столу бульон и жареное мясо. Что же касается охоты на лесную дичь, которая здесь водилась в изобилии, то Годфри решил с этим немного повременить. Когда будут выполнены первоочередные работы, он сможет бродить по лесам и с успехом использовать имеющиеся в его арсенале ружья, порох и дробь.

С помощью ниспосланных ему судьбой орудий он сколотил несколько скамеек и поставил их внутрь дупла и возле дерева. Хорошо обструганный стол также приобрел более приличный вид, вполне подходящий для настоящих тарелок и столовых приборов, которые расставлял на нем Тартелетт. Вместо кроватей были сделаны деревянные лежаки, а покрытая одеялом травяная подстилка стала больше походить на обычную постель. Кухонная утварь уже не валялась на полу: для нее была прибита полка. Кроме деревянного сундука в дупле Вильтри появился и самодельный стенной шкаф, а на больших гвоздях развесили инструменты и оружие, украсившие стены наподобие рыцарских доспехов.

Теперь Годфри задумал сделать настоящую дверь, опасаясь, как бы домашние животные не нарушали по ночам их покой. Но как он мог изготовить доски единственной ручной пилой? Поэтому вместо досок он воспользовался большими кусками древесной коры. Дверь получилась достаточно прочной и плотно закрывала вход в Вильтри. В то же время в двух противоположных частях внутренней стенки дупла Годфри прорубил два маленьких окошка и приделал к ним ставни. В комнату поступало теперь достаточно света и воздуха. На ночь ставни закрывались, а днем было так светло, что наши Робинзоны перестали зажигать факел, от которого в жилище всегда стоял сильный чад.

Каким будет освещение в длинные зимние вечера, Годфри еще не решил. Быть может, удастся изготовить несколько свечей из бараньего сала или, что гораздо проще, приспособить древесную смолу? Об этом придется подумать.

Предстояло решить и другой, не менее важный вопрос — как построить дымовую трубу. Пока стояла хорошая погода, для приготовления пищи во всех отношениях был удобен очаг, устроенный снаружи, в щели одной из секвой. Но что делать, когда начнется сезон дождей и наступят холода? Очевидно, придется разводить огонь в самом жилище, а дым — выпускать наружу. Впрочем, и с этим еще можно повременить!

Сейчас у Годфри были другие заботы. Прежде всего он занялся постройкой моста, чтобы соединить оба берега речки, протекавшей неподалеку от гигантских секвой. Ему удалось, правда не без труда, забить в песчаное русло несколько свай и настелить на них бревна. Благодаря мосту легко было теперь добираться до северного побережья кратчайшим путем, тогда как прежде приходилось делать обход в две мили вверх по течению, чтобы перейти речку вброд.

Всеми силами стараясь скрасить существование на затерянном островке Тихого океана, — на тот случай, если им придется жить здесь очень долго или даже всегда, — Годфри, однако, не терял надежды на спасение.

Теперь им было ясно, что остров Фины лежал в стороне от морских путей. На острове не было промежуточного порта, он не мог снабжать проходящие пароходы провизией. Однако мог же какой-нибудь военный или торговый корабль пройти когда-нибудь ввиду его берегов? Поэтому надо было подумать, как привлечь к себе его внимание, дать ему знать, что на острове находятся люди.

С этой целью Годфри решил поставить на вершине северного мыса мачту, а для флага пожертвовать одной из простыней, найденных в сундуке. Но так как белый флаг мог оказаться на большом расстоянии незаметным, то пришлось окрасить его соком росших у подножья дюн алых ягод. Вскоре на мачте уже развевался ярко-красный флаг. Правда, окрашен он был примитивно, без помощи стойких химикалиев, и легко мог выгореть на солнце или вылинять от дождя. Но это не беда! Его всегда можно будет перекрасить заново!

В таких работах незаметно пролетело время до 15 августа; обе недели небо было безоблачным, если не считать двух или трех сильных гроз, проливших на иссохшую землю целые потоки воды.

Теперь Годфри решил заняться охотой. Однако если сам он стрелял довольно хорошо, то никак не мог рассчитывать на Тартелетта, который никогда не брал в руки ружья.

Отныне несколько дней в неделю Годфри посвящал охоте за четвероногой и пернатой дичью, которой тут было вполне достаточно, чтобы обеспечить жителей Вильтри. Куропатки и бекасы внесли некоторое разнообразие в обычное меню. Кроме того, пулями юного охотника были убиты две антилопы, и учитель танцев, хоть и не принимал никакого участия в их добыче, с большим аппетитом уничтожал их в виде бифштексов или котлет.

Во время охоты Годфри все больше и больше знакомился с островом. Он исходил вдоль и поперек весь лес, занимавший центральную часть острова, поднимался вверх по течению речки до самого ее истока — ручейка у западного склона, снова взбирался на вершину конуса и спускался оттуда с противоположной стороны, которую еще не исследовал.

«Изо всех моих разведок, — рассуждал про себя Годфри, — можно сделать вывод, что на острове Фины нет ни хищных зверей, ни ядовитых змей, ни других пресмыкающихся! Будь они здесь, их, без сомнения, вспугнули бы ружейные выстрелы, и я бы их заметил. Нам просто посчастливилось! Не знаю, как бы мы с ними справились, если бы им вздумалось напасть на Вильтри?»

На ходу он продолжал размышлять:

«Можно также заключить, что остров Фины необитаем. Иначе туземцы или потерпевшие крушение давно бы прибежали на выстрелы. Только вот этот непонятный дым, который, как мне кажется, я видел дважды!..»

В самом деле, это было непонятно. Ведь Годфри до сих пор не обнаружил следов разведенного кем-либо костра. Что же касается теплых источников, за счет которых он пытался было объяснить появление дыма, то остров Фины, не будучи вулканическим по происхождению, едва ли мог их иметь. Очевидно, в обоих случаях это было оптической иллюзией.

Впрочем, дым больше не показывался. Годфри снова поднимался на вершину конуса, опять влезал на верхушку Вильтри, но ни разу больше не заметил никакого подобия дыма. Мало-помалу он вовсе перестал об этом думать.

За домашними работами и охотой прошло еще несколько недель. Каждый день приносил хоть какое-нибудь улучшение, делая жизнь наших Робинзонов менее однообразной.

По воскресеньям Тартелетт наряжался, как индейский петух, и прогуливался под деревьями, наигрывая на своей кар-

манной скрипке. При этом он выделял самые замысловатые па, давая уроки самому себе, так как его ученик решительно от них отказался.

— А к чему они? — отвечал Годфри на настойчивые просьбы танцмейстера. — Неужели вы можете себе представить Робинзона, берущего уроки танцев и изящных манер?

— А почему бы и нет? — серьезно возражал Тартелетт. — Разве Робинзону помешают хорошие манеры? Ведь нужны они не для других, а для себя!

Хотя Годфри и не знал, что на это ответить, он все же не сдавался, и бедный Тартелетт только зря терял время на уговоры. Тринадцатого сентября Годфри испытал самое тяжелое разочарование, какое только может испытать человек, выброшенный кораблекрушением на необитаемый остров.

В этот день, около трех часов, когда он прогуливался возле «Флагпункта» — так был назван мыс, на котором возвышалась мачта с флагом, — внимание его вдруг привлекла длинная полоска дыма на горизонте. Посмотрев в подзорную трубу, Годфри убедился, что это действительно дымок, относимый к острову западным ветром.

Сердце учащенно забилося.

— Корабль! — воскликнул юноша.

Но пройдет ли он так близко от острова Фины, чтобы заметить или услышать сигналы с берега? Неужели этот дым, едва появившись, исчезнет вместе с судном на северо- или юго-западе?

В течение двух часов Годфри находился во власти самых противоречивых чувств и мыслей.

Дым увеличивался, сгущался — очевидно, судно набирало скорость, — потом вдруг почти совсем исчез. Однако пароход заметно приближался, и к четырем часам на границе неба и моря показался корпус большого судна, шедшего на северо-восток. Годфри это точно определил. Если бы оно продолжало двигаться в этом направлении, то непременно приблизилось бы к острову Фины.

Сначала Годфри решил бежать к Вильтри и предупредить Тартелетта, но передумал. Ведь на таком расстоянии один человек, дающий сигналы, будет не менее заметен, чем двое. Поэтому он остался на месте с подзорной трубой перед глазами, боясь пропустить малейшее движение корабля.

Пароход медленно приближался к острову, хотя и не успел еще повернуться к нему носом. К пяти часам линия горизонта была уже выше его корпуса, и можно было заметить три мачты. Годфри даже разглядел цвета флага, развевавшегося на гафеле¹.

¹ *Гафель* — наклонный рей, укрепляемый нижним концом к мачте судна и служащий для крепления верхней кромки косого паруса — три-селя.

Флаг был американским.

«Но если я различаю флаг корабля,—подумал Годфри,—то и оттуда должны были заметить мой флаг, который при таком ветре, как сейчас, нетрудно увидеть в подзорную трубу! Может быть, надо им помахать, и тогда они поймут, что жители острова хотят установить с ними контакт? К делу! Нельзя терять ни минуты!»

Он подбежал к мачте и, раскачивая шест, стал размахивать флагом, как бы для приветствия, потом приспустил флаг, что у моряков означает просьбу о помощи.

Пароход приблизился еще мили на три, но флаг на борту оставался неподвижным и не отвечал на сигналы с берега.

Годфри почувствовал, как его сердце сжалось... Очевидно, его не заметили.

Шел уже седьмой час. Пароход был не более чем в двух милях от берега, когда солнце стало скрываться за горизонтом и начали сгущаться сумерки. С наступлением темноты пришлось оставить всякую надежду быть замеченными.

Годфри снова принялся поднимать и опускать свой флаг, но безуспешно...

Тогда он выстрелил несколько раз из ружья. Ответных выстрелов не последовало. Расстояние было слишком велико, да и ветер дул с моря.

Между тем опускалась ночь. Скоро нельзя будет разглядеть даже корпуса корабля. Не пройдет и часа, и он начнет удаляться от острова Фины.

В волнении Годфри стал зажигать ветки смолистых деревьев, росших позади флагпункта. Сухая сосновая хвоя скоро запылала огромным пламенем.

Но так и не дождавшись ответных сигналов с корабля, Годфри грустно поплелся в Вильтри, чувствуя, как никогда прежде, всю тяжесть одиночества.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой рассказывается об одном
неожиданном происшествии*

Эта неудача потрясла Годфри. Да как тут было не огорчаться! Когда еще может представиться подобный шанс на спасение! С таким же равнодушием будут проходить мимо острова и другие суда, если они случайно окажутся в этой части Тихого океана. К чему бы и другим кораблям по-

ступать иначе, если остров не является ни портом, ни просто надежным и нужным для них убежищем?

Годфри провел тревожную ночь, просыпаясь каждую минуту. Ему чудилось, что он слышит в море пушечные выстрелы, и он начинал надеяться, что корабль все же заметил еще не погасший огонь на берегу и отвечает на сигнал.

Годфри напрягал слуг и убеждался, что все это было только игрой больного воображения. А с наступлением дня он почти убедил себя, что никакого корабля вообще не было, что все это сон, начавшийся накануне в три часа дня.

Но нет! Он же отчетливо помнил, что пароход был в двух милях от острова и прошел мимо, не обратив внимания на сигналы.

О постигшем его разочаровании Годфри ни слова не сказал Тартелетту. Да и незачем было рассказывать! Беспечный ум учителя танцев не в состоянии был рассчитывать дальше двадцати четырех часов. Тартелетт даже не задумывался о случайностях, которые помогли бы им покинуть остров. Сан-Франциско стал постепенно стираться из его памяти. У него не осталось там ни невесты, которая дожидалась его с нетерпением, ни дяди Виля, которого он хотел бы снова увидеть. Если бы здесь, на краю света, Тартелетт мог открыть танцкласс хотя бы для одного ученика, он был бы на вершине блаженства.

Однако, не помышляя ни о каких опасностях, могущих помешать его спокойной жизни на острове, где не было ни хищных зверей, ни туземцев, танцмейстер делал большую ошибку. Скоро его оптимизму пришлось выдержать суровое испытание.

Было четыре часа пополудни. Тартелетт, как обычно, отправился собирать устриц и моллюсков на берегу близ флагпункта, но тут же прибежал обратно, испуганный, с развевающимися по ветру волосами. При этом было видно, что он боится оглянуться назад.

— Что случилось? — вскричал обеспокоенный Годфри, выбежав навстречу своему спутнику.

— Там... Там... — ответил Тартелетт, показывая пальцем на северную часть моря, видневшуюся между гигантскими секвойями.

— Что там? — спросил Годфри, уже готовый броситься к лужайке.

— Лодка!

— Лодка?

— Да... Дикари... Целая флотилия дикарей!.. Должно быть, людоеды...

Годфри посмотрел в ту сторону.

Это была, однако, не флотилия, как показалось обезумевшему от страха Тартелетту, а всего лишь небольшая лодка, тихо скользившая по морю в полумиле от берега. Казалось, она огибала флагпункт.

— Почему вы думаете, что это людоеды? — обратился Годфри к учителю танцев.

— Потому что рано или поздно, но только на острова всех Робинзонов обязательно являлись людоеды.

— Быть может, это шлюпка с торгового судна?

— С торгового судна?

— Да... С парохода, который вчера прошел близ нашего острова.

— И вы мне ничего об этом не сказали! — воскликнул Тартелетт, в отчаянии вздымая руки к небу.

— К чему было говорить, — ответил Годфри. — Ведь я решил, что судно исчезло бесследно. Но вполне возможно, что лодка спущена с этого корабля. Сейчас мы узнаем...

И сбегав в Вильтри за подозрной трубой, Годфри выбрал удобную позицию на лужайке возле деревьев. С этого наблюдательного пункта можно было отчетливо разглядеть лодку, а находившиеся в ней люди непременно должны были заметить флаг на мачте, развевавшийся на ветру.

Вдруг подозрная труба выпала из рук Годфри.

— Дикари... Да!.. Несомненно, это дикари! — вскричал он.

Тартелетт почувствовал дрожь в ногах и затрясся всем телом.

В самом деле, в лодке сидели люди не европейского типа, и направлялись они прямо к острову. Построенная на манер полинезийской пироги, лодка шла под большим парусом из плетеного бамбука...

Годфри ясно различал форму пироги. Это была так называемая «прао», из чего можно было заключить, что остров Фины находился недалеко от Малайского архипелага. Но в пироге сидели не малайцы, а чернокожие полуголые люди. Их было не менее десяти.

Конечно, они не могли не заметить признаков наличия на острове обитателей Вильтри, так легкомысленно поднявших свой флаг, на который, правда, не обратили внимания на корабле. Спускать флаг уже не имело никакого смысла.

Ничего не скажешь, положение не из приятных! По-видимому, эти люди прибыли сюда с каких-нибудь ближайших

островов, нисколько не сомневаясь в том, что этот островок необитаем,— таким он и был до катастрофы с «Дримом». Но теперь реявший по ветру флаг указывал на присутствие людей... Следовательно, надо было придумать, как укрыться от незваных гостей, если они пристанут к берегу.

Годфри не мог прийти ни к какому решению. Во всяком случае сначала нужно было выяснить, каковы намерения туземцев.

С помощью подзорной трубы он продолжал следить за лодкой. Сначала она прошла вдоль мыса, потом обогнула его и появилась с другой стороны. И, наконец, пристала к устью речки, милях в двух от Вильтри.

Следовательно, если бы аборигенам вздумалось подняться вверх по течению, они очень скоро достигли бы группы секвой и помешать их продвижению было бы невозможно.

Годфри и Тартелетт, не мешкая, вернулись к Вильтри. Прежде всего, надо было принять срочные меры, чтобы скрыть, по возможности, следы своего пребывания и приготовиться к защите. Этим всецело был поглощен Годфри. Что же касается Тартелетта, то его мысль работала совсем в другом направлении.

«Ах! — повторял он про себя. — Какая печальная участь! И ее нельзя избежать! Как может Робинзон ни разу не повстречаться с пирогой людоедов! В один прекрасный день они должны непременно высадиться на острове! И вот... Не прошло и трех месяцев, а они тут как тут! Действительно, ни господин Дефо, ни господин Висс ни на йоту не отступали от правды. Вот и делайтесь после этого Робинзоном!»

Достойный Тартелетт! Робинзоном не делаются, а становятся! Но вы были недалеки от истины, когда сравнивали свое положение с положением героев английского и швейцарского романистов.

Вернувшись в Вильтри, Годфри тотчас же принял меры предосторожности: погасил огонь внутри секвойи, дупло которой служило им местом для очага, и разбросал золу, чтобы не осталось никаких следов костра; заложил кустарником вход в курятник, где куры, петухи и цыплята уже устроились на ночь; скот, за неимением стойла, угнал в прерию, а орудия и домашнюю утварь перенес в жилище, чтобы ничто не указывало на присутствие человека. Покончив со всем этим, Годфри вошел вместе с Тартелеттом в дупло Вильтри и плотно закрыл за собой дверь. Сделанная из коры секвойи, она была не очень заметна даже и вблизи, так как по цвету не отличалась от дерева. Оба окошка столь же плотно закрывались

ставнями. И вот, наконец, Вильтри погрузилось в полный мрак.

Какой бесконечно длинной показалась им эта ночь! Годфри и Тартелетт прислушивались к малейшему шороху. Шум упавшей ветки или порыв ветра приводили их в трепет. Им слышались чьи-то шаги, им казалось, что вокруг Вильтри кто-то ходит. Кончилось тем, что Годфри, поднявшись к одному из окошек, приоткрыл ставни и стал со страхом вглядываться в темноту.

Нет, никого не было!..

А потом он услышал шаги. На этот раз слух не мог его обмануть. Он поглядел еще раз и увидел, что под деревом бродит коза.

Между тем решение уже было принято. Если аборигенам удастся обнаружить их жилище внутри большой секвойи, они с Тартелеттом поднимутся по внутренней трубе дерева до верхних ветвей и оттуда окажут сопротивление туземцам. С ружьями, револьверами и боеприпасами они, может быть, даже одержат победу над дюжиной дикарей, лишенных огнестрельного оружия. Если те задумают стрелять снизу из лука, нападение можно будет отразить ружейными выстрелами. А если они взломают дверь — помещать им подняться по узкому внутреннему дуплу до верхних ветвей тоже будет нетрудно.

Но об этой опасности Годфри не стал рассказывать Тартелетту. Бедняга и так был порядочно напуган прибытием дикарей; мысль о возможном переселении на верхушку дерева его не слишком обрадовала бы. Годфри решил в случае необходимости увлечь за собой учителя танцев, — даже силой, не дав ему времени на размышление.

Ночь прошла в непрерывном чередовании надежд и опасений. Однако на Вильтри никто не пытался нападать. Быть может, дикари не дошли еще до группы больших секвой? Быть может, они ожидают наступления дня, чтобы отправиться в глубь острова?

— Вероятно, так они и сделают, — произнес Годфри. — Ведь флаг показывает, что на острове есть люди. А туземцев не больше дюжины, и они сами должны опасаться нападения. Откуда им знать, что на острове только двое бедняг, потерпевших кораблекрушение? Ночью идти они не рискнут... Если только...

— Если только не уплывут обратно, когда наступит день, — закончил Тартелетт.

— Обратно? Но зачем же тогда они явились на остров Финны? Неужели лишь для того, чтобы провести здесь одну ночь?

— Не знаю... не знаю... — пролепетал учитель танцев, который от страха потерял всякую способность соображать и мог объяснить причину прибытия дикарей только желанием полакомиться человеческим мясом.

— Как бы там ни было, — заметил Годфри, — если туземцы завтра не пожалуют в Вильтри, мы сами отправимся на разведку.

— Мы?

— Да, мы! Разлучаться друг с другом в такой момент было бы крайне неблагоприятно. Кто знает, не придется ли нам скрываться в лесу, в центральной части острова... Быть может, даже несколько дней... до отъезда незваных гостей! Нет, Тартелетт, мы должны быть только вместе!

— Тсс!.. — произнес дрожащим голосом учитель танцев. — Мне кажется, что я слышу шаги...

Годфри снова поднялся к окошку и тут же спустился вниз.

— Нет! — заявил он. — Пока ничего подозрительного... Это вернулись наши козы, бараны и агути...

— Преследуемые дикарями? — воскликнул Тартелетт.

— Вряд ли. Они совершенно спокойны, — ответил Годфри. — Скорее всего, просто хотят укрыться от утренней росы.

— Ах, так, — пробормотал Тартелетт таким жалобным голосом, что при менее серьезных обстоятельствах Годфри не удержался бы от смеха. — Подобного никогда бы не случилось в особняке Уильяма Кольдерупа на Монтгомери-стрит! — добавил учитель танцев.

— Скоро поднимется солнце, — произнес Годфри. — Подождем еще час, и если туземцы не придут, оставим Вильтри и отправимся на разведку в северную часть острова. Способны вы держать ружье, Тартелетт?

— Держать?.. О, да!..

— А стрелять в определенном направлении?

— Не знаю! Никогда не пробовал... Но можете не сомневаться, Годфри, что моя пуля не попадет в цель...

— Кто знает, быть может, достаточно и выстрела, чтобы вспугнуть туземцев?

Через час стало уже так светло, что можно было разглядеть местность позади больших секвой.

Годфри осторожно открыл обе ставни. С южной стороны все было, как обычно. Тихо и спокойно паслись домашние животные. Годфри старательно закрыл окошко и стал глядеть

в другое, из которого просматривалась северная часть бухты. Юноша отчетливо разглядел мачту с флагом, возвышавшуюся на расстоянии двух миль от Вильтри, но устья реки, близ которого накануне высадились дикари, рассмотреть отсюда было невозможно.

Тогда он взял подозрную трубу и обвел взглядом весь берег до выступа флагпункта. Никого. Быть может, как предсказывал Тартелетт, дикари, проведя ночь на суше, действительно — хотя это было необъяснимо — отправились дальше, так и не разузнав, обитаем ли этот остров?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой ружье учителя танцев Тартелетта
поистине творит чудеса*

Вдруг у Годфри вырвался такой отчаянный крик, что танцмейстер подскочил на месте. Вне всякого сомнения, туземцы узнали о присутствии на острове людей; флаг, развевавшийся на мачте флагпункта, исчез.

Нельзя было медлить с выполнением задуманного плана — отправиться на разведку, чтобы выяснить, здесь ли еще туземцы и что они делают.

- Итак, в путь! — сказал Годфри своему компаньону.
- В путь? Но... — прошептал Тартелетт.
- Может быть, вы предпочтете остаться?
- С вами, Годфри, да!
- Нет, без меня.
- Быть одному? Ни за что на свете!
- Тогда пошли!

Прекрасно понимая, что Годфри не отступится от своего плана, Тартелетт решился все же сопровождать его. Да у него не хватило бы мужества остаться одному в Вильтри.

Перед тем, как отправиться в путь, Годфри еще раз проверил оружие, зарядил оба карабина и один вложил в руки Тартелетта, который поглядел на ружье с таким растерянным видом, словно какой-нибудь абориген Помоту, впервые увидевший незнакомую вещь. Кроме того, бедняге пришлось привести к своему поясу патронташ и охотничий нож. В последнюю минуту он надумал захватить с собой еще и карманную скрипку, надеясь, должно быть, улаживать дикарей ее скрипучими звуками, но Годфри, хоть и не без труда, отговорил его от этой глупой затеи.

Было около шести часов утра. Верхушки секвой весело поблескивали под первыми лучами солнца.

Годфри приоткрыл дверь и вышел из дупла, чтобы осмотреть окружающую местность.

Царила полная тишина.

Животные уже паслись в прерии не более, чем в четверти мили от Вильтри. Видно было, как они спокойно щиплют траву, и ничто в их поведении не обнаруживало ни малейшей тревоги.

Годфри подозвал к себе Тартелетта. Учитель танцев нерешительно подошел, обремененный своим вооружением.

Тогда юноша плотно закрыл дверь и, убедившись, что она полностью слилась с корой дерева, набросал вокруг кучу веток, а сверху привалил несколько больших камней. Затем он направился к речке, чтобы в случае необходимости спуститься по берегу до самого устья.

Тартелетт плелся сзади, беспокойно озираясь по сторонам. Сидеть одному в дупле было бы еще страшнее, и он изо всех сил старался не отставать.

Дойдя до лужайки у больших секвой, Годфри остановился, вытащил подзорную трубу и стал с напряженным вниманием вглядываться в каждую точку на берегу от мыса флагпункта до северо-восточного угла острова.

Ни одно живое существо не попадало в поле зрения и не видать было ни малейшего дымка, который указывал бы на стоянку туземцев.

Конец мыса также был совершенно пустынен, хотя на нем и виднелись многочисленные следы босых ног. Да, Годфри не ошибся: мачта стояла на том же месте, а флаг исчез! Очевидно, туземцы, прельщенные красным цветом, сорвали полотнище и возвратились к своей пироге, укрытой в устье реки.

Годфри окинул взглядом западное побережье. От флагпункта до Дримбея все было пусто и безлюдно. Пустынной была и водная гладь — никакое судно не бороздило поверхности моря. Значит, если туземцы продолжали двигаться вдоль берега на своей прао, то теперь они должны были скрыться от взора среди береговых скал.

Годфри мучила проклятая неизвестность. Во что бы то ни стало он хотел выяснить, находятся ли еще незваные гости на острове или убрались восвояси. Хочешь не хочешь, нужно было дойти до того места, где они высадились накануне — прокрасться к бухте, образованной устьем реки.

На ее берегах, на протяжении двух миль склонялись к воде зеленые купы деревьев и тянулись заросли кустарника, а дальше, на пятьсот — шестьсот ярдов, оставалось свободное пространство, с открытыми до самого моря берегами. Характер местности позволял, таким образом, незаметно приблизиться к устью, если только туземцы не поднимутся вверх по реке. Во избежание неожиданностей нужно было действовать очень осторожно.

Но вряд ли в столь ранний час туземцы, уставшие от вчерашнего длинного перехода, успели уже покинуть свой лагерь. Скорее всего они еще спят в пирогe или рядом с ней на земле. В таком случае, подумал Годфри, их можно будет застигнуть врасплох.

Только не надо торопиться! В присутствии возможного противника важнее всего остаться незамеченным. Преимущество на стороне нападающего. В более выгодном положении тот, кто делает первый выстрел. Проверив курки карабинов и револьверов, Годфри и Тартелетт стали спускаться по левому берегу речки.

Все было спокойно. Тишину раннего утра нарушали лишь птицы, безмятежно порхавшие среди деревьев с берега на берег.

Годфри шел впереди, а спутник его тащился сзади, понуря голову и, видимо, выбиваясь из сил. Они миновали подлесок и выбрались на открытую местность, поросшую высокой травой, которая, однако, скорее могла выдать присутствие человека, чем густой кустарник, окаймленный деревьями. На этом участке приходилось продвигаться с крайней осмотрительностью. Малейшая оплошность — и в голову полетят камни и стрелы! Но учитель танцев, как назло, несколько раз спотыкался, несмотря на предостережения Годфри, и падал со всей своей амуницией; при этом он пыхтел, отдувался и производил столько шума, что был для Годфри только обузой. Как он раньше не догадался оставить его в Вильтри или укрыть где-нибудь в лесу! Но теперь было поздно об этом думать.

Прошел уже час, как наши Робинзоны покинули гигантскую секвойю. Они проделали большую часть пути, не обнаружив пока ничего подозрительного.

Годфри остановился, окинул взглядом прерию. Речка несла свои мелкие воды среди открытых песчаных берегов. Нигде никаких признаков пришельцев... Конечно, нельзя было не учитывать и того, что туземцы, зная теперь о присутствии на острове людей, сами, вероятно, приняли меры предосторож-

ности. Вполне возможно, что тем временем, пока Годфри с Тартелеттом шли берегом вниз по течению, незваные гости могли подняться вверх по реке, могли засесть тут же неподалеку в миртовых и мастиковых зарослях, могли бродить по лесу или устроить засаду.

Странная черта характера: по мере того, как они продвигались вперед, не встречая «свирепых» дикарей, Тартелетт мало-помалу успокаивался, избавляясь от своих страхов, и даже начинал отзывать с пренебрежением об этих «смешных людоедах». Годфри же, наоборот, все больше и больше беспокоился и, перейдя с открытого места в лесок, удвоил предосторожность.

Прошел еще час. Берега снова обнажились. Их покрывали только небольшие заросли кустарника. Ветер пригибал траву, указывая на близость моря. В таких условиях трудно было укрыться. Ничего не оставалось, как лечь плашмя и продвигаться ползком. Годфри так и сделал, предоставив Тартелетту последовать своему примеру.

Но тому не хотелось ложиться на землю.

— Дикарей больше нет! Людоеды ушли! — возражал учитель танцев.

— Они здесь, — тихо и решительно сказал Годфри. — Они должны быть здесь, — повторил он. — Ложитесь на живот, Тартелетт! Живее, живее, и будьте готовы в любую минуту спустить курок! Следите за мной и не стреляйте без моего приказания!

Годфри произнес это таким суровым голосом, что ноги танцмейстера подогнулись сами собой, и он оказался в требуемой балетной позе.

И хорошо сделал.

Годфри, действительно, имел все основания говорить так настойчиво.

С занятой им позиции не было видно ни берега моря, ни устья речки — кругозор закрывала возвышенность, находившаяся не более, чем в ста шагах. Но за этим замкнутым горизонтом, из-за гряды холмов, поднимался в синее небо густой столб дыма.

Лежа на траве и приложив палец к спусковому крючку карабина, Годфри терпеливо выжидал.

«Третий раз, — говорил он самому себе, — я вижу на острове дым. Не значит ли это, что туземцы уже высаживались и разводили костры на северной и южной стороне острова? Нет, это невозможно! Ведь я ни разу не находил никаких сле-

дов — ни углей, ни пепла! Но сейчас я узнаю, что здесь происходит, и решу, как поступить!»

Сделав несколько скользящих движений, которые тут же скопировал Тартелетт, Годфри добрался до возвышенности, откуда легко было наблюдать за той частью морского побережья, где речная излучина непосредственно примыкала к устью.

Юноша едва удержался от крика. Опустив руку на плечо учителя танцев, он дал ему понять, что дальше двигаться нельзя. Тартелетт замер, уткнувшись головой в землю, а Годфри увидел все, что ему хотелось увидеть...

На берегу, среди скал, пылал громадный костер, посылая к небу черные клубы дыма. Вокруг огня ходили те самые чернокожие туземцы, что прибыли вчера на остров, и непрерывно подбрасывали топливо, сложенное рядом в большую кучу. Неподалеку от них колыхалась на волнах привязанная к камню пирога.

Начинался прилив.

Годфри, не прибегая к подзорной трубе, видел невооруженным глазом все, что происходило на берегу. От костра его отделяли какие-нибудь двести шагов. Он даже отчетливо слышал, как трещали в огне сухие ветки. Прежде всего ему стало ясно, что засады можно не опасаться, так как все туземцы были сейчас в сборе.

Из двенадцати человек десять занимались работой: одни энергично поддерживали огонь, другие забивали колья для вертела, как это делают обычно полинезийцы. Одиннадцатый, казавшийся начальником, с важным видом прогуливался по отмели и часто поглядывал в глубь острова, словно опасаясь нападения.

На плечах его Годфри увидел красное полотнище флага, служившее дикарю украшением.

Двенадцатый же, крепко привязанный к столбу, лежал на земле.

Легко было догадаться, какая участь грозила несчастному. Вертел и огонь, конечно, предназначались для того, чтобы его изжарить... Выходит, что Тартелетт не ошибся, назвав этих людей каннибалами!

Нельзя было также не согласиться с учителем, уверявшим своего ученика, что приключения всех Робинзонов, настоящих или воображаемых, не отличаются одно от другого. Ведь в самом деле, Годфри с Тартелеттом оказались в том же положении, что и герой Даниэля Дефо, когда на его острове

высадились дикари. И подобно Робинзону Крузо, теперь они должны были присутствовать при ужасной сцене людоедства!

Годфри решил брать пример с бесстрашного Робинзона. Нет, он ни за что не допустит, чтобы каннибалы зарезали пленника и насытились человеческим мясом! И вооружен он нисколько не хуже, чем Робинзон в эпизоде спасения Пятницы! Два ружья — четыре выстрела! Два револьвера — двенадцать выстрелов! Этого будет вполне достаточно, чтобы подействовать на одиннадцать дикарей, которых может вспугнуть и один выстрел. Придя к такому решению, Годфри стал хладнокровно выжидать момента, когда сможет громогласно заявить дикарям о своем присутствии.

Ждать ему пришлось недолго.

Не прошло и двадцати минут, как начальник приблизился к огню и недвусмысленным жестом указал на пленника своим подчиненным, которые только и ждали его приказаний.

Годфри поднялся. Поднялся и Тартелетт, сам не зная почему. Бедный учитель танцев даже не догадывался, что собирается сделать его спутник, ничего ему не сказавший о своих намерениях.

Годфри, должно быть, представил себе, что при одном его появлении среди дикарей поднимется паника: либо они бросятся к пироге, либо побегут врассыпную.

Но не случилось ни того, ни другого. Казалось, они его даже не заметили.

Как раз в эту минуту начальник снова указал на пленника. Трое чернокожих подскочили к нему, отвязали от столба и потащили к огню.

Это был еще молодой человек. В ожидании близкой смерти, он, как видно, решил дорого продать свою жизнь и стал отчаянно отбиваться. Но туземцы скоро с ним справились, повалили на землю, и тут подоспел их начальник с каменным топором в руке, чтобы разmozжить ему голову.

Годфри громко закричал и спустил курок. Пуля просвистела в воздухе и, казалось, насмерть сразила начальника: он упал, как подкошенный.

При звуке выстрела туземцы замерли, словно от удара грома, а те, что держали пленника, невольно выпустили его из рук. Воспользовавшись случаем, бедняга тотчас же бросился бежать в том направлении, откуда явился неожиданный спаситель, на которого с изумлением смотрели теперь все дикари.

В ту же минуту раздался второй выстрел.

Тартелетт нажал на спусковой крючок с зажмуренными от страха глазами и долго потом потирал правую щеку, ушибленную прикладом. Подобной пощечины ему в жизни не приходилось получать! Однако — бывают же такие удачные выстрелы! — он даже не промахнулся: один из дикарей свалился замертво рядом со своим начальником.

Туземцы потерпели сокрушительное поражение. Быть может, они решили, что их атакует многочисленное враждебное племя и побоялись принять бой? А может быть, их напугали двое белых людей; извергавших громы и молнии? Как бы то ни было, но чернокожие дикари, подхватив своих убитых и раненых, пустились наутек: вскочили в лодку, изо всех сил стали грести, затем развернули парус и быстро обогнули флагпункт.

Тем временем пленник подбежал к своему спасителю. Сначала он остановился в нерешительности, из страха перед этими высшими существами, затем приблизился к белым людям, опустился перед ними на колени, взял ногу Годфри в свои руки и поставил себе на голову в знак того, что признает себя его рабом.

Можно было подумать, что этот уроженец Полинезии тоже читал «Робинзона Крузо».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой описывается моральное и физическое воспитание уроженца Полинезии

Годфри поднял несчастного, лежавшего у его ног, и посмотрел ему в лицо. Этому человеку было лет тридцать пять, не больше. Наготу его прикрывала лишь набедренная повязка. По чертам лица и цвету кожи он напоминал африканского негра. И правда, в нем не было никакого сходства с жалкими аборигенами полинезийских архипелагов, заметно отстающими по своему развитию от большинства африканских племен.

Бывали случаи, когда суданские или абиссинские негры попадали в руки к туземцам Полинезийских островов, и не пришлось бы особенно удивляться, если бы этот негр умел говорить по-английски или на каком-нибудь другом европейском языке, известном Годфри. Но скоро стало ясно, что несчастный лопочет на каком-то совершенно непонятном наре-

чий, вероятно, на языке местных туземцев, к которым он, должно быть, попал в раннем детстве.

Сначала Годфри заговорил с ним по-английски, но, увы, это было напрасно — он не получил никакого ответа. Тогда он постарался объяснить ему знаками, что хочет знать его имя.

После нескольких бесплодных попыток негр, у которого, впрочем, было умное и открытое лицо, произнес одно слово:

— Карефиноту.

— Карефиноту! — воскликнул Тартелетт. — Вы слышали что-нибудь подобное?.. Я предлагаю назвать его Пятницей. Ведь сегодня пятница, как это было на острове Робинзона. На островах, где живут Робинзоны, дикарей всегда называют по тому дню недели, когда он был спасен. Подумать только, как можно носить такое нелепое имя — Карефиноту?

— Если это его имя, то почему он не может сохранить его? — возразил Годфри.

В эту минуту рука Карефиноту коснулась его груди, и на лице негра был написан вопрос: «А тебя как?»

— Годфри, — ответил юноша.

Чернокожий попытался произнести это имя, и хотя Годфри повторил его несколько раз, туземцу так и не удалось внятно воспроизвести столь непривычное для него сочетание звуков.

Потом Карефиноту повернулся к учителю танцев, давая понять, что хочет знать и его имя.

— Тартелетт, — ответил танцмейстер с любезной улыбкой.

— Тар-те-летт! — повторил Карефиноту.

Очевидно, сочетание этих слогов соответствовало устройству его голосовых связок, ибо произнес он их очень отчетливо.

Учитель танцев казался крайне польщенным. Да и было отчего!

Тогда Годфри, желая воспользоваться сообразительностью туземца, объяснил ему знаками, что хочет узнать название острова. Он указал на лес, прерию, холмы, потом обвел рукой берег моря и горизонт и, наконец, вопросительно поглядел на негра.

Карефиноту, не сразу уразумев, что от него хотят, повторил жест Годфри и обернулся, окидывая взглядом все окружающее пространство.

— Арнека, — сказал он, подумав.

— Арнека? — повторил Годфри, топая ногой по земле, чтобы яснее выразить свой вопрос.

— Арнека! — подтвердил негр.

Но это ничего не говорило Годфри, не указывало ни на географическое название острова, ни на его положение в Тихом океане. Он не мог припомнить ничего похожего. Быть может, это было туземное название, не известное картографам.

Между тем Карефиноту с нескрываемым любопытством продолжал рассматривать обоих белых, переводя взгляд с одного на другого, словно устанавливая разницу между ними. Его губы улыбались, обнаруживая ряд великолепных белых зубов, на которые Тартелетт поглядывал с некоторой опаской.

— Пусть сломается в моей руке карманная скрипка, — воскликнул он, — если эти зубы никогда не жевали человеческого мяса.

— Во всяком случае, — ответил Годфри, — наш новый компаньон теперь не походит на человека, которого собираются изжарить и съесть, а это самое главное!

Больше всего привлекало внимание Карефиноту оружие Годфри и Тартелетта: карабины, которые они держали в руках, и револьверы, заткнутые за пояс.

Годфри сразу понял причину этого любопытства. Очевидно, дикарь никогда не видел огнестрельного оружия. Да и понимал ли он, что обязан своим освобождением одной из этих трубок, выбрасывающих молнию? Вряд ли.

Годфри решил дать туземцу представление о своем могуществе. Зарядив ружье, он показал Карефиноту на красную куропатку, летевшую шагах в пятидесяти от них над прерией. затем быстро прицелился и выстрелил: птица упала.

При звуке выстрела негр сделал великолепный прыжок, который Тартелетт тут же оценил глазом хореографа. Затем, оправившись от страха, Карефиноту с быстротой охотничьей собаки подбежал к птице, ковылявшей по траве с перебитым крылом, и принес ее своему господину, радостный и изумленный.

После этого и Тартелетту захотелось показать туземцу, что он тоже обладает молниеносной силой. Заметив близ ручья спокойно сидящего на старом стволе рыболова, он поднял ружье и прицелился.

— Не нужно, Тартелетт! — остановил его Годфри. — Не стреляйте!

— Почему?

— Подумайте только, если вам не повезет и вы промахнетесь, как много мы потеряем в глазах этого туземца.

— Но почему бы мне не попасть? — возразил Тартелетт без досады. — Не я ли во время сражения, впервые взяв в руки ружье, на расстоянии ста шагов поразил прямо в грудь одного из людоедов?

— Вы в него определенно попали, раз он упал. Но, послушайте меня, Тартелетт! Ради наших общих интересов не испытывайте судьбу дважды.

Учитель танцев, хоть и с некоторым разочарованием, все же поддался уговорам. Перекинув ружье за спину, он вместе с Годфри и Карефиноту направился в Вильтри.

Жилище, оборудованное внутри секвойи, вызвало новое изумление дикаря. Прежде всего, ему пришлось объяснять и показывать, как надо обращаться с разными орудиями, инструментами и домашней утварью. По-видимому, Карефиноту жил среди туземцев, стоящих на самой низкой ступени развития, так как даже железо, казалось, ему было неизвестно. Когда поставили на горячие угли котелок, туземец тут же хотел его снять, думая, что он сгорит, чем вызвал неудовольствие Тартелетта, занятого священнодействием — приготовлением бульона. Но больше всего Карефиноту поразило зеркало: он вертел его так и сяк, чтобы убедиться, нет ли на другой стороне его собственной персоны.

— Но он же ничего не смыслит, этот черномазый, — с презрительной гримасой воскликнул учитель танцев.

— Нет, Тартелетт, вы ошибаетесь, — возразил Годфри. — Он смотрит на обратную сторону зеркала, значит — рассуждает, на что способно только мыслящее существо.

— Хорошо! Согласен! Допустим, что он способен мыслить, — сказал Тартелетт, с сомнением покачав головой. — Но будет ли он нам чем-нибудь полезен?

— Я в этом уверен! — ответил Годфри.

Между тем Карефиноту очутился за столом, уставленным разными кушаньями. Сначала он их обнюхал, потом попробовал на зубок и, наконец, стал с жадностью поглощать все подряд, одно за другим: суп из агути, убитую Годфри птицу, баранью лопатку с гарниром из камаса и ямса.

— Кажется, наш гость обладает завидным аппетитом, — заметил Годфри.

— Да, — ответил Тартелетт. — Нужно будет глядеть за ним в оба. Как бы не разыгрались его каннибальские инстинкты!

— Успокойтесь, Тартелетт! Мы заставим его забыть вкус человеческого мяса, если только он его когда-нибудь пробовал.

— За это я не поручусь! — ответил учитель танцев. — Уж если он раз отведал...

Карефиноту с напряженным вниманием слушал разговор обоих собеседников. По его умным глазам было видно, что ему очень хотелось бы узнать, о чем они говорят в его присутствии. Неожиданно у него развязался язык, и он начал им что-то объяснять. Но это был ряд лишенных смысла звукоподражательных междометий, с преобладанием гласных «а» и «у», как в большей части полинезийских наречий.

Годфри размышлял. Как бы то ни было, этот негр, которого он чудом спас от смерти, станет теперь его новым товарищем. Без сомнения, он будет хорошим слугой. Он силен, ловок, деятелен. Его не испугает никакая работа. Его удивительная способность к подражанию всему, что он видит, поможет Годфри построить систему его воспитания.

И Годфри не ошибся. Уход за скотом, сбор корней и плодов, убой баранов или агути, которые составляли основную пищу, приготовление сидра из диких яблок манзаниллы — все это Карефиноту быстро научился делать и старательно выполнял после того, как ему показали.

Что бы ни думал Тартелетт, Годфри относился к дикарю без всякого недоверия и никогда не раскаивался, что спас его от смерти, рискуя собственной жизнью. Если его что-то и тревожило, то только возможность возвращения дикарей, которым теперь стало известно местоположение острова Фины.

С первого же дня для Карефиноту была устроена постель в дупле секвойи. Но чаще всего, если не было дождя, он предпочитал спать на открытом воздухе, превратясь таким образом в верного стража.

В течение следующих двух недель Карефиноту несколько раз сопровождал Годфри во время охоты. Его главным удовольствием было глядеть, как падают птицы, убитые на далеком расстоянии. При этом он с большой готовностью нес службу охотничьей собаки, выполняя свои обязанности с таким рвением, что его не останавливали никакие препятствия: ни завалы, ни кусты, ни ручьи.

Мало-помалу Годфри стал привязываться к новому товарищу. Карефиноту разделял с нашими Робинзонами все трудности. Одного только он не мог постичь — английского языка. Несмотря на все усилия, туземец не способен был произнести даже самых употребительных слов, которые ему так старательно втолковывали Годфри и учитель танцев.

Так проходило время. Однако, если настоящее благодаря счастливому стечению обстоятельств было сносным, если никакая непосредственная опасность им не угрожала, Годфри все же не мог не задуматься над тем, удастся ли ему когда-нибудь покинуть остров, и что он сможет предпринять, чтобы вернуться на родину. Дня не проходило, чтобы он не вспоминал свою невесту Фину и дядюшку Виля! Не без тайного страха поджидал он наступления холодов, которые воздвигнут между ним и его близкими еще более непреодолимые препятствия.

Двадцать седьмого сентября, благодаря чрезвычайному происшествию, Годфри и его спутники смогли обеспечить себя новым запасом пищи, что стоило им, правда, немалых усилий.

В тот день Годфри и Карефиноту, занимаясь во время прилива сбором моллюсков у выступа Дримбея, вдруг заметили множество маленьких плавучих островков, подгоняемых к берегу ветром. Это был целый архипелаг, над которым кружили так называемые морские ястребы — птицы с широким размахом крыльев.

Откуда взялись эти странные островки, плывшие по воле волн, и что они собой представляли?

Пока Годфри стоял в растерянности, не зная, что и подумать, Карефиноту бросился на землю животом вниз, потом, подобрав голову в плечи и двигая руками и ногами, начал воспроизводить движения медленно ползущего животного.

Годфри уставился на него, ничего не понимая. и вдруг сообразил:

— Черепахи! — воскликнул он.

Карефиноту не ошибся. Действительно, это были черепахи — мириады черепах! — усеявшие всю водную поверхность на пространстве, по крайней мере, квадратной мили. Саженьях в ста от берега большинство из них погрузилось в воду, и морские ястребы, потеряв точку опоры, поднялись в воздух, делая большие спирали. Но не менее сотни черепах были выброшены приливной волной.

Годфри и Карефиноту быстро побежали по отмели к этой морской дичи, давшей им прямо в руки. Каждая особь имела не менее трех-четырех футов в диаметре! Чтобы не дать им уйти в море, нужно было их только перевернуть на спину. Эта нелегкая работа заняла не один час.

Следующие несколько дней пришлось повозиться с добычей. Мясо черепахи, великоленное на вкус, может сохраняться

и в сыром, и в законсервированном виде, если его хорошенько просолить.

Приближался сезон дождей, и Годфри решил заготовить впрок побольше черепашьего мяса. И все же некоторое время к столу подавался превосходный свежий бульон, которым с удовольствием насыщался не один только Тартелетт!

Кроме этого из ряда вон выходящего случая, жизнь наших островитян в общем не отличалась разнообразием. Ежедневно в одни и те же часы производились одни и те же работы. Годфри не без страха думал, что с наступлением холодов жизнь станет, пожалуй, еще тягостней. Но что можно было придумать?

Пока погода не испортилась, он продолжал бродить по острову, посвящая все свободное время охоте. Обычно его сопровождал Карефиноту, а Тартелетт предпочитал хозяйничать в Вильтри. Природа не наделила учителя танцев никакими охотничьими талантами, хотя его первый выстрел и оказался таким виртуозным.

Во время одной экскурсии случилось неожиданное происшествие, не на шутку встревожившее обитателей большой секвойи.

Годфри охотился с Карефиноту в центральной части лесного массива, покрывавшего подножье главного гребня острова Фины. С самого утра им встретились лишь две или три антилопы, промелькнувшие в глубине чащи на таком расстоянии, что стрелять в них было бесполезно.

За мелкой дичью Годфри не гонялся: пищи у них было вдоволь, а убивать с единственной целью убивать не входило в его планы. Антилопы же его привлекали не мясом, а шкурами, которые сейчас бы оченьгодились. Но на этот раз приходилось возвращаться домой с пустыми руками.

Было около трех часов пополудни. После завтрака, съеденного на привале, охота не стала удачнее, и потому Годфри решил больше не задерживаться, чтобы поспеть к обеду в Вильтри. Они уже пересекали опушку леса, как вдруг Карефиноту резко обернулся, подскочил к Годфри и схватил его с такой силой за плечи, что тот не мог сопротивляться.

Пробежав шагов двадцать, Годфри, наконец, смог остановиться и, отдышавшись, вопросительно поглядел на Карефиноту.

Негр с испуганным видом показал ему рукой на зверя, неподвижно стоявшего от них шагах в пятидесяти.

Это был бурый медведь. Обхватив лапами ствол дерева, он зловеще качал головой сверху вниз, будто собирался броситься на охотников.

Годфри, не задумываясь, поднял ружье и выстрелил, раньше чем Карефиноту успел его удержать.

Сразила ли пуля зверя? Вполне возможно. Был ли он убит? Утверждать это было трудно. Во всяком случае, широко расставив лапы, медведь рухнул к подножью дерева.

Нельзя было медлить ни минуты. Борьба с этим страшным животным могла привести к плачевным результатам. Известно, что в лесах Калифорнии даже лучшие охотники рискуют жизнью при встрече с бурым медведем.

Поэтому Карефиноту, как видно знавший повадки хищников, схватил Годфри за руку и потащил к Вильтри, а тот, понимая, что осторожность здесь необходима, не стал сопротивляться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

*в которой положение, и без того весьма серьезное,
все более и более осложняется*

Присутствие на острове дикого зверя заставило серьезно призадуматься. Какие еще испытания будут уготованы людям, заброшенным сюда по прихоти судьбы?

Годфри не считал возможным скрыть от Тартелетта это последнее происшествие и, кажется, поступил опрометчиво.

— Медведь! — воскликнул учитель танцев, с таким ужасом озираясь по сторонам, будто целая стая зверей уже осаждала Вильтри. — Но откуда взялся медведь? Ведь до сих пор их не было на нашем острове! А раз уж появился один, то, несомненно, появятся и другие и, может быть, не только медведи, но и ягуары, пантеры, гиены, львы!

Воспаленному воображению Тартелетта остров Фины представлялся теперь сплошным зверинцем с вырвавшимися из клеток хищниками.

Годфри спокойно возразил, что не следует ничего преувеличивать. Он видел пока только одного медведя, и это факт! Но почему медведь не попадался ему раньше, объяснить трудно, а, вернее сказать, невозможно. Во всяком случае, рано еще делать вывод, что остров наполнен кровожадными хищниками, которые рыщут в лесах и прериях. Тем не менее, нужно быть начеку и не выходить без оружия.

Несчастный Тартелетт! С этого дня все его существование состояло из сплошных ужасов, волнений и бесконечных страхов, к которым примешивалась еще тоска по далекой Калифорнии.

— Нет уж, спасибо! — повторял он. — Ко всем удовольствиям еще и звери в придачу! Довольно! Хватит! Я требую, чтобы меня отправили домой!

Если бы только это было возможно!

Годфри и его спутники стали теперь осторожнее. Звери могли появиться не только со стороны берега или прерии, но и притаиться где-нибудь поблизости среди группы больших секвой. Нужно было заранее принять серьезные меры для защиты жилища на случай внезапного нападения. Прежде всего, наши герои укрепили дверь, чтобы она могла выдержать удары когтей хищного зверя. Для скота Годфри решил устроить хлев, где козы, агути и бараны могли бы находиться в безопасности хотя бы ночью. Но это было делом нелегким. Ограда получилась не слишком прочной и не такой высокой, чтобы помешать медведю свалить ее или гиене перепрыгнуть.

Карефиноту возложил на себя ночные дежурства возле Вильтри, что давало, по крайней мере, гарантии от всяких неприятных неожиданностей. И хотя он подвергался опасности, но хорошо сознавал, что оказывает эту услугу своим освободителям, и продолжал стоять на часах, несмотря на то, что Годфри уговаривал его дежурить с ним поочередно.

Прошла еще неделя, а страшные гости так и не показывались в окрестностях Вильтри. Теперь Годфри без особой необходимости далеко от дома не уходил. За баранами, козами и агути, пасшимися на соседнем лугу, учредили строгий надзор, и чаще всего обязанности пастуха исполнял Карефиноту. Ружья он с собой не брал, так как до сих пор не научился с ним обращаться, зато за поясом у него всегда был заткнут охотничий нож, а в правой руке он сжимал топор. С таким вооружением ловкий и сильный негр мог, не колеблясь, броситься не только на медведя, но, если бы пришлось, и на тигра.

Однако ни медведь, ни тигр и никакой другой зверь в Вильтри до сих пор не пожаловали. Мало-помалу Годфри начал успокаиваться, возобновил свои прогулки по острову и даже стал ходить на охоту, хотя и не забирался в самую чащу леса. Когда его сопровождал Карефиноту, Тартелетт, тщательно заперев дверь, забивался в дупло и ничто не заставило

бы его оттуда выйти, даже если бы нужно было давать уроки танцев! Когда же Годфри уходил один, танцмейстер оставался с туземцем и с большой настойчивостью занимался его воспитанием.

Тартелетт сначала решил научить его самым употребительным английским словам, но голосовой аппарат негра был настолько неприспособлен к английской фонетике, что от уроков пришлось отказаться.

— Хорошо! — решил Тартелетт. — Раз я не могу быть его учителем, то буду его учеником.

И он стал заучивать междометия, которые произносил туземец.

Напрасно Годфри внушал ему, что от этих занятий не будет никакого проку: Тартелетт настаивал на своем. Учителю танцев хотелось знать полинезийские названия предметов, на которые он указывал Карефиноту.

Очевидно, Годфри недооценивал талантов своего учителя. Тартелетт оказался способным учеником и по истечении пятнадцати дней запомнил пятнадцать слов. Например, он твердо усвоил, что на языке Карефиноту «бирси» означает огонь, «араду» — небо, «мервира» — море, «дурá» — дерево и так далее. Он так восторгался своими успехами, будто получил первый приз на конкурсе лучших знатоков полинезийских наречий.

В благодарность за это он решил обучить Карефиноту хорошим манерам и основным правилам европейской хореографии.

Годфри не мог отказать себе в удовольствии от души посмеяться! Однако, чтобы скоротать время, он и сам, по воскресеньям, когда был свободен, охотно присутствовал на уроках знаменитого танцмейстера Тартелетта из Сан-Франциско.

Действительно, зрелище было презабавным. Несчастный туземец, обливаясь потом, с невероятным трудом проделывал элементарные танцевальные экзерсисы. Но при всем его прилежании и покорности, не так-то просто было превратить полинезийца, с его неуклюжими плечами, отвислым животом, вывернутыми внутрь коленями и ногами, в нового Вестриса или Сен-Леоне¹.

¹ Вестрис Огюст, Сен-Леоне Артур — выдающиеся французские танцовщики и балетмейстеры XIX века.

Тартелетт доходил до неистовства, а Карефиноту, кротко страдая, учился изо всех сил. Трудно вообразить, каких ему стоило усилий встать в первую позицию! А когда дело доходило до второй, а потом и до третьей — мучениям не было конца!

— Гляди на меня, тупица! — кричал Тартелетт, больше всего ценивший в занятиях наглядность. — Ноги врозь! Еще больше врозь! Носок одной ноги приставить к пятке другой! Раздвинь колени, болван! Убери плечи, дубина! Голову прямо!.. Руки округлить!..

— Но вы требуете от него невозможного, — вступался Годфри.

— Для умного человека нет ничего невозможного! — неизменно отвечал Тартелетт.

— Но его телосложение к этому не приспособлено...

— Приспособится! Отлично приспособится! Потом этот дикарь будет мне бесконечно признателен за то, что я научил его, как нужно входить в салон.

— Но ведь ему никогда не представится случай попасть в салон!

— Кто знает, Годфри! — невозмутимо возражал учитель.

Тем и кончались разговоры с Тартелеттом. Затем учитель танцев брал свою карманную скрипку и смычок и начинал наигрывать короткие пронзительные мелодии, приводившие Карефиноту в буйный восторг. Теперь уж его не приходилось уговаривать. Не думая о правилах хореографии, туземец с уморительными ужимками выделял всевозможные коленца, прыгал, кувыркался, скакал.

А Тартелетт, глядя на неистовства этого сына Полинезии, предавался размышлениям. «Может быть, — думал он, — эти энергичные па, хотя и противоречащие всем принципам хореографического искусства, более естественны для рода человеческого, чем отработанные веками движения?»

Но оставим учителя танцев и изящных манер наедине с его философскими раздумьями и вернемся к вопросу более практическому и более злободневному.

Годфри во время своих последних экскурсий, когда он один или в сопровождении Карефиноту бродил по лесу, не встречал больше никаких других зверей и даже не видел их следов. Берега речки, куда хищники должны были бы ходить на водопой, не сохраняли никаких подозрительных отпечатков. По ночам тишина ни разу не нарушалась воем или

рычанием, и домашние животные по-прежнему были спокойны.

«Как странно! — говорил себе Годфри. — Ведь ни я, ни Карефиноту не могли ошибиться. Нет сомнения в том, что он показал мне медведя, а я в него стрелял. Если предположить, что я убил зверя, то неужели этот медведь был единственным представителем на нашем острове?»

Это было совершенно необъяснимо! Если медведь действительно был убит, то куда же тогда делось его тело? Годфри повсюду искал, но оно бесследно исчезло. Смертельно раненное животное могло, конечно, добраться до своей берлоги и там околеть. Но тогда у подножья дерева остались бы пятна крови...

«Во всяком случае, — думал Годфри, — и впредь нужно будет остерегаться!»

С первых дней ноября наступил холодный сезон. Часами напролет лили промозглые дожди. Позднее, вероятно, должны были начаться ливни, которые в этих широтах не прекращаются неделями. Так здесь проходит зима. Теперь Годфри должен был осуществить свое намерение устроить очаг в самом дупле, чтобы обогреть жилище и готовить еду, не боясь ни ветров, ни ливней.

Подходящим местом для очага показалась ему одна из внутренних стенок секвойи. Он решил положить туда несколько камней — плашмя и на ребро, которые и будут служить очагом. Сложнее было сконструировать дымоход. Выпускать дым по длинному дуплу внутри секвойи Годфри считал непрактичным, да и как бы он соорудил такую трубу!

Наконец, он смекнул, что в качестве дымовой трубы можно приспособить длинный толстый бамбук, росший кое-где по берегам реки.

В этой работе ему усердно помогал Карефиноту, понявший, хотя и не без некоторых усилий со стороны Годфри, что от него требуется. Вместе они прошли около двух миль, пока не выбрали достаточно толстые экземпляры тростниковых растений. Вместе занялись они и постройкой очага. Камни были разложены на земляном полу в глубине комнаты, напротив двери. Стебли бамбука очистили от сердцевины и, подравняв у краев, вставили одна в другую несколько трубок. Таким образом, получилась довольно длинная дымовая труба, приделанная выходным концом к отверстию в коре секвойи.

Такой очаг их вполне устраивал и требовал только присмотра, чтобы не загорелся бамбук.

В дупле Вильтри вскоре весело запылал огонь — к тем большей радости Годфри, что в комнате совсем не чувствовалось дыма.

Сделано все было своевременно, так как с 3 по 10 ноября лили, не переставая, дожди. Разводить огонь под открытым небом было бы теперь невозможно. Эту грустную неделю Годфри и его товарищи провели взаперти, выходя из дому только для присмотра за скотом и курами.

И вдруг в один прекрасный день оказалось, что полностью иссяк запас камасов, заменявших нашим Робинсонам хлеб. Так как отсутствие мучнистых корней становилось все более ощутимым, Годфри заявил Тартелетту, что с наступлением более сносной погоды он отправится вдвоем с Карефиноту за камасами. Учителя танцев не слишком прельщала перспектива плестись две мили по мокрой траве, и он охотно согласился караулить дом.

Вечером 10 ноября небо, затянутое серыми тучами, которые еще в начале месяца нагнал западный ветер, постепенно стало очищаться. Дождь начал утихать, и в сумерках проглянуло солнце. Все говорило за то, что следующий день обещает быть безоблачным и можно будет воспользоваться хорошей погодой.

— Завтра на рассвете, — сказал Годфри, — мы с Карефиноту отправляемся в путь.

— Желаю удачи, — ответил учитель танцев.

Ближе к ночи разошелся туман и высыпали звезды. Карефиноту тотчас же после ужина снова занял свой сторожевой пост, оставленный им на время дождей. Напрасно Годфри убеждал его вернуться в комнату, говоря ему, что теперь вовсе не обязательно сторожить Вильтри, так как ни один зверь с тех пор не показывался. Но Карефиноту не поддавался никаким уговорам, и Годфри должен был отступить.

На другой день погода действительно благоприятствовала островитянам. Когда около семи часов утра Годфри вышел из Вильтри, первые лучи солнца уже золотили густые вершины секвой.

Карефиноту был по-прежнему на посту. Он простоял здесь всю ночь и, наконец, дождался Годфри. Оба вооружились до зубов и захватили с собой по большому мешку. Простившись с Тартелеттом, они направились к речке, чтобы затем пройти по левому берегу до того места, где росли камасы.

Не прошло и часа, как они без всяких приключений добрались до своей цели.

Примерно три часа наши островитяне работали, не разгибая спины, и только около одиннадцати пустились в обратный путь с мешками, полными камасов.

Шли они рядом, весело переглядываясь, так как поддерживать разговор не могли. Вот они достигли речной излучины. В этом месте деревья живописно склонялись над водой, образуя своеобразный полог, сходящийся над обоими берегами.

Вдруг Годфри остановился. На этот раз он первым заметил и показал Карефиноту неподвижно стоящего у подножья дерева зверя, глаза которого как-то странно светились.

— Тигр! — воскликнул Годфри.

И он не ошибся. В самом деле, это был громадный тигр. Изогнувшись в дугу, он обхватил когтями ствол дерева, готовясь к могучему прыжку.

В одно мгновение Годфри, бросив на землю свой мешок, прицелился и выстрелил.

— Ура! Ура! — закричал он.

На этот раз результат выстрела был бесспорен: раненный пулей тигр отскочил назад. Неизвестно только, была ли рана смертельной и как поведет себя разъяренный зверь.

Годфри поднял ружье, чтобы выстрелить во второй раз.

Но тут Карефиноту, прежде, чем юноша мог его удержать, метнулся с ножом вслед за тигром.

Напрасно Годфри кричал, требуя, чтобы он остановился, напрасно звал его... Негр ничего не слышал или не хотел слышать, поглощенный мыслью добить зверя, хотя бы с риском для жизни.

Годфри бросился к реке. Добежав до берега, он увидел Карефиноту в яростной схватке с тигром. Сначала негр сдавил зверю горло, потом нанес ножом страшный удар в сердце. Тигр скатился в речку, полноводную от долгих дождей. Бурный поток подхватил мертвое животное и с необычайной стремительностью унес в море.

Медведь! Тигр! Теперь уже не могло быть сомнений: на острове водились хищные звери...

Подойдя к Карефиноту, Годфри убедился, что тот отделался лишь несколькими легкими ссадинами. Подобрав свои камасы, они двинулись в обратный путь, размышляя о новых превратностях, которые им готовило будущее.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*в которой Тартелетт повторяет на все лады,
что хочет покинуть остров*

Когда Тартелетт узнал, что на острове кроме медведей водятся еще и тигры, он задрожал от ужаса и долго не осмеливался высунуть носа из дупла. Ведь рано или поздно хищники узнают дорогу в Вильтри! Не осталось и уголка, где можно было чувствовать себя в безопасности! Охваченный страхом, Тартелетт требовал возведения укреплений, каменных стен с эскарпами¹ и контрэскарпами, куртинами и бастионами, которые должны были обеспечить безопасность жителям большой секвойи. А за невозможностью осуществить фортификационные сооружения, он хотел или, вернее, хотел бы поскорее покинуть остров.

— И я тоже, — спокойно отвечал ему Годфри.

И в самом деле, условия жизни на острове теперь уже были не те, что прежде. Благоприятные обстоятельства помогали бороться с лишениями, удовлетворять насущные потребности, выдерживать непогоду, переносить тяготы зимы. Но защищаться от лютых зверей, каждую минуту ждать нападения — это было просто невыносимо.

Положение становилось все более серьезным, и в недалеком будущем могло стать критическим.

— Но как объяснить тот факт, — спрашивал себя Годфри, — что в течение четырех месяцев мы не видели на острове ни одного зверя, а за последние две недели пришлось столкнуться и с медведем, и с тигром. Что бы это значило?

Действительно, факт был необъясним, но настолько очевиден, что нельзя было с ним не считаться!

Годфри, однако, не пал духом. Превратности судьбы только увеличивали его хладнокровие и мужество. Если звери стали опасностью, то он примет против этой опасности самые решительные меры.

Но какие можно было принять меры?

Прежде всего, сократить до предела экскурсии в лес и прогулки на побережье; выходить из дому с оружием в руках и только в случае крайней необходимости.

— При первой и второй встречах, — внушал своим спутникам Годфри, — мы отделались легким испугом, но третья может кончиться плачевно. Не будем зря рисковать!

¹ Эскарп — выложенный камнем крепостной ров.

Суровая необходимость заставляла не только сократить экскурсии, но и усилить охрану жилища, скота и домашней птицы, которых хищники могли полностью уничтожить.

Годфри серьезно задумался о возможности укрепления Вильтри, хотя от гениального проекта Тартелетта — возвести вокруг пояс оборонительных сооружений, — разумеется, пришлось отказаться. Было бы достаточно и того, если бы удалось устроить высокий и прочный забор между стволами нескольких ближайших секвой, иначе говоря, окружить Вильтри так называемой надежной оградой, которая обеспечила бы относительную безопасность и гарантировала бы от внешнего нападения.

Годфри прикинул. Сделать такой забор было возможно, хотя и очень трудно. Он убедился в этом, внимательно осмотрев местность. Нелегко было даже сосчитать, сколько придется отобрать, срубить и обработать стволов, чтобы воздвигнуть подобное ограждение.

Но Годфри не страшила никакая работа. Он посвятил в свои планы Тартелетта, тот их одобрил и обещал свое содействие. Более того, учитель танцев сумел растолковать суть замысла Карефиноту, и тот, как всегда, готов был прийти на помощь по первому зову.

Они немедленно принялись за дело.

В одной миле от Вильтри, вверх по течению речки, находилась небольшая рощица, состоявшая из корабельных сосен. Наши Робинзоны не смогли бы напилить досок даже не из очень толстых стволов. Но заостренные с одного конца, а затем вбитые в землю бревна должны были образовать достаточно прочный забор.

И вот, 12 ноября, на рассвете, Годфри со своими спутниками направился к этому леску. Вооружены они были до зубов и продвигались с крайней осторожностью.

Тартелетт, удрученный треволнениями, то и дело повторял:

— Не по душе мне эта вылазка в лес! Как хотелось бы мне расстаться с островом!

Но Годфри на этот раз не стал его утешать или вступать с ним в споры. Больше того, он даже призвал учителя танцев к благоразумию. Сейчас ради общей пользы нужно было действовать не словами, а руками. Приходилось, хочешь не хочешь, сделаться на какое-то время выючными животными.

Впрочем, на всем пути от Вильтри до сосновой рощи ничего подозрительного не оказалось, хотя все трое внимательно

оглядывали прерию от одного горизонта до другого. Пасшийся на лугу скот не выказывал ни малейшей тревоги. Птицы беспечно щебетали среди ветвей или порхали в воздухе.

Достигнув рощицы, путники тотчас же приступили к работе. Годфри считал более разумным сначала свалить столько деревьев, сколько может понадобиться, а потом уже переправить их в Вильтри. Обрабатывать стволы на месте казалось ему более удобным.

Карефиноту, как и следовало ожидать, научился ловко обращаться с топором и пилой и стал незаменимым помощником. Благодаря физической силе, он не прерывал работы даже в те промежутки, когда Годфри останавливался передохнуть, а Тартелетт в изнеможении лежал на траве, вытянув руки и ноги, не в силах даже вытащить карманную скрипку.

Заметим, однако, что учителю танцев и изящных манер, поневоле ставшему лесорубом, Годфри дал самую легкую работу — очистку стволов от мелких ветвей. Если бы за это платили хотя бы полдоллара в день, то учитель танцев зарабатывал бы, наверное, не более десяти центов!¹

Так они работали шесть дней подряд, с 12 по 17 ноября. Приходили на участок рано утром, в полдень съедали захваченный из дому обед, поздно вечером возвращались и ужинали в Вильтри. Погода стояла переменная, часто набегали тучи, то парило, то лил дождь. Наши Робинзоны спасались от дождя под деревьями, а чуть только прояснялось, снова принимались за дело.

Восемнадцатого ноября отобранные для ограды деревья лежали на земле: все верхушки уже были отрублены и стволы очищены от ветвей.

В эти дни возле речки не появлялось ни одного дикого зверя. Может быть их вообще не осталось на острове, если допустить, что убитые медведь и тигр были единственными представителями этих пород. Увы, предположение было бы совершенно невероятным!

Поэтому Годфри и не думал отказываться от своего плана — отгородить Вильтри высоким прочным забором, который мог бы их защитить от всяких неприятных неожиданностей.

К тому же, было сделано самое трудное. Оставалось лишь переправить бревна к месту постройки.

Да, самое трудное было позади! И как бы они справились с переноской бревен, если бы Годфри не пришла в голову бле-

¹ В одном долларе сто центов.

стящая мысль сплавить лес по реке? После обильных дождей речка стала полноводной и стремительной. Без особых затруднений можно будет составить из бревен плоты и пустить их вниз по течению. У мостика они сами остановятся и будут разобраны, а от мостика до Вильтри шагов двадцать.

Больше всех радовался учитель танцев: усердная работа восстанавливала его поколебленное достоинство.

Девятнадцатого ноября первые плоты, пущенные вниз по течению, благополучно прибыли на место и были задержаны перегородившим реку мостом. Меньше чем за три дня удалось таким образом переправить весь заготовленный лес.

Двадцать первого ноября часть бревен была уже забита в землю фута на два в глубину. Столбы с заостренными верхушками скреплялись между собой гибкими, но крепкими прутьями. Забор получился что надо!

Видя, как быстро продвигается дело, Годфри испытывал большое удовлетворение и говорил Тартелетту, что скоро они действительно будут как в крепости.

— Действительно как в крепости мы будем только на Монтгомери-стрит, в особняке вашего дядюшки Кольдерупа, — сухо отвечал учитель.

Попробуй возразить на это замечание!

Двадцать шестого ноября забор на три четверти был готов. Вильтри оказалось в центре ограды, внутри которой было еще несколько секвой, среди них и та, где находился курятник. Сама собой напрашивалась мысль отвести часть огороженного пространства под хлев — устроить его здесь было бы совсем нетрудно.

Еще три-четыре дня, и забор будет закончен. Останется только приделать прочную дверь, и обитатели Вильтри почувствуют себя в безопасности.

Но на следующий день, 27 ноября, работу прервало одно неожиданное обстоятельство, столь же необъяснимое, как и многое другое, что происходило на острове Фины. В этот день, около восьми часов утра, Карефиноту, взобравшись на дерево по узкой трубе дупла, чтобы законопатить верхнее отверстие на случай сильного дождя или ветра, вдруг закричал во весь голос.

Годфри, занятый устройством забора, поднял голову и увидел, что негр решительными жестами подзывает его к себе наверх, понимая, что туземец не стал бы его беспокоить по пустякам, юноша, захватив подозрительную трубу, быстро поднялся по внутренним стенкам дупла, пролез через верхнее от-

верстие, достиг главного разветвления и вскоре уже сидел верхом на одной из громадных веток.

Карефиноту показал ему рукой на округлый выступ, образуемый с северо-востока береговой линией острова. Там поднимался к небу густой столб дыма.

— Опять! — вскричал Годфри.

И, наведя подзорную трубу, он убедился, что на этот раз никакого обмана зрения быть не могло: дым, очевидно, шел от большого костра, так как виден был отчетливо на расстоянии примерно пяти миль.

Годфри повернулся к негру, который взглядами, возгласами и всем своим существом выражал крайнее удивление. Но и сам Годфри удивлен был ничуть не меньше.

Взору открывалась морская гладь, чистая и спокойная. Ни корабля, ни паруса, ни туземной прао — ничего, что могло бы напомнить о недавней высадке дикарей.

— Ну, на этот раз меня не проведут! Теперь уж я узнаю, от какого огня исходит дым! — воскликнул Годфри.

И указав негру на северо-восток, потом на нижнюю часть секвойи, дал ему понять, что немедленно хочет отправиться к тому месту.

Карефиноту его не только понял, но даже одобрил этот план кивком головы.

«Если там скрывается человек, — размышлял Годфри, — я разужнаю, кто он и откуда! Нужно выяснить, почему он там прячется! Прежде всего, это необходимо знать для нашей же безопасности!»

Спустившись с дерева, Годфри рассказал Тартелетту о том, что увидел и что решил предпринять; затем предложил ему отправиться вместе с ними.

Но до северного побережья было не менее десяти миль, а Тартелетт превыше всего на свете ценил свои ноги, считая, что они предназначены только для благородных упражнений. Именно по этой причине он предпочел бы остаться в Вильтри.

— Хорошо! — сказал Годфри. — Мы пойдем одни! Но не ждите нас раньше вечера.

Захватив с собой немного провизии, чтобы позавтракать на привале, Годфри и Карефиноту простились с Тартелеттом, не преминувшим заметить, что все равно они ничего не найдут, только утомятся без надобности.

Годфри взял ружье и револьвер, а негр — топор и свой любимый охотничий нож. Они перешли по мостику на правый

берег и направились через прерию на противоположный конец острова — к тому месту, где из-за скал поднимался дым.

Это было восточней скалистого мыса, куда Годфри ходил в первый раз. Оба они шли быстрым шагом, с тревогой озираясь по сторонам и боясь, чтобы нападение зверя, притаившегося где-нибудь в кустах, не застало бы их врасплох; но нигде никого не было.

В полдень они сделали короткий привал и затем, продолжая свой путь, вскоре достигли переднего ряда прибрежных скал. До места, откуда по-прежнему поднимался дым, оставалось еще не менее четверти мили.

Годфри и Карефиноту еще быстрее пошли вперед, все время держась настороже, чтобы сохранить за собой преимущество неожиданного нападения и вместе с тем избежать опасности.

Но не прошло и двух-трех минут, как дым полностью рассеялся, будто кто-то внезапно погасил костер.

Тем не менее Годфри хорошо запомнил место, откуда поднимался дым. Это был выступ скалы, напоминавшей по форме усеченную пирамиду. Пройдя еще около четверти мили, они преодолели скалистую гряду и, очутившись шагах в пятидесяти от цели, пустились бежать... Никого!.. Но на этот раз не совсем погасший огонь и тлеющие угли были самыми вескими доказательствами...

— Кто-то здесь был! — воскликнул Годфри. — Был только сейчас!.. Надо разузнать, кто это!..

Он подал голос... Никакого ответа!.. Карефиноту испустил оглушительный крик... Никто не отозвался!

Годфри и его спутник облазили все окрестные скалы, исследуя, нет ли поблизости какой-нибудь пещеры или грота, где мог бы спрятаться потерпевший кораблекрушение или притаиться туземец, внимательно осмотрели даже самые узкие щели и выемки. Все было напрасно: никакого подобия жилища, ни следов человеческих ног...

— Во всяком случае, — повторял Годфри, — нам теперь ясно, что дым этот не от горячего источника, а от горящего костра. Сам собою, конечно, огонь загореться не мог!

Около двух часов пополудни, утомленные напрасными поисками, разочарованные и встревоженные, Годфри и Карефиноту пустились в обратный путь к Вильтри.

Годфри шел, погруженный в свои думы. Ему казалось, что остров находится во власти какой-то таинственной силы. По-

явление дыма, присутствие зверей — все это было крайне загадочно.

Часом позже он окончательно убедился в справедливости своих предположений, когда услышал под ногами какой-то странный шум, напоминающий шелест опавших листьев. В ту же минуту Карефиноту оттолкнул Годфри, и змея, уже готовая броситься на него, зашуршала в траве.

— Змея! — воскликнул он. — Ко всему прочему еще и змеи! Разве мало нам медведей и тигров?

Да! Это была змея — из тех, которые выдают себя специфическим шумом. Гремучая змея — гигант среди ядовитых пресмыкающихся.

Карефиноту бросился за рептилией, успевшей уже проскользнуть в густые заросли, догнал и ударом топора отсек ей голову. Обезглавленное туловище змеи билось в агонии на окровавленной земле.

Множество ядовитых змей попадалось им и на подходе к дому — в той части прерии, которая отделялась ручьем от Вильтри. По-видимому, остров Фины подвергся нападению ползучих гадюк. Откуда они взялись? Почему их не было раньше? В эти тревожные минуты Годфри вспомнился легендарный Тенос, получивший известность в древнем мире благодаря змеям, которых там было видимо-невидимо. Отсюда даже происходит название одного из видов гадюк.

— Поспешим! — крикнул Годфри Карефиноту, жестом давая понять, что нужно ускорить шаг.

Юношей овладело беспокойство. Не зная, какие еще могут случиться беды, он хотел побыстрее возвратиться в Вильтри. Предчувствие его не обмануло. Только он вступил на мостик, как послышались отчаянные вопли и мольбы о помощи.

— Это Тартелетт! — воскликнул Годфри. — Он в опасности! Бежим!

Миновав мост и пробежав еще шагов двадцать, они увидели Тартелетта, бегущего опрометью им навстречу. За ним с разинутой пастью гнался громадный крокодил, появившийся, очевидно, из реки. Несчастный учитель танцев, вне себя от страха, неся напрямик вместо того, чтобы свернуть направо или налево. Расстояние между ним и чудовищем неумолимо сокращалось... Вдруг учитель танцев споткнулся и упал. Все кончено... Он погиб...

Годфри замер, но тут же, со свойственным ему хладнокровием, не думая об опасности, сорвал с плеча карабин и прицелился крокодилу в глаз.

Хорошо направленный выстрел сразил чудовище. Крокодил прыгнул в сторону и упал без движения.

Карефиноту подбежал к учителю танцев и помог ему подняться. Тартеллет отделался одним страхом. Но каким страхом!

Было шесть часов вечера. Минутой позже Годфри и его спутники достигли большой секвойи.

Какие грустные мысли приходили им в голову за ужином! Сколько долгих бессонных ночей предстояло им провести на злополучном острове Фины, где, казалось, сама природа ополчилась на бедных Робинзонов?

Учитель танцев все время повторял одни и те же слова:

— Ах, как бы я хотел отсюда уехать!.. Как хотел бы я отсюда уехать!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

*которая заканчивается удивительной репликой
Карефиноту*

Наступила зима, под этими широтами все же достаточно суровая. Давали себя чувствовать первые холода, и следовало ожидать дальнейшего понижения температуры. Годфри правильно поступил, перенеся очаг внутрь жилища. Работы по возведению ограды к тому времени уже закончились, а прочная дверь обеспечивала безопасность жителям Вильтри.

В течение шести недель, то есть до середины января, на острове свирепствовали такие ураганы, что уходить далеко от дома было просто невозможно. Стволы гигантских секвой раскачивались от сильного ветра, срывавшего сухие ветки, которые тут же подбирались и складывались про запас: огонь в очаге не затухал, пожирая много топлива.

Наши островитяне должны были закутаться во все теплое, что нашлось в сундуке. Во время походов за камасами больше всего выручали куски шерстяной материи, но так как погода с каждым днем ухудшалась, и эти экскурсии пришлось сократить до минимума. Об охоте нечего было и думать: намело столько снега, словно остров Фины находился не в тропической зоне, а где-то у Полярного круга.

Северная Америка, благодаря дующим с севера ветрам, — одна из самых холодных стран земного шара. Зима в ней длится до середины апреля, и с морозами приходится выдер-

живать настоящую борьбу. Поневоле напрашивался вывод, что остров Фины, вопреки предположениям Годфри, лежал примерно на тех же широтах — севернее Сан-Франциско.

Нужно было как можно лучше приспособить жилище к зиме. Правда, ветер туда не проникал, но сырость и холод ощущались. Поэтому наши Робинзоны, пока хватало провизии, заботились главным образом об утеплении Вильтри. Когда стало подходить к концу засоленное черепащее мясо, пришлось принести в жертву желудку несколько коз, агути и овец, поголовье которых почти не увеличивалось с тех пор, как они попали на остров.

Было от чего предаваться грустным размышлениям!

Как раз в это время Годфри заболел сильной лихорадкой, не отпускавшей его около двух недель. Не будь в его распоряжении лекарств, найденных в том же сундуке, вряд ли бы он быстро поправился. В отличие от Тартелетта, не способного оказать больному никакой помощи, Карефиноту ухаживал за ним так самоотверженно, что во многом способствовал его выздоровлению.

Трудно передать, какие Годфри испытывал муки, как он сожалел о прошлом и винил себя за все случившееся, за то ужасное безвыходное положение, в котором очутился по своей же вине! Сколько раз в лихорадочном бреду он звал свою невесту Фину и дядюшку Виля, которые находились за сотни миль, и, казалось, были для него навсегда потеряны! Как проклинал он теперь жизнь Робинзона, которая так пленяла его юношеское воображение и представлялась непостижимым идеалом! И вот суровая действительность заставила его, городского жителя, испытать все трудности существования на лоне природы и даже отнять надежду вернуться когда-нибудь в родной дом...

Так прошел самый грустный из всех месяцев — декабрь, и только перед новым годом Годфри стал понемногу поправляться.

Что касается Тартелетта, то он, по милости судьбы, чувствовал себя превосходно, хотя и не переставал охать и стонать. И подобно тому, как грот нимфы Калипсо после отъезда Одиссея «перестал оглашаться веселыми звуками», так и в Вильтри больше не звучала карманная скрипка: ее струны затвердели от холода.

Годфри тревожило не только присутствие хищных зверей, но и возможное появление туземцев. Раз уж им стало известно, что на острове находятся люди, ничто им не мешает сю-

да вернуться, а бревенчатый забор вряд ли от них защитит. Придя к такому заключению, Годфри решил, что самым надежным убежищем будут ветви секвойи, и поэтому следует позаботиться о более быстром и удобном способе подъема, а также о защите входного отверстия от непрошенных гостей, если бы они попытались проникнуть внутрь дупла.

С помощью Карефиноту Годфри устроил в стенках секвойи ступеньки и соединил их веревкой, свитой из волокнистых растений. Таким образом в жилище Робинзонов появилась лестница.

— Ну, вот! — с улыбкой сказал Годфри, кончив работу. — Теперь у нас два дома: внизу — городской, а сверху — загородный.

— Я предпочел бы погреб, но только на Монтгомери-стрит, — ответил Тартелетт.

Наступили рождественские праздники, которые всегда так весело встречают в Соединенных Штатах Америки. Первый день нового года, наполненный радостными детскими воспоминаниями, был дождливым, снежным, холодным и мрачным.

Вот уже пять месяцев, как потерпевшие крушение на «Дриме» были отрезаны от всего мира.

Начало года не только не казалось счастливым, но сулило еще более суровые испытания.

Снег шел, не переставая, до 17 января. В этот день Годфри выпустил животных на луг, чтобы они сами позаботились о пропитании.

К вечеру опять стало холодно и сыро. Остров и темные очертания секвой вскоре погрузились в глубокий мрак.

Годфри и Карефиноту, вытянувшись на своих постелях, напрасно старались заснуть. Около десяти часов они услышали доносившийся с севера отдаленный шум, который постепенно становился все отчетливее.

Ошибки быть не могло. Поблизости бродили хищные звери. К страшным завываниям тигра и гиены присоединилось дикое рычание пантеры и льва. Какой это был ужасный концерт!

Годфри, Тартелетт и негр немедленно вскочили, охваченные неопишуемым страхом. Надо заметить, что Карефиноту выказывал не только страх, но и крайнее удивление.

Так в отчаянной тревоге прошло два долгих часа. Рычание слышалось все ближе и ближе и вдруг сразу прекратилось, как если бы стая диких зверей, не зная местности, по ко-

торой проходила, вдруг подалась в другую сторону. Быть может, Вильтри избежит нападения?

«Так или иначе,— думал Годфри,— если нам не удастся уничтожить всех этих зверей до последнего, покоя на острове не будет».

Вскоре после полуночи возобновился яростный рев. Хищники теперь находились в непосредственной близости от Вильтри.

Но откуда здесь взялись дикие звери? Ведь не могли же они приплыть по морю на остров Фины? Значит, они были здесь раньше, еще до появления Годфри! В таком случае, что побуждало их так старательно прятаться и почему во время экскурсий по острову и охоты в самых отдаленных местах, если не считать случайной встречи с медведем и тигром, он ни разу не напал на их след? И где находится таинственное логово, в котором скрывались все эти львы, гиены, пантеры и тигры? Из всего непонятного, что творилось до сих пор на острове, внезапное нападение зверей было самой необъяснимой загадкой.

Карефиноту, казалось, не верил ушам своим, содрогаясь от грозного рева. При свете очага можно было заметить, как на его черном лице появлялись странные гримасы.

Тартелетт то жалобно хныкал, то причитал в своем углу. Он забрасывал Годфри вопросами, но тот не имел ни желания, ни возможности ему отвечать. Перед лицом страшной опасности юноша измышлял средства, как ее предотвратить.

Он не раз выходил с Карефиноту к бревенчатой ограде, чтобы убедиться, крепко ли заперта дверь.

Вдруг, откуда ни возмись, стадо домашних животных со страшным шумом бросилось к Вильтри.

Козы, бараны и агути, испуганные рычанием хищных зверей и чую их приближение, покинули пастбище и в панике устремились к большим секвойям.

— Нужно открыть дверь! — крикнул Годфри.

Карефиноту кивнул головой в знак согласия и молча выполнил приказание.

В ту же минуту стадо ринулось внутрь загородки, а вслед за ним в глубокой темноте метнулись неясные тени и фосфорическим блеском сверкнули зловещие глаза.

Нельзя было терять ни секунды. Годфри не успел опомниться, как Карефиноту втолкнул его в дупло и закрыл дверь Вильтри. Все это туземец проделал в мгновение ока.

Но калитка забора осталась незапертой, и хищники про-
рвались за ограду. Снова раздался дикий рев, к которому при-
мешивалось жалобное блеяние скота.

Годфри и Карефиноту, прильнув к окошкам, прорублен-
ным в коре секвойи, с трепетом следили за кровавой оргией
хищников.

Тигры или львы, пантеры или гиены — в темноте нелегко
было разобрать, какие именно звери — накинулись на домаш-
них животных.

Тартелетт, в припадке безумного страха, схватил ружье и,
просунув его наружу, собирался спустить курок.

Годфри успел его удержать.

— Остановитесь! — сказал он учителю. — В такой темноте
почти невозможно попасть в цель, а у нас не так много заря-
дов, чтобы тратить попусту. Нужно подождать до рассвета!

И он был прав. Скорее, чем хищных зверей, пули могли
сразить домашних животных, которых было значительно
больше. Спасти их теперь казалось совершенно невозможно.
Пожалуй, даже благоразумнее было ими пожертвовать, что-
бы дикие звери, насытившись, убрались еще до рассвета из
Вильтри. Тогда будет время поразмыслить, как уберечься от
нового нападения.

«Лучше всего, — думал Годфри, — воспользоваться ночным
мраком, чтобы не выдать хищникам своего присутствия
и не дать им повода предпочесть людей домашним живот-
ным».

Но обезумевший от ужаса Тартелетт не способен был вни-
мать ни просьбам, ни уговорам. И тогда Годфри без лиш-
них слов отобрал у него ружье. Учитель танцев в отчаянии
упал на свою постель, проклиная и путешествия, и путеше-
ственников, и вообще всех маньяков, которым не сидится
дома.

Тем временем Годфри с Карефиноту снова заняли наблю-
дательные посты, не в силах помешать ужасной резне, проис-
ходившей в нескольких шагах от Вильтри. Блеяние коз и бара-
нов мало-помалу стихло. По-видимому, часть стада звери уже
успели растерзать, а уцелевшие животные выбежали за огра-
ду — навстречу неминуемой смерти. Гибель домашнего скота
была невозполнимой потерей для маленькой колонии. Но бу-
дущее сейчас мало занимало Годфри, все его мысли были по-
глощены настоящим.

Около часа ночи рычание и вой хищников на несколько
минут прекратились, но Годфри и Карефиноту продолжали

стоять у окошек: им казалось, что в ограде Вильтри мелькают огромные тени. Доносился неясный шум.

Должно быть, прибежали и другие звери, привлеченные запахом крови. Они обнюхивали гигантское дерево и сновали вокруг него с сердитым рычанием. Некоторые из этих прыгающих теней напоминали огромных кошек. Очевидно, одного стада им было мало: хищников дразнили запахи человеческого жилья.

Годфри и его товарищи боялись пошевелинуться. Сохраняя полное молчание, они надеялись избежать вторжения зверей внутрь секвойи.

Но злосчастный поступок Тартелетта открыл хищникам присутствие людей и свел на нет все предосторожности.

Одержимый галлюцинациями, учитель танцев схватил револьвер и выстрелил наугад, воображая, что на него набросился тигр. Раньше, чем Годфри и Карефиноту успели ему помешать, пуля прошла через дверь Вильтри.

— Несчастный! Что вы сделали! — воскликнул Годфри, подбегая к Тартелетту, в то время как Карефиноту успел отобрать у него оружие.

Но было уже поздно. В ответ на выстрелы раздалось рычание... Хищники бросились в атаку. Громадные когти раздирали кору секвойи, трясли дверь, недостаточно прочную, чтобы противостоять подобному натиску.

— Надо защищаться! — крикнул Годфри.

Схватив ружье и привесив к поясу патронташ, он снова занял свой пост у одного из окошек.

К его удивлению, Карефиноту сделал то же самое. Да! Туземец схватил другой карабин — оружие, которым они никогда до этого не пользовались — наполнил карманы патронами и тут же устроился у второго окошка.

И вот сквозь амбразуру загревели выстрелы. При свете вспышек Годфри и Карефиноту смогли разглядеть своих врагов.

Внутри ограды, воя от ярости, беснуясь от выстрелов, прыгали и падали под пулями львы и тигры, гиены и пантеры — не менее двух десятков зверей! Их оглушительный рев разносился так далеко, что ему вторили хищники, бродившие в окрестностях Вильтри. Уже можно было расслышать завывания, доносившиеся из леса и прерии. Звери выли все громче, с каждой минутой все ближе подбегаясь к Вильтри. Не иначе, как на остров Фины кому-то вздумалось выпустить целый зверинец!

Не обращая внимания на Тартелетта, который в эти критические минуты терял голову, Годфри и Карефиноту хладнокровно продолжали стрельбу. Чтобы не терять даром патронов и бить без промаха, они выжидали появления какой-нибудь тени, затем прицеливались и стреляли в нее. Раздался дикий рев, показавший, что пуля сделала свое дело.

Через четверть часа вой прекратился, потому ли, что звери устали от непрерывных атак, стоивших многим из них жизни, или потому, что ждали рассвета, чтобы возобновить нападение в более благоприятных условиях.

Что бы там ни было, ни Годфри, ни Карефиноту не отходили от смотровых окошек. Негр стрелял так же хорошо, как и Годфри, и если им руководил только инстинкт подражания, то, нужно признаться, что этот инстинкт был у него поразительно развит.

Около двух часов ночи хищники в удвоенном количестве и с удвоенной яростью ринулись в новую атаку. Опасность была неминуемой, защищаться становилось почти невозможно. У подножья секвойи раздался яростный рев. Годфри и Карефиноту со своих наблюдательных постов продолжали бить по метущимся теням. Звери трясли и царапали когтями дверь. В любой момент она могла рухнуть... Через щели доносилось горячее дыхание хищников, стремящихся прорваться в Вильтри.

Годфри и Карефиноту пытались укрепить дверь кольями, на которых держались топчаны, но это была напрасная попытка: дверь сотрясалась от натиска и трещала от могучих толчков.

Годфри понимал, что дальнейшая борьба бесполезна. Если звери ворвутся в Вильтри, огнестрельное оружие не поможет. Юноша стоял, скрестив руки, и с ужасом глядел, как сотрясалась сверху донизу дверь. Больше ничего он не мог предпринять.

В отчаянии он провел рукой по лбу, но тут же овладел собой и крикнул:

— Наверх! Все наверх!

И указал рукой на узкий проход в дупле, выходящий к разветвлению большой секвойи.

Не медля ни минуты, они с Карефиноту, захватив ружья, револьверы и боеприпасы, стали искать Тартелетта, чтобы силой заставить его последовать за ними. До сих пор учитель танцев никак не мог решиться влезть на такую высоту.

Но Тартелетта нигде не оказалось. Пока его товарищи стреляли, напуганный учитель танцев, по-видимому, забрался туда по внутренней лестнице.

— Наверх! — повторил Годфри.

Это было последнее убежище, где можно было чувствовать себя в безопасности. В любом случае, если тигр или пантера вздумают подняться до разветвления Вильтри, можно будет отбить нападение, обстреляв выходное отверстие, через которое они должны будут проникнуть.

Не успели еще Годфри и Карефиноту подняться на тридцать футов, как внутри секвойи послышалось рычание. Очевидно, дверь была сорвана. Опоздай они на несколько минут, их ждала бы неминуемая гибель.

Ускорив подъем, они быстро достигли верхнего отверстия дупла. Вдруг раздался душераздирающий крик. Бедный Тартелетт вообразил, что к нему взбирается пантера или тигр. Несчастный танцмейстер висел на тонкой ветке, вцепившись в нее руками и ногами; ветка сгибалась под его тяжестью и готова была обломиться.

Карефиноту протянул ему руку, заставил спуститься пониже и привязал к дереву своим поясом. Затем Годфри и туземец расположились с разных сторон у развилки, чтобы держать выход из дупла под перекрестным огнем.

Прошло несколько минут тягостного ожидания.

По-видимому, в этих условиях осажденные были в полной безопасности.

Годфри старался разглядеть, что происходит внизу, но в кромешной тьме ничего нельзя было различить. Он начал прислушиваться. Судя по тому, что рычание не прекращалось, звери не собирались покинуть Вильтри.

Вдруг около четырех часов утра внизу, у подножья дерева, мелькнул яркий свет. Потом засветились окна, и в то же время из отверстия дупла повалил едкий дым, поднимавшийся к верхним ветвям.

— Что там случилось? — воскликнул Годфри и тут же догадался, что это такое.

Звери, проникнув внутрь Вильтри, раскидали уголь из очага. Загорелись деревянные топчаны, стол, табуретки, а затем воспламенилась и высохшая кора дерева. Гигантская секвойя горела на самом основании ярким пламенем.

Положение сделалось еще ужаснее, чем прежде. Пламя пожара осветило все вокруг и можно было видеть, как испуганные звери метались у подножья секвойи.

Почти в ту же минуту раздался оглушительный взрыв, потрясший до основания весь ствол гигантского дерева. Сильный напор воздуха вырвался из верхнего отверстия дупла, как при выстреле из оружейного дула.

Это взорвался хранившийся в Вильтри остаток пороха.

Годфри и Карефиноту чудом удержались на месте, а Тартелетта спасло то, что он был привязан к ветвям.

Испуганные звери бросились наутек. Благодаря вспышке пороха, дерево загорелось с еще большей силой. Огонь поднимался внутри огромного ствола, как по вытяжной трубе. Громадные языки пламени лизали внутренние стенки секвойи и доходили до самого разветвления. Сухая кора лопалась с треском, подобно револьверным выстрелам. Зарево пожара освещало не только группу секвой, но и все побережье, от Флагпункта до южного мыса Дримбея.

Огонь быстро распространялся и доходил уже до первого разветвления Вильтри, угрожая Годфри и его спутникам. Неужели им суждено погибнуть в этом огне, против которого они бессильны? Неужели у них остался только один выход — броситься отсюда на землю? Но и в этом случае их ждала верная смерть!

Годфри мучительно соображал, нельзя ли найти какое-нибудь средство для спасения, но придумать ничего не мог. А между тем, загорались уже нижние ветви, и густая пелена дыма, обволакивая все вокруг, закрывала от взоров проблески утренней зари.

Вдруг раздался ужасный треск. Сгоревшая у основания секвойя подломилась и стала медленно падать.

Годфри и его спутники считали себя уже погибшими. Но, к счастью, большая секвойя при падении уперлась в ветви соседних деревьев и осталась в наклонном положении, образуя над поверхностью земли угол в сорок пять градусов.

— Девятнадцатое января! — прозвучал чей-то голос, показавшийся Годфри удивительно знакомым.

Неужели это сказал Карефиноту?.. Да, Карефиноту! Это он, не понимавший до сих пор по-английски, заговорил на английском языке!

— Ты говорил по-нашему? — воскликнул Годфри, спускаясь к нему по веткам.

— Да, я хочу сказать, — ответил Карефиноту, — что сегодня, девятнадцатого января, сюда на остров должен приехать ваш дядя Виль, и если он не приедет — мы пропали!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ,

*в которой объясняется все,
что казалось до сих пор необъяснимым*

Прежде чем Годфри успел ответить, неподалеку от Вильтри прогремели ружейные выстрелы.

В ту же минуту хлынул грозовой дождь, настоящий ливень, загасивший пламя, грозившее уже перекинуться на соседние деревья, к которым, падая, прислонилась большая секвойя.

После всех необъяснимых явлений на Годфри обрушилась новая лавина загадок: Карефиноту, вдруг заговоривший, как истый лондонец, на чистейшем английском языке, сообщение о скором прибытии дядюшки Вилья, и, наконец, эти неожиданные ружейные выстрелы.

Годфри казалось, что он сходит с ума, но у него не было времени проверить свои ощущения. Не прошло и пяти минут после того, как раздались выстрелы, когда из-за деревьев показалось несколько матросов во главе с капитаном Тюркотом.

Годфри и Карефиноту тут же стали спускаться по наклонному стволу, хотя внутренние стенки секвойи были еще охвачены огнем.

Не успел Годфри сойти на землю, как его окликнули два радостных голоса, которые нельзя было не узнать.

— Племянник Годфри! Честь имею кланяться!

— Годфри!.. Дорогой Годфри!..

— Дядя Виль!.. Финая!.. Это вы?.. — отозвался окончательно сбитый с толку юноша.

Еще через несколько секунд он обнимал их обоих.

Между тем, два матроса, по команде капитана Тюркота, быстро влезли на секвойю, отвязали злополучного Тартелетта и спустили его вниз со всеми предосторожностями и подобающим его персоне почтением.

И тут посыпались вопросы, ответы, объяснения...

— Дядя Виль! Неужели это вы?

— Да! Как видишь!

— Но как вам удалось открыть остров Фины?

— Остров Фины? — переспросил Кольдеруп. — Ты хочешь сказать остров Спенсер? О, это не составило большого труда, так как я купил его шесть месяцев назад!

— Остров Спенсер?

— И ты назвал его моим именем, милый Годфри? — спросила Финая.

— Ну и что ж! Это имя мне нравится, так и будем впредь его называть! — заметил Уильям Кольдеруп. — Но до сих пор для географов это был остров Спенсер; он находится в трех днях пути от Сан-Франциско. Я счел полезным отправить тебя сюда, чтобы ты познал на собственном опыте, что такое жизнь Робинзона.

— Что вы говорите, дядя? — воскликнул Годфри. — Если это правда, то, конечно, мне воздано по заслугам. Но как же тогда объяснить кораблекрушение «Дрима»?

— Это была инсценировка! — засмеялся Уильям Кольдеруп, бывший в самом благодушном настроении, в каком его когда-либо видели. — По моему указанию капитан Тюркот наполнил водобалластные отделения, и судно немного опустилось. Поэтому ты и вообразил, что корабль тонет. Но как только капитан убедился, что вы с Тартелеттом выбрались на берег, он дал задний ход, и через три дня преспокойно вернулся в Сан-Франциско. И на «Дриме» же в назначенный мною день мы вернулись за тобой на остров Спенсер.

— Значит никто из экипажа не погиб при кораблекрушении? — спросил Годфри.

— Никто... Разве тот несчастный китаец, который прятался в трюме. По крайней мере, его нигде не нашли.

— А пирога?

— Фальшивая. Ее построили по моему указанию.

— А дикари?

— Тоже фальшивые. К счастью, ты никого из них не убил.

— А Карефиноту?

— Такой же, как и все остальные. Это мой верный Джип Брасс, который, как я вижу, великолепно сыграл назначенную ему роль Пятницы.

— Да! — проговорил Годфри. — Он дважды спас мне жизнь: при встрече с медведем и с тигром.

— С поддельным медведем и искусственным тигром, — сказал Кольдеруп, надрываясь от смеха. — Оба чучела были привезены на остров незаметно для тебя Джипом Брассом и его спутниками.

— Но ведь звери ворочали головой и лапами...

— При помощи пружины, которую Джип заводил ночью, за несколько часов до твоих встреч с хищниками, которые он же и подстраивал.

— Так вот оно что! — пробормотал Годфри, немного сконфуженный, что дал себя так легко провести.

— Да, дорогой племянник, на твоём острове все было слишком благополучно, и потому я доставил тебе несколько случаев поволноваться.

— Тогда, — ответил Годфри, не в силах удержаться от смеха, — раз уж вам захотелось дать мне такой урок, то зачем же было присылать сундук со всеми необходимыми вещами?

— Сундук? — удивился Кольдеруп. — Какой сундук? Я не посылал тебе никакого сундука! Уж не ты ли это постаралась?..

И он выразительно взглянул на Фину, которая от смущения опустила глаза и потупила голову.

— Теперь мне понятно, — продолжал Кольдеруп. — В таком случае, у Фины должен быть соучастник... — И дядюшка резко повернулся к капитану Тюркоту, который разразился звонким смехом.

— Как вам угодно, мистер Кольдеруп, — сказал капитан, — с вами я ещё могу не соглашаться... но слишком трудно было бы отказать мисс Фине. И вот... четыре месяца назад, когда вы послали меня проверить, что делается на острове, я отправил туда шлюпку с этим самым сундуком.

— Фина! Моя милая Фина! — произнес растроганный Годфри, протягивая девушке руку.

— Но, капитан Тюркот! Вы же обещали мне держать все в секрете, — сказала, зардевшись, Фина.

Дядюшка Кольдеруп, укоризненно покачав головой, напрасно пытался скрыть волнение.

Но если Годфри слушал все эти объяснения с веселой улыбкой, то Тартелетт совсем не смеялся! Ему было не до смеха! То, что он только что узнал, потрясло его до глубины души, буквально уничтожило! Как это он, известнейший учитель танцев и изящных манер, стал жертвой подобной мистификации?

Он вышел вперед с видом оскорбленного достоинства и спросил:

— Может быть, вы будете утверждать, мистер Кольдеруп, что гнавшийся за мной крокодил тоже был заводной и сделан из картона?

— Крокодил? — удивился дядюшка.

— Да, мистер Кольдеруп, — заметил Карефиноту, которому пора уже возвратить его настоящее имя — Джип Брасс. — За господином Тартелеттом действительно гнался живой крокодил.

Тогда Годфри рассказал обо всем, что случилось за последнее время: о внезапном нападении огромного количества хищников — львов, тигров, пантер, затем о нашествии змей, которые до этого, за все четыре месяца, ни разу на острове не показывались.

Тут уже пришла очередь удивляться Уильяму Кольдерупу. Он ничего не мог понять. Ведь доподлинно было известно, что на острове Спенсер не водилось ни хищных зверей, ни ядовитых пресмыкающихся. Это даже специально оговаривалось в продажном реестре. В равной степени он не мог понять, кто разводил костры, которые тщетно пытался обнаружить Годфри в разных концах острова, наблюдая за появлением дыма. Итак, выходило, что многие события, происходившие на острове, не были предусмотрены программой.

Что же касается Тартелетта, то он был не из тех людей, которых можно поймать на удочку. Он не поверил ни одному слову Кольдерупа. По его мнению, все было настоящее: и кораблекрушение, и дикари, и хищные звери. И никто бы его не разуверил в подлинности того эпизода, когда он проявил недюжинную храбрость, с первого же выстрела сразив наповал предводителя отряда полинезийцев. Нет, он не мог допустить, что это был один из служащих Кольдерупа, который только притворился убитым и в настоящее время наслаждался таким же отменным здоровьем, как и сам учитель танцев.

Итак, всему нашлось объяснение, кроме непонятного нашествия зверей и загадочного появления дыма. Даже Уильяму Кольдерупу поневоле пришлось призадуматься. Но будучи человеком практичным, он решил на некоторое время отложить эти вопросы и обратился к племяннику с такими словами:

— Годфри, ты с детства любил необитаемые острова, и, я думаю, тебе будет приятно услышать, что я дарю тебе этот остров! Ты можешь здесь жить, сколько хочешь. Я не собираюсь увозить тебя отсюда насильно. Если хочешь быть Робинзоном, будь им хоть до конца дней своих, если тебе это доставляет удовольствие...

— Быть Робинзоном?.. Всю жизнь?.. — произнес озадаченный Годфри.

— Ты в самом деле, Годфри, хочешь остаться на острове? — спросила Фина.

— Нет, уж лучше умереть, чем остаться здесь! — воскликнул Годфри, не на шутку испуганный такой перспективой. Но затем он отступил назад и взял руку Фины.

— Пожалуй,— сказал он с лукавой улыбкой,— я остался бы здесь, но только на следующих условиях: во-первых, чтобы и ты осталась вместе со мной, дорогая Фина, во-вторых, чтобы дядюшка Виль согласился жить с нами, и, наконец, чтобы священник с «Дрима» сегодня же нас обвенчал.

— На «Дриме» нет священника, и ты это прекрасно знаешь,— возразил племяннику Уильям Кольдеруп,— но в Сан-Франциско, надеюсь, они еще есть. Полагаю, что любой пастор согласится оказать нам такую услугу. Итак, завтра мы отправимся в путь!

Фина и дядюшка Виль выразили желание осмотреть остров, и Годфри сначала подвел их к секвойям, а потом— вдоль речки до мостика.

Увы! От жилища в Вильтри не осталось никаких следов! Пожар полностью уничтожил их квартиру, устроенную в дупле дерева. Если бы не своевременный приезд Уильяма Кольдерупа, наши Робинзоны погибли бы от голода, холода и диких зверей.

— Дядя Виль,— сказал Годфри.— Если острову я дал имя Фины, то дерево, в котором мы обитали, я назвал в вашу честь— Вильтри.

— Хорошо!— сказал Кольдеруп.— Мы захватим с собой семена этой секвойи и посеем их в моем саду в Фриско.

Во время прогулки они видели в отдалении несколько хищных зверей, которые, однако, не решались напасть на такую многочисленную и шумную компанию.

Но откуда все же взялись эти звери?

После прогулки все отправились на пароход, причем Тартелетт попросил разрешения захватить с собой в качестве вещественного доказательства убитого крокодила.

Вечером все собрались в рубке «Дрима», и за веселым ужином отпраздновали благополучное завершение испытаний Годфри Моргана и его обручение с Финой Холланей.

На другой день, 20 января, «Дрим» под командованием капитана Тюркота пустился в обратный путь. В восемь часов утра Годфри не без грусти заметил, как на западе исчезли туманные очертания острова, на котором он провел шесть месяцев и получил жизненные уроки, которых никогда не забудет.

Во время переезда море было спокойно, и ветер благоприятствовал нашим путешественникам. На этот раз «Дрим» шел прямо к цели, никого не вводя в заблуждение отклонениями от курса, как в первое плавание. Теперь не было необходимости терять ночью то, что приобреталось днем.

Двадцать третьего января в 12 часов пополудни судно прошло через Золотые ворота в бухту Сан-Франциско и пришвартовалось у набережной Мершен-стрит.

И вот что тогда произошло.

Из глубины трюма вдруг вышел человек, который вплавь добрался до «Дрима» с острова Фины и остался незамеченным во время всего переезда.

Кто же был этот человек?

Никто иной, как китаец Сенг-Ву, проделавший на том же корабле обратный путь в Сан-Франциско.

Китаец подошел к Уильяму Кольдерупу и вежливо сказал:

— Простите меня, мистер Кольдеруп, я сел на ваше судно в полной уверенности, что оно отправится в Шанхай. Но поскольку корабль возвратился в Сан-Франциско, мне приходится здесь с вами расстаться.

Удивленные появлением этого человека, глядевшего на них с улыбкой, пассажиры «Дрима» не знали, что ответить ему и стояли в растерянности.

Первым нарушил молчание Кольдеруп.

— Но, полагаю, что не в трюме же ты скрывался все эти шесть месяцев?

— Нет, — ответил Сенг-Ву.

— Так где же ты был?

— На острове!

— На острове? — переспросил Годфри.

— Да, — ответил китаец.

— Значит, этот дым?..

— Был от моего костра...

— Почему же ты не пришел к нам, чтобы жить вместе с нами?

— Китайцу лучше быть одному, — серьезно ответил Сенг-Ву. — Ему достаточно самого себя и больше никого не нужно.

Сказав это, чужак поклонился Уильяму Кольдерупу, сошел с парохода и исчез в толпе.

— Вот кто был настоящим Робинзоном! — воскликнул дядя Виль. — Как тебе кажется, Годфри, похож ли ты на него?

— Ладно! — ответил Годфри. — Дыму мы нашли объяснение, но откуда все-таки взялись дикие звери?

— И, главное, мой крокодил! — прибавил Тарлетт. — Надеюсь, что мне, наконец, объяснят, как он туда попал?

Уильям Кольдеруп, чувствуя себя окончательно сбитым с толку, провел рукой по лбу, как бы отгоняя набежавшее на него облако.

— Это мы узнаем позже, — сказал он. — Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Через несколько дней с большой торжественностью была отпразднована свадьба племянника Уильяма Кольдерупа и его воспитанницы. Можете не сомневаться, что многочисленные друзья коммерсанта сердечно их поздравили и пожелали всяческих благ.

Во время церемонии Тартелетт блестяще продемонстрировал свое искусство держаться в обществе: манеры его были самые изысканные, обращение самым утонченным. Ученик ни в чем не уступал ему и вел себя настолько безупречно, что еще больше повысил репутацию учителя танцев и изящных манер.

После свадьбы Тартелетт занялся своим крокодилом. Так как его нельзя было наколоть на булавку, о чем танцмейстер очень сожалел, оставалось только одно — сделать из него чучело. С расправленными лапами и полураскрытой пастью, крокодил будет подвешен к потолку и послужит прекрасным украшением комнаты учителя танцев.

Крокодила отослали к знаменитому чучельнику, который через несколько дней доставил его в лучшем виде в особняк на Монтгомери-стрит.

Все удивлялись величине чудовища, едва не проглотившего Тартелетта.

— Знаете, откуда этот крокодил? — спросил чучельник у Кольдерупа.

— Понятия не имею, — ответил дядя Виль.

— К его чешуе была прикреплена этикетка.

— Этикетка? — удивился Годфри.

— Да, вот она! — сказал мастер.

И он протянул кусок кожи, на котором несмываемыми чернилами были написаны следующие слова:

От Гагенбека из Гамбурга
Дж. Р. Таскинару, Стоктон, США

Прочитав эту надпись, мистер Кольдеруп разразился громовым хохотом.

Он все понял.

Итак, это была месть со стороны его побежденного соперника Таскинара. Это он купил у Гагенбека — владельца все-

мирно известного зоологического сада — хищных зверей, пресмыкающихся и других животных и отправил их на остров Спенсер. Конечно, такая затея стоила недешево, но зато он нанес вред врагу. Если верить легенде, точно также поступили англичане с Мартиникой, прежде чем сдать ее французам.

Теперь стало ясно все, что происходило на острове Фины.

— Ловко сыграно! — воскликнул Кольдеруп. — Даже я не сумел бы выдумать лучше, чем этот старый плут Таскинар.

— Но теперь из-за этих ужасных зверей остров Спенсер... — начала Fiна.

— Остров Фины, — поправил ее Годфри.

— ...остров Фины, — продолжала, улыбаясь, молодая женщина, — снова станет необитаемым.

— Что ж, — заметил дядюшка Кольдеруп. — Придется подождать, пока последний лев не съест последнего тигра.

— И тогда, дорогая Fiна, ты не побоишься провести там со мной лето? — спросил Годфри.

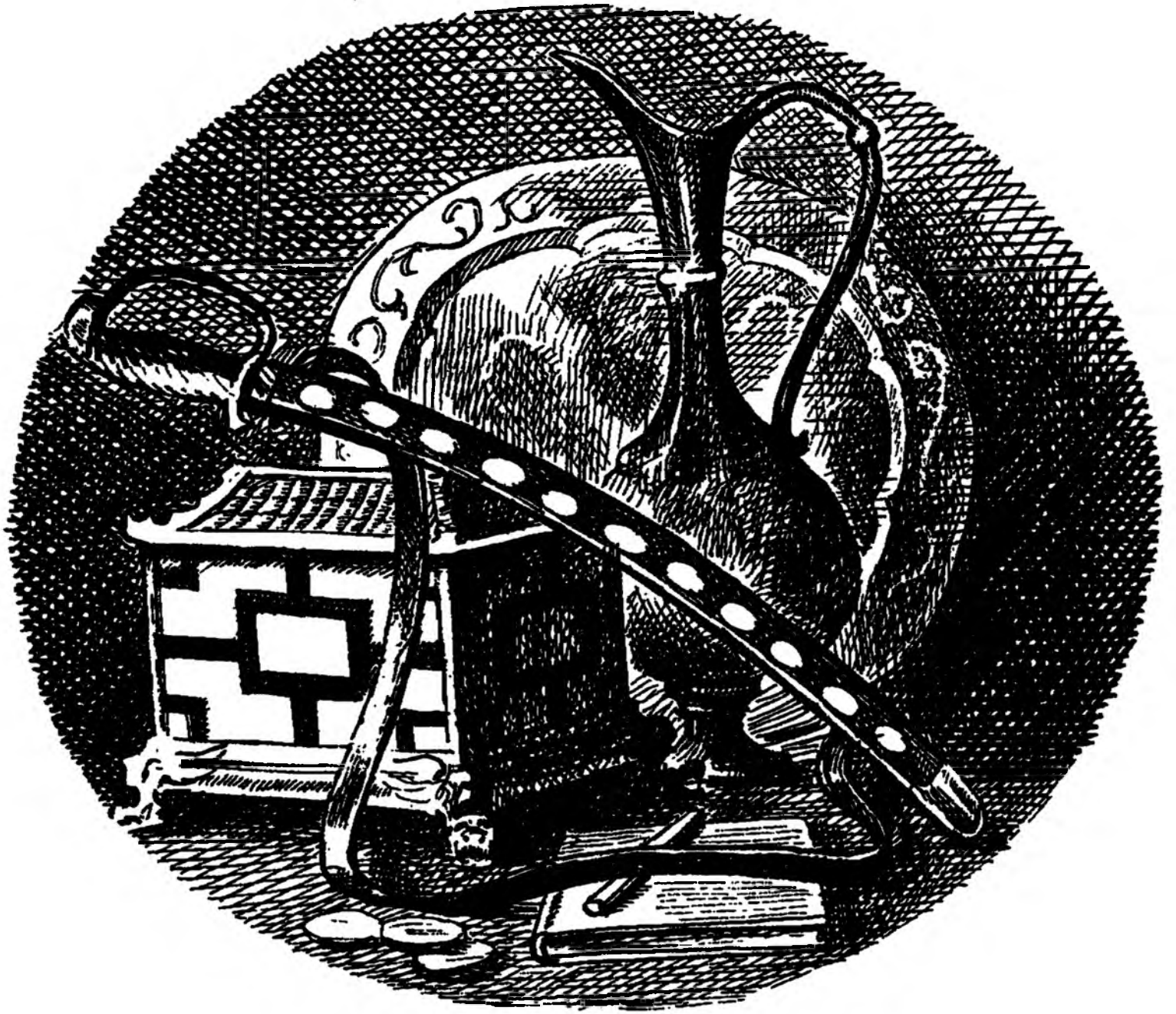
— С тобой, мой Годфри, я готова ехать куда угодно, — ответила Fiна, — а так как тебе все же не удалось совершить кругосветное путешествие...

— То мы его совершим вместе! — воскликнул Годфри. — А если волей судьбы мне придется стать настоящим Робинзоном...

— То возле тебя всегда будет преданная Робинзонша!

Клодиус Бомбарнак

РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Клодиусу Бомбарнаку,
репортеру «XX века»*

Тифлис,
Закавказская область.

Этот адрес был указан на депеше, ожидавшей меня в Тифлисе, куда я прибыл 13 мая. Распечатав ее, я прочитал:

«Клодиус Бомбарнак должен оставить все дела и 15 числа текущего месяца находиться в порту Узун-Ада на Каспийском море. Там он сядет в прямой Трансазиатский поезд, соединяющий Европейскую границу со столицей Поднебесной Империи¹. Поручается передавать впечатления в форме хроникальных заметок, интервьюировать в пути достойных внимания лиц, сообщать о любых происшествиях в письмах или телеграммах, в зависимости от срочности. «XX ВЕК» рассчитывает на усердие, сообразительность, ловкость своего корреспондента и предоставляет ему неограниченный кредит».

Вот так-так! А я только сегодня утром прибыл в Тифлис с намерением провести там три недели, затем посетить грузинские провинции, поработать на пользу моей газеты и, как я надеялся, также и на пользу моих читателей.

Сколько всяких неожиданностей и случайностей в жизни странствующего репортера!

В ту пору русские железные дороги были уже соединены с Кавказской линией Поти — Тифлис — Баку. После долгого и интересного путешествия по Южной России я собирался хорошенько отдохнуть в Тифлисе... И вот, неутомимый редак-

¹ Поднебесная Империя — прежнее название Китая.

тор «XX века» дает мне только полдня на остановку в этом городе! Не успев еще осмотреться и распаковать чемодан, я вынужден снова пуститься в путь! Но что поделаешь? Ведь надо удовлетворять современные требования репортажа — как можно больше свежих и живых новостей!

Между тем я постарался запастись самыми разнообразными сведениями — и географическими, и этнографическими — относительно Закавказской области. Стоило ли мне в таком случае узнавать, что меховая шапка, какую обычно носят горцы и казаки, называется «папахой», что стянутую в талии верхнюю одежду с пришитыми на груди гнездами для патронов одни называют «черкеской», а другие «бешметом»! К чему мне теперь знать, что грузины и армяне надевают островерхие шапки в виде сахарной головы, что купцы носят «тулупы» — нечто вроде шубы из бараньей шкуры, а курды или персы щеголяют в «бурках» — шерстяных накидках.

А «тассакрави» — головной убор прелестных грузинок, состоящий из тонкой ленты, шерстяной вуали и кисеи, который им так к лицу! А их яркие платья с широкими прорезями на рукавах; их «шальвары», опоясанные у талии; летние одежды из белой бумажной ткани, а особенно зимние — из бархата, отороченные мехом и украшенные серебряными позументами и, наконец, «чадра», закрывающая голову до глаз. Все это я старательно занес в свою записную книжку, но к чему мне теперь рассказывать о грузинских модах?

И все же, хочется вам сообщить, что в национальные оркестры входят «зурны» — нечто вроде пронзительных флейт-«саламури», напоминающие писклявые кларнеты, мандолины с медными струнами, по которым водят пером, «чианури», своеобразные скрипки, которые во время игры держат вертикально между колен, и, наконец, «димплипито» — род цимбал, грохочущих словно град по оконным стеклам.

Примите также к сведению, что «шашка» — не что иное, как сабля, висящая на перевязи, расшитой серебром и украшенной металлическими инкрустациями; что «кинжал» или «канджиар» — нож, который носят на поясе и что вооружение кавказского солдата дополняется еще длинным ружьем с узорчатой чеканкой на стволе из дамасской стали.

Могу еще вам сказать, что «тарантас» — это дорожная повозка на пяти деревянных рессорах, расположенных между широко расставленными небольшими колесами, что запрягают в нее тройку лошадей, а правит ими «ямщик», сидящий впереди на козлах. Когда же приходится брать у «смотрителя» — то есть начальника почтовой станции на Кавказских до-

рогах — четвертую лошадь, то к ямщику присоединяют еще одного возницу — «форейтора».

Так знайте же, что верста равна одному километру шестидесяти семи метрам, что кроме оседлых народностей в Закавказье есть и кочевые: калмыки — их насчитывается пятнадцать тысяч, киргизы мусульманского вероисповедания — восемь тысяч, кундровские татары — тысяча сто человек, сартовские татары — сто двенадцать человек, ногайцы — восемь тысяч пятьсот и, наконец, туркмены — около четырех тысяч!¹.

И вот, после того, как я так добросовестно изучил Грузию, какой-то «указ» заставляет меня ее покинуть. У меня даже не хватит времени подняться на вершину Арарата, где на сороковой день всемирного потопа остановился Ноев ковчег, этот первобытный баркас знаменитого библейского патриарха!

Ничего не поделаешь, придется отказаться от публикации моих путевых заметок о Закавказье и потерять добрую тысячу строк, для которых в моем распоряжении было не менее тридцати двух тысяч полноценных слов, признанных Французской Академией².

Это жестоко, но спорить не приходится!

Прежде всего я должен узнать, в котором часу выходит из Тифлиса Каспийский поезд.

Тифлисский вокзал — железнодорожный узел, соединяющий три ветки: Западную, которая кончается в Поти, порту на Черном море, где высаживаются пассажиры, приезжающие из Европы; Восточную, идущую до Баку, откуда отбывают пассажиры, которым нужно переправиться через Каспий, и недавно проложенную линию Владикавказ — Тифлис, длиною в сто шестьдесят четыре километра, связывающую Северный Кавказ с Закавказьем. Эта линия на высоте четырех тысяч пятисот футов пересекает Архотское ущелье, соединяя грузинскую столицу с рельсовыми путями Южной России³.

Я бегу на вокзал и врываюсь в зал отправления.

— Когда отходит бакинский поезд? — спрашиваю я у железнодорожного служащего.

— А вы едете в Баку? — отвечает он вопросом на вопрос и окидывает меня через свое окошечко таким неодобрительным, строго официальным взглядом, какой всегда сверкает из-под козырька русской форменной фуражки.

¹ Нужно учесть, что Клодиус Бомбарнак приводит фантастические сведения.

² Имеется в виду нормативный словарь французского языка, выпущенный Французской Академией.

³ Такой железной дороги нет до сего времени.

— Полагаю, — сказал я, с несколько излишней живостью, — что ездить в Баку не возбраняется?

— Не возбраняется, — сухо ответил он, — но при условии, что паспорт у вас будет в полном порядке.

— Он и будет в порядке, — обрезал я этого грозного чиновника, который, как и все они на святой Руси, скорее походил на жандарма.

И я снова спрашиваю, когда отходит бакинский поезд.

— В шесть часов вечера, — отвечает он.

— А когда прибывает на место?

— На завтра, в семь утра.

— А я поспею на пароход, отправляющийся в Узун-Ада?

— Поспеете.

И чиновник механическим кивком отвечает на мой поклон.

Вопрос с паспортом меня совсем не тревожит: французский консул снабдит меня всеми документами, которые требует русская администрация. Но выехать нужно в шесть часов вечера, а теперь уже девять утра!

Что ж, если в некоторых путеводителях сказано, что Париж можно осмотреть за два дня, Рим — за три, а Лондон за четыре, то будет очень странно, если для Тифлиса не хватит нескольких часов.

Черт побери, на то я и репортер!

Моя газета потому и послала меня в Россию, что я бегло говорю по-русски, по-английски и по-немецки. Нельзя же требовать от репортера, чтобы он знал несколько тысяч наречий, которые служат средством для выражения мысли во всех частях света! Впрочем, владея этими тремя языками и еще французским в придачу, смело можно разъезжать по обоим континентам. Правда, есть еще турецкий язык, из которого я запомнил всего несколько выражений, и китайский, на котором я не могу обмолвиться ни единым словом. Но, думаю, что легко обойдусь и без них в Туркестане и Поднебесной Империи. Недостатка в переводчиках не будет, и я надеюсь не упустить ни одной интересной подробности из моего путешествия по Великой Трансазиатской магистрали.

Я умею видеть все и все увижу! Скажу откровенно, я принадлежу к тому сорту людей, которые считают, что все на свете служит материалом для репортажа и что земля, луна, небо и сама вселенная только для того и созданы, чтобы давать темы для газетных статей. Значит, и мое перо не будет бездействовать!

Но прежде, чем приступить к осмотру Тифлиса, нужно покончить со всеми формальностями. К счастью, мне не придется добывать «подорожную», без которой нельзя было путешествовать по России в прежние времена, времена курьеров и почтовых лошадей. Этот всесильный документ устранял любые препятствия, обеспечивал быструю смену лошадей, вежливое обращение почтовых чиновников и такую скорость передвижения, что пассажир с хорошими рекомендациями мог проехать за восемь дней и пять часов две тысячи семьсот верст, отделяющих Тифлис от Петербурга. Но как трудно было получить подорожную!

Теперь же достаточно иметь право на проезд — обыкновенный пропуск, свидетельствующий, что вы не вор, не убийца, не политический преступник, а являетесь тем, кого в цивилизованных странах принято считать порядочным человеком. Благодаря помощи, которую мне окажет французский консул, моя особа будет отвечать всем требованиям российской администрации.

Это стоило мне двух часов и двух рублей. Затем, навострив глаза и уши и взяв, как говорится, ноги в руки, я отдаюсь осмотру грузинской столицы. Я не переносу проводников и отлично обхожусь без их услуг. По правде говоря, я и сам мог бы провести любого иностранца по всем закоулкам Тифлиса, так тщательно изученного мною заранее. Это уж от природы: я всегда свободно ориентируюсь.

И вот, иду я куда глаза глядят и прежде всего набредаю на «думу», здание муниципалитета, где заправляет всеми делами городской «голова» или, по-нашему, мэр. Если бы вы любезно согласились меня сопровождать, я повел бы вас к Красной горе на левом берегу Куры. Это местные Елисейские поля, нечто вроде сада Тиволи в Копенгагене или ярмарки на Бельвильском бульваре, с их качелями, равномерные взмахи которых вызывают ощущение, сходное с морской болезнью. И всюду среди пестрых ярмарочных балаганов расхаживают нарядно одетые грузинки и армянки, с непокрытыми лицами, что служит признаком христианского вероисповедания.

Что касается мужчин, то они не уступают Аполлону Бельведерскому, только одеты куда сложнее и выглядят, как настоящие князья. Я даже спрашиваю себя — не так ли это в действительности и не ведут ли они свой род от... Но к генеalogии вернемся позже. А теперь продолжим нашу прогулку, да побыстрее. Одна потерянная минута — десять строк репортажа, а десять строк репортажа это... это зависит от щедрости газеты и великодушия ее редактора.

Но поспешим в большой караван-сарай. Там останавливаются купцы со всех концов азиатского континента. Я вижу, как подходит караван с армянскими товарами. А вот отправляется другой, и в нем торговцы из Персии и русского Туркестана. Как бы мне хотелось прибыть с одним и пуститься в странствия с другим! Но это невозможно, и я очень сожалею. После прокладки Трансазиатской железной дороги почти исчезли нескончаемые вереницы всадников, пешеходов, лошадей, верблюдов, ослов и повозок. И все же я не боюсь, что от этого мое путешествие по Центральной Азии будет менее занятым. Репортер «XX века» сможет сделать его интересным!

А вот базары с тысячами разнообразных товаров из Персии, Китая, Турции, Сибири, Монголии. Какое изобилие тканей, привезенных из Тегерана, Шираза, Кандагара и Кабула! Чудесные по выработке и по сочетанию красок ковры, яркие шелка, которым, однако... далеко до лионских.

Соблазнюсь ли я?.. Ни за что! Путешествовать от Каспийского моря до Поднебесной Империи, увешанным пакетами, — нет уж, увольте! Легкий чемоданчик в руке и дорожный мешок за плечами — этого вполне достаточно. А белье и всякие мелочи я добуду в пути, как делают всегда англичане.

А теперь остановимся перед знаменитыми тифлисскими банями, где используют воду горячих источников, достигающую шестидесяти градусов по Цельсию. Там применяются усовершенствованные способы массажа, гимнастические упражнения для выпрямления позвоночника и вправления костей. Мне вспомнилось, как красочно описывал тифлиские бани наш великий Дюма, чьи путешествия никогда не обходились без приключений. Он просто выдумывал их по мере необходимости, этот гениальный предшественник современного репортажа — репортажа «на всех парах»¹. Но мне-то некогда подвергать себя массажу, вправлению костей и выпрямлению позвоночника!

А вот и «Hôtel de France»!² И где только не встретишь гостиниц с подобным названием! Я захожу и заказываю себе завтрак — завтрак по-грузински с кахетинским вином, от которого будто бы не хмелеют, если его не нюхать. Но это довольно затруднительно, так как подают его в сосуде с широким горлом, куда нос попадает раньше губ. Говорят, это любимый сорт вина уроженцев Закавказья. Что касается русских, то они

¹ Знаменитый французский романист Александр Дюма (1802—1870) в свои путевые записки о России действительно ввел много выдумки и небылиц.

² «Отель де Франс» — гостиница в Тифлисе.

люди воздержанные и довольствуются крепким чаем, впрочем, не без некоторого прибавления «водки», этой московской «воды жизни»¹.

Как француз, и даже гасконец, я довольствуюсь тем, что выпиваю бутылку кахетинского, как мы пивали наш шато-лафит в те благословенные времена, когда солнце способствовало его изготовлению на склонах Поляка. И в самом деле, терпким кавказским вином очень приятно запивать вареную курицу с рисом, отчего это блюдо, называемое «пилавом», приобретает особый вкус.

С завтраком покончено. А теперь смещаемся с шестьюдесятью тысячами разноплеменных жителей грузинской столицы и углубимся в лабиринт ее узких извилистых улиц.

Выхожу на посыпанную песком площадь, где лежат сотни верблюдов, вытянув голову и подогнув передние ноги. А раньше их было видимо-невидимо. Но с тех пор, как построили Закаспийскую железную дорогу, число этих горбатых носильщиков заметно поубавилось. Разве могут простые выючные животные выдержать конкуренцию с багажными и товарными вагонами!

Спускаюсь по улицам и выхожу к набережной Куры, русло которой делит город на две неравные части. С обеих сторон громоздятся дома, лепятся друг на друга, возвышаются один над другим. Вдоль берегов расположены торговые кварталы. Везде царит оживление, торговцы разносят вино в мехах, надутых, как воздушные шары, и воду в бурдюках из буйволово́й кожи, к которым приделана кишка, напоминающая слоновий хобот.

Бреду дальше. *Errare humanum est*², как обычно говорят ученики коллежей из Бордо, слоняясь по набережным Жиронды.

— Сударь,— обращается ко мне какой-то невзрачный, но с виду очень добродушный еврей, указывая на соседний дом, на мой взгляд, самый заурядный,— вы иностранец?

— Несомненно.

— Тогда остановитесь на минутку и полюбуйтесь этим домом.

— А чем тут любоваться?

— Как же, здесь жил знаменитый тенор Сатар, тот самый, что брал грудное контра-фа... А сколько ему платили за это!

¹ Водка по-французски — *L'eau de vie*, что буквально означает «вода жизни».

² Человеку свойственно ошибаться (*лат.*). Здесь игра слов: ошибаться, заблуждаться и блуждать, сбиться с пути.

Пожелав достойному патриарху взять контра-соль и получить за это больше, я стал подниматься на гору над правым берегом Куры, чтобы полюбоваться открывающейся оттуда панорамой.

Достигаю вершины, останавливаюсь на маленькой площадке и под мелодичные звуки стихов Саади, этого чудесного персидского поэта, которые с пафосом читает какой-то бродячий актер, начинаю обозревать закавказскую столицу. То же самое я собираюсь повторить через две недели в Пекине, а пока в ожидании пагод и ямьней Поднебесной Империи, осматриваю то, что открывает взору Тифлис: крепостные стены, колокольни храмов, принадлежащих разным исповеданиям, архиерейский собор с двойным крестом на куполе, дома русской, персидской или армянской архитектуры; вместо крыш все больше террасы, почти нет фасадов, украшенных орнаментом, но зато везде крытые веранды и балконы, прикрепленные к стенам всех этажей; выделяются две резко разграниченные полосы зданий: нижняя, в старом грузинском стиле, и верхняя, более современная, пересеченная длинным бульваром, усаженным красивыми деревьями, среди которых вырисовывается дворец генерал-губернатора — князя Барятинского... В общем получается впечатление неправильного, капризного, полного неожиданностей рельефа, какого-то чуда неровности, обрамленного на горизонте величественной горной грядой.

Но скоро уже пять часов. Пора прервать этот поток описательных фраз. Спускаясь в город, спешу на вокзал.

На вокзале столпотворение: армяне, грузины, мингрелы, татары, курды, евреи, русские с берегов Каспийского моря. Одни берут билеты до Баку, другие — до промежуточных станций.

На этот раз ко мне трудно придрататься. Ни чиновник, похожий на жандарма, ни даже сами жандармы не смогли бы воспрепятствовать моему отъезду.

Я получаю билет в вагоне первого класса до Баку, выхожу на платформу и направляюсь прямо к поезду. Следуя своей привычке, устраиваюсь в уголке довольно комфортабельного купе. За мной входят еще несколько пассажиров, а вся пестрая разноязычная толпа заполняет вагоны второго и третьего класса. Обход контролера, и двери закрываются. Последний удар колокола возвещает отправление...

Вдруг раздаются возгласы, в которых гнев смешивается с отчаянием. Кто-то кричит по-немецки:

— Подождите!.. Подождите!..

Опускаю окно и смотрю.

Толстый мужчина с чемоданом в руке и нахлобученной на голову шапкой-каскай мчится во всю прыть, задыхаясь и путаясь в складках широкого плаща. Он опаздывает.

Железнодорожные служащие пытаются его остановить. Но где там! Попробуйте удержать летящую бомбу. И на этот раз, как всегда, сила оказывается выше права.

Тевтонская бомба описывает параболу и врывается в соседнее купе через дверь, вовремя открытую каким-то любезным пассажиром.

В ту же секунду поезд вздрагивает, трогается с места и постепенно набирает скорость...

Путешествие началось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Должен вам сказать, что отбыли мы с трехминутным опозданием. Репортер, не признающий точности, подобен геометру, пренебрегающему в своих вычислениях десятой долей величины. Три минуты опоздания и помогли энергичному немцу стать нашим попутчиком. Я чувствую, что он даст хороший материал для моих путевых заметок.

В мае под этими широтами в шесть часов вечера еще совсем светло. Я достаю справочник и сверяюсь с приложенной к нему картой, которая позволяет проследить, станция за станцией, весь маршрут от Тифлиса до Баку. Не знать, в каком направлении движется поезд и когда локомотив поворачивает на северо- или на юго-восток, было бы для меня невыносимым, тем более, что скоро наступит ночь, а глаза мои не приспособлены к темноте, как у домашних кошек, филинов и сов.

Из моего путеводителя я прежде всего узнаю, что рельсовая дорога почти параллельна гужевой, соединяющей Тифлис с Каспийским морем. Обе они проходят через Навтлуг, Пойли, Акстафа, Долляр, Елизаветполь¹, Кюрдамир, Аляты, Баку и пересекают долину Куры. Железной дороге ни в коем случае не следует уклоняться в сторону. По возможности она должна идти по прямой линии. Закавказская дорога полностью отвечает этим требованиям.

Среди перечисленных станций мое внимание привлекает одна — Елизаветполь. До получения депеши от «XX века» я предполагал провести там целую неделю. Такие соблазни-

¹ Прежнее название Кировабада, Азербайджанская ССР.

тельные описания — и только пятиминутная остановка между двумя и тремя часами ночи! Вместо сверкающего под солнечными лучами городского пейзажа увидеть лишь неясные очертания, едва различимые при бледном свете луны!

Отложив в сторону справочник, я начинаю разглядывать своих попутчиков. Нас четверо, и мы, естественно, занимаем все четыре угла нашего купе. Я занял место у окна, по направлению движения поезда.

В разных углах, друг против друга дремлют двое пассажиров. Едва войдя в вагон, они надвинули на глаза шапки и завернулись в одеяла. Насколько я мог догадаться — это грузины и, по-видимому, из породы тех счастливых путешественников, которые способны спать всю дорогу и проснуться лишь по прибытии на место. Из таких людей ничего не вытянешь, для них вагон — не средство передвижения; а просто постель.

Напротив меня — мужчина лет тридцати двух — тридцати пяти, совсем иного типа. В нем нет ничего восточного: рыжая бородка, очень живой взгляд, нос как у гончей, рот, готовый заговорить в любую минуту, руки — обменяться с кем угодно дружеским рукопожатием; это человек высокий, стройный, широкоплечий, с могучим торсом. Уже по одному тому, как он расположился, поставил саквояж и расстегнул клетчатую шотландскую куртку, я узнал англосаксонского „travellera”¹, привыкшего к продолжительным путешествиям и проводящего больше времени в поезде или в каюте парохода, нежели в своем собственном комфортабельном „home”², если предположить, что таковой у него имеется. Должно быть, он разъезжает по торговым делам. Я с любопытством наблюдаю, как он выставляет напоказ целую витрину драгоценностей: перстни на пальцах, булавку в галстук, запонки с искусно вделанными в них фотографическими видами городов, часовую цепь на жилете с бряцающими на ней брелоками. Хотя у него нет ни серег в ушах, ни кольца в носу, я не удивлюсь, если он окажется американцем, больше того, настоящим янки.

Вот мне и не придется сидеть сложа руки. Разве не долг репортера, которому необходимо получить очередное интервью, прежде всего разузнать, кто его попутчики, откуда и куда они едут? Итак, начну с моего соседа по купе. Полагаю, что это будет совсем не трудно. Он не собирается ни спать, ни заниматься созерцанием ландшафта, освещенного лучами захо-

¹ *Traveller* — путешественник (англ.).

² *Home* — дом (англ.).

дящего солнца. Если я не ошибаюсь, он настолько же расположен мне отвечать, как я задавать ему вопросы, и наоборот.

Я готов уже приняться за дело... Но тут меня останавливает опасение. А что если этот американец — могу держать пари, что он американец, — окажется репортером, посланным каким-нибудь «World» или «New York Herald»¹ по пути следования Трансазиатского поезда? Это привело бы меня в ярость. Не хватало мне только соперника!

Я продолжаю колебаться. Спросить или не спросить? Скоро наступит ночь. Наконец, решившись, я собираюсь открыть рот, но сосед меня опережает.

— Вы француз? — спрашивает он на моем родном языке.

— Да, сэр, — отвечаю я по-английски.

Теперь-то мы найдем общий язык!

Лед был сломан, и с той и с другой стороны посыпались вопросы. Поневоле вспомнишь восточную поговорку: «Глупец за один час задаст больше вопросов, чем умный за год».

Но так как ни я, ни мой попутчик не выдаем себя за мудрецов, то мы можем болтать, сколько бог на душу положит, перемешивая идиомы² обоих наших языков.

— Wait a bit!³ — говорит мой американец.

Я подчеркиваю этот оборот, так как он будет часто повторяться.

— Wait a bit! Готов биться об заклад — один против десяти, что вы репортер!..

— И вы выиграете!.. Да... действительно репортер. Газета «XX век» поручила мне ознакомиться с новым маршрутом и подробно рассказать обо всех дорожных приключениях.

— Вы едете до Пекина?

— Да, до Пекина.

— Так же, как и я, — замечает янки.

Этого-то я и боялся.

— Мы коллеги? — спрашиваю я, настороженно сдвинув брови.

— Нет... Успокойтесь, сударь... Наши интересы не соприкасаются.

— Клодиус Бомбарнак из Бордо. Рад случаю путешествовать вместе с мистером...

¹ «World» — «Мир», «New York Herald» — «Нью-Йоркский вестник» — американские газеты.

² Идио́ма — своеобразное выражение, свойственное только данному языку.

³ Подождите немного! (английское выражение.)

— Фульк Эфринель из торгового дома Стронг Бульбуль и К° В Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, США.

Он не забыл добавить — США.

Вот мы и представились друг другу. Я — охотник за новостями, а он — искатель... Но чего? Это мне и остается узнать.

Беседа продолжается. Фульк Эфринель, как легко догадаться, понемногу путешествовал везде и, по его словам, «даже дальше». Он знает обе Америки и почти всю Европу. Но в Азию он отправляется впервые. И он все говорит, все говорит, и повторяет свое неизменное „Wait a bit!“. Не обладает ли Гудзон тем же свойством, что и Гаронна, поставляющая свету хорошо подвешенные языки?

Он болтал без умолку в течение двух часов. Мне едва удавалось различать названия станций, которые объявлялись на каждой остановке: Навтлуг, Пойли и другие. А ведь я так хотел полюбоваться пейзажами при лунном свете и попутно кое-что записать в свою памятную книжку.

К счастью, мой собеседник уже проезжал по восточным провинциям Грузии. Он обращает мое внимание на особенности местного ландшафта, указывает селения, реки, проступающие где-то на горизонте силуэты гор. А я еле успеваю все это заметить. Противная вещь железная дорога! Едешь, прибываешь на место, ничего толком не увидев в пути.

— Разве это путешествие?! — восклицаю я. — То ли дело езда на почтовых, на тройке, в тарантасе, с забавными встречами на постоялых дворах, переменами лошадей, водкой, которую хлещут ямщики, а иногда... и с «благородными разбойниками», подстерегающими вас на пути! Впрочем, разбойников с большой дороги в наш век становится все меньше и меньше, и скоро они окончательно исчезнут.

— Господин Бомбарнак! — обращается ко мне Фульк Эфринель. — Неужели вы серьезно обо всем этом жалеете?

— Совершенно серьезно, — отвечаю я. — Вместе с преимуществами прямого рельсового пути, мы потеряли живописность наших прежних дорог, причудливо извилистых, образующих кривые и ломаные линии. И скажите на милость, господин Эфринель, разве вы не чувствуете никакого сожаления, читая о путешествиях по Закавказью, совершенных лет сорок назад? Увижу ли я хоть одну из деревень, населенных казаками, одновременно и воинами, и земледельцами? Смогу ли я полюбоваться кавказскими играми, которые приводили в восхищение всех туристов, особенно «джигитовкой», когда всадники, стоя на лошадях, без промаха мечут кинжалы и разряжают пистолеты; и те же джигиты составляют ваш эскорт,

если вы путешествуете в обществе русского чиновника или офицера из «станции».

— Не спорю, мы действительно теряем много интересного, — отвечает мой янки. — Но зато, благодаря этим железным лентам, которые в конце концов опояжут весь земной шар, как бочку с сидром или матерчатый мячик, мы за тринадцать дней преодолеем расстояние от Тифлиса до Пекина. Поэтому, если вы рассчитывали на приключения, искали развлечений...

— Разумеется, господин Эфринель!

— Иллюзии, господин Бомбарнак! Ни с вами, ни со мной ничего особенного не случится. Wait a bit! Я предрекаю вам самое монотонное, самое прозаическое, самое будничное и, наконец, самое скучное путешествие, плоское, как Каракумские степи, которые мы пересекаем в Туркестане, ровное, как пустыня Гоби, которую мы пересекаем в Китае.

— Поживем — увидим. Ведь я путешествую только для того, чтобы развлечь моих читателей...

— Я же путешествую только ради своих собственных дел, — заявляет янки.

Из этого ответа я заключаю, что Фульк Эфринель, безусловно, не будет тем попутчиком, о котором я мечтал. Он должен продавать свои товары, а я не собираюсь их покупать.

Теперь мне ясно, что за время долгого пути между нами не возникнет никакой сердечной близости. Судя по всему, это один из тех янки, о которых можно сказать, что когда они держат доллар за зубами, то его уже оттуда не вытянешь... Да и вообще я из него не вытяну ничего стоящего.

Хоть он и сообщил мне, что является представителем торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке, но я понятия не имею, что это за фирма. А послушать этого американского дельца, поневоле покажется, что весь мир должен быть осведомлен о процветании торгового дома Стронг Бульбуль и К°. Как же так могло получиться, что я, репортер, в чьи обязанности входит знать обо всем понемногу, проявил такое невежество?

Чувствуя себя пристыженным, я собрался уже подробно расспросить Фулька Эфринеля, чем занимается его фирма, но тут он сам обратился ко мне:

— Скажите, господин Бомбарнак, а вы бывали когда-нибудь в Соединенных Штатах?

— Нет, господин Эфринель, не приходилось.

— А вы собираетесь когда-нибудь в нашу страну?

— Все может случиться.

— Так вот, когда будете в Нью-Йорке, не забудьте как следует изучить торговый дом Стронг Бульбуль и К°.

— Изучить?

— Да, это именно то слово.

— Хорошо, я не премину последовать вашему совету!

— И вы сами убедитесь, что это одно из самых замечательных промышленных предприятий Нового Света.

— В этом я нисколько не сомневаюсь, но не могу ли я узнать?..

— Wait a bit, господин Бомбарнак!— с воодушевлением подхватывает Фульк Эфринель.— Представьте себе огромный завод, просторные помещения для изготовления и сборки деталей, машину, мощностью в полторы тысячи лошадиных сил, вентиляторы, делающие шестьсот оборотов в минуту, генераторы, ежедневно пожирающие сотню тонн угля, трубу, высотой в четыреста пятьдесят футов, обширные склады для готовой продукции, которую мы распространяем в пяти частях света: одного главного директора, двух заместителей, директора, четырех секретарей, восемь помощников секретарей, персонал, состоящий из пятисот служащих и девяти тысяч рабочих, целый легион разъездных агентов— среди них и ваш покорный слуга!— включивших в сферу своей деятельности Европу, Азию, Африку, Австралию, Америку; наконец, колоссальное количество деловых операций и годовой оборот, превышающий сто миллионов долларов! И все это, господин Бомбарнак, все это для того, чтобы изготавливать миллиарды, да, я не оговорился, миллиарды...

В эту минуту заработали автоматические тормоза, поезд стал замедлять ход, затем остановился.

— Елизаветполь!.. Елизаветполь!— разом закричали кондуктор и вокзальные служащие.

Наша беседа оказалась прерванной. Я опускаю окошко со стороны своего дивана и открываю дверцу. Очень хочется размять ноги. Фульк Эфринель выйти из вагона не пожелал.

И вот я шагаю по платформе. Вокзал прилично освещен. Человек десять пассажиров уже высадились со своей поклажей. Пять-шесть грузин топчутся на подножках вагонов.

Десять минут стоянки в Елизаветполе, больше железнодорожное расписание не отпускает.

При первом ударе колокола я подхожу к нашему вагону, поднимаюсь к себе и с удивлением убеждаюсь, что мое место занято. Да... напротив американца уселась какая-то особа с той англосаксонской бесцеремонностью, которой нет границ, как нет границ бесконечности. Молода она или стара? Красива

или уродлива? В темноте это установить невозможно. Но как бы там ни было, французская галантность не позволяет мне спорить из-за места, и я сажусь рядом с незнакомкой, которая даже не находит нужным извиниться.

А Фульк Эфринель между тем успел заснуть, оставив меня в неведении, какие именно изделия фабрикует миллиардами и поставляет всему миру знаменитая фирма Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке...

Поезд трогается. Елизаветполь остается позади. Что же увидел я в этом прелестном городке с двадцатью тысячами жителей, расположенном в ста семидесяти километрах от Тифлиса на Ганжачае, притоке Куры, в городке, который, следуя своему обычному методу, я предварительно успел изучить?.. Где они, утопающие в зелени кирпичные домики, где развалины старинных зданий, где красивая мечеть, построенная в начале XVIII века, как выглядит Майданская площадь? Мне едва удалось разглядеть в полутьме верхушки высоченных платанов — гнездовье ворон и дроздов, источник тени и прохлады в знойные летние дни. А на берегах бурной речки, несущей свои серебристые воды вдоль главной улицы города, я заметил несколько домов с палисадниками, похожими на зубчатые крепости. В памяти моей остались лишь какие-то неясные контуры, едва различимые сквозь клубы пара, извергаемые нашим локомотивом. Но почему эти строения выглядят так, будто они готовы к обороне? Да потому, что Елизаветполь подвергался частым набегам ширванских лезгин-горцев, которые, если верить источникам, ведут свое начало еще от гуннов времен Аттилы¹.

Было около полуночи. Мною овладела усталость, клонило ко сну, но как опытный репортер я решил, что буду спать одним глазом и одним ухом.

Все же я впал в дремоту, которую навевает равномерный стук колес, прерываемый пронзительными свистками, лязгом буферов при уменьшении скорости и оглушительным грохотом, когда встречаются два поезда. К тому же во время коротких остановок громко объявляются названия станций и с металлической резкостью хлопают двери.

Так я слышал, как называли Геран, Евлах, Ляки, Уджары, Кюрдамир, затем Карасу, Наваги... Я тянулся к окну, но ничего не мог увидеть, ведь я был бесцеремонно вытеснен со своего места в углу.

¹ Аттила — предводитель гуннов, центральноазиатских племен, вторгшихся в Европу в V веке.

И я начинаю ломать голову, что же скрывается за этим ворохом вуалеток, накидок и юбок, занимающих мое место. Но вопрос остается без ответа. Будет ли эта пассажирка моей попутчицей до самого конца Великого Трансазиатского пути? Обменяюсь ли я с ней дружеским поклоном на улицах Пекина?.. Затем от спутницы мысли мои переносятся к спутнику, который храпит в своем углу с такой невероятной силой, что мог бы смело заменить один из вентиляторов в торговом доме Стронг Бульбуль и К°. Но что же, черт возьми, производится на этом колоссальном предприятии Соединенных Штатов Америки? Железные или стальные мосты, локомотивы, броневые плиты, паровые котлы или рудничные насосы? Из того, что мне рассказывал американец, у меня сложилось представление о промышленном гиганте, который может соперничать с заводами Крезо, Кокерилля или Эссена. Если только этот Фульк Эфринель ничего не приврал, ведь он совсем не похож на тех, кого в его стране называют «зелеными».

Но вскоре я погружаюсь в сон, забываю обо всем на свете и даже не слышу храпа моего янки. Тем временем поезд приходит на станцию Аляты, делает десятиминутную остановку, отправляется дальше, а я ничего этого не слышу. Какая досада! Ведь Аляты — маленький портовый город, откуда я мог бы окинуть первым взглядом Каспийское море, увидеть места, по которым проходила армия Петра Великого... Добавить еще немного сведений из Буйе и Ларусса¹ и хватило бы материала на два столбца историко-фантастической хроники... Впрочем, чтобы дать толчок моему воображению, вовсе не обязательно было посетить эту страну и ее столицу.

.
Баку! Баку!..

Меня разбудили крики.

Было семь часов утра.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Пароход отходит в три часа дня. Те из моих спутников, которые собираются пересечь Каспийское море, торопятся на пристань. Нужно занять каюту или застать место на палубе.

Фульк Эфринель тотчас же покидает меня:

¹ Издатели энциклопедических словарей.

— Мне нельзя терять ни одной минуты,— говорит он.— Я должен срочно переправить свой багаж на пароход.

— А он у вас велик?

— Сорок два ящика.

— Сорок два!— восклицаю я.

— И я сожалею, что не вдвое больше,— говорит янки.— Но с вашего разрешения...

Он торопился так, будто ему предстояло переплыть не Каспийское море, а Атлантический океан и пробыть в пути не двадцать четыре часа, а восемь суток.

Можете мне поверить, что американец даже и не подумал предложить руку нашей незнакомке, чтобы помочь ей выйти из вагона. Это сделал за него я. Путешественница, опираясь на мою руку, медленно опускается на платформу. В награду за это я получаю лишь отрывистое «thank you, sir»¹, произнесенное с поистине британской сухостью.

Теккерей сказал где-то, что благовоспитанная англичанка — совершеннейшее создание бога на земле. Я готов проверить это галантное изречение на нашей попутчице. Наконец-то она подняла вуалетку. Кто она, молодая дама или старая дева? У англичанок никогда этого не поймешь.

На вид ей можно дать лет двадцать пять. Лицо у нее бесцветное, походка угловатая, пышное платье вздымается, как волна во время равноденствия. Она без очков, хотя ее голубые глаза близоруко щурятся. На мой почтительный поклон она отвечает небрежным кивком, приведя в движение только позвонки своей длинной шеи, и размашистым шагом направляется к выходу.

Вполне возможно, что мы еще встретимся с ней на борту парохода. Но на пристань я спущусь перед самым отплытием. Раз уж случай привел меня в Баку и в моем распоряжении есть только полдня для его изучения, то нельзя потерять даром ни одного часа.

Название этого города, пожалуй, не вызовет никакого любопытства у читателя. Но, быть может, у него разыграется воображение, если я скажу, что Баку — это столица огнепоклонников.

Окруженный тройным рядом зубчатых стен, Баку расположен на Апшеронском полуострове, у крайних отрогов Кавказского хребта. Где я нахожусь, в Персии или в России?.. Конечно, в России — раз Грузия является русской провинцией, но можно подумать, что и в Персии — настолько Баку сохранил

¹ Благодарю вас, сэръ (англ.).

свой персидский колорит¹. Я осматриваю ханский дворец, архитектурный памятник времен Шахрияра и Шахразады, «дочери луны» и искусной рассказчицы. Тонкая скульптура во дворце так свежа, будто только что вышла из-под резца ва-ятеля. Дальше, по углам старой мечети, куда можно войти, не снимая обуви, поднимаются стройные минареты. Правда, муэдзин не поет там в часы молитвы звучные стихи из Корана. К тому же в Баку есть и вполне русские и по внешнему виду, и по господствующим нравам кварталы, застроенные деревянными домами, без всякой восточной окраски; и внушительный железнодорожный вокзал, достойный любого большого города Европы или Америки; и вполне современный порт в новой части города, где сотни труб загрязняют атмосферу густым дымом от каменного угля, сжигаемого в пароходных топках.

Вы вправе спросить, зачем употребляется уголь в этом городе нефти? К чему это топливо, если голая и бесплодная почва Апшеронского полуострова, на которой растет лишь понтийская полынь, так богата минеральными маслами? Здесь можно добыть столько дешевой нефти, что даже при самом большом расходе ее не исчерпать в течение столетий.

Поистине чудо природы! Хотите моментально получить освещение или отопление? Нет ничего проще; стоит только сделать отверстие в почве, оттуда вырвется газ, и смело зажигайте его. Вот вам естественный газгольдер, доступный для любого кармана!

Мне хотелось посетить знаменитое святилище Атеш-Гах, но оно находится в двадцати двух верстах от города, и я бы не успел обернуться. Там горит вечный огонь, уже сотни лет поддерживаемый парсийскими священниками, выходцами из Индии, которые не едят животной пищи. В других странах этих убежденных вегетарианцев считали бы просто любителями овощей.

И тут я вспоминаю, что еще не завтракал, и, так как бьет одиннадцать часов, поворачиваю к вокзальному ресторану, ибо отнюдь не собираюсь следовать вегетарианскому режиму парсийских жрецов.

При входе в зал сталкиваюсь с выбежавшим оттуда Фульком Эфринелем.

- А завтрак?..— спрашиваю я его.
- С ним уже покончено,— отвечает он.
- А ваш багаж?

¹ С XVI до начала XVIII вв. Баку находился под властью персов.

— Остается еще погрузить на пароход двадцать девять ящиков... Но, простите, я не могу терять ни минуты. Раз уж на мою долю выпала честь представлять интересы торгового дома Стронг Бульбуль и К°, который еженедельно экспортирует по пять тысяч ящиков готовой продукции...

— Бегите, бегите, господин Эфринель, мы увидимся на палубе. Кстати, вы не встречали нашу попутчицу?

— Какую попутчицу?

— Молодую даму, которая заняла мое место в купе.

— Так вы говорите, с нами ехала молодая дама?..

— Да.

— Только сейчас узнаю об этом, господин Бомбарнак, узнаю только сейчас...

И американец, переступив порог, скрывается за дверью. Но я не теряю надежды узнать еще до прибытия в Пекин, чем занимается фирма Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке. Пять тысяч ящиков еженедельно... Какая производительность и каков сбыт!

Наскоро позавтракав, я опять отправляюсь в поход. Во время прогулки мне представляется возможность полюбоваться лезгинами во всем их великолепии: серые черкески с патронташами на груди, бешметы из ярко-красного шелка, гетры, вышитые серебром, плоские сапожки без каблуков, белая папаха на голове, длинное ружье через плечо, шашка и кинжал на поясе; короче говоря, они вооружены до зубов и производят весьма внушительное впечатление.

Уже два часа. Пора идти на пристань. По дороге нужно еще завернуть на вокзал за моим легким багажом, оставленным в камере хранения.

И вот, с чемоданом в одной руке и с тросточкой в другой, я спускаюсь по улице, ведущей к причалу.

На одной из площадей, где крепостная стена открывает проход на набережную, мое внимание невольно привлекают двое людей — мужчина и женщина — в дорожных костюмах. Мужчине можно дать лет тридцать — тридцать пять, женщине — от двадцати пяти до тридцати. Он — седеющий брюнет, с подвижной физиономией, быстрым взглядом, легкой, балансирующей походкой. Она — довольно красивая голубоглазая блондинка, с вьющимися волосами и уже немного поблекшим лицом. Ее яркое старомодное платье отнюдь не свидетельствует о хорошем вкусе. По-видимому, это супруги, только сейчас прибывшие тифлисским поездом, и если интуиция не обманывает меня — мои соотечественники.

Несмотря на то, что я рассматриваю их почти в упор, они меня не замечают, да и не могут заметить: в руках у них сакво-яжи, под мышками — трости, дождевые и солнечные зонтики, за плечами — подушки и одеяла. Они постарались захватить с собой как можно больше самых разнообразных вещей, чтобы не сдавать на пароходе в багаж. Я испытываю большое желание помочь им. Разве это не счастливый и редкий случай — встретить французов вдали от Франции?

Но в ту минуту, когда я хочу с ними заговорить, вновь появляется Фульк Эфринель, увлекает меня за собой, и я оставляю супружескую пару позади. Но еще не все потеряно. Я успею с ними познакомиться на пароходе.

— А как идет погрузка вашего багажа? — спрашиваю я у янки.

— В настоящий момент переправляем тридцать седьмой ящик.

— И пока без приключений?

— Без всяких приключений.

— А нельзя ли узнать, что находится в ваших ящиках?

— Что в них находится?.. Вот он, вот он тридцать седьмой! — восклицает Фульк Эфринель и бежит навстречу подводе, выехавшей на пристань.

На набережной шумно и многолюдно, как обычно бывает в порту при высадке и посадке. Баку — самый крупный торговый и пассажирский порт на Каспийском море, вернее, большом озере, так как оно не сообщается с соседними морями. Дербент, лежащий севернее, не может идти ни в какое сравнение с Баку, где производится наибольшее количество торговых операций. Нечего и говорить, что с основанием порта в Узун-Ада, на противоположном берегу Каспия, бакинский транзит увеличился в десять раз. Закаспийская дорога, открытая для пассажирских и товарных перевозок, стала теперь главным торговым путем, соединяющим Европу с Туркестаном.

Быть может, в недалеком будущем вдоль персидской границы пройдет еще одна магистраль, которая свяжет рельсовые пути южной России с железными дорогами Индии, и тогда пассажирам уже не нужно будет переправляться через Каспийское море. А когда этот обширный замкнутый бассейн высохнет вследствие интенсивного испарения, то почему бы не проложить рельсы по его песчаному дну, чтобы поезда могли ходить без пересадки от Баку до Узун-Ада?

Но это еще вопрос проблематический, а пока что нужно сесть на пароход, что я и делаю, присоединившись к толпе пассажиров.

Наш пароход называется «Астра» и принадлежит обществу «Кавказ и Меркурий». Это большое колесное судно, делающее рейсы от берега к берегу три раза в неделю. Широкое в корпусе, оно приспособлено прежде всего для перевозки грузов, и строители скорее позаботились о размещении тюков, чем об удобстве пассажиров. Однако, когда речь идет о путешествии продолжительностью в одни сутки, привередничать не стоит.

У причала шумная толпа. Одни уезжают, другие провожают, третьи пришли просто так поглазеть. Среди пассажиров больше всего туркменов, затем десятка два европейцев различных национальностей, несколько персов и даже двое уроженцев Поднебесной Империи. Эти, очевидно, едут в Китай.

«Астра» битком набита всевозможными товарами. Места в трюме не хватило, загромождена вся палуба. Для пассажиров отведена кормовая часть, но и там навалены тюки и ящики, прикрытые толстым просмоленным брезентом для защиты от волн.

Сюда сложили и багаж Фулька Эфринеля, который руководил погрузкой с энергией истого янки, решившего во что бы то ни стало не терять из виду свой драгоценный груз — кубические ящики длиной, шириной и высотой по два фута, старательно обтянутые лакированной кожей, с надписью, вытисненной крупными буквами: «Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке».

— Все ваши ящики на борту? — спрашиваю я у американца.

— Вот несут сорок второй и последний, — отвечает он.

Действительно, в эту минуту показался носильщик с упомянутым ящиком на спине. Мне кажется, что он слегка покачивается, то ли от тяжести груза, то ли от неумеренного употребления водки.

— Wait a bit! — кричит Фульк Эфринель. Затем, чтобы быть лучше понятым, он восклицает на хорошем русском языке:

— Осторожно!.. Осторожно!

Совет превосходный, но запоздалый. Носильщик делает неловкий шаг, ящик срывается с его плеч, падает... к счастью, по эту сторону бортовых сеток «Астры», раскалывается на две части, и по палубе рассыпается содержимое порванных бумажных пакетиков.

Какой негодующий крик испустил Фульк Эфринель! Каким тумачком наградил он неловкого носильщика, повторяя полным отчаяния голосом:

— Мои зубы!.. Мои бедные зубы!

И вот он, ползая на коленях, подбирает разлетевшиеся по узкому проходу изделия из искусственной слоновой кости, а я при виде этой забавной сцены не могу удержаться от смеха.

Итак, фирма Стронг Бульбуль и К° всего-навсего фабрикует зубы!

Так значит, это гигантское предприятие существует только для того, чтобы еженедельно поставлять пять тысяч ящиков зубов во все пять частей света! Так значит, машина мощностью в полторы тысячи лошадиных сил сжигает ежедневно сотню тонн угля только для того, чтобы снабжать искусственными зубами дантистов Старого и Нового Света и посылать их даже в Китай! Ничего не скажешь! Поистине американский размах!

Говорят, что население земного шара составляет тысячу четыреста миллионов душ, а если учесть, что на каждого человека приходится по тридцать два зуба, то в общем получится около сорока пяти миллиардов. Следовательно, если бы когда-нибудь пришлось заменить все настоящие зубы фальшивыми, то даже фирма Стронг Бульбуль и К° не смогла бы справиться с таким делом.

Но предоставим Фульку Эфринелю собирать зубоврачебные сокровища сорок второго ящика. Уже прозвучали последние удары гонга. Все пассажиры на борту. «Астра» собирается отчалить.

Вдруг со стороны набережной раздаются крики. Узнаю знакомый голос. Это кричит немец. То же самое я слышал в Тифлисе, когда отходил бакинский поезд.

И действительно, вот и сам путешественник. Он бежит, запыхавшись, он выбивается из сил. Но сходни уже подняты, и пароход медленно отделяется от дебаркадера. Что же будет с опоздавшим пассажиром? Но, на его счастье, он поспевает как раз в ту минуту, когда двое матросов собираются отдать последний швартов на корме «Астры». Они протягивают немцу руку и помогают вскочить на борт...

Судя по всему, этот толстяк всегда опаздывает, и я буду крайне удивлен, если он доберется до места назначения.

И вот уже «Астра» пенит воду своими могучими колесами и, удалившись от берега, покидает пределы порта.

Приблизительно в четырехстах метрах впереди судна я заметил какое-то странное кипение; оно вырывалось из глуби-

ны, волнуя поверхность моря. Я стоял в это время с сигарой в зубах у кормовых сеток левого борта, наблюдая, как за оконечностью Апшеронского мыса исчезает бакинский порт, а на западном горизонте вырисовывается Кавказская горная цепь.

От моей сигары остался лишь окурок. Затянувшись последний раз, я бросил его за борт. И в ту же минуту корпус «Астры» окружила огненная пелена. Непонятное волнение создавалось, оказывается, подводным нефтяным источником. Достаточно было окурка, чтобы горючее воспламенилось...

Пассажиры поднимают крик. «Астра» идет сквозь завесу пламени, но резкий поворот руля выводит нас на безопасное место.

Капитан, спустившись на корму, ограничивается только коротким замечанием:

— С вашей стороны это было очень неосторожно.

Я отвечаю ему, как отвечают всегда в таких случаях:

— Право же, капитан, я не знал.

— А надо было знать, сударь.

Эта фраза была произнесена в нескольких шагах от меня сухим и жестким голосом.

Я оглянулся.

Внушение сделала мне англичанка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Не следует особенно доверять путевым впечатлениям. Они всегда субъективны. Это слово я употребляю потому, что оно стало модным, хоть и не очень-то понимаю его смысл. Человек веселый на все посмотрит весело, мрачный — увидит то же самое в мрачном свете. Демокриту берега Иордана и Мертвого моря показались бы восхитительными, а Гераклит нашел бы унылыми берега Босфора и окрестности Неаполитанского залива.

У меня счастливый характер — да простит мне читатель, если я грешу эгоизмом, то есть слишком часто напоминаю о своей персоне. Но ведь редко, когда личность автора не примешивается к тому, о чем он рассказывает — примером служит Гюго, Дюма, Ламартин и многие другие писатели. Шекспир, правда, составляет исключение, но я, как вы знаете, не Шекспир, и в равной мере не Ламартин, Дюма или Гюго.

И все же, как ни враждебны мне пессимистические доктрины Шопенгауэра и Леопарди, признаюсь, что берега Каспийского моря показались мне мрачными и неприветливыми. Ни-

какой жизни в этих местах, ни растительности, ни птиц. Не чувствуешь здесь настоящего большого моря. Между тем, хотя Каспий в сущности не что иное, как озеро, лежащее во впадине, на двадцать шесть метров ниже уровня Средиземного моря, на озере этом часто бывают сильные бури. Но пароходу там не приходится «спасаться бегством», как говорят моряки. Да и что значит ширина в какую-нибудь сотню лье! Живо достигаешь западного или восточного берега. Впрочем, ни на европейской, ни на азиатской стороне побережья почти нет удобных гаваней, где можно было бы укрыться от непогоды.

На борту «Астры» находится около сотни пассажиров, по большей части кавказцев, ведущих торговлю с Туркестаном. Они не последуют за нами до восточных границ Поднебесной Империи.

Закаспийская железная дорога уже несколько лет функционирует между Узун-Ада и китайской границей. Только между этим портом и Самаркандом насчитывается не менее шестидесяти трех станций. Значит, на этом участке пути сойдет с поезда большинство пассажиров. Интересы они для меня не представляют. Наблюдать за ними — только время терять. Допустим, что один из них привлек мое внимание. Я принимаюсь за него, хочу выведать «чем он живет и дышит», а он возьми да исчезни на следующей станции.

Нет! Стоит заниматься только теми пассажирами, которые будут меня сопровождать до места назначения. У меня уже есть Фульк Эфринель и, может быть, эта обаятельная англичанка, которая, как мне кажется, едет до Пекина. В Узун-Ада я встречу и других попутчиков. Правда, до сих пор я ничего не знаю о французской супружеской чете. Но переправа через Каспий только началась, и я успею решить как с ними держаться. Есть еще двое китайцев, по-видимому, возвращающихся в свою Поднебесную Империю. Знай я хоть сотню слов из «гуаньхуа», их разговорного языка, я не преминул бы, конечно, вступить в беседу с этими любопытными личностями, до того типичными, словно они только что соскочили с китайской ширмы.

Кого действительно не хватает для моей хроники — персонажа, окруженного легендами, какого-нибудь таинственного героя, который путешествовал бы инкогнито, будь то знатный аристократ или обыкновенный бандит. Нельзя забывать, что мы, репортеры, играем двойную роль — и как ловцы интересных фактов, и как искатели объектов, достойных интервью... столько-то за строчку. А потому самое главное — уметь выбирать. Кто хорошо выбирает, тот и преуспевает.

Я спустился по трапу в кормовой салон. Ни одного свободного места. И каюты давно уже заняты пассажирами, которые не переносят ни бортовой, ни килевой качки. Они улеглись, как только попали на пароход, и встанут, когда он причалит к дебаркадеру в Узун-Ада. За недостатком кают, многие устроились на диванах, заваленных свертками, и оттуда уже не сдвинутся. Подите-ка поищите романтического героя среди этих сонь, напуганных морской болезнью!

Я решил провести ночь на палубе и вернулся наверх. Американец все еще возился с пострадавшим ящиком.

— Вы только подумайте, — восклицает он, — вы только подумайте, этот пьяный мужик еще осмелился попросить у меня на чай!

— Надеюсь, господин Эфринель, что у вас ничего не пропало?

— К счастью... ничего!

— Позвольте спросить, сколько же зубов везете вы в Китай в этих ящиках?

— Миллион восемьсот тысяч, не считая зубов мудрости.

И Фульк Эфринель, отпустив остроту, которую, наверное, не раз уже употреблял в дороге, раздражается раскатистым смехом. Я покидаю его и прохожу через тамбуры на носовую часть палубы.

Небо довольно ясное, но свежий северный ветерок, кажется, крепчает. По поверхности моря стелются длинные зеленоватые полосы. Возможно, что ночь будет сверх ожидания суровой. На носу парохода скопилось много пассажиров: туркмены в лохмотьях, узкоглазые киргизы, крестьяне-переселенцы — бедняки, растянувшиеся как попало на деревянных настилах, вдоль судовых переборок, среди просмоленной парусины. Почти все они курят или жуют припасенную на дорогу еду. Другие стараются забыться сном, чтобы прогнать усталость или заглушить голод.

Я хочу пройти сотню шагов, отделяющих меня от этих людей, и понаблюдать за ними в непосредственной близости. Ведь репортер подобен охотнику, который долго шныряет по кустам, прежде чем нападает на след. И вот я очутился перед грудой ящиков и окидываю их пытливым взглядом таможенника.

Замечаю большой деревянный ящик белого цвета, прикрытый брезентовым полотнищем, высотой около двух метров и по метру в ширину и глубину. Он водружен сюда с пре-

досторожностями, которых требуют надписи на стенках, выведенные русскими буквами: ———

Осторожно, зеркала!—Хрупкое, не кантовать!—Беречь от сырости!

Кроме того, обозначено:

Верх и Низ

и указан адрес:

*г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа,
Пекин, провинция Чжили¹, Китай.*

Судя по имени, эта Зинка Клорк, должно быть, румынка: она воспользовалась прямым Трансазиатским поездом, чтобы выписать себе зеркала. Неужели этого товара нет в магазинах Поднебесной Империи? Как же тогда китаянки любят свои миндалевидными глазами и сооружают замысловатые прически?

В шесть часов звонит колокол к обеду. Столовая — в носовой части судна. Спускаюсь туда и нахожу за столом около сорока человек.

Фульк Эфринель сидит почти посредине. Рядом с ним — свободное место, он знаком приглашает меня, и я сажусь.

Видимо, это только случайность, но слева от него восседает англичанка. Американец беседует с ней и считает нужным представить ее мне:

— Мисс Горация Блуэтт, — говорит он.

Напротив сидит французская чета и старательно изучает меню.

Немецкий путешественник расположился на другом конце стола, поближе к буфетной, откуда выносят блюда, что позволяет ему получать первому. Это крепко сбитый светловолосый мужчина с розовым лицом, рыжеватой бородой, пухлыми руками и очень длинным носом, наводящим на мысль о толстокожих из породы хоботных. Вид у него, как у германского офицера запаса, которому угрожает преждевременное ожирение.

— На этот раз он не опоздал, — говорю я Фульку Эфринелю.

— В Германской Империи обеденный час соблюдается неукоснительно! — отвечает мне американец.

— Не знаете ли вы имени этого немца?

— Как же! Барон Вейсшнитцердёрфер.

— И с такой фамилией он едет до Пекина?

¹ Чжили — прежнее название провинции Хэбэй.

— До самого Пекина, равно как и этот русский майор, что сидит рядом с капитаном «Астры».

Я вижу человека средних лет, бородатого, с сильной проседью. Тип вполне русский. Лицо открытое, располагающее. Я знаю русский язык, а он, вероятно, владеет французским. Не будет ли он тем попутчиком, о котором я мечтаю?

— Вы говорите, господин Эфринель, что он майор?

— Да, он русский военный врач, майор Нольтиц.

Американец успел разузнать гораздо больше, чем я, хоть он и не репортер.

Боковая качка еще не очень чувствительна, и каждый спокойно занимается своим обедом. Фульк Эфринель беседует с мисс Горацией Блуэтт, и из их разговора я понимаю, что между этими двумя англосаксонскими натурами есть много общего.

И в самом деле, если один занимается поставкой зубов, то другая — волос. Мисс Горация Блуэтт — представительница солидной лондонской фирмы — торгового дома Гольмс-Гольм, получающего ежегодно из Поднебесной Империи сотни тонн женских волос на сумму в два миллиона фунтов стерлингов. Она едет в Пекин, чтобы учредить на средства этого дома постоянную контору, где будут концентрироваться волосы, собранные с подданных Сына Неба — и женщин, и мужчин. Дело обещает получить тем более благоприятный оборот, что тайное общество «Голубой Лотос» хлопочет об уничтожении косы, эмблемы подчиненности китайцев маньчжурским монголам.

«Ну, что ж? — подумал я. — Если Китай отправляет в Англию свои волосы, то зато Америка снабжает его зубами. Обмен основан на дружеских началах, и значит, все обстоит, как нельзя лучше».

Уже четверть часа, как мы сидим за столом. Пока ничего особенного не произошло. Пассажир с бритым лицом и его белокурая подруга, кажется, прислушиваются к нашей французской речи, прислушиваются с явным удовольствием и очевидным желанием вмешаться в разговор. Да, значит, я не ошибся: это мои соотечественники, но к какой категории людей они принадлежат?..

В эту минуту крен «Астры» усиливается; тарелки подпрыгивают в углублении стола, приборы звенят и соскальзывают, из стаканов выплескивается часть содержимого, висячие лампы отклоняются от вертикальной линии или, вернее сказать, наши стулья и стол подчиняются капризам боковой качки.

Любопытно наблюдать за всем этим, если сам ты не подвержен морской болезни.

— Эге,— говорит мне американец.— Его величество Каспий начинает стряхивать с себя блох!

— А вас не укачивает? — спрашиваю я его.

— Меня? — отвечает он,— не больше, чем морскую свинку. А вы, мисс,— добавил он, обращаясь к соседке,— вы легко переносите качку?

— На меня она не действует,— отвечает Горация Блуэтт. По другую сторону стола супружеская чета обменивается несколькими словами по-французски:

— Тебе не дурно, Каролина?

— Нет, Адольф... пока еще нет... но если так будет продолжаться... признаюсь, что...

— В таком случае, Каролина, лучше выйдем на палубу. Ветер на четверть потянул к востоку, и «Астра» не замедлит зарыться носом в перо.

Эта манера выражаться говорит о том, что господин Катерна—ибо таково его имя—моряк, или когда-то им был. Этим объясняется и его балансирующая походка.

Между тем качка становится все сильнее и сильнее. Большинство присутствующих не может ее вынести. Около тридцати пассажиров уже вышли из-за стола и отправились на палубу. Надеюсь, что на свежем воздухе им будет лучше. В столовой осталось не больше десяти человек, включая капитана, с которым мирно беседует майор Нольтиц. Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, как видно, привыкли к этим неизбежным случайностям навигации. Немецкий барон продолжает спокойно есть и пить, будто находится в мюнхенской или франкфуртской пивной. Держа нож в правой руке, а вилку в левой, он нарезает мясо кусочками, солит его, присыпает перцем, поливает соусом и на кончике ножа отправляет под свою волосатую губу. Узнаю тевтонскую натуру! Что бы ни случилось, он будет держаться невозмутимо и никакая качка не заставит его упустить хотя бы одного глотка питья или куска пищи.

Немного поодаль расположились оба китайца, которых я разглядываю с любопытством.

Один из них, молодой человек лет двадцати пяти, с изящными манерами и приятным лицом, несмотря на желтизну кожи и раскосые глаза. Надо полагать, что несколько лет, проведенных в Европе, отразились не только на его манерах, но и на костюме. У него подстриженные усы, умные глаза и прическа скорее на французский, чем на китайский лад. Он кажет-

ся мне славным мальчуганом с веселым характером и вряд ли часто поднимается на «башню сожалений», если употребить метафору его родной страны.

Его компаньон, над которым он, кажется, слегка подтрунивает, похож на кивающую головой фарфоровую куклу. На вид ему лет пятьдесят — пятьдесят пять, лицо у него невзрачное, затылок наполовину выбрит, на спине традиционная коса, одежда национальная — платье, кофта, кушак, широкие шаровары и пестрые туфли без задника. Он не так вынослив и с усилением килевой качки, сопровождающейся дребезжанием посуды, вскакивает из-за стола и исчезает на лестнице, ведущей в кормовую рубку. А молодой китаец, протягивая забытый им на столе маленький томик, кричит ему вслед:

— Корнаро!.. Корнаро!..

Как попало итальянское слово на уста жителя востока? Неужели этот китаец говорит на языке Боккаччо? «XX век» имеет право это узнать и обязательно узнает.

Что же касается госпожи Катерна, то она встает, сильно побледнев, и господин Катерна, как примерный супруг, сопровождает ее на палубу.

После обеда я тоже иду на палубу, предоставив Фульку Эфринелю и мисс Горации Блуэтт беседовать с глазу на глаз о комиссионных процентах и преysкурантах.

Ночь почти наступила. Быстро бегущие тучи, гонимые с востока, задрапировали верхние слои неба широкими складками. Где-то в вышине мерцает еще несколько редких звездочек. Ветер свежеет. На фок-мачте качается, поскрипывая, белый фонарь. Два других фонаря, по правому и левому борту, следуя движениям качки, бросают на волны длинные шлейфы красного и зеленого цвета.

Вскоре мне опять попадает на глаза Фульк Эфринель. Так как мисс Горация Блуэтт удалилась в свою каюту, он решил поискать в кормовом салоне свободное местечко на диване. Мы расстаемся, пожелав друг другу спокойной ночи.

Я же собираюсь остаться на палубе, забиться куда-нибудь в уголок и, завернувшись в одеяло, заснуть, как свободный от вахты матрос.

Еще только восемь часов. Я закуриваю сигару и, расставив ноги, чтобы создать упор против боковой качки, начинаю прогуливаться вдоль борта. Пассажиры первого класса уже покинули палубу, и я нахожусь там почти в полном одиночестве. По мостику взад и вперед шагает старший помощник, следя за курсом, которого должен придерживаться стоящий рядом с ним рулевой. Лопастные гребные колеса с огромной си-

лой ударяют по воде, производя страшный грохот, когда судно накрывается, и одно из них работает вхолостую. Из трубы вырываются клубы едкого дыма, рассыпая в воздухе снопы искр.

К девяти часам наступает полная тьма. Я пытаюсь высмотреть вдали огонек какого-нибудь парохода, но тщетно: на Каспийском море нет большого движения. Слышны только крики морских птиц — чаек и синьг, отдающихся прихоти ветра.

Прохаживаюсь по палубе и не могу отделаться от мысли: а что, если путешествие так и закончится без всяких приключений и мне нечего будет сообщить моей газете!.. Редакция призовет меня к ответу и будет вполне права. Как! Ни одного происшествия от Тифлиса до Пекина?.. Конечно, я один был бы в этом виноват, и поэтому должен пойти на все, лишь бы избежать подобного несчастья.

В половине одиннадцатого я усаживаюсь на одну из скамей на корме «Астры». Но не тут-то было! На таком ветру долго не посидишь.

Поднимаюсь на переднюю палубу, придерживаясь за планшир. Под мостиком, между колесными кожухами, меня настиг такой порыв ветра, что пришлось искать убежища возле товаров, накрытых брезентом. Растянувшись среди ящиков, я закутываюсь в одеяло, прислоняюсь головой к просмоленной ткани и немедленно засыпаю.

Спустя некоторое время — затрудняюсь сказать прошел час или больше — меня будит какой-то странный шум. Прислушиваюсь внимательнее. Похоже, что рядом со мной кто-то храпит.

«Должно быть, это какой-нибудь пассажир с носовой части судна, — думаю я. — Видимо, он пролез между ящиками, устроился под брезентом и ему совсем неплохо в этой импровизированной каюте».

Но при тусклом свете керосиновой лампы, едва проникающем с нактоуза, невозможно ничего разглядеть.

Я снова прислушиваюсь... Шум прекратился. Оглядываюсь кругом... Никого.

«Наверное, это мне почудилось во сне», — думаю я, и принимаю прежнюю позу.

И только стал засыпать — храп возобновился. Ну, конечно! Он идет из того ящика, к которому я прислонился головой.

«Черт возьми, — говорю я себе, — да там сидит какое-то животное».

Животное?.. Но какое?.. Кошка?.. Собака?.. Нет, этого не может быть! Зачем запирасть в такой ящик домашнее животное? Значит, там хищный зверь... пантера, тигр, лев?..

Вот я и попал на след. Это хищники, которых отправляют в зверинец или какому-нибудь султану Центральной Азии... В ящике находится клетка, и если бы она раскрылась... если бы хищник бросился на палубу... какое ошеломляющее дорожное приключение... какой материал для хроники!.. Вот видите, до какой степени может дойти пылкое воображение репортера, жаждущего сенсаций. Любой ценой мне нужно узнать, кому предназначен этот хищник и куда его должны доставить, в Узун-Ада или дальше, в Китай... Адрес, конечно, указан на ящике.

Достаю восковую свечку, зажигаю, и она горит ровным пламенем, так как я укрыт от ветра.

И представьте себе, что я вижу...

Ящик с уже знакомым мне адресом: г-же Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, провинция Чжили, Китай...

Он такой хрупкий, бедный хищник! Он так боится сырости, несчастный лев! Допустим, что так и есть! Но зачем госпоже Зинке Клорк, этой красивой румынке — я не сомневаюсь ни в том, что она румынка, ни в том, что она красавица — захотелось выписать из Европы хищного зверя?

Но довольно болтать вздор! Попробуем рассуждать логично. Если это животное, то каково бы оно ни было, его нужно кормить и поить. Ведь от Узун-Ада до столицы Поднебесной Империи поезд идет одиннадцать дней. Так кто же на протяжении долгого пути будет заботиться о запертом в ящике звере? Железнодорожные служащие окажут ему не больше внимания, чем требует транспортировка зеркал, и бедное животное погибнет от истощения!

Все эти соображения вихрем проносятся в моем мозгу, мысли перескакивают с предмета на предмет. «Я бодрствую или вижу дивный сон?» — вспоминаю я слова Маргариты из «Фауста». Но побороть сон невозможно. Веки мои слипаются, будто на них давят свинцовые гири. Я забираюсь под брезент, еще плотнее кутаюсь в одеяло и засыпаю глубоким сном.

Сколько времени я проспал? Должно быть, три или четыре часа. Помню только, что когда я проснулся, было еще совсем темно.

Протерев глаза, я потягиваюсь, покидаю свое ложе и опять хожу вдоль палубы, держась за бортовые сетки.

Ветер теперь тянет с северо-запада, волнение поутихло, и «Астру» не так качает.

Ночь очень холодная. Я согреваюсь тем, что в течение получаса меряю палубу большими шагами, даже ни разу не вспомнив о моем хищнике. Внезапно мысли возвращаются к нему. Не следует ли обратить внимание начальника станции в Узун-Ада на этот опасный груз? Впрочем, зачем мне соваться не в свое дело!

Смотрю на часы: они показывают ровно три. Возвращаюсь на прежнее место. Прислонившись головой к стенке ящика, закрываю глаза...

Вдруг снова шум... На этот раз уже нельзя ошибиться... Стенки ящика задрожали от полуприглушенного чихания. Никакое животное не могло бы так чихать!

Возможно ли это? Неужели в ящике спрятался человек, чтобы проехать «зайцем» по Великой Трансазиатской магистрали к прекрасной румынке... Но мужчина это или женщина?.. Мне показалось, что мужчина.

Теперь не до сна! Как долго не рассветает и как мне не терпится проникнуть в тайну этого ящика! Я мечтал о приключениях. Так вот! Они начинаются, и если я не извлеку отсюда хотя бы пятисот строк хроники...

На востоке проступает смутная белизна, мало-помалу очерчивая горизонт... Сначала окрашиваются облака в зените, а потом показывается и само солнце, большое и словно влажное от брызг.

Внимательно осматриваю ящик. Да, несомненно, он едет в Пекин. Замечаю, что в разных местах просверлены дырочки, через которые должен проходить воздух. Быть может, пара глаз следит сейчас за мной сквозь эти отверстия... Но не будем нескромными...

За завтраком собрались те из пассажиров, которых пощадила морская болезнь. Среди них молодой китаец, майор Нольтиц, Фульк Эфринель, мисс Горация Блуэтт, господин Катерна в единственном числе, барон Вейсшнитцердёрфер и еще семь или восемь человек. Я и не подумаю доверить американцу тайну ящика... Он может проболтаться, тогда — прощай моя хроника!

Около полудня на востоке показалась земля, плоская и желтая, изборозженная дюнами. Легко догадаться, что это Красноводск.

В час дня мы были уже на траверзе Узун-Ада, а в час двадцать семь минут я ступил на азиатскую землю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Прежде пассажиры высаживались в Михайловской гавани, маленьком городке, от которого начиналась Закаспийская железная дорога. Но Михайловская гавань оказалась слишком мелкой даже для судов среднего тоннажа. И тогда генерал Анненков, строивший новую железную дорогу, выдающийся инженер, о котором мне еще не раз придется упоминать, перенес порт в Узун-Ада, что значительно сократило продолжительность переправы через Каспийское море. Торжественное открытие этой станции, построенной за три месяца, последовало 8 мая 1886 года.

К счастью, я читал отчеты инженера Буланжье относительно громадного сооружения генерала Анненкова. Поэтому я не буду чувствовать себя полным профаном во время поездки по железной дороге между Узун-Ада и Самаркандом. К тому же, я рассчитываю на майора Нольтица, знакомого с этими работами. Я предчувствую, что мы станем добрыми друзьями и, вопреки пословице: «Не облизывай своего друга, если даже он из меда», ради пользы моих читателей я готов пойти и на это.

Часто говорят о той необычайной быстроте, с какой американцы проложили железнодорожный путь через равнины Дальнего Запада. Но да будет известно, что русские в этом отношении им ничуть не уступают, если даже не превосходят, как быстротой строительства, так и смелостью индустриальных замыслов.

Всем памятен смелый поход генерала Скобелева в Туркестан¹ — поход, окончательный успех которого сделал возможным прокладку Закаспийской железной дороги. С тех пор политическое положение Центральной Азии глубоко изменилось, и Туркестан стал одной из губерний Азиатской России, чьи границы соприкасаются с Поднебесной Империей. Да и китайский Туркестан заметно испытывает русское цивилизаторское влияние, распространению которого не в силах были помешать даже головокругительные вершины Памира.

И вот я должен пуститься в путь через легендарные земли, подвергавшиеся когда-то опустошительным набегам Тамерлана и Чингисхана.

С 1886 года русским принадлежит в Средней Азии шестьсот пятнадцать тысяч квадратных километров и подвласт-

¹ В 1881 году генерал М. Д. Скобелев присоединил к России Ашхабад и земли у подножия хребта Копет-Даг.

ны миллион триста тысяч жителей. Южная часть этой обширной страны образует теперь Закаспийскую область, разделенную на шесть округов: Александровский, Красноводский, Ашхабадский, Ахалтекинский, Мервский и Тедженский, которые подчинены русской военной администрации.

Вполне естественно, что для осмотра Узун-Ада, что означает «Длинный остров», понадобилось меньше часа. Этот стационарный поселок — почти город, но город новый, прямолинейно очерченный и вытянутый словно по линейке на широком ковре желтого песка. Никаких памятников, никаких достопримечательностей; дощатые мостки и деревянные дома, к которым, уступая требованиям комфорта, прибавляются мало-помалу и каменные строения. Можно предвидеть, что лет через пятьдесят эта первая станция Закаспийской железной дороги из большого вокзала превратится в большой город¹.

Не думайте, что в Узун-Ада нет гостиниц. Одна из них — «Царская» — с хорошим столом, хорошими номерами и хорошими постелями. Но вопрос о постели меня нисколько не тревожит. Ведь поезд отправляется в четыре часа пополудни.

Первым долгом я поспешил телеграфировать «XX веку», что нахожусь в Узун-Ада при исполнении своих обязанностей.

А теперь займусь репортерским реестром. Это легче легкого. Надо составить список попутчиков, с которыми я буду общаться в дороге. Такова моя привычка, и она никогда меня не подводила.

Итак, в ожидании пополнения реестра, я записываю в свою книжку по порядку номеров уже знакомых мне пассажиров:

- № 1 — Фульк Эфринель, американец.*
- № 2 — Мисс Горация Блуэтт, англичанка.*
- № 3 — Майор Нольтиц, русский.*
- № 4 — Господин Катерна, француз.*
- № 5 — Госпожа Катерна, француженка.*
- № 6 — Барон Вейсшнитцердёрфер, немец.*

Что касается обоих китайцев, то они попадут в список под своими номерами позднее, когда я узнаю, кто они такие. А относительно субъекта, запертого в ящике, я принял такое решение: установить с ним связь и — пусть меня осудят за это — оказать ему посильную помощь, не выдав его тайны.

¹ Предположения Жюль Верна в данном случае не оправдались из-за того, что на Узун-Ада постоянно наступали пески, головная станция впоследствии была перенесена в Красноводск.

Поезд уже сформирован и подан на платформу. Он состоит из вагонов первого и второго класса, вагона-ресторана и двух багажных. Все они выкрашены светлою краской — превосходное средство против жары и холода. Ведь температура в этой части Азии колеблется между пятьюдесятью градусами выше нуля и двадцатью — ниже нуля по Цельсию, иначе говоря, амплитуда колебаний простирается до семидесяти градусов и, по возможности, смягчить ее влияние — предосторожность совсем не лишняя.

Вагоны устроены очень удобно и соединены между собой по американскому способу небольшими тамбурами. Вместо того, чтобы сидеть взаперти в своем отделении, пассажир может свободно прогуливаться по всему составу. Проход между диванами к передним и задним площадкам позволяет железнодорожным служащим легко попадать из вагона в вагон и обеспечивает безопасность поезда.

В наш состав входят: локомотив с несущей тележкой на четырех маленьких колесах, способных делать крутые повороты, тендер с запасом воды и топлива, головной багажный вагон, три вагона первого класса по двадцать четыре места в каждом, вагон-ресторан с буфетом и кухней, четыре вагона второго класса и еще один багажник в хвосте — всего, вместе с тендером, одиннадцать прицепов. В вагонах первого класса диваны могут быть превращены с помощью простого механизма в спальные места, что необходимо при длительных переездах; имеются там и уборные.

К сожалению, никакими удобствами не располагают пассажиры второго класса. Вдобавок еще, они должны брать с собой провизию на дорогу, если не хотят пользоваться услугами станционных буфетов. Впрочем, лишь немногие проделывают весь путь, протяженностью свыше шести тысяч километров — от Каспия до восточных провинций Китая. Большинство же направляется в города и селения русского Туркестана, расположенного на том участке Закаспийской железной дороги, длиною в две тысячи двести километров, который вот уже несколько лет, как доходит до границ Поднебесной Империи¹.

Открытие Великой Трансазиатской магистрали состоялось лишь шесть недель назад, и железнодорожная компания пока что отправляет только два поезда в неделю. До сих пор все обходилось благополучно. Правда, нельзя обойти молчанием

¹ Ко времени опубликования романа Закаспийская железная дорога доходила только до Самарканда.

следующую многозначительную подробность: поездная прислуга снабжена известным количеством револьверов, которые в случае надобности могут быть розданы пассажирам — предосторожность далеко не лишняя, особенно, при переезде через пустыни Китая, где не исключена возможность нападения.

Надо полагать, что компания приняла все зависящие от нее меры, чтобы обеспечить регулярное движение поездов.

В ожидании отправления я шагаю взад и вперед по платформе, осматриваю поезд, заглядываю в окна вагонов. Все здесь новое. На локомотиве сверкает медь и сталь, блестят вагоны, рессоры не прогибаются от усталости, колеса плотно прилегают к рельсам. Вот он, подвижной состав, которому предстоит из конца в конец пересечь целый континент! Ни одна железная дорога, включая и американские, не может сравниться с этой: Канадская линия насчитывает пять тысяч километров; Трансконтинентальная¹ — пять тысяч двести шестьдесят; линия Санта-Фе — четыре тысячи восемьсот семьдесят пять; Атлантическо-Тихоокеанская² — пять тысяч, шестьсот тридцать; Северо-Тихоокеанская — шесть тысяч двести пятьдесят километров. Только одна железная дорога будет обладать большой протяженностью, но постройка ее еще не закончена. Речь идет о Великом Сибирском пути, от Урала до Владивостока, длиною в шесть тысяч пятьсот тридцать километров³.

Наше путешествие от Тифлиса до Пекина продлится не больше тринадцати дней, а если считать от Узун-Ада, то только одиннадцать. На второстепенных станциях поезд задержится не больше времени, чем это нужно для наполнения тендера водой и топливом. Зато в главных городах, таких как Мерв, Бухара, Самарканд, Ташкент, Коканд, Кашгар, Сучжоу⁴, Ланьчжоу и Тайюань, он будет стоять по нескольку часов, что позволит мне обозреть эти города, если можно так выразиться, с высоты репортерского полета.

Само собой разумеется, что машинист и кочегары не могли бы работать одиннадцать дней подряд. По установленному порядку, их сменяют через каждые шесть часов. Русский персонал обслуживает поезд до границы Туркестана, а там на смену ему приходят китайские железнодорожники. Здесь же прицепляют и китайский локомотив.

¹ Магистраль, пересекающая США с севера на юг.

² Магистраль, пересекающая США с запада на восток.

³ Строительство Великого Сибирского пути началось в 1891 году. К 1901 году дорога была доведена до русско-китайской границы и в 1905 году пущена в эксплуатацию на всем ее протяжении.

⁴ Прежнее название китайского города Цзюцюань.

Только один служащий компании не покинет своего поста до конца пути: это начальник поезда Попов — настоящий русский богатырь, с военной выправкой, в форменной фуражке и широком плаще, волосатый, с окладистой бородой. Я надеюсь вволю наговориться с этим славным человеком — только бы он оказался достаточно словоохотливым. Если он не пренебрежет предложенным невзначай стаканчиком водки, то сможет рассказать мне много любопытных подробностей об этой стране: вот уже десять лет, как он служит на Закаспийской дороге. До сих пор он ездил от Узун-Ада до Памира, а теперь должен курсировать по всему Транскаспийскому пути — вплоть до Пекина.

Я заношу его в свой список под номером 7 и думаю, что надежды, которые возлагаю на него, не будут обмануты. В сущности, я и не требую каких-то необычных происшествий или катастроф. С меня достаточно самых мелких дорожных приключений, только бы они были интересны читателям «XX века».

Среди пассажиров, прогуливающих по платформе, встречаю несколько евреев, которых можно определить скорее по национальному типу, чем по одежде. Раньше в Средней Азии они должны были носить «топпе» — круглую шапочку и подпоясываться простой веревкой. Ослушание грозило смертной казнью.

В некоторые города им разрешалось въезжать только на осле, а в другие — входить только пешком. Теперь же, если позволяют средства, они носят восточный тюрбан и даже разъезжают в карете. Да и кто может им в этом помешать? Сделавшись подданными русского царя, среднеазиатские евреи пользуются теми же гражданскими правами, что и туркмены.

Там и здесь прохаживаются таджики персидского происхождения — самые красивые мужчины, каких только можно себе представить. Они уже взяли билеты кто в Мерв¹ или Бухару, кто в Самарканд, Ташкент или Коканд, и им не придется обзирать китайское плоскогорье. Это по большей части пассажиры второго класса. А в первый класс садятся несколько узбеков с очень характерной внешностью: покатым лбом, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица.

Но неужели в нашем поезде нет европейцев? Следует признаться, что я едва насчитал несколько человек. Среди них — пять или шесть купцов из южной России и один из тех неизбежных джентльменов, представляющих Соединенное

¹ Прежнее название города Мары в Туркменской ССР.

Королевство всюду, куда бы вы ни попали — в вагон железной дороги или на пароход. Впрочем, на право проезда по Транс-азиатской магистрали требуется особое разрешение, которое русские власти очень неохотно выдают англичанам. Но этот, как видно, сумел его получить...

Вот персонаж, как мне кажется, достойный внимания! Высокий, сухопарый, лет пятидесяти, если судить по бакенбардам цвета перца с солью, с мрачным видом и брезгливо-пренебрежительным выражением лица — таков этот джентльмен, в котором в равной степени уживается любовь ко всему английскому и презрение ко всему иноземному. Подобный тип часто бывает невыносим даже для соотечественников. По крайней мере, Диккенс, Теккерея и другие английские писатели не раз и весьма ядовито его высмеивали.

Стоило посмотреть, с каким надменным выражением он оглядывал из станционного буфета, куда зашел подкрепиться на дорогу, и железнодорожную платформу, и готовый к отправлению поезд, и служащих, и вагон, в котором успел уже занять себе место, положив на скамью саквояж! Не воплотилась ли в этом джентльмене традиционная английская спесь и зависть к великому делу, которое русский гений довел до столь благополучного завершения? Все это я узнаю позже, а пока что запишем его под номером 8 в мою памятную книжку.

В общем, интересных личностей мало или, вернее, их совсем нет. А жаль! Вот если бы, допустим, русский царь, с одной стороны, и Сын Неба, с другой, вздумали сесть в поезд, чтобы устроить официальную встречу на границе двух Империй, сколько было бы шуму, какое поднялось бы ликование, какой благодарный материал появился бы у меня для писем и телеграмм!

Но тут мысли мои перебегают к таинственному ящику. Разве у меня нет оснований так его называть? Конечно, есть. Теперь остается только узнать куда его поместили и найти способ добраться до него.

Головной багажный вагон, уже заполненный ящиками Фулька Эфринеля, как и вагоны пассажирские, открывается не с боков, а сзади и спереди. Внутренний проход позволяет начальнику поезда в любое время пробраться через площадку с тамбуром к тендеру и локомотиву. Служебное отделение Попова находится в левом отсеке первого от локомотива пассажирского вагона. С наступлением ночи я смогу проникнуть в багажный вагон, так как двери его расположены на концах

коридора, образуемого сложенными по обеим сторонам ящиками и тюками.

Кроме того, вагон этот предназначен для багажа, отправляемого в Китай, а весь остальной багаж, который будет выгружен на туркестанском участке пути, находится в последнем вагоне.

Когда я пришел на вокзал, таинственный ящик был еще на платформе. При более внимательном осмотре замечаю, что дырочки для воздуха просверлены со всех сторон, а стенка разделена на две части таким образом, что одна половина заходит за другую и они могут раздвигаться. Это наводит меня на мысль, что узник хотел сохранить возможность покидать свою тюрьму хотя бы по ночам.

В эту минуту носильщики поднимают ящик, и я с удовлетворением убеждаюсь, что они следуют написанным на нем указаниям. Его с большими предосторожностями ставят в вагон, налево от входа, аккуратно прислоняют к стене, причем «верх» оказывается наверху. «низ» — внизу, а передняя выдвижная стенка — снаружи наподобие дверцы от шкафа. А разве этот ящик и в самом деле не шкаф... который я собираюсь открыть? Остается только узнать, в этом ли вагоне едет багажный контролер... К счастью, нет. Я узнал, что его место в заднем вагоне.

— Вот и устроили этот хрупкий товар! — говорит один из носильщиков, убедившись в том, что ящик установлен как следует.

— Так ему ничего не сделается! — замечает другой. — И зеркала в целости и сохранности доедут до Пекина, если только поезд не сойдет с рельсов.

— Или если не будет столкновения поездов, — добавляет первый. — И так бывает.

Они правы, эти славные люди. Так бывало... и так еще будет.

Ко мне подходит американец, в последний раз окидывает инспекторским оком весь свой склад, состоящий из клыков, резцов и коренных зубов, и произносит при этом свое неизменное: «Wait a bit!»

— Знаете ли вы, господин Бомбарнак, — говорит он, — что до отхода поезда пассажиры могут еще пообедать в «Царской гостинице?» Не составите ли вы мне компанию?

— Отчего же не составить, — отвечаю я.

И мы входим в столовую.

Все мои номера уже налицо. Само собой разумеется, что номер первый, Фульк Эфринель, занимает место подле номера

второго, мисс Горации Блуэтт. Супружеская чета — номер четыре и номер пять — сидят рядом. Номер третий, майор Нольтиц, уселся напротив номеров девятого и десятого — двух китайцев, которых я в последний момент включил в список. Что касается номера шесть — толстого немца, — то он уже успел опустить свой хобот в тарелку с супом. А вот и начальник поезда Попов, номер седьмой. Он занял себе местечко в конце стола. Остальные пассажиры, и европейского, и азиатского происхождения, разместились «passim»¹, с явным намерением оказать честь этой трапезе.

Да, но я забыл про номер восемь, про того надменного англичанина, имя которого мне до сих пор не знакомо. Этот, конечно, уже заранее решил признать русскую кухню ниже английской.

Я замечая также, с каким вниманием господин Катерна ухаживает за своей женой, советуя ей возместить упущенное из-за морской болезни на борту «Астры». Он наливает ей вино, кладет лучшие куски.

— Как удачно, — говорит он ей, — что мы не идем под тевтонским ветром, а то бы нам ничего не осталось.

И в самом деле ветер благоприятствует им. Они получают блюда раньше барона Вейсшнитцердёрфера.

Эта манера выражаться на морской лад заставила меня улыбнуться. Господин Катерна заметил это и слегка подмигнул мне, поведя плечом в сторону барона.

Не приходится сомневаться, что эти французы не высокого происхождения, не «снобы» и не «сливки общества», но я ручаюсь, что это хорошие люди, а когда имеешь дело с соотечественниками, то не нужно быть слишком требовательным.

Обед закончился за десять минут до отправления. Прозвонил колокол, и все бросились к поезду. Локомотив уже набирал пары.

Я мысленно возношу к богу репортеров последнюю мольбу — не лишить меня приключений. Затем, удостоверившись, что все мои номера разместились в вагоне первого класса, что позволит мне не терять их из виду, отправляюсь на свое место.

Барон Вейсшнитцердёрфер — какая нескончаемая фамилия! — на этот раз поспел вовремя. Ему просто посчастливилось: поезд отошел с пятиминутным опозданием...

Однако немец по этому поводу громко выражает недовольство, жалуется, бранится, угрожает предъявить железно-

¹ Passim — в разных местах (лат.).

дорожной компании иск на возмещение убытков... Десять тысяч рублей, ни более ни менее, если по ее вине он не успеет... Куда не успеет, раз он едет до Пекина?..

Наконец воздух прорезают последние свистки, вагоны вздрагивают, поезд трогается, и вослед ему несется дружное «ура» в честь Великого Трансазиатского пути.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Человеку, едущему на лошади, в голову приходят совсем другие мысли и все представляется в ином свете, нежели пешеходу. Различие еще ощутимей, когда путешествуешь по железной дороге. Ассоциация идей и смена впечатлений настолько убыстряются, что мысли вертятся в мозгу со скоростью вагонных колес.

Я тоже чувствую себя в каком-то приподнятом настроении; хочется все узнать, все увидеть, все воспринять со скоростью пятидесяти километров в час, которую наш поезд должен развивать на протяжении всего пути по туркестанским землям, чтобы потом снизить ее до тридцати километров в провинциях Поднебесной Империи.

Об этом я только что узнал из расписания поездов, купленного на вокзале. К нему приложена свернутая гармоникой длинная карта, по которой можно проследить весь рельсовый путь от Каспийского моря до восточных берегов Китая. И вот, выехав из Узун-Ада, я изучаю Трансазиатскую дорогу так же, как, покидая Тифлис, изучал Закавказскую.

На всех железных дорогах России ширина колеи равна одному метру шестидесяти сантиметрам, что превышает на девять сантиметров общепринятую колею европейских дорог. Говорят, будто у немцев изготовлено огромное количество вагонных осей этого размера на тот случай, если они захотят вторгнуться в Россию. Мне хочется верить, что русские приняли те же меры предосторожности в предвидении возможного вторжения в Германию.

По выходе из Узун-Ада железнодорожное полотно почти вплотную обступают высокие песчаные дюны. Достигнув морского рукава, отделяющего Длинный остров от материка, поезд попадает на дамбу протяженностью в тысячу двести метров, защищенную от ударов волн крепким скалистым бордюром.

Несколько станций, и в том числе форт Михайловский, мы минуем без остановок. Дальше они пойдут одна за другой на

расстоянии от пятнадцати до тридцати километров. Станционные здания, которые мне удалось разглядеть, напоминают летние дачи с крышами и балюстрадами на итальянский лад. Странное впечатление производят такие постройки в Туркестане, по соседству с Персией! Каждая станция — своего рода маленький оазис, созданный в пустыне руками человека. В самом деле, ведь человек насадил здесь эти чахлые невзрачные тополя, дающие все же хоть какую-то тень, и он же, ценою величайших усилий, добыл воду, и ее освежающие струи наполняют теперь искусственные водоемы.

Без этих гидравлических работ на станционных оазисах не выросло бы ни одного деревца, ни одной травинки. Станционные оазисы питают всю линию и поят паровозы, которые не могут работать без воды.

По правде говоря, мне никогда еще не приходилось видеть таких сухих, бесплодных, не поддающихся культивации земель, какие простираются от Узун-Ада более чем на двести шестьдесят километров. Когда генерал Анненков приступил к работам в Михайловском, он вынужден был дистиллировать морскую воду из Каспия, подобно тому, как это делают на кораблях при помощи специальных аппаратов. Но если для получения пара нужна вода, то для превращения ее в пар требуется уголь. Читатели «ХХ века», вероятно, пожелают узнать, каким же образом ухитряются разводить топки локомотивов в такой стране, где нельзя ни добыть куска угля, ни достать полена дров. Быть может, на главных станциях Закаспийской железной дороги есть дровяные и угольные склады? Ничего подобного. Просто здесь осуществляют на практике идею, высказанную еще Сент-Клер Девилом¹, когда во Франции ввели в употребление керосин.

В топки машин нагнетаются остаточные продукты перегонки нефти, которую поставляют в неограниченном количестве Баку и Дербент. На некоторых станциях установлены громадные цистерны, наполненные этой горючей жидкостью минерального происхождения, которую наливают в приемник тендера, распыляют форсунками и сжигают в специально приспособленных для этого паровозных топках. Нефть употребляется как топливо и на пароходах, курсирующих по Волге и другим рекам, впадающим в Каспийское море.

Я думаю, мне поверят, если я скажу, что пейзаж здесь не очень-то разнообразен. На песчаных местах почва почти ров-

¹ Анри Сент-Клер Деви́ль (1818—1881) — выдающийся французский химик.

ная и совсем плоская на наносных землях, где застаиваются стоячие солоноватые воды. Зато такая горизонтальная поверхность оказалась как нельзя более удобной для прокладки железнодорожного полотна. Тут не понадобилось ни тоннелей, ни виадуков и никаких сложных и дорогостоящих инженерных сооружений. Лишь кое-где встречаются небольшие деревянные мосты. При таких условиях стоимость одного километра Закаспийской дороги не превысила семидесяти пяти тысяч франков¹.

Однообразие пустынного ландшафта будет нарушено только обширными оазисами Мерва, Бухары и Самарканда.

Займемся же теперь пассажирами. Это совсем нетрудно, так как можно свободно разгуливать по всему поезду из конца в конец. Не нужно обладать богатой фантазией, чтобы вообразить, будто ты находишься на главной улице движущегося поселка.

Должен вам напомнить, что к тендеру прицеплен багажник, в котором находится таинственный ящик, а служебное отделение Попова — в левом углу первого пассажирского вагона.

В этом самом вагоне я замечаю несколько узбеков, важных и гордых, в длинных ярких халатах, из-под которых выглядывают расшитые суташем кожаные сапоги. У них очень красивые глаза, пышные бороды, тонкие черты лица.

В том же вагоне друг против друга сидят оба китайца. Молодой смотрит в окно. Старый — Та-лао-е, что значит «человек зрелого возраста» — перелистывает свою книгу. Это крошечный томик в тридцать вторую долю листа, в плюшевом переплете, напоминающем требник каноника. Когда томик закрывается, переплет стягивается резинкой. Меня удивляет, что владелец этой книжечки читает ее не так, как китайцы, сверху вниз. На каком же она языке? Это нужно проверить.

На двух смежных сидениях устроились Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт. Они разговаривают и все пишут какие-то цифры.

Как узнать, не нашептывает ли при этом практичный американец на ухо деловитой англичанке лирические стихи?

Но что я хорошо знаю — то, что Фульк Эфринель может прекрасно обойтись и без меня. С моей стороны было весьма благоразумно, что я с самого начала не рассчитывал с его по-

¹ По дореволюционному курсу один рубль обменивался приблизительно на три франка.

мощью скрасить дорожную скуку. Янки, не задумываясь, променял меня на эту костлявую и сухопарую дочь Альбиона!

Я открываю дверь на площадку, прохожу через тамбур и попадаю во второй вагон.

В правом углу восседает барон Вейсшнитцердёрфер. Этот тевтон близорук, как крот, и водит носом по страницам железнодорожного справочника, следя по расписанию, прибывает ли поезд на станцию в установленное время. При малейшем опоздании нетерпеливый путешественник издает новые возгласы негодования и угрожает принять меры против администрации Трансазиатской дороги.

Здесь и супруги Катерна. Устроились они очень удобно. У мужа отличное настроение: он весело болтает, жестикулирует, то берет жену за руку или за талию, то резко отворачивается и что-то произносит «в сторону», задирая голову к потолку. Госпожа Катерна смущенно улыбается, жеманится, всплескивает руками, откидывается в угол, отвечая мужу какими-то репликами. Проходя мимо, я слышу, как из сложенных сердечком уст господина Катерна вырывается опереточный мотив.

В третьем вагоне много туркмен, трое или четверо русских и среди них майор Нольтиц. Он беседует с одним из своих соотечественников. Я бы охотно присоединился к их разговору, сделай они первый шаг. Но пока буду держаться на некотором отдалении. Ведь путешествие еще только началось.

Затем я попадаю в вагон-ресторан. Он на одну треть длиннее других вагонов. Это настоящий зал с одним общим столом. В конце вагона по одну сторону находится буфет, а по другую — кухня, где хлопочут повар и метрдотель — оба русские. *Dining-car*¹ я нахожу вполне комфортабельным.

Затем я вступаю во вторую половину поезда, где сосредоточены пассажиры второго класса — преимущественно киргизы. У них выступающие скулы, козлиная бородка, приплюснутый нос и очень смуглая кожа. Они мусульманского вероисповедания и относятся либо к Большой орде, кочующей в пограничных областях Сибири и Китая, либо к Малой орде, занимающей территорию между Уральскими горами и Аральским морем.

Тут же расположились и двое ногайцев, которые едут в восточный Туркестан. Это представители татарской нации. Из их среды вышло немало мусульманских ученых, прославивших богатые местности Бухары и Самарканда. Однако чи-

¹ *Dining-car* — вагон-ресторан. (англ.)

стой наукой или преподаванием в Средней Азии трудно обеспечить средства даже для самой скромной жизни, а поэтому ногайцы охотно предлагают свои услуги в качестве переводчиков. Но, по мере распространения русского языка, это ремесло становится все менее доходным.

Теперь я знаю, где разместились все мои номера, и, если понадобится, смогу легко их найти. Я уже не сомневаюсь, что и Фульк Эфринель, и мисс Горация Блуэтт, и немецкий барон, и оба китайца, и майор Нольтиц, и супруги Катерна, и даже высокомерный джентльмен, чей тощий силуэт я заметил в углу второго вагона — все они едут до Пекина. Что же касается пассажиров, едущих не дальше границы, то они не представляют для меня никакого интереса. Однако среди попутчиков я все еще не вижу героя моей будущей хроники, но не теряю надежды, что он еще объявится.

Я решил неукоснительно отмечать все подробности путешествия из часа в час — что я говорю? — из минуты в минуту. И вот пока ночь не наступила, выхожу на площадку вагона, чтобы бросить последний взгляд на окружающую местность. Постою часок, покурю сигару, а там уже и недолго до Кызыл-Арвата, где будет продолжительная остановка.

Переходя из второго вагона в первый, сталкиваюсь с майором Нольтицем. Вежливо пропускаю его. Он кланяется мне с той учтивостью, которая отличает русских интеллигентных людей. Я отвечаю на его поклон. Этим обменом любезностей и ограничивается наша встреча, но важно, что первый шаг уже сделан.

Попова в эту минуту нет в служебном отделении. Так как дверь багажного вагона открыта, то я делаю вывод, что начальник поезда прошел к машинисту. Тайнственный ящик стоит на своем месте, слева. Еще только половина седьмого и совсем светло, поэтому я должен сдерживать свое любопытство.

Поезд мчится по пустыне. Это Каракумы, или «черные пески». Они тянутся от Хивы до персидской границы в южной части Туркестана, и до Амударьи в восточной. В действительности же пески Каракумов настолько же черны, как черна вода в Черном море, бела в Белом, красна в Красном и желта в Желтой реке¹. Но я люблю эти цветистые названия, как бы они ни были неточны. В пейзаже глаз всегда радуют краски, а разве география не тот же пейзаж?

¹ Имеется в виду река Хуанхэ в Китае.

По-видимому, на месте этой пустыни был когда-то обширный водный бассейн. Он постепенно высох, как высохнет со временем и Каспийское море, благодаря большой концентрации солнечных лучей на огромных пространствах, тянущихся от Аральского моря до Памирского плато.

В Каракумах образуются удивительно подвижные песчаные дюны, то разметаемые, то наносимые сильными ветрами. Эти «барханы», как их называют русские, достигают в высоту от десяти до тридцати метров и становятся добычей ужасных северных ураганов, которые с огромной силой отбрасывают их к югу, что создает серьезную опасность для Закаспийской железной дороги. Поэтому нужно было принять решительные меры против песчаных заносов. Генерал Анненков попал бы в очень трудное положение, если бы предусмотрительная природа, создавшая удобную для проведения железной дороги почву, не позаботилась одновременно и о средстве, позволяющем остановить перемещение барханов.

На склонах этих дюн растут колючие кустарники — тамариск, звездчатый чертополох и особенно тот самый «*Haloxylon ammodendron*», которые русские менее научно называют «саксаулом». Его длинные и сильные корни способны скреплять почву так же, как и корни «*Hippophae rhamnoides*», кустового растения из семейства элаговых, которое используется для задержки песков в Северной Европе.

К этим насаждениям саксаула инженеры, проводившие линию, добавили в разных местах укрепления из утрамбованной глины, а наиболее угрожаемые участки обнесли прочной изгородью.

Предосторожность совершенно необходимая! Однако, если дорога защищена, то совсем иначе обстоит с пассажирами. Им нелегко приходится, когда ветер взметает над равниной тучи раскаленного песка и белой соляной пыли. Хорошо еще, что в эту пору нет такого сильного зноя, как в июне, июле и августе.

Жаль, что майору Нольтицу не приходит мысль выйти на площадку подышать чистым воздухом Каракумов. Я предложил бы ему превосходную сигару «Лондр», которыми до отказа набита моя дорожная сумка, а он, в свою очередь, рассказал бы мне то, что ему известно о станциях Джебел, Небит-Даг, Казанджик, Ушак, Кизыл-Арват, обозначенных в железнодорожном справочнике. Но я не решаюсь его побеспокоить. А какой интересной была бы эта беседа! Ведь он, в качестве военного врача, мог принимать участие в походах генералов Скобелева и Анненкова. А когда наш поезд промчится, не

замедляя хода, мимо маленьких станций, удостоив их лишь коротким гудком, я узнал бы у майора, какие из них относились к театру военных действий. И тут же я выведал бы у него интересные подробности о походе русских войск в Туркестан, и, конечно, он постарался бы удовлетворить мое любопытство. Ведь серьезно рассчитывать я могу только на него и... на Попова.

Кстати, почему Попов не возвращается в свое купе? Надо полагать, что и он не отказался бы от хорошей сигары? Его разговор с машинистом, кажется, никогда не кончится...

Но вот он показался на передней площадке багажного вагона, прошел через него, закрыл дверь, остановился на минуту на задней площадке. Он хочет уже войти к себе в каморку... в тот же миг к нему протягивается рука с сигарой. Попов улыбается и... в воздухе смешиваются душистые клубы дыма от двух сигар.

Я, кажется, говорил, что начальник нашего поезда в течение десяти лет служит на Закаспийской железной дороге. Он хорошо знает эту местность вплоть до китайской границы и успел уже раз пять или шесть проехать по всей линии, получившей название Великого Трансазиатского пути.

Следовательно, Попов работал еще на поездах, обслуживавших первый участок Закаспийской железной дороги между фортом Михайловским и Кизыл-Арватом, участок, который начали строить в декабре 1880 года и закончили спустя десять месяцев, в ноябре 1881 года. Пятью годами позже, 14 июля 1886 года, первый локомотив прибыл на станцию Мерв, а еще через восемнадцать месяцев его приветствовали в Самарканде.

Теперь туркестанские рельсы примкнули к китайским, а эта дорога протянулась стальной лентой от Каспийского моря до Пекина.

Когда Попов все это мне рассказал, я стал расспрашивать его о попутчиках, едущих в Китай,— кто они, и что за человек майор Нольтиц.

— Майор,— ответил мне Попов,— много лет служил в Туркестанской области, а теперь получил назначение в Пекин, чтобы организовать там госпиталь для наших соотечественников.

— Он вызывает во мне симпатию, этот майор Нольтиц,— заметил я.— Мне хотелось бы поскорее с ним познакомиться.

— И он будет рад знакомству с вами,— ответил мне Попов.

— А кто такие эти двое китайцев, которые сели в Узун-Ада? Что вы о них знаете?

— Ничего не знаю, господин Бомбарнак, кроме имен, представленных на багажной квитанции.

— Назовите мне их, пожалуйста.

— Младшего зовут Пан Шао, а старшего — Тио Кин. Похоже, что они несколько лет путешествовали по Европе, но мне неизвестно, откуда они прибыли. Думаю, что Пан Шао из богатой семьи, раз его сопровождает личный врач.

— Тио Кин?

— Да, доктор Тио Кин.

— И оба они говорят только по-китайски?

— Вероятно, по крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы они изъяснялись на каком-нибудь другом языке.

Получив у Попова эту информацию, я заполнил № 9, предназначенный для молодого Пан Шао, и № 10, оставленный для доктора Тио Кина.

— Что касается американца...— продолжает Попов.

— То его зовут Фульк Эфринель,— подхватываю я,— а англичанку мисс Горация Блуэтт. Этих я уже знаю, и вряд ли сообщите мне о них что-нибудь новое.

— А хотите знать, господин Бомбарнак, что я думаю об этой парочке?

— Очень хочу!

— В Пекине мисс Горация Блуэтт легко могла бы превратиться в миссис Эфринель.

— И да благословит небо их союз, ибо они как будто созданы друг для друга.

— Я вижу, что наши мнения на этот счет не расходятся.

— А эти двое французов... Эти нежные супруги,— спрашиваю я,— что они собой представляют?

— А разве они сами вам не сказали?

— Нет.

— Не беспокойтесь, они еще расскажут. Впрочем, если это вам интересно, их профессия указана на багаже.

— Так кто же они?

— Комические актеры, которые подрядились выступать в Китае.

— Комические актеры? Теперь мне понятны эти странные позы и движения, мимика и жестикуляция! Но откуда у господина Катерна морской жаргон?.. Надо будет выяснить.

А не знаете ли вы, господин Попов, амплуа этих артистов?

— Как же, муж — первый комик.

— А жена?

— Субретка.

— А в какой город едет эта нежная парочка?

— В Шанхай. Оба они приглашены в театр, созданный для французов, живущих в Китае.

Вот и чудесно! Я буду говорить с ними о театре, о закулисных толках, о провинциальных сплетнях и, если верить Попову, в два счета заведу знакомство с веселым комиком и его очаровательной партнершей. Но романтического героя, героя моих мечтаний, в их обществе мне не найти!

Что же касается надменного джентльмена, то начальник поезда ничего о нем не знает, кроме адреса, проставленного на его сундуках: сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире.

— Этот господин не считает нужным отвечать, когда с ним заговаривают, — прибавляет Попов.

Ничего не поделаешь, значит, моему восьмому номеру придется исполнять немую роль.

— Ну, а немец? — спрашиваю я.

— Барон Вейсшнитцердёрфер?

— Да. Он, кажется, тоже едет до Пекина?

— До Пекина и еще дальше, господин Бомбарнак.

— Еще дальше?

— Вот именно... Он совершает кругосветное путешествие.

— Кругосветное путешествие?

— За тридцать девять дней!

Итак, после миссис Бисленд, которая проделала свое удивительное путешествие вокруг света за семьдесят три дня, после мисс Нелли Блай, осуществившей его за семьдесят два дня, после почтенного Трена, сумевшего совершить то же самое за семьдесят дней, этот немец воображает, что ему хватит для кругосветного путешествия тридцати девяти дней!

Правда, скорость передвижения в наши дни значительно увеличилась, дороги усовершенствовались, рельсовые пути выпрямились. Воспользовавшись Великой Трансазиатской магистралью, которая позволяет за пятнадцать дней преодолеть расстояние от прусской столицы до Пекина, барон сможет вдвое сократить продолжительность переезда, минуя Суэцкий канал и Сингапур.

— Но он никогда не доедет! — восклицаю я.

— Почему вы так думаете?

— Потому, что он всегда опаздывает. В Тифлисе он едва не пропустил поезд, а в Баку чудом не опоздал на пароход...

— Но ведь в Узун-Ада он поспел как раз вовремя...

— Тем не менее, господин Попов, я буду крайне удивлен, если наш немец побьет американцев и американок в этих «кругосветных гонках»!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На станцию Кизыл-Арват — двести сорок вторая верста от Каспия — поезд прибыл в семь тридцать вечера вместо семи часов по расписанию. Эта неточность вызвала тридцать упреков барона, по одному в минуту.

В Кизыл-Арвате поезд стоит целых два часа. Хотя день уже клонился к закату, я решил употребить время на осмотр городка, насчитывающего более двух тысяч жителей — русских, персов и туркмен. Впрочем, и смотреть тут особенно не на что: ни в самом городе, ни в окрестностях нет никакой растительности, даже ни единой пальмы. Кругом только пастбища и хлебные поля, орошаемые жалкой речонкой.

Судьба улыбнулась мне, предоставив в качестве попутчика или, вернее сказать, проводника майора Нольтица. Знакомство наше состоялось очень просто. Как только мы вышли на платформу, майор сразу направился ко мне, а я к нему.

— Сударь, — сказал я, — позвольте представиться, Клодиус Бомбарнак, француз, корреспондент газеты «XX век», а вы — майор русской армии Нольтиц. Вы едете в Пекин и я тоже. Я знаю ваш язык, а вы, по всей вероятности, знаете мой.

Майор утвердительно кивнул головой.

— Так вот, майор Нольтиц, вместо того, чтобы оставаться чужими во время долгого переезда через Центральную Азию, не лучше ли нам будет поближе познакомиться? Быть может, мы станем добрыми друзьями, а не только попутчиками. Вы так хорошо знаете здешние края, что я с радостью мог бы у вас многому поучиться...

— К вашим услугам, господин Бомбарнак, — ответил мне майор на чистейшем французском языке.

И с улыбкой прибавил:

— Что же касается вашего «обучения», то если память мне не изменяет, один из ваших известных критиков сказал: французы любят учиться только тому, что сами уже знают.

— Я вижу, майор, что вы читали Сент-Бева. Охотно допускаю, что этот скептически настроенный академик в общем был прав. Но я, вопреки этой традиции, жажду узнать то, чего не знаю. Так, например, я совсем не сведущ во всем, что имеет отношение к русскому Туркестану.

— Я весь в вашем распоряжении, — отвечает мне майор, — и, как очевидец, буду счастлив рассказать вам о великих делах генерала Анненкова.

— Благодарю вас, майор Нольтиц. Я — француз — и не ожидал от русского меньшей любезности.

— Если вы позволите, — отвечает майор, — я напомним вам знаменитую фразу из «Данишева»: — «И так будет всегда, пока существуют французы и русские».

— То Сент-Бев, а теперь Дюма-сын!¹ — воскликнул я. — Оказывается, майор, я имею дело с настоящим парижанином...

— Парижанином из Петербурга, господин Бомбарнак.

И мы обмениваемся дружеским рукопожатием. Минутой позже мы уже гуляли вместе по городу, и вот что я узнал от майора Нольтица.

В конце 1885 года генерал Анненков довел до Кизыл-Арвата первый участок железной дороги протяженностью в двести двадцать пять километров. Из них сто шестьдесят пять километров пришлось на голую степь, где не было ни капли воды. Но прежде чем рассказать, каким образом удалось выполнить эти необыкновенные работы, майор Нольтиц напомнил мне о некоторых событиях, подготовивших завоевание Туркестана и его окончательное присоединение к России.

Уже в 1854 году русские вынудили хивинского хана заключить союзный договор. А затем, продолжая стремительно продвигаться на Восток, в 1860 и 1864 годах они завоевали Кокандское и Бухарское ханства. А еще через два года, после сражений при Ирджаре и Зирабулаке, под их власть перешло и Самаркандское ханство.

Оставалось завладеть южной частью Туркестана, в особенности оазисом Геок-Тепе, граничащим с Персией. Генералы Ломакин и Лазарев предприняли с этой целью походы в 1878 и 1879 году, но текинцы нанесли им поражение. Тогда завоевание оазиса было поручено генералу Скобелеву, герою Плевны².

Скобелев высадился в Михайловском заливе — порта Узун-Ада тогда еще не было — и, чтобы облегчить ему продвижение через пустыню, его помощник, генерал Анненков, построил стратегическую железную дорогу, которая за десять

¹ Александр Дюма младший (1824—1895), сын известного писателя Александра Дюма старшего (Дюма-отца), автор многочисленных пьес и романов. Один из его романов — «Данишев» — назван так по имени русского героя. Жюль Верн был дружен с обоими Дюма.

² Царское правительство установило в Туркестане колониальную систему управления и военно-полицейский режим. Тем не менее присоединение к России сыграло положительную роль для развития всей этой обширной области, так как прекратились феодальные войны и набеги, от которых жестоко страдало местное население. Были ликвидированы рабство и работорговля. Проведение Закаспийской железной дороги имело большие экономические и социальные последствия.

месяцев была доведена до станции Кизыл-Арват. По замыслу строителей, эта дорога должна была иметь не только военное, но и экономическое значение.

Вот как прокладывали ее русские инженеры, превзошедшие, как я уже говорил, быстротою работ американцев на Дальнем Западе.

Первым делом генерал Анненков сформировал строительный поезд, насчитывавший тридцать девять вагонов, куда входили: четыре двухэтажных для офицеров, двадцать двухэтажных для рабочих и солдат, вагон-столовая, четыре вагона-кухни, санитарный вагон, вагон-телеграф, вагон-кузница, вагон-кладовая и один запасный. Это были одновременно и мастерские на колесах и казармы, где помещались и получали довольствие полторы тысячи человек — военизированных рабочих и чиновников. Строительный поезд продвигался вперед, по мере того, как укладывались рельсы. Работы велись в две смены, каждая по шесть часов. В помощь строителям были привлечены пятнадцать тысяч рабочих из местных жителей, которые ютились в палатках. Место работ было соединено телеграфной линией с фортом Михайловским, откуда по узкоколейной железной дороге доставлялись рельсы и шпалы.

При таких условиях, а также благодаря горизонтальности почвы, ежедневно удавалось прокладывать по восемь километров пути, тогда как на равнинах Соединенных Штатов прокладывали не более четырех. К тому же и рабочая сила стоила недорого: жителям оазисов платили по сорок пять франков в месяц, а пришедшим на заработки из Бухары и того меньше — по пятьдесят сантимов в день¹.

Таким образом, солдаты Скобелева были переправлены в Кизыл-Арват, а потом еще на полтораста километров к юго-востоку, в Геок-Тепе. Этот город сдался лишь после того, как были разрушены его укрепления и убито двадцать тысяч защитников; но оазис Ахал-Теке к тому времени был уже во власти русских войск. Вслед за тем не замедлили покориться и жители оазиса Атек, которые еще раньше искали помощи у русского царя в их борьбе против Мервского предводителя Кули-хана. Вскоре их примеру последовали двести пятьдесят тысяч мервских туркмен, в июле 1886 года на станции Мерв остановился первый локомотив.

— А англичане, — спросил я майора Нольтица, — какими глазами смотрели они на успехи России в Центральной Азии?

¹ В переводе на русскую денежную систему того времени приблизительно 15 рублей в месяц и 15 копеек в день.

— Конечно, завистливыми, — ответил майор. — Подумайте только, русские рельсовые пути сомкнулись с китайскими, а не с индийскими. Закаспийская железная дорога конкурирует теперь с железнодорожной линией Герат — Дели. К тому же англичанам далеко не так посчастливилось в Афганистане, как нам в Туркестане¹. Кстати, обратили вы внимание на джентльмена, который едет в нашем вагоне?

— Конечно, обратил. Это сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире.

— Да, но не заметили ли вы, с каким презрением сэр Фрэнсис Травельян пожимает плечами при виде того, что мы здесь совершили? Он как бы воплощает в себе беспредельную зависть своей нации. Ведь Англия никогда не примирится с тем, что наши железные дороги пройдут от Европы до Тихого океана, тогда как британские пути останавливаются у Индийского!

Так беседовали мы около полутора часов, пробегая по улицам Кизыл-Арвата. Но время уже истекало, и мы с майором поспешили вернуться на вокзал.

Разумеется, мы не могли ограничиться одной этой встречей и условились, что майор Нольтиц откажется от своего места в третьем вагоне и перейдет ко мне в первый. Раньше мы жили с ним в одном городе, а теперь будем соседями по дому, вернее даже, — друзьями, живущими в одной комнате.

В девять часов дается сигнал к отправлению. Покинув Кизыл-Арват, поезд направляется на юго-восток, к Ашхабаду, — вдоль персидской границы.

В течение получаса мы еще беседуем с майором о разных разностях. По его словам, я мог бы увидеть вдали, если бы солнце не скрылось за горизонтом, последние вершины больших и малых «азиатских Балкан», возвышающихся над Красноводской бухтой.

Большинство наших спутников уже устроилось на ночь, превратив с помощью хитроумного механизма свои сиденья в спальные места. На них можно вытянуться, положив голову на подушку, завернуться в одеяло, не испытывая никаких не-

¹ Англичане вторглись в 1878 году в Афганистан, но встретили длительное и упорное сопротивление. В освободительной войне с англичанами афганцы неоднократно наносили им серьезные поражения.

В Средней Азии столкнулись интересы царского правительства и Британской империи. Англичане делали все возможное, чтобы помешать присоединению Туркестана к России, но когда им не удалось, англо-русские отношения до такой степени обострились, что в 80-х годах не раз готова была вспыхнуть война.

удобств. Заснуть здесь было бы трудно только человеку с неспокойной совестью.

Как видно, майору Нольтицу не в чем было себя упрекнуть. Он пожелал мне спокойной ночи и через несколько минут уже спал сном праведника.

А я и не думаю ложиться. Мне не дает покоя мысль о таинственном ящике и его обитателе. В эту же ночь я непременно должен завязать с ним отношения. И тут я вспоминаю, что были и другие чудаки, которые путешествовали столь же оригинальным способом. В 1889, 1891 и 1892 годах австрийский портной по имени Герман Цейтунг трижды проехался в ящике: из Вены в Париж, из Амстердама в Брюссель и из Антверпена в Христианию, а двое барселонцев, Эррес и Флора Англора, совершили свадебное путешествие по Испании и Франции в ящике... из-под консервов.

Но из осторожности следует подождать, пока Попов не запрется на ночь в своем отделении. Теперь остановка будет только в Геок-Тепе, не раньше часа ночи. Я рассчитываю на то, что Попов не упустит возможности хорошенько вздремнуть на перегоне между Кизыл-Арватом и Геок-Тепе, а я тем временем смогу привести в исполнение свой план. Теперь или никогда!

И вдруг меня осенило. А что, если в ящике сидит этот пресловутый Цейтунг, сделавший подобный способ передвижения своим вторым ремеслом, чтобы выманивать деньги у великодушной публики? Должно быть, так и есть... Да, черт возьми, это он!.. Но он меня нисколько не интересует. Впрочем, там видно будет, я знаю его по фотографиям и на худой конец извлеку из него какую-нибудь пользу...

Через полчаса дверь на передней площадке захлопнулась. Значит, начальник поезда вошел в свое купе... Меня так и подмывает сразу же отправиться в багажный вагон. Но я запасаясь терпением. Пусть Попов покрепче уснет.

В едва освещенных вагонах царит тишина. За окнами непроглядный мрак. Грохот поезда сливается со свистом свежего ветра.

Я встаю, отдергиваю шторку на одной из ламп и смотрю на часы...

Одиннадцать с минутами. До станции Геок-Тепе остается еще два часа.

Настало время действовать. Проскользнув между диванами к двери вагона, я тихонько отворяю ее, не будучи услышанным и никого не разбудив.

И вот я на площадке перед тамбуром, вздрагивающим при каждом толчке. Над пустыней нависла такая темная ночь, что мне начинает казаться, будто я нахожусь на корабле, скользящем в сплошном мраке по безбрежному океану.

Из купе начальника поезда пробивается сквозь занавески слабый свет. Подождать, пока он погаснет? Нет, скорее всего, он будет гореть до утра.

Во всяком случае, Попов не спит — я слышу, как он ворочается.

Стою на площадке, держась за поручни. Наклонившись вперед, я вижу светлую полосу, которую отбрасывает ламповый прожектор на локомотиве. Создается впечатление, что перед нами расстилается огненный путь. Надо мною быстро и беспорядочно проносятся клочковатые тучи, а в разрывах туч мерцает несколько созвездий. Вот Кассиопея, на севере — Малая Медведица, в зените — Вега из созвездия Лиры.

Выждав некоторое время и убедившись в полной безопасности, я прохожу через тамбур прямо к багажному вагону. Дверь закрыта только на засов.

Я отворяю ее и вхожу в вагон. Делаю я это очень тихо, чтобы не привлечь внимания Попова и тем более моего «добровольного узника».

В багажнике нет окон, тьма кромешная, ориентироваться можно только ощупью. И все же мне удастся выбрать правильное направление. Я помню, что таинственный ящик находится в левом углу от входа. Главное, не натолкнуться бы на какой-нибудь сундук, особенно на багаж Фулька Эфринеля. Представляю, какой бы он поднял шум, если бы опрокинулся один из его ящиков и рассыпались пакетики с искусственными зубами...

Осторожно прокрадываюсь к ящику. Муха прошлась бы по нему не легче, чем это сделали мои руки, скользя по его краям.

Прикладываюсь ухом к передней стенке.

Ничего не слышно, даже дыхания.

Продукция торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке, расфасованная в бумажных пакетиках и уложенная в ящики, не могла бы быть более молчаливой.

И тут меня охватил страх, страх, как бы не потерпели крушение мои репортерские надежды. Не ошибся ли я тогда на борту «Астры»? Не во сне ли мне почудилось это дыхание и чихание? Неужели в ящике никого нет, даже Цейтунга? А может быть, и в самом деле там запакованы зеркала, выпи-

санные мадемуазель Зинкой Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, Китай?

Нет! Как ни слабо оно было, но через несколько минут я уловил движение внутри ящика. И вот оно усиливается. Я начинаю ждать, не раздвинется ли стенка и не выйдет ли узник из своей тюрьмы подышать свежим воздухом.

Лучшее, что я могу сделать, чтобы не быть замеченным, — забиться в глубину вагона, между двумя тюками. Благодаря темноте, бояться нечего.

Вдруг раздается слабый сухой треск. Тут уже не может быть никакой ошибки: только что чиркнули спичкой...

Вслед за тем, сквозь дырочки, просверленные в ящике, начинает пробиваться слабый свет.

Все ясно! Раньше я еще мог ошибиться относительно места, занимаемого пленником в ряду живых существ, а теперь могу сказать с уверенностью, что это человек или... обезьяна, знающая употребление огня и умеющая также обращаться со спичками. Некоторые путешественники уверяют, будто такие существуют, но верить им приходится на слово.

Признаться, меня охватывает волнение, я замер, стараюсь не шевелиться.

Проходит минута, две... Дверца не отодвигается. Незнакомец, кажется, и не думает вылезать...

Я еще выжидаю из предосторожности. Затем мне приходит мысль воспользоваться освещением. Попробую заглянуть в дырочки...

Встаю, подкрадываюсь, приближаюсь... Только бы свет не погас.

И вот я наконец у выдвигной стенки. Стараясь не коснуться ее, приближаю глаз к одному из отверстий...

Да, там действительно сидит человек, и вовсе не австрийский портной Цейтунг... Небо сжалилось надо мной!.. Я мысленно пополняю свой реестр одиннадцатым номером.

Ему можно дать не больше двадцати пяти — двадцати шести лет. У него черная борода. Это типичный румь. Значит, подтверждаются и мои предположения относительно национальной принадлежности получательницы багажа. Лицо у него энергичное, но глаза добрые. Да и может ли не быть энергичным человек, отважившийся на такое длительное путешествие в ящике! Но если он несколько не похож на злодея, выжидающего удобной минуты, чтобы совершить преступление, то, должен вам признаться, еще меньше он походит на героя, которого я хотел бы сделать главным действующим лицом моего повествования.

Между прочим, и австриец, и испанцы, путешествовавшие в ящиках, тоже не были героями: это были скромные молодые люди, самые обыкновенные обыватели, и однако же они дали возможность репортерам заполнить немало газетных столбцов. То же будет и с моим славным номером 11. С помощью красноречивого вступления, эффектной завязки, преувеличений, антонимов, метафор, тропов и других риторических фигур я его приукрашу, возвышу, возвеличу, я проявлю его... как проявляют фотографическую пластинку.

К тому же совершить путешествие в ящике из Тифлиса в Пекин совсем не то, что съездить в Париж из Вены или из Барселоны, как это сделали Цейтунг, Эррес и Флора Англора.

Повторяю еще раз, что я не выдам моего румына и никому о нем не скажу. Пусть он не сомневается в моем умении держать язык за зубами и рассчитывает на мои добрые услуги, если его обнаружат. Но этого не должно случиться!

Интересно, что он сейчас делает? Подумать только, сидя на дне ящика, этот славный малый преспокойно ужинает при свете маленькой лампочки! На коленях у него коробка с консервами и сухарь, а из маленького шкафчика выглядывает несколько полных бутылок, кроме того, на стенке висят одеяло и плащ.

В общем, мой номер 11 прекрасно устроился. Он сидит в своем убежище, как улитка в раковине. Его «дом» едет вместе с ним, и он сэкономит на этом по меньшей мере тысячу франков, которые стоил бы проезд из Тифлиса в Пекин даже во втором классе. Я знаю, конечно, что это называется мошенничеством и что мошенничество преследуется законом. Пока же он может выходить из своего ящика, когда ему заблагорассудится, прогуливаться по вагону, а ночью даже выбираться на площадку. Нет, мне его совсем не жалко! Напротив, я охотно бы занял его место, место этого живого груза, адресованного на имя хорошенькой румынки.

Мне приходит в голову мысль — может быть, удачная, а может быть, и нет: слегка постучать в стенку ящика, завести разговор с моим новым попутчиком и узнать, кто он и откуда едет. А куда он направляется — мне и без него известно! Любопытство так и гложет меня... Я должен его удовлетворить!.. Бывают минуты, когда репортер уподобляется дочери Евы!

Бедный малый, а как он к этому отнесется? Не сомневаюсь, что очень хорошо. Нужно ему отрекомендоваться, сказать, что я француз, а ведь всякий румын прекрасно знает, что на француза можно положиться. Я предложу ему свои услуги, предложу скрасить тюремную скуку моим интервью и поста-

раюсь пополнить его припасы какими-нибудь лакомствами. Ему не придется сожалеть о моих посещениях и опасаться моей неосторожности.

Решаюсь и — стучу в стенку.

Свет моментально гаснет.

Узник затаил дыхание.

— Откройте, — шепчу я по-русски, — откройте!..

Я не успеваю закончить фразы, как поезд резко содрогается и замедляет ход.

Между тем мы не доехали до станции Геок-Тепе.

В эту минуту я слышу крики.

Я поспешно покидаю вагон и закрываю за собой дверь.

Надо сказать, что сделал я это как раз вовремя.

Только я успеваю добежать до площадки, как открывается дверь служебного отделения и оттуда вылетает начальник поезда. Не заметив меня, он входит в багажный вагон и направляется к локомотиву.

Почти тотчас же поезд снова набирает нормальную скорость, а минутой позже показывается Попов.

— Что случилось?

— То, что случается довольно часто, господин Бомбарнак. Мы переехали верблюда.

— Бедное животное!

— Да, но из-за него поезд чуть не сошел с рельсов.

— В таком случае отвратительное животное!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Я вернулся в свой вагон раньше, чем поезд прибыл на станцию Геок-Тепе. Проклятый верблюд! Не попадись он так некстати на дороге, я бы уже свел знакомство с номером 11. Он бы отодвинул стенку, мы дружески побеседовали бы с ним и обменялись крепким рукопожатием... Представляю, как он теперь встревожен. Ведь он знает, что его обман открылся, что существует какой-то человек, чьи намерения ему неизвестны и которому ничего не стоит выдать его секрет... А тогда его извлекут из ящика, на следующей же станции отдадут под стражу, и напрасно мадемуазель Зинка Клорк будет ждать его в столице Поднебесной Империи!

Да, следовало бы успокоить его теперь же, этой же ночью... Но как это сделать? Скоро поезд остановится в Геок-Тепе, потом в Ашхабаде и выйдет оттуда уже на рассвете. На сон Попова рассчитывать больше не приходится.

Пока я предавался размышлениям, поезд прибыл в Геок-Тепе. Был час пополуночи. Никто из моих спутников не захотел покинуть своего ложа.

Спускаюсь на платформу и начинаю прохаживаться возле багажного вагона. Пытаться проникнуть в него было бы чересчур рискованно. Конечно, я бы с удовольствием побродил по городу, но в темноте ничего не увидишь. Судя по тому, что мне рассказывал майор Нольтиц, там еще остались следы от военных действий: солдаты генерала Скобелева, штурмовавшие Геок-Тепе 1 января 1881 года, снесли укрепления и разрушили бастионы... Но ничего не поделаешь. Остается только поверить майору на слово.

Поезд уходит в два часа ночи, приняв несколько новых пассажиров.

С площадки вагона угадываются неясные громады гор, окаймляющих горизонт где-то у персидской границы. На переднем плане зеленеют сады оазиса, орошаемого многочисленными каналами — «арыками». Затем поезд пересекает обширную, хорошо возделанную равнину. Дорога делает частые повороты, или, как говорят здесь, «петляет». Убедившись в том, что Попов и не собирается засыпать, я возвращаюсь в свое купе.

В три часа опять остановка. С платформы кричат: «Ашхабад! Ашхабад!» Не в силах усидеть на месте, я выхожу на вокзальную площадь и отправляюсь бродить по городу. Все мои спутники продолжают спать крепким сном.

Ашхабад — самая большая станция на Закаспийской железной дороге, и я весьма кстати вспоминаю, что писал о нем инженер Буланжье, совершивший интересное путешествие до Мерва. Мне же удалось только разглядеть по левую сторону от вокзала темный силуэт туркменского форта, возвышающийся над новым городом, население которого почти удвоилось с 1887 года. Очертания этого форта смутно проступают за густой завесой зелени.

В половине четвертого возвращаюсь на платформу. Как раз в эту минуту, не знаю зачем, Попов проходит в багажный вагон. Представляю, как тревожат молодого румына эти бесконечные хождения мимо его ящика.

Но вот Попов опять на платформе.

— Нет ли чего-нибудь новенького? — спрашиваю его.

— Нет, господин Бомбарнак, ничего нового, если не считать того, что подул свежий утренний ветерок.

— Да, ветерок свежий, — говорю я. — А нет ли, кстати, на вокзале буфета?

— Как же, есть, для удобства пассажиров.

— Надо думать, что и для удобства служащих? Не зайти ли нам туда, господин Попов?

И Попов не заставляет себя упрашивать.

Буфет открыт, но выбор блюд более чем скуден. Из напитков — один только «кумыс» — перебродившее кобылье молоко, имеющее вкус жидких чернил, правда, говорят, очень питательное. Мне трудно заставить себя попробовать эту жидкость, Попов же находит ее превосходной, а это самое главное.

Узбеков и киргизов, вышедших в Ашхабаде, в вагонах второго класса заменили другие пассажиры — афганцы. Это все купцы и, по большей части, контрабандисты, очень опытные в такого рода делах. Весь зеленый чай, потребляемый в Средней Азии, они доставляют из Китая через Индию и, несмотря на то, что это очень замедляет перевозку, ухитряются продавать его дешевле русского чая. Естественно, что багаж этих афганцев был осмотрен с большой тщательностью и даже с пристрастием.

Поезд отошел в четыре часа утра. Наш вагон по-прежнему напоминает спальню. Я завидую крепкому сну моих спутников, но делать мне в вагоне нечего, и я опять выхожу на площадку.

На восточном горизонте занимается заря. Мимо поезда мелькают то развалины древнего города, то окруженная высокими валами крепость, то ряд длинных портиков, которые тянутся более чем на полтора километра. Миновав несколько насыпей, необходимых здесь благодаря неровностям песчаной почвы, поезд мчится по гладкой степи.

Мы идем со скоростью шестьдесят километров, направляясь на юго-восток, вдоль персидской границы. Железнодорожная линия удаляется от нее только за Душаком. На этом участке пути, в течение трех часов, мы останавливались лишь на двух станциях: в Гяурсе, откуда отходит ветка на Мешхед и уже виднеются возвышенности Иранского плоскогорья, и в Артыке, где в изобилии имеется вода, хоть и солоноватая.

Затем мы пересекаем оазис, образуемый одним из притоков Артека, довольно большой реки, впадающей в Каспийское море. Повсюду много зелени и деревьев. Действительно, это настоящий оазис. Такой был бы хорош и в Сахаре. Он тянется до станции Душак, на шестьсот шестой версте, куда мы прибываем в шесть часов утра.

Два часа остановки, иначе говоря — двухчасовая прогулка. Отправляюсь осматривать Душак в сопровождении майора Нольтица, снова выступающего в качестве гида.

Нас опережает какой-то путешественник. Узнаю сэра Фрэнсиса Травельяна. Майор обращает мое внимание на то,

что физиономия этого джентльмена стала еще более кислой, губы оттопырились еще презрительней и весь его облик типичного англосакса выражал еще большее недовольство.

— И знаете почему, господин Бомбарнак? — спрашивает мой собеседник. — Потому, что от этой станции Душак легко было бы протянуть линию через афганскую границу, Кандагар, Боланский перевал и Пенджикентский оазис, до пересечения с конечной станцией английской железной дороги в Индии. И тогда обе дороги соединились бы.

— И какова была бы протяженность этой линии?..

— Меньше тысячи километров; но англичане упорно не хотят протянуть руку русским. А между тем, как выгодно было бы для их торговли, если бы Калькутта оказалась в двенадцати днях пути от Лондона!

Непринужденно беседуя, мы с майором Нольтицем огибаем Душак. Давно уже говорили, что эта скромная деревушка станет со временем значительной узловой станцией. Так и произошло. Теперь ее соединяет ветка с Тегеранской железной дорогой в Персии¹, а в направлении индийской границы не проводилось даже никаких изысканий. До тех пор, пока джентльмены, подобные сэру Фрэнсису Травельяну, будут задавать тон в Соединенном Королевстве, нечего и надеяться на благоприятное решение этого вопроса.

Тут я спрашивал у майора, безопасна ли езда по Великой Трансазиатской магистрали?

— В пределах Туркестана, — отвечает он, — безопасность вполне гарантирована. Русские железнодорожные служащие непрерывно наблюдают за путями, поблизости от вокзалов учреждены полицейские посты, а так как станции находятся на небольших расстояниях, то я не думаю, чтобы путешественникам приходилось опасаться кочевых племен. К тому же туркменское население полностью подчинилось требованиям русской администрации, подчас очень суровым². За все годы существования Закаспийской дороги не было никаких нападений на поезда.

— Это, конечно, утешительно. Ну, а как по ту сторону границы, на пути к Пекину?

— Там другое дело, — отвечает майор. — На Памирском плато до Кашгара путь охраняется строго, но дальше, на собственно китайской территории, местная администрация не

¹ На самом деле такой линии нет, так же, как и линии Гяурс-Мешхед. Жюль Верн и в данном случае изображает желаемое, как уже осуществленное, соединяя Россию с Персией железной дорогой через Среднюю Азию.

² Царское правительство установило в Туркестане колониальную систему управления, при которой коренное население, как и при ханской власти, продолжало оставаться в приниженном положении.

столь расторопна, и, по правде говоря, я не особенно ей доверяю.

— А станции там расположены далеко одна от другой?

— Иногда очень далеко.

— И русские служащие будут там заменены китайскими?

— Да, за исключением нашего начальника поезда Попова, который будет сопровождать нас до конца пути.

— Итак, значит, машинисты, кочегары и вся поездная прислуга будут китайцы?.. Это как раз, майор, меня и беспокоит, ведь безопасность пассажиров...

— Можете не беспокоиться, господин Бомбарнак. Китайские железнодорожники не менее опытные, чем русские, и при том они превосходные механики. Есть среди них и инженеры, которые ловко проложили путь через всю Поднебесную Империю. Китайцы, несомненно, принадлежат к очень умной расе, весьма склонной к промышленному прогрессу.

— Я охотно верю, майор Нольтиц, и не сомневаюсь, что в один прекрасный день она станет во главе цивилизованного мира... конечно, вслед за славянской!

— Трудно сказать, что нам готовит будущее,— улыбаясь, отвечает майор.— Что же касается китайцев, то я могу подтвердить, что они весьма сообразительны и обладают удивительной легкостью восприятия. Я лично в этом убедился, когда видел их за работой.

— Отлично! С этой стороны, стало быть, нет никакой опасности. А что вы скажете о разбойниках? Разве не бродят они по бескрайним пустыням Монголии и Северного Китая?

— И вы думаете, что бандиты осмелятся напасть на поезд?

— Вот именно, майор, и это меня немного успокаивает.

— Успокаивает?!

— Да, я это и хотел сказать. Но боюсь только одного — как бы наше путешествие вообще не обошлось без приключений.

— Поистине, господин репортер, вы меня восхищаете! Значит, вы ищете приключений...

— Как врач ищет больных... Я только о них и мечтаю.

— В таком случае, господин Бомбарнак, я боюсь, что вы будете разочарованы. Говорят, не знаю, правда это или нет, будто Компания вошла в соглашение с несколькими предводителями банд.

— Подобно тому, как греческие власти с разбойником Хаджи-Ставросом в романе Абу?..¹

— Именно так, господин Бомбарнак, и как знать, не успели ли железнодорожная компания войти в сделку и с остальными.

¹ Абу Эдмон (1828—1885) — французский беллетрист и публицист.

— Трудно этому поверить.

— Почему же? — отвечает майор Нольтиц. — Это было бы вполне в духе времени — откупиться от разбойников, чтобы обеспечить таким образом безопасность движения поездов. Впрочем, говорят, что один из этих тружеников большой дороги, некто Ки Цзан, пожелал сохранить свою независимость и свободу действий.

— Что вы о нем знаете?

— Это один из самых дерзких разбойников. Он полукитаец, полумонгол. После того, как он долго бесчинствовал в Юньнани, где его в конце концов выследили, он перенес свою деятельность в северные провинции. Его видели и в той части Монголии, по которой проходит Великий Трансзиатский путь...

— Вот и отлично! Такой поставщик хроники мне нужен до зарезу!

— Однако, господин Бомбарнак, встреча с Ки Цзаном может вам дорого обойтись...

— Что вы, майор! Разве «XX век» не достаточно богат, чтобы заплатить за свою славу!

— Заплатить деньгами, — да. Но вы забываете, что мы можем поплатиться не только кошельком, но и жизнью. Хорошо еще, что наши попутчики не слышали ваших рассуждений, а то бы они потребовали, чтобы вас высадили на первой же станции. Будьте осторожны и не выдавайте ваших желаний — желаний репортера, который ищет приключений. А главное — забудем про этого Ки Цзана. Так будет лучше для путешественников...

— Но не для путешествия, майор, — замечаю я.

И мы возвращаемся на вокзал. Поезд простоит здесь еще не меньше получаса. Я прогуливаюсь по платформе и наблюдаю, как маневрирует локомотив, прицепляющий к нашему составу еще один багажный вагон. Он прибыл из Тегерана по Мешхедской ветке, той самой, что соединяет столицу Персии с Закаспийской магистралью.

Вагон заперт и запечатан, его сопровождает конвой из шести монголов, ни на минуту не спускающих с него глаз.

Не знаю, может быть, это зависит от направленности моего ума, но мне начинает казаться, будто в вагоне этом есть что-то особенное, таинственное, и так как с майором мы расстались, я обращаюсь к Попову, наблюдавшему за маневрами паровоза:

— Куда направляется этот вагон?

— В Пекин, господин Бомбарнак.

— А что в нем везут?

— Что везут? Важную персону.
— Важную персону?
— Это вас удивляет?
— Еще бы... В багажном вагоне...
— Но так она пожелала.
— Прошу вас, господин Попов, предупредите меня, когда эта важная персона покинет вагон.
— Она его не покинет.
— Почему?..
— Потому, что она мертва. Это покойник.
— Покойник?
— Да, тело везут в Пекин, где оно будет похоронено со всеми подобающими почестями.

Наконец-то в нашем поезде появилась значительная личность! Правда, это труп, но не все ли равно! Я обращаюсь к Попову с просьбой узнать имя покойника. Должно быть, это какой-нибудь мандарин высшего ранга. Как только я это выясню — немедленно пошлю телеграмму «XX веку».

Пока я хожу вокруг да около, к вагону подходит какой-то пассажир и начинает его разглядывать с не меньшим любопытством, чем я.

Это молодцеватый мужчина, лет сорока, высокого роста, смуглый, с несколько мрачным взглядом, лихо закрученными мушкетерскими усами и немигающими веками. На нем изящный костюм, какие носят обычно богатые монголы.

«Вот великолепный тип,— подумал я.— Не знаю, суждено ли ему стать главным действующим лицом, которого мне недостает, но на всякий случай отведу для него номер 12 в реестре моей странствующей труппы».

Вскоре я узнаю от Попова, что новое действующее лицо носит имя Фарускиар. Его сопровождает другой монгол того же возраста, но низшего ранга,— некто Гангир.

Теперь уже они оба вертятся возле вагона, который прицепляют в хвосте поезда перед багажным, и обмениваются несколькими словами. Когда маневрирование закончилось, монголы заняли места в вагоне второго класса, рядом с траурным, чтобы драгоценное тело всегда было под их наблюдением.

Вдруг на платформе раздаются вопли:

— Ловите!.. Держите!..

Я сразу узнаю крикуна. Так орать может только барон Вейсшнитцердёрфер.

На сей раз нужно остановить не поезд, а улетающую шапку, голубую шапку-каску, которую сильный порыв ветра со-

рвал с головы барона. Она катится по платформе, по рельсам, вдоль стен и заборов, а ее владелец, задыхаясь, бежит за ней и никак не может поймать.

Должен вам сказать, что при этом уморительном зрелище супруги Катерна держатся за бока от хохота, молодой китаец Пан Шао надрывается от смеха и один лишь доктор Тио Кин остается невозмутимо-серьезным.

Немец, багровый, запыхавшийся, совсем уже выбился из сил. Дважды ему удалось коснуться рукой своего головного убора, но тот снова ускользал. Кончилось тем, что барон растянулся во всю длину, запутавшись головою в складках широкого плаща, и это происшествие послужило для господина Катерна поводом, чтобы пропеть знаменитый мотив из оперетки «Мисс Эллиет»:

Вот неожиданный скандал,
Представьте, что я увидал...

Нет ничего досадней и комичней погони за шляпой, которую уносит сильный ветер. Она мечется из стороны в сторону, кружится, скачет, парит в воздухе и ускользает из-под рук как раз в ту минуту, когда вы думаете, что наконец схватили ее. Случись это со мной, я бы нисколько не обиделся на тех, кого рассмешила эта забавная игра.

Но барон не понимает и не прощает шуток. Он мечется, прыгает и устремляется к железнодорожному полотну. Ему кричат: «Осторожно! Берегитесь!», так как в эту минуту к вокзалу подходит поезд из Мерва. И тут настает конец злополучной шапки-каска: локомотив ее безжалостно давит, и она превращается в растерзанный блин, который и вручают барону. А он в ответ раздражается градом проклятий под адресу Великой Трансазиатской магистрали.

Но вот дается сигнал к отправлению. Пассажиры, и новые, и старые, торопятся на свои места. Среди вновь прибывших я замечаю трех монголов, которые производят на меня очень странное впечатление. Они садятся в вагон второго класса.

Поднимаясь на площадку, я слышу, как молодой китаец обращается к своему компаньону:

— Доктор Тио Кин, вы обратили внимание на этого немца с его потешной шляпой? Вот когда я вволю посмеялся!

Но что я слышу? Пан Шао бегло говорит по-французски, говорит, как настоящий парижанин!

Я изумлен — и при первом удобном случае непременно заведу с ним разговор.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Поезд отошел точно по расписанию. На этот раз барону не на что будет жаловаться. Впрочем, мне вполне понятно его нетерпение: одна минута опоздания, и он пропустит пароход из Тяньцзиня в Японию.

Поначалу день обещал быть прекрасным. А потом вдруг поднялся такой сильный ветер, что, казалось, он способен потушить солнце, как простую свечу. Это один из тех ураганов, которые, как я слышал, останавливают поезда на Великой Трансазиатской магистрали. Сегодня, к счастью, он дует с запада, вслед поезду, и потому с ним можно будет примириться. Попробую остаться на площадке.

Теперь я должен завязать знакомство с молодым Пан Шао. Попов был прав: он, как видно, из богатой семьи, прожил несколько лет в Париже, учась и развлекаясь. Вероятно, ему частенько приходилось бывать и на «файф-о-клоках»¹ «XX века».

Нужно заняться и другими делами и прежде всего человеком в ящике. Пройдет целый день, прежде чем мне удастся избавить его от тревоги. Воображаю, как он беспокоится! Но пробираться в багажный вагон днем было бы слишком опасно. Придется подождать до ночи.

Кроме того, у меня намечена в программе беседа с супругами Катерна. Впрочем, это будет делом несложным.

Куда труднее завязать отношения с номером двенадцатым, великолепнейшим Фарускиаром. Этот восточный человек застегнут на все пуговицы. Не так-то просто к нему подступить!

Да! Надо еще поскорее узнать имя мандарина, который возвращается в свою Поднебесную Империю, чтобы принять погребальные почести. Думаю, что Попову удастся это вывести у одного из стражников, приставленного к телу его превосходительства. Будет просто замечательно, если мертвец окажется каким-нибудь важным государственным деятелем — китайским принцем или хотя бы министром!..

Вот уже час, как поезд перерезает обширный оазис. Потом пойдет сплошная пустыня. Почву там образуют аллювиальные наносы², и тянутся они вплоть до окрестностей Мерва. Пора уже привыкнуть к однообразию и монотонности путе-

¹ Файф-о-клок — чай среди дня, обыкновенно в пять часов вечера. Здесь — званые вечера, устраиваемые редакцией (англ.).

² Аллювиальные наносы образуются в результате деятельности текучих вод (пески, глина, суглинки, галька).

шествия. И так будет до границы Туркестана — оазис и пустыня, пустыня и оазис. Правда, по мере приближения к Памирскому плоскогорью вид местности будет меняться. Красивые пейзажи в изобилии попадают в этом горном узле, который русские разрубили совершенно так же, как Александр Македонский разрубил узел, связывавший в колеснице Гордия ярмо с дышлом. После этого македонский завоеватель установил, как известно, господство над Азией. Вот хорошее предзнаменование для России, разрубившей Памирский узел!¹

Итак, подождем Памира с его живописной природой. А по ту сторону Памирского плато расстилаются бесконечные равнины китайского Туркестана и пески, пески, пески громадной пустыни Гоби. И снова потянется монотонная, однообразная дорога.

Половина одиннадцатого. В вагоне-ресторане скоро будет завтрак. А пока, вместо утренней прогулки, пройду по всему поезду.

Где же Фульк Эфринель? Я не вижу американца на его посту подле мисс Горации Блуэтт. Я вежливо с ней раскланиваюсь и осведомляюсь о ее спутнике.

— Мистер Фульк пошел взглянуть на свой багаж, — отвечает она.

Вот как, он уже «мистер Фульк»? Подождем немного, и будет просто «Фульк».

Величественный Фарускиар с самого начала забился с Гангиром в задний конец второго вагона. Здесь я застаю их и сейчас. Они сидят вдвоем и тихо разговаривают.

На обратном пути встречаю Фулька Эфринеля, спешащего к своей спутнице. По американской привычке он встряхивает мне руку. Я говорю ему, что мисс Горация Блуэтт уже сообщила мне, куда он ходил.

— О! — восклицает он, — какая деловитая женщина, какая выдающаяся негоциантка! Это одна из тех англичанок...

— Которые вполне достойны быть американками! — заканчиваю я.

— Wait a bit! — отвечает он, многозначительно улыбаясь.

Китайцев на месте не оказалось. Значит, они ушли завтра-

¹ В древнегреческой легенде рассказывается о финикийском царе Гордии, который прикрепил ярмо к дышлу колесницы таким тугим узлом, что его невозможно было развязать. Между тем предсказание оракула гласило, что Азия достанется тому, кто сможет развязать Гордиев узел. Александр Македонский не стал его распутывать, но разрубил мечом. Жюль Верн намекает на присоединение Туркестана к России.

кать. Проходя мимо, вижу на вагонном столике книжку, оставленную доктором Тио Кином.

Я не думаю, чтобы со стороны репортера было нескромностью взять книжечку, раскрыть ее и прочесть следующее заглавие:

О ВОЗДЕРЖАННОЙ И ПРАВИЛЬНОЙ ЖИЗНИ,
ИЛИ ИСКУССТВО ДОЛГО ЖИТЬ,
ПРЕБЫВАЯ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИ

СОЧИНЕНИЕ ЛЮДОВИКА КОРНАРО,
БЛАГОРОДНОГО ВЕНЕЦИАНЦА.

С прибавлением советов, как исправить дурной характер, как пользоваться совершенным счастьем до самого преклонного возраста и умереть только в глубокой старости, вследствие полного истощения жизненных соков.

САЛЕРНО
МД СС XXXII

Так вот каково любимое чтение доктора Тио Кина! Теперь мне понятно, почему непочтительный ученик иногда в насмешку называет его Корнаро!

Кроме заглавия, я успеваю прочесть еще девиз:

Absti entia adjicit vitam¹.

Но я отнюдь не собираюсь следовать девизу благородного венецианца — по крайней мере, за завтраком.

В вагоне-ресторане застаю всех на обычных местах. Я сажусь рядом с майором Нольтицем, который внимательно наблюдает за сидящим на противоположном конце стола господином Фарускиаром и его компаньоном. Нас обоих очень занимает этот неприступный монгол. Интересно, кто он такой?

— Вы только подумайте, — говорю я, и мне самому становится смешно от такой вздорной мысли, — а что, если бы это был...

— Кто же? — спрашивает майор.

— Атаман разбойничьей шайки... тот самый знаменитый Ки Цзан...

— Шутите, шутите, господин Бомбарнак, только, прошу вас, не так громко!

— Однако, согласитесь, майор, это была бы одна из интереснейших личностей, вполне достойная самого подробного интервью.

Продолжая болтать, мы с аппетитом поглощаем завтрак. Приготовлен он очень вкусно. В Ашхабаде и Душаке успели

¹ Воздержание продлевает жизнь (лат.).

запастись свежими продуктами. Из напитков нам предложили чай, крымское вино и казанское пиво¹; из мясных блюд — бараньи котлеты и превосходные консервы; на десерт — сочную дыню, груши и отборный виноград.

После завтрака я выхожу на заднюю площадку вагона-ресторана выкурить сигарету. Вслед за мной туда является господин Катерна. Почтенный комик, видимо, сам искал случая со мной заговорить.

Его умные полузакрытые глаза, гладко выбритое лицо, щеки, привыкшие к фальшивым бакенбардам, губы, привыкшие к фальшивым усам, голова, привыкшая к черным, рыжим, седым, лысым или косматым парикам, в зависимости от роли, — все выдает в нем комедианта, созданного для жизни на подмостках. Но при этом у него такое открытое лицо, такой веселый взгляд, такие честные глаза, такая прямодушная манера держаться, что сразу узнаешь в нем славного, искреннего человека.

— Сударь, — обращается он ко мне, — неужели двое французов могут проехать вместе от Баку до Пекина, не познакомившись друг с другом?

— Сударь, — отвечаю я, — когда я встречаю соотечественника...

— И вдобавок еще парижанина.

— Следовательно, дважды француза, — прибавляю я, — то я не мог бы себе простить, если бы не пожал ему руки. Итак, господин Катерна...

— Вы знаете мою фамилию?

— Равно, как и вы мою. Я в этом уверен.

— И не ошиблись. Вы — господин Бомбарнак, корреспондент «XX века».

— И ваш покорный слуга.

— Тысяча благодарностей, господин Бомбарнак, даже десять тысяч, как говорят в Китае, куда мы едем с госпожой Катерна...

— Чтобы играть комические роли в шанхайском театре, основанном для французов.

— Так вы все знаете?

— На то я и репортер!

— Это верно!

— Я даже могу сказать, господин Катерна, основываясь на

¹ Инженер Буланжье в своих путевых записках воздает должное русской кухне (прим. авт.).

некоторых морских словечках, которые вы употребляете, что раньше вы служили на флоте.

— Это верно, господин репортер. Я бывший командир шлюпки адмирала Буасуди на борту «Грозного».

— В таком случае я не понимаю, почему же вы, моряк, отправились в Китай не морем, а в поезде...

— Это действительно может показаться странным, господин Бомбарнак. Но дело в том, что мадам Катерна, эта бесспорно первая провинциальная опереточная актриса, лучшая исполнительница ролей субреток и травести, которой никакая другая не срезала бы носа — извините, это по старой флотской привычке, — не переносит морской волны. Когда я узнал о существовании Великой Трансазиатской магистрали, я ей сказал: «Успокойся, Каролина! Пусть тебя не тревожит обманчивая и коварная стихия! Мы проедем через Россию, Туркестан и Китай сухим путем». И как она обрадовалась, моя милочка, такая храбрая, такая преданная, такая... я не нахожу подходящего слова! — такая талантливая инженеру¹, которая в случае надобности сыграла бы даже дуэнью², чтобы не оставить на мели директора театра! Артистка, настоящая артистка!

Господин Катерна говорил с увлечением. Как выражаются механики, «он был под высоким давлением», и оставалось только выпустить из него пар. Как это ни странно при его профессии, он обожает свою жену, и мне хочется думать, что она отвечает ему тем же. В общем, если верить его словам, они — идеальная пара: никогда не унывают, не теряются, всегда довольны своей участью, страстно влюблены в театр, особенно провинциальный, где госпожа Катерна играла в драмах, водевилях, комедиях, опереттах, комических операх, переводных пьесах, пантомимах. Они счастливы, когда представление начинается в пять часов вечера и заканчивается в час ночи. Они играют в театрах больших и малых городов, в залах мэрий, в деревенских амбарах, зачастую без подготовки, без декораций, без оркестра, иногда даже без зрителей. Словом, это комедианты, не разборчивые на роли, готовые выступить в любом амплуа.

Господин Катерна, этот неунывающий парижанин, был, вероятно, общим любимцем и балагуром на корабле. У него ловкие, как у фокусника, руки и гибкие ноги, как у канатного

¹ Инженю — амплуа актрисы, исполняющей роли наивных девушек.

² Дуэнья — в Испании — пожилая женщина, хозяйка, госпожа. Здесь — амплуа комедийной актрисы.

плясуна. Он умеет языком и губами имитировать все деревянные и медные инструменты и располагает к тому же самым разнообразным ассортиментом старинных народных песенок, застольных куплетов, патриотических мелодий, кафешантан-ных монологов и скетчей. Он рассказывал мне обо всем этом с выразительными жестами, с неистощимым красноречием, шагая взад и вперед по площадке и покачиваясь на широко расставленных ногах со слегка обращенными внутрь ступня-ми — ну, истый моряк, всегда в веселом и бодром настроении. В обществе такого жизнерадостного товарища соскучиться невозможно!

— А где вы выступали перед отъездом из Франции? — спра-шиваю я.

— В Ферте-Су-Жуар¹, где мадам Катерна с огромным успе-хом исполняла роль Эльзы в «Лозэнгрине», которого мы игра-ли без музыки. Но зато какая интересная и талантливая пьеса!

— Вы, наверное, исколесили весь свет, господин Катерна?

— Вы правы, мы побывали в России, в Австрии, в обеих Америках. Ах! Господин Клодиус...

Он уже зовет меня Клодиусом!

— Ах, господин Клодиус, когда-то я был кумиром Бу-энос-Айреса и пользовался огромным успехом в Рио-де-Жа-нейро. Не думайте, что я решил прихвастнуть. Нет, я себя не переоцениваю! Я плох в Париже, но великолепен в провинции. В Париже играют для себя, а в провинции — для зрителей. И к тому же какой разнообразный репертуар!

— Примите мои поздравления, дорогой соотечественник!

— Принимаю, господин Бомбарнак, так как я очень лю-блю мое ремесло. Что вы хотите? Не все могут претендовать на звание сенатора или... репортера!

— Ну, это довольно ядовито сказано, господин Катер-на,— ответил я, улыбаясь.

— Нет, что вы... Это я только так, для красного словца.

Пока неистощимый комик выкладывал свои истории, ми-мо нас мелькали станции: Кулька, Низашурш, Кулла-Минор и другие, имеющие довольно грустный вид; затем Байрам-Али на семьсот девяносто пятой версте, Урлан-Кала — на восемь-сот пятнадцатой.

— При этом,— продолжал господин Катерна,— переезжая из города в город, мы подкопили и немного денег. На дне нашего сундука хранятся несколько облигаций Северного банка, которыми я особенно дорожу,— это надежное помеще-

¹ Маленький городок неподалеку от Парижа.

ние денег, — и они добыты честным трудом, господин Клодиус! Хотя мы живем и при демократическом режиме, в эпоху, так сказать, всеобщего равенства, но нам еще очень далеко до того времени, когда благородный отец¹ будет сидеть рядом с женою префекта на обеде у председателя судебной палаты, а субретка² в паре с префектом откроет бал у генерал-аншефа³. Пока что мы предпочитаем обедать и танцевать в своем кругу.

— И я полагаю, господин Катерна, что это не менее весело, чем...

— И, уверяю вас, господин Клодиус, не менее достойно, — добавляет будущий шанхайский первый комик, встряхивая воображаемым жабо с непринужденностью вельможи эпохи Людовика XV.

Тут к нам присоединяется госпожа Катерна. Это поистине достойная подруга своего мужа, созданная для того, чтобы подавать ему реплики как на сцене, так и в жизни, одна из тех редкостных служительниц театра, которые не жеманятся и не злословят, из тех, по большей части случайных детей странствующих комедиантов, которые рождаются на свет неведомо где и даже неведомо как, но бывают предобрými и милыми созданиями.

— Представляю вам Каролину Катерна, — провозглашает комик таким торжественным тоном, как если бы знакомил меня с самой Патти или Сарой Бернар⁴.

— Я уже обменялся рукопожатием с вашим мужем, а теперь буду счастлив пожать и вашу руку, госпожа Катерна, — говорю я.

— Вот она, сударь, — отвечает мне актриса, — подаю ее вам запросто, без всяких церемоний и даже без суфлера.

— Как видите, сударь, она не ломака, а лучшая из жен.

— Как и он — лучший из мужей!

— Я горжусь этим, господин Клодиус, — отвечает комик, — и знаете почему? Я понял, что весь смысл супружеского счастья заключается в следующем евангельском правиле, с которым должны были бы считаться все мужья: что любит жена, то и ест ее муж!

Поверьте мне, я был тронут, глядя на этих честных комедиантов, столь не похожих на сидящих в соседнем вагоне ма-

¹ *Благородный отец* — амплуа опереточного комика.

² *Субретка* — амплуа комедийной актрисы.

³ *Генерал-аншеф* — генерал армии, главнокомандующий.

⁴ *Патти Аделина* (1843—1919) — знаменитая итальянская певица. *Сара Бернар* (1844—1923) — выдающаяся французская актриса.

клера и маклершу. Те любезничают по-своему: для них нет ничего более приятного, как подводить баланс, подсчитывать приход и расход.

Но вот и барон Вейсшнитцердёрфер, уже раздобывший где-то новую дорожную шапку. Он выходит из вагона-ресторана, где, как я полагаю, занимался не изучением железнодорожного расписания.

— На авансцене владелец потерпевшей крушение шляпы!—объявил господин Катерна, как только барон вошел в вагон, не удостоив нас поклоном.

— Сразу узнаешь немца,—прибавляет госпожа Катерна.

— А еще Генрих Гейне называл этих людей сентиментальными дубами!—говорю я.

— Сразу видно, что он не знал нашего барона,— отвечает господин Катерна,— дуб — с этим я вполне согласен, но сентиментальный...

— Кстати,—спрашиваю я,— вы знаете, зачем он едет по Великому Трансазиатскому пути?

— Чтобы поест в Пекине кислой капусты,—выпаливает комик.

— Ну, нет... Совсем не для того. Это соперник мисс Нелли Блай¹. Он собирается совершить кругосветное путешествие за тридцать девять дней.

— За тридцать девять!—воскликает господин Катерна.—Вы хотите сказать—за сто тридцать девять! Уж на спортсмена-то он никак не похож!

И комик напевает голосом, похожим на охрипший кларнет, известный мотив из «Корневильских колоколов»:

Ходил три раза кругом света...

и добавляет по адресу барона:

Но половины не прошел...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В четверть первого наш поезд проехал станцию Кари-Бата, которая напомнила мне своей итальянской крышей станционные постройки на пригородной железной

¹ *Нелли Блай*—американская журналистка, в 1889 г. совершила кругосветное путешествие за 72 дня и получила от Жюль Верна приветственную телеграмму такого содержания: «Я никогда не сомневался в успехе Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь. Жюль Верн».

дороге Неаполь — Сорренто. Мы вступили на территорию Мервского оазиса, имеющего в длину сто двадцать пять километров, в ширину двенадцать и площадь в шестьдесят тысяч гектаров; как видите, меня нельзя упрекнуть в том, что я даю недостаточно точные сведения.

Справа и слева видны обработанные поля, зеленые кущи деревьев, непрерывный ряд поселков, водоемы под сводами ветвей, фруктовые сады между домами, стада овец и быков, рассеявшиеся по пастбищам. Эту плодородную местность орошает река Мургаб, что значит Белая вода, и ее притоки. Фазаны там летают большими стаями, как вороны над нормандскими равнинами.

В час дня поезд останавливается перед Мервским вокзалом в восьмистах двадцати двух километрах от Узун-Ада.

Вот город, который неоднократно разрушался и заново отстраивался. Туркестанские войны не пощадили его. Говорят, что раньше это был настоящий притон грабителей и разбойников, и можно только пожалеть знаменитого Ки-Цзана, что он не жил в эту эпоху. Быть может, из него вышел бы второй Чингисхан.

В Мерве поезд стоит семь часов. Я успею осмотреть этот любопытный город, коренным образом изменивший свой характер благодаря русской администрации, действовавшей зачастую даже слишком круто. После того, как русские войска овладели Мервом, древнее гнездо феодальных смут и разбоев стало одним из важнейших центров Закаспийского моря.

Я спрашиваю у майора Нольтица:

— Я не злоупотреблю вашей любезностью, если попрошу вас снова меня сопровождать?

— Охотно буду вам сопутствовать, — отвечает он, — да и мне самому доставит удовольствие еще раз взглянуть на Мерв.

И мы отправляемся быстрым шагом.

— Должен вас предупредить, — говорит майор, — что мы идем в новый город.

— А почему бы не начать с древнего? — спрашиваю я. — Это было бы более логично и последовательно.

— Потому, что старый Мерв находится в тридцати километрах от нового, и вы увидите его только мельком, из окна поезда. Итак, вам придется довольствоваться описаниями вашего знаменитого географа Элизе Реклю. К счастью, они очень точные.

От вокзала до нового Мерва совсем недалеко. Но какая ужасная пыль! Торговая часть города расположена на левом берегу реки. Планировка «вполне американская», и это должно понравиться Фульку Эфринелю: улицы широкие, протянутые как по ниточке, пересекающиеся под прямым углом; прямолинейные бульвары с рядами стройных деревьев; оживленное движение; толпы торговцев, одетых в восточные костюмы. Кругом снуют разносчики всевозможных товаров. Много двугорбых и одnogорбых верблюдов. Последние, дромадеры, особенно ценятся за их выносливость и отличаются от своих американских собратьев формой крупа. На залитых солнцем, будто доведенных до белого каления улицах, мало женщин. Но среди них встречаются очень оригинальные особы. Представьте себе женщину, облаченную в полувойенный костюм, в мягких сапогах и с патронами на груди, как у черкесов. Кстати, берегитесь в Мерве бродячих псов. Эти голодные твари с длинной шерстью и опасными клыками — какая-то разновидность кавказской породы. Не эти ли собаки, как рассказывает инженер Буланжье, съели русского генерала?

— Съели, но не совсем, — отвечает майор. — Они оставили сапоги.

В торговом квартале, в глубине темных нижних этажей, где ютятся персы и евреи, в жалких лавчонках продаются те ковры поразительно тонкой работы и артистически подобранных расцветок, которые терпеливо ткут целыми днями старые женщины, даже и не подозревая о существовании жаккардовских трафаретов.

По обеим берегам Мургаба русские расположили свои военные учреждения. Там обучаются солдаты-туркмены, состоящие на царской службе. На них штатская одежда, но синие форменные фуражки и белые погоны.

Через реку перекинут деревянный мост длиною в пятьдесят метров, предназначенный не только для пешеходов, но и для поездов; над его перилами протянуты телеграфные провода.

А на другом берегу — административная часть города, где живут в основном гражданские чиновники.

Самое интересное из того, что здесь можно увидеть, — это деревушка Теке, непосредственно примыкающая к Мерву. Жители ее, текинцы, сохранили не только свой национальный тип, но и обычаи. Только там еще чувствуются следы местного колорита, которого так не хватает новому городу.

На повороте одной из улиц торгового квартала мы сталкиваемся с американцем-маклером и англичанкой-маклершей.

— И вы здесь, господин Эфринель! — восклицаю я. — Ведь в этом новом Мерве нет ничего интересного.

— Напротив, господин Бомбарнак, город почти в американском стиле. Недостает только трамвая и газовых фонарей.

— Со временем и это будет.

— Надеюсь, и тогда Мерв станет настоящим городом.

— А мне, господин Эфринель, хотелось бы посетить древний город и осмотреть его крепости, дворцы, мечети. Но, к сожалению, это слишком далеко, и поезд там не останавливается...

— Вот уж что меня не интересует, — отвечает янки. — Я сожалею лишь о том, что в этих туркменских краях мне нечего делать. У мужчин, по-видимому, целы все зубы...

— А у женщин — волосы, — подхватывает мисс Горация Блуэтт.

— А вы бы взяли, мисс, да скупили у них волосы. Тогда и время будет не зря потеряно.

— Торговый дом Гольмс-Гольм, несомненно, этим займется, — отвечает мне негоциантка, — но после того, как мы используем волосяные богатства Поднебесной Империи.

И милая парочка удаляется.

Уже шесть часов вечера. Я говорю майору Нольтицу, что до отхода поезда мы еще успеем пообедать в Мерве. Он соглашается, и злая судьба приводит нас в «Славянскую гостиницу», где обеды намного уступают нашему вагону-ресторану. Был там, между прочим, «борщ» со сметаной, но я не рискнул бы его рекомендовать гурманам «XX века».

Тут я вспомнил о своей газете. А как же быть с телеграммой? Ведь я хотел сообщить о мандарине, которого везет наш поезд. Удалось ли Попову выведать у безмолвных стражников имя этой высокой особы?

Оказывается, удалось. Едва мы показались на платформе, как он подбежал ко мне со словами:

— Я узнал его имя. Это Иен Лу, великий мандарин Иен Лу из Пекина.

— Благодарю вас, Попов.

Я мчусь в телеграфную контору и посылаю «XX веку» депешу следующего содержания:

Мерв, 16 мая, 7 часов вечера.

Поезд Великой Трансазиатской выходит Мерва. В Душаке взяли тело великого мандарина Иен Лу, отправляемое из Персии в Пекин.

Заплатить за телеграмму пришлось очень дорого, но вы, конечно, согласитесь, что она того стоит.

Имя Иен Лу быстро распространяется среди пассажиров. Но мне показалось, что господин Фарускиар улыбается, когда его произносят.

Поезд отошел в восемь часов без всякого опоздания. Спустя сорок минут мы прошли мимо старого Мерва, но уже стемнело, и я не смог ничего разглядеть. А ведь там есть старинная крепость с квадратными башнями, обнесенная стеной из обожженного на солнце кирпича, развалины гробниц и дворцов, остатки мечетей — одним словом, целые археологические сокровища, описание которых заняло бы не меньше двухсот строк петитом.

— Не огорчайтесь! — сказал мне майор Нольтиц. — Все равно вы не были бы вполне удовлетворены, ведь старый Мерв четыре раза перестраивался. Если бы вам удалось увидеть четвертый город, Байрам-Али, относящийся к персидской эпохе, то вы не смогли бы увидеть ни третьего, монгольского, ни мусульманского города второй эпохи, носившего название Султан-Санджер-Кала, и уж, тем более, первоначального. Одни называют Искандер-Кала, по имени Александра Македонского, другие — Гяур-Кала, приписывая его основание Зороастру, создателю религии магов, лет за тысячу до христианской эры. Потому я советую вам забыть о всех ваших сожалениях.

Так я и сделал, ничего другого мне не оставалось.

Теперь поезд мчится на северо-восток. Станции удалены одна от другой на двадцать — тридцать километров. Названий их не объявляют, так как остановок там нет, и я довольствуюсь тем, что слежу за ними по моему путеводителю. Мы миновали Кельчи, Равнину, Пески, Репетек и так далее. И вот уже едем по пустыне, настоящей пустыне, где нет ни единой струйки воды. Поэтому для снабжения водой станционных резервуаров здесь прорыты артезианские колодцы.

Майор рассказал мне, что инженеры, прокладывавшие дорогу, испытывали большие затруднения, когда им приходилось закреплять барханы на этом участке пути. Если бы щиты не были поставлены здесь наклонно, как бородки пера, то все полотно давно уже было бы засыпано песком, и движение поездов стало бы невозможным.

Миновав полосу барханов, мы снова выезжаем на горизонтальную равнину, где прокладка рельсового пути не отняла много времени.

Мало-помалу мои спутники засыпают, и наш вагон превращается в «Sleeping-car»¹.

¹ «Sleeping-car» — спальный вагон (англ.).

Тогда я снова начинаю думать о моем румыне. Следует ли мне попытаться увидеть его этой же ночью? Бесспорно, и не только для удовлетворения моего, впрочем, весьма естественного, любопытства, а главным образом, чтобы его успокоить. И в самом деле, узнав, что кто-то раскрыл его секрет и даже пытался с ним заговорить, он может высадиться на одной из ближайших станций, пожертвовать своим путешествием и отказаться от свидания с мадемуазель Зинкой Клорк, лишь бы только избежать преследования железнодорожной Компании... Так вполне может случиться, и тогда мое вмешательство сослужило бы плохую службу этому бедняге... не говоря уже о том, что я потерял бы номер 11, один из интереснейших в моей коллекции.

Поэтому я принимаю решение нанести ему визит еще до зари. На всякий случай, ради большей предосторожности, подожду, пока поезд не отойдет от станции Чарджуй¹, куда он должен прибыть в два часа двадцать семь минут пополудни. Стоять он будет там пятнадцать минут, а затем направится к Амударье. После этого Попов уляжется в своей камерке, а я прошмыгну в багажный вагон, не боясь быть замеченным.

Какими долгими показались мне эти часы! Несколько раз меня начинало клонить ко сну, но я делал над собой усилие и выходил на площадку подышать свежим воздухом.

В установленное время, минута в минуту, поезд подошел к станции Чарджуй, на тысяча пятой версте. Это довольно значительный городок Бухарского ханства, до которого Закаспийская дорога доведена в конце 1886 года, через семнадцать месяцев после того, как была положена первая шпала.

Теперь до Амударьи остается только двенадцать верст. Пусть поезд переедет эту большую реку, тогда и приведу в исполнение свой план.

В Чарджуе, городе с населением до тридцати тысяч человек, выходят многие пассажиры, а вместо них в вагоны второго класса садятся другие, едущие до Бухары и Самарканда. Поэтому на платформе шумно илюдно.

Я тоже выхожу и прогуливаюсь около переднего багажного вагона. Вдруг вижу, дверь бесшумно отворяется... Кто-то в темноте крадется по платформе и незаметно проскальзывает в вокзал, едва освещенный несколькими керосиновыми лампами.

Это мой румын. Это может быть только он. Незаметно прошмыгнув, он затерялся в толпе пассажиров. Но к чему эта

¹ Ныне Чарджоу.

вылазка? Может быть, ему не хватило провизии, и он захотел купить чего-нибудь в буфете? А может быть, как я и опасался, он решил обратиться в бегство?

Ну, уж нет, этому я сумею помешать! Я познакомлюсь с ним. Пообещаю помощь и заступничество. Я заговорю с ним по-французски, по-английски, по-немецки, по-русски — на выбор... Я скажу ему: «Друг мой, положитесь на мою скромность... Я вас не выдам... По ночам буду приносить вам еду... А заодно стану вас развлекать и подбадривать... Не забывайте, что мадемуазель Зинка Клорк, по-видимому, красивейшая из румынок, ждет вас в Пекине...» И так далее.

И вот я незаметно следую за ним. В общей сутолоке на него никто не обратит внимания. Ни Попов, ни любой другой чиновник не могут заподозрить в нем «железнодорожного зайца». Неужели он направится к выходу... неужели он ускользнет?

Нет! Видимо, ему захотелось немножко поразмять ноги. Ведь в вагоне не очень-то нагуляешься! После шестидесяти часов заключения, от самого Баку, он заслужил десять минут свободы!

Это человек среднего роста с гибкими движениями и плавной походкой. На нем стянутые поясом брюки, непромокаемая куртка и меховая фуражка темного цвета.

Теперь я спокоен насчет его намерений. Он возвращается к багажнику, поднимается на подножку, проходит через площадку и тихонько закрывает за собой дверь. Как только поезд тронется, я постучу в стенку ящика и на этот раз...

Вот новая помеха! Вместо четверти часа поезд простоял в Чарджуе три часа. Пришлось чинить испорченный тормоз локомотива. Поэтому, невзирая на вопли немецкого барона, мы покидаем Чарджуй лишь в половине четвертого, когда уже забрезжил рассвет.

Таким образом, я опять не попал в багажный вагон, но зато удалось увидеть Амударью.

Эта большая река в древности называлась Оксом и соперничала с Индом и Гангом. Когда-то она впадала в Каспийское море — по карте можно проследить ее старое русло, — а теперь впадает в Аральское. Питаясь дождями и снегами Памирского плоскогорья, она катит свои быстрые воды среди глинистых и песчаных скал. Амударья тянется на две с половиной тысячи километров, и не случайно ее название на туркменском языке означает «река-море»¹.

¹ Происхождение названия реки сейчас объясняется: «Аму» — несуществующий теперь город, лежавший на берегу реки; «Дарья» — по-таджикски река, то есть река города Аму. Древние географы называли Амударью «Окс» — это название, по-видимому, произошло от тюркского «Аксу» — Белая вода.

Поезд вступает на мост длиною в полтора километра, переброшенный через Амударью на высоте одиннадцати метров от поверхности воды, когда река мелеет. Мост под поездом дрожит на тысячах свайных опор, расположенных по пяти между пролетами, отстоящими на девять метров один от другого.

Этот мост, самый большой на Великой Трансазиатской магистрали, был построен генералом Анненковым за десять месяцев и обошелся в тридцать пять тысяч рублей.

Вода в Амударье грязно-желтого цвета. Повсюду, насколько может охватить глаз, то здесь, то там виднеются островки.

Попов обращает мое внимание на сторожевые посты, установленные у перил моста.

— А для чего эти посты? — спрашиваю я.

— Для людей, снабженных огнетушительными средствами.

Это очень предусмотрительно! Ведь опасаться приходится не только искр от локомотива, не раз вызывавших пожары. Есть и другая опасность. Вверх и вниз по Амударье ходит множество барж с керосином, и нередко эти небольшие суда загораются, становясь настоящими брандерами¹. Поэтому и приходится принимать строгие меры предосторожности. Ведь если мост будет уничтожен пламенем, восстановить его удастся не раньше чем через год, и переправа пассажиров с берега на берег вызовет большие трудности.

Наконец поезд тихим ходом перешел через реку. Рассвело. Опять потянулась пустыня — до самой станции Каракуль. А за нею уже видны излучины притока Амударьи, Зеравшана — «реки, катящей золото». Она течет до Согдийской долины, плодородного оазиса, в котором блистает город Самарканд.

В пять часов утра поезд останавливается в столице Бухарского ханства, на тысяча сто седьмой версте от Узун-Ада.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бухарское и Самаркандское ханства составляли некогда одну обширную область — Согдиану — персидскую сатрапию², населенную первоначально таджиками, а за-

¹ *Брандер* — судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами; применялось во времена парусного флота для поджога кораблей противника.

² *Сатрапия* — местность, вверенная управлению сатрапа. Сатрап — в древнем персидском царстве наместник области, пользовавшийся неограниченной властью.

тем узбеками, занявшими ее в конце XV века. А теперь стране грозит опасность нового вторжения — сыпучих песков, после того как в степях погиб почти весь саксаул, задерживавший передвижение дюн.

Столица ханства Бухара, это — Рим ислама, священный город, город храмов, центр мусульманской религии. В годы своего расцвета «семивратная» Бухара была обнесена огромной стеной. Там всегда велась оживленная торговля с Китаем. В Бухаре не менее восьмидесяти тысяч жителей.

Все это я узнал от майора Нольтица, который не раз бывал в этих краях и советовал мне хорошенько ознакомиться с живописной столицей ханства. Сам же он на этот раз не мог меня сопровождать, так как должен был сделать несколько визитов. Поезд простоит здесь до одиннадцати утра. Значит, пять часов стоянки! Но город расположен довольно далеко от станции. Если бы он не был соединен с нею узкоколейной железной дорогой, мне не удалось бы и мельком взглянуть на Бухару.

Мы условились с майором, что вместе доедем до города, а там он меня покинет и займется своими делами. Итак, я лишаясь его общества. Но неужели я останусь в полном одиночестве? Неужели ни один из моих номеров не составит мне компанию?

Надо сообразить. Вельможный Фарускиар?.. На него можно рассчитывать не больше, чем на мандарина Иен Лу, запертого в катафалке на колесах. Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт?.. О них нечего и думать, когда дело идет о вещах, не представляющих для них ценности: о дворцах, мечетях, минаретах и всяком археологическом старье. А комическая пара?.. Эти не тронутся с места. Госпожа Катерна устала, а господин Катерна одну ее не оставит. Двое китайцев?.. Но они уже успели уйти. Может быть, сэр Фрэнсис Травельян?.. Почему бы и нет?.. Ведь я не русский, а сердится он только на русских. Центральную Азию завоевал не я... Не попробовать ли отпереть этого замкнутого джентльмена?.. Подхожу к нему, раскланиваюсь, хочу заговорить... Он небрежно кивает головой, поворачивает ко мне спину — вот животное! — и уходит.

Дековилевский паровичок дает последний свисток¹. Мы с майором садимся в открытый вагончик. Спустя полчаса въезжаем в город через Дервазские ворота. Майор покидает

¹ Дековиль — французский инженер, сконструировавший узкоколейную железную дорогу.

меня, и я в одиночестве отправляюсь бродить по улицам Бухары.

Если бы я сообщил читателям «ХХ века», что мне удалось посетить здесь сто школ и все триста мечетей — почти столько же, сколько церквей в Риме, — они бы мне все равно не поверили, несмотря на то, что репортеры, бесспорно, заслуживают доверия. А потому я буду придерживаться истины.

Пробегая по пыльным бухарским улицам, я заходил наудачу в разные здания, встречавшиеся по пути, заглянул на базар, где продаются бумажные ткани перемежающихся цветов, называемые «аладжа»; легкие, как паутинка, платки; чудесно обработанные изделия из кожи; шелка, шуршание которых на местном наречии передается словом «чах-чук». В другом месте я видел небольшую лавчонку, где можно достать шестнадцать сортов чая, из которых одиннадцать принадлежат к категории зеленых чаев, преимущественно употребляемых в Китае и Центральной Азии. Самый дорогой среди них — «лука», одного листка которого достаточно, чтобы заблагоухал весь чайник.

Затем я выхожу на центральные улицы. Водоем Лябихауз окаймляет одну из сторон квадратной площади, обсаженной вязами. Дальше возвышается так называемый «Ковчег» — укрепленный дворец эмира, ворота которого украшены вполне современными часами. Герману Вамбери¹ это сооружение показалось зловещим, и я с ним вполне согласен, хотя бронзовые пушки, защищающие вход, не столько отталкивают своим грозным видом, сколько привлекают художественной отделкой.

Замечу кстати, что бухарскими солдатами, которые разгуливают по улицам в белых штанах, черных куртках, каракулевых шапках и высоких сапогах, командуют русские офицеры, в мундирах, раззолоченных по всем швам.

Справа от дворца находится самая величественная в городе мечеть Калян. Это целый мир куполов, колоколенок и минаретов, дающих приют аистам, которых в Бухаре бесчисленное множество.

Иду дальше, куда глаза глядят, и попадаю в северо-восточную часть города, на берег Зеравшана. Все городские арыки в санитарных целях два или три раза в месяц промываются свежими, прозрачными водами этой реки. И вот, только сейчас, в арыки поступила чистая вода. Мужчины, женщины, де-

¹ *Вамбери Герман* (1832—1913) — венгерский путешественник, исследователь Средней Азии и Персии.

ти, собаки, двуногие, четвероногие — все бросились купаться и подняли такую суматоху, что даже трудно описать.

Повернув на юго-запад, я сталкиваюсь с группой дервишей¹ в остроконечных шапках, с посохами в руках, с развевающимися по ветру волосами. Иногда они останавливаются и начинают плясать под аккомпанемент песни, удивительно соответствующей характерным па ритуального восточного танца.

Побывал я и на книжном базаре. Там сосредоточено не менее двадцати шести лавок, где продаются печатные книги и рукописи, но не на вес, как чай, и не пучками, как овощи, а поштучно, как самый ходкий товар.

Что же касается многочисленных «медресе»² — школ, которые принесли Бухаре славу университетского города, то должен признаться, что ни одной из них я не посетил. Усталый, измученный, доведенный до полного изнеможения, я поплелся назад и уселся под вязами на набережной Диванбеги. Там всегда кипят огромные самовары, и за один «танга» или семьдесят пять сантимов я утолил жажду «шивином», таким превосходным чаем, которого в Европе никто не знает.

Вот и все мои воспоминания о туркестанском Риме. Если для полного осмотра города нужно не меньше месяца, то в моем распоряжении лишь несколько часов.

В половине одиннадцатого я вернулся к поезду вместе с майором Нольтицем, которого встретил при посадке на узкоколейку. Вокзальные помещения завалены тюками бухарского хлопка и кипами мервской шерсти.

Все мои номера, включая и немецкого барона, находятся уже на платформе. В хвосте поезда конвойные продолжают добросовестно охранять вагон с телом мандарина Иен Лу. Мне кажется, что трое из наших спутников наблюдают за ними с упорным любопытством; это те монголы подозрительного вида, которые сели в Душаке. Проходя мимо, я даже заметил, что Фарускиар сделал им какой-то знак, смысла которого я не уловил. Разве он их знает?.. Во всяком случае, это меня сильно интригует.

Едва поезд отошел от станции, как пассажиры направились в вагон-ресторан. По соседству с нами оказались свободные места. Этим воспользовался молодой китаец и уселся поближе ко мне и майору Нольтицу. За ним последовал и доктор Тию Кин. Пан Шао знает, что я сотрудничаю в редакции

¹ *Дервиш* — мусульманский монах в восточных странах.

² *Медресе* — высшая духовная школа мусульман.

«XX века», и ему, видимо, хочется познакомиться и поговорить со мною, как и мне с ним.

Я не ошибся. Это настоящий парижский бульвардье¹ в одежде китайца. Три года он провел в этом веселом городе, и не только развлекался, но и набирался знаний. Единственный сын богатого пекинского коммерсанта, он путешествовал и путешествует под крылышком Тио Кина, который именуется доктором, но в сущности представляет собой законченный тип лентяя и бездельника. Ученик это знает и все время над ним посмеивается.

Поверите ли вы, что с тех пор, как доктор Тио Кин отыскал у букиниста на набережной Сены книжечку Корнаро, он только и старается согласовать свое существование с правилами «Искусства долго жить, пребывая в добром здравии». Умеренное количество еды и питья, особый режим для каждого сезона, воздержанность, способствующая бодрости духа, невоздержанность, приносящая великое зло, средства, помогающие исправить дурной темперамент и пользоваться отличным здоровьем до самого преклонного возраста,—таковы предписания, столь искусно защищаемые благородным венецианцем, которые без конца изучает этот тупица-доктор. Пан Шао беспрестанно отпускает на его счет злые и меткие шутки, но Тио Кин не обращает на них никакого внимания.

Тут же за завтраком мы могли наблюдать некоторые проявления его мании, ибо доктор так же, как и его ученик, говорит на чистейшем французском языке.

— Прежде чем приняться за еду,—обращается к нему Пан Шао,—не будете ли вы, доктор, так любезны и не напомните ли мне, сколько существует основных правил для определения разумной меры еды и питья?

— Семь, мой юный друг,—с полной серьезностью отвечает Тио Кин.—И первое из них—принимать ровно столько пищи, чтобы сразу после еды быть способным приступить к умственным занятиям.

— А второе?..

— Второе—принимать лишь такое количество питья, чтобы потом не чувствовать ни вялости, ни тяжести на желудке, ни малейшего телесного утомления. Третье...

— Если вы не возражаете, доктор, то на этом мы сегодня остановимся,—прерывает его Пан Шао.—Вот, кстати, пилав, который кажется мне очень хорошо приготовленным и...

¹ Бульвардье—завсегдатай парижских бульваров и кабачков.

— Берегитесь, мой дорогой ученик! Это кушанье — род пудинга и рубленой баранины, смешанной с жиром и пряностями... Я боюсь, как бы это не обременило...

— Поэтому, доктор, я советую вам не есть его. А уж я последую примеру этих господ.

Так Пан Шао и поступает и — не зря, так как пилав поистине восхитителен. Доктору же ничего не остается, как довольствоваться самыми легкими блюдами.

По словам майора Нольтица, этот же пилав, приготовленный особым способом на сильном огне и называемый «зенбузи», бывает еще вкуснее. Да и может ли быть иначе, если это слово означает «дамские поцелуи»?

Поскольку господин Катерна выражает сожаление, что этого блюда нет в меню, я осмеливаюсь заметить:

— Не кажется ли вам, что зенбузи можно найти не только в Центральной Азии?

А Пан Шао, смеясь, прибавляет к этому:

— Лучше всего их готовят в Париже.

Я смотрю на молодого китайца. Он с такой силой двигает челюстями, что это вызывает замечание доктора, предостерегающего его от «неумеренной траты основной влаги, содержащейся в организме».

Завтрак прошел очень весело. Разговор коснулся успешной деятельности русских в Средней Азии. Мне кажется, что Пан Шао хорошо знаком с этим вопросом. Русским удалось создать не только Закаспийскую железную дорогу. С 1888 года они начали производить изыскательные работы по прокладке Транссибирской магистрали. Теперь она уже строится, и работы далеко продвинулись вперед. Вслед за первой линией, соединяющей Ишим, Омск, Томск, Красноярск, Нижнеудинск и Иркутск, должны построить вторую, более южную, через Оренбург, Акмолинск, Минусинск, Абагатуи и Владивосток. Когда весь путь длиною в шесть тысяч километров будет проложен, Петербург окажется в шести днях езды от Японского моря. И эта Транссибирская дорога, которая всей протяженностью превзойдет Трансконтинентальную в Соединенных Штатах, обойдется не более семисот пятидесяти миллионов рублей.

Легко себе представить, что разговор об успехах русских не может понравиться сэру Фрэнсису Травельяну. Хотя он не проронил ни слова и не поднял глаз от тарелки, его длинное лицо порозовело.

— Эх, друзья мои, — говорю я, — все, что мы видим, — ничто по сравнению с тем, что увидят наши внуки. Мы с вами путе-

шествуем на поезде прямого сообщения по Великой Трансазиатской магистрали. Но что-то будет, когда Великий Трансазиатский путь соединится с Великим Трансафриканским?

— Но как же Азия может соединиться с Африкой железнодорожным путем? — спрашивает майор Нольтиц.

— А очень просто: через Россию, Турцию, Италию, Францию и Испанию. Пассажиры смогут проехать без пересадки от Пекина до мыса Доброй Надежды.

— А как же Гибралтарский пролив? — спрашивает Пан Шао.

При этом слове сэр Фрэнсис Травельян настораживается. Как только речь заходит о Гибралтаре, так и кажется, что все Соединенное Королевство приводится в движение единым средиземноморским патриотическим порывом.

— А как же Гибралтар? — повторяет майор.

— Путь пройдет под ним, — отвечаю я. — Что может быть проще — туннель в каких-нибудь пятнадцать — двадцать километров! Тут не будет английского парламента, который возражает против прорытия туннеля между Кале и Дувром. В один прекрасный день оправдаются слова поэта:

„*Omnia jam fieri quae posse negabam*“¹.

Мои познания в латинском языке смог оценить только майор Нольтиц.

Я слышу, как господин Катерна шепчет жене:

— Это он на волапюке².

— Не подлежит сомнению, — продолжает Пан Шао, — что китайский император был прав, когда предпочел протянуть руку русским, а не англичанам. Вместо того, чтобы настаивать на проведении стратегической железной дороги в Маньчжурии, он предпочел соединиться с Транскаспийской магистралью через Китай и Китайский Туркестан.

— И он поступил очень мудро, — добавляет майор. — Союз с англичанами позволил бы только связать Индию с Европой, тогда как сотрудничество с русскими дало возможность соединить с Европой весь азиатский континент.

Я смотрю на сэра Фрэнсиса Травельяна. На скулах у него красные пятна, но он старается не выдавать своих чувств. Интересно, не заставят ли его эти нападки выйти из терпения? Если бы мне пришлось держать пари за или против, я был бы крайне затруднен в выборе.

¹ Случилось то, чего нельзя было ожидать (лат.). Строка римского поэта Овидия.

² Искусственный «универсальный» язык, придуманный в 1879 году Иоганном Мартином Шлейером.

Майор Нольтиц возобновляет разговор, указывая на неоспоримые преимущества Великой Трансазиатской трассы с точки зрения торговых отношений между Азией и Европой, а также для безопасности и быстроты сообщения. Постепенно исчезнет старая ненависть между народами Азии и перед ними откроется новая эра. Уже одно это составляет громадную заслугу русских и вызывает одобрение всех цивилизованных наций. Разве не оправдались прекрасные слова, произнесенные Скобелевым после взятия Геок-Тепе, когда побежденные могли бояться репрессий со стороны победителей: «В своей политике по отношению к Центральной Азии мы не знаем парий!»¹.

— Такая политика говорит о наших преимуществах перед Англией,— закончил майор.

Я ожидал, что с уст сэра Фрэнсиса Травельяна сорвется закраментальная фраза: «Никто не может превзойти англичан!» Недаром же говорят, что джентльмены Соединенного Королевства произносят ее, едва появившись на свет... Но этого не произошло.

Когда же я поднялся, чтобы произнести тост за Россию и Китай, сэр Травельян, очевидно, почувствовав, что его гнев может перейти всякие рамки, быстро вышел из-за стола. Видимо, мне и сегодня не придется узнать его политических убеждений!

Само собой разумеется, что этот разговор не помешал барону Вейсшнитцердёрферу старательно опустошать одно блюдо за другим, к вящему изумлению доктора Тио Кина. Вот немец, который никогда не читал предписаний достопочтенного Корнаро, а если и читал, то самым досадным образом делает все наоборот! Впрочем, вполне возможно, что он и не знает французского языка и ничего не понял из того, что здесь говорилось.

Я думаю, что по этой же причине в разговоре не могли принять участия и Фарускиар с Гангиром. Они перекинулись всего несколькими словами по-китайски.

Вместе с тем я должен отметить одну довольно странную подробность, не ускользнувшую от майора.

Отвечая на вопрос о безопасности езды по Великой Трансазиатской магистрали, Пан Шао нам сказал, что по ту сторону туркестанской границы движение отнюдь не безопасно. То же самое мне говорил и майор Нольтиц. Тогда я невольно спро-

¹ Намек на то, что владычеством Англии весь индийский народ был низведен до бесправного положения парий. *Парии* — одна из низших каст в Южной Индии.

сил молодого китайца, не слышал ли он до своего отъезда в Европу о похождениях Ки Цзана.

— Слышал, и довольно часто, — ответил он. — Ки Цзан орудовал тогда в провинции Юньнань. Но я надеюсь, что мы не встретим его на нашем пути.

Должно быть, я неправильно выговорил имя этого известного разбойника, потому что, когда Пан Шао произнес его на своем родном языке, я едва его понял.

Но зато я могу утверждать, что как только с уст молодого китайца сорвалось имя этого бандита, Фарускиар грозно нахмурил брови и в глазах его сверкнула молния. Затем он переглянулся со своим товарищем и снова стал с безучастным видом прислушиваться к разговорам пассажиров.

Да, нелегко мне будет сблизиться с этим человеком! Он замкнут на все запоры, как несгораемый сейф, и без пароля его не отомкнешь.

А поезд мчится на всех парах. В обычных случаях, когда он обслуживает одиннадцать станций, лежащих между Бухарой и Самаркандом, он тратит на двухсоткилометровый перегон целый день. Но сегодня, чтобы пройти без остановок расстояние между этими двумя городами, ему понадобилось только три часа.

В два часа пополудни мы были уже в знаменитом городе Тамерлана.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Самарканд расположен в богатом оазисе, орошаемом рекою Зеравшан, которая протекает по Согдийской долине. Из брошюрки, купленной на вокзале, я узнаю, что этот город занимает одно из тех четырех мест, которые богословы «отводят» для земного рая. Но пусть лучше спорят на эту тему профессиональные толкователи!

Самарканд был сожжен македонскими завоевателями в 328 году до нашей эры и частично разрушен войсками Чингисхана около 1219 года. Затем он стал столицей Тамерлана, — город, конечно, может этим гордиться, но в XVIII веке он был снова разрушен кочевниками. Как видите, история всех основных городов Центральной Азии сопровождалась резкими переходами от величия к падению.

Пять часов дневной стоянки в Самарканде обещают мне некоторое развлечение и несколько страниц заметок. Но нельзя терять времени.

Город, как водится, состоит из двух частей. Новая, построенная русскими, отличается современной архитектурой. Кругом зеленеющие парки, обсаженные березами улицы, дворцы, коттеджи, уютные домики в современном стиле. Старая часть города богата великолепными памятниками своего былого величия. Чтобы их добросовестно изучить, потребовалось бы несколько недель.

На этот раз я не одинок. Майор Нольтиц свободен и отправится вместе со мной. Мы уже выходим из вокзала, как к нам подбегают супруги Катерна.

— Вы идете осматривать город, господин Клодиус? — спрашивает первый комик, делая рукою округленный жест, который должен означать обширную территорию Самарканда.

— Да, господин Катерна, вы угадали.

— Если вы и майор Нольтиц будете так любезны, я хотел бы к вам присоединиться...

— Пожалуйста!

— Конечно, вместе с мадам Катерна, без нее я ни на шаг...

— Это сделает нашу экскурсию еще более приятной, — отвечает майор, любезно поклонившись артистке.

Я же прибавляю:

— А чтобы не устать и выиграть время, мои дорогие друзья, я предлагаю нанять арбу.

— Арбу? — восклицает господин Катерна, балансируя с боку на бок. — А что такое арба?

— Местный экипаж!

— Тогда пусть будет арба! — соглашается артист.

Мы усаживаемся в один из этих ящиков на колесах, которые стоят перед вокзалом, сулим «ямщику» — то есть кучеру — хорошие чаевые, он обещает не пожалеть своих «голубчиков». И вот пара маленьких лошадок быстро мчит нас по улицам Самарканда.

По левую руку остается расположенный веером русский город, дом губернатора, окруженный красивым садом, городской парк с тенистыми аллеями, обширная усадьба начальника округа, захватывающая даже часть старого города.

Арба проезжает мимо крепости, на которую майор обращает наше внимание. Там, неподалеку от бывшего дворца эмира бухарского, находятся могилы русских солдат, павших при атаке в 1868 году.

Отсюда, по узкой и прямой улице, наша арба въезжает на площадь Регистан, «которую не следует смешивать с площадью того же названия в Бухаре», как наивно сказано в моей брошюре.

Площадь Регистан — красивый четырехугольник, правда, немного попорченный тем, что русские вымостили его и украсили фонарями. Но это, безусловно, понравится Фульку Эфри-нелю, если он соблаговолит осмотреть Самарканд. По трем сторонам площади возвышаются хорошо сохранившиеся развалины трех «медресе», где «муллы» давали детям религиозное образование. В Самарканде насчитывается семнадцать медресе и восемьдесят пять мечетей. Здания медресе очень похожи одно на другое. В центре — галерея, ведущая во внутренние дворы; стены сложены из кирпича, покрытого светло-желтой и нежно-голубой глазурью: повсюду арабески — причудливые золотые линии на бирюзовом фоне, — кстати, этот цвет преобладает. Склонившиеся минареты, кажется, вот-вот упадут, но никогда не падают, к счастью для их эмалевой облицовки, намного превосходящей, по мнению бесстрашной путешественницы госпожи Уйфальви-Бурдон, даже лучшие сорта наших эмалей. А ведь дело тут идет не о какой-нибудь вазе, которую ставят на камин или цоколь, а о минаретах внушительной высоты!

Эти чудеса строительного искусства сохранились в том же нетронутom виде, какой они имели при Марко Поло, венецианском путешественнике XIII века, посетившем Самарканд.

— Ну как, господин Бомбарнак? — спрашивает майор. — Нравится вам площадь Регистан?

— Она великолепа! — восклицаю я.

— Да, — вставляет свою реплику комик, — она вполне могла бы послужить чудесной декорацией для балета. Не правда ли, Каролина? Посмотри на эту мечеть возле сада и на ту, рядом с дворцом.

— Ты прав, Адольф, — говорит артистка, — но для большего эффекта я бы выпрямила эти башни, а посередине устроила светящиеся фонтаны...

— Блестящая мысль, Каролина! Послушайте, господин Бомбарнак, а не смогли бы вы написать для нас драму с феерией в третьем акте, которая происходила бы на фоне такой декорации? Что же касается названия...

— То так и напрашивается «Тамерлан», — отвечаю я.

Но комик встретил мое предложение без восторга. Я догадываюсь, что фигура завоевателя Азии кажется ему недостаточно современной, не в духе «Конца века»¹. Наклонившись к жене, господин Катерна поспешно добавляет:

¹ «Конец века» — название художественного направления, сложившегося во французской литературе и искусстве в последние десятилетия XIX века.

— Я видел площадь и покрасивее этой в феерии «Дочь ночи», в театре Порт-Сен-Мартен¹.

— А я в Шатле, в «Михаиле Строгове»², — вторит ему жена.

Спорить с ними бесполезно. Ведь они смотрят на все сквозь призму театральных декораций, предпочитая колеблющийся холст волнам океана, нарисованное небо настоящему, искусственные деревья — чаще лесов. Декорации Камбона, Рюбэ или Жамбона не могут сравниться для них ни с каким естественным пейзажем. Словом, искусство они ставят выше природы, и было бы бесполезно пытаться их переубедить.

Так как речь зашла о Тамерлане, я спрашиваю майора Нольтица, не посмотреть ли нам гробницу этого знаменитого правителя. Майор отвечает мне, что мы увидим ее на обратном пути.

Мы подъезжаем к главному самаркандскому базару. Арба останавливается у одного из входов в огромное круглое здание, предварительно повозив нас по извилистым улицам старого города, где почти сплошь одноэтажные дома без всяких признаков комфорта.

Вот он, базар. Повсюду нагромождены шерстяные ткани, яркие плюшевые ковры, красивые узорчатые шали, и все это разбросано впережку по прилавкам ларьков. Покупатели и продавцы отчаянно торгуются из-за всякого пустяка. Среди шелков выделяется материя под названием «канаус», которая, кажется, в чести у самаркандских модниц. Но ни качеством своим, ни блеском она не выдерживает сравнения с продукцией лионских фабрик.

Однако в глазах госпожи Катерна появилось такое вождение, словно она стояла у прилавков «Бон Марше» или «Лувра»³.

— Вот бы мне костюм из такой материи! Какой бы это произвело эффект в «Великой герцогине»!

— А вот туфли, которые в самый раз подошли бы для роли Али Бажу в «Каиде»! — восклицает господин Катерна.

И пока жена покупает несколько аршин канауса, муж становится обладателем пары зеленых туфель без задников, какие узбеки надевают перед тем, как переступить порог мечети. Все это происходит не без помощи майора, любезно согласив-

¹ «Порт-Сен-Мартен» — театр в Париже.

² «Михаил Строгов» — роман Жюль Верна, инсценировка которого, сделанная самим автором, с большим успехом шла на сцене парижского театра Шатле.

³ «Бон Марше», «Лувр» — большие магазины в Париже.

шегося быть посредником между господином Катерна и продавцом, не устававшим выкрикивать свои бесконечные «йок»... «йок»!

Арба едет дальше, и мы попадаем на площадь Биби-ханым, где возвышается мечеть того же названия. Хотя эта площадь и не такой правильной формы, как Регистан, зато она, на мой взгляд, более живописна: причудливо сгруппированные руины, остатки сводов, карнизов, арок, полураскрытые купола, колонны без капителей, но чудом сохранившие у оснований удивительно яркую эмаль. Затем идет длинный ряд наклонившихся портиков, замыкающих с одной стороны этот обширный четырехугольник. Все это производит тем большее впечатление, что древние памятники времен расцвета Самарканда смотрятся на фоне такого пронзительно синего неба и на фоне изумрудной зелени, каких не встретишь... даже в опере, не в обиду будь сказано нашему комику... Но я должен признаться, что мы испытываем еще более сильное впечатление, когда арба привозит нас в северо-восточный конец города, к прекраснейшему ансамблю Центральной Азии — усыпальнице Шах-и-Зинда.

Пером это чудо не опишешь. Если я на протяжении одной фразы упомяну такие слова, как мозаика, фронтоны, тимпаны¹, барельефы, ниши, эмали, выступы, — то картины все равно не получится. Тут нужны не описания, а кисть художника. Перед этими остатками самой блестящей архитектуры, которую завещал нам азиатский гений, теряется всякое воображение.

В глубине мечети находится гробница Куссама-бен-Аббаса, высокочтимого «святого» мусульманской религии, которому поклоняются правоверные. Существует поверье, что, если открыть гробницу, Куссам-бен-Аббас выйдет из нее живым во всей своей славе. Впрочем, этот опыт никому еще не удалось проделать, и потому верующие продолжают довольствоваться легендой.

Но всему наступает конец. Мы должны оторваться от созерцания этих красот. К счастью, господин и госпожа Катерна не нарушили нашего восторга своими театральными воспоминаниями. Видимо, и на них мечеть произвела впечатление.

Мы снова садимся в арбу, и ямщик гонит рысью своих «голубчиков» по тенистым улицам, которые содержатся в чистоте и порядке.

На самаркандских улицах много прохожих в живописных костюмах — «халаты» всех цветов, а на голове кокетливо за-

¹ Тимпан — архитектурный термин: поле фронтона.

крученные тюрбаны. Впрочем, типы здесь смешанные, да и как может быть иначе? Ведь в Самарканде около сорока тысяч жителей. Большинство из них таджики иранского происхождения. Это люди крепкого телосложения с коричневой от загара кожей. Я повторяю здесь строчки, прочитанные в рассказе госпожи Уйфальви-Бурдон: «Волосы у них черные. Бороды тоже черные и удивительно густые. Глаза правильной формы и почти всегда карие. Удивительно красивый нос, тонкие губы и маленькие зубы. Лоб высокий и широкий. Овал лица продолговатый».

И я не могу не присоединиться к господину Катерна, который, увидя одного из таджиков, причудливо задрапированного в яркий халат, восклицает:

— Какой прекрасный тип для первых ролей! Вот это настоящий Мелинг! Представьте его только в «Нана-Саибе» Ришпена или в «Шамиле» Мериса!

— Он заработал бы немало денег, — добавляет госпожа Катерна.

— Ты, как всегда, права, Каролина, — подхватывает комик.

Для него, впрочем, как и для большинства актеров, выручка служит самым серьезным и неоспоримым доказательством драматического таланта.

Уже пять часов, а в этом несравненном Самарканде одна декорация сменяется другой, еще более великолепной. Меня это очень увлекает. Спектакль затянулся далеко за полночь. Но так как наш поезд выезжает в восемь часов, приходится мириться и пожертвовать концом пьесы.

Поскольку я решил, пусть даже из репортерского престижа, не покидать Самарканда, не побывав на могиле Тамерлана, то арба снова поворачивает к юго-западу и высаживает нас возле усыпальницы Гур-и Эмир, по соседству с русской частью города. Какие грязные кварталы мы проезжаем! Сколько жалких глиняных лачуг встретилось нам по пути!

Мавзолей Гур-и Эмир выглядит более чем величественно. Он увенчан бирюзовым куполом, напоминающим по форме персидский тюрбан, а его единственный минарет, теперь уже без верхушки, сверкает эмалевыми арабесками, сохранившими свою первозданную чистоту.

Проходим в центральный зал под куполом. Там возвышается гробница «Железного Хромца» — так называли Тимура-Завоевателя.

Окруженные четырьмя могилами его сыновей, под плитой из черного нефрита, испещренной надписями, лежат кости Тамерлана, имя которого стало символом всего XIV века азиатской истории. Стены этого зала выложены тоже нефритом

с нанесенным на него орнаментом в виде бесчисленных, переплетающихся ветвей, а маленькая колонна у стены, выходящей на юго-запад, указывает направление Мекки.

Госпожа Уйфальви-Бурдон справедливо сравнивает эту часть Гур-и Эмира со святилищем, и такое же впечатление вынесли и мы. Нас охватил благоговейный трепет, когда по узкой и темной лестнице мы спустились в склеп, где стоят гробницы жен и дочерей Тамерлана.

— Но кто же, наконец, этот Тамерлан, о котором здесь только и говорят? — спрашивает господин Катерна.

— Этот Тамерлан, — отвечает ему майор Нольтиц, — был одним из величайших завоевателей мира, даже самым великим, если измерять величие количеством завоеванных земель. Азия к востоку от Каспийского моря, Персия и провинции, лежащие на север от ее границ, Россия до Азовского моря, Индия, Сирия, Малая Азия и, наконец, Китай, на который этот полководец бросил двести тысяч солдат — весь материк был театром его военных действий.

— И он был хромым? — удивилась госпожа Катерна.

— Да, сударыня, как Гензери́к, как Шекспир, как Байрон, как Вальтер Скотт, как Талейран — что, впрочем, не мешало ему пройти огромные расстояния. Но как фанатичен и кровожаден он был! Историки утверждают, что в Дели он приказал уничтожить сто тысяч пленных, а в Багдаде велел воздвигнуть обелиск из восьмидесяти тысяч голов.

— Я предпочитаю обелиск на площади Согласия¹, — говорит господин Катерна. — К тому же он сделан из одного куска.

Тут мы покидаем мечеть Гур-и Эмир, и, так как, по словам нашего комика, уже время «причаливать», арба спешно доставляет нас к вокзалу.

Что касается меня, то, несмотря на неуместные замечания супругов Катерна, я глубоко проникся чувством местного колорита, которое создают чудесные памятники Самарканда.

Но вдруг я был внезапно и грубо возвращен к действительности. По улице, да, по соседней с вокзалом улице, в центре столицы Тамерлана ехали двое велосипедистов.

— Смотрите, смотрите! — закричал комик. — Халаты на колесах!

Действительно, это были таджики или узбеки!

Теперь оставалось только покинуть древний город, оскорбленный шедеврами механического передвижения, что и сделал наш поезд в восемь часов вечера.

¹ *Площадь Согласия* — в Париже. Обелиск, о котором идет речь, был вывезен в 1836 году из Египта.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

А через час мы уже сидели за обедом. В вагоне-ресторане появились новые лица и среди них два негра. — Никто из этих пассажиров дальше русско-китайской границы не поедет, — сказал мне Попов.

— Тем лучше, значит, они не должны меня интересовать.

За обеденным столом собрались все мои двенадцать номеров (думаю, что больше их не будет). Я замечаю, что майор Нольтиц не перестает наблюдать за Фарускиаром. Разве он его в чем-нибудь подозревает? Не показалось ли ему странным, что Фарускиар, по-видимому, знаком с тремя монголами, едущими во втором классе, но почему-то старается это утаить? Не заработало ли воображение майора так же деятельно, как и мое, и не принял ли он всерьез мою шутку? Вполне естественно, если я, журналист и хроникер, ловец сенсаций, которых каждый понедельник так настойчиво требует от меня мой друг Сарсей, захотел увидеть в этом таинственном персонаже соперника знаменитого Ки Цзана, если и не самого Ки Цзана. Но кто бы мог поверить, что он, серьезный человек, русский военный врач, придает значение таким фантастическим измышлениям! Ну, об этом мы еще поговорим...

Впрочем, я вскоре и думать забыл о подозрительном монголе, вернувшись мысленно к человеку в ящике, на котором теперь должно сосредоточиться все мое внимание.

Какую бы я ни чувствовал усталость после длительной прогулки по Самарканду, я обязательно найду случай навестить его этой ночью.

После обеда все разошлись по своим местам с намерением поспать до Ташкента.

Самарканд и Ташкент разделены расстоянием в триста километров. Поезд прибудет туда не раньше семи часов утра и за весь перегон остановится только на трех промежуточных станциях, чтобы заправиться водой и топливом. Все как будто благоприятствует выполнению моего плана! К тому же и ночь сегодня темна, небо обложено тучами, ни луны, ни звезд. Собирается дождь, ветер свежее. Вряд ли захочется кому-нибудь в такую погоду стоять на площадке. Самое главное — улучшить момент, когда Попов будет особенно крепко спать.

Впрочем, в продолжительной беседе с загадочным незнакомцем нет никакой необходимости. Самое главное — успокоить его. И я это сделаю, как только мы познакомимся. Мне

нужно узнать от него не больше, чем требуется в таких случаях репортеру: кто он такой, откуда едет, кто такая мадемуазель Зинка Клорк, что ему понадобилось в Пекине, что заставило его прибегнуть к такому странному способу передвижения, какими средствами он располагает, каковы его убеждения, взгляды, вкусы, привычки, как он помещается и как устроился в своем ящике, чем он занимался прежде, каковы его планы на будущее и так далее, словом, все, что требуется для полноценного интервью. Ничего другого я не собираюсь у него выпытывать и не буду больше ни о чем спрашивать. Как видите, это не так уж много, и никаких чрезмерных требований я не предъявляю.

Прежде всего нужно подождать, пока в вагоне все уснут. Это произойдет довольно скоро, так как пассажиры достаточно утомились в Самарканде. Вернувшись из вагона-ресторана, они сразу же раздвинули сиденья и устроили себе постели. Несколько мужчин вышли было покурить на площадку, но сильный ветер загнал их обратно в вагон. Все заняли свои места, затянули шторками фонари, и в половине одиннадцатого дыхание одних и храп других перемежались только с равномерным стуком колес и лязганием буферов.

Я последним остаюсь на площадке, и Попов говорит мне:

— Этой ночью нас ничто не потревожит. Советую вам хорошенько выспаться. Боюсь, что следующей ночью, когда мы будем проезжать через Памирские ущелья, будет не так спокойно.

— Спасибо, господин Попов, я последую вашему совету.

Попов желает мне спокойной ночи и запирается в своем купе.

В вагон мне возвращаться не за чем, и я остаюсь на площадке. Ни справа, ни слева от полотна невозможно ничего разглядеть. Самаркандский оазис уже позади, и теперь дорога стелется по бескрайней равнине. Пройдет еще несколько часов прежде, чем поезд достигнет Сырдарьи. Мост, перекинутый через эту реку, не такой большой, как амударьинский.

Только в половине двенадцатого решаюсь я, наконец, открыть дверь багажного вагона и, войдя, тихонько закрываю ее за собой.

Я знаю, что молодой румын иногда выходит из ящика. А вдруг ему вздумается сейчас немного поразмяться и пройтись по вагону?

Полнейшая темнота. Сквозь дырочки, просверленные в ящике, не пробивается ни малейшего проблеска света. Мне кажется, это к лучшему. Значит, номер 11 не будет ошело-

млен моим внезапным появлением. Он, без сомнения, спит. Я стукну два раза в стенку ящика, разбужу его, и мы сразу же объяснимся. Это выйдет очень просто.

Пробиваюсь ощупью. Моя рука касается ящика, я прикладываю ухо к передней стенке и прислушиваюсь.

— Ничего не слышно — ни шороха, ни дыхания. Где же мой румын? Неужели он успел улизнуть? Может быть, он сошел на одной из станций, а я этого не заметил?.. Прощай тогда вместе с ним и мой репортаж!.. Я не на шутку тревожусь...

Внимательно прислушиваюсь...

Нет! Он не сбежал... Он сидит в своем ящике!.. Я слышу его спокойное, ровное дыхание... Он спит... спит, как праведник, этот ловкий обманщик, этот заяц, обставивший железнодорожную Компанию.

Я собрался уже было постучать в стенку, как вдруг паровозный гудок издает пронзительные трели. Но поезд здесь не должен останавливаться, я это знаю, и жду, пока не прекратятся свистки. И тогда я тихоньку стучу в стенку...

Нет ответа.

Стучу опять, немного погромче.

Не так слышится, как чувствуется невольное движение удивления и испуга.

— Откройте же... откройте! — говорю я по-русски.

Никакого ответа.

— Откройте... — продолжаю я. — Не бойтесь! С вами говорит друг.

Хотя стенка, вопреки моим ожиданиям, не раздвинулась, но в ящике чиркнула спичка, и засветился слабый свет.

Я смотрю на узника сквозь отверстия в стенке ящика.

Лицо его искажилось, глаза блуждают... Он, по-видимому, не может понять, во сне все это происходит или наяву.

— Откройте, мой друг, — говорю я. — Откройте и доверьтесь мне... Я случайно узнал вашу тайну... Я никому не скажу... Напротив, я даже могу быть вам полезен.

Бедняга как будто немного успокоился, но замер и не шевелится.

— Я полагаю, что вы румын, — продолжаю я, — а я — француз.

— Француз?.. Вы француз?..

Он проговорил это на моем родном языке с иностранным акцентом.

Отношения начинают налаживаться.

Передняя стенка отодвинулась, и при тусклом свете лампы я могу рассмотреть мой номер 11. Теперь это уже не

просто арифметическое обозначение, а человек во плоти и крови.

— Никто нас не может увидеть или услышать? — спрашивает он шепотом.

— Никто.

— А начальник поезда?

— Спит крепким сном.

Мой новый друг берет меня за обе руки и крепко сжимает их... Я чувствую, что он ищет поддержки... Он понимает, что может рассчитывать на меня... И все-таки с губ его срывается приглушенный лепет.

— Не выдавайте меня!.. Прошу вас, не выдавайте!..

— Выдать вас, да что вы, мой милый? Разве вы не помните, с какой симпатией отнеслись французские газеты к австрийскому портняжке и к этим испанцам, жениху и невесте, которые избрали точно такой же способ путешествия? Разве газеты не открыли подписку в их пользу?.. А вы боитесь, как бы я, хроникер... журналист...

— Так вы журналист?..

— Клодиус Бомбарнак, корреспондент газеты «XX век».

— Французская газета...

— Про то я вам и толкую.

— И вы едете до Пекина?

— До Пекина!

— Ах, господин Бомбарнак, сам бог послал вас ко мне на встречу.

— Совсем не бог, а редакция моей газеты. Мужайтесь и поверьте мне! Я окажу вам любые услуги, какие только будут в моих силах.

— Благодарю вас... Благодарю!..

— Как вас зовут?

— Кинко!

— Кинко? Превосходное имя!

— Превосходное?..

— Да, для моих статей! Вы румын, не так ли?

— Румын из Бухареста...

— Но вы, должно быть, жили во Франции?

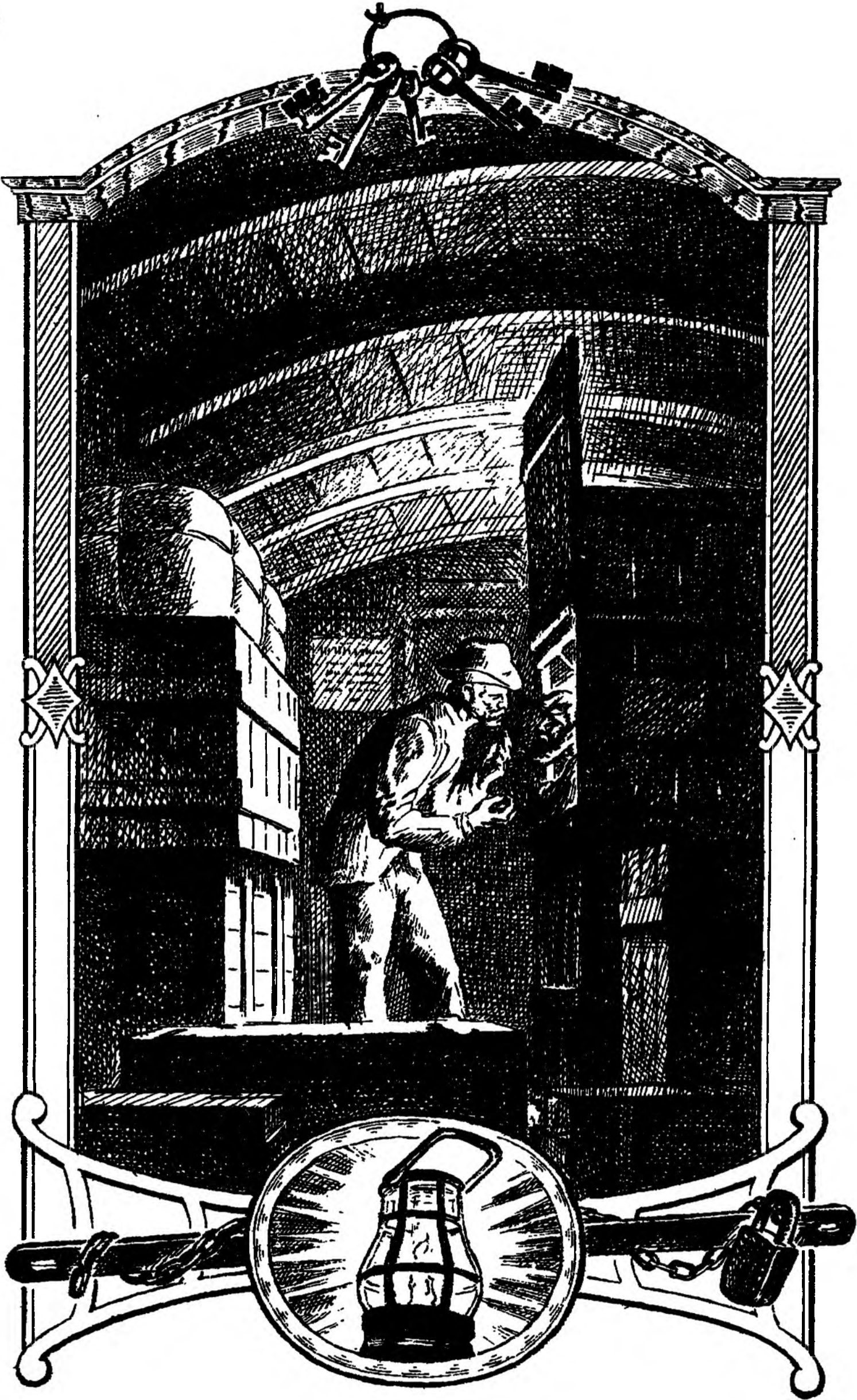
— Да, четыре года служил в Париже подмастерьем у одного обойщика в Сент-Антуанском предместье.

— А затем вы вернулись в Бухарест?

— Да, и занимался там своим ремеслом до того дня, пока неволею стало противиться желанию уехать...

— Уехать?.. Но зачем?..

— Чтобы жениться!

- Жениться... на мадемуазель Зинке...
- Зинке?..
- Да, на мадемуазель Зинке Клорк, улица Ша-Хуа, Пекин, Китай.
- Так вы знаете?..
- Конечно... Ведь адрес написан на вашем ящике...
- Ах да, верно!
- Кто же эта Зинка Клорк?
- Молодая румынка. Я познакомился с ней в Париже, там она училась у модистки...
- Я так и думал.
- Она тоже вернулась в Бухарест... А потом ее пригласили заведовать магазином мод в Пекине... Мы, сударь, так любили друг друга, а ей пришлось уехать... И вот уже год, как мы в разлуке!.. Три недели назад я получил от нее письмо... Дела у нее идут хорошо... И если я приеду к ней, то тоже добьюсь положения... Мы бы сразу поженились... У нее уже кое-что накоплено... И я стал бы скоро зарабатывать не меньше, чем она... И вот, не долго думая, я пустился в путь... в Китай.
- В ящике?
- Но посудите сами, господин Бомбарнак,— говорит Кинко, краснея.— Что я еще мог придумать? Денег у меня хватило только на покупку этого ящика, да еще чтобы запастись кое-какой провизией на дорогу и отправить самого себя багажом, с помощью одного услужливого приятеля... Ведь один только билет от Тифлиса до Пекина стоит тысячу франков... Но, клянусь вам, когда я их заработаю, то возмещу Компании все убытки... Поверьте, что...
- Я в этом не сомневаюсь, Кинко, я вам верю... И как только вы приедете в Пекин...
- Зинка предупреждена. Ящик отвезут прямо к ней на квартиру, на улицу Ша-Хуа, и она...
- Заплатит за доставку?
- Да, сударь.
- И с большим удовольствием, я за это ручаюсь...
- Конечно... ведь мы так любим друг друга!
- И, кроме того, Кинко, чего не сделаешь для жениха, который на целых две недели согласился стать багажом и носить на себе обозначения:

Осторожно, зеркала! Не кантовать!
Беречь от сырости!

- И вы еще потешаетесь над бедным человеком!

— Что вы, у меня этого и в мыслях нет... Можете быть уверены, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы прибыли к мадемуазель Зинке Клорк сухим и неразбитым, и вообще в полной сохранности!

— Еще раз благодарю вас, сударь,— отвечает Кинко, пожимая мне руку.— Поверьте, что я не окажусь неблагодарным.

— Э, мой друг, я и так буду вознагражден... И даже с избытком!

— Каким же образом?

— Я опишу в газете все ваше путешествие из Тифлиса в Пекин. Разумеется, когда вы будете уже вне опасности. Вообразите только, какое сенсационное заглавие: «Влюбленный в ящике! Зинка и Кинко!! Полторы тысячи лье по Центральной Азии в багажном вагоне!!!»

Молодой румын не мог сдержать улыбки.

— Только не нужно очень торопиться...— сказал он.

— Не бойтесь! Осторожность и скромность гарантированы — как в лучших брачных конторах.

Из предосторожности я подошел к двери вагона, чтобы удостовериться, что нам не грозит опасность, а затем наш разговор продолжался.

Разумеется, Кинко пожелал узнать, каким образом я раскрыл его тайну. Я рассказал ему, что обратил внимание на его ящик во время переправы через Каспий, а потом услышал чье-то дыхание и подумал, что в ящике находится какое-то животное. И тут Кинко развеселился. Ему показалось очень забавным, что я принял его за хищного зверя. Это он-то хищник! Самое большее — верная собачонка. Но я тут же сообщил ему, что когда он чихнул, это помогло мне возвести его на лестнице живых существ до ранга человека.

— А знаете,— сказал он мне, понижая голос,— что случилось в позапрошлую ночь? Я решил уже, что все кончено... Вагон, как всегда, был заперт, я зажег мою лампочку и только стал ужинать... как вдруг в стенку ящика кто-то постучал...

— Это был я, Кинко. Мы могли бы познакомиться в ту же ночь... Но когда я хотел уже с вами заговорить, поезд вдруг налетел на какого-то верблюда, имевшего неосторожность преградить нам путь, и резко затормозил. Началась суматоха, я едва успел выбежать на площадку...

— Так это были вы! — восклицает Кинко.— Ну, теперь я могу свободно вздохнуть!.. Если бы вы знали, какого страха натерпелся!.. Я решил, что меня выследили, узнали, что я еду в ящике... Я уже представлял себе, как за мной приходят, передают полицейским агентам, берут под арест, сажают в тюрь-

му в Мерве или Бухаре. Ведь русская полиция шутить не любит! И моя маленькая Зинка тщетно ждала бы меня в Пекине... и я никогда больше не увидел бы ее... если бы только не продолжил путешествие пешком... Но я на это решился бы, честное слово, сударь, решился бы!

И он говорит так убедительно, что невозможно усомниться в незаурядной энергии этого молодого румына.

— Я очень жалею, мой храбрый Кинко, что причинил вам столько огорчений,— объясняю я,— но теперь вы успокоились, и я смею думать, что с тех пор, как мы стали друзьями, ваши шансы на успех даже возросли.

Затем я прошу Кинко показать мне, как он устроился в ящике.

Оказалось — очень просто и как нельзя лучше придумано. В глубине ящика — сиденье, но не вдоль стенки, а под углом, так что легко можно вытянуть ноги; под сиденьем — нечто вроде треугольного короба с крышкой — кое-какие припасы и, если так можно выразиться, столовые принадлежности: складной ножик и металлическая кружка, на одном гвоздике — плащ и одеяло, на другом — маленькая лампочка, которой он пользуется по ночам.

Само собой разумеется, что выдвижная стенка позволяет узнику в любую минуту покинуть свою тесную тюрьму. Но если бы носильщики не посчитались с предостерегающими надписями и поставили ящик среди груды багажа, Кинко не смог бы отодвинуть створку и вынужден был бы запросить помощи, не дожидаясь конца путешествия. Но у влюбленных, как видно, есть свой бог, и он, несомненно, покровительствует Зинке и Кинко. Румын рассказал мне, что он каждую ночь имеет возможность прогуливаться по вагону, а однажды отважился даже выйти на платформу.

— Я и об этом знаю, Кинко... Это было в Бухаре... Я вас видел...

— Видели?

— Да, и подумал, что вы хотите убежать. Но я узнал вас только потому, что смотрел в дырки ящика, когда заходил в багажный вагон. Никому другому и в голову не могло прийти в чем-нибудь вас заподозрить. Но это очень опасно. Не повторяйте больше таких экспериментов. Предоставьте уж лучше мне позаботиться о том, чтобы вы были сыты. При первом удобном случае я принесу вам какую-нибудь еду.

— Благодарю вас, господин Бомбарнак, очень вам благодарен! Теперь я могу не бояться, что меня откроют... Разве только на китайской границе... или, скорее, в Кашгаре.

— А почему в Кашгаре?

— Говорят, таможенники там очень строго следят за грузами, идущими в Китай. Я боюсь, как бы они не стали осматривать багаж...

— Действительно, Кинко, вам предстоит пережить несколько трудных часов.

— И если меня обнаружат...

— Я буду рядом и сделаю все возможное, чтобы с вами не случилось ничего плохого.

— Ах, господин Бомбарнак! — восклицает Кинко. — Как мне отблагодарить вас за доброту?

— Очень легко, мой друг.

— Но как?

— Пригласите меня на вашу свадьбу.

— О, конечно, господин Бомбарнак, вы будете нашим первым гостем, и Зинка вас поцелует.

— Она только исполнит свой долг, а я верну ей взамен два поцелуя.

Мы обмениваемся последним рукопожатием, и, право, мне кажется, что у этого славного малого на глаза навернулись слезы. Он погасил лампу, задвинул створку, и, уходя, я еще раз услышал из ящика «спасибо» и «до свиданья».

Я выхожу из багажного вагона, затворяю дверь и убеждаюсь, что Попов продолжает еще спать. Несколько минут я дышу свежим ночным воздухом, а затем возвращаюсь на свое место рядом с майором Нольтицем.

И прежде чем закрыть глаза, я думаю об этом эпизодическом персонаже — о молодом румыне, благодаря которому мои путевые заметки должны читателям показаться еще более интересными.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В 1870 году русские пытались основать в Ташкенте ярмарку, которая не уступала бы Нижегородской. Попытка не удалась, потому что была преждевременной. А двадцатью годами позже дело легко решилось благодаря Закаспийской железной дороге, соединившей Ташкент с Самаркандом.

Теперь туда стекаются толпами не только купцы со своими товарами, но и богомольцы — пилигримы. Можно себе представить, какой размах примет паломничество, когда пра-

воверные мусульмане смогут отправляться в Мекку по железной дороге!

Пока же мы находимся в Ташкенте, и стоянка здесь продлится не более двух с половиной часов.

Я не успею осмотреть город, хотя он этого вполне заслуживает. Но, признаться, все туркестанские города выглядят на одно лицо. Сходства между ними больше, чем различия. Повидав один из них, смело можешь сказать, что видел и другой, если не вдаваться в подробности.

Мы проезжаем тучные поля, обсаженные рядами стройных тополей, виноградные плантации и прекрасные фруктовые сады. Наконец поезд останавливается у нового города.

Я не раз уже сообщал читателям, что после присоединения Средней Азии к России рядом со старыми городами выросли новые. Мы наблюдали это в Мерве и Бухаре, в Самарканде и Ташкенте.

В старом Ташкенте — те же извилистые улицы, невзрачные, глинобитные домики, довольно неприглядные базары, караван-сарай, сложенные из «самана» — высушенного на солнце необожженного кирпича, несколько мечетей и школ.

Население приблизительно такое же, как и в других туркестанских городах: узбеки, таджики, киргизы, ногайцы, евреи, незначительное число афганцев и индусов и — что совсем не удивительно — много русских, которые устроились здесь, как у себя дома.

Пожалуй, в Ташкенте евреи сосредоточились в большем количестве, чем в других городах. С тех пор, как город перешел к русской администрации, положение их значительно улучшилось: они получили гражданские права.

Осмотру города я могу посвятить только два часа и делаю это с присущим мне репортерским усердием. Пробегаю по большому базару, простому дощатому строению, где грудями навалены восточные материи, шелковые ткани, металлическая посуда и различные образцы китайского ремесла, между прочим, великолепно выполненные фарфоровые изделия.

На улицах старого Ташкента вы нередко встретите женщин. И не удивительно! К великому неудовольствию мусульман в этой стране нет больше рабынь. Женщина становится свободной даже и в своей домашней жизни.

Майор Нольтиц рассказал мне, что слышал сам от одного старого узбека: «Могуществу мужа пришел конец. Теперь нельзя побить жену без того, чтобы она не пригрозила тебе царским судом. Это же настоящее разрушение брака!»

Я не знаю, бьют ли еще здесь жен или нет, но если муж это делает, то прекрасно знает, что его могут привлечь к ответственности. Верите ли? Эти странные восточные люди не

усматривают никакого прогресса в запрещении рукоприкладства! Быть может, они помнят, что земной рай находился, по преданию, неподалеку от здешних мест, между Сырдарьей и Амударьей; быть может, они не забыли, что прагматерь наша Ева жила в этом первобытном саду и, без сомнения, не совершила бы первородного греха, если бы предварительно была немножко побита? Впрочем, не стоит на этом останавливаться.

Мне, правда, не довелось, подобно госпоже Уйфальви-Бурдон, услышать, как местный оркестр исполняет «Нантерских пожарных» в генерал-губернаторском саду, потому что в этот день играли «Отца победы». И хотя эти мотивы отнюдь не местные, они звучали не менее приятно для французского уха.

Мы покинули Ташкент ровно в одиннадцать часов утра. Местность, по которой проходит железная дорога, дальше становится разнообразней. Теперь это волнистая равнина, всхолмленная первыми отрогами восточной горной системы. Мы приближаемся к Памирскому плато. Тем не менее, поезд сохраняет нормальную скорость на всем ста пятидесятикилометровом перегоне до Ходжента¹.

Мысли мои опять возвращаются к храброму Кинко. Его незатейливая любовная история тронула меня до глубины души. Жених отправлен багажом... Невеста платит за доставку... Я уверен, майор Нольтиц заинтересовался бы парой голубков, один из которых заперт в клетке. Он ни за что бы не выдал этого железнодорожного «зайца»... Меня так и подмывает подробно рассказать ему о моей вылазке в багажный вагон. Но секрет ведь принадлежит не мне одному, и я не вправе его разглашать.

Итак, я держу язык на привязи, а следующей ночью, если представится возможность, попытаюсь принести чего-нибудь съестного моему ящичку, или, лучше сказать, улитке. Разве Кинко в его деревянном футляре не походит на улитку в раковине, хотя бы потому, что он может ненадолго выглянуть из своего «домика»!

В Ходжент мы прибываем в три часа пополудни. Земля здесь плодородная, покрытая сочной зеленью, заботливо возделанная. Огороды, которые содержатся в большом порядке, чередуются с громадными лугами, засеянными клевером, приносящим ежегодно четыре или пять покосов. Дороги, ведущие в город, обсажены длинными рядами старых тутовых деревьев, привлекающих взор своими причудливыми стволами и прихотливо изогнутыми ветками.

¹ Ходжент в 1936 году переименован в Ленинабад.

И этот город разделен на две половины — старую и новую. Если в 1868 году в Ходженте насчитывалось только тридцать тысяч жителей, то теперь население увеличилось до сорока пяти — пятидесяти тысяч. Чем же объяснить такой быстрый прирост населения? Не близким ли соседством двух частей города? Или, быть может, заразительным примером плодovitой Небесной Империи? Нет, конечно. Это — естественное следствие расширения торговых связей: новые рынки притягивают к себе продавцов и покупателей.

В Ходженте мы стоим три часа. Я наношу городу беглый репортерский визит, прогуливаюсь по берегу Сырдарьи. Через эту мутную реку, омывающую подножье высоких гор, перекинут мост, под средним пролетом которого проходят довольно крупные суда.

Погода очень жаркая. Так как город, словно ширмой, защищен горами, степные ветры до него не доходят. Это один из самых душных городов в Туркестане.

Я встретил супругов Катерна, восхищенных своей экскурсией. Комик настроен весьма благодушно.

— Я никогда не забуду Ходжента, господин Клодиус, — заявляет он.

— Почему?

— Видите вы эти персики? — отвечает он, показывая мне увесистый пакет с фруктами.

— Они превосходны...

— И совсем не дороги! Четыре копейки за килограмм, иначе говоря, двенадцать сантимов!

— Это потому, — отвечаю я, — что персиками тут хоть пруд пруди. Персик — азиатское яблоко, и первая его вкусила некая... мадам Адам¹.

— В таком случае, я ее охотно прощаю! — восклицает госпожа Катерна, впиваясь зубами в сочный плод.

От Ташкента рельсовый путь круто спускается к югу, по направлению к Ходженту, а оттуда поворачивает к востоку на Коканд. На станции Ташкент он ближе всего подходит к Великой Сибирской магистрали. Сейчас уже прокладывается новая ветка, которая вскоре соединит Ташкент с Семипалатинском, и таким образом железные дороги Средней Азии примкнут к дорогам Северной Азии, образуя единую сеть².

¹ Намек на библейскую легенду о грехопадении Адама и Евы.

² Напомним читателям, что ко времени выхода романа Закаспийская дорога доходила только до Самарканда, а линия, соединяющая через Семипалатинск Среднюю Азию с Сибирью (будущий Турксиб!), еще даже не проектировалась. Это — один из многих примеров, когда фантазия Жюль Верна спустя несколько десятилетий получила жизненное подтверждение.

За Кокандом мы повернем прямо на восток, и, миновав Маргелан и Ош, помчимся вдоль ущелий Памирского плато, чтобы выйти на туркестано-китайскую границу.

Едва поезд тронулся, как пассажиры заполнили вагон-ресторан. Я не вижу среди них ни одного незнакомого лица. Новые пассажиры появятся только в Кашгаре. Там русская кухня уступит место «небесной», и, хотя это название напоминает нектар и амброзию Олимпа, возможно, что мы много потеряем от такой перемены.

Фульк Эфринель сидит на своем обычном месте. Янки относится к мисс Горации Блуэтт без фамильярности, но легко почувствовать, что между ними установилась интимная дружба, основанная на сходстве вкусов и наклонностей. Никто из нас не сомневается, что дело идет к браку, и они заключат его, как только сойдут с поезда. Это будет достойный финал железнодорожного романа американца и англичанки. По правде говоря, роман Зинки Клорк и Кинко мне гораздо больше по душе.

Мы в своей компании. «Мы» — это самые симпатичные из моих номеров — майор Нольтиц, супруги Катерна, молодой Пан Шао, который отвечает на тяжеловесные шутки комика тонкими парижскими остротами.

Обед хороший, настроение веселое. Мы знакомимся с третьим правилом благородного венецианца Корнаро, давшего определение истинной меры еды и питья. Пан Шао сам вызывает доктора на этот разговор, и Тию Кин поучает его с истинно буддийской невозмутимостью.

— Это правило, — говорит он, — основано на том, что каждый темперамент, в зависимости от пола, возраста, физического сложения и жизнеспособности, требует разного количества пищи.

— А каковы, доктор, потребности вашего собственного темперамента? — интересуется господин Катерна.

— Четырнадцать унций¹ твердой и жидкой пищи...

— В час?

— Нет, сударь, в день, — отвечает Тию Кин, — и такой именно меры придерживался знаменитейший Корнаро с тридцатилетнего возраста, что помогло ему сохранить физические и умственные силы, чтобы написать на девяносто пятом году свой четвертый трактат и дожить до ста двух лет.

— По этому поводу дайте мне, пожалуйста, пятую котлету! — восклицает Пан Шао, разражаясь хохотом.

¹ Унция — устаревшая мера аптекарского веса; около 30 граммов.

Ничего нет приятнее дружеской беседы за хорошо сервированным столом. Но обязанности призывают меня пополнить записную книжку заметками о Коканде. Мы должны прибыть туда в девять вечера, когда будет уже темно. Поэтому я прошу майора поделиться со мной некоторыми сведениями об этом городе — последнем значительном городе на территории русского Туркестана.

— Мне это тем легче сделать, — отвечает майор, — что я пятнадцать месяцев служил в Кокандском гарнизоне. Очень жаль, что вы не сможете посетить этот город, полностью сохранивший свой азиатский облик, так как мы еще не успели прилепить к нему новые кварталы. Вы увидели бы там площадь — второй такой не найти во всей Азии; величественный дворец Худоярхана, на холме в сто метров высотой, в котором остались от прежнего правителя пушки работы узбекских мастеров. Дворец этот считается, и не без оснований, могу вас уверить, настоящим чудом архитектуры. Вы теряете счастливую возможность употребить самые изысканные эпитеты, какие только есть в вашем языке, чтобы описать приемный зал, обращенный в русскую церковь; длинный лабиринт комнат с паркетом из карагача; розовый павильон, где с чисто восточным гостеприимством встречали иностранцев; внутренний двор, расцвеченный мавританским орнаментом, напоминающим восхитительные архитектурные причуды Альгамбры¹; террасы с прекрасным видом на город и окрестности; красивые здания гарема, где жили в добром согласии жены султана — тысяча жен, больше на целую сотню, чем у царя Соломона; кружевные фасады, сады с прихотливыми сводами и беседками из разросшихся виноградных лоз... Вот что могли бы вы увидеть в Коканде...

— Но я уже увидел это вашими глазами, дорогой майор, и читатели не будут на меня в обиде. Скажите мне только еще, есть ли в Коканде базар?

— Туркестанский город без базаров — все равно, что Лондон без доков, — отвечает майор.

— И Париж без театров! — восклицает первый комик.

— Да, в Коканде есть несколько базаров, и один из них находится на мосту через реку Сох, проходящую через город двумя рукавами. На базаре продаются лучшие азиатские ткани, за которые платят золотыми «тилля» — на наши деньги три рубля шестьдесят копеек.

¹ *Альгамбра* — дворец в Испании, замечательный памятник мавританского зодчества XIII—XIV веков.

— А теперь, майор, вы расскажете мне о мечетях?

— Пожалуйста.

— И о медресе?

— С большим удовольствием, господин репортер, но лишь для того, чтобы вы знали, что здешние мечети и медресе не идут ни в какое сравнение с бухарскими и самаркандскими.

Я воспользовался любезностью майора Нольтица, и, благодаря ему, читатели «XX века» получают хоть некоторое представление о Коканде. Пусть мое перо бросит беглый луч на этот город, смутный силуэт которого мне удастся, быть может, разглядеть в темноте!

Сильно затянувшийся обед неожиданно закончился, когда господин Катерна изъявил готовность прочесть нам какой-нибудь монолог.

Вы, конечно, легко догадаетесь, как охотно было принято это предложение.

Наш поезд все больше и больше начинает напоминать городок на колесах. В нем есть даже свой «клуб» — вагон-ресторан, где мы находимся в данную минуту.

И вот, в восточной части Туркестана, в четырехстах километрах от Памирского плоскогорья, за десертом после превосходного обеда, поданного в салоне трансзиатского поезда Узун-Ада — Пекин, было с большим чувством прочитано «Наваждение», прочитано со всем талантом, присущим господину Катерна, первому комику, ангажированному на предстоящий сезон в шанхайский театр.

— Сударь, — говорит ему Пан Шао, — примите мои самые искренние похвалы. Я уже слышал Коклена-младшего¹...

— О, это мастер, сударь, великий мастер!..

— К которому вы приближаетесь...

— Мне это очень лестно, очень лестно!..

Дружеские «браво», которыми закончилось выступление господина Катерна, бессильны были сбить сэра Фрэнсиса Травельяна, не устававшего выражать нечленораздельными восклицаниями свое неудовольствие обедом, который показался ему отвратительным. Да он вообще не способен к веселью, хотя бы даже к «грустному веселью»; что было свойственно его соотечественникам еще четыреста лет тому назад, если верить Фруассару...² Впрочем, на этого ворчливого джентльмена никто больше не обращает внимания.

¹ Коклен младший (1848—1909) — французский комедийный актер.

² Фруассар — французский летописец XIV века.

Барон Вейсшнитцердёрфер ни слова не понял из маленького шедевра, прочитанного первым комиком, а если бы и понял, то вряд ли одобрил «парижскую монологоманию».

А величественный Фарускиар вместе с неразлучным Гангиром, при всей их сдержанности и невозмутимости, казалось, все же проявили некоторый интерес к странным жестам и забавным интонациям господина Катерна...

Это не ускользнуло от внимания актера, очень чувствительного к настроению зрителей, и он сказал мне, вставая из-за стола:

— Сеньор монгол просто великолепен!.. С каким достоинством он держится!.. Сколько в нем величия!.. Настоящий человек Востока!.. Гораздо меньше нравится мне его товарищ.. Такого можно было бы взять лишь на третьи роли. Не правда ли, Каролина, этот великолепный монгол был бы очень хорошим Моралесом в «Пиратах саванн»?

— Только не в этом костюме,— сказал я.

— А почему бы и нет, господин Клодиус? Однажды я играл в Перпиньяне полковника де Монтеклена из «Женевской усадьбы» в мундире японского офицера.

— И как ему аплодировали! — заметила госпожа Катерна.

Поезд идет по гористой местности. Рельсовый путь делает частые повороты. То и дело мы проезжаем через виадуки и тоннели, которые дают о себе знать гулким грохотом вагонов.

Спустя некоторое время Попов объявил, что мы вступили на территорию Ферганы, прежнего Кокандского ханства, присоединенного к России в 1876 году с семью составляющими его округами. Эти округа, населенные по большей части узбеками, управляются окружными начальниками, их помощниками и «городскими головами».

Дальше опять простирается степь, настолько плоская и гладкая, что госпожа Уйфальви-Бурдон сравнила ее с зеленым сукном бильярдного стола. И по этой ровной поверхности катится не шар из слоновой кости, а экспресс Великой Трансазиатской магистрали, делающий шестьдесят километров в час.

Проехав станцию Чучай, мы останавливаемся в девять часов у Кокандского вокзала. Остановка двухчасовая, поэтому мы сходим на платформу.

Спустившись с площадки, я подхожу к майору Нольтицу как раз в ту минуту, когда он обращается к Пан Шао с вопросом:

— Вы знали этого мандарина Иен Лу, тело которого везут в Пекин?

— Нет, не знал.

— Должно быть, он был очень важной персоной, судя по тому, какие ему воздают почести.

— Вполне возможно, майор. Ведь у нас в Поднебесной Империи немало важных персон.

— В таком случае, мандарин Иен Лу?..

— Но я даже не слышал о нем.

Зачем майор Нольтиц спросил об этом у молодого китайца и почему его вдруг заинтересовал именитый покойник?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Коканд. Двухчасовая остановка. Темно, как ночью. Большинство пассажиров уже приготовили постели и не собираются выходить из вагона.

Я прогуливаюсь по платформе и курю. Коканд — довольно крупная станция с запасными путями и паровозным депо. Локомотив, который вез нас от Узун-Ада по ровной, почти горизонтальной местности, будет здесь заменен другим, более мощным. Среди ущелий Памирского плоскогорья, на крутых подъемах, нужны машины, обладающие большей силой тяги.

Я слежу за маневрами. Когда локомотив с тендером были отцеплены, багажный вагон, где находится Кинко, оказался в голове поезда.

Молодой румын поступит крайне неосмотрительно, если вздумает сейчас выйти на платформу. Его тотчас же заметят «городовые», которые так и шныряют взад и вперед, пристально разглядывая каждого пассажира. Тихонько сидеть в своем ящике и не высовываться из вагона — это самое лучшее, что может сделать мой номер 11. А я тем временем раздобуду какой-нибудь еды и постараюсь проникнуть к нему до отхода поезда.

Вокзальный буфет открыт. Как хорошо, что там нет Попова, а то бы он удивился и спросил, зачем я запасаюсь провизией. Ведь в вагоне-ресторане есть все необходимое.

Немного холодного мяса, хлеба и бутылку водки — вот и все, что мне удастся получить в буфете.

На вокзале довольно темно. Горят лишь несколько тусклых ламп. Попов разговаривает с каким-то железнодорожным служащим. Новый локомотив еще не подан. Момент подходящий! Незачем ждать, пока мы выйдем из Коканда. Пови-

давшись с Кинко, я смогу, по крайней мере, провести спокойную ночь, а спать мне, признаться, очень хочется.

Поднимаюсь на площадку и, убедившись, что меня никто не видит, прохожу в багажный вагон и, чтобы предупредить Кинко, говорю вполголоса:

— Это я!

Он сидит в своем ящике. Советую ему быть еще более осторожным и поменьше расхаживать по вагону. Провизии он очень обрадовался, потому что еды у него почти не осталось.

— Не знаю, как вас и благодарить, господин Бомбарнак,— говорит он.

— Раз не знаете, так избавьте себя от этой заботы, дорогой Кинко,— отвечаю я.— Так будет проще.

— Сколько времени мы простоим в Коканде?

— Два часа.

— А когда будем на границе?

— Завтра, в час дня.

— А в Кашгаре?

— Еще через пятнадцать часов. В ночь с девятнадцатого на двадцатое.

— Вот где будет опасно, господин Бомбарнак.

— Да, Кинко, там будет опасно. Если трудно попасть в Россию, то еще труднее из нее выбраться, когда у дверей стоят китайцы. Китайские таможенники не пропустят через границу, пока внимательно нас всех не осмотрят. Но такие строгости применяются только к пассажирам, а не к багажу. А так как этот вагон предназначен только для груза, идущего в Пекин, то я думаю, вам особенно нечего бояться. Итак, доброй ночи. Ради предосторожности, не буду здесь больше задерживаться...

— Доброй ночи, господин Бомбарнак! Доброй ночи!

Я вернулся на свое место и так крепко заснул, что не слышал сигнала к отправлению.

До рассвета поезд проехал только одну крупную станцию—Маргелан, где стоял очень недолго.

В Маргелане шестьдесят тысяч жителей, и фактически он является столицей Ферганской области, а не Коканд, где климат вреден для здоровья. Город, конечно, делится на две части—русскую и туземную. Однако в туземных кварталах нет ничего примечательного, не сохранилось никаких памятников старины, а потому читатели не осудят меня за то, что я не прервал своего сна, чтобы окинуть Маргелан беглым взглядом.

Достигнув Шахимарданской долины, поезд снова выбрался на ровное степное пространство, что позволило ему развить нормальную скорость.

В три часа утра — сорокапятиминутная остановка на станции Ош. Тут я вторично пренебрег своими репортерскими обязанностями и ничего не увидел. Оправдаться я могу лишь тем, что и здесь смотреть не на что.

За станцией Ош полотно железной дороги выходит к границе, отделяющей русский Туркестан от Памирского плоскогорья и обширной страны кара-киргизов.

Эту часть Центральной Азии непрерывно тревожат плутонические силы, колеблющие земные недра. Северный Туркестан не раз подвергался воздействию разрушительных толчков. Здесь еще хорошо помнят землетрясение 1887 года, и я сам мог видеть в Ташкенте и Самарканде неопровержимые доказательства вулканической деятельности. К счастью, подобные катаклизмы случаются не так уж часто. Но слабые толчки и колебания почвы наблюдаются регулярно на протяжении всей длинной нефтеносной полосы — от Каспийского моря до Памирского плоскогорья.

Вообще же эта область — одна из интереснейших частей Центральной Азии, какие только может посетить турист. Хотя майору Нольтицу не приходилось бывать дальше станции Ош, он хорошо знает эти места по современным картам и описаниям новейших путешествий. Среди авторов записок следует назвать Капю и Бонвало — двух французов, которых я рад приветствовать, находясь вдали от родины. Майору, как и мне, хочется увидеть эти места, а потому мы оба, с шести часов утра, стоим на вагонной площадке, вооружившись биноклем и путеводителем.

Памир по-персидски называется Бам-и-Дуния, что значит «Крыша мира». От него лучами расходятся могучие горные цепи Тянь-Шаня, Куэнь-Луня, Каракорума, Гималаев и Гиндукуша. Эта горная система шириною в четыреста километров, в течение стольких веков представлявшая непреодолимую преграду, покорена и завоевана русским упорством. Славянская раса и желтая пришли теперь в соприкосновение.

Да простят мне читатели некоторый преизбыток учености, которой, как легко догадаться, я всецело обязан майору Нольтицу. Вот что я от него узнал.

Европейские путешественники немало потрудились над изучением Памирского плоскогорья. После Марко Поло, венецианца, жившего в XIII веке, кого мы встречаем здесь в поздние времена? Англичан — Форсайта, Дугласа, Бидьюфа, Йонг-

хесбенда и знаменитого Гордона, погибшего в области Верхнего Нила; русских — Федченко, Скобелева, Пржевальского, Громбчевского, генерала Певцова, князя Голицына, братьев Грум-Гржимайло; французов — д'Оверня, Бонвало, Капю, Папена, Брейтеля, Блана, Ридгвея, О'Коннора, Дютрей де Рена, Жозефа Мартена, Гренара, Эдуарда Блана; шведа — доктора Свен-Гедина. Благодаря этим исследователям, Крыша мира приоткрылась, будто ее коснулась рука Хромого беса¹, и все увидели, какие под ней кроются тайны.

Теперь известно, что Крышу мира образуют многочисленные ложбины и пологие склоны, находящиеся на высоте более трех тысяч метров; известно, что над ними возвышаются пики Гурумди и Кауфмана, высотой в двадцать две тысячи футов, и вершина Тагарма, в двадцать семь тысяч футов; известно, что с этой вершины на запад течет река Оксус или Амударья, а на восток река Тарим; известно, наконец, что ее склоны составлены главным образом из первичных горных пород, перемежающихся со сланцами и кварцем, красным песчаником вторичной эпохи и наносной глинисто-песчаной почвой, так называемым лессом, которым изобилуют в Центральной Азии четвертичные отложения.

Чтобы провести рельсовый путь по этому плоскогорью, строителям Великой Трансазиатской магистрали пришлось преодолеть почти невероятные трудности. Это был вызов, брошенный природе человеческим гением, и победа осталась за человеком. На этих отлогих проходах, называемых киргизами «бель», были сооружены виадуки, мосты, насыпи, траншеи и тоннели. Тут только и видишь крутые повороты и спуски, требующие сильных локомотивов. В разных местах установлены особые машины, подтягивающие поезда на канатах. Одним словом, тут потребовался геркулесов труд, перед которым меркнут работы американских инженеров в проходах Сьерры-Невады и Скалистых гор.

Эта безотрадная местность производит гнетущее впечатление, и оно еще более усиливается по мере того, как поезд, следуя по причудливым изгибам стальной колеи, достигает головокружительных высот. Ни сел, ни деревушек. Ничего, кроме редких хижин, где памирец ведет одинокое существование со своей семьей, своими лошадьми, стадами яков или «кутаров», то есть быков с лошадиными хвостами, мелких овец с очень густой шерстью.

¹ *Хромой бес* — герой одноименного романа Луиса Велеса де Гевара. Летая над Мадридом, силою волшебства он приподнимает крыши и заглядывает внутрь домов.

Линька этих животных — естественное следствие климатических условий. Они периодически меняют зимнюю одежду на летний мех. То же самое бывает и с собаками — их шерсть выгорает от жгучего летнего солнца.

Поднимаясь по этим проходам, видишь иногда в туманной дали неясные очертания плоскогорья. Унылый пейзаж оживляют только небольшие группы берез и кусты можжевельника — основные виды древесной растительности Памира; на бугристых равнинах растут в изобилии тамариск и полынь, а по краям впадин, наполненных соленой водой, — осока и карликовое губоцветное растение, которое киргизы называют «терскенн».

Майор перечисляет еще некоторых животных, относящихся к довольно разнообразной фауне верхнего Памира. Приходится даже следить, чтобы на площадку вагона не вскочило ненароком какое-нибудь млекопитающее — медведь или пантера, — которые не имеют права на проезд ни в первом, ни во втором классе.

Легко вообразить, какие раздались крики, когда стопоходящие или представители семейства кошачьих вдруг выскакивали к рельсам с явно недобрыми намерениями. Было выпущено несколько револьверных зарядов — не столько из необходимости, сколько для успокоения пассажиров. Днем на наших глазах ловкий выстрел сразил наповал огромную пантеру в ту самую минуту, когда она собиралась прыгнуть на подножку третьего вагона.

— Прими мой дар, Маргарита, — воскликнул господин Катерна, повторяя реплику Буридана супруге дофина, а вовсе не французской королеве, как неправильно сказано в знаменитой «Нельской башне»¹.

Да и мог ли первый комик лучше выразить свое восхищение метким выстрелом, которым мы обязаны были нашему величественному монголу?

— Какая твердая рука и какой острый глаз! — говорю я майору Нольтицу.

Он окидывает Фарускиара подозрительным взглядом.

Памирская фауна, как я уже сказал, довольно разнообразна. Там водятся еще волки, лисы, бродят стадами «архары» — крупные дикие бараны с изящно изогнутыми рогами. Высоко в небе парят орлы и коршуны, а среди клубов белого пара, которые оставляет позади себя наш локомотив, кружат стаи воронов, голубей и желтых трясогузок.

¹ «Нельская башня» — драма Александра Дюма-отца.

День проходит без происшествий. В шесть часов вечера мы пересекли границу, сделав в общей сложности за четыре дня — от Узун-Ада — около двух тысяч трехсот километров. Еще двести пятьдесят километров — и будет Кашгар. Хотя мы уже находимся на территории китайского Туркестана, но только в Кашгаре перейдем в ведение китайской администрации.

После обеда, около девяти часов, все разошлись по своим местам с надеждой, скажем лучше — с уверенностью, что эта ночь будет такой же спокойной, как и предыдущая.

Но вышло совсем иначе.

В течение двух или трех часов поезд на быстром ходу спускался со склонов Памирского плоскогорья, а потом пошел с обычной скоростью по горизонтальному пути. Около часа ночи меня разбудили громкие крики. В ту же минуту проснулся и майор Нольтиц, проснулись и другие пассажиры.

Что случилось?

Пассажиров охватила тревога — волнующая и беспричинная тревога, которую вызывает малейшее дорожное происшествие.

— В чем дело? Почему кричат? — со страхом спрашивал на своем языке каждый путешественник.

Первое, что мне пришло в голову, — мы подверглись нападению. Я подумал о Ки Цзане, монгольском разбойнике, встречи с которым я так легкомысленно пожелал... в интересах моей репортерской хроники.

Еще минута, и поезд резко затормозил. Сейчас он остановится.

Попов с озабоченным видом выходит из багажного вагона.

— Что произошло? — спрашиваю я.

— Неприятная история, — отвечает он.

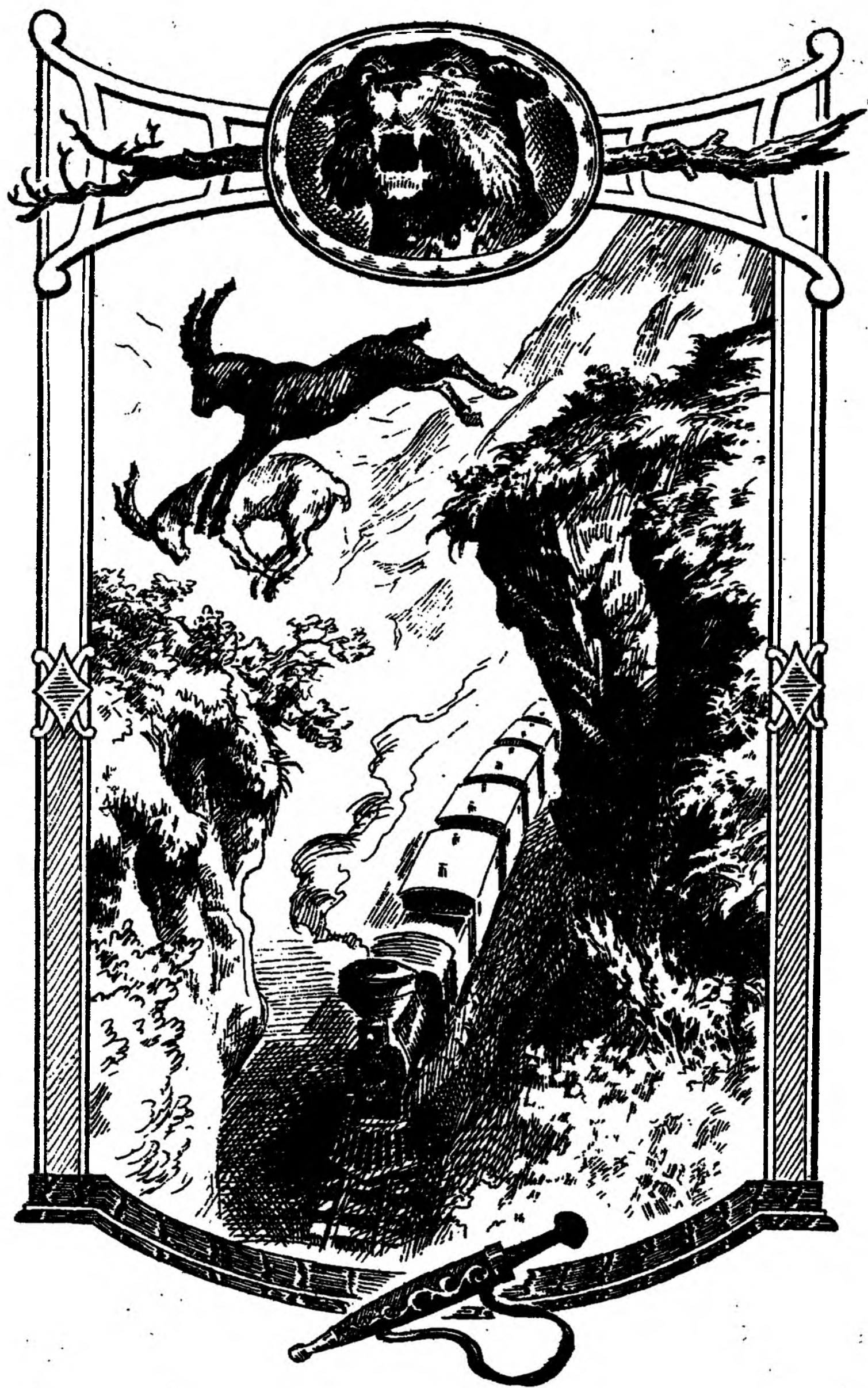
— Что-нибудь серьезное?

— Нет, оборвалась сцепка, и два последних вагона остались позади.

Как только поезд остановился, несколько пассажиров, в том числе и я, выходят из вагона.

При свете фонаря легко убедиться, что обрыв сцепки произошел не от злого умысла. Но как бы то ни было, два последних вагона — траурный и хвостовой багажник, оторвались от состава. Когда это случилось и в каком месте?.. Этого никто не знает.

Трудно даже представить, какой шум подняли монгольские стражники, приставленные к телу мандарина Иен Лу! Пассажиры, едущие в их вагоне, и они сами не только не заме-

тили, когда оборвалась сцепка, но подняли тревогу спустя только час или два...

Оставалось лишь одно: дать задний ход и дойти до оторвавшихся вагонов.

В сущности, ничего нет проще. Но Фарускиар ведет себя в этих обстоятельствах довольно странно: он настойчиво требует, чтобы приступили к делу не теряя ни минуты, пристаёт к Попову, обращается к машинисту и кочегарам. И тут я впервые услышал, что он хорошо говорит по-русски.

В конце концов спорить не о чем. Все понимают, что нужно идти задним ходом для соединения с отцепившимися вагонами.

Лишь немецкий барон пытается протестовать. Снова задержка!.. Опять опоздание!.. Жертвовать драгоценным временем ради какого-то мандарина, да к тому же еще мертвого!..

Но его упреки пропускают мимо ушей.

А сэр Фрэнсис Травельян только презрительно пожимал плечами, и казалось, что с уст его вот-вот сорвутся слова:

«Что за администрация!.. Что за подвижной состав!.. Ну разве могло бы такое случиться на англо-индийских железных дорогах!»

Майор Нольтиц, как и я, поражен странным вмешательством господина Фарускиара. Этот всегда невозмутимый, бесстрастный монгол, с таким холодным взглядом из-под неподвижных век, мечется теперь из стороны в сторону, охваченный какой-то непонятной тревогой, с которой, по-видимому, он не в силах совладать. Его спутник встревожен ничуть не меньше.

Но почему их так интересуют отцепившиеся вагоны? Ведь там у них нет никакого багажа. Может быть, они испытывают пиетет перед покойным мандарином Иен Лу? Не потому ли они так упорно наблюдали в Душаке за траурным вагоном? Что бы там ни было, но майор, кажется, их в чем-то подозревает!

Как только мы вернулись на свои места, поезд двинулся задним ходом. Немецкий барон снова пытается возражать, но Фарускиар кидает на него такой свирепый взгляд, что он немедленно замолкает и уходит ворчать в свой угол.

Прошло больше часа. На востоке уже занималась заря, когда в одном километре от поезда были замечены потерянные вагоны.

Фарускиар и Гангир пожелали присутствовать при сцепке. Наблюдая за этой торжественной процедурой, мы с майором Нольтицем обратили внимание, что они обменялись несколь-

кими словами с тремя монгольскими стражниками. Впрочем, тут нечему удивляться — ведь они соотечественники!

Все расходятся по своим вагонам. Поезд трогается и набирает скорость, чтобы хоть отчасти наверстать потерянное время.

И все-таки в столицу китайского Туркестана мы прибываем с большим опозданием — в половине пятого утра.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Восточный Туркестан, или Кашгария, является как бы продолжением русского Туркестана¹.

Вот что писала газета «Нувель Ревю»:

«Центральная Азия лишь тогда станет великой страной, когда русская администрация распространит свое влияние на Тибет, или когда русские овладеют Кашгаром».

Наполовину это уже сделано. Рельсовый путь, проложенный через Памир, соединил русские железные дороги с китайскими, обслуживающими Небесную Империю от одной границы до другой. Столица Кашгарии теперь настолько же русская, как и китайская. Славянская и желтая расы пришли в тесное соприкосновение и живут в полном согласии. Долго ли они будут добрыми соседями? Представляю другим строить прогнозы на будущее; я же довольствуюсь настоящим.

В Кашгар мы прибыли в половине пятого; отправление назначено на одиннадцать часов. На этот раз железнодорожная Компания не пожалела времени путешественников. Я успею осмотреть город, даже при условии, что не меньше часа отнимут всякие формальности, которые учиняются не на самой границе, а в Кашгаре. Говорят, что русские и китайские власти стоят друг друга, как только дело коснется проверки бумаг и паспортов. Такая же мелочная требовательность, такие же придирки. Как грозно звучит в устах китайского чиновника формула: «Трепещи и повинуйся!», сопровождающая акт подписания документа на право пребывания в пределах Поднебесной Империи!

Итак, я должен трепетать и повиноваться китайским пограничным властям. Мне невольно вспоминаются страхи и опасения Кинко. Ему и в самом деле может не поздоровить-

¹ Туркестаном раньше называли обширную область в Средней Азии, охватывавшую провинции Западного Китая, северную часть Афганистана и среднеазиатские территории России.

ся, если проверять будут не только пассажиров, но и тюки и ящики в багажном вагоне.

Когда мы подъезжали к Кашгару, майор Нольтиц сказал мне:

— Не думайте, что китайский Туркестан сильно отличается от русского. Мы еще не на земле пагод, ямыней, джонок, драконов, разноцветных фонариков и фарфоровых башен. Кашгар, так же как Мерв, Бухара и Самарканд, прежде всего — двойной город. Вообще города Центральной Азии похожи на двойные звезды — с тем лишь различием, что они не вращаются один вокруг другого.

Замечание майора вполне справедливо. Теперь уже не то время, когда в Кашгарии царствовал эмир, когда монархия Якуб-бека¹ была так сильна в туркестанской провинции, что даже китайцы, если они хотели жить спокойно, отрекались от религии Будды и Конфуция и переходили в магометанство. Сейчас, в конце века², мы уже не находим прежней восточной косморамы³, прежних любопытных нравов, а от шедевров азиатского искусства сохранились только воспоминания или развалины. Железные дороги, проложенные через разные страны, постепенно приведут их к одному общему уровню и сотрут «особые приметы». И тогда между народами установится равенство, а может быть, братство.

По правде сказать, Кашгар уже не столица Кашгарии, а всего лишь промежуточная станция на Великой Трансзиатской магистрали — место соединения русских и китайских рельсовых путей, точка, которую пересекает железная лента длиною почти в три тысячи километров, считая от Каспия до этого города, чтобы протянуться дальше, без малого, еще на четыре тысячи километров, до самой столицы Поднебесной Империи.

Отправляюсь осматривать двойной город. Новый называется Янги-Шар; старый — в трех с половиной милях от нового — это и есть Кашгар. Я воспользуюсь случаем посетить оба города и расскажу, что представляет собой и тот и другой.

¹ *Якуб-бек* — выходец из Средней Азии, сановник кокандского хана; возглавил антикитайское восстание магометан, захватил власть в Кашгарии и объявил себя главой независимого государства со столицей в Кашгаре. Якуб-бек насильственно насаждал в Кашгарии магометанскую религию, за что турецкий султан пожаловал ему титул эмира. После смерти Якуб-бека в 1877 г. Кашгария снова стала китайской провинцией.

² Подразумевается конец XIX века.

³ *Косморама* (греч.) — обозрение мира; картина мира.

Первое замечание: и старый и новый окружает неказистая земляная стена, отнюдь не располагающая в их пользу. Второе замечание: архитектурные памятники отсутствуют, потому что простые дома и дворцы построены из одинакового материала. Ничего, кроме глины, глины даже не обожженной! А из высохшей на солнце грязи не выведешь правильных линий, чистых профилей и изящных скульптурных украшений. Архитектурное искусство требует камня или мрамора, а их как раз и нет в китайском Туркестане.

Маленькая, быстро катящаяся коляска доставила нас с майором до Кашгара, имеющего три мили в окружности. Омывает его двумя рукавами, через которые перекинута два моста, Кызылсу, что значит «Красная река». Но в действительности она скорее желтая, чем красная. Если вам захочется увидеть какие-нибудь интересные развалины, то нужно отойти за городскую черту, где высятся остатки старой крепости, насчитывающей либо пятьсот, либо две тысячи лет, в зависимости от воображения того или иного археолога. Но что совершенно достоверно — это то, что Кашгар был взят приступом и разрушен Тамерланом. И вообще следует признать: без устрашающих подвигов этого хромоногого завоевателя история Центральной Азии была бы удивительно однообразной. Правда, в более позднюю эпоху ему пытались подражать свирепые султаны, вроде Уали-Тулла-хана, который в 1857 году велел задушить Шлагинтвейта, крупного ученого и отважного исследователя азиатского материка. Памятник, установленный в честь Шлагинтвейта, украшают две бронзовые доски от Парижского и Санкт-Петербургского географических обществ.

Кашгар — важный торговый центр, в котором почти вся торговля сосредоточена в руках русских купцов. Хотанские шелка, хлопок, войлок, шерстяные ковры, сукна — вот главные предметы здешнего рынка, и вывозятся они даже за пределы Кашгарии — на север восточного Туркестана, между Ташкентом и Кульджей.

Настроение сэра Фрэнсиса Травельяна, судя по тому, что говорит мне майор Нольтиц, может еще больше ухудшиться. В самом деле, в 1873 году из Кашмира в Кашгар, через Хотан и Яркенд, было направлено английское посольство во главе с Чепменом и Гордоном. Англичане тогда еще надеялись овладеть местным рынком. Но русские железные дороги соединились не с индийскими, а с китайскими рельсовыми путями, благодаря чему английское влияние уступило место русскому.

Население Кашгара смешанное. Немало здесь и китайцев — ремесленников, носильщиков и слуг. Нам с майором Нольтицем не так посчастливилось, как Чепмену и Гордону. Когда они прибыли в кашгарскую столицу, ее шумные улицы были заполнены войсками эмира. Нет больше там ни конных «джигитов», ни пеших «сарбазов». Исчезли и великолепные корпуса «тайфурши», вооруженных и обученных на китайский лад, и отряды копьеносцев, и лучники-калмыки с огромными пятифутовыми луками, и «тигры» — стрелки с размалеванными щитами и фитильными ружьями. Исчезли все живописные воины кашгарской армии, а вместе с ними и кашгарский эмир!

В девять часов вечера мы вернулись в Янги-Шар. И кого же мы увидели на одной из улиц, ведущих к крепости? Супругов Катерна в радостном возбуждении — перед трупой дервишей-музыкантов.

Слово «дервиш» равнозначно слову «нищий», а нищий в этой стране — законченное проявление тунеядства. Но какие смешные жесты, какие странные позы во время игры на длиннострунной гитаре, какие акробатические приемы в танцах, которыми они сопровождают исполнение своих песен и сказаний, как нельзя более светского содержания!

Инстинкт актера проснулся в нашем комике. Он не может устоять на месте, это выше его сил! И вот, с бесшабашностью старого матроса и с энтузиазмом прирожденного комедианта, он подражает этим жестам, позам, телодвижениям, и уже приближается минута, когда он примет участие в пляске кривляющихся дервишей.

— Э, господин Клодиус, — говорит он мне, — вы видите, не так уж трудно повторить упражнения этих молодцов!.. Напишите мне оперетку из восточного быта, дайте мне роль дервиша, и вы сами убедитесь, как легко я войду в его шкуру!

— Я и не сомневаюсь, милый Катерна, что эта роль будет вам по плечу, — ответил я. — Но прежде чем войти в шкуру дервиша, войдите в вокзальный ресторан и попрощайтесь с местной кухней; пока над нами не взяли власть китайские повара. Мое предложение принимается тем более охотно, что кашгарское поварское искусство, по словам майора, пользуется заслуженной славой.

И в самом деле, господин и госпожа Катерна, майор, молодой Пан Шао и я поражены и восхищены небывалым количеством и отменным качеством поданных нам блюд. Сладкие кушанья прихотливо чередуются с мясными. Комику и субретке, должно быть, навсегда запомнятся, так же, как и запомнились знаменитые ходжентские персики, некоторые блюда,

упомянутые в отчете о путешествии английского посольства: свиные ножки, посыпанные сахаром и поджаренные в сале с особым маринадом, и почки-фри под сладким соусом, вперемежку с оладьями.

Господин Катерна съедает по три порции того и другого.

— Я наедаюсь впрок, — оправдывает он свой образ действий. — Кто знает, чем будут потчевать нас в вагоне-ресторане китайские повара? Рассчитывать на плавники акул не придется: они могут оказаться жестковатыми, а ласточкины гнезда, без сомнения, — блюдо не первой свежести!

В десять часов удары гонга возвещают о начале полицейских формальностей. Мы встаем из-за стола, выпив по последнему стакану шао-сингского вина, и спустя несколько минут собираемся в зале ожидания.

Все мои номера налицо, разумеется, за исключением Кинко, который не отказался бы от такого завтрака и отдал бы ему должное, если бы мог принять в нем участие. Вот они: доктор Тию Кин с неизменным Корнаро под мышкой; Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт, соединившие свои зубы и свои волосы — ну, конечно, в фигуральном смысле; сэр Фрэнсис Травельян, неподвижный и безмолвный, упрямый и высокомерный, стоит у дверей и сосет сигару; вельможный Фарускиар в сопровождении Гангира. Тут и другие пассажиры — всего человек шестьдесят или семьдесят. Каждый должен поочередно подойти к столу, за которым сидят двое китайцев в национальных костюмах: чиновник, бегло говорящий по-русски, и переводчик с немецкого, французского и английского языков.

Чиновнику лет за пятьдесят; у него голый череп, густые усы, длинная коса на спине, на носу очки. В халате с пестрыми разводами, тучный, как и подобает в его стране лицам, имеющим вес, он кажется человеком малосимпатичным. Впрочем, дело идет лишь о проверке документов, и если они у вас в порядке, не все ли вам равно — приятная или неприятная физиономия у чиновника?

— Какой у него вид! — шепчет госпожа Катерна.

— Как у настоящего китайца, — отвечает первый комик, и, по правде говоря, от актера и нельзя требовать большего.

Я, один из первых, предъявляю мой паспорт, визированный французским консулом в Тифлисе и русскими властями в Узун-Ада. Чиновник разглядывает его очень внимательно. Я настораживаюсь: от мандаринской администрации можно ждать всяких каверз. Тем не менее, проверка проходит благо-

получно, и печать с зеленым драконом признает меня «годным для въезда».

Документы первого комика и субретки тоже в полном порядке. Но что делается с господином Катерна в те минуты, когда их проверяют! Он напоминает подсудимого, старающегося разжалобить своих судей, томно опускает глаза, виновато улыбается, словно умоляя о помиловании, или, по меньшей мере, о снисхождении, хотя самый придирчивый из китайских чиновников не нашел бы повода для придирок.

— Готово,— говорит переводчик, протягивая ему паспорта.

— Большое спасибо, князь!— отвечает господин Катерна тоном провинившегося школяра.

Фулька Эфринеля и мисс Горацию Блуэтт штемпелюют с такой же быстротой, как письма на почте. Если уж у американского маклера и английской маклерши будет не все «в ажуре», то чего же тогда ждать от остальных? Дядя Сэм и Джон Буль¹— два сапога пара!

И другие путешественники выдерживают испытание, не встретив никаких препятствий. Едут ли они в первом или во втором классе, они вполне удовлетворят требованиям китайской администрации, если смогут внести за каждую визу довольно значительную сумму рублями, таелями или сапеками².

Среди путешественников я замечаю священника из Соединенных Штатов, мужчину лет пятидесяти, едущего в Пекин. Это достопочтенный Натаниэль Морз из Бостона, типичный янки-миссионер, честно торгующий библией. Такие, как он, умеют ловко совмещать проповедническую деятельность с коммерцией. На всякий случай заношу его в свой список под номером 13.

Проверка бумаг молодого Пан Шао и доктора Тио Кина не вызывает, конечно, никаких затруднений, и они любезно обмениваются «десятью тысячами добрых пожеланий» с представителем китайской власти.

Когда очередь дошла до майора Нольтица, случилась небольшая заминка. Сэр Фрэнсис Травельян, представший перед чиновником одновременно с майором, по-видимому, не склонен был уступить ему место. Однако он ограничился лишь высокомерными и вызывающими взглядами. Джентльмен и на этот раз не дал себе труда открыть рот. Должно быть, мне ни-

¹ Дядя Сэм и Джон Буль — иронические прозвища американца и англичанина, ставшие нарицательными именами.

² Таели, сапеки — название старых денежных единиц в Китае.

когда не придется услышать его голоса! Русский и англичанин получили установленную визу, и тем дело кончилось.

Величественный Фарускиар подходит к столу вместе с Гангиром. Китаец в очках медленно оглядывает его, а мы с майором Нольтицем наблюдаем за процедурой. Как выдержит он экзамен? Быть может, мы сейчас узнаем, кто он такой.

Трудно даже передать, как мы были удивлены и поражены последовавшим за тем театральным эффектом.

Едва только китайский чиновник увидел бумаги, предъявленные ему Гангиром, — он вскочил с места и сказал, почти-тельно склоняясь перед Фарускиаром:

— Соблаговолите принять от меня десять тысяч добрых пожеланий, господин директор правления Великой Трансазиатской дороги!

Один из директоров правления! Так вот он кто, этот великолепный Фарускиар! Теперь все понятно. Пока мы находились в пределах русского Туркестана, он предпочитал сохранять инкогнито, как это делают знатные иностранцы, а теперь, на китайском участке пути, он не отказывается занять подобающее ему положение и воспользоваться своими правами.

А я-то позволил себе — пусть даже в шутку — отождествить его с разбойником Ки Цзаном! Ведь и майору Нольтицу он казался подозрительной личностью!

Мне хотелось встретить в поезде какую-нибудь важную персону, и желание мое, наконец, сбылось. Я постараюсь познакомиться с ним, буду обхаживать его как редкостное растение, и раз уж он говорит по-русски, выжму из него подробнейшее интервью...

И до того я увлекся, что только пожал плечами, когда майор мне шепнул:

— Вполне может статься, что он один из бывших предводителей разбойничьих шаяк, с которыми железнодорожная Компания заключила сделку, чтобы обеспечить безопасность пути.

Хватит, майор, довольно шутить!

Проверка документов подходит к концу. Сейчас откроют двери на платформу. И тут в зал ожидания врывается барон Вейсшнитцердёрфер. Он озабочен, он встревожен, он растерян, он расстроен, он обескуражен, он возится, он суетится, он озирается. Что случилось? Почему он вертится, отряхивается, нагибается, ощупывает себя, как человек, потерявший что-то очень ценное?

— Ваши документы! — спрашивает у него переводчик по-немецки.

— Мои документы, — отвечает барон, — я их ищу... но не могу найти... Они были у меня в бумажнике...

И он шарит в карманах брюк, жилета, пиджака, плаща — а карманов у него не меньше двух десятков — шарит и не находит.

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! — повторяет переводчик. — Поезд не будет ждать.

— Я не допущу, я не позволю, чтобы он ушел без меня! — восклицает барон. — Мои документы... Куда они запропастились? Я, наверное, выронил бумажник, мне его принесут...

В эту минуту первый удар гонга будит на вокзале гулкое эхо. Поезд отойдет через пять минут. А несчастный барон надывается от крика:

— Подождите!.. Подождите!.. *Donnerwetter*¹, неужели нельзя потерять несколько минут из уважения к человеку, который совершает кругосветное путешествие за тридцать девять дней?..

— Трансазиатский экспресс не может ждать, — отвечает переводчик.

Мы с майором Нольтицем выходим на платформу, между тем как немец продолжает препираться с невозмутимым китайским чиновником.

Пока мы отсутствовали, состав изменился, так как на участке между Кашгаром и Пекином меньше пассажиров. Вместо десяти вагонов осталось восемь: головной багажный, два первого класса, вагон-ресторан, два вагона второго класса, траурный — с телом покойного мандарина — и хвостовой багажный. Русские локомотивы, которые везли нас от Узун-Ада, будут заменены китайскими, работающими уже не на жидком, а на твердом топливе.

Первой моей заботой было подбежать к головному багажному вагону. Таможенные чиновники как раз осматривают его, и я дрожу за Кинко.

Впрочем, если бы они открыли обман, весть о нем надела бы много шуму. Только бы они не тронули ящика, не передвинули на другое место, не поставили вверх дном или задом наперед! Тогда Кинко не сможет выбраться из него, и положение осложнится...

Но вот китайские таможенники выходят из вагона и хлопают дверью. Я не успеваю даже заглянуть внутрь багажника.

¹ *Donnerwetter* — черт возьми! (нем.)

Кажется, моего румьна не обнаружили! При первом удобном случае прошмыгну в багажный вагон и, как говорят банкиры, «проверю наличность».

Прежде чем вернуться на свои места, мы с майором Нольтицем успеваем пройти в конец поезда.

Сцена, свидетелями которой мы становимся, не лишена интереса: монгольские стражники передают останки мандарина Иен Лу взводу китайской жандармерии, выстроившемуся под зеленым стягом. Покойник переходит под охрану двух десятков солдат, которые займут вагон второго класса, прилегающий к траурному. Они вооружены револьверами и ружьями и находятся под командой офицера.

— Должно быть,— говорю я майору,— этот мандарин действительно был очень важной персоной, если Сын Неба выслал ему навстречу почетный караул.

— Или охрану,— отвечает майор.

Фарускиар с Гангиром тоже присутствовали при этой церемонии, и нечему тут удивляться. Разве такое значительное должностное лицо, как господин директор правления, не обязан следить за знатным покойником, вверенным заботам администрации Великой Трансазиатской дороги?

Раздается последний удар гонга. Пассажиры спешат в свои вагоны.

А где же барон?

Наконец-то! Он вихрем вылетает на платформу. Ему все-таки удалось найти свои документы в глубине девятнадцатого кармана и в самую последнюю минуту получить визу.

— Едущих в Пекин прошу занять места! — зычно возглашает Попов.

Поезд трогается.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Теперь поезд идет по рельсам однопутной китайской дороги. И локомотив китайский, и управляет им китаец — машинист. Будем надеяться, что ничего худого не случится — ведь с нами едет сам Фарускиар, один из директоров правления Великой Трансазиатской магистрали.

А если даже и случится что-нибудь вроде крушения, то это только развеет дорожную скуку и даст мне материал для хроники. Я вынужден признаться, что действующие лица, внесенные в мой реестр, не оправдали ожиданий. Пьеса не разыг-

рывается, действие продвигается вяло. Нужен какой-то театральный эффект, который выдвинул бы всех персонажей на авансцену, как сказал бы господин Катерна, нужен «хороший четвертый акт».

В самом деле, Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт по-прежнему заняты своими интимно-коммерческими разговорами. Пан Шао и доктор Тио Кин поразвлекли меня немного и больше с них ничего не возьмешь. Супруги Катерна — всего лишь обыкновенные комедианты и в моем спектакле не найдется для них подходящей роли. А Кинко, Кинко, на которого я больше всего надеялся... легко переехал границу, благополучно прибудет в Пекин и преспокойно женится на своей Зинке Клорк. Да, мне решительно не везет! Из покойного мандарина Иен Лу тоже ничего занятного не вытянешь. А между тем читатели «XX века» ждут от меня сенсаций!

Уж не возьмусь ли мне за немецкого барона! Нет! Он только смешон, а смешное граничит с глупостью. Глупость же — привилегия дураков и потому не может быть интересной.

Итак, я возвращаюсь к прежней мысли: нужен главный герой, а шагов его до сих пор не слышно даже за кулисами. Больше медлить нельзя. Пора завязать более близкое знакомство с великолепным Фарускиаром. Инкогнито его раскрыто, и, возможно, он не будет теперь таким замкнутым. Мы, так сказать, подведомственные ему лица, а он, если так можно выразиться, — мэр нашего городка на колесах, и как всякий мэр должен помогать своим согражданам. Заручиться покровительством столь важного чиновника полезно и на тот случай, если бы обнаружился обман Кинко.

Покинув Кашгар, поезд идет с умеренной скоростью. На противоположном горизонте рисуются громадные массивы Памирского плоскогорья, а дальше, к юго-западу, проступают хребты Болора — кашгарского пояса с вершиной Тагармы, которая теряется в облаках.

Ума не приложу, как убить время. Майор Нольтиц никогда не бывал в этих местах, и я не могу больше делать записи под его диктовку. Доктора Тио Кина невозможно оторвать от книжки Корнаро, а Пан Шао, по-видимому, лучше знает Париж и Францию, чем Шанхай и Пекин. К тому же в Европу он ехал через Суэцкий канал, и восточный Туркестан знаком ему не больше Камчатки. Слов нет, он очень любезный и приятный собеседник, но на этот раз я предпочел бы поменьше любезности и побольше оригинальности.

Потому мне и приходится слоняться из вагона в вагон, торчать на площадках, вопрошать безмолвный горизонт, прислушиваться к разговорам пассажиров.

А вот и первый комик с субреткой о чем-то весело болтают. Подхожу поближе. Оказывается, они поют вполголоса.

«Люблю моих я индюшат... шат... шат», — заводит госпожа Катерна.

«А я люблю моих овец... вец... вец», — вторит господин Катерна, мастер на все руки, который в случае надобности берется и за баритональные партии.

Они, готовясь к выступлению в Шанхае, повторяли знаменитый дуэт Пипо и рыженькой Беттины. Счастливые шанхайцы! Они еще не знают «Маскотты»!¹

Рядом оживленно беседуют Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт. Я улавливаю конец диалога:

— Боюсь, что в Пекине вздорожали волосы, — говорит маклерша.

— А я опасаюсь, — отвечает маклер, — что понизились цены на зубы. Вот если бы разыгралась порядочная война, русские повыбивали бы челюсти китайцам...

Вы слышали что-нибудь подобное? Сражаться только для того, чтобы помочь американскому торговому дому Стронг Буль-буль и К° сбывать свои изделия!

Право я не знаю, что и предпринять. Время так медленно тянется, а ведь остается еще шесть дней пути! К черту Великую Трансазиатскую магистраль с ее однообразием! На линии Грейт-Трунк из Нью-Йорка в Сан-Франциско было бы куда больше развлечений. Там хоть индейцы иногда устраивают нападения на поезда, а перспектива быть скальпированным в дороге делает путешествие по-настоящему колоритным.

Что это? Декламируют или читают псалмы? Из соседнего купе доносится монотонный речитатив:

«Нет такого человека, какое бы он ни занимал положение, который не мог бы себя оградить от чрезмерного потребления пищи и предотвратить боли, вызываемые переполнением желудка. Обильных яств особенно должны остерегаться государственные мужи, от которых зависят судьбы народов...»

¹ «Маскотта» — оперетта французского композитора Эдмона Одрона, написана в 1880 году.

• Это доктор Тио Кин читает вслух отрывок из Корнаро, стараясь запомнить все его предписания. Что ж, пожалуй, и не следует пренебрегать советом благородного венецианца! Изложить бы его в телеграмме и послать Совету Министров! Быть может, государственные мужи будут вести себя скромнее на своих банкетах?

Сегодня после полудня мы переехали по деревянному мосту Яманыр. Эта узкая речка, стремительность которой возрастает при таянии снегов, низвергается с западных горных круч высотой по меньшей мере в двадцать пять тысяч английских футов.

Рельсовый путь иногда обступают густые заросли. По словам Попова, там водится немало тигров. Я охотно верю ему, но мне ни разу не посчастливилось увидеть ни одного из хищников. А жаль! Полосатые звери могли бы внести некоторое разнообразие в наше путешествие. Вот была бы удача для репортера! Вообразите только, как выглядели бы на столбцах «XX века» *Вести отовсюду* с такими привлекательными титрами:

Ужасная катастрофа... Нападение на поезд Великой Трансазиатской магистрали... Удары когтей и ружейные залпы... Пятьдесят жертв... Ребенок, съеденный на глазах у матери...

И все это вперемежку с многоточиями.

Так нет же! Туркестанские хищники не захотели доставить мне такого удовольствия. Я вправе их теперь презирать. Не тигры они, а безобидные кошки!

На этом участке пути были две остановки — на десять и пятнадцать минут — в Янги-Гиссаре и Кызыле, где дымят несколько доменных печей. Почва тут железистая, о чем говорит само название станции «Кызыл», то есть «Красный».

Местность здесь плодородная, земля хорошо возделана, особенно в восточных районах Кашгарии. Поля засеяны рожью, ячменем, просом, льном и даже рисом. Куда ни кинешь взгляд, стоят стеною могучие тополя, ивы и тутовые деревья; тянутся обширные пашни, орошаемые многочисленными каналами, и зеленые луга с разбросанными там и сям стадами овец. Не будь на горизонте суровых Памирских гор, эта страна казалась бы не то Нормандией, не то Провансом. Правда, ее сильно опустошила война. В ту пору, когда Кашгария сражалась за свою независимость, ее земли были залиты потоками

крови. Почва вдоль полотна усеяна могильными курганами, под которыми покоятся жертвы патриотизма. Но не для того я приехал в Центральную Азию, чтобы любоваться французскими пейзажами! Подавайте мне, черт возьми, что-нибудь новенькое, неожиданное, впечатляющее!

Так и не испытав никаких приключений, в четыре часа пополудни мы остановились на вокзале в Яркенде.

Хотя Яркенд не является официальной столицей восточного Туркестана, он, несомненно, самый крупный торговый центр этой провинции.

— Просто диву даешься: и здесь два смежных города! — говорю я майору Нольтицу.

— Да, — отвечает он, — но и на сей раз новый город образовался без участия русских.

— Новый или старый, — отвечаю я, — боюсь, что они будут близнецами тех, что мы уже видели: земляная стена, несколько десятков прорытых в ней ворот, глинобитные хижины, ни настоящих домов, ни интересных памятников, и неизменные восточные базары!

И я не ошибся. Даже четырех часов оказалось более чем достаточно для осмотра обоих Яркендов, из которых новый опять называется Янги-Шар. К счастью, жителям Яркенда теперь не возбраняется, как то было во времена «дадкава» или губернаторов провинции, свободно ходить по улицам города. Теперь яркендские женщины могут доставить себе удовольствие на людей посмотреть, и себя показать, к великой радости «фаранги» — так называют здесь иностранцев, к какой бы нации они ни принадлежали. Очень красивы эти азиатки, с длинными косами, поперечными нашивками на лифах, в разноцветных ярких одеждах из хотанского шелка, украшенных китайскими узорами, расшитых сапожках на высоких каблукках и кокетливо повязанных тюрбанах, из-под которых виднеются черные волосы и соединенные в одну линию черные брови.

Китайских пассажиров, вышедших в Яркенде, тотчас же сменили другие, тоже китайцы; среди них было человек двадцать кули. В восемь часов вечера локомотив снова развел пары.

За ночь мы должны проехать триста пятьдесят километров, отделяющих Яркенд от Хотана. Я побывал в переднем багажном вагоне и с радостью удостоверился, что ящик стоит на прежнем месте. Кинко мирно похрапывал в своем убежище, но будить его я не стал. Пусть грезит о своей прелестной румынке!

Утром я узнал от Попова, что мы шли со скоростью обычного пассажирского поезда и уже миновали Каргалык. Ночью было очень свежо. И неудивительно. Ведь путь пролегает на высоте тысяча двести метров. От станции Гума колея поворачивает прямо на восток, следуя приблизительно по тридцать седьмой параллели, той самой, что захватывает в Европе Севилью, Сиракузы и Афины.

За это время мы встретили лишь одну значительную реку — Каракаш. В нескольких местах я видел на ней паромы, а на каменистых отмелях — лошадей и ослов, которых табунщики перегоняли вброд. Железнодорожный мост через Каракаш находится километрах в ста от Хотана, куда мы прибыли в восемь часов утра.

Поезд здесь стоит два часа, и так как этот город уже немного походит на китайский, я решил хотя бы мельком на него взглянуть.

С одинаковой справедливостью можно сказать, что Хотан — мусульманский город, построенный китайцами, или китайский, построенный мусульманами. И на домах, и на людях замечен отпечаток того же двойственного происхождения. Мечети похожи на пагоды, а пагоды на мечети.

Потому я несколько не удивился, что супруги Катерна, не захотевшие пропустить случая впервые ступить на китайскую землю, были заметно разочарованы.

— Господин Клодиус, — обратился ко мне комик, — я не вижу здесь декорации для спектакля «Ночи Пекина».

— Но мы еще не в Пекине, мой милый Катерна!

— Вы правы, надо уметь довольствоваться малым.

— Даже совсем малым, как говорят итальянцы.

— Ну, раз они так говорят, значит, они далеко не глупы.

В ту минуту, когда я собираюсь подняться в вагон, ко мне подбегает Попов:

— Господин Бомбарнак!

— Что случилось, Попов?

— Меня вызвали в телеграфную контору и спросили, не едет ли в нашем поезде корреспондент «XX века».

— В телеграфную контору?

— Да, и когда я подтвердил, телеграфист велел вам передать вот эту депешу.

— Давайте!.. Давайте!

Я беру депешу, которая ждала меня в Хотане уже несколько дней. Не ответ ли это на мою телеграмму относительно мандарина Иен Лу, посланную из Мерва?

Вскрываю депешу... читаю... она выпадает у меня из рук. Вот что в ней сказано:

*Клодиусу Бомбарнаку
корреспонденту «XX века»*

Хотан Китайский Туркестан

Поезд везет Пекин не тело мандарина а императорскую казну стоимостью пятнадцать миллионов посылаемую Персии Китай Парижских газетах сообщалось об этом восемь дней назад Постарайтесь впредь быть лучше осведомленным

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

— Миллионы! В так называемом траурном вагоне не покойник, а миллионы!

У меня вырвалась эта неосторожная фраза, и тайна императорских сокровищ тотчас же стала известна всем — и пассажирам поезда, и железнодорожным служащим. Для отвода глаз правительство, по соглашению с китайским, распустило слух об умершем мандарине, тогда как в действительности в Пекин переправляют сокровища стоимостью в пятнадцать миллионов франков!..

Какой я сделал непростительный промах! Каким я оказался глупцом! Но почему мне было не поверить Попову, и почему Попов должен был заподозрить во лжи персидских чиновников! Да и кому бы пришло в голову усомниться в подлинности этого покойного мандарина Иен Лу?

Мое репортерское самолюбие тем не менее глубоко уязвлено, и полученный выговор очень меня огорчает. Но о своем злоключении я, разумеется, никому ничего не рассказываю, даже майору. Слыханное ли дело? О том, что происходит на Великой Трансазиатской магистрали, «XX век» в Париже осведомлен лучше, чем его собственный корреспондент, который едет по этой дороге! Редакции известно, что к хвосту поезда прицеплен вагон с императорской казной, а Клодиус Бомбарнак пребывает в блаженном неведении! О репортерские разочарования! А теперь все узнали, что казна, состоящая из золота и драгоценных камней и находившаяся в руках персидского шаха, возвращается ее законному владельцу, китайскому богдыхану.

Понятно, почему Фарускиар сел в наш поезд в Душаке. Один из директоров Компании, заранее предупрежденный о ценном грузе, он решил сам сопровождать императорские сокровища до места назначения. Вот почему он так старательно охранял «траурный вагон» вместе с Гангиром и тремя монголами. Вот почему он был так взволнован, когда этот вагон

отцепился и так настойчиво требовал вернуться за ним, не теряя ни минуты... Да, теперь все объясняется.

Понятно, почему в Кашгаре взвод китайских солдат пришел на смену монгольским стражникам. Понятно, почему Пан Шао ничего не мог сказать о мандарине Иен Лу: ведь такого мандарина в Поднебесной Империи и не существовало!

Из Хотана мы выехали по расписанию. В поезде только и было разговоров, что об этих миллионах, которых вполне могло бы хватить, чтобы сделать всех пассажиров богачами.

— Мне с первой минуты показался подозрительным этот траурный вагон,— сказал майор Нольтиц.— Потому я и расспрашивал Пан Шао о мандарине Иен Лу.

— А мне было невдомек,— ответил я,— зачем вам понадобилось это знать. Сейчас по крайней мере установлено, что мы тянем на буксире сокровища китайского императора.

— И он поступил весьма благоразумно,— добавил майор,— выслав навстречу эскорт из двадцати хорошо вооруженных солдат. От Хотана до Ланьчжоу поезд должен пройти две тысячи километров по пустыне Гоби, а охрана путей здесь оставляет желать многого.

— Тем более, что свирепый Ки Цзан, как вы, майор, сами мне говорили, рыскал со своей шайкой в северных провинциях Поднебесной Империи.

— Да, господин Бомбарнак, пятнадцать миллионов — хорошая приманка для разбойничьего атамана.

— Но как он сможет пронюхать о пересылке императорских сокровищ?

— О, такие люди всегда узнают все, что им нужно знать.

«Несмотря на то, что они не читают «XX века»! — подумал я и почувствовал, как краснею при мысли об этом непростительном промахе, который, без сомнения, уронит меня в глазах Шеншоля, моего шефа...

Между тем пассажиры, столпившись на вагонных площадках, оживленно обменивались мнениями. Одни предпочитали тащить на буксире миллионы, нежели труп мандарина, пусть даже и высшего разряда; другие полагали, что транспортировка сокровищ грозит поезду серьезной опасностью. Того же мнения придерживался и барон Вейсшнитцердёрфер. Выразив его в самой резкой форме, он налетел на Попова с упреками и бранью:

— Вы обязаны были предупредить, сударь, вы обязаны были предупредить! Теперь все знают, что с нами едут миллионы, и поезд может подвергнуться нападению! А нападение, если даже предположить, что оно будет отбито, неизбежно вы-

зовет опоздание. А вам известно, сударь, что я не потерплю никакого опоздания? Нет, я не потерплю!

— Никто не нападет на нас, господин барон,— ответил Попов.— Никто и не подумает напасть!

— А откуда вы знаете, сударь? Откуда вы знаете?

— Успокойтесь, пожалуйста...

— Нет, я не успокоюсь и при малейшей задержке привлеку Компанию к ответу и взыщу с нее убытки!

Вполне может случиться, что «кругосветный» барон захочет получить с Компании сто тысяч флоринов за причиненный ему ущерб!

Перейдем к другим путешественникам.

Фульк Эфринель, как и следовало ожидать, смотрит на все с чисто практической точки зрения.

— Это верно,— говорит он,— что благодаря сокровищам доля риска сильно увеличивается и, случись какое-нибудь происшествие; Life Travellers Society¹, где я застрахован, откажется выдать компенсацию за риск и возложит ответственность на железнодорожную Компанию.

— Совершенно справедливо,— добавляет мисс Горация Блуэтт,— и как обострились бы ее отношения с правительством Поднебесной Империи, если бы не нашлись эти потерянные вагоны! Вы со мной согласны, Фульк?

— Разумеется, согласен, Горация!

Горация и Фульк — коротко и ясно!

Американец и англичанка рассуждают вполне резонно: за пропажу вагона с сокровищами отвечать пришлось бы железной дороге, так как Компания не могла не знать, что дело шло о пересылке золота и драгоценностей, а не останков мифического мандарина Иен Лу.

А что думают по этому поводу супруги Катерна? Миллионы, прицепленные к хвосту поезда, нисколько не нарушили их душевного равновесия. Первый комик ограничился лишь замечанием:

— Эх, Каролина, какой прекрасный театр можно было бы построить на эти деньги!

Лучше всех определил положение священник, севший в Кашгаре — преподобный Натаниэль Морз:

— Не очень-то приятно везти за собой пороховой погреб!

И он прав: вагон с императорской казной — настоящий

¹ *Общество охраны жизни путешественников* — название страховой компании (англ.).

пороховой погреб, способный в любую минуту взорвать наш поезд.

Первая железная дорога, проложенная в Китае около 1877 года, соединила Шанхай с Фучжоу. Что касается Великого Трансазиатского пути, то он проходит приблизительно по той же трассе, которая была намечена в русском проекте 1874 года — через Ташкент, Кульджу, Хами, Ланьчжоу, Сиань и Шанхай. Этот путь не захватывает густонаселенных центральных провинций, напоминающих шумные пчелиные ульи. Насколько возможно, он образует до Сучжоу¹ прямую линию, прежде чем отклониться к Ланьчжоу. Если дорога и обслуживает некоторые крупные города, то по веткам, которые отходят от нее к югу и к юго-востоку. Между прочим, одна из этих веток, идущая из Тайюаня в Нанкин, должна соединить оба главных города провинций Шаньси и Цзянсу. Но она еще не пущена в эксплуатацию, так как не достроен один важный виадук.

Зато полностью закончена и обеспечивает прямое сообщение по Центральной Азии главная линия Великой Трансазиатской магистрали. Китайские инженеры проложили ее так же легко и быстро, как генерал Анненков Закаспийскую дорогу. В самом деле, пустыни Каракум и Гоби имеют между собой много общего. И там, и здесь — горизонтальная поверхность, отсутствие возвышенностей и впадин, одинаковая легкость укладки шпал и рельсов. Вот, если бы пришлось пробивать громадные, горные кряжи Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, такую работу невозможно было бы проделать и за целое столетие. А по плоской песчаной равнине рельсовый путь быстро продвинулся на три тысячи километров до Ланьчжоу.

Лишь на подступах к этому городу инженерное искусство должно было вступить в энергичную борьбу с природой. Трудно далась и дорого стоила прокладка пути через провинции Ганьсу, Шаньси и Чжили.

Я ограничусь тем, что буду указывать по пути следования наиболее значительные станции, где поезд останавливается, чтобы набрать воды и топлива. По правую руку от полотна взор будут радовать очертания далеких гор, живописные громады которых замыкают на севере Тибетское плоскогорье, а по левую сторону взгляд будет теряться в бесконечных просторах Гобийских степей. Сочетание гор и равнин, в сущности, и составляет Китайскую Империю, если еще не самый Китай, который мы увидим лишь приблизившись к Ланьчжоу.

¹ На новых картах см. Цзюцюань.

Вторая часть путешествия не обещает быть особенно интересной, если только бог репортеров не сжалится надо мной и не пошлет какое-нибудь приключение. Был бы только повод, а там уж моя фантазия разыграется...

В одиннадцать часов поезд выходит из Хотана и в два часа пополудни прибывает в Керию, оставив позади станции Лоб, Чира и Ханьлангоу.

В 1889—1890 годах именно этим путем следовал Певцов от Хотана до Лобнора, вдоль подножия Куэнь-Луня, отделяющего китайский Туркестан от Тибета. Русский путешественник прошел через Керию, Нию, Черчен, но, не в пример нашему поезду, его караван встретил множество препятствий и трудностей, что, однако, не помешало Певцову нанести на карту десять тысяч квадратных километров и указать координаты значительного числа географических точек. Такое продолжение труда Пржевальского делает честь русскому правительству.

С вокзала Кери на юго-западе еще заметны вершины Каракорума и пик Даспанг, которому многие картографы приписывают высоту, превосходящую восемь тысяч метров¹. У его подножия тянется провинция Кашмир. Отсюда берут начало истоки Инда, питающие одну из самых больших рек полуострова Индостан. Здесь же от Памирского плоскогорья отделяется громадная цепь Гималаев с высочайшими на земном шаре вершинами.

От Хотана мы прошли полтора километра за четыре часа. Скорость весьма умеренная, но на этом участке Транс-азиатской магистрали быстрее и не ездят. То ли китайские локомотивы не обладают достаточной тягой, то ли машинисты слишком медлительны и не считают нужным развивать свыше тридцати или сорока километров в час? Как бы то ни было, но на рельсовых путях Поднебесной Империи мы уже не вернемся к прежней скорости, обычной для Закаспийской дороги.

В пять часов вечера — станция Ния, где генерал Певцов основал метеорологическую обсерваторию. Здесь поезд стоит только двадцать минут. У меня достаточно времени, чтобы купить немного провизии в вокзальном буфете. Вы, конечно, знаете для кого.

На промежуточных станциях садятся новые пассажиры — китайцы. Они редко занимают места в первом классе, да и берут билеты на короткие расстояния.

¹ Вершина Годвин-Остен (Даспанг) достигает 8611 м, уступая по высоте лишь Эвересту.

Только мы отъехали от Нии, меня находит на площадке Фульк Эфринель. Вид у него озабоченный, как у коммерсанта, собирающегося заключить важную сделку.

— Господин Бомбарнак, — обращается он ко мне, — я хочу вас попросить об одной услуге.

«Э, подумал я, сумел же меня отыскать этот янки, когда я ему понадобился».

— Буду счастлив, мистер Эфринель, если смогу вам быть полезен, — ответил я. — В чем дело?

— Я прошу вас быть моим свидетелем.

— В деле чести? А могу я узнать с кем?

— С мисс Горацией Блуэтт.

— Как, вы деретесь с мисс Горацией Блуэтт? — засмеялся я.

— Нет еще. Я на ней женюсь.

— Вы на ней женитесь?

— Да! Это неоценимая женщина, очень сведущая в торговых делах и прекрасно знающая бухгалтерию...

— Поздравляю вас, мистер Эфринель! Вы можете на меня рассчитывать.

— И на господина Катерна? Как вы полагаете?

— Без сомнения. Он только обрадуется, и если будет свадебный обед, споет вам за десертом...

— Пусть поет сколько захочет, — отвечает американец. — Но ведь и мисс Горации Блуэтт нужны свидетели.

— Разумеется.

— Как вы думаете, майор Нольтиц согласится?

— Русские слишком любезны, чтобы отказывать. Если хотите, я могу с ним поговорить.

— Заранее благодарю вас. А кого можно сделать вторым свидетелем? Тут я немного затрудняюсь... Может быть, этот англичанин, сэр Фрэнсис Травельян?..

— Молча качнет головой — ничего другого вы от него не дождетесь...

— А барон Вейсшнитцердёрфер?

— Как можно просить человека, который совершает кругосветное путешествие, да еще с такой длинной фамилией?.. Сколько времени уйдет зря, пока он распишется!

— В таком случае, я не вижу никого, кроме молодого Пан Шао... или, если тот откажется, нашего главного кондуктора Попова.

— Конечно, и тот, и другой почтут за честь... Но спешить некуда, мистер Эфринель. До Пекина еще далеко, а там вы легко найдете четвертого свидетеля...

— При чем тут Пекин? Чтобы жениться на мисс Горации Блуэтт, мне вовсе не нужно ждать Пекина.

— Значит, вы хотите воспользоваться несколькими часами стоянки в Сучжоу или в Ланьчжоу?

— Wait a bit, господин Бомбарнак! С какой стати янки будет терять время на ожидание?

— Итак, это произойдет...

— Здесь!

— В поезде?

— В поезде.

— Ну! Тут и я вам скажу: Wait a bit!

— Да, и очень скоро. Не пройдет и дня...

— Но для свадебной церемонии прежде всего нужен...

— Нужен американский пастор! Он едет с нами в поезде. Преподобный Натаниэль Морз...

— И он согласен?

— Еще бы! Только попросите его, он хоть целый поезд переженит.

— Bravo, мистер Эфринель! Свадьба в поезде! Это очень пикантно...

— Господин Бомбарнак, никогда не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Да, я знаю... Time is money.¹

— Нет! Просто Time is time², но лучше не терять даром ни минуты.

Фульк Эфринель пожимает мне руку, и я, согласно моему обещанию, вступаю в переговоры с будущими свидетелями брачной церемонии.

Само собой разумеется, маклер и маклерша — люди свободные, могут располагать собой по своему усмотрению и вступить в брак, — был бы только священник! — когда им за благорассудится, — без нудных приготовлений и утомительных формальностей, которые требуются во Франции и других странах. Хорошо это или дурно? Американцы находят, что так лучше, а Фенимор Купер сказал: «Что хорошо у нас, то хорошо и везде».

Сперва я обращаюсь к майору Нольтицу. Он охотно соглашается быть свидетелем мисс Горации Блуэтт.

— Эти янки удивительный народ, — говорит он мне.

— Удивительный потому, что они ничему не удивляются.

¹ Время — деньги (англ.).

² Время есть время (англ.).

Такое же предложение я делаю и Пан Шао.

— Очень рад быть свидетелем этой божественной и обожаемой мисс Горации Блуэтт! — отзывается он.

Если уж брак американца и англичанки, с французом, русским и китайцем в качестве свидетелей, не даст полной гарантии счастья, то существует ли оно вообще?

А теперь очередь за господином Катерна.

Согласен ли он? Вот праздный вопрос — хоть дважды, хоть трижды!

— Да ведь это чудесная тема для водевиля или оперетки! — восклицает первый комик. — У нас уже есть «Свадьба с барабаном», «Свадьба под оливами», «Свадьба при фонарях»... Ну, а теперь мы будем представлять «Свадьбу в поезде» или еще лучше — «Свадьба на всех парах». Какие эффектные названия, господин Клодиус! Ваш американец вполне может на меня положиться. Свидетель будет старым или молодым, благородным отцом или первым любовником, маркизом или крестьянином — кем угодно, по выбору и желанию зрителей!

— Оставайтесь таким, какой вы есть, господин Катерна, так будет вернее, — ответил я.

— А госпожу Катерна пригласят на свадьбу?

— А то как же! Подружкой невесты.

Нельзя, конечно, предъявлять слишком строгие требования к свадебному обряду, происходящему в поезде Великого Трансазиатского пути!¹

Ввиду позднего часа, церемония не может состояться в тот же вечер. К тому же Фульк Эфринель, чтобы устроить все как можно более солидно, должен сделать еще кое-какие приготовления. Бракосочетание назначили на завтрашнее утро. Пассажиры были приглашены на торжество, и сам Фарускиар обещал почтить его своим присутствием.

За обедом только и говорили о предстоящей свадьбе. На приветствия и поздравления будущие супруги отвечали с настоящей англосаксонской учтивостью. Все присутствующие изъявили готовность подписаться под брачным контрактом.

— И мы оценим ваши подписи по достоинству! — заявил Фульк Эфринель тоном негоцианта, дающего согласие на сделку.

С наступлением ночи все отправились на покой, предвкушая завтрашнее торжество. Я совершил свою обычную прогулку до вагона, занятого китайскими жандармами, и убедил-

¹ Намек на то, что подружкой невесты во время свадебного обряда не должна быть замужняя женщина.

ся, что сокровища Сына Неба находятся под неусыпным надзором. Пока дежурит одна половина отряда, другая предается сну.

Около часа ночи мне удалось навестить Кинко и передать ему еду, купленную на станции Ния. Молодой румын ободрился и повеселел. Он больше не видит на своем пути препятствий, которые помешают ему бросить якорь в надежной гавани.

— Я толстею в этом ящике,— жалуется он.

— Остерегайтесь,— подсмеиваюсь я,— а то вы не сможете из него вылезти!

И рассказываю ему о предстоящей свадьбе четы Эфринель-Блуэтт, о том, как они собираются отпраздновать свое бракосочетание в поезде.

— Вот счастливцы, им не надо ждать до Пекина!

— Да, конечно,— ответил я,— только мне кажется, что скоропалительный брак, заключенный в таких условиях, не может быть особенно прочен... Но пусть эти оригиналы сами о себе заботятся!

В три часа поезд сделал сорокаминутную остановку на станции Черчен, почти у самых отрогов Куэнь-Луня. Рельсовый путь тянется теперь к северо-востоку, пересекая унылую, безотрадную местность, лишенную деревьев и зелени.

С наступлением дня, когда огромная солончаковая равнина заискрилась и засверкала под лучами солнца, мы находились где-то на середине четырехсоткилометровой дистанции, отделяющей Черчен от Чарклыка.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я проснулся в холодном поту. Мне снился страшный сон, но не такой, который требует истолкования по «Золотому ключу»¹. Нет, и так все ясно! Главарь шайки разбойников Ки Цзан, задумавший овладеть китайскими сокровищами, нападает на поезд в равнине южного Гоби... Вагон взломан, ограблен, опустошен... Золото и драгоценные камни стоимостью в пятнадцать миллионов отбиты у китайской стражи, которая гибнет, храбро защищая императорскую казну... Что же касается пассажиров... Проснись двумя минутами позже, я узнал бы их участь и свою собственную судьбу!

¹ «Золотой ключ» — старинный французский «сонник», книга, истолковывающая сны.

Но все исчезает вместе с ночным туманом. Сны — не то, что фотографические снимки. Они «выгорают» на солнце и стираются в памяти.

Когда я совершал обычный моцион вдоль всего поезда, как примерный буржуа по главной улице своего городка, ко мне подошел майор Нольтиц и указал на монгола, сидевшего во втором классе:

— Он не из тех, что сели в Душаке вместе с Фарускиаром и Гангиром.

— В самом деле, — ответил я, — этого человека я вижу впервые.

В ответ на мой вопрос Попов сообщил, что монгол, на которого указал майор Нольтиц, сел на станции Черчен.

— Могу вам также сказать, — добавляет Попов, — что как только он появился, директор имел с ним недолгую беседу, из чего я заключил, что новый пассажир — один из служащих Компании Великой Трансазиатской магистрали.

Кстати, во время прогулки я не заметил Фарускиара. Не сошел ли он с поезда на одной из промежуточных станций между Черченом и Чарклыком, куда мы должны прибыть около часа пополудни?

Нет, вот он стоит рядом с Гангиром на передней площадке нашего вагона. Они о чем-то оживленно разговаривают, оглядывая то и дело с заметным нетерпением северо-восточный горизонт обширной равнины. Может быть, они узнали от монгола какую-нибудь тревожную новость! И тут я опять предаюсь игре воображения, мне мерещатся всякие приключения, нападения разбойников, как ночью, во сне...

Меня возвращает к действительности преподобный Натаниэль Морз.

— Это состоится сегодня... в девять часов... Пожалуйста, не опоздайте... — напоминает он мне.

Ах да, это он про свадьбу Фулька Эфринеля и мисс Горации Блуэтт... А я о ней совсем позабыл. Надо подготовиться. Раз уж нет у меня с собой другого костюма, я могу по крайней мере, переменить сорочку. В качестве одного из двух свидетелей жениха, мне подобает иметь приличный вид, тем более что второй свидетель, господин Катерна, будет великолепен.

Действительно, комик отправился в багажный вагон — опять мне пришлось дрожать за бедного Кинко! — и там, с помощью Попова, вытащил из своего сундука изрядно поношенный костюм, успех которого, однако, обеспечен на свадебной церемонии: сюртук цвета свежего оливкового масла с металлическими пуговицами и полинявшей бутонашкой в пет-

лице, галстук с неправдоподобно большим бриллиантом, пунцовые панталоны до колен с медными пряжками, пестрый жилет с цветочками, узорчатые чулки, шелковые перчатки, черные бальные башмачки и серую широкополую шляпу. Представляю, сколько деревенских новобрачных, или, скорее, их дядюшек, сыграл наш комик в этом традиционном свадебном наряде! И этот поистине великолепный ансамбль как нельзя лучше гармонирует с его сияющим, гладко выбритым лицом, синеватыми щеками, веселыми глазками и розовыми улыбающимися губами.

Госпожа Катерна вырядилась не хуже мужа. Она извлекла из своего гардероба костюм дружки: красивый корсаж с перекрестной шнуровкой, шерстяную юбку, чулки цвета мальвы, соломенную шляпу с искусственными цветами, которым не хватает лишь запаха. К тому же она слегка насурьмила брови и подрумянила щеки. Ничего не скажешь, настоящая провинциальная субретка! И если наши комедианты согласятся после свадебного ужина разыграть несколько сценок из сельской жизни, то я ручаюсь за успех.

О начале свадебной церемонии, назначенной на девять часов, объявит тендерный колокол; он будет звонить во всю силу, как на колокольне. Немного воображения, и легко представить себе, что ты находишься в деревне. Но куда же будет созывать гостей и свидетелей этот колокол?.. В вагон-ресторан, который как я успел убедиться, неплохо оборудован для предстоящей церемонии.

Это уже не вагон-ресторан, а, если так можно выразиться, салон-вагон. Большой обеденный стол разобрали и вместо него поставили маленький, который должен заменить конторку или бюро. Несколько букетов цветов, купленных на станции Черчен, расставлено по углам вагона, достаточно просторного, чтобы вместить большую часть пассажиров. Впрочем, те, кому не хватит места внутри, могут постоять и на площадках.

На дверях вагонов первого и второго классов были вывешены объявления:

«Мистер. Фульк Эфринель, представитель торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке имеет честь пригласить вас на свое бракосочетание с мисс Горацией Блуэтт, представительницей фирмы Гольмс-Гольм в Лондоне. Брачная церемония состоится в вагоне-ресторане поезда Великой Трансазиатской магистрали 22 мая сего года, ровно в девять часов утра в присутствии преподобного Натаниэля Морза из Бостона».

«Мисс Горация Блуэтт, представительница фирмы Гольмс-Гольм в Лондоне имеет честь пригласить вас на свое

бракосочетание с мистером Фульком Эфринелем, представителем торгового дома Стронг Бульбуль и К° в Нью-Йорке. Брачная церемония состоится...» и т. д.

Ну право же, если я не извлеку из такого события хотя бы сотни строк, значит, я ничего не смыслю в своем ремесле.

А пока суть да дело, я должен справиться у Попова, в каком месте мы будем находиться в эту торжественную минуту.

Попов указывает мне его на карте, приложенной к путеводителю. Поезд будет в ста пятидесяти километрах от станции Чарклык, в пустыне, которую пересекает здесь небольшая река, впадающая в озеро Лобнор. На протяжении двадцати лье не встретится ни одной станции, и очередная остановка не нарушит церемонии.

Само собой разумеется, что я и господин Катерна уже в половине девятого были готовы к исполнению своих обязанностей.

Майор Нольтиц и Пан Шао тоже немножко принарядились по случаю торжества. Вид у майора был весьма серьезный, как у хирурга, собирающегося приступить к ампутации ноги, а китаец скорее походил на насмешливого парижанина, попавшего на деревенскую свадьбу.

Доктор Тио Кин, конечно, не пожелает разлучиться со своим Корнаро, и они явятся на этот скромный праздник, как всегда, вдвоем. Насколько мне известно, благородный венецианец не был женат и не оставил специальных суждений о браке с точки зрения неумеренного расходования основных жизненных соков, если только кое-какие разрозненные замечания не найдутся в начале главы:

*Верные и легкие средства скорой помощи
при различных случаях, опасных для жизни*

— Я могу согласиться, — заметил Пан Шао, только что процитировавший мне эту фразу из Корнаро, — что брак вполне можно отнести к одному из таких опасных случаев.

Восемь часов сорок пять минут. Нюобрачных еще никто не видел. Мисс Горация Блуэтт заперлась в уборной первого вагона, где она, без сомнения, занимается своим свадебным туалетом. По-видимому, и Фульк Эфринель завязывает где-нибудь свой галстук, наводит последний блеск на кольца, брелочки и другие драгоценности своей портативной ювелирной лавки. Меня не беспокоит их отсутствие. Они явятся, как только зазвонит колокол.

Я сожалею лишь о том, что Фарускиар и Гангир чем-то озабочены и, судя по всему, им сейчас не до свадьбы. Почему они продолжают пристально всматриваться в пустынный гори-

зонт? Ведь ничего другого не увидят они в районе озера Лобнор, кроме бесплодной, печальной и мрачной пустыни Гоби, такой, как она рисуется в описаниях Грум-Гржимайло, Блана и Мартена. Интересно знать, что их так тревожит?

— Если предчувствие не обманывает меня, — говорит майор Нольтиц, — тут что-то кроется.

Что он хочет этим сказать?.. Но некогда раздумывать: тендерный колокол шлет уже веселые призывы. Девять часов. Пора идти в вагон-ресторан.

Господин Катерна становится в пару со мной и бойко напевает:

Это колокол на башенке
Вдруг так нежно зазвучал...

А госпожа Катерна отвечает на трио из «Белой дамы»¹ припевом из «Вийярских драгунов»:²

И звон, звон, звон,
И звон, и перезвон...

показывая театральным жестом, будто дергает за веревку.

Пассажиры торжественно направляются в вагон-ресторан. Шествие возглавляют четверо свидетелей, а за ними с обоих концов деревни — я хотел сказать, поезда — идут приглашенные. Среди них — китайцы, туркмены и несколько татар. Всем хочется побывать на свадьбе.

Священник сидит в вагоне-ресторане за маленьким столом, на котором красуется брачный договор, составленный Натаниэлем Морзом в соответствии с требованиями будущих супругов. Видимо, он привык к такого рода операциям, настолько же коммерческим: как и матримониальным.

А жениха и невесты все еще нет.

— Неужели они передумали? — говорю я комику.

— Если и передумали, — со смехом отвечает господин Катерна, — то пусть преподобный вторично обвенчает меня с моей женой. Недаром же мы надели свадебные наряды!.. Да и другим будет не обидно. Правда, Каролина?

— Конечно, Адольф, — не без жеманства отвечает ему су-бретка.

Однако повторное бракосочетание супругов Катерна не состоится. Вот он, Фульк Эфринель, одетый в это утро точно так же, как и вчера, и — любопытная подробность! — с карандашом за левым ухом: добросовестный маклер только что за-

¹ «Белая дама» — опера французского композитора Буальдьё, поставлена в 1825 году.

² «Вийярские драгуны» — комическая опера французского композитора Майяра, написана в 1856 году.

кончил какую-то калькуляцию для своего торгового дома в Нью-Йорке.

А вот и мисс Горация Блуэтт, тощая, сухопарая и плоская, какой только может быть английская маклерша. Поверх дорожного платья она накинула плащ, а взамен украшений на поясе у нее бренчит связка ключей.

Все присутствующие вежливо встают при появлении новобрачных, а те, поклонившись направо и налево, и, «переведя дух», как сказал бы господин Катерна, медленно подходят к священнику, который стоит, положив руку на библию, открытую, несомненно, на той самой странице, где Исаак, сын Авраама и Сарры, берет в жены Ревекку, дочь Рахили.

Если бы еще зазвучала приличествующая обряду органная музыка, то легко было бы вообразить, что находишься в церкви.

Но есть и музыка! Правда, это не орган, а всего лишь гармоника, которую не забыл захватить с собой господин Катерна. Как бывший моряк, он умеет обращаться с этим орудием пытки и демонстрирует свое искусство, стараясь воспроизвести слащавое анданте из «Нормы»¹ с типичными для гармоник заунывными интонациями.

Старомодная мелодия, которая так темпераментно звучит на этом инструменте, по-видимому, доставляет большое удовольствие уроженцам Центральной Азии. Но всему на свете приходит конец, даже анданте из «Нормы».

Преподобный Натаниэль Морз обращается к молодым супругам со свадебным спичем, который, надо думать, ему не раз уже приходилось произносить.

«Две души, слившиеся воедино... Плоть от плоти... Плодитесь и размножайтесь...»

Мне думается, он поступил бы лучше, если бы пробормотал скороговоркой, как простой нотариус: «В нашем, священника-нотариуса, присутствии Эфринель Блуэтт и К° составили настоящий...»

К сожалению, я не могу закончить мою мысль. Со стороны локомотива доносятся крики. Пронзительно скрипят тормоза. Поезд резко замедляет ход, вздрагивает от сильных толчков и останавливается, взметая тучи песка.

Какое грубое вмешательство в брачную церемонию! В вагоне-ресторане все опрокинулось — люди и мебель, новобрачные и свидетели. Никто не удержался на ногах. Невообразимая свалка сопровождается криками ужаса и протяжными стонами... Но, тороплюсь заметить, никто не получил серьезных повреждений, так как остановка не была мгновенной.

— Быстрее выходите... торопитесь! — кричит мне майор.

¹ «Норма» — опера итальянского композитора Венченцо Беллини, поставлена в 1831 году.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ушибленные и перепуганные пассажиры в ту же минуту выбежали из вагонов. Среди всеобщего смятения и растерянности слышались со всех сторон только жалобы и недоуменные вопросы на трех или четырех языках.

Фарускиар с Гангиром и четверо монголов первые выскакивают на полотно и выстраиваются на пути, вооруженные револьверами и кинжалами. Нет никакого сомнения: остановка поезда подстроена злоумышленниками с целью грабежа.

И действительно, рельсы сняты на протяжении около ста метров, и локомотив, очутившись на шпалах, уперся в песчаный бугор.

— Как! Дорога еще не достроена, а билеты выдаются от Тифлиса до Пекина?.. Но ведь я для того только и поехал трансазиатским поездом, чтобы сократить себе кругосветное путешествие на девять дней!

Узнаю сердитый голос барона, упрекающего Попова на немецком языке. Но на этот раз он должен обвинять не инженеров железнодорожной Компании, а кого-то другого.

Мы обступаем Попова с расспросами, а майор Нольтиц не сводит глаз с Фарускиара и монголов.

— Барон не прав,— отвечает нам Попов.— Дорога вполне закончена, а рельсы кто-то снял с преступными намерениями.

— Чтобы задержать поезд! — восклицаю я.

— И чтобы похитить сокровища, которые он везет в Пекин,— добавляет господин Катерна.

— Это несомненно,— говорит Попов.— И мы должны быть готовы отбить нападение.

— Кто эти разбойники? — спрашиваю я.— Не Ки Цзан ли со своей шайкой?

Имя грозного бандита приводит пассажиров в трепет.

— Почему непременно Ки Цзан... а не Фарускиар? — тихо говорит мне майор.

— Что вы, он один из директоров дороги!..

— Допустим. Но если справедливы слухи, что Компания вошла в сделку с некоторыми предводителями банд, чтобы обеспечить движение поездов...

— Никогда я этому не поверю, майор!

— Как вам угодно, господин Бомбарнак, но Фарускиар-то ведь знал, что в «траурном» вагоне...

— Полно, майор, сейчас не до шуток!

— Да, сейчас не до шуток. Мы должны защищаться и защищаться со всей решительностью.

Китайский офицер расставил своих солдат вокруг вагона с сокровищами. Солдат было двадцать, да нас, пассажиров, не считая женщин, десятка три. Попов роздал оружие — его всегда держат в поезде на случай нападения. Майор Нольтиц, Катерна, Пан Шао, Фульк Эфринель, машинист и кочегар, путешественники, как азиатского происхождения, так и европейцы — все решили сражаться ради общего спасения.

По правую сторону, приблизительно в ста шагах от полотна — дремучие заросли кустарника. Там, по всей вероятности, и скрываются разбойники, готовые с минуты на минуту броситься в атаку.

Вдруг раздаются воинственные крики. Ветки раздвигаются, пропуская засевшую в кустарнике банду — около шестидесяти гобийских монголов. Если разбойники осилят, поезд будет разграблен, миллионы похищены и — что непосредственно касается нас — пассажиры будут безжалостно перебиты.

А как ведет себя господин Фарускиар, так несправедливо заподозренный майором Нольтицем? Он словно преобразился: стал еще выше, стройнее, красивое лицо побледнело, в глазах сверкают молнии.

Пусть я ошибся насчет мандарина Иен Лу, но, по крайней мере, не принял директора железнодорожной Компании за пресловутого юньнаньского бандита!

Как только показались разбойники, Попов велел госпоже Катерна, мисс Горации Блуэтт и всем другим женщинам вернуться в вагоны.

Я вооружен только шестизарядным револьвером, но стараюсь не выпустить зря ни одной пули. Я мечтал о приключениях, происшествиях, сенсациях... Так вот они! Теперь будет о чем порассказать читателям. Хроникер не останется без хроники, если только выйдет целым и невредимым из переделки, к чести репортажа и к вящей славе «XX века»!

А не удастся ли с самого начала пустить пулю в лоб атаману шайки, чтобы заставить нападающих отступить? Дело сразу бы обернулось в нашу пользу.

Разбойники дают залп, потрясают оружием, выпускают дикие крики. Фарускиар, с пистолетом в одной руке и с кинжалом в другой, бросается в атаку, подбодряя словами и жестами Гангира и четырех монголов, которые не отстают от него ни на шаг. Мы с майором Нольтицем устремляемся в гущу боя, но нас опережает господин Катерна. Рот у него открыт,

белые зубы оскалены, глаза прищурены. Теперь он не опереточный комик, а прежний бывалый матрос!

— Эти мерзавцы, — кричит он, — лезут на абордаж! Пираты хотят нас потопить! Вперед, вперед, за честь флага! Пли с штирборта! Пли с бакборта!¹ Огонь с обоих бортов!

И он вооружен не театральным кинжалом, и не пистолетом, заряженным безобидным порошком. Нет! В обеих руках у него по настоящему револьверу, из которых он палит направо и налево — с штирборта, с бакборта и с обоих бортов!

Молодой Пан Шао тоже храбро сражается, не переставая улыбаться и увлекая за собой остальных пассажиров — китайцев. Попов и вся поездная прислуга смело выполняют свой долг. Даже сэр Фрэнсис Травельян, из Травельян-Голла в Травельянишире сражается с присущей ему хладнокровной методичностью, а Фульк Эфринель — с бешенством истого янки, приведенного в ярость не только нарушением свадебного обряда, но и опасностью, угрожающей его сорока двум ящикам искусственных зубов. И я не знаю, какое из этих двух чувств перевешивает в сознании практичного американца.

Короче говоря, шайка злодеев наткнулась на такое энергичное сопротивление, какого она совсем не ждала.

А барон Вейсшнитцердёрфер? О, барон — один из самых неустрашимых бойцов. На его губах выступила кровавая пена, он взбешен до исступления, ничего не видит и не слышит, рискуя стать первой жертвой резни. Его приходится все время выручать. Снятые рельсы, остановленный поезд, дерзкое нападение посреди пустыни Гоби, досадная задержка — все это может привести к опозданию на пароход в Тяньцзине, нарушить расписание первой четверти маршрута, испортить кругосветное путешествие! Какой щелчок по германскому самоллюбию!

Величественный Фарускиар, мой герой — не могу назвать его иначе — выказывает чудеса храбрости. Расстреляв весь револьверный заряд, он действует кинжалом, как человек, не раз глядевший в лицо смерти и нисколько ее не боящийся.

С обеих сторон есть раненые, а быть может, и убитые. Несколько пассажиров неподвижно лежат на пути. Живы ли они? У меня слегка задето пулей плечо, но я не обращаю внимания на эту пустую царалину. Преподобный Натаниэль Морз, несмотря на свой духовный сан, сражается как настоящий воин и, судя по тому, как он обращается с оружием, можно заключить, что в этом деле он не новичок.

¹ Штирборт — правый борт; бакборт — левый борт.

У господина Катерна прострелена шляпа, не забудьте, та самая широкополая серая шляпа сельского новобрачного, которую он извлек из своего актерского гардероба, и это дает ему повод разразиться виртуозной матросской бранью; вслед за тем, тщательно прицелившись, он убивает наповал бандита, осмелившегося продырявить его головной убор.

Вот уже десять минут, как продолжается битва. С обеих сторон увеличивается число выбывших из строя, а исход боя все еще сомнителен. Фарускиар, Гангир и монголы, теснимые разбойниками, отступают к драгоценному вагону, от которого не отходят китайские солдаты. Двое или трое из них уже смертельно ранены, и сам офицер только что убит пулей в голову. И тут мой герой делает все, что только может сделать самое беззаветное мужество для защиты сокровищ Сына Неба.

Продолжительность битвы очень меня тревожит. Она, конечно, не прекратится до тех пор, пока атаман шайки, высокий чернобородый человек, не перестанет бросать своих молодцов на штурм поезда. До сих пор пули щадят его и, несмотря на все наши усилия, он медленно, но верно продвигается вперед. Неужели мы вынуждены будем укрыться в вагонах, как за стенами крепости, и отстреливаться оттуда до той минуты, пока не падет последний из нас? А это непременно случится, и даже очень скоро, если бандиты не перестанут нас теснить...

Теперь к шуму выстрелов присоединяются крики женщин; некоторые из них, совершенно обезумев, выбегают на площадки, хотя мисс Горация Блуэтт и госпожа Катерна стараются удержать их внутри вагона. Правда, стенки в нескольких местах пробиты пулями, и я задаю себе вопрос: не ранен ли Кинко?

Майор Нольтиц говорит мне:

— Плохи наши дела!

— Да, дела неважны,— отвечаю я,— да и заряды кажется, на исходе. Необходимо вывести из строя атамана. Пойдемте, майор.

Но то, что хотели сделать мы, делает в ту же минуту другой — господин Фарускиар. Ловко отражая направленные на него удары, он прорывает ряды нападающих и отбрасывает их от полотна... И вот он уже лицом к лицу с главарем банды... заносит кинжал... поражает его прямо в грудь.

Разбойники тотчас же отступают, даже не подобрав убитых и раненых. Одни удирают в степь, другие исчезают в кустарнике. К чему их преследовать, если битва кончилась в нашу пользу? И я смело могу утверждать, что нашим спасением

мы обязаны только удивительной храбрости великолепнейшего Фарускиара. Не будь его, вряд ли была бы написана эта книга.

Но атаман разбойников еще жив, хотя кровь струится у него из раны.

И тут последовала сцена, которая навсегда запечатлелась в моей памяти.

Разбойник упал на одно колено, вытянув одну руку вперед, а другой опираясь о землю.

Фарускиар стоит над ним, подавляя его своим высоким ростом.

Сделав последнее усилие, атаман выпрямляется, угрожающе подымает руку, смотрит на врага в упор...

Последний удар кинжала пронзает ему сердце.

Тогда Фарускиар оборачивается и, как ни в чем не бывало, произносит по-русски.

— Ки Цзан умер, и так будет со всяким, кто осмелится пойти против Сына Неба!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Так значит, Ки Цзан произвел в пустыне Гоби нападение на поезд! Юньнаньский разбойник все-таки узнал, что к составу прицеплен вагон с золотом и драгоценными камнями на огромную сумму! И чему тут удивляться, если об этой новости писали даже в газетах, в том числе и парижских? У Ки Цзана было достаточно времени, чтобы подготовиться к нападению: разобрать рельсы, застопорить движение и устроить засаду. Не повергни его к своим ногам вельможный Фарускиар, разбойник не только завладел бы императорской казной, но и перебил пассажиров. Теперь я понимаю, почему наш спаситель проявлял с самого утра беспокойство и так упорно всматривался в пустынный горизонт. Монгол, севший в Черчене, по-видимому, предупредил его о намерениях Ки Цзана, и теперь нам уже не страшен этот разбойник. Правда, директор Правления Трансазиатской дороги учинил над ним суровую расправу, но в монгольской пустыне нельзя быть очень требовательным к правосудию. Там еще нет судебной администрации — к счастью для монголов.

— Теперь, я полагаю, вы откажетесь от своих подозрений насчет Фарускиара? — спросил я майора Нольтица.

— До известной степени, господин Бомбарнак.

— До известной степени?.. Черт возьми, однако и требователен же майор Нольтиц!

Прежде всего мы должны установить потери.

С нашей стороны трое убитых — среди них китайский офицер — и двенадцать раненых, причем четверо ранены тяжело, а остальные не настолько серьезно, чтобы не быть в состоянии доехать до Пекина. Попов отделался ссадиной, а первый комик царапиной, которую госпожа Катерна сама хочет перевязать.

Майор велел перенести раненых в вагоны и поспешил оказать им первую помощь. Доктор Тио Кин тоже предложил свои услуги, но все предпочитают русского военного врача, и я это понимаю. Что же касается наших спутников, павших в бою, то их решили отвезти на ближайшую станцию, где им отдадут последний долг.

Бандиты, как я уже говорил, бросили своих мертвых. Мы прикрыли их песком и перестали о них думать.

Поезд был остановлен на половине пути между Чарклыком и Черченем. На той и на другой станции нам обеспечена помощь, но, к несчастью, Ки Цзан нарушил телефонную связь — снимая рельсы, он повалил и телеграфные столбы.

Прежде всего нужно поставить локомотив на рельсы, затем вернуться в Черчен и дожидаться там, пока рабочие не восстановят путь. На это потребуются, если не будет никаких других задержек, около двух суток.

Мы беремся за дело, не теряя ни минуты. Пассажиры охотно помогают Попову и персоналу поезда, в распоряжении которых имеются все необходимые инструменты — домкраты, рычаги, молотки, английские ключи. После трех часов работы удастся, не без труда, поставить на рельсы тендер и локомотив.

Самое главное сделано. Теперь нужно дать машине задний ход и на малой скорости вернуться в Черчен. Но какая потеря времени, какое опоздание! Вы можете представить, как отчаянно бранится барон, сколько разных «teufel» «donnerwetter» и прочих германских ругательств, срывающихся с его губ!

Я забыл сказать, что после разгрома бандитской шайки все пассажиры, и первым из них ваш покорный слуга, сочли своим долгом поблагодарить господина Фарускиара. Наш спаситель принял слова благодарности с достоинством истинно восточного человека.

— Я только исполнил свою обязанность. как один из ди-

ректоров Правления Великой Трансазиатской магистрали,— ответил он с благородной скромностью.

Затем, по его приказанию, монголы взяли на себя часть работы, и я должен заметить, что они проявили исключительное рвение, заслужив наши искренние похвалы.

Тем временем Фарускиар и Гангир о чем-то долго совещались в сторонке, и, наконец, с их стороны последовало неожиданное предложение.

— Господин начальник поезда,— обратился Фарускиар к Попову,— я убежден, что в интересах пассажиров не возвращаться назад, а ехать вперед к Чаркльку.

— Да, без сомнения, господин директор,— ответил Попов,— но рельсы-то ведь сняты... Пока не починят путь, мы не сможем двинуться вперед.

— Рельсы сняты, но мы сами сможем их уложить, хотя бы на первый случай, чтобы пропустить только наш поезд.

Предложение дельное и вполне заслуживает внимания. Поэтому мы все собрались обсудить его — майор Нольтиц, Пан Шао, Фульк Эфринель, господин Катерна, американский священник, барон Вейсшнитцердёрфер и еще человек десять пассажиров, владеющих русским языком.

Фарускиар продолжал:

— Я только что прошел по разрушенному участку пути. Почти все шпалы на месте, а рельсы только отвинчены и брошены тут же на песке. Их можно снова закрепить и осторожно провести по ним поезд. Работа займет не больше суток, а еще через пять часов мы будем в Чаркльке.

Превосходная мысль! Все ее поддерживают, особенно барон. Этот план вполне осуществим, а если, паче чаяния, не хватит нескольких полос, можно будет перенести вперед те рельсы, которые останутся позади поезда.

Ну и молодчина, Фарускиар! В критическую минуту он оказался на высоте и завоевал всеобщее уважение. Вот исключительная личность, которой не доставало моей хронике! Теперь уж я растроблю о нем на весь мир, во все свои репортерские трубы!

Как недалновиден был майор Нольтиц, заподозрив в нем соперника Ки Цзана, разбойника, только что понесшего от руки Фарускиара заслуженную кару за свои злодеяния!

Первым делом занялись укладкой и укреплением шпал там, где они были сняты или повреждены.

Улучив минутку, я пробрался, не боясь быть замеченным среди всеобщей суеты, в багажный вагон, и удостоверился, что Кинко цел и невредим. Я сообщил ему о случившемся, по-

советовал соблюдать осторожность и предупредил, чтобы он не смел выходить из своего ящика. Он обещал мне это, и теперь я за него спокоен.

Было около трех часов, когда мы взялись за работу. Рельсы оказались снятыми на участке в сотню метров. Согласившись с Фарускиаром, мы не стали их наглухо закреплять. Этим займутся рабочие, которых пришлют из Чарклька, после того, как наш поезд достигнет этой станции, одной из самых значительных на Трансазиатской магистрали.

Так как рельсы довольно тяжелы, мы разбиваемся на группы. Все пассажиры, как первого, так и второго класса, работают не покладая рук. Барон трудится с таким азартом, что его приходится сдерживать. И Фульк Эфринель, даже не заикаясь о прерванной свадьбе, словно он и не думал жениться — делу — время, потехе — час! — старается за четверых. Неотстает от других и Пан Шао, и сам доктор Тио Кин пытается быть полезным, напоминая муху из басни, которая захотела сдвинуть воз.

— Черт побери это горячее гобийское солнце! До чего же беспощаден «король лучей»! — то и дело восклицает господин Катерна.

Один лишь сэр Фрэнсис Травельян из Травельян-Голла в Травельяншире спокойно сидит в вагоне на своем месте. Невозмутимый джентльмен предпочитает ни во что не вмешиваться.

К семи часам восстановлено метров тридцать пути. Скоро стемнеет. Решили сделать перерыв до утра. После полудня работа будет окончена, и поезд пойдет дальше.

Наутро, как только рассвело, работа возобновилась. Погода прекрасная, день обещает быть жарким. 24 мая в открытой пустыне Центральной Азии температура такова, что можно варить яйца вкрутую, слегка прикрыв их песком.

Работа кипит. Все трудятся с не меньшим усердием, чем накануне. Рельсы, уложенные на шпалы, закрепляют на стыках. Ремонт пути быстро продвигается. К четырем часам дня починка дороги закончена.

Локомотив разводит пары и медленно движется вперед. Мы дружно подталкиваем вагоны, чтобы они не сошли с рельсов.

Опасное место пройдено, и путь свободен теперь до Чарклька... Что я говорю? — до Пекина!

Мы занимаем свои места, и когда Попов дает сигнал к отправлению, господин Катерна запекает победную песню моряков с адмиральского корабля «Гайде».

В ответ раздаются громкие ура!

В десять часов вечера поезд приходит на станцию Чарклык с опозданием на тридцать часов. Но разве не достаточно и тридцати минут, чтобы барон Вейсшнитцердёрфер пропустил пароход из Тяньцзиня в Иокогаму?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я жаждал приключений и получил даже с избытком. Не будь с нашей стороны жертв, я мог бы поблагодарить бога репортеров. Сам я, как вы знаете, благополучно отделался, и все мои номера целы и невредимы. Несколько пустяковых царапин не в счет. Больше всех пострадал номер 4 — пуля продырявила его роскошную свадебную шляпу.

Теперь у меня в перспективе только возобновление брачной церемонии Блуэтт — Эфринель и развязка авантюры Кинко. Господин Фарускиар уже сыграл свою роль и вряд ли приготовит нам какой-нибудь новый сюрприз. Впрочем, еще могут быть всякие неожиданности — ведь до Пекина ехать целых пять суток. Благодаря опозданию, в котором повинен Ки Цзан, наш путь от Узун-Ада будет продолжаться тринадцать дней.

Тринадцать дней... И в записной книжке у меня тринадцать номеров — чертова дюжина!.. Хорошо, что я не суеверен!

В Чарклыке поезд стоял три часа. Мы заявили о нападении на поезд, передали убитых китайским властям, взявшим на себя заботу о погребении, а тяжело раненных переправили в госпиталь. По словам Пан Шао, Чарклык — довольно многолюдный поселок, и я жалею, что у меня не было возможности его осмотреть.

Начальник станции сразу же выслал рабочий поезд для починки поврежденного пути и телеграфной линии. Не пройдет и двух дней, как движение будет полностью восстановлено.

Нечего и говорить, что господин Фарускиар, как один из директоров Компании, помог своим авторитетом выполнить в Чарклыке все необходимые формальности. Его деловые качества выше всяких похвал, и не даром железнодорожные служащие относятся к нему с таким почтением.

В три часа утра мы прибыли на станцию Карабуран, где стояли лишь несколько минут. В этом месте железная дорога пересекает путь Габриэля Бонвало и принца Генриха Орлеанского, совершивших в 1889—1890 годах путешествие по Тибету. Избранный путь маршрут был куда длиннее, труднее и опаснее

нашего. Он проходил по круговой линии из Парижа в Париж — через Берлин, Петербург, Москву, Нижний-Новгород, Пермь, Тобольск, Омск, Семипалатинск, Кульджу, Чарклык, Батан, Юньнань, Ханой, Сайгон, Сингапур, Цейлон, Аден, Суэц и Марсель — вокруг Азии и Европы.

Рельсовый путь направляется теперь вдоль Наньшаньских гор, еще дальше к востоку, к озеру Хара-Нур. В гористой области Цайдам дорога делает частые повороты, огибая крутые склоны. Большого города Ланьчжоу мы достигнем кружным путем.

Печальный и хмурый ландшафт отнюдь не соответствует настроению пассажиров. У них нет никаких оснований печалиться и хмуриться. День обещает быть прекрасным. Щедрые солнечные лучи, насколько хватает глаз, заливают золотистым светом пески пустыни Гоби. От Лобнора до Хара-Нура более пятисот километров, и на перегоне между этими двумя озерами закончится так некстати прерванное бракосочетание Фулька Эфринеля и мисс Горации Блуэтт. Будем надеяться, что никакое происшествие на этот раз не помешает счастью молодоженов.

С утра пораньше вагон-ресторан снова превратили в салон и приспособили для предстоящей церемонии. И свидетели, и будущие супруги опять вошли в свою роль.

Преподобный Натаниэль Морз предупреждает нас, что свадьба назначена на девять часов и передает приветы от мистера Фулька Эфринеля и мисс Горации Блуэтт.

Майор Нольтиц и ваш покорный слуга, господин Катерна и Пан Шао обещают в назначенное время быть во всеоружии.

Однако первый комик и субретка не сочли нужным вновь облачиться в театральные костюмы сельских новобрачных. Они нарядятся лишь к званому обеду, который будет подан в восемь часов вечера для свидетелей и некоторых пассажиров первого класса. Господин Катерна, подмигивая левым глазом, дает мне понять, что за десертом нас ожидает сюрприз. Интересно знать, какой? Но из скромности я не стал его спрашивать.

Незадолго до девяти часов раздаются удары тендерного колокола.

Нет, это не тревога! Веселый звон приглашает нас в вагон-ресторан, и мы направляемся торжественной процессией к месту священнодействия.

Мистер Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт уже сидят у столика напротив пастора.

На площадках и в тамбурах толпятся любопытные, стара-
ясь хоть краем глаза увидеть свадебную церемонию.

Фарускиар и Гангир, получившие персональные пригла-
шения, являются позже других. Все встают, встречая их по-
чтительными поклонами. Они тоже должны подписаться под
брачным договором. Для молодоженов это большая честь,
и если бы я решил жениться, то был бы весьма польщен сог-
ласием такого знаменитого человека, как Фарускиар, поста-
вить свой автограф на последней странице моего брачного
контракта.

Церемония возобновилась, и на этот раз ничего не поме-
шало преподобному Натаниэлю Морзу закончить спич, так
досадно прерванный третьего дня. Ни он, ни присутствующие
не были сбиты с ног непредвиденной остановкой поезда.

Жених и невеста — мы вправе еще их так называть — вста-
ют по знаку священника, который спрашивает, по обоюдному
ли согласию они вступают в брак.

Прежде чем ответить священнику, мисс Горация Блуэтт,
обернувшись лицом к жениху, говорит ему, поджимая губы:

— Итак, решено, что фирме Гольмс-Гольм будет причи-
таться двадцать пять процентов доходов нашего предприятия!

— Пятнадцать, — отвечает Фульк Эфринель, — хватит и пят-
надцати!

— Это было бы несправедливо, раз я согласилась предо-
ставить тридцать процентов торговому дому Стронг Бульбуль
и К°.

— Ну, ладно, мисс Блуэтт, помиримся на двадцати процен-
тах.

— Но это только для вас! — прибавляет вполголоса госпо-
дин Катерна.

— В таком случае, по рукам, мистер Эфринель.

Мне показалось в ту минуту, что свадьба находится под
угрозой из-за этих злополучных пяти процентов.

Однако сделка состоялась к обоюдной выгоде обоих тор-
говых домов. Преподобный Натаниэль Морз повторяет свой
вопрос.

Сухое «да» мисс Горации Блуэтт, отрывистое «да» мистера
Фулька Эфринеля, и все кончено: жених и невеста стали му-
жем и женой.

Под брачным контрактом подписываются: сначала моло-
дые, затем свидетели, потом господин директор Фарускиар и,
наконец, все приглашенные. Теперь очередь за священником,
который скрепляет документ своим именем, званием и рос-
черком.

— Вот они и скованы на всю жизнь, — говорит мне первый комик, ухмыляясь.

— На всю жизнь, как пара снегирей! — подхватывает субретка, не забывшая, что эти птицы отличаются верностью в любви.

— В Китае, — замечает молодой Пан Шао, — не снегيري, а пекинские утки символизируют супружескую верность.

— Утки или снегيري — это все едино! — философски изрекает господин Катерна.

Брачная церемония закончилась. Приняв поздравления, молодые супруги вернулись к своим делам: мистер Эфринель к торговому балансу, миссис Эфринель к приходно-расходной книге. В поезде ничто не изменилось: лишь прибавилась еще одна супружеская чета.

Мы тоже занимаемся своими делами. Майор Нольтиц, Пан Шао и я курим на площадке, а комическая пара что-то репетирует в своем углу — должно быть, они готовят обещанный вечерний сюрприз.

В окружающем пейзаже нет никакого разнообразия — все та же унылая пустыня Гоби с вершинами Гумбольдтовых гор с правой стороны, соединяющихся Тянь-шаньской цепью. Редкие станции представляют собой довольно неприглядное зрелище: среди нескольких разбросанных лачуг возвышается, как монумент, домик путевого обходчика. Время от времени на таких полустанках мы запасаемся водой и топливом. Приближение настоящего Китая, многолюдного и трудолюбивого, почувствуется только за Хара-Нуром, где мы увидим настоящие города.

Эта часть пустыни Гоби несколько не походит на те области восточного Туркестана, которые мы оставили за Кашгаром. Поезд идет сейчас по местности, настолько же новой для Пан Шао и доктора Тио Кина, как и для нас, европейцев.

День прошел без всяких приключений. Поезд опять сбавил скорость, делая не больше сорока километров в час, но, несомненно, довел бы ее до восьмидесяти километров, если бы были приняты во внимание жалобы барона Вейсшнитцердёрфера. По правде говоря, китайские машинисты и кочегары даже и не пытаются наверстывать время, потерянное между Черченом и Чаркльком.

В семь часов вечера — пятидесятиминутная остановка на берегу Хара-Нура. Озеро это, не столь обширное, как Лобнор, вбирает в себя воды реки Сулэхэ, берущей начало в Наньшаньских горах¹. После утомительного однообразия пусты-

¹ Здесь допущена ошибка. Хара-Нур — бессточное озеро.

ни взоры наши чарует пышная зелень, окаймляющая южный берег. Приятное оживление вносят стайки порхающих птиц.

В восемь вечера, когда мы отъезжали от вокзала, солнце еще только садилось за песчаными дюнами, а над горизонтом уже расстилались сумерки. Это походило на мираж, который создавали нагретые за день нижние слои атмосферы.

Не успел поезд тронуться, как мы собрались в вагоне-ресторане, который принял свой обычный вид. Но то был не обычный ужин, а свадебная трапеза — своего рода железнодорожная тайная вечеря¹. В ней должны принять участие человек двадцать гостей во главе с великолепным Фарускиаром. Но, — кто бы мог подумать? — он отклонил по какой-то непонятной причине приглашение Фулька Эфринеля.

Я очень пожалел об этом, так как надеялся занять место рядом с ним.

Конечно, я сообщу «XX веку» о подвиге Фарускиара. Пусть публика узнает и запомнит его имя! Я пошлю в Париж телеграмму, как бы дорого она ни стоила: такое известие оправдает любые расходы. Уж на этот раз я не получу выговора от редакции! Тут не может быть никакой ошибки, вроде той, что произошла у меня с мандарином Иен Лу. Она остается на моей совести, несмотря на то, что попался я на удочку в стране лже-Смердиса². Пусть хоть это послужит мне оправданием!

Значит, решено. Как только мы прибудем в Сучжоу, я немедленно даю телеграмму. Славное имя Фарускиара должно прогреметь на всю Европу! К тому времени испорченный участок пути, а вместе с ним и телеграфная линия будут полностью восстановлены.

И вот мы сидим за столом. Фульк Эфринель постарался все устроить наилучшим образом. Свежая провизия для настоящего пиршества была закуплена в Чарклыке. Но кухня теперь не русская, а китайская, и руководит приготовлением блюд китайский повар. К счастью, нам не придется есть палочками: в поезде Великой Трансзиатской магистрали ножи и вилки допускаются даже и при китайских кушаньях.

Я сижу слева от миссис Эфринель, а майор Нольтиц — справа от Фулька Эфринеля. Остальные гости расселись, как пришлось. Немецкий барон, не способный дуться и отнекиваться, если маячит лакомый кусок, тоже находится в числе

¹ Тайная вечеря — в евангельской легенде последняя вечерняя трапеза Христа со своими учениками-апостолами.

² Смердис — сын персидского царя Кира (VI в. до н. э.) — был убит своим братом, который держал в тайне его смерть, в то время, как жрец Момата выдавал себя за убитого Смердиса.

приглашенных. Другое дело сэр Фрэнсис Травельян — тот даже и бровью не повел, когда был позван на свадебный пир.

Сначала были поданы супы — с курицей и яйцами чибиса; затем — ласточкины гнезда, расчлененные на тонкие нити, рагу из крабов, воробьиные горлышки, хрустящие свиные ножки под соусом, бараньи мозги, жаренные в масле трепанги, плавники акулы, клейкие и тягучие; наконец — побеги молодого бамбука в собственном соку, корни кувшинок в сахаре и много других невероятных китайских кушаний, запиваемых подогретым в металлических чайниках шао-сингским вином.

Праздник проходит оживленно, весело и, можно даже сказать, в интимной обстановке. Однако молодой супруг, как это ни странно, не уделяет ни малейшего внимания молодой супруге и... наоборот.

А наш первый комик, вот неугомонный балагур! Из него так и сыплются залежалые анекдоты, непонятные большинству прибаутки и допотопные каламбуры, которые кажутся ему верхом остроумия. И он так заразительно хохочет, что невозможно не засмеяться вместе с ним. Ему захотелось во что бы то ни стало узнать несколько китайских слов, и когда Пан Шао говорит ему, что «чин-чин» значит спасибо, он принимается по всякому поводу «чинчинить», корча при этом уморительные рожи.

Потом приходит черед и до песен — французских, русских, китайских. Пан Шао поет «Шанг-Туо-Чинг» или «Песню мечты», из которой я узнаю, что «цветы персика особенно хорошо пахнут при третьей луне, а цветы гранатового дерева — при пятой».

Праздник окончился только в полночь. Мы вернулись на свои места и сразу же улеглись спать. Никто из нас не слышал, как объявляли названия станций, предшествующих Сучжоу.

Местность заметно меняется по мере того, как железная дорога, огибая восточные отроги Наньшанских гор, спускается ниже сороковой параллели. Пустыня постепенно исчезает, видны многочисленные поселки, плотность населения возрастает. Вместо безнадежно-унылых песчаных пространств повсюду расстилаются зеленые равнины и нередко даже рисовые поля. С окрестных гор сюда сбегает быстрые ручьи и полноводные реки. После тоскливого однообразия Каракумов, после безотрадных гобийских песков мы можем только порадоваться такой перемене! От самого Каспийского моря пустыни беспрестанно сменялись пустынями, за исключением небольшого отрезка пути, проходящего по массивам Памирского плоскогорья. Теперь, приближаясь к Пекину, поезд Великой

Трансазиатской магистрали будет проезжать живописные долины с едва различимыми на горизонте очертаниями далеких гор. Мы вступили в Китай, в настоящий Китай с его шелковыми ширмами и фарфоровыми вазами — на территорию обширной провинции Ганьсу!

Через три дня мы достигнем конечной станции, и не мне, газетному репортеру, привыкшему к жизни на колесах, жаловаться на продолжительность и тяготы путешествия. Скорее пристало роптать Кинко, запертому в своем ящике, и хорошенькой Зинке Клорк, с тоской и нетерпением ожидающей его в Пекине, на улице Ша-Хуа.

Мы останавливаемся в Сучжоу на два часа. Первым делом я бегу в телеграфную контору. Услужливый Пан Шао охотно соглашается быть моим посредником. Телеграфист сообщает нам что столбы на линии подняты и депеши передаются без всякого промедления.

Я тотчас же отправляю «XX веку» такую телеграмму:

СУЧЖОУ 25 МАЯ 2 ЧАСА 25 МИНУТ ПОПОЛУДНИ

Между Черченем и Чарклым поезд подвергся нападению бандитской шайки знаменитого разбойника Ки Цзана пассажиры отбили атаку сокровища китайского императора спасены обеих сторон убитые и раненые атаман убит отважным монголом Фарускиаром директором Правления Великой Трансазиатской магистрали его подвиг заслуживает всеобщего восхищения

Двух часов на осмотр Сучжоу, разумеется, недостаточно.

До сих пор мы видели в Туркестане по два смежных города, старый и новый. В Китае же, как сообщает мне Пан Шао, многие города, например, Пекин, состоят из двух, трех и даже четырех городов, включенных один в другой.

Так и здесь: Тайчжоу — внешний город, а Сучжоу — внутренний. Больше всего поразило нас то, что оба они выглядят опустошенными. Повсюду следы пожарищ, полуразрушенные пагоды и дома, неубранные груды обломков. Эти печальные следы оставлены не временем, а войной. Сучжоу несколько раз переходил из рук в руки — то в город врывались мусульмане, то его обратно отбивали китайцы, и эта варварская борьба

каждый раз заканчивалась разрушением зданий и беспощадным избиением жителей, без различия пола и возраста.

В Сучжоу есть одна достопримечательность, заслуживающая внимания туристов: как раз до этого места доходит Великая Китайская стена.

Спускаясь на юго-восток, к Ланьчжоу, знаменитая стена снова поднимается на северо-восток, огибая провинции Ганьсу, Шэньси и Чжили севернее Пекина. Но здесь она представляет собой лишь невысокий земляной вал с несколькими полуразрушенными башнями. Я пренебрег бы своими репортерскими обязанностями, если б не взглянул на конечный пункт этого гигантского сооружения, превосходящего своими масштабами все новейшие фортификационные работы.

— Есть ли какая-нибудь польза от Великой Китайской стены? — спросил меня майор Нольтиц.

— Не знаю, как для китайцев, — ответил я, — но для политических ораторов, несомненно, и даже очень большая. Ведь они пользуются Китайской стеной, как сравнением, особенно, когда обсуждаются торговые договоры. Не будь этой стены, что осталось бы от нашего законодательного красноречия?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ночь была прескверная. Багровое небо с зеленовато-сернистым отливом еще с вечера предвещало грозу. Сильно парило, атмосфера была насыщена электричеством. Наконец разразилась гроза — «вполне удавшаяся», по выражению первого комика, не преминувшего заметить, что ему никогда не приходилось видеть лучшего исполнения, если не считать сцены охоты во втором акте «Фрейшютца»¹. И действительно, поезд несется навстречу ослепительным молниям, среди оглушительных раскатов грома, которые отзываются в горах непрерывным эхом. Несколько раз мне казалось, что нас поразит молния, но ее принимали на себя металлические рельсы. Становясь проводниками тока, они спасали вагоны от ударов. Какое это прекрасное и вместе с тем жуткое зрелище: огни, прорезающие пространство, которых не может затушить ливень! К бесконечным электрическим разрядам примешивались пронзительные свистки нашего локомотива, когда мы проходили мимо станций Шаньдань, Юнчан, Увэй, Гулан.

¹ «Фрейшютц» («Вольный стрелок») — знаменитая опера немецкого композитора Карла Марии Вебера.

По милости этой бурной ночи мне удалось повидаться с Кинко, передать ему купленную в Сучжоу провизию и поболтать с ним несколько минут.

— Мы приедем в Пекин, послезавтра, господин Бомбарнак? — спросил он меня, как только я вошел.

— Да, Кинко, послезавтра, если ничего больше не стрясется.

— О! Я боюсь не опоздания. Меня пугает другое: когда я буду выгружен на пекинском вокзале, ящик ведь не сразу доставят на улицу Ша-Хуа.

— Ничего, Кинко, мадемуазель Зинка Клорк, наверное, сама явится на вокзал.

— Нет, господин Бомбарнак, она не явится, я просил ее этого не делать.

— Почему?

— Женщины ведь так впечатлительны. Она, конечно, захочет увидеть вагон, в котором меня привезли, начнет торопить с доставкой ящика и будет действовать так настойчиво, что возбудит подозрения... И вообще она невольно может выдать и себя, и меня.

— Вы правы, Кинко.

— К тому же мы приедем в Пекин вечером, когда будет уже темно, и выдачу багажа отложат до следующего утра...

— Возможно.

— Так вот, господин Бомбарнак, если я не злоупотреблю вашей любезностью, то попрошу вас еще об одной маленькой услуге.

— О чем, Кинко?

— Не будете ли вы так добры последить за отправкой ящика, чтобы не случилось неожиданностей.

— Хорошо, Кинко, я обещаю вам это. Черт возьми, ведь зеркала — хрупкий товар и требуют нежного обращения. Я прослежу за выгрузкой и, если хотите, буду сопровождать ящик до улицы Ша-Хуа.

— Я не осмелился обратиться к вам с такой просьбой, господин Бомбарнак...

— Напрасно, Кинко. Я ваш друг, а с другом нечего церемониться. К тому же, мне будет очень приятно познакомиться с мадемуазель Зинкой Клорк. Я хочу увидеть сам, как она распишется в получении дорогого ящика, я помогу ей отбить крышку...

— Зачем отбивать крышку, господин Бомбарнак? А для чего же тогда раздвижная стенка? Я сам оттуда выскочу, как чертик из коробочки...

Страшный удар грома прерывает нашу беседу. Мне кажется, что от сотрясения воздуха поезд будет сброшен с рельсов. Я расстаюсь с румыном и возвращаюсь в свой вагон.

Утром, 26 мая, в семь часов, мы остановились на вокзале в Ланьчжоу. Остановились только на три часа! Вот к чему привело нападение бандитов! Так поторапливайтесь же, майор Нольтиц, собирайтесь поживее, Пан Шао, не мешкайте, супруги Катерна! Скорее в путь, нам нельзя терять времени!

Но в ту минуту, когда мы уже выходили из вокзала, путь нам загрозила грозная, грузная, жирная, важная персона. Это губернатор Ланьчжоу. На нем два халата — белого и желтого шелка, опоясанных широким кушаком с блестящей пряжкой, в руке веер, на плечах мантилья, черная мантилья, какую уместнее было бы видеть на плечах манолы¹. Его сопровождают несколько мандаринов с шариками, и китайцы низко кланяются ему, сдвинув вместе оба кулака и помахивая ими снизу вверх.

Но зачем сюда пожаловал сановник? Неужели опять начнутся китайские формальности? Проверка пассажиров или осмотр багажа? Что тогда будет с Кинко? А я-то думал, что он уже вне опасности...

Нет, тревожиться нечего. Дело идет о сокровищах Сына Неба. Губернатор и его свита выходят на платформу, останавливаются перед драгоценным вагоном, закрытым на все засовы и запломбированным, и смотрят на него с тем почтительным восхищением, какое испытывают даже китайцы в Китае перед денежным сундуком с миллионами.

Я осведомляюсь у Попова, что может означать этот губернаторский визит и не имеет ли он отношения к пассажирам.

— Ни малейшего, — успокоил меня Попов. — Из Пекина получен приказ телеграфировать о прибытии сокровищ. Губернатор выполнил распоряжение и ждет теперь ответа, отправить ли вагон в Пекин или оставить временно в Ланьчжоу.

— А нас это не задержит?

— Не думаю.

— В таком случае, пойдемте поскорее в город, — обращаюсь я к своим спутникам.

Нам совершенно безразлично, как будет решен вопрос с императорскими сокровищами. Зато Фарускиара это очень интересует. Но какое, в сущности, ему дело — отцепят вагон или не отцепят, поедет он дальше или нет? Однако он не мо-

¹ Манола — городская девушка в Испании, работающая швеей, модисткой, продавщицей и т. п. То же, что гризетка во Франции.

жет скрыть тревоги, и Гангир выглядит озабоченным, и монголы явно раздосадованы. Они перешептываются и с неприязнью поглядывают на представителей местной власти.

И тут губернатору сообщают о подвиге Фарускиара — как он отбил нападение на поезд и не только спас сокровища богдыхана, но и навсегда избавил страну от грозного разбойника Ки Цзана. Губернатор обращается к нашему герою с благодарственным словом, восхваляя его доблесть и давая понять, что Сын Неба не оставит такую услугу без вознаграждения. Пан Шао быстро переводит нам витиеватую речь сановника.

Директор Правления Великой Трансазиатской магистрали слушает эти похвалы с обычным для него спокойствием, но вместе с тем и с заметным нетерпением. Быть может, он считает себя выше любых похвал и наград, даже если они исходят с такой высоты? Не проявляется ли в этом его монгольская гордость?

Наконец мы выходим на вокзальную площадь. От беглого осмотра Ланьчжоу у меня сохранились довольно отчетливые воспоминания.

Прежде всего, и здесь два города — внешний и внутренний. На этот раз нет никаких развалин. Город многолюдный, население деятельное, предприимчивое, привыкшее, благодаря железной дороге, к присутствию иностранцев и не докучающее им нескромным любопытством. Обширные кварталы расположены на правом берегу реки Хуанхэ, достигающей тут почти двух километров в ширину. Хуанхэ — Желтая река, знаменитая Желтая река, которая пробегает четыре тысячи пятьсот километров, вынося свои глинистые воды в глубину Чжилийского залива.

— Не в устье ли Хуанхэ, неподалеку от Тяньцзиня, наш барон должен сесть на пароход в Йокогаму? — спрашивает майор Нольтиц.

— Именно там, — отвечаю я.

— Он пропустит пароход, — замечает господин Катерна.

— Если только не догонит его вплавь, — подхватываю я.

— Или как топор не пойдет ко дну, — добавляет первый комик.

— А ведь он может еще успеть, — говорит майор Нольтиц. — Если мы пойдем дальше без опозданий, то в Тяньцзине будем двадцать третьего, в шесть утра. Пароход же отправляется только в одиннадцать.

— Пропустит он пароход или нет, — отвечаю я, — это его забота, а мы, друзья, продолжим нашу прогулку.

Мы выходим на берег к тому месту, где через Желтую реку переброшен понтонный мост. От быстрого течения мост качается, как суденышко на волнах. Госпожа Катерна, рискнувшая было вступить на зыбкий настил, тотчас же почувствовала головокружение и сильно побледнела.

— Каролина!.. Каролина!..— жалобно восклицает ее муж.— У тебя будет морская болезнь! Вернись! Приди в себя!..

Госпожа Катерна «приходит в себя», и мы поднимаемся в гору, к пагоде, которая высится над всем городом. Видели мы еще,—разумеется, только снаружи,—крупные промышленные предприятия—пушечный завод и оружейную фабрику. Обслуживаются они исключительно китайцами. Прошли мы также по прекрасному саду, прилегающему к дому губернатора. Сад очень причудлив: повсюду беседки, мостики, водоемы и ворота в форме китайских ваз. Павильонов и загнутых крыш там больше, чем деревьев и тени. А дальше—вымощенные кирпичом аллеи, среди остатков фундамента Великой стены.

Без десяти минут десять, совершенно измученные, мы вернулись на вокзал. От невыносимого зноя и духоты одежда прилипла к телу.

Первым делом я окидываю взглядом состав. Вагон с сокровищами все на том же месте, предпоследний в поезде, под охраной китайских солдат.

Прибыла депеша, которую ждал губернатор: вышеупомянутый вагон приказано переправить в Пекин и сдать сокровища на руки министру финансов.

А где же вельможный Фарускиар? Я его что-то не вижу. Неужели он нас покинул?..

Нет. Вот он стоит на площадке, и монголы только что вошли в свой вагон. Фульк Эфринель тоже вернулся из города. Под мышкой у него портфель с образцами продукции торгового дома Стронг Бульбуль и К°. Надо полагать, что он уже успел обделать кое-какие делишки. Вернулась и миссис Эфринель. Вполне возможно, что ей удалось закупить в Ланьчжоу партию волос. Но пришли они на вокзал порознь и сели на свои места, даже не подавая виду, что знакомы друг с другом.

Остальные пассажиры—сплошь китайцы, многие из них едут в Пекин, другие взяли билеты до промежуточных станций—Сиань, Тунгуань, Шаньсянь, Тайюань. В поезде, должно быть, около сотни пассажиров. Все мои номера налицо. Тринадцать, по-прежнему тринадцать! Как хорошо, что я не суеверен!

Мы стояли на площадке, когда раздался последний звонок. Господин Катерна спросил свою жену, что ей показалось самым любопытным в Ланьчжоу.

— Самым любопытным, Адольф? Большие клетки с чучелами птиц, вывешенные на стенах и на деревьях. Только птицы какие-то странные.

— Действительно, странные, госпожа Катерна,— ответил Пан Шао,— птицы, которые при жизни умели говорить...

— Значит, это были попугаи?

— Нет, головы преступников...

— Какой ужас! — воскликнула субретка, всплеснув руками.

— Ничего не поделаешь, Каролина,— поучительно заметил господин Катерна,— таковы уж обычаи в этой стране!¹

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

От Ланьчжоу дорога идет по хорошо обработанной местности, обильно орошаемой реками, но такой холмистой, что должна все время кружить и огибать препятствия. Здесь нередко встречаются инженерные сооружения — мосты и виадуки: многие из них — деревянные, и у пассажира поневоле замирает сердце, когда дощатый настил прогибается под тяжестью поезда. Не следует забывать, что мы в Поднебесной Империи, где даже несколько тысяч жертв железнодорожных катастроф составили бы ничтожнейший процент от четырехсотмиллионного населения.

— К тому же,— говорит Пан Шао,— Сын Неба сам никогда не ездит по железной дороге.

Тем лучше для него!

На сравнительно небольшом участке рельсовый путь тянется вдоль Великой стены, повторяя ее прихотливые изгибы. От этой колоссальной искусственной преграды, возведенной некогда на границе Китая и Монголии, остались только глыбы гранита и красноватого кварца, служившие ей фундаментом, кирпичные террасы с парапетами неодинаковой высоты, старые пушки, изъеденные ржавчиной и обросшие мхом, а также квадратные сторожевые башни с уцелевшими кое-где зубцами. Непрерывная куртина² поднимается к облакам, спускается

¹ Читатели должны помнить, что Клодиус Бомбарнак, как типичный репортер буржуазной газеты, нередко отклоняется от истины и допускает преувеличения.

² Куртина — крепостная стена.

в долины, изгибается, выпрямляется, исчезает вдали, сливаясь с неровностями почвы.

В шесть часов вечера — получасовая остановка в Тяньшуге. Я успеваю заметить лишь несколько высоких пагод. В десять часов мы прибываем в Сиань, где стоим сорок пять минут. Было темно, и я ничего не смог разглядеть.

Понадобилась целая ночь на трехсоткилометровый перегон от этого города до Шаньсяня.

Я думаю, что лондонцам вполне бы могло показаться, что в Шаньсяне они как у себя дома. Надо полагать, что у миссис Эфринель сложилось именно такое впечатление. Правда, здесь нет ни Стрэнда¹ с его невообразимой сутолокой, скоплением пешеходов и экипажей, ни Темзы с бесконечными вереницами барж и паровых судов. Ничего этого здесь нет. Но мы очутились в такой плотной завесе британского тумана, что невозможно было разглядеть ни пагод, ни домов.

Туман держался весь день, и это немало затрудняло движение. Но китайские машинисты хорошо знают свое дело. Их внимательность, старание и сноровка могут быть поставлены в пример машинистам западноевропейских дорог.

Сколько строк репортерской хроники пропало у меня из-за тумана! Вот уж действительно не повезло нам на подступах к Тяньцзиню! Я не видел ни ущелий, ни оврагов, среди которых вьется колея. В непроглядной мгле мы проехали двести тридцать километров и в десять часов вечера достигли большой станции Тайюань.

Какой тоскливый день!

С наступлением вечера туман рассеялся, но не успели мы порадоваться, как опустилась ночь, и ночь претемная!

Я выхожу на вокзал, покупаю в буфете несколько пирожков и бутылку вина. Хочу нанести Кинко последний визит. Мы выпьем за его здоровье и за его будущее счастье с хорошенькой румынкой. Он проехал «зайцем», я-то знаю об этом, а вот если бы узнала Компания Великого Трансазиатского пути... Нет, она не узнает!..

Фарускиар и Гангир чинно прохаживаются по платформе. На этот раз их внимание привлекает не вагон с сокровищами, а головной багажный. Почему-то они оглядывают его с особым любопытством.

Уж не подозревают ли они, что Кинко?.. Нет, это исключено. Ага! Они наблюдают за машинистом и кочегаром, двумя молодыми китайцами, только что принявшими состав. Быть

¹ Стрэнд — одна из центральных улиц Лондона.

может, господина Фарускиара интересуют люди, которым доверена транспортировка императорской казны, а вместе с нею и добрая сотня человеческих жизней?

Дается сигнал к отправлению. Ровно в полночь мы покидаем Тайюань.

Ночь, как я уже говорил, выдалась темная — ни луны, ни звезд. В нижних слоях атмосферы клубятся тучи.

Мне легко будет пробраться в багажный вагон. Никто меня не заметит. Да я и не очень-то злоупотреблял посещениями Кинко за эти двенадцать дней путешествия...

Мои размышления прерывает Попов:

— Вы еще не легли спать, господин Бомбарнак?

— Собираюсь. Из-за тумана пришлось весь день просидеть в душном вагоне. Захотелось немножко подышать свежим воздухом. А где будет следующая остановка?

— В Шоуяне. Не доезжая этой станции — разъезд, откуда отходит Нанкинская линия.

— Покойной ночи, господин Попов.

— Покойной ночи, господин Бомбарнак!

И вот я опять один.

Мне вздумалось прогуляться по всему поезду. На минуту останавливаюсь на площадке перед вагоном с сокровищами. Все пассажиры, кроме китайских жандармов, видят последние сны — последние, разумеется, на Великом Трансазиатском пути.

Возвращаюсь обратно. И Попов, кажется, крепко спит у себя в каморке, именуемой служебным отделением.

Отворяю дверь багажного вагона, проскальзываю внутрь и легким покашливанием даю знать Кинко о своем приходе.

Стенка ящика раздвигается, загорается лампочка.

В обмен на пирожки и бутылку вина получаю благодарности и, как было задумано, пью с моим славным румыном за здоровье Зинки Клорк. Завтра я с ней непременно познакомлюсь.

Без десяти час. Минут через десять мы минуем разъезд. Нанкинскую линию еще только начали прокладывать. Она обрывается на пятом или шестом километре, где строится сейчас виадук. Пан Шао говорил мне, что это будет большое сооружение в долине Чжу. Китайские инженеры успели пока что возвести опорные столбы, высотой около ста футов. В месте соединения Нанкинской ветки с Великой Трансазиатской магистралью установлена уже стрелка, позволяющая перегонять поезда на новую линию. Через три-четыре месяца ее собираются закончить.

Чтобы не быть застигнутым врасплох во время стоянки, я прощаюсь с Кинко. Иду к выходу и вдруг слышу на задней площадке шаги.

— Берегитесь, Кинко! — говорю я вполголоса.

Лампа сейчас же гаснет, мы оба замираем.

Я не ошибся — кто-то хочет войти в вагон.

— Створка, задвиньте створку, — напоминаю я.

Ящик закрыт. Я один во мраке.

Конечно, это Попов, больше некому. Что он подумает, если застанет меня здесь?

Мне уже пришлось однажды прятаться между тюками, когда я явился в первый раз к молодому румыну. Ну, что ж, спрячусь еще разок! Попов даже при свете фонаря не заметит меня за ящиками Фулька Эфринеля.

Но это не Попов. Без фонаря он бы не вошел в багажник.

Ба! Да тут не один человек, а несколько! Вот они пробираются через вагон, отворяют дверь, выходят на переднюю площадку...

Это пассажиры, можно не сомневаться, но только зачем они здесь... и в такой час?

Попробую разузнать! Если предчувствие не обманывает меня, они что-то затевают...

Подхожу к передней стенке вагона, прислушиваюсь. Несмотря на грохот поезда, голоса звучат довольно внятно.

Тысяча и десять тысяч чертей! Да ведь это Фарускиар разговаривает по-русски с Гангиром. Он, он, я не ошибаюсь!.. И с ними четыре монгола... Что им здесь понадобилось? Почему они собрались на площадке перед тендером? О чем они совещаются?

Сейчас выясню. До меня доходит почти каждое слово.

— Скоро мы будем у разъезда?

— Через несколько минут.

— И можно быть уверенным, что у стрелки дежурит Кардек?

— Да, так мы условились.

Условились? О чем, с кем, и кто такой этот Кардек?

Разговор продолжается:

— Нужно подождать, пока не покажется сигнал, — говорит Фарускиар.

— Зеленый огонь? — спрашивает Гангир.

— Да, он будет означать, что стрелка переведена.

Не схожу ли я с ума? Не снится ли мне это? О какой стрелке они говорят?

Проходит полминуты. Я собираюсь с мыслями. Надо скорее предупредить Попова.

Я хотел побежать к выходу, но был остановлен возгласом Гангира:

— Сигнал!.. Вот зеленый сигнал!

— Это значит, что поезд будет пущен по Нанкинской ветке, — подтвердил Фарускиар.

По Нанкинской ветке!.. Мы все тогда погибнем!.. В пяти километрах — долина Чжоу, где строится виадук. Следовательно, поезд несется в пропасть...

Да, не напрасны были подозрения майора Нольтица! Он не обманулся насчет великолепного Фарускиара! Директор Правления Великой Трансазиатской магистрали — отъявленный злодей, который втерся в доверие Компании лишь за тем, чтобы выждать подходящий случай и подготовить внезапный удар. Случай представился, когда на горизонте стали маячить миллионы китайского императора. И если Фарускиар защищал от шайки Ки Цзана сокровища Сына Неба, то только потому, что сам позарился на добычу. Нападение бандитов на поезд расстраивало его преступные планы. Вот почему он так храбро сражался! Вот из-за чего он рисковал жизнью и вел себя, как герой! А ты, бедняжка Клодиус, оказался настоящим болваном! Еще раз быть одураченным, снова плюхнуться в лужу... Ну и осел!..

Прежде всего надо помешать злодеям исполнить гнусный замысел. Надо спасти поезд, несущийся на всех парах к недостроенному виадуку. Надо спасти пассажиров от ужасной катастрофы. На сокровища, которыми хотят овладеть злоумышленники, мне наплевать, как на старую хронику. Ведь дело идет о жизни многих людей и о моей собственной жизни!..

Хочу побежать к Попову — и не могу сдвинуться с места. Ноги словно свинцом налились. Голова отяжелела.

Неужели мы катимся в бездну? А может быть, я и в самом деле схожу с ума? Ведь Фарускиар и его сообщники тоже разделят нашу участь и погибнут вместе с нами...

В эту минуту со стороны паровоза раздаются крики, крики людей, которых убивают... Нет сомнения! Машиниста и кочегара зарезали. Я чувствую, как поезд сбавляет скорость.

Теперь все понятно: один из бандитов умеет управлять локомотивом. Замедление хода позволит им всем соскочить на полотно и убежать еще до катастрофы.

Наконец мне удастся победить оцепенение. Шатаюсь, как пьяный, я едва добираюсь до ящика Кинко и сообщаю ему в нескольких словах о случившемся.

— Мы пропали! — восклицаю я в отчаянии.

— А может быть, и нет, — отвечает он, и, прежде, чем я успеваю опомниться, выходит из ящика, выбегает из вагона и лезет на тендер.

— Идите! Идите сюда! Идите поскорей! — твердит он.

Не помню, как мне это удалось, но уже через несколько секунд я оказался рядом с ним в паровозной будке. Ноги скользят в крови — в крови машиниста и кочегара, сброшенных на путь.

Фарускиар и его сообщники исчезли. Но прежде, чем убежать, один из них отпустил тормоза, усилил подачу пара, набил топку углем, и теперь поезд мчится с чудовищной скоростью.

Еще несколько минут, и мы поравняемся с виадуком в долине Чжу.

Кинко не теряет самообладания и мужества. Но — увы! — он не знает, как обращаться с регулятором, как отключить подачу пара, как перевести тормоза.

— Нужно сказать Попову! — говорю я.

— А что сделает Попов? Нет, медлить нельзя! Осталось одно средство.

— Какое?

— Усилить огонь, — спокойно отвечает Кинко, — закрыть все клапаны, взорвать локомотив...

— Неужели только это отчаянное средство может остановить поезд, прежде чем он достигнет виадука и сорвется в пропасть?

Кинко энергично подбрасывает в топку уголь — лопату за лопатой.

Давление увеличивается, котел бурлит, пар со свистом вырывается из клапанов. Скорость резко возрастает — она больше ста километров.

— Скажите всем, чтобы скорее бежали в задние вагоны! — кричит мне Кинко.

— А вы сами?

— Торопитесь, торопитесь, время не ждет!

И я вижу, как он изо всех сил налегает на рычаги, закрывая клапаны и отдушины.

— Прочь, прочь отсюда! — приказывает мне румын.

Я слезаю с тендера, пробегаю через багажный вагон, бужу Попова и кричу не своим голосом:

— Назад!.. Все назад!..

Проснувшиеся пассажиры толпятся в проходах, устремляясь в задние вагоны...

Вдруг раздался ужасающий взрыв, за которым следует резкий толчок.

На какое-то мгновение поезд замирает, а потом, увлекаемый силой инерции, продолжает катиться вперед, проходит еще с полкилометра и останавливается...

Попов, майор, Катерна, я и большинство пассажиров — все мы тотчас же спрыгиваем на полотно.

В темноте перед нами смутно рисуются строительные леса и очертания мостовых опор, поставленных для будущего виадука в долине Чжу.

Еще каких-нибудь двести шагов, и поезд Великой Транс-азиатской магистрали был бы поглощен бездной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

А я так боялся томительного однообразия этого заурядного путешествия в шесть тысяч километров, не ожидая от него никаких ярких впечатлений и переживаний, достойных печатного станка. И, по правде сказать, я даже не надеялся найти для моей хроники какой-нибудь стоящий материал!

Но несомненно и то, что я опять попал впросак. Угораздило же меня в телеграмме, посланной «XX веку», представить Фарускиара героем! Правда, намерения у меня были самые лучшие, но недаром говорится — благими намерениями вымощен ад. Поэтому ваш покорный слуга вполне заслуживает чести стать мостильщиком ада.

Мы находимся в двухстах шагах от долины Чжу, широкой впадины, потребовавшей сооружения виадука, протяженностью приблизительно в триста пятьдесят — четыреста футов. Каменистое дно впадины лежит на глубине ста футов. Если бы поезд свалился в пропасть, не уцелела бы ни одна живая душа. Эта катастрофа, безусловно, интересная с точки зрения репортажа, стоила бы целой сотни жертв. Но благодаря хладнокровию и решительности молодого румына мы все были спасены от гибели.

Все ли? Нет, не все. За наше спасение Кинко заплатил своей жизнью...

А вдруг ему повезло и смерть его миновала? Случись такое чудо, он, конечно, вернулся бы в свое убежище и стал бы терпеливо дожидаться моего прихода.

Воспользовавшись всеобщей суматохой, я опять пробираюсь в багажный вагон. Увы, никаких надежд! Ящик пуст, пуст;

как сейф прогоревшего банка. Бедный Кинко стал жертвой своего великодушия.

Так вот кто был настоящим героем! Не гнусный бандит Фарускиар, которого я так неосторожно прославил на весь мир, а скромный румын, этот жалкий железнодорожный «заяц», этот несчастный жених, которого напрасно будет ждать его невеста.

Я воздам ему должное, я расскажу о его подвиге! Вряд ли я поступлю нескромно, если раскрою его тайну. Да, он обманул Компанию Великой Трансазиатской магистрали, но не будь этого обмана, поезд со всеми пассажирами был бы теперь на дне пропасти. Не окажись среди нас этого смельчака, мы все как один погибли бы ужасной смертью...

Обескураженный, я снова спускаюсь на полотно, с тяжелым сердцем, со слезами на глазах.

План Фарускиара, которому едва не помешал его соперник Ки Цзан, задуман был очень ловко. Ему ничего не стоило направить поезд на боковую ветку, ведущую к недостроенному виадуку. На месте соединения обеих линий должен был дежурить соучастник бандитов и в нужный момент перевести стрелку. И как только показался зеленый сигнал, подтверждавший, что «все в порядке», злодеи убили машиниста и кочегара, замедлили на минуту скорость и соскочили на ходу с поезда, предварительно набив до отказа раскаленную топку. А теперь они, наверное, уже спустились в долину Чжу, чтобы найти среди обломков крушения сокровища богдыхана. Они надеялись скрыть свое ужасное преступление под покровом темной ночи... Самой утонченной китайской казни достойны такие негодяи!

Но, к счастью, они жестоко обманулись! К тому же есть свидетель, и он сделает все возможное, чтобы бандиты были пойманы и понесли заслуженную кару. И раз уже нет в живых бедного Кинко, то свидетелем буду я.

Это решено. Я расскажу обо всем китайским властям, после того, как повидая Зинку Клорк. Надо будет исподволь подготовить ее к горестному известию, чтобы несчастье не обрушилось на нее сразу, как удар грома. Завтра же, как только мы приедем в Пекин, первым делом я отправлюсь на улицу Ша-Хуа.

И если Зинка Клорк не захочет, чтобы я разгласил тайну ее покойного жениха, то ничто не мешает мне сообщить все подробности о злодеянии Фарускиара, Гангира и четырех бандитов, действовавших с ними заодно. Я видел сам, как они прощли через багажный вагон, я выследил их, подслушал

разговор на площадке, слышал предсмертные крики машиниста и кочегара, а потом разбудил пассажиров воплями: «Назад!.. Все назад!» Все это я могу подтвердить под присягой.

Увы! Я слишком поздно прозрел. Но ведь есть, как вы знаете, один человек, давно уже заподозривший Фарускиара в недобрых намерениях, и он только ждет случая выступить в роли обличителя!

У разбитого паровоза собралась группа людей, среди них — майор Нольтиц, немецкий барон, господин Катерна, Фульк Эфринель, Пан Шао, Попов и я. Китайские жандармы, верные своему долгу, оцепили вагон с сокровищами. Что бы ни случилось, они не покинут его ни на минуту. Фонари, принесенные багажным контролером из хвостового вагона, позволили нам увидеть, что осталось от локомотива.

Поезд, как помнит читатель, шел на большой скорости и остановился не сразу. Объясняется это тем, что взрыв произошел в верхней части котла. Колеса уцелели, и локомотив продолжал еще некоторое время двигаться по инерции. Поэтому пассажиры отделались лишь сильным толчком.

Паровозная топка и котел превратились в бесформенные обломки. Мы увидели сломанные и скрученные трубы, смятые цилиндры, разъединенные рычаги. Нашим взорам открылись зияющие раны и обнаженные внутренности железного тупа.

Уничтожен не только локомотив, но и тендер приведен в негодность. Водяные баки пробиты, уголь высыпался на полотно. Зато передний багажный вагон остался, как это ни удивительно, почти неповрежденным.

Потеряна последняя надежда: у молодого румына не было никаких шансов на спасение. При таком взрыве его могло убить, разорвать на части, разнести в клочья. Неудивительно, что даже и следов не осталось от его тела.

Мы долго стояли молча, потрясенные ужасным зрелищем.

— Нет сомнения, машинист и кочегар погибли при взрыве, — нарушает молчание кто-то из присутствующих.

— Несчастные люди! — произносит Попов с тяжелым вздохом. — Я только одного не могу понять — как поезд очутился на Нанкинской ветке и почему они этого не заметили.

— Ночь очень темная, и машинист мог не заметить, что стрелка была переведена, — говорит Фульк Эфринель.

— Да, это единственное возможное объяснение, — соглашается Попов. — Машинисту следовало остановить поезд, а мы, наоборот, неслись со страшной скоростью.

— Но кому понадобилось перевести стрелку? — спрашивает

ет Пан Шао.—Ведь Нанкинская ветка еще не действует, и виадук не достроен.

— Я думаю, это небрежность,— отвечает Попов.

— А я считаю, что злой умысел,— подхватывает Фульк Эфринель.— Преступники хотели устроить крушение и заинтересованы были в гибели пассажиров.

— С какой же целью? — спрашивает Попов.

— Да все с той же! — восклицает Фульк Эфринель.— Чтобы похитить императорскую казну. Что еще могло прельстить преступников? Разве не с целью грабежа бандиты напали на нас между Черченом и Чаркльком? Считайте, что мы вторично подверглись нападению.

Американец и сам не подозревал, насколько он был близок к истине.

— Вы, стало быть, предполагаете,— говорит Попов,— что после шайки Ки Цзана другие разбойники осмелились...

Майор Нольтиц, до сих пор не принимавший участия в разговоре, перебивает Попова и говорит громко и внятно, так, чтобы его все услышали:

— Где господин Фарускиар?

Пассажиры оборачиваются, ожидая ответа.

— Где его приятель Гангир? — продолжает майор.

Ответа нет.

— А где четверо монголов, которые ехали в последнем вагоне? — снова спрашивает майор.

Ни один из них не отозвался.

Пассажиры кричат хором:

— Господин Фарускиар, где вы, где вы?

Молчание.

Попов входит в вагон, в котором ехал Фарускиар.

В вагоне пусто.

Пусто? Нет, не совсем. Сэр Фрэнсис Травельян спокойно сидит на своем месте, холодный и неприступный, совершенно чуждый всему происходящему. Ему ни до чего нет дела. Быть может, он думает в эту минуту, что на русско-китайской железной дороге не оберешься бестолковщины и беспорядков? Где это видано, чтобы стрелку переводил всякий, кому вздумается? Где это слыхано, чтобы поезд пошел не по своему пути?

— Ну, так вот! — говорит майор Нольтиц.— Если хотите знать, какой злодей пустил поезд по Нанкинской ветке,— прямо в пропасть, чтобы завладеть императорскими сокровищами,— так знайте — это Фарускиар!

— Фарускиар! — восклицают пассажиры, и большинство из них отказывается поверить обвинителю.

— Как, — недоумевают Попов, — сам директор Правления дороги, который так мужественно вел себя во время нападения разбойников и собственноручно прикончил Ки Цзана?

И тут я больше не могу сдерживаться:

— Майор не ошибается, — говорю я, — крушение — дело рук Фарускиара.

И ко всеобщему изумлению я рассказываю то, что мне стало известно благодаря случаю — как я узнал план Фарускиара и монголов, когда уже было поздно помещать преступникам. Но, до поры до времени, я ничего не говорю о Кинко и его доблестном поведении. Я еще успею воздать ему должное.

Посыпались возгласы, проклятия, брань, угрозы. Как, неужели этот величественный Фарускиар, этот высокопоставленный чиновник, который так прекрасно проявил себя на деле, неужели он... Нет, это невозможно!

Но факты — упрямая вещь. Я видел, я слышал, я утверждаю, что Фарускиар — инициатор и главный виновник катастрофы, едва не погубившей поезд и всех нас. Я заявляю во всеуслышание, что он самый ужасный разбойник из всех, какие только встречались в Центральной Азии!

— Теперь вы видите, господин Бомбарнак, что мои подозрения были не напрасны? — говорит мне майор Нольтиц.

— Да, — отвечаю я, — и признаюсь без ложного стыда, что меня обмануло мнимое благородство этого проходимца.

— Господин Клодиус, — вмешивается в разговор первый комик, — напишите о случившемся в романе, и все будут говорить, что это неправдоподобно.

Пожалуй, господин Катерна прав. Но то, что в романе кажется совершенно неправдоподобным, нередко случается в жизни.

Многие считают невероятным наше чудесное спасение, не зная, как его объяснить. Только мне одному, посвященному в тайну Кинко, известно, почему локомотив был остановлен на краю пропасти загадочным взрывом.

Теперь, когда всякая опасность миновала, следует принять меры к возвращению поезда на линию.

— Сделать это очень просто, — говорит Попов. — Нужно только, чтобы некоторые из вас согласились потрудиться на общую пользу.

— Я могу! — воскликнул господин Катерна.

— Что от нас требуется? — спрашиваю я.

— Дойти до ближайшей станции,— продолжает Попов,— то есть до Шоуяна и телеграфировать оттуда в Тайюань, чтобы поскорее прислали вспомогательный локомотив.

— Далеко ли отсюда станция Шоуян? — спрашивает Фульк Эфринель.

— Мы находимся сейчас приблизительно в шести километрах от начала Нанкинской ветки,— отвечает Попов,— а от разъезда до Шоуяна еще километров пять.

— Итого одиннадцать,— говорит майор,— не так уж далеко. Хороший ходок пройдет это расстояние часа за полтора. Следовательно, локомотив из Тайюаня будет здесь часа через три. Я готов пойти.

— Я тоже пойду,— заявляет Попов,— и чем больше нас соберется, тем лучше. Как знать, не встретим ли мы на дороге Фарускиара и его сообщников?

— Вы правы,— соглашается майор Нольтиц,— и потому мы должны как можно лучше вооружиться.

Действительно, предосторожность не лишняя, так как разбойники должны находиться где-нибудь неподалеку от долины Чжу. Правда, как только они узнают, что просчитались, они постараются улизнуть. Вряд ли бандиты осмелятся напасть вшестером на сотню путешественников, не считая китайских солдат, охраняющих императорскую казну.

Двенадцать пассажиров, среди них Катерна, Пан Шао и я, вызываются сопровождать майора Нольтица. Попову мы все единодушно советуем не покидать поезда — и без него сделают в Шоуяне все, что требуется.

Вооруженные револьверами и кинжалами, в половине второго пополудни, мы быстрым шагом направляемся к разъезду и, несмотря на темноту, менее чем через два часа благополучно достигаем станции Шоуян. Разбойники нам на пути не встретились. Пускай их разыскивает теперь китайская полиция. Но найдет ли? Желаю ей успеха, но, по правде говоря, не очень-то в нее верю.

Пан Шао вступает в переговоры с начальником станции, и тот дает телеграмму в Тайюань с просьбой немедленно прислать локомотив на Нанкинскую ветку.

Три часа утра. Уже брезжила заря, когда мы вернулись на разъезд и остановились там в ожидании локомотива, а еще через три четверти часа послышались далекие гудки.

Машина подходит, забирает нас на тендер, сворачивает на ветку и везет к поезду. Через полчаса мы на месте.

Рассвело уже настолько, что можно окинуть взглядом окружающее пространство. Никому не говоря ни слова, я при-

нимаюсь за розыски останков несчастного Кинко и не нахожу даже клочков от его одежды.

Так как путь здесь однокорейный и нет поворотного круга, локомотив пойдет до развилки задним ходом. Взорванный паровоз и поврежденный тендер будут вывезены позже. Багажный вагон с ящиком — увы, пустым ящиком! — моего несчастного румына оказывается теперь в хвосте поезда.

Через полчаса мы достигаем разъезда. К счастью, нам не пришлось возвращаться в Тайюань, что избавило нас от лишнего полуторачасового опоздания. Перейдя стрелку, локомотив повернул в сторону Шоуяна. Вагоны были отцеплены, откачены за разъезд и составлены в прежнем порядке. В пять часов пополудни мы ехали уже с нормальной скоростью по провинции Чжили.

Мне нечего сказать об этом последнем дне путешествия. Замечу лишь, что китайский машинист даже и не старался наверстать потерянное время. Но если для нас еще несколько часов опоздания не так уж много значат, то совсем иначе отнесется к этому барон Вейсшнитцердёрфер, который должен сесть в Тяньцзине на пароход в Иокогаму.

И действительно, когда мы остановились около полудня на вокзале в Тяньцзине, немецкий «globe trotter»¹, соперник мисс Блай и Бисленда, бомбой вылетев на платформу, узнал, что иокогамский пароход покинул порт за три четверти часа до нашего прибытия и в эту минуту уже выходил в открытое море.

Злополучный путешественник! Нечего удивляться, что на наш поезд изливается целый поток тевтонских ругательств, которые барон посылает «с бакборта, с штирборта и с обоих бортов сразу», как сказал бы господин Катерна. Но не будем слишком строги! Сейчас у него есть все основания браниться на своем родном языке!

В Тяньцзине мы задержались только на четверть часа. Да простят мне читатели «XX века», что я не мог посетить этот китайский город с полумиллионным населением, город с многочисленными пагодами, европейским кварталом, где совершаются крупные торговые сделки, набережной реки Хайхэ, по которой вверх и вниз снуют сотни джонок... Повинен в этом не я, а Фарускиар, заслуживающий самой суровой кары уже за одно то, что он помешал мне выполнить подобающим образом мои репортерские обязанности!

¹ *Globe trotter* — турист, торопливо осматривающий достопримечательности. В буквальном переводе — «топтатель земного шара». (англ.)

Последний этап нашего длинного пути не был отмечен никакими из ряда вон выходящими событиями.

Единственно, что печалит меня до глубины души,— то что я не смогу доставить Кинко на улицу Ша-Хуа... Ящик его безнадежно пуст и теперь бесполезно сопровождать пустую тару к Зинке Клорк! Как повернется у меня язык сообщить молодой девушке, что жених ее не доехал до станции назначения, что Кинко больше нет в живых?..

Однако всему на свете бывает конец. Кончилось и наше путешествие в шесть тысяч километров по Великой Трансзиатской магистрали. По истечении тринадцати суток, час в час, минута в минуту, не считая однодневного опоздания, наш поезд останавливается у ворот столицы Поднебесной Империи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Приехали, Пекин! — громкогласно объявляет Попов.

Пассажиры выходят из вагонов.

Четыре часа вечера.

Если вы провели в поезде триста двенадцать часов, то вряд ли вам захочется броситься с места в карьер осматривать город — что я говорю! — четыре города, включенных один в другой!

Впрочем, времени у меня достаточно, так как я намерен провести в Пекине несколько недель. Сейчас самое главное — найти приличную гостиницу. Наведя справки, узнаю, что европейским вкусам больше всего соответствует «Гостиница десяти тысяч снов», находящаяся неподалеку от вокзала.

Визит к мадемуазель Зинке Клорк придется отложить до утра. Я и так явлюсь к ней раньше, чем принесут пустой ящик, и успею подготовить ее к горестному известию о гибели Кинко.

Майор Нольтиц решил занять номер в той же гостинице, что и я. Мне не нужно поэтому прощаться ни с ним, ни с супругами Катерна, которые собираются недельки две пожить в Пекине, прежде чем уехать в Шанхай.

Пан Шао и доктора Тио Кина ждет у вокзала присланный из дома экипаж. Но мы еще встретимся. Друзья так легко не расстаются, и рукопожатие, которым я обмениваюсь с молодым китайцем, выходя из вагона, не будет последним.

Мистер и миссис Эфринель спешат покинуть вокзал, чтобы не потерять даром ни одной минуты. Дел у них, что называется

ся, по горло. Они подыщут себе гостиницу в каком-нибудь китайском квартале, поближе к торговому центру. Но они не уйдут, не получив от меня добрых пожеланий! И мы с майором Нольтицем догоняем эту милую парочку.

— Итак, мистер Фульк Эфринель, — говорю я, — сорок два ящика с изделиями торгового дома Стронг Бульбуль и К° причалили в надежную гавань! А ведь какой опасности подвергались ваши искусственные зубы при взрыве локомотива!

— Совершенно верно, господин Бомбарнак, — отвечает американец, — просто удивительно, что мои зубы не сломались. Сколько было приключений после нашего отъезда из Тифлиса! Поистине, путешествие оказалось менее однообразным, чем я ожидал.

— И вдобавок ко всему, — замечает майор, — вы успели еще жениться в дороге.

— Wait a bit! — произносит янки каким-то странным тоном. — Извините, мы торопимся.

— Не смеем вас задерживать, мистер Эфринель, — ответил я. — Позвольте только сказать до свидания миссис Эфринель и вам.

— До свидания, — буркнула американизированная англичанка, еще более тощая и сухопарая, чем в начале путешествия.

И прибавила, обращаясь к мужу:

— Мне некогда ждать, мистер Эфринель.

— А мне и подавно, миссис...

Мистер, миссис!.. Вот как! Они уже больше не называют друг друга Фульк и Горация!

И молодожены порознь направляются к вокзалу. Мне невольно приходит в голову, что маклер должен повернуть направо, а маклерша налево. Впрочем, это их дело.

Остается еще номер 8, сэр Фрэнсис Травельян, немое лицо, не произнесшее ни одного слова на протяжении всего действия, я хотел сказать — путешествия. Неужели я так и не услышу его голоса, неужели он не подаст ни одной реплики?

Эге! Вот, кажется, подходящий случай, я непременно им воспользуюсь!

Флегматичный джентльмен стоит на платформе, презрительно оглядывая вагоны. Он только что достал сигару из желтого кожаного портсигара, встряхнул коробок и убедился, что в нем не осталось ни одной спички.

А моя сигара — превосходнейшая «лондр»! — сейчас как раз зажжена. Я курю ее с наслаждением знатока, испытывая,

признаюсь в этом, некоторую жалость, оттого что она последняя и таких отборных не найти во всем Китае.

Сэр Фрэнсис Травельян, увидев у меня в руке зажженную сигару, делает движение в мою сторону. Я жду, что он попросит огня, или скорее «света», как говорят в этом случае англичане. Сейчас я услышу от него традиционное «some light».

Но джентльмен только протягивает руку, и я машинально подаю ему свою сигару.

Он берет ее двумя пальцами, большим и указательным, стряхивает белый пепел, прикуривает, и тут я по наивности воображаю, что если он не сказал «some light», то уж никак не забудет вымолвить «thank you, sir!»

Как бы не так! Затянувшись несколько раз своей сигарой, сэр Фрэнсис Травельян небрежно бросает мою «лондр» на платформу и, не удостоив меня даже кивка, показывает спину и мерным шагом, как истый лондонец, уходит с вокзала.

«Как, и вы ничего не сказали?» — спросит читатель. Нет! Я остолбенел. Я не выразил возмущения ни единым словом, ни малейшим движением. Я был сражен наповал этой ультра-британской бесцеремонностью.

Эх, попался бы мне этот джентльмен!.. Но я никогда больше не видал сэра Фрэнсиса Травельяна из Травельян-Голла в Травельяншире.

Через полчаса мы устраиваемся в «Гостинице десяти тысяч снов». Там нам подают обед, приготовленный по всем невероятным правилам китайской кухни. Покончив с едой, во вторую стражу, — если уж употреблять китайские выражения, — мы расходимся по своим, не слишком комфортабельным, комнатам, ложимся на узкие кровати и тотчас же засыпаем — мало сказать, сном праведников! — сном донельзя утомленных людей, а это почти одно и то же.

Проспал я, как убитый, до десяти часов и, несомненно, спал бы и дольше, если б меня не разбудила мысль о необходимости выполнить печальную обязанность, — попасть на улицу Ша-Хуа раньше, чем роковой ящик будет передан его собственнице, Зинке Клорк.

Пора вставать! Ах, если б Кинко был жив, я отправился бы на вокзал, присмотрел бы, как обещал ему, за выгрузкой драгоценного ящика, за тем, чтобы его установили как следует на подводе, пошел бы следом за ним на улицу Ша-Хуа и даже помог бы его перенести в комнату Зинки Клорк!.. Воображаю, какое было бы ликование: стенка отодвигается, жених выска-

кивает из ящика и бросается в объятия хорошенькой румынки!..

Но нет! Ящик будет пустым, пустым, как сердце, из которого вытекла вся кровь!

Около одиннадцати часов я выхожу из «Гостиницы десяти тысяч снов», подзываю китайский экипаж, напоминающий паланкин на колесах, даю адрес Зинки Клорк и качу к ней через весь город.

Из восемнадцати провинций Китая — Чжили самая северная. Она состоит из девяти округов со столичным городом Пекином или «Шун-Тянь-фу», что значит «город первого ранга, повинующийся небу».

Не знаю, действительно ли эта столица повинуетя небу, но законам прямолинейной геометрии — беспрекословно. Каждый из четырех городов, включенных один в другой, представляет собой квадрат или прямоугольник. В так называемом китайском городе находится маньчжурский, в центре маньчжурского — Желтый, или Хуанчэн, внутри Желтого — Пурпурный город, или Тэиньчэн, то есть «Запретный»¹. И в пределах этой симметричной планировки, окружностью в двадцать миль, насчитывается около двух миллионов жителей, в подавляющем большинстве китайцев, а также несколько тысяч монголов, тибетцев и татар.

На улицах такая толчея, что мою коляску на каждом шагу подстерегает какое-нибудь препятствие: то группа странствующих торговцев, то тяжело нагруженные ручные тележки, то мандарины со своей шумной свитой. Настоящий бич китайской столицы — отвратительные бродячие собаки, облезлые и паршивые, с бегающими глазами и оскаленной пастью. Они пожирают отбросы и набрасываются на иностранцев, которых узнают по одежде. К счастью, я не иду пешком, и у меня нет никаких дел ни в Запретном городе, куда не пускают простых смертных, ни в Желтом, ни в маньчжурском.

Китайский город имеет вид прямоугольника, разделенного Большой улицей на две приблизительно равные части. Большая улица тянется с севера на юг, а с востока на запад ее

¹ Китайский и маньчжурский города составляли вместе Внешний Пекин — «Вайчжен» и были заселены трудовым людом. Наиболее благоустроенными были районы Внутреннего Пекина — «Нэйчэн»; в которых селились власть имущие. Внутренний Пекин, в свою очередь, делился на две части; Императорский, или Желтый город, где находились правительственные учреждения, жили сановники и дворцовая челядь, и Запретный, или Пурпурный город, где находился дворец императора. В настоящее время весь комплекс дворцовых сооружений и храмов превращен в город-музей.

пересекает, также посредине, улица Ша-Хуа. При такой планировке нетрудно найти дом, где живет Зинка Клорк, но не так-то просто добраться до него по улицам Внешнего города, запруженным людьми и повозками.

Наконец около полудня экипаж останавливается перед невзрачным домом, в котором, судя по вывескам, живут главным образом ремесленники — иностранцы, снимающие комнаты.

Комната Зинки Клорк во втором этаже, с окном на улицу. Как вы помните, молодая румынка выучилась в Париже ремеслу модистики и уехала в Пекин на заработки.

Поднимаюсь на второй этаж. На дверях табличка: Зинка Клорк. Стучусь. Мне отворяют.

Передо мной весьма миловидная девушка. Кинко почти не преувеличивал, назвав ее красавицей. Это стройная блондинка, лет двадцати двух — двадцати трех, с черными, румынского типа, глазами, с тонкой талией и очень приветливым, улыбающимся личиком.

Разве она не знает, что Трансазиатский поезд прибыл в Пекин вчера вечером? Разве она не ждет с минуты на минуту своего жениха?

И я, как злой вестник, должен уничтожить ее радость, прогнать эту милую улыбку...

Зинка Клорк очень удивлена, увидев на пороге своей двери иностранца. И так как она прожила несколько лет во Франции, то сразу же узнает во мне француза и спрашивает, чем заслужила такую честь.

Я должен взвешивать каждое слово, чтобы не убить бедную девушку печальной вестью.

— Мадемуазель Зинка... — начинаю я.

— Как, вы меня знаете? — воскликнула она.

— Да... Я приехал вчера Трансазиатским экспрессом.

Девушка бледнеет, ее красивые глаза затуманиваются. Очевидно, у нее есть причины чего-то бояться. Не открылась ли проделка с ящиком? Может, Кинко пойман, арестован, брошен в тюрьму?..

Я торопливо добавляю:

— Мадемуазель Зинка, благодаря некоторым обстоятельствам, я познакомился в дороге с одним молодым румыном...

— Кинко!.. Мой бедный Кинко!.. Его нашли? — лепечет она, дрожа от страха.

— Нет... нет,— говорю я, запинаясь.— Кроме меня, никто не знает... Я часто заходил к нему по ночам в багажный вагон. Мы подружились. Я приносил ему еду...

— Благодарю вас, сударь!— восклицает Зинка, пожимая мне руку.— Кинко вполне мог довериться французу. О, я вам так признательна!

Задача моя еще более осложнилась. Как осмелюсь я теперь сказать ей правду?

— И никто больше не догадался, что в ящике сидит мой милый Кинко?

— Никто.

— Что делать, сударь? Мы не богаты. У Кинко не было денег на дорогу, там... в Тифлисе, и у меня их было недостаточно, чтобы ему послать. Как я рада, что все кончилось благополучно! Он хороший обойщик и легко найдет здесь работу. И как только мы будем в состоянии возместить Компании...

— Да... я знаю... знаю...

— Мы поженимся, сударь... Он так любит меня, и, скажу вам по правде, я люблю его нисколько не меньше. Мы познакомились в Париже, а в чужом городе земляки всегда сближаются. И он был так внимателен ко мне... Потом, когда он уехал в Тифлис, я стала зазывать его сюда... Бедный мальчик, воображаю, как ему было плохо в этом ящике...

— Да нет, мадемуазель Зинка, совсем неплохо.

— Ах, с какой радостью я заплачу за доставку моего милого Кинко!

— Да, за доставку... ящика...

— Теперь его уже не могут задержать?

— Нет... и после полудня, без сомнения...

Я решительно не знал, что говорить дальше.

— Сударь,— продолжает Зинка Клорк,— как только будут выполнены все формальности, мы обвенчаемся с Кинко, и я думаю, что не злоупотреблю вашей любезностью, если приглашу вас на свадьбу. Это было бы для нас такой честью...

— Вы приглашаете меня на свадьбу... Да, разумеется, я это уже обещал моему другу Кинко...

Бедняжка! Нельзя больше оставлять ее в заблуждении, надо сказать ей всю правду, как она ни горька.

— Мадемуазель Зинка... Кинко...

— Просил вас предупредить меня о своем приезде?

— Да, мадемуазель... Но вы понимаете... После такого длительного путешествия он очень утомлен.

— Утомлен?

— О, не пугайтесь.

— Уж не болен ли он?

— Да... немного прихворнул.

— Тогда я иду... я должна немедленно увидеть его... Сударь, умоляю вас, проводите меня на вокзал!

— Нет, мадемуазель Зинка, это было бы неосторожно... Вы никуда не должны ехать.

Девушка пристально смотрит мне в глаза.

— Правду, сударь! Говорите только правду! Не скрывайте от меня ничего! Что случилось с Кинко?

— Сейчас скажу... Я пришел к вам с печальной вестью.

Зинка Клорк готова лишиться чувств. Губы ее дрожат, она с трудом произносит слова.

— Значит, его нашли... все узнали... он в тюрьме...

— Это бы еще ничего... По дороге было крушение...

— Он умер!.. Кинко умер!..

Несчастливая Зинка падает на стул — тут я опять употребляю китайский оборот речи — и «слезы льются у нее из глаз, как дождь осенней ночью». Никогда я не видел ничего более грустного. Но нельзя же оставить бедную девушку в таком ужасном состоянии. Сейчас она потеряет сознание... Что делать? Как ей помочь?

— Мадемуазель Зинка... мадемуазель Зинка... — повторяю я.

В эту минуту на улице поднимается сильный шум. Под самым окном слышны крики, возгласы, топот, возня, и среди общего шума выделяется знакомый голос.

Боже! Да это голос Кинко! Я не ошибаюсь! Я узнаю его! Возможно ли это? Уж не рехнулся ли я?

Зинка Клорк срывается с места, бросается к окну, распахивает его.

И что же мы видим?

У подъезда стоит телега, а рядом с ней полуразвалившийся ящик с знакомыми надписями:

ВЕРХ! НИЗ! ОСТОРОЖНО, ЗЕРКАЛА!

ХРУПКОЕ, НЕ КАНТОВАТЬ!

БЕРЕЧЬ ОТ СЫРОСТИ!

Ящик уже выгружали, когда на подводу налетела тележка. Он упал на землю, разбился... и Кинко выскочил, как чертик из коробочки — живой и невредимый.

Я не верю своим глазам. Так, значит, он не погиб при взрыве? Нет, не погиб.

Позже он мне сам рассказал, как все произошло. Когда лопнул котел, силой взрыва юношу отбросило на полотно. Он довольно долго лежал, оглушенный ударом, потом очнулся и — бывают же чудеса на свете — убедился, что даже не ранен. Затем он отошел в сторону и притаился, пока не представилась возможность вернуться в багажный вагон. А я тем временем уже успел там побывать и, увидев пустой ящик, решил, что Кинко стал жертвой катастрофы.

Вот уж действительно ирония судьбы! Проехать в ящике, среди багажа, шесть тысяч километров по Великой Трансзиатской магистрали, избежать стольких опасностей, пережить нападение разбойников, уцелеть после взрыва котла и благодаря какой-то глупой случайности — толчку тележки на одной из улиц Пекина — мгновенно потерять всю выгоду от своего путешествия... путешествия, правда, мошеннического — ничего другого не скажешь и не подберешь более изящного эпитета.

Возчик кричит, хватает человека, выскочившего из ящика. В ту же минуту собирается толпа, сбегаются полицейские. И что может поделать в таких обстоятельствах румын, не знающий ни слова по-китайски и вынужденный прибегнуть к маловразумительному языку жестов? Его не понимают, да и какое он мог бы дать объяснение?

Мы с Зинкой выбегаем на улицу.

— Зинка!.. Моя милая Зинка! — восклицает он, обнимая молодую девушку.

— Кинко!.. Мой дорогой Кинко! — лепечет она, заливаясь слезами.

— Господин Бомбарнак... — жалостно произносит юноша, надеясь лишь на мое заступничество.

— Кинко, — отвечаю я, — не отчаивайтесь и рассчитывайте на мою помощь. Вы живы, а ведь мы считали вас мертвым...

— Ах, но мне сейчас не лучше, чем мертвому, — шепчет он.

Какое заблуждение! Все поправимо, кроме смерти, если даже грозит тюрьма, и не простая тюрьма, а китайская. И несмотря на мольбы молодой девушки и мои уговоры, полицейские под хохот и улюлюканье толпы уводят Кинко.

Но я его в беде не покину! Я выручу его во что бы то ни стало!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Если выражение «потерпеть крушение в гавани» может быть употреблено в самом точном смысле, то в данном случае оно очень кстати. Поэтому читатели должны меня простить, что я прибегаю к такой затасканной метафоре. Однако из того, что корабль потерпел крушение у самого причала, отнюдь не следует заключать, что он погиб. Конечно, свобода Кинко будет под сомнением, если мое заступничество и заступничество наших спутников окажется бесполезным. Но он жив, а это главное.

Нельзя терять ни минуты. Хотя китайская полиция и не слишком умела, ей нельзя отказать в быстроте и решительности действий. Раз, два, — и петля на шее. Но я и в мыслях не могу допустить, что дойдет до этого.

И я предлагаю руку Зинке Клорк, веду ее к своему экипажу, и мы быстро едем в «Гостиницу десяти тысяч снов».

Там я застаю майора Нольтица, супругов Катерна и, по счастливой случайности, молодого Пан Шао, избавившегося на этот раз от доктора Тио Кина. Пан Шао с радостью согласился быть нашим посредником в переговорах с китайскими властями.

И вот, в присутствии заплаканной Зинки, я подробно рассказываю своим друзьям историю ее жениха: как он путешествовал в ящике и как я с ним познакомился. И я говорю им, что если бы он не обманул Компанию Великой Трансазиатской магистрали, то не попал бы в Узун-Ада на поезд, а если бы не попал в Узун-Ада на поезд, мы лежали бы мертвыми на дне пропасти в долине Чжу.

Затем я сообщаю известные мне одному факты — как я, подслушав разговор Фарускиара с его сообщниками, предупредил Кинко о готовящемся преступлении; как храбрый юноша, с опасностью для жизни и удивительным хладнокровием, набил топку углем, закрыл клапаны и взорвал локомотив, чтобы остановить поезд.

Мое повествование сопровождалось оханьем и аханьем слушателей, а когда я кончил, первый комик выразил свою признательность, воскликнув с актерским пафосом:

— Ура, Кинко!.. Пусть ему дадут медаль за спасение утопающих!

Не дожидаясь, пока Сын Неба пожалует герою медаль за спасение утопающих или орден Зеленого Дракона, госпожа

Катерна привлекает к себе Зинку Клорк, обнимает и целует ее, не в силах удержать слез. Субретка, а в случае необходимости и первая любовница, умеет их проливать по ходу действия. Подумайте только, такая интригующая любовная драма, прерванная в финальной сцене!

Однако нужно спешить. Близится развязка, пятый акт идет к концу, и его не следует слишком затягивать. «Всех актеров к рампе!», как сказал бы господин Катерна.

— Нельзя же допустить, чтобы отдали под суд этого славного малого! — говорит майор Нольтиц. — Мы все должны отправиться к начальнику Трансазиатской дороги, и когда он узнает факты, то первый помешает преследованию.

— Несомненно, — отвечаю я, — потому что Кинко спас не только поезд, но вместе с ним и всех пассажиров.

— Не говоря уже о сокровищах Сына Неба, — прибавляет господин Катерна.

— Все это так, — замечает Пан Шао, — но, к несчастью, Кинко попал в руки полиции и посажен в тюрьму, а вырваться из нашей тюрьмы очень трудно.

— Так пойдемте же скорее к начальнику дороги! — говорю я.

— А нельзя ли будет сложиться и заплатить за его проезд? — спрашивает госпожа Катерна.

— Это предложение делает тебе честь, Каролина! — восклицает первый комик, делая вид, что шарит в карманах жилета.

— Спасите, спасите моего жениха! — умоляет Зинка Клорк, и ее красивые глаза вновь наполняются слезами.

— Успокойтесь, моя душенька, — утешает ее госпожа Катерна. — Мы спасем вашего жениха, и если понадобится, дадим в его пользу спектакль...

— Bravo, bravo, Каролина! — ликует господин Катерна и шумно аплодирует, как заправский клакер.

Мы вверяем румынку заботам добрейшей субретки, настолько же искренним, как и показным. Она объявляет нам, что полюбила девушку материнской любовью и станет грудью на ее защиту, как мать защищает свое дитя. Затем мы с майором Нольтицем, Пан Шао и господином Катерна спешим на вокзал, где помещается канцелярия начальника китайской службы Великой Трансазиатской магистрали.

Начальник у себя в кабинете, и по просьбе Пан Шао, нас вводят к нему.

Это во всех отношениях типичный службист, способный на всякое административное крючкотворство, бюрократ до

мозга костей, готовый запутать любое ясное дело, чиновник, который заткнул бы за пояс всех своих европейских коллег.

Пан Шао рассказывает ему, в чем дело, а так как начальник понимает немного по-русски, то и мы с майором Нольтицем принимаем участие в разговоре.

Начинается спор. Упрямый чиновник твердит, что случай с Кинко очень серьезен. Обмануть железнодорожную Компанию... проехать без билета шесть тысяч километров... нанести Компании и ее акционерам убыток в тысячу франков.

Мы пытаемся ему втолковать, что все это совершенно справедливо, но дорога понесла бы куда больший урон, если бы в багажном вагоне не было этого «зайца». Ведь не кто иной, как он, рискуя жизнью, спас поезд и всех пассажиров.

И — поверите ли вы? — живой фарфоровый болванчик дает нам понять, что с юридической точки зрения было бы легче примириться с гибелью сотни пассажиров, чем найти для мошенника смягчающие вину обстоятельства.

О, не он первый так рассуждает! Как это нам знакомо: пусть лучше мир перевернется, но принцип восторжествует!

Короче говоря, мы ничего от него не смогли добиться. Дело пойдет законным порядком. Кинко будут судить за мошенничество.

Мы уходим, не дождавшись, пока у господина Катерна иссякнет запас морских и актерских ругательств, которые он обрушивает на голову бездушного чиновника.

Что делать?

— Могу вас уверить, господа, — говорит Пан Шао, — что не пройдет и двух часов, как несчастного Кинко приведут к окружному судье и тот не замедлит вынести приговор. Вполне возможно, что, кроме тюремного заключения, он получит еще бамбуковые палки.

— Только этого не хватало! — восклицает первый комик, всплеснув руками. — Тогда бы его постигла участь дурачка Зизеля из оперетки «Если бы я был королем!».

— Вот именно, — отвечает Пан Шао, — уж я-то знаю, как вершится суд и расправа в Поднебесной Империи.

— Этому безобразию надо помешать, — говорит майор Нольтиц.

— Или, по крайней мере, попытаться, — замечает Пан Шао. — Поручите мне быть защитником Кинко на суде, и пусть я потеряю лицо¹, если не добьюсь облегчения его участи!

¹ Китайское выражение, которое означает «быть обещанным». (Прим. авт.)

Это лучшее и даже единственное, что можно сделать. Мы берем экипаж и минут через двадцать подъезжаем к довольно жалкому домику. Здесь находится окружной суд.

Собралась целая толпа. Дело получило широкую огласку. Все уже знают, что в багажном вагоне Трансазиатского поезда проехал «зайцем» какой-то чудаковатый, умудрившийся просидеть в ящике всю дорогу от Тифлиса до Пекина. Всем хочется взглянуть на этого ловкого «зайца», но никто не знает, что мошенник проявил себя настоящим героем.

Вот он, наш храбрый Кинко! Его стерегут двое дюжих полицейских, с желтыми, как айва, лицами, готовых по первому приказанию судьи отвести узника в тюрьму и дать ему по пяткам столько дюжин бамбуковых палок, сколько заблагорассудится вершителю правосудия.

Кинко растерян и смущен, что совсем не вяжется с его решительным характером. Правда, увидев нас, он несколько приободрился и глаза его стали менее грустными.

За судейским столом сидит смешной человечек в очках, а перед ним стоит ломовой извозчик и что-то долго и пространно излагает. По-видимому, он дает свидетельские показания. Судья качает головой с видом далеко не утешительным для обвиняемого, который, при всем желании, ничего не сможет сказать в свое оправдание, так как ни слова не понимает по-китайски.

Но вот к столу подходит Пан Шао. Судья его знает и любезно ему улыбается.

Наш молодой спутник — сын богатого пекинского купца, владельца большой чайной фирмы. Поэтому качание судейской головы можно теперь принять за благосклонность.

С каким пафосом и красноречием выступает наш молодой адвокат! Он производит впечатление на судью, он трогает публику рассказом о нашем путешествии и сопровождавших его приключениях, он предлагает заплатить железнодорожной Компании все, что ей причитается...

Но, к великому своему огорчению, судья не может на это согласиться. Компании был нанесен материальный ущерб одновременно с ущербом моральным и т. д.

Тут Пан Шао еще больше воодушевляется, и хотя мы ничего не понимаем из его речи, но догадываемся, что он говорит о мужестве Кинко, о том, как он едва не погиб, спасая поезд и пассажиров. И, наконец, следует последний и самый веский аргумент: ведь подсудимый спас от разбойников императорские сокровища!

Никакое красноречие и никакие аргументы не в силах воздействовать на безжалостного чиновника, который за всю свою долгую службу не оправдал, вероятно, и десяти подсудимых. Он согласен избавить преступника от палочных ударов, но должен посадить его на полгода в тюрьму и приговорить к уплате потерь и убытков Компании Великой Трансазиатской магистрали. Затем, по знаку этой карательной машины, бедного Кинко уводят.

Пусть читателей «XX века» не печалит его участь! Я иду даже на то, чтобы потерять лишнюю сотню строк, но расскажу немедленно, как было дальше.

Делом Кинко занялась газета. Пекинская «Ши-Бао» и тяньцзинская «Чайниз-Таймс» потребовали помилования молодого румына. Его необычная история была доведена до сведения богдыхана; одновременно с прощением Па Цао, и таким образом китайский император узнал, что принадлежащие ему золото и драгоценные камни не попали в руки разбойников только благодаря самоотверженности Кинко, который — клянусь Буддой! — заслуживает не тюрьмы, а награды.

И представьте себе, подвиг Кинко был оценен в пятнадцать тысяч таэлей, то есть в сто тысяч франков! Сын Неба в порыве великодушия послал ему означенную сумму вместе с помилованием.

Я не берусь описывать радость, ликование и всеобщий восторг, которые вызвала эта новость, принесенная нам самим Кинко. Ни один язык в мире, и даже китайский, со всеми его цветистыми оборотами и метафорами, не в силах выразить чувств хорошенькой Зинки Клорк.

А теперь, с позволения читателей «XX века», я расскажу в нескольких словах о моих спутниках, занесенных — каждый под своим номером — в мою записную книжку.

Номера 1 и 2, Фульк Эфринель и мисс Горация Блуэтт. Поспорив из-за процентов, упомянутых в брачном договоре, они развелись через три дня после приезда в Пекин. Словно и не было свадьбы, отпразднованной в поезде Великой Трансазиатской магистрали! Мисс Горация Блуэтт так и осталась мисс Горацией Блуэтт. Да поможет бог сухопарой маклерше закупить в Китае побольше волос, а практичному маклеру — усадить искусственными зубами челюсти всех подданных Сына Неба!

Номер 3 — майор Нольтиц. Он деятельно занимается в Пекине организацией госпиталя за счет русского правительства.

Когда пробил час разлуки, я почувствовал, что оставляю в этих далеких краях друга.

Номера 4 и 5, господин и госпожа Катерна. Проведя три недели в столице Поднебесной Империи, симпатичный первый комик и милейшая субретка уехали в Шанхай, где они с успехом выступают во французском театре.

Номер 6 — барон Вейсшнитцердёрфер. В последний раз я выписываю эту нескончаемую фамилию, чтобы сообщить, что незадачливый турист не только опоздал на пароход в Тяньцзине, но и через месяц пропустил его в Иокогаме; затем, спустя шесть недель, он потерпел крушение у берегов английской Колумбии, и, наконец, попал в железнодорожную катастрофу на линии между Сан-Франциско и Нью-Йорком. В результате ему не без труда удалось закончить кругосветное путешествие... в сто восемьдесят семь дней вместо тридцати девяти.

Номера 9 и 10, Пан Шао и доктор Тио Кин. Что я могу сказать? Пан Шао остался все тем же парижанином, как вы его знаете. Каждый раз, когда он приезжает во Францию, мы вместе обедаем у Дюрана или Маргери. Что же касается доктора, то он, следуя предписаниям Корнаро, довел свой рацион до одного яичного желтка в день и тем не менее не теряет надежды прожить до ста двух лет, по примеру благородного венецианца.

Номер 8 — сэр Фрэнсис Травельян, и номер 12 — великолепный Фарускиар. Я больше никогда не видел первого, от которого так и не дождался ни извинения, ни сигары, и не слышал, чтобы повесили второго. По всей вероятности, знаменитый разбойник вышел из состава Правления Великой Трансзиатской дороги и перенес свою плодотворную деятельность в Монгольские провинции.

Наконец Кинко, номер 11. Нечего и говорить, что он женился на Зинке Клорк. Мы все присутствовали на их свадьбе, очень пышной и парадной, и если Сын Неба щедро вознаграждал молодого румына, то молодая румынка получила прекрасный подарок от пассажиров поезда, спасенного ее женихом.

Вот правдивый и точный рассказ о моем путешествии из Тифлиса в Пекин. Я сделал все, что мог, выполняя на всем протяжении пути свои репортерские обязанности. И пусть редакция «XX века» выразит мне удовлетворение, несмотря на некоторые промахи и ошибки, которые я допустил.

Проведя три недели в Пекине, я вернулся во Францию морским путем.

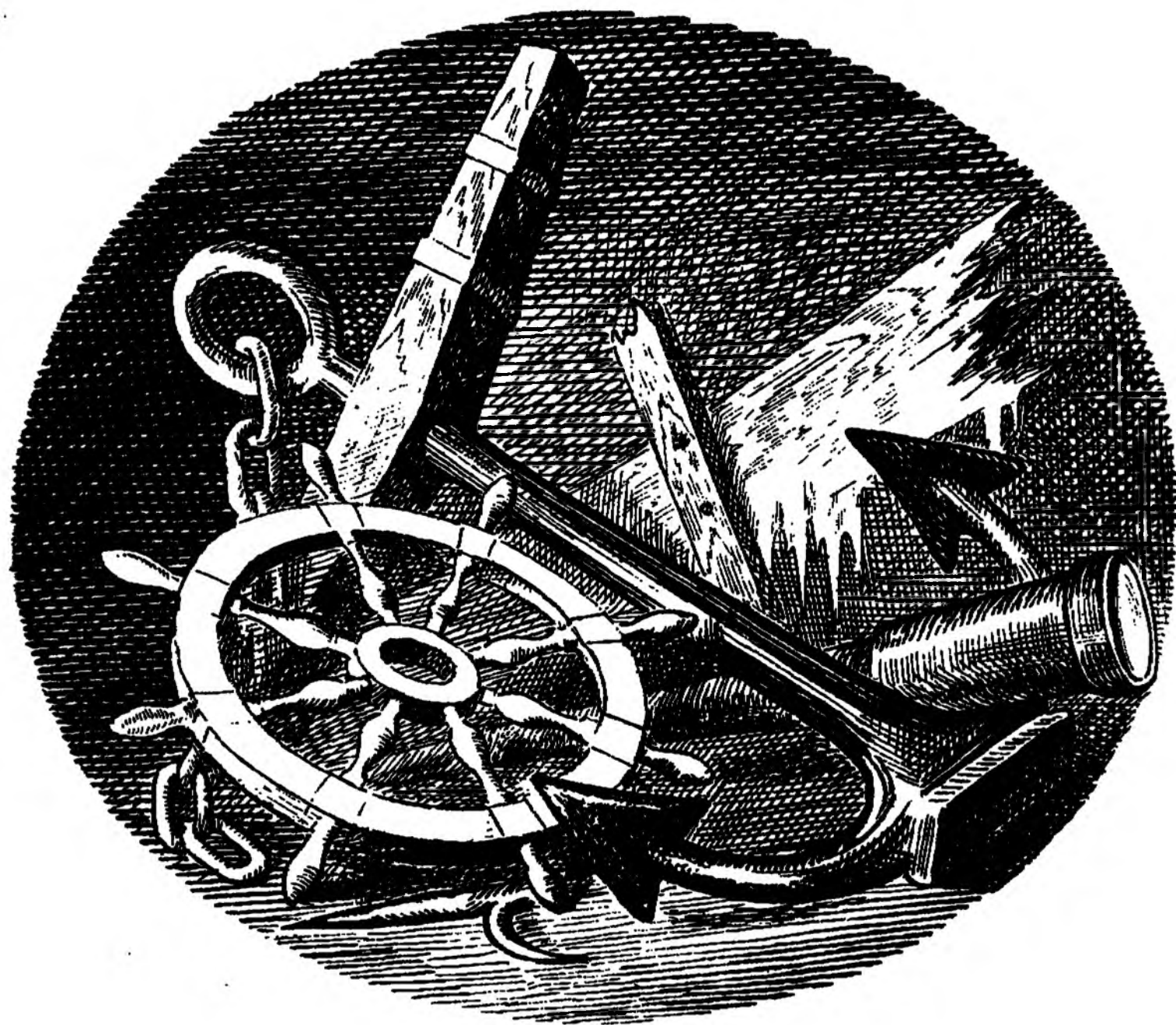
И наконец, мне остается сделать последнее и очень неприятное для моего самолюбия признание. На следующий день после приезда в столицу Поднебесной Империи я получил такую телеграмму в ответ на мою, посланную из Ланьчжоу:

«Клодиусу Бомбарнаку». Пекин Китай
Редакция «XX века» поручает своему корреспонденту Клодиусу Бомбарнаку принести поздравления и благодарность блестящему и отважному Фарускиару

Но так как я избавил себя от неприятности отвечать на эту телеграмму, то решительно утверждаю, что она не дошла до адресата.

1892 г.

Повести

ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Черный флаг

Двенадцатого мая 18... года кюре старой церкви города Дюнкерка проснулся в пять часов утра и соби-
рался, как всегда, служить раннюю обедню, на которую при-
ходило несколько благочестивых рыбаков.

Облачившись, он направился было к алтарю, но тут в риз-
ницу вошел человек, явно чем-то взволнованный и обрадован-
ный. Это был моряк лет шестидесяти, еще крепкий и бодрый,
с открытым и честным лицом.

— Господин кюре,— крикнул он,— подождите, пожа-
луйста!

— Что вас привело сюда в такую рань, Жан Корнбют? — с
удивлением спросил кюре.

— Что меня привело? До смерти захотелось обнять вас,
господин кюре!

— Что ж, я не возражаю, но лишь после того, как вы про-
слушаете обедню.

— Обедня! — засмеялся в ответ старый моряк. — Вы дума-
ете, вам теперь удастся отслужить обедню? Так я и позво-
лю вам!

— А почему бы мне не отслужить обедню? — спросил кю-
ре. — Ну-ка, объясните! Уже ударили в третий раз...

— Сколько бы раз там ни звонили, — ответил Жан Корн-
бют, — сегодня еще придется звонить, господин кюре. Ведь вы
обещали сами обвенчать моего сына Луи с моей племянницей
Мари!

— Так он вернулся?! — радостно воскликнул кюре.

— Можно сказать, вернулся, — отвечал Корнбют, потирая
руки. — Сегодня на рассвете нам сообщили с наблюдательного
поста о приближении нашего брига, которому вы сами наре-
кли прекрасное имя «Юный смельчак».

— Поздравляю вас от всей души, милейший Корнбют,— проговорил кюре, снимая ризу и епитрахиль.— Я не забыл о нашем уговоре. Обедню за меня отслужит викарий, и как только ваш сын прибудет,— я к вашим услугам.

— Будьте уверены, что он не заставит вас ждать слишком долго,— отвечал моряк.— Вы уже оглашали предстоящую свадьбу, и теперь вам остается отпустить ему грехи, а много ли может нагрешить человек, обретаясь между небом и водой во время плаванья в северных морях! А ведь ловко я придумал отпраздновать свадьбу в самый день прибытия брига! Луи с корабля отправится прямо в церковь!

— Так идите же, Корнбют, и готовьте все, что нужно.

— Бегу, господин кюре. До скорого свидания!

Моряк быстро зашагал к своему дому, стоявшему на набережной торгового порта. Из его окон открывался вид на Северное море, и старый моряк этим очень гордился.

Жану Корнбюту в свое время удалось сколотить кое-какое состояние. Прослужив несколько лет капитаном на кораблях одного богатого гаврского судовладельца, он решил обосноваться в своем родном городе, где на собственные средства построил бриг «Юный смельчак». Он совершил целый ряд рейсов на север, всякий раз выгодно сбывая весь свой груз строевого леса, железа и дегтя. Затем Жан Корнбют передал командование кораблем своему сыну Луи, отважному тридцатилетнему моряку. По словам всех местных капитанов каботажных судов, Луи был лучшим мореходом в Дюнкерке.

Луи Корнбют отправился в плавание, испытывая самые нежные чувства к племяннице своего отца, Мари. Молодая девушка с нетерпением ожидала его возвращения. Мари едва исполнилось двадцать лет. Это была красивая фламандка с легкой примесью голландской крови. Мать Мари, умирая, поручила ее своему брату, Жану Корнбюту. Добряк любил ее, как родную дочь, и надеялся, что ее брак с Луи будет прочным и счастливым.

Прибытие брига, замеченного в открытом море, означало завершение крупной торговой операции, которая должна была принести Жану Корнбюту значительную прибыль. Быстро закончив свой рейс, «Юный смельчак» возвращался с последней своей стоянки в порту Бодоз, на западном побережье Норвегии.

Когда Жан Корнбют пришел из церкви, весь дом был на ногах. Сияя от счастья, Мари одевалась к венцу.

— Только бы нам успеть собраться до прихода брига,— твердила она.

— Да, да, поторапливайся, малютка! — отвечал Жан Корнбют. — Ветер с севера, а под полным бакштагом «Юный смельчак» идет хорошо.

— А вы всех наших друзей известили, дядя? — спросила Мари.

— Всех извещил.

— И нотариуса и кюре?

— Не беспокойся! Смотри, как бы не пришлось ждать тебя.

В эту минуту вошел кум Клербо.

— Ну, друг Корнбют, — воскликнул он, — вот так удача! Твой корабль приходит как раз вовремя: правительство только что объявило торги на большие поставки строевого леса.

— А что мне до того? — отвечал Жан Корнбют. — Это дело правительства.

— Так оно и есть, господин Клербо, — добавила Мари. — Сейчас для нас важнее всего возвращение Луи.

— Не спорю... — продолжал кум Клербо. — Но все же эти поставки леса...

— И вы тоже попируете у нас на свадьбе, — прервал торговца Жан Корнбют, до боли стискивая ему руку.

— Эти поставки леса...

— И вместе со всеми нашими друзьями, что придут и с суши и с моря. Я уже предупредил гостей и приглашу всю команду корабля!

— А мы пойдем встречать его на набережную? — спросила Мари.

— А как же! — отвечал Жан Корнбют. — Все пойдем, пара за парой, с музыкой во главе.

Гости явились без опоздания. Несмотря на ранний час, никто не пренебрег приглашением. Все наперебой поздравляли славного моряка, которого искренне любили. Тем временем Мари, стоя на коленях у себя в комнате, горячо благодарила создателя за то, что он услышал ее мольбы. Вскоре, красивая и нарядная, она вошла в зал.

Женщины поцеловали ее в щеку, а мужчины крепко пожали ей руку. Затем Жан Корнбют подал сигнал к выступлению.

Любопытное зрелище представляло собой свадебное шествие, направлявшееся к морю на восходе солнца. Весть о прибытии брига успела облететь весь порт, и множество любопытных в ночных колпаках выглядывало из окон и полуоткрытых дверей. Со всех сторон слышались поздравления и добрые пожелания.

Под этот хор приветствий и благословений процессия приблизилась к пристани. Погода была великолепная. Казалось, солнце радовалось вместе с людьми. Дул свежий северный ветер, нагоняя небольшую волну, и рыбацьи лодки, выходявшие из порта, быстро скользили между причалами, оставляя за собой длинный след.

Две дамбы, начинавшиеся у набережной Дюнкерка, выдавались далеко в море. Свадебная процессия широкими рядами двигалась по северной дамбе и вскоре подошла к стоявшему на ее оконечности маленькому домику, где дежурил начальник порта.

Контуры брига Жана Корнбюта вырисовывались все отчетливее. Ветер крепчал, и «Юный смельчак» шел полным бакштагом под марселями, фоком, контр-бизанью, брамселями и бом-брамселями. По-видимому, на борту царила та же радость, что и на берегу. Жан Корнбют с подзорной трубой в руках весело отвечал на вопросы друзей.

— Вот он, мой красавец бриг! — воскликнул он. — Цел и невредим, словно только что из Дюнкерка. Никаких аварий! Ни малейшего повреждения.

— Вы видите своего сына, Корнбют? — спрашивали его.

— Пока еще нет. Ну, да он занят своим делом.

— Почему же он не поднимает флага? — удивился Клербо.

— Этого я не знаю, дружище, но уж, наверное, у него есть на то свои причины.

— Дядюшка, дайте мне подзорную трубу, — сказала Мари, выхватывая у Корнбюта из рук инструмент. — Я первая хочу его увидеть!

— Но ведь это мой сын, сударыня!

— Вот уже тридцать лет, как он ваш сын, — смеясь, отвечала девушка, — но моим женихом он стал только два года назад.

Теперь «Юный смельчак» был виден совершенно отчетливо. Команда уже готовилась бросить якорь. Верхние паруса были убраны. Уже можно было узнать кое-кого из матросов, устремившихся к снастям, но напрасно искали глазами Мари и Жан Корнбют капитана, чтобы помахать ему рукой.

— Ей-богу, я вижу помощника капитана Андрэ Васлинга! — вдруг крикнул Клербо.

— А вон плотник Фидель Мизон! — отозвался один из присутствующих.

— И наш друг Пенеллан! — прибавил второй, делая знаки моряку, носившему это имя.

«Юный смельчак» находился уже в каких-нибудь трех ка-

бельтовых от порта, когда на гафеле показался черный флаг... На борту был траур!

Страшная мысль мелькнула у присутствующих; сердце молодой невесты сжалось от недоброго предчувствия.

Бриг печально входил в порт. На борту царило гробовое молчание. Вскоре корабль миновал оконечность эстакады. Мари, Жан Корнбют и гости бросились на набережную, к которой подходил корабль, и через минуту были на борту.

— Мой сын! — только и мог выговорить Жан Корнбют.

Матросы, обнажив головы, молча указали ему на траурный флаг.

Отчаянно вскрикнув, Мари без чувств упала на руки старого Корнбюта.

«Юного смельчака» привел в порт Андрэ Васлинг. Жениха Мари Луи Корнбюта на борту больше не было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

План Жана Корнбюта

Как только сердобольные соседки увели молодую девушку, помощник капитана, Андрэ Васлинг, рассказал Корнбюту о печальном событии, лишившем старика радости свидания с сыном. В корабельном журнале об этом можно было прочесть следующее:

«26 апреля, на широте Мальстрима, когда дул свирепый зюйд-вест, с корабля, вынужденного лечь в дрейф во время шторма, были замечены сигналы бедствия, подаваемые какой-то шкуной. Увлекаемая течением, шкуна без фок-мачты и парусов неслась по направлению к Мальстриму. Капитан Луи Корнбют, видя, что судну грозит неминуемая гибель, решил прийти ему на помощь. Несмотря на возражения команды, он распорядился спустить на воду шлюпку, в которую вошел вместе с матросом Кортруа и рулевым Пьером Нукэ. Команда следила за ними глазами до тех пор, пока они не скрылись в тумане. Наступила ночь. Шторм все усиливался. «Юный смельчак» каждую минуту мог быть подхвачен течениями, проходившими поблизости от этих мест, и затянут в Мальстрим. Корабль был вынужден идти по ветру. Напрасно кружил он несколько дней в районе места происшествия: ни шлюпки, спущенной с брига, ни шкуны, ни капитана Луи и ни одного из его спутников нигде не было видно. Тогда Андрэ Васлинг созвал матросов, взял на себя командование кораблем и повел его на Дюнкерк».

Прочитав эту запись, сухую и лаконичную, как всякий судово́й документ, Жан Корнбют долго плакал. Единственным утешением ему служила мысль, что сын его погиб, стремясь спасти своих ближних. Вскоре несчастный отец ушел с брига, на который ему было больно смотреть, и возвратился в свой осиротевший дом.

Печальная новость мгновенно разнеслась по всему Дюнкерку. Многочисленные друзья старого моряка наперерыв спешили выразить ему свое горячее, искреннее сочувствие. Пришли и матросы с «Юного смельчака» и сообщили подробности печального происшествия. Мари заставила Андрэ Васлинга рассказать все, что ему было известно о самоотверженном поступке ее жениха.

Пролив немало горьких слез, Жан Корнбют погрузился в глубокое раздумье. На следующее утро он спросил заглянувшего к нему Андрэ Васлинга:

— Скажите, Андрэ, вы вполне уверены, что мой сын погиб?

— Увы, это так, господин Жан! — ответил Андрэ Васлинг.

— И вы сделали решительно все, что могли, чтобы разыскать его?

— Абсолютно все, господин Корнбют! К сожалению, не приходится сомневаться, что ваш сын и его спутники погибли в пучине Мальстрима.

— Андрэ, согласились бы вы остаться помощником капитана?

— Это будет зависеть от капитана, господин Корнбют.

— Капитаном буду я, Андрэ, — ответил старый моряк. — Я быстро разгружу корабль, наберу команду и отправлюсь на поиски сына.

— Но ваш сын погиб, — настойчиво повторил Андрэ Васлинг.

— Возможно, что так оно и есть, Андрэ, — с живостью возразил Жан Корнбют, — но возможно также, что ему удалось спастись. Я хочу обшарить все норвежские порты, куда его могло забросить. И только, когда для меня станет ясно, что я больше не увижу его, я вернусь домой, чтобы умереть.

Почувствовав, что решение Жана Корнбюта непоколебимо, Андрэ Васлинг перестал возражать и ушел.

Тотчас же после его ухода Жан Корнбют принялся излагать племяннице намеченный им план. Вскоре он увидел в ее глазах сквозь слезы, постоянно их застилавшие, проблеск слабой надежды. До этого момента девушка не сомневалась в гибели жениха. Но как только в ее сердце зародилась надежда, — Мари отдалась ей всей душой.

Старый капитан решил, что «Юный смельчак» должен немедленно выйти в море. Прочно построенный бриг не перенес еще ни одной аварии и не нуждался в ремонте.

Жан Корнбют заявил, что если матросы согласны снова пуститься в плавание, то состав команды останется прежним. Единственное изменение состояло в том, что вместо сына командовать кораблем должен был сам Жан Корнбют.

Ни один из спутников Луи Корнбюта не отказался от предложения. А среди них были такие brave моряки, как Алэн Тюркьет, плотник Фидель Мизон, бретонец Пенеллан, заменивший погибшего рулевого Пьера Нукэ, и такие храбрые, испытанные матросы, как Градлен, Опик и Жервик.

Жан Корнбют еще раз предложил Андрэ Васлингу занять прежний пост на борту. Приведя бриг обратно в порт в целости и сохранности, помощник капитана показал себя искусным мореходом. Но по каким-то неизвестным причинам Андрэ Васлинг медлил с ответом и попросил несколько дней на размышление.

— Как вам угодно, Андрэ Васлинг, — отвечал Корнбют. — Но знайте, что, если вы согласитесь, мы примем вас с радостью.

На преданность бретонца Пенеллана Жан Корнбют мог вполне рассчитывать, — немало рейсов совершили они вместе на своем веку. В прошлом, когда рулевой почему-либо оставался на берегу, маленькая Мари проводила у него на руках долгие зимние вечера. Понятно, что старик навсегда сохранил к ней отцовскую нежность, и молодая девушка со своей стороны отвечала ему дочерней привязанностью. Пенеллан изо всех сил старался как можно скорее снарядить корабль. По его мнению, Андрэ Васлинг недостаточно усердно разыскивал потерпевших крушение, хотя его образ действий был вполне оправдан: он не мог рисковать кораблем, за который нес ответственность как капитан.

Не прошло и недели, как «Юный смельчак» был готов к новому рейсу. Только на этот раз груз его состоял не из товаров, а из всякого рода провизии: бриг до отказа был загружен солониной, сухарями, мешками с мукой и картофелем, ветчиной, вином, водкой, кофе, чаем, табаком.

Отплытие было назначено на 22 мая. Накануне этого дня к Жану Корнбюту явился Андрэ Васлинг, до сих пор не давший окончательного ответа. Он все еще был в нерешительности, не зная, что предпринять.

Хотя Жана Корнбюта не было дома, дверь была открыта. Когда Андрэ Васлинг вошел в залу, смежную с комнатой мо-

людой девушки, его внимание привлекли доносившиеся оттуда голоса. Он прислушался и узнал голоса Мари и Пенеллана.

По-видимому, они разговаривали уже давно, так как молодая девушка, казалось, была решительно не согласна с какими-то доводами бретонца.

— Сколько лет дяде Корнбюту?— спрашивала Мари.

— Что-нибудь около шестидесяти,— отвечал Пенеллан.

— Вот видите, и, несмотря на это, он не боится никаких опасностей и без колебаний отправляется на розыски сына.

— Но наш капитан еще очень крепкий человек,— возразил моряк.— У него тело точно из дуба, а мускулы что колосники. Уж за него-то я ничуть не боюсь.

— Мой добрый Пенеллан,— продолжала Мари,— когдалюбишь, найдутся силы. А потом я надеюсь, что господь не оставит нас. Вы меня понимаете, так помогите же мне.

— Нет, Мари, это невозможно,— не сдавался Пенеллан.— Кто знает, куда забросит нас судьба и какие страдания доведется нам испытать. Ты и представить себе не можешь, сколько мужественных людей погибло в северных морях!

— Но поймите,— настаивала молодая девушка,— от этого ничего не изменится, а если вы мне откажете, я подумаю, что вы меня разлюбили.

Андрэ Васлинг догадался, на что решалась молодая девушка. Минута размышления, и его ответ был готов.

— Жан Корнбют,— сказал он, направляясь навстречу старому моряку, входившему в дом,— я принимаю ваше предложение. Обстоятельства изменились, и теперь я вполне могу остаться на корабле. Вы можете на меня рассчитывать.

— Я никогда не сомневался в вас, Андрэ Васлинг,— ответил Жан Корнбют, протягивая ему руку.— Мари, дитя мое!— позвал он.

Мари и Пенеллан тотчас вошли в комнату.

— Мы выходим завтра на рассвете с отливом,— сказал старый моряк.— Моя бедная Мари, мы проводим вместе последний вечер.

— Дядюшка!— воскликнула Мари, бросаясь к Жану Корнбюту.

— Бог даст, я разыщу твоего жениха, Мари.

— Конечно, мы разыщем Луи,— прибавил Андрэ Васлинг.

— Так вы тоже с нами?— с живостью спросил Пенеллан.

— Да, Пенеллан, Андрэ Васлинг будет моим помощником,— отвечал Жан Корнбют.

— О,— протянул бретонец с каким-то странным выражением в глазах.

— Его советы нам очень пригодятся, он ловок и предприимчив.

— Да вы, капитан, всех нас за пояс заткнете, — ответил Андрэ Васлинг. — И опытности и здоровья у вас хоть отбавляй.

— Итак, друзья мои, до завтра. Идите скорее на корабль и заканчивайте приготовления. До свидания, Андрэ! До свидания, Пенеллан!

Помощник капитана и матрос вышли вместе. Жан Корнбют и Мари остались вдвоем. Немало слез было пролито в этот печальный вечер. Чтобы еще больше не расстраивать и без того опечаленную Мари, Жан Корнбют решил уйти на следующий день не прощаясь. Он в последний раз поцеловал Мари, а в три часа утра незаметно вышел из дому.

По случаю отплытия корабля на эстакаде собрались все друзья старого моряка. Кюре, еще недавно собиравшийся благословить союз Мари и Луи, пришел дать последнее напутствие кораблю. Обменявшись с приятелями крепкими молчаливыми рукопожатиями, Жан Корнбют поднялся на борт.

Команда была в сборе. Андрэ Васлинг отдавал последние распоряжения. Но вот паруса поставлены, и бриг стал быстро удаляться под крепким северо-западным бризом. Кюре, стоя посреди коленопреклоненной толпы, поручал отплывающих божьей милости.

Куда стремится этот корабль? Он идет по пути, полному лишений, на котором погибло столько мореплавателей! Не имея определенного места назначения, он должен быть готов к любым опасностям и бороться с ними. Его ведет бог! Одному богу известно, где бригу суждено бросить якорь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Проблеск надежды.

Это время года особенно благоприятно для плавания, и можно было надеяться, что бриг без задержек прибудет на место кораблекрушения.

Жан Корнбют наметил следующий маршрут: прежде всего он рассчитывал сделать остановку у Фарерских островов, куда северный ветер мог прибить потерпевших кораблекрушение. Затем он намеревался обойти все окрестные порты и, выйдя за пределы Северного моря, обследовать все западное побережье Норвегии вплоть до порта Бодоз, ближайшего к месту кораблекрушения пункта, а если понадобится — отправиться и дальше.

Андрэ Васлинг, напротив, считал, что прежде всего надо обследовать берега Исландии. Но Пенеллан возразил ему, что во время катастрофы буря надвигалась с запада, поэтому можно надеяться, что несчастные, благополучно миновав Мальстрим, были отброшены к берегам Норвегии.

Таким образом, решено было по возможности придерживаться ранее намеченного маршрута до тех пор, пока не будут обнаружены какие-либо следы.

На другой день Жан Корнбют сидел над картой, погруженный в размышления. Вдруг на плечо его опустилась маленькая рука и нежный голос прошептал ему на ухо:

— Мужайтесь, дядюшка!

Он быстро обернулся и остолбенел от изумления. Мари обвила его шею руками.

— Мари, девочка моя! — воскликнул он. — Ты здесь!

— Если отец идет в море, чтобы спасти сына, то и жена может отправиться на розыски мужа.

— Несчастливая Мари! Как перенесешь ты все лишения и трудности. какие нам предстоят? Неужели ты не понимаешь, что с тобою нам будет гораздо труднее в пути!

— Нет, дядюшка, ведь я сильная.

— Но кто знает, куда нас занесет, Мари? Взгляни на эту карту! Мы приближаемся к местам, небезопасным даже для нас, моряков, привыкших ко всему на свете. Но что будет с тобою, слабое дитя!..

— Нет, дядюшка, я родилась в семье моряка! С детства я наслушалась рассказов о крушениях и штормах! Я хочу быть вместе с вами и моим старым другом Пенелланом.

— Пенеллан! Так это он спрятал тебя здесь?

— Да, дядюшка, но ведь он знал, что я и без его помощи сумела бы пробраться на корабль.

— Пенеллан! — позвал Жан Корнбют.

Вошел рулевой.

— Что сделано, того не исправишь, Пенеллан. Но помни, за жизнь Мари отвечаешь ты.

— Будьте спокойны, капитан, — ответил Пенеллан. — Малютка достаточно сильна и мужественна. Она будет нашим ангелом-хранителем. А вдобавок, капитан, все, что ни делается, делается к лучшему.

Молодую девушку поместили в каюту, которую матросы постарались уютно обставить.

Восемь дней спустя «Юный смельчак» встал на якорь у Фарерских островов. Однако самые тщательные расследования оказались безуспешными. За все это время на побережье не было обнаружено никаких обломков корабля, никаких следов

потерпевших крушение. Вообще о кораблекрушении там ничего не знали.

После десятидневной стоянки 10 июня корабль двинулся дальше. Море было спокойное. Дул благоприятный ветер, и корабль быстро достиг берегов Норвегии, но и здесь поиски не дали никаких результатов.

Жан Корнбют решил направиться в Бодоз. Возможно, там удастся узнать название погибшего корабля, на помощь которому поспешил Луи Корнбют с двумя матросами.

Бриг бросил якорь в Бодоз 30 июня. Здесь местные власти вручили Жану Корнбюту бутылку, найденную на берегу и содержащую следующий документ:

«26 апреля, на борту «Фрейерна». После того как к нам подошла шлюпка с «Юного смельчака», нас стало относить течением в сторону льдов. Да сжалится над нами господь!»

Жан Корнбют возблагодарил небеса. Наконец-то он напал на след! Без сомнения, «Фрейерн» и был той самой пропавшей без вести норвежской шкуной, которая, по-видимому, была унесена течением на север.

Нельзя было терять ни одного дня. «Юный смельчак» был спешно подготовлен к борьбе с опасностями, ожидавшими его в северных морях. Плотник Фидель Мизон, тщательно осмотрев корабль, убедился, что он достаточно прочной конструкции и можно не бояться встречи со льдами.

Пенеллан, не раз охотившийся на китов в арктических морях, позаботился о том, чтобы сделан был необходимый запас шерстяных одеял, меховой одежды, обуви из тюленьих шкур и досок для изготовления саней, без которых невозможно пробираться по ледяным равнинам. Запасы винного спирта и каменного угля были значительно увеличены на тот случай, если бы пришлось зазимовать где-нибудь в Гренландии. С великим трудом и за большие деньги удалось раздобыть порядочное количество лимонов, необходимых для борьбы с цингой, обычно поражающей мореплавателей в полярных районах. Теперь запасы солонины, сухарей и водки уже не уместались в провизионных кладовых, и пришлось заполнить часть трюма. Не забыли захватить в большом количестве и пеммикан¹, содержащий много питательных веществ. Достаточно съесть небольшое количество этого индейского продукта, чтобы насытиться.

По распоряжению Жана Корнбюта приобрели несколько пил, чтобы распиливать лед. Захватили также ломы и клинья,

¹ Смесь мясного порошка с пряностями.

чтобы раздвигать льдины. В Гренландии собирались купить собак для санной упряжки.

Вся команда корабля была занята этими приготовлениями и энергично работала. Матросы Опик, Жервик и Градлен во всем следовали наставлениям рулевого Пенеллана, который советовал до поры до времени не надевать теплого платья, хотя температура воздуха под этими широтами за полярным кругом была уже достаточно низкой.

Все это время Пенеллан, не говоря никому ни слова, внимательно наблюдал за поведением Андрэ Васлинга. Человек этот, голландец по происхождению, появился у них в порту неизвестно откуда; он был неплохим моряком и два рейса плавал на борту «Юного смельчака». Покамест Пенеллану не в чем было его упрекнуть, разве только в излишнем внимании к Мари. Тем не менее рулевой решил продолжать свои наблюдения.

Благодаря энергичной работе всего экипажа бриг был снаряжен к 16 июля, то есть через две недели после прибытия в Бодоз. Это время года особенно благоприятно для плавания в арктических морях. Уже два месяца как началась оттепель, и розыски становились менее затруднительными. Итак, «Юный смельчак» снялся с якоря и взял курс на мыс Брустер, находящийся на восточном побережье Гренландии, на 70 градусе широты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Во льдах

Вечером 23 июля над поверхностью моря был замечен отблеск, возвещающий о приближении первых айсбергов, двигавшихся к Датскому проливу и затем устремлявшихся в океан. С этой минуты от вахтенного на мачте требовалась неусыпная бдительность: нужно было следить за тем, чтобы корабль не столкнулся с какой-нибудь глыбой.

Команда была разделена на две смены. Первая состояла из Фиделя Мизона, Градлена и Жервика, во вторую входили Андрэ Васлинг, Опик и Пенеллан. Вахта должна была длиться не более двух часов, так как в суровом полярном климате силы человека быстро убывают. Хотя «Юный смельчак» находился всего лишь на 63 градусе северной широты, термометр показывал уже 9° ниже нуля.

Не переставая шел дождь, смешанный со снегом. Когда ветер немного утихал, Мари поднималась на палубу. Глаза ее

постепенно привыкали к безрадостному северному ландшафту.

Первого августа Мари, по своему обыкновению, прогуливалась на кормовой палубе корабля, беседуя с дядей, Андрэ Васлингом и Пенелланом. В это время «Юный смельчак» входил в проход шириной не более трех миль, образовавшийся между двумя ледяными полями; обломки льдин неслись по проходу на юг.

— Когда же мы увидим землю? — спросила молодая девушка.

— Дня через три или четыре, — ответил Жан Корнбют.

— Может быть, мы узнаем там что-нибудь о моем бедном Луи!

— Все возможно, Мари, но боюсь, что нам еще долго придется плавать. Сдается мне, что «Фрейерн» был унесен еще дальше на север.

— Я думаю, вы правы, — заметил Андрэ Васлинг. — Ведь шторм, во время которого мы потеряли из виду норвежское судно, продолжался целых три дня, а за это время корабль могло отнести далеко, ведь он не в состоянии бороться с ветром.

— Позвольте вам заметить, господин Васлинг, — возразил Пенеллан, — что дело было в апреле, когда оттепель еще не начиналась. Поэтому шкуну должны были задержать льды.

— И, без сомнения, она разбита в щепки. Ведь команда не могла управлять кораблем.

— Однако по ледяной равнине, — продолжал Пенеллан, — им было нетрудно добраться до земли, до которой было не так уже далеко.

— Будем надеяться, что так и было, — проговорил Жан Корнбют, прерывая спор, ежедневно возникавший между помощником капитана и рулевым. — Я думаю, вскоре мы увидим землю.

— Вот она! — воскликнула Мари. — Посмотрите на эти горы!

— Нет, дитя мое, — отвечал Жан Корнбют, — это ледяные горы. Мы встречаем их впервые на своем пути. Если мы окажемся между ними, они раздавят нас, как стеклышко. Пенеллан, Васлинг, внимательнее следите за управлением корабля.

На горизонте появилось более пятидесяти айсбергов; они медленно приближались к бригу. Пенеллан взялся за руль. Жан Корнбют поднялся на мачту и стал оттуда указывать путь.

К вечеру бриг был окружен со всех сторон движущимися ледяными горами, против натиска которых было бы бесполез-

но бороться. Кораблю предстояло пробраться сквозь эту флотилию плавучих гор: благоразумие заставляло двигаться вперед. Тут возникло еще одно затруднение: не было возможности точно определить направление корабля. Этому мешало непрерывное движение окружающих судно ледяных глыб, которые не могли служить сколько-нибудь надежным ориентиром. Туман сгустился, и стало еще темнее, Мари спустилась к себе в каюту. По приказу капитана восемь человек, составлявших экипаж брига, остались на палубе. Они были вооружены баграми с металлическим наконечником и должны были отталкивать попадавшие на пути льдины.

Через некоторое время «Юный смельчак» вошел в такой узкий проход, что плывшие по течению ледяные горы могли задеть ноки нижних рей; из осторожности грота-рей поставили так, чтобы он касался вантов. К счастью, на скорость брига это не повлияло — верхние паруса хорошо наполнялись ветром, и корабль двигался быстро. Благодаря небольшой ширине своего корпуса корабль, несмотря на туман, без особого труда продвигался по узкому проходу, осторожно лавируя между льдинами, которые то и дело сталкивались со зловеющим грохотом.

Жан Корнбют спустился на палубу. Он уже ничего не мог разглядеть с мачты в окружающем мраке. Верхние паруса необходимо было взять на гитовы: корабль каждую минуту мог натолкнуться на льдину, и тогда гибель была бы неминуема.

— Проклятое плавание! — ворчал Андрэ Васлинг, стоявший среди матросов, которые отталкивали баграми льдины.

— Если нам удастся проскочить, мы поставим самую большую свечу богоматери, спасающей во льдах, — сказал Опик.

— А сколько еще впереди таких плавучих гор! — ввернул помощник капитана.

— И что нас ждет за этими горами! — отозвался матрос.

— Заткнись, болтун! — оборвал его Жервик. — Лучше следи за своим багром! Успеешь поворчать, когда мы выберемся отсюда.

В этот миг они заметили огромную глыбу льда, быстро надвигавшуюся на «Юного смельчака». Казалось, столкновение было неизбежно. Айсберг занимал почти всю ширину канала, и бриг не мог обойти его ни с той, ни с другой стороны.

— Судно слушается руля? — спросил Пенеллана Жан Корнбют.

— Нет, капитан. Судно уже не слушается руля.

— Эй, ребята! — крикнул капитан команде. — Не робейте! Покрепче упритесь баграми в планшир!

Айсберг был высотой в добрых шестьдесят футов. Если он обрушится на бриг, то мигом его раздавит. Наступил момент томительного ожидания. Этому ужасному мгновению, казалось, не будет конца. Не слушая приказаний капитана, матросы покинули свои места и сгрудились на корме.

Но, когда ледяная гора находилась на расстоянии не более полукабельтова от «Юного смельчака», вдруг раздался глухой шум, и огромный каскад воды обрушился на нос корабля, очутившегося на гребне чудовищной волны.

У матросов вырвался крик ужаса, но когда они взглянули вперед, ледяной горы уже не было. Она исчезла, и проход был свободен. Впереди расстилалось необозримое водное пространство, освещенное лучами заходящего солнца. Корабль выходил, наконец, на свободный путь.

— Все, что ни делается, делается к лучшему! — воскликнул Пенеллан. — Ставьте марсель и фок!

Произошло обычное в этих широтах явление: когда плавающие массы льда раскалываются во время таяния, айсберги плывут, сохраняя равновесие; но, оказавшись в океане, где вода значительно теплее, ледяные горы начинают подтаивать у основания и постепенно оседают. Сталкиваясь с соседними льдинами, они теряют равновесие; наступает момент, когда центр тяжести айсберга перемещается, и он опрокидывается. Если бы ледяная гора перевернулась бы на две минуты позже, она всей своей тяжестью обрушилась бы на бриг и потопила бы его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Остров Ливерпуль

Теперь бриг плыл по водному пространству, почти свободному ото льда. Только белесый и на этот раз неподвижный отблеск на горизонте говорил о том, что там начинается область сплошных льдов.

Жан Корнбют продолжал вести корабль на мыс Брустер. Они приближались уже к широтам, где температура воздуха чрезвычайно низка, ибо туда доходят лишь наклонные, очень слабые лучи солнца.

Третьего августа бриг подошел к сплошным, неподвижным льдам. Проходы между ними зачастую были не больше кабельтова шириной, и «Юный смельчак» вынужден был делать множество поворотов, заставлявших иной раз лавировать против ветра.

Пенеллан с отеческой нежностью заботился о Мари. Несмотря на мороз, он заставлял ее ежедневно два-три часа прогуливаться по палубе, что было необходимо для сохранения здоровья.

Впрочем, Мари не теряла мужества, напротив — она всячески старалась подбодрить матросов, чем заслужила их искреннее уважение. Андрэ Васлинг вертелся около нее больше, чем когда-либо. Он искал случая заговорить с Мари, но молодая девушка, как бы предчувствуя что-то неладное, довольно холодно принимала его услуги. Разумеется, Андрэ Васлинг предпочитал беседовать с нею о будущем, он не скрывал от Мари, что оставалось мало надежды на спасение Луи и его спутников. По его мнению, в их гибели не было сомнений и молодой девушке рано или поздно придется найти себе другого спутника жизни.

Однако Мари все еще не догадывалась об истинных намерениях Андрэ Васлинга, так как, к великому неудовольствию помощника капитана, им никак не удавалось разговориться. Пенеллан всякий раз под тем или иным предлогом вмешивался в разговор, ловко разбивал хитрые доводы Андрэ Васлинга и возрождал надежду в сердце девушки.

Между тем Мари тоже не теряла времени даром. По совету рулевого она занялась подготовкой зимней одежды. Необходимо было изменить покрой платья. Обыкновенная женская одежда не подходила для зимовки во льдах, и Мари пришлось смастерить себе нечто вроде меховых шаровар, которые она обшила внизу тюленьим мехом; узкая короткая юбка не должна была касаться снега — надвигалась зима, и вскоре можно было ожидать снегопадов. Верхнюю часть туловища защищал меховой плащ с капюшоном, туго стянутый в талии.

В перерывах между работами матросы также занимались изготовлением теплой одежды. Прежде всего они сшили себе высокие сапоги из тюленьих шкур, в которых им предстояло пробираться по сугробам. Таким образом, во время плаванья во льдах у матросов не было ни одной свободной минуты.

Андрэ Васлинг был искусный стрелок, и ему нередко удавалось настрелять морских птиц, бесчисленные стаи которых постоянно носились над кораблем. Вкусное мясо гаг и снежных куропаток позволило путешественникам отдохнуть от солонины.

После множества поворотов бриг стал, наконец, приближаться к мысу Брустер. На воду была спущена шлюпка. Жан Корнбют и Пенеллан подошли на ней к берегу, но он оказался пустым и безлюдным.

Не теряя времени, бриг направился к острову Ливерпуль, открытому в 1821 году капитаном Скорсби. Когда корабль приблизился к берегу, матросы закричали от радости при виде туземцев, собравшихся на отмели. Пенеллан знал несколько слов на их языке, а им были знакомы кое-какие выражения, бывшие в ходу у китобоев, часто посещавших эти места; это помогло довольно быстро наладить связь.

Гренландцы были приземисты, коренасты; их рост в среднем не превышал четырех футов десяти дюймов, у них были круглые красноватые лица и низкий лоб; прямые пряди черных волос падали на плечи. У всех были испорченные зубы. Казалось, туземцы страдали какой-то болезнью, похожей на проказу, которой подвержены племена, питающиеся преимущественно рыбой.

В обмен на кусочки стали и меди, от которой они пришли в неописуемый восторг, бедняги приносили шкуры медведей, котиков, тюленей, дельфинов, морских волков и других животных. Таким образом, все эти шкуры, имевшие большую ценность для путешественников, достались почти даром.

Затем капитан кое-как объяснил туземцам, что он разыскивает потерпевший крушение корабль, и спросил, знают ли они что-нибудь об этом судне. Один из туземцев тотчас же нарисовал на снегу предмет, похожий на корабль, и объяснил, что такое судно месяца три тому назад было унесено на север, но оттепель и разрушение полей льда помешали им отправиться на розыски. Действительно, их утлые и чересчур легкие челноки, управляемые лопатообразным веслом, не могли выйти в море при создавшихся условиях.

Полученные ими сведения, хотя и не совсем точные, воскресили в сердцах матросов угасшую надежду, и Жану Корнбюту легко было уговорить их плыть дальше в полярные моря.

Перед тем как покинуть остров Ливерпуль, капитан приобрел упряжку из шести эскимосских собак, которые быстро акклиматизировались на корабле. Бриг снялся с якоря утром 10 августа и под крепким бризом двинулся, лавируя между льдами, дальше на север.

В эту пору под высокими широтами бывают самые длинные дни в году. Незаходящее солнце достигает самой высокой точки спирали, по которой оно движется над горизонтом. Впрочем, отсутствие ночи было не слишком заметно: нередко туман, дождь и снег заменяли ночную тьму.

Жан Корнбют, решивший идти до последней возможности вперед, позаботился о том, чтобы на корабле соблюдались правила гигиены. Межпалубное пространство было на-

глухо закрыто, и его открывали только по утрам для проветривания. Установили печи, причем трубы расположили так, чтобы внутри помещения сосредоточивалось как можно больше тепла. Матросам было приказано поверх хлопчатобумажной одежды надевать только одну шерстяную рубашу и наглухо застегивать кожаные плащи. Впрочем, печи еще не топились: запас дров и угля берегли для более сильных морозов.

Утром и вечером матросы обязательно получали какое-нибудь горячее питье; кофе или чай, а так как для поддержания сил нужна была мясная пища, то не упускали случая поохотиться на диких уток и чирков, в изобилии водившихся в этих местах.

Жан Корнбют установил на верхушке грот-мачты так называемое «воронье гнездо», нечто вроде бочки с выбитым днищем, где постоянно находился вахтенный, следивший за состоянием льдов.

Через два дня после того, как остров Ливерпуль скрылся из поля зрения, внезапно подул сухой ветер, и стало значительно холоднее; появились первые признаки приближения зимы.

«Юный смельчак» не мог терять ни минуты, так как вскоре сплошные льды должны были закрыть ему путь. Бриг шел вперед между ледяными полями; толщина льда достигала тридцати футов.

Утром 3 сентября «Юный смельчак» достиг широты бухты Гаэл-Хамкес. Земля должна была находиться примерно в тридцати милях с подветренной стороны. Здесь бриг впервые вынужден был остановиться перед ледяным барьером шириной в милю, в котором не было никакого, хотя бы самого узкого, прохода. Тут-то и пришлось пустить в ход ледовые пилы, чтобы как-нибудь расчистить дорогу. На работу с пилами были назначены Пенеллан, Опик, Градлен и Тюркьет. Колку льда производили с таким расчетом, чтобы куски льда уносились течением.

На эту работу команда потратила в общей сложности около двадцати часов. Было очень трудно стоять на льду; часто приходилось работать по пояс в воде. Одежда из тюленьих шкур быстро промокала.

Вдобавок под этими широтами всякая физическая работа быстро утомляет, и человек начинает задыхаться. Даже самые здоровые вынуждены были постоянно делать передышку.

Наконец путь был расчищен, и бриг смог пробраться сквозь эту долго задерживавшую его ледяную преграду.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Колебания льдов

Борьба «Юного смельчака» с такими трудно-преодолимыми препятствиями продолжалась еще несколько дней. Люди почти не выпускали из рук ледовых пил. Чтобы разбивать ледяные торосы, преграждавшие дорогу кораблю, приходилось даже прибегать к пороху.

Двенадцатого сентября море представляло собой уже сплошную ледяную равнину без единого промежутка или трещины. Лед так плотно окружал со всех сторон корабль, что он не мог ни продвигаться вперед, ни податься назад. Средняя температура воздуха была 16° ниже нуля. Одним словом, настало время зимовки. Пришла зима со всеми своими лишениями и опасностями.

«Юный смельчак» находился у входа в бухту Гаэл-Хамкес, то есть приблизительно на 21 градусе западной долготы и 76 градусе северной широты.

Жан Корнбют занялся приготовлениями к предстоящей зимовке. Прежде всего ему хотелось разыскать небольшую бухту, где корабль мог бы укрыться от ветра и сжатия льдов. Самое надежное убежище можно было найти только у берега, находящегося примерно в десяти милях к западу, и Жан Корнбют решил отправиться на поиски.

Двенадцатого сентября он двинулся в путь в сопровождении Андрэ Васлинга, Пенеллана и двух матросов, Градлена и Тюркьета. Каждый нес с собой груз, состоящий из двухдневного запаса провизии, так как все были уверены, что поход продлится не более двух дней. Кроме того, каждый захватил с собой по буйволово́й шкуре, которая должна была служить постелью.

Снег, в изобилии выпавший за последнее время, еще не покрылся коркой льда и чрезвычайно затруднял передвижение. Путники часто проваливались в снег по пояс, и все время приходилось быть начеку, чтобы не упасть в трещину. Пенеллан, шедший впереди, тщательно исследовал дорогу, прощупывая ее длинной палкой с металлическим наконечником.

К пяти часам вечера туман начал сгущаться, и отряд вынужден был остановиться. Пенеллан принялся разыскивать льдину, за которой можно было бы укрыться от ветра.

Отдохнув несколько минут, путники подкрепились едой и очень пожалели, что у них не было горячего питья; потом они расстелили на снегу шкуры, завернулись в них, тесно прижались друг к другу и крепко заснули.

На следующее утро Жан Корнбют и его товарищи проснулись под снежным покровом толщиной более фута. К счастью, совершенно непромокаемые буйволовы шкуры защитили их от сырости, а слой снега сохранил их собственное тепло.

Жан Корнбют тотчас же подал знак к выступлению. К полудню они, наконец, увидели едва заметную полосу берега.

Берег был окаймлен высокими ледяными горами; их вершины, различной формы и высоты, имели вид гигантских кристаллов. При приближении моряков стаи морских птиц с шумом разлетелись в разные стороны, а лениво растянувшиеся на льду тюлени поспешно скрылись в воде.

— Честное слово, — заметил Пенеллан, — у нас тут не будет недостатка ни в мехе, ни в дичи.

— Эти животные, — ответил Жан Корнбют, — кажется, уже знакомы с человеком. Видно, здесь уже побывал кто-то прежде нас, иначе они не были бы так пугливы.

— Сюда заходят только гренландцы, — отозвался Андрэ Васлинг.

— Однако здесь нет никаких следов их пребывания, — возразил Пенеллан, поднимавшийся на холм. — Вокруг не видно ни остатков лагеря, ни покинутой хижины.

— Эй, капитан! — вдруг крикнул он. — Идите-ка сюда, я вижу подходящее местечко, где можно будет укрыться от норд-оста.

— За мной, ребята! — воскликнул Жан Корнбют.

Товарищи последовали за ним, а вскоре все присоединились к Пенеллану. Моряк был прав. За довольно высоким скалистым мысом была небольшая закрытая бухта длиной примерно в милю. В бухте плавало несколько льдин. Защищенная от холодных ветров вода еще не успела замерзнуть. Это было как нельзя более подходящее место для зимовки. Оставалось только провести туда корабль. Однако Жан Корнбют заметил, что слой льда чрезвычайно толст и почти невозможно прорубить в нем канал, чтобы провести бриг к месту зимовки.

Итак, приходилось искать другую бухту. Жан Корнбют прошел дальше к северу, но и там ему ничего не удалось найти. Почти на всем протяжении берег представлял собой непрерывную стену скал. К тому же с этой стороны побережье было открыто восточным ветрам.

Это сильно огорчило капитана, тем более что Андрэ Васлинг, пользуясь случаем, изо всех сил старался преувеличить трудность создавшегося положения. Даже Пенеллан теперь начал сомневаться в справедливости своей любимой поговорки: все, что ни делается, делается к лучшему.

Оставался только один выход: поискать место для зимовки в южном направлении. Для этого нужно было вернуться назад, но раздумывать не приходилось, и маленький отряд тронулся в обратный путь. Старались идти как можно быстрее, потому что запасы провизии кончались.

Все это время Жан Корнбют присматривался к ледяной равнине, надеясь обнаружить какой-нибудь подходящий проход или хотя бы трещину, которую можно было бы расширить и превратить в канал. Но все его старания были напрасны.

К вечеру моряки вернулись на то место, где ночевали накануне. День прошел без снегопада, и они даже разглядели отпечатки своих ног на снегу. Все было готово к ночлегу, и путники улеглись, подстелив под себя буйволодые шкуры. Пенеллан был сильно раздосадован результатами разведки, и ему не спалось.

Внезапно его внимание привлек какой-то глухой рокот. Он стал прислушиваться, этот звук показался ему таким странным, что он толкнул локтем Жана Корнбюта.

— Что такое? — спросил Жан Корнбют, мгновенно проснувшись: как и все моряки, он спал очень чутко.

— Слышите, капитан? — спросил Пенеллан.

Звук повторился еще явственнее.

— Едва ли под этими широтами может быть гром, — заметил Жан Корнбют, поднимаясь на холм. — Скорее всего это стадо белых медведей.

— Черт возьми, до сих пор нам еще не приходилось с ними встречаться.

— Да, но рано или поздно они нанесут нам визит, — ответил Пенеллан. — Постараемся же оказать им достойный прием.

Пенеллан, захватив ружье, быстро взобрался на холм, у подножия которого они расположились. Небо заволокли тучи, и в темноте было трудно что-либо разглядеть. Но когда звук повторился, Пенеллан понял, что он доносится совсем не издалека. Вскоре к Пенеллану присоединился Жан Корнбют, и они с ужасом убедились, что рокот, разбудивший теперь и всех остальных, раздавался где-то у них под ногами.

Им угрожала новая опасность. Теперь шум, похожий на раскаты грома, сопровождался сильным колебанием льда. Некоторые матросы потеряли равновесие и упали.

— Внимание! — крикнул Пенеллан.

— Смирнем! — раздалось в ответ.

— Тюркьет! Граден! Где вы?

— Я здесь! — ответил Тюркьет, стараясь удержать себя.

— Сюда, Васлинг! — крикнул Жан Корнбют помощнику. — Где Градлен?

— Здесь, капитан! Мы пропали! — в ужасе закричал Градлен.

— Ничуть не бывало, — возразил Пенеллан. — Мне думается, мы спасены.

Не успел он это сказать, как раздался ужасающий треск. Ледяное поле раскололось на несколько частей, и матросам пришлось ухватиться за шатающуюся ледяную глыбу. Вопреки словам рулевого они оказались в исключительно опасном положении. Весь лед кругом колебался. Образовавшиеся торосы, как говорят моряки, «снялись с якоря». Колебание льда продолжалось около двух минут. Злосчастные матросы опасались, как бы лед не разъехался у них под ногами. Так, в постоянном страхе и волнении, они дожидались наступления дня. Каждый шаг мог оказаться роковым, и люди старались лежать неподвижно, чтобы не сорваться в пучину.

Когда рассвело, глазам их представилась картина, совершенно отличная от той, какую они наблюдали накануне. Необозримое ледяное поле раскололось на тысячи ледяных обломков. Волны, поднявшиеся в результате подводного землетрясения, взломали сковывающий их толстый слой льда.

Жан Корнбют первый вспомнил о брига.

— Мой бедный корабль! — вскричал старый моряк. — Он наверняка погиб.

Лица его товарищей выражали беспредельное отчаяние. Гибель корабля должна была вскоре повлечь за собой их собственную гибель.

— Не падайте духом, друзья мои, — тихо проговорил Пенеллан. — Будем надеяться, что разрушение льдов откроет нам путь через льды, по которому мы сможем провести наш корабль в бухту, удобную для зимовки. Э, глядите-ка, если я не ошибаюсь, вот он, наш «Юный смельчак», на целую милю ближе к нам, чем раньше.

Забыв от радости всякую осторожность, все устремились вперед. Тюркьет поскользнулся и провалился в трещину; если бы Жан Корнбют не ухватил его за капюшон, матрос неминуемо бы погиб. К счастью, он отделался только холодной ванной.

На расстоянии каких-нибудь двух миль от путников виднелся бриг, плывший по ветру. Преодолев множество препятствий, маленький стряп добрался, наконец, до корабля. Корабль был в хорошем состоянии, только руль, который забыли вовремя поднять, был разбит льдинами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приготовление к зимовке

Итак, Пенеллан и на этот раз оказался прав: все устроилось как нельзя лучше, подводное землетрясение расчистило кораблю путь до самой бухты, намеченной для зимовки. Морякам оставалось только подталкивать баграми льдины с таким расчетом, чтобы они уносились течением и не загораживали им дорогу.

Девятнадцатого сентября бриг вошел в бухту, предназначенную для зимовки, и в двух кабельтовых от берега бросил якорь, который прочно засел в твердом грунте. На следующий день вода вокруг судна начала затягиваться тонким льдом. Вскоре лед стал уже настолько крепок, что легко выдерживал тяжесть человека. Теперь можно было установить непосредственную связь с сушей.

По обычаю северных мореходов такелаж оставили на своих местах. Что касается парусов, то они были тщательно сложены, закреплены на реях и покрыты чехлами. «Воронье гнездо» также оставили на месте, чтобы оттуда производить наблюдения и, заметив какое-нибудь судно, сигнализировать ему.

Солнце уже едва поднималось над горизонтом. Со времени июньского солнцестояния светило описывало по небосклону все более пологие дуги и вскоре должно было надолго скрыться за горизонтом.

Экипаж спешно готовился к зимовке. Работами руководил Пенеллан.

Лед становился все крепче и толще; сжимая корабль со всех сторон, он угрожал его раздавить. Плавающие льдины находились в непрерывном движении; примыкая друг к другу, они спаивались, образуя ледяное поле. Когда лед достиг футов двадцать в толщину, Пенеллан заставил команду наискось вырубить его вокруг корпуса корабля. Лед сомкнулся под килем и принял форму судна. Теперь оно покоилось на надежном ложе, и можно было не опасаться напора льдов.

Моряки возвели вдоль баркоута снежную стену, поднимавшуюся до высоты фальшборта, толщиной в пять-шесть футов. В скором времени снег стал твердым, как камень. Благодаря этой защитной ограде тепло не излучалось из жилого помещения наружу. Над палубой во всю ее длину был натянут парусиновый тент. Закрытая наглухо со всех сторон палуба служила для команды местом прогулок.

На берегу построили из снега склад, куда сложили все предметы, загромождавшие корабль. Переборки между каютами были разобраны, и теперь внутренность корабля от носа до кормы представляла собой одно большое помещение, которое легче было отопить, чем несколько маленьких кают, не говоря о том, что там было меньше углов, где всегда скапливается сырость и нарастает лед. К тому же это помещение можно было легко проветривать посредством парусиновых рукавов, выведенных наружу.

Вся команда работала не покладая рук, и 25 сентября приготовления к зимовке были закончены. Андрэ Васлинг не отставал от других. Он всячески старался угодить молодой девушке. Поглощенная мыслями о своем несчастном женихе, Мари ничего не замечала, зато Жан Корнбют быстро раскусил, в чем тут дело. Он решил поговорить с Пенелланом. Ему припомнились кое-какие факты, и он понял, куда клонит его помощник. Андрэ Васлинг любит Мари и, конечно, будет просить ее руки у Жана Корнбюта, когда тот удостоверится в гибели сына и его спутников. Было ясно, что помощник капитана мечтает поскорее вернуться в Дюнкерк и жениться на красивой и богатой девушке, которая станет единственной наследницей Жана Корнбюта.

Но в своем нетерпенье Андрэ Васлинг порой забывал об осторожности и выдавал себя: уж слишком часто рассуждал он о бесполезности поисков. Пенеллану доставляло удовольствие разбивать шаткие доводы помощника капитана; естественно, Андрэ Васлинг всей душой ненавидел старика рулевого. Впрочем, Пенеллан платил ему той же монетой. Он опасался только, как бы Андрэ Васлинг не посеял раздора среди команды, поэтому он посоветовал Жану Корнбюту до поры до времени воздерживаться от определенного ответа.

Когда приготовления к зимовке были закончены, капитан стал принимать меры для сохранения здоровья экипажа. Каждое утро матросы должны были проветривать помещение и тщательно протирать стены, которые отсыревали за ночь. Утром и вечером матросы получали горячий чай или кофе. Каждый день по несколько человек отправлялись на охоту и должны были доставлять на борт свежую пищу.

Капитан заставлял всех ежедневно делать гимнастику и запретил оставаться слишком долго на холоде без движения, так как при температуре -30° легко отморозить лицо или конечности. В таком случае единственный способ спасти обмороженное место — это энергично растирать его снегом. Пенеллан советовал также каждое утро умываться холодной водой. Поистине нужно было обладать изрядным мужеством,

чтобы решиться погрузить лицо и руки в ледяную воду, которую получали, нагревая снег в помещении. Пенеллан храбро проделал это на глазах у всех, и Мари одна из первых последовала его примеру.

Жан Корнбют не забывал также о чтении и молитве: надо было позаботиться о том, чтобы люди не скучали и не впадали в уныние. Зимующим в этих безотрадных краях чрезвычайно опасно терять бодрость духа. Вечно пасмурное небо нагоняло тоску. Постоянно свирепствовавшие снежные бури приводили людей в отчаяние. Солнце вскоре должно было совсем скрыться. Если бы не облака, все время застилавшие небо, лунный свет мог бы в известной мере заменить путешественникам солнце во время долгой полярной ночи.

Однако западный ветер приносил снеговые тучи. Каждое утро приходилось отгребать сугробы, наметенные за ночь вокруг корабля, и заново прорубать во льду ступеньки для спуска на снежную равнину. Для этого пускали в ход ломы. Прорубив ступеньки, их обливали водой, которая тотчас же замерзала.

Пенеллан заставил матросов сделать во льду прорубь близ корабля. Каждое утро приходилось разбивать тонкий лед, образующийся в проруби. Вода, которую черпали на значительной глубине, была далеко не так холодна, как на поверхности.

Все эти приготовления заняли около трех недель. Затем стали думать о дальнейших поисках. Корабль был заперт во льдах на добрых шесть-семь месяцев и мог продолжать свой путь лишь с наступлением оттепели. Необходимо было воспользоваться этой вынужденной остановкой и отправиться на поиски в северном направлении.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

План поисков

Девятого октября Жан Корнбют созвал совещание, чтобы выработать план дальнейших действий; желая поднять дух участников экспедиции, он пригласил на совещание всю команду. Достав карту, он показал товарищам, где находится корабль.

Восточное побережье Гренландии простирается к северу почти по меридиану. Вся эта область была тщательно исследована целым рядом мореплавателей. На водном пространстве шириной в пятьсот лье, отделяющем Гренландию от Шпицбергена, не удалось обнаружить ни одного острова.

Единственный остров, под названием Шаннон, находился на расстоянии ста миль к северу от бухты Гаэл-Хамкес, где предстояло провести зиму «Юному смельчаку».

Таким образом, если предположить, что норвежский корабль был отнесен в этом направлении, то Луи Корнбют и его спутники должны были искать убежища на зиму именно на этом острове.

Все согласились с мнением капитана, и, несмотря на возражения Андрэ Васлинга, решено было направиться на поиски к острову Шаннон.

Тотчас же начали готовиться. На норвежском берегу удалось приобрести сани, типа эскимосских, с полозьями, загнутыми с обоих концов. Благодаря такой конструкции они легко скользили как по льду, так и по снегу. Сани эти были двенадцати футов в длину и четырех футов в ширину, и на них можно было перевозить запасы провизии, рассчитанные на несколько недель. Фидель Мизон быстро их наладил. Он работал на складе, построенном из снежных глыб, куда были перенесены все его инструменты. Чтобы создать необходимую для работы температуру, на складе поставили печь. Трубу вывели наружу сквозь отверстие, сделанное в снеговой стене. Однако это устройство оказалось малопригодным, так как снег начал таять вокруг горячей трубы, и отверстие стало заметно увеличиваться. Тогда Жан Корнбют обернул трубу проволоочной сеткой, что устранило таяние.

Пока Мизон работал над санями, Пенеллан с помощью Мари заготавливал одежду в дорогу. К счастью, сапоги из тюленьих шкур имелись в достаточном количестве. Жан Корнбют и Андрэ Васлинг отбирали необходимую провизию. Они решили взять с собой небольшой бочонок спирта для переносной жаровни, нужное количество чая и кофе, небольшой ящик с сухарями, двести фунтов пеммикана и несколько флажков водки. Охотники должны были ежедневно доставлять свежее мясо. Порох рассыпали по мешочкам. Компас, секстант и подзорную трубу тщательно упаковали, оберегая их от толчков.

Одиннадцатого октября солнце впервые не поднялось над горизонтом. В кубрике все время горела лампа. Экспедицию никак нельзя было откладывать по следующим соображениям.

В январе начнутся такие холода, что опасно будет выходить из помещения. В течение добрых двух месяцев команда будет обречена на полное затворничество. Затем начнется оттепель, которая и позволит кораблю выйти из льдов. Разумеется, таяние льдов помещает производить поиски. Вдобавок

Луи Корнбют и его товарищи, если они остались в живых, едва ли перенесут полярную зиму. Итак, необходимо было немедленно их выручать.

Андрэ Васлинг прекрасно это понимал. Именно поэтому он решил всеми средствами препятствовать экспедиции.

Сборы в путь были закончены к 20 октября. Оставалось только подобрать людей. Молодую девушку нельзя было оставлять без опеки Жана Корнбюта или Пенеллана, а между тем они должны были участвовать в экспедиции.

Предстояло решить вопрос, сможет ли Мари выдержать все трудности такого путешествия. До сих пор она довольно легко переносила все лишения; ведь она была дочерью моряка и с детства привыкла к морю. Поэтому Пенеллан и не побоялся взять ее с собой в полярное плавание.

После долгих споров решили наконец, что молодая девушка тоже отправится в экспедицию, но на всякий случай ей оставят место в санях. С этой целью на санях построили небольшой шалаш из досок. Мари так и рвалась в поход и ни за что не хотела разлучаться со своими друзьями.

Итак, в экспедиции приняли участие: Мари, Жан Корнбют, Пенеллан, Андрэ Васлинг, Опик и Фидель Мизон. На корабле оставались Жервик, Градлен и Ален Тюркьет, которому и поручили охрану брига. Пришлось захватить с собой в значительном количестве добавочные припасы, так как Жан Корнбют, стремясь пройти как можно дальше, решил каждые семь-восемь дней делать по пути склады продовольствия.

Как только сани были приведены в готовность, их тотчас же нагрузили и прикрыли поклажу буйволодой шкурой. Общий вес груза составлял около семисот фунтов; пять собак без труда везли этот груз по льду.

Двадцать второго октября, как и предвидел капитан, температура внезапно изменилась. Небо очистилось, ярко заблистали звезды, над горизонтом поднялась луна и целых полмесяца не покидала небосклона. Термометр показывал — 25°.

Выступление было назначено на следующий день.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Снежная хижина

Двадцать третьего октября в 11 часов утра, при ярком лунном свете, караван тронулся в путь. На этот раз были приняты все необходимые меры на тот случай, если путешествие затянется. Жан Корнбют направился к северу, придерживаясь побережья. Идти приходилось по голому льду, на

котором не оставалось ни малейших следов. Чтобы не сбиться с пути, капитану приходилось намечать впереди те или иные ориентиры: он держал направление то на какой-нибудь холм, врезавшийся в небо острыми зубцами, то на огромный торос, под напором льдов поднявшийся над равниной.

Пройдя около пятнадцати миль, сделали привал, и Пенеллан начал разбивать лагерь. Первым делом установили палатку, прислонив ее к ледяному торосу. Хотя Мари и не слишком страдала от холода, — к счастью, ветер утих, и стало легче переносить мороз, — ей не раз приходилось спускаться с саней, чтобы поразмять онемевшие ноги. Ей было довольно уютно в маленьком шалашике, который Пенеллан обил внутри шкурами.

Когда наступила ночь, или, вернее, подошло время отдыха, шалашик перенесли в палатку, и он служил молодой девушке спальней. Ужин состоял из свежего мяса, мясного порошка и горячего чая. Чтобы предупредить заболевание цингой, Жан Корнбют дал всем участникам экспедиции по несколько капель лимонного соку. Затем, помолившись, все крепко уснули.

После восьмичасового сна участники экспедиции, плотно позавтракав и накормив собак, заняли свои места в караване и снова пустились в путь. Собаки без малейшего напряжения везли сани по гладкой ледяной поверхности, и люди иногда с трудом поспевали за ними.

Вскоре у некоторых моряков обнаружилась так называемая офтальмия, то есть воспаление глаз. Первыми заболели Опик и Мизон. При лунном свете ослепительный блеск ледяных и снежных пространств вызывал нестерпимую резь в глазах.

Преломление лунных лучей создавало любопытный обман зрения. Иной раз путникам казалось, что они видят перед собой бугорок, и, поднимая ногу выше, чем следовало, они падали. К счастью, они при этом не ушибались, и Пенеллан всякий раз добродушно подшучивал над товарищами. И все же он советовал не делать ни одного шага, не ощутив предварительно дорогу палкой с железным наконечником, которая была у каждого в руках.

К 1 ноября, через десять дней после выступления из лагеря, отряд прошел уже пятьдесят миль в северном направлении. Все участники экспедиции испытывали крайнюю усталость. Жан Корнбют жестоко страдал от офтальмии и с трудом различал окружающие предметы. Опик и Фидель Мизон могли передвигаться только ощупью, глаза у них воспалились, и ослепительный блеск льдов причинял им невыносимую

боль. Мари удалось избежать этой болезни, так как она почти все время находилась в шалаше. Пенеллан преодолевал все невзгоды со свойственным ему мужеством. Лучшие всех чувствовал себя Андрэ Васлинг: он был совершенно здоров и казался неустойчивым. Его железный организм, казалось, был создан для борьбы со всеми этими трудностями, и он с тайной радостью наблюдал, как самые сильные из его спутников мало-помалу теряли бодрость духа, и не сомневался, что вскоре они будут вынуждены повернуть назад.

И вот 1 ноября, когда путники окончательно выбились из сил, пришлось сделать остановку, чтобы отдохнуть денек-другой. Выбрав место для лагеря, все немедленно принялись за работу. Решили построить снежную хижину. Одной стеной хижина должна была примыкать к прибрежному утесу. Фидель Мизон быстро начертил на льду план хижины, которая должна была иметь пятнадцать футов в длину и пять футов в ширину. Пенеллан, Овик и Мизон ледовыми пилами нарезали огромные куски льда, перенесли их к намеченному месту и, как заправские каменщики, начали складывать из них стену. Вскоре передняя стена поднялась на высоту пяти футов. Она была почти такой же толщины: материала было хоть отбавляй, а постройку следовало сделать как можно прочнее, чтобы она могла продержаться несколько дней. Часов через восемь были возведены все четыре стены. С южной стороны находился вход. Домик был покрыт парусиновым тентом, который свешивался над входом и полностью его закрывал. Оставалось только наложить сверху большие куски льда, которые должны были служить кровлей этому недолговечному строению.

Еще три часа изнурительного труда, и домик был закончен; путники вошли в него, изнемогая от усталости, в состоянии, близком к отчаянию. Жан Корнбют еле волочил ноги. Воспользовавшись этим, Андрэ Васлинг заставил его дать слово, что он прекратит поиски.

Пенеллан не знал, какого святого молить о помощи. Он считал, что с их стороны будет величайшей подлостью бросить потерпевших аварию на произвол судьбы, пока еще не удостоверились в их гибели. Но как ни старался он убедить в этом товарищей, все было напрасно.

Хотя и принято было решение возвращаться, все были так утомлены, что в течение трех дней нечего было думать о сборах в обратный путь.

Четвертого ноября Жан Корнбют решил зарыть в намеченном им месте на берегу часть продуктов, без которых они могли обойтись. Над складом был оставлен опознавательный

знак на случай, если паче чаяния будут предприняты новые розыски в этих местах. По дороге сюда он оставлял такого рода склады каждые четыре дня, чтобы обеспечить отряду питание на обратном пути и не везти лишний груз в санях.

Выступить должны были 5 ноября в 10 часов утра. Все члены маленького отряда находились в глубочайшем унынии. Мари с трудом сдерживала слезы, видя, какое отчаяние овладело ее дядюшкой. Столько напрасных мучений! Столько потрачено даром сил! Пенеллан выходил из себя. Он посылал всех к черту и не переставая возмущался слабостью и малодушием своих товарищей. Он уверял, что они менее выносливы и куда трусливее, чем Мари, которая без единого слова жалобы готова была пойти на край света.

Андрэ Васлинг с трудом скрывал свою радость. Он все время вертелся возле молодой девушки и успокаивал ее, говоря, что весной можно будет предпринять новые поиски. Он отлично знал, что весной эти розыски будут уже не нужны.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Заживо погребенные

Накануне выступления, пока товарищи ужинали, Пенеллан раскалывал на топливо пустые ящики. Вдруг он почувствовал, что задыхается от густого дыма. В этот миг домик содрогнулся, словно от подземного толчка. Все вскрикнули от испуга. Пенеллан выбежал из домика.

Кругом царил непроглядный мрак. Оттепели еще не было и в помине. В ледяных просторах свирепствовала пурга. Яростно кружились снежные вихри. Мороз был жестокий, и у рулевого мгновенно заledenели руки. Быстро растерев руки и лицо снегом, он вернулся в помещение.

— Вот так буря! — проговорил он. — Дай бог, чтобы наш домик уцелел. Если ураган снесет его, мы погибли.

Из-под льда доносился ужасающий гул. Обломки разбившихся о скалистый выступ ледяных глыб сталкивались с оглушительным грохотом, громоздились друг на друга. Ветер налетал бешеными порывами, и порой казалось, что он вот-вот снесет хижину. По временам снежные вихри пронизывались вспышками фосфорического света, — странное явление, которое до сих пор еще не поддается объяснению.

— Мари, Мари! — крикнул Пенеллан, хватая за руки молодую девушку.

— Плохо наше дело, — пробормотал Фидель Мизон.

— Да, едва ли нам удастся выпутаться из беды, — отозвался Опик.

— Уйдем отсюда! — предложил Андрэ Васлинг.

— Это невозможно, — возразил Пенеллан. — Там лютый мороз, и только здесь мы можем спастись от него.

— Дайте-ка мне термометр, — сказал Андрэ Васлинг.

Опик передал ему инструмент. Термометр показывал —10°, несмотря на разведенный огонь. Андрэ Васлинг приподнял парусину над входом и быстро высунул термометр наружу, остерегаясь, как бы ему не поранили руку ледяные осколки, градом сыпавшиеся сверху.

— Ну как, господин Васлинг? — спросил Пенеллан. — Вы все еще собираетесь уходить отсюда? Теперь вы убедились, что здесь мы в относительной безопасности?

— Да, да, — подхватил Жан Корнбют. — И надо как можно лучше укрепить наш дом.

— Вы забываете, что здесь нам угрожает другая, еще более серьезная опасность, — возразил Андрэ Васлинг.

— Какая же? — удивился Жан Корнбют.

— А вот какая. Буря может взломать лед, на котором мы находимся, ведь она взломала льды возле мыса, и тогда нас отнесет далеко в сторону или же мы попросту утонем.

— Это, по-моему, маловероятно, — возразил Пенеллан. — При таком морозе вода не может не замерзнуть. Посмотрим, какова температура.

Он приподнял парусину, осторожно высунул руку и некоторое время искал термометр в снегу. Наконец ему удалось его нащупать. Поднеся термометр к лампе, он объявил:

— Тридцать два градуса ниже нуля! Такого холода до сих пор еще не было.

— Еще десять градусов, — добавил Андрэ Васлинг, — и ртуть замерзнет.

Наступила зловеющая тишина.

Около восьми часов утра Пенеллан решил еще раз выйти из хижины, посмотреть, что делается снаружи. К тому же необходимо было выпустить дым, который ветер несколько раз загонял обратно в хижину. Моряк закутался в плащ, покрепче привязал носовым платком капюшон и приподнял парусину.

Вход был плотно забит снегом. Схватив палку с металлическим наконечником, Пенеллан попытался вонзить ее в плотную снежную массу. Каков же был его ужас, когда он почувствовал, что железный наконечник палки упирается в твердый лед.

— Корнбют, — сказал он подошедшему к нему капитану. — Мы погребены под снегом.

— Что ты говоришь! — вскричал Жан Корнбют.

— Я говорю, что мы заживо погребены под огромным обледеневшим сугробом.

— Попробуем отодвинуть эту грудку снега, — ответил капитан.

Друзья изо всех сил налегли на сугроб, заваливший вход, но сдвинуть его с места не было никакой возможности. Вероятно, домик был покрыт слоем льда толщиной футов в пять.

У Жана Корнбюта вырвалось громкое восклицание. Это разбудило Мизона и Андрэ Васлинга. Помощник капитана выругался, и лицо его искажилось от ужаса. В этот миг густая волна дыма заполнила помещение.

— Проклятье! — крикнул Мизон. — Печная труба забита льдом.

Пенеллан опять схватил палку и стал разламывать печь, предварительно набросав в очаг снега, чтобы затушить пламя. Но тут поднялся такой дым, что свет лампы еле пробивался сквозь его густую завесу. Пенеллан попробовал было прочистить дымоход, но палка по-прежнему наталкивалась на лед.

Люди были обречены на ужасную смерть после долгой и мучительной агонии. Дым, проникая в дыхательные пути несчастных, причинял им невыносимую боль, дышать становилось все труднее...

Проснулась Мари. При виде девушки Жан Корнбют совсем приуныл, зато мужество вернулось к Пенеллану. Разве он мог допустить, чтобы бедное дитя погибло такой ужасной смертью!

— Что это? — удивилась девушка. — Вы развели слишком сильный огонь? Домик полон дыма.

— Да, да, — пробормотал в замешательстве рулевой.

— Как хорошо вы натопили, — продолжала Мари. — Давно у нас не было так тепло.

Никто не ренился открыть ей правду.

— Ну, Мари, — сказал Пенеллан нарочито бодрым тоном, — помоги нам приготовить завтрак. Выходить нельзя — слишком холодно. Вот спиртовка, вот спирт, вот кофе. А что, ребята, не закусить ли нам сперва пеммиканом? При такой дьявольской погоде нечего и думать об охоте.

Его слова несколько подбодрили товарищей.

— Сперва подкрепимся, — прибавил Пенеллан, — а потом постараемся выбраться отсюда.

Пенеллан первый проглотил свою порцию. Товарищи последовали его примеру, запив свой скудный завтрак чашкой горячего кофе. Все заметно подбодрились. Жан Корнбют, со

свойственной ему энергией, хотел тотчас же взяться за дело. но Андрэ Васлинг заметил:

— Если буря все еще продолжается, — а это вполне вероятно, — то мы, наверное, находимся под слоем льда не менее десяти футов толщиной. Снаружи не доносится ни единого звука.

Пенеллан взглянул на Мари. Девушка поняла, в чем дело, но даже не вздрогнула.

Накалив докрасна над пламенем спиртовки металлический наконечник своей палки. Пенеллан попытался вонзить ее в ледяные стены, но ни в одну из них она так и не вошла. Тогда Жан Корнбют предложил проделать выход через дверное отверстие. Лед оказался до того крепким, что нож с трудом в него вонзился. Вскоре все помещение было завалено обломками льда, которые кое-как удавалось отколоть. После двух часов изнурительного труда был прорыт туннель всего в каких-нибудь три фута длиной.

Необходимо было придумать более быстрый и безопасный способ, ибо чем дальше продвигались по туннелю, тем тверже становился лед, и приходилось бить с такой силой, что от толчков мог обрушиться домик. Пенеллану пришло в голову попробовать растопить лед с помощью спиртовки. Это была довольно рискованная затея, так как запас спирта у них был невелик, и, если бы их заключение затянулось, могло не хватить спирта для приготовления пищи. Однако предложение Пенеллана приняли и тотчас же привели в исполнение. Первым делом вырыли яму глубиной в три фута и диаметром в один фут, куда должна была собираться вода, образующаяся при таянии льда. Эта предосторожность была далеко не лишней, так как под действием огня снег начал быстро таять.

Туннель постепенно углублялся, но подолгу работать со спиртовкой не приходилось, так как у работающих быстро намокала одежда. Через четверть часа Пенеллан был вынужден прекратить работу, чтобы немного обсохнуть. На его место встал Мизон, который принялся за дело с не меньшей энергией. Через два часа туннель достиг уже пяти футов в длину. Однако палка по-прежнему упиралась в лед.

— Едва ли за одну ночь могло выпасть столько снега, — заметил Жан Корнбют. — Очевидно, этот сугроб намело ветром с одной стороны. Не попробовать ли нам прорыть выход в другом месте?

— Не знаю, право, — сказал Пенеллан. — Но мне кажется, нам нужно продолжать начатую работу, а не то наши товарищи совсем падут духом. Мы должны во что бы то ни стало выбраться отсюда.

— А спирта нам хватит? — спросил капитан.

— Думаю, хватит, — ответил Пенеллан. — Только, может быть, придется отказаться от горячего кофе. Но, по правде сказать, меня сейчас беспокоит не это, а совсем другое.

— Что же такое, Пенеллан? — спросил Жан Корнбют.

— А то, что скоро из-за недостатка масла погаснет наша лампа, да и запасы провизии подходят к концу. Но будь что будет!

И Пенеллан пошел сменить Андрэ Васлинга, который трудился наряду с остальными.

— Господин Васлинг, — сказал он. — Я встану вместо вас, но смотрите в оба, как бы не произошло обвала. При малейшей угрозе дайте мне знать, чтобы вовремя предупредить беду.

Наступило время отдыха, и Пенеллан, удлиннив туннель еще на один фут, улегся рядом с товарищами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЫМОК

На следующее утро, когда моряки проснулись, в домике царил непроглядный мрак. Лампа погасла. Жан Корнбют разбудил Пенеллана и попросил у него огниво, которое тот ему и передал. Пенеллан встал, чтобы зажечь спиртовку, но, поднимаясь, ударился головой о ледяной потолок. Это испугало его: еще накануне он мог стоять в помещении во весь рост. При бледном свете спиртовки он увидел, что потолок опустился примерно на один фут.

Пенеллан с ожесточением принялся за работу. Как ни слаб был свет спиртовки, молодая девушка, взглянув на суровое лицо рулевого, поняла, что он уже начинает впадать в отчаяние. Она подошла к нему, взяла его за руку и с нежностью ее пожалала. Тотчас мужество снова вернулось к Пенеллану.

— Она не должна погибнуть! — воскликнул он и, захватив спиртовку, снова пополз в узкий коридор. Потом он с размаху вонзил палку в ледяную толщу и на этот раз уже не почувствовал сопротивления.

Может быть, они уже добрались до слоев рыхлого снега?

Пенеллан выдернул палку, и мгновенно луч света ворвался в ледяную хижину.

— Ко мне, друзья мои! — закричал Пенеллан.

Работая руками и ногами, он быстро разрыл наружный слой снега, который, как он думал, не был покрыт ледяной коркой. Но вместе с потоками света в хижину ворвалась вол-

на морозного воздуха. Пенеллан, орудуя ломом, расширил отверстие и с наслаждением вдохнул свежий воздух. Выбравшись наружу, он упал на колени и стал горячо благодарить создателя за их спасение. К нему присоединились и остальные.

Кругом все было залито лунным сиянием. Мороз был трескучий, моряки не могли долго оставаться под открытым небом и вернулись в ледяной дом. Но Пенеллан, прежде чем войти в хижину, огляделся по сторонам. Скалистого мыса больше не было. Ледяной дом находился среди беспредельной ледяной равнины. Пенеллан направился было в ту сторону, где стояли сани с провизией. Сани исчезли!

Холод заставил Пенеллана войти в хижину. Он ничего не сказал своим товарищам. Прежде всего следовало просушить над спиртовкой одежду. Термометр, на секунду выставленный наружу, показал -30° .

Через час Андрэ Васлинг и Пенеллан решили снова выйти наружу. Одежда на них еще не просохла. Закутавшись в еще сырые плащи, они выбрались через прорытый ими туннель, стены которого уже стали твердыми, как камень.

— Как видно, нас отнесло к северо-востоку, — заметил Андрэ Васлинг, пытаюсь ориентироваться по звездам.

— Это бы еще не беда, если бы у нас были сани.

— Как, сани пропали? — воскликнул Андрэ Васлинг. — Тогда мы погибли!

— Будем искать, — отвечал Пенеллан.

Васлинг и Пенеллан обошли вокруг хижины. Она превратилась в ледяную глыбу высотой более пятнадцати футов. Во время пурги единственное возвышение на равнине было замечено снегом. Ледяная тюрьма, в которой были заживо погребены путники, вместе с обломками льдов была отнесена миль на двадцать пять к северо-востоку. Сани, оказавшиеся на другой льдине, без сомнения были унесены в другую сторону, так как их нигде не было видно. А собаки скорее всего погибли во время бури.

Отчаяние овладело Васлингом и Пенелланом. У них не хватало духа вернуться в дом и сообщить ужасную новость товарищам по несчастью. Они решили взобраться на ледяной холм, образовавшийся над хижинкой, и еще раз внимательно осмотреть окрестности, но и оттуда не было видно ничего, кроме беспредельной белой равнины. Вскоре у них начали замерзать руки и ноги, а влажная одежда покрылась сосульками. Спускаясь с ледяного холма, Пенеллан случайно взглянул на Андрэ Васлинга и заметил, что тот пристально всматривается вдаль; вот он вздрогнул и побледнел.

— Что это с вами, господин Васлинг? — спросил Пенеллан.

— Так, ничего, — ответил помощник капитана. — Спустимся вниз и поскорее уйдем отсюда. Ведь нам здесь все равно ничего не найти.

Но Пенеллан не последовал совету Васлинга; он снова взобрался на холм и стал всматриваться в ту сторону, куда только что глядел помощник капитана. То, что он увидел, произвело на него совсем иное впечатление.

— Слава тебе, господи! — радостно воскликнул он.

На северо-востоке он заметил поднимавшийся к небу дымок. Сомнений не было — там находились люди. Услышав радостный возглас Пенеллана, все выбежали из хижины и собственными глазами убедились, что рулевой сказал правду. Не теряя ни минуты, позабыв о голоде, на свирепом морозе, все, нахлобучив капюшоны, быстрыми шагами направились к северо-востоку, где виднелся дымок. Им предстояло пройти по крайней мере миль пять. Было чрезвычайно трудно придерживаться намеченного направления. Внезапно дымок исчез, а впереди не было ни одного возвышения, которое могло бы служить ориентиром среди ледяной пустыни. Как тут не сбиться с пути?

— Вот беда — не на что нам ориентироваться, — сказал Жан Корнбют. — Придется вот что сделать: Пенеллан пойдет впереди, за ним в двадцати шагах — Васлинг, я — в двадцати шагах от Васлинга. Таким образом я сразу увижу, если Пенеллан отклонится от прямой линии.

Так шагали они добрых полчаса. Вдруг Пенеллан остановился и стал прислушиваться.

— Вы ничего не слышите? — спросил старик, когда товарищи подошли к нему.

— Решительно ничего, — ответил Мизон.

— Как странно! — продолжал Пенеллан. — Мне показалось, что я только что слышал какие-то крики, — они доносились вон с той стороны.

— Крики? — воскликнула молодая девушка. — Так, значит, мы недалеко от цели.

— Это ровно ничего не значит, — ответил Андрэ Васлинг. — На крайнем севере при сильном морозе звуки слышны на большом расстоянии.

— Что бы там ни было, — сказал Жан Корнбют, — идемте вперед, а не то мы замерзнем.

— Нет, — возразил Пенеллан. — Пойдите минутку и прислушайтесь.

В самом деле, в этот момент издалека донеслись слабые, но совершенно отчетливые крики. Казалось, это были вопли страдания и тоски. Они повторялись вновь и вновь. Можно бы-

ло подумать, что кто-то взывает о помощи. Потом крики затихли, и воцарилась мертвая тишина.

— Я не ошибся,— сказал Пенеллан.— Вперед!

И он бросился бежать в том направлении, откуда доносились крики. Так он пробежал около двух миль. Каково же было его удивление, когда внезапно он увидел перед собой человека, лежащего на снегу. Пенеллан подбежал к лежащему, приподнял ему голову и в ужасе поднял руки к небу.

В следующий миг подбежали Андрэ Васлинг и матросы.

— Это один из наших! Матрос Кортруа!— крикнул Васлинг.

— Он умер,— проговорил Пенеллан.— Замерз...

Когда подошли Жан Корнбют и Мари, труп уже успел заледенеть. Все лица выражали отчаяние. Погибший был одним из спутников Луи Корнбюта!

— Вперед!— крикнул Пенеллан.

Еще полчаса путники шли в мрачном молчании. Но вот вдалеке показалось какое-то возвышение, очевидно, то была земля.

— Это остров Шаннон,— заявил Жан Корнбют.

Пройдя еще милю, они увидели дымок, поднимавшийся над снежной хижинкой. Вскоре можно было разглядеть в стене хижинки деревянную дверь. Тут все стали громко кричать. На их крики из хижинки выбежали двое мужчин. Пенеллан сразу узнал Пьера Нукэ.

— Пьер!— воскликнул он.

Нукэ стоял в каком-то странном оцепенении, как будто не понимая, что происходит вокруг него.

Андрэ Васлинг с беспокойством всматривался в спутника Пьера Нукэ; в глазах его блеснула радость: это не был Луи Корнбют.

— Пьер! Это я!— кричал Пенеллан.— Посмотри, здесь твои друзья!

Наконец Пьер Нукэ опомнился и в порыве радости бросился в объятия своего старого товарища.

— А мой сын? А Луи?— вскричал Жан Корнбют, и в голосе его прозвучала смертельная тревога.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Возвращение на корабль

В этот момент из хижинки вышел человек. Пошатываясь от слабости, он побрел по снегу навстречу путникам, у него был вид умирающего. Это был Луи Корнбют.

— Сын мой!

— Любимый мой!

Эти два восклицания раздались одновременно. Луи Корнбют упал без сознания, но Жан Корнбют и молодая девушка успели его подхватить и, втащив Луи в хижину, привели его в чувство.

— Отец! Мари!— пробормотал Луи Корнбют.— Все-таки я увидел вас перед смертью.

— Ты не умрешь!— сказал Пенеллан.— Ведь с тобой друзья.

Как видно, Андрэ Васлинг крепко ненавидел Луи Корнбюта, он даже не протянул ему руки.

Пьер Нукэ не помнил себя от радости. Он обнимал всех подряд. Затем он подбросил в печку дров, и вскоре в помещении стало значительно теплее.

В хижине находились еще двое незнакомцев. Это были норвежские матросы, Джокки и Херминг, только они и уцелели из экипажа «Фрейерна».

— Друзья мои! Так, значит, мы спасены,— проговорил Луи Корнбют.— Отец! Мари! Сколько лишений вам пришлось перенести, дорогие мои!

— Мы ничуть не жалеем об этом, Луи,— ответил Жан Корнбют.— Ты знаешь, твой бриг «Юный смельчак» прочно засел во льдах милях в шестидесяти отсюда. Мы вернемся туда все вместе.

— То-то обрадуется Кортруа! Он скоро вернется,— сказал Пьер Нукэ.

Слова его были встречены гробовым молчанием. Затем Пенеллан сообщил Пьеру Нукэ и Луи Корнбюту о гибели их товарища, которого они нашли замерзшим на снегу.

— Знаете что, друзья мои,— сказал Пенеллан.— Нам придется обождать, пока спадут морозы. Есть у вас провизия и топливо?

— Пока что есть. Мы топим печку обломками «Фрейерна».

Оказывается, шкуну «Фрейерн» отнесло в сторону острова Шаннон. Затем корабль был раздавлен плавучими льдами, и потерпевшие крушение вместе с обломками шкуны были выброшены на восточное побережье острова; из этих обломков они и построили себе хижину.

В живых остались только пять человек: Луи Корнбют, Кортруа, Пьер Нукэ, Джокки и Херминг. Остальные матросы, пересевшие с корабля на шлюпку, погибли.

Когда Луи Корнбют увидал, что льды, среди которых он очутился, начинают смыкаться со всех сторон, он стал энергично готовиться к зимовке. Луи отличался незаурядным му-

жеством и предприимчивостью. И все-таки организм его не выдержал лютого полярного климата, и когда отец, наконец, разыскал его, молодой человек был на волосок от смерти. Все это время ему приходилось не только бороться с бурями и холодами, но и преодолевать сопротивление норвежских матросов, которые относились к Луи враждебно, хотя и были обязаны ему жизнью. Этим грубым существам были недоступны человеческие чувства.

Отозвав в сторону Пенеллана, Луи Корнбют посоветовал ему остерегаться норвежцев. Пенеллан в свою очередь рассказал ему о поведении Андрэ Васлинга. Луи не верил своим ушам, он не ожидал от Васлинга такого коварства и был потрясен рассказом старого рулевого.

Этот радостный день был посвящен отдыху. Не отходя от дому (удаляться от него было опасно), Фидель Мизон и Пьер Нукэ подстрелили несколько морских птиц. Свежее мясо и тепло очага, куда непрерывно подбрасывали дрова, быстро вернули силы самым больным и слабым. Даже Луи Корнбют почувствовал себя значительно лучше. То была первая радость, которую довелось испытать этим славным людям за все время путешествия. В жалкой хижине, затерянной среди льдов, в шестистах лье от побережья Северного моря, был настоящий праздник. Позабыли даже о жестоком тридцатиградусном морозе.

Холода стали спадать, когда луна во вторую половину месяца пошла на убыль. Только 17 ноября, то есть через восемь дней после встречи с Луи, можно было выступить в путь. Правда, луны не было на небе, и приходилось идти при свете звезд, но значительно потеплело и даже выпало немного снега.

Перед тем как покинуть эти места, похоронили беднягу Кортруа. С тяжелым чувством совершили зимовщики этот печальный обряд.

Для перевозки провизии Мизон соорудил сани, вытащив доски из стен хижины. Сани тащили поочередно. Жан Корнбют повел отряд по прежнему пути. Во время остановок поспешно разбивали лагерь. Жан Корнбют надеялся разыскать оставленные им склады провизии, которые теперь были бы как нельзя более кстати — ведь приходилось кормить еще четырех человек.

Благодаря счастливой случайности Жан Корнбют нашел сани: они застряли в сугробе недалеко от мыса, возле которого разыгралась катастрофа. Изголодавшиеся собаки сначала изгрызли ременную упряжь, а затем принялись за уложенные

в санях продукты. Благодаря этому они уцелели. В санях еще оставалось порядочное количество провизии.

Собак запрягли в сани, и маленький отряд тронулся дальше. Никаких особых происшествий на протяжении дальнейшего пути не было. Но вскоре заметили, что Опик, Андрэ Васлинг и норвежцы держатся особняком и перешептываются между собой. За ними стали незаметно наблюдать. Поведение их беспокоило Луи Корнбюта и Пенеллана, — дело пахло бунтом.

К седьмому декабря, через тридцать дней после встречи, путники достигли бухты, где зимовал «Юный смельчак».

К своему великому удивлению, они увидели бриг на вершине ледяных глыб, на высоте добрых четырех метров над уровнем моря. В страшной тревоге за товарищей они бросились к судну, но их встретили радостными возгласами Жервик, Тюркьет и Градлен. Все трое были совершенно здоровы, хотя им также пришлось испытать немало напастей.

Страшная буря пронеслась над полярным морем и взломала сковавший его лед. Отколовшиеся льдины взгромоздились друг на друга и приподняли корабль.

В первые минуты путешественники не помнили себя от радости. На корабле все было в порядке. Это обещало им хотя и нелегкую, но вполне сносную зимовку. Бриг ничуть не пострадал от давления льдов. С наступлением оттепели зимовщикам предстояло только осторожно спустить его по наклонной плоскости в освобожденную ото льда воду.

Лишь одна печальная новость омрачила радость Жана Корнбюта и его товарищей. Во время ужасной бури склад, построенный из снега на берегу, был разрушен до основания. Ураган разметал все запасы хранившихся на складе продуктов, и не удалось решительно ничего спасти. Услыхав об этом несчастье, Жан и Луи Корнбюты наведались в трюм и в камбуз, чтобы узнать, на что им можно рассчитывать.

Оттепель должна была наступить только в мае, и до этого времени бриг не мог выйти из бухты, где он зимовал. Таким образом предстояло провести среди льдов пять долгих месяцев, в течение которых экипажу, состоявшему теперь из четырнадцати человек, необходимо было чем-то питаться. Произведя подсчет припасов, Жан Корнбют увидел, что, даже если они перейдут на половинный паек, им не хватит продуктов до весны. Все надежды возлагались на охоту.

Из опасения, как бы беда не повторилась, решили больше не складывать продукты на берегу, а оставить их в трюме. Постели для вновь прибывших устроили в кубрике. Во время отсутствия товарищей Тюркьет, Жервик и Градлен вырубили во льду ступени, по которым без труда можно было взбираться на палубу корабля.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Соперники

Андрэ Васлинг быстро сдружился с норвежскими матросами. Вскоре к ним присоединился и Опик. Они держались обособленно и открыто выражали неудовольствие новыми порядками. Но Луи Корнбют, которому отец передал командование бригом, и не думал мириться с таким положением вещей. Несмотря на совет Мари действовать как можно осторожнее, он заявил, что требует беспрекословного повиновения. Однако дня через два норвежцы захватили ящик с солониной. Луи Корнбют приказал возвратить ящик, но Опик выступил в защиту норвежцев, а Андрэ Васлинг заявил, что они больше не намерены голодать.

Невозможно было им доказать, что капитан действует в общих интересах. Впрочем, они это прекрасно понимали и искали только предлога для мятежа. Пенеллан направился было к норвежцам, но те выхватили ножи; только с помощью Мизона и Тюркьета Пенеллану удалось их обезоружить и отобрать у них ящик с солониной. Андрэ Васлинг и Опик сделали вид, что они тут ни при чем. Но все же Луи Корнбют отозвал помощника в сторону и сказал:

— Андрэ Васлинг, вы негодяй. Мне известно ваше поведение, и я знаю, чего вы добиваетесь. Но я отвечаю за жизнь всего экипажа и собственной рукой убью всякого, кто будет нам вредить.

— Луи Корнбют,— ответил помощник капитана.— Вы можете сколько угодно разыгрывать хозяина, но знайте, что ни начальников, ни подчиненных здесь больше нет. Здесь распоряжается тот, кто сильнее.

Молодая девушка до сих пор не падала духом перед лицом опасностей, но эта ненависть, причиной которой была она сама, привела ее в ужас. Даже мужество Луи Корнбюта не могло ее успокоить. Несмотря на открытую вражду, все обедали и ужинали в определенные часы и по-прежнему вместе. Пока еще удавалось иногда подстрелить снежного тетерева или полярного зайца, но с наступлением сильных холодов они должны были исчезнуть.

Двадцать второго декабря, в день зимнего солнцестояния, начались морозы. В этот день ртуть в термометре упала до -35° . Зимовщики начали испытывать сильную боль в ушах, в носу, в голове, ныли конечности. Все погрузились в какое-то оцепенение. Дышать становилось все труднее. В таком состоянии нечего было и думать об охоте или хотя бы о прогулке.

Зимовщики неподвижно сидели вокруг чуть теплой печки; стоило от нее отойти, как человек начинал мерзнуть.

Здоровье Жана Корнбюта окончательно расстроилось, и он уже не выходил из своей каюты. Вскоре у него появились все признаки цинги, ноги его покрылись беловатыми пятнами. Молодая девушка была здорова и самоотверженно ухаживала за больными, как сестра милосердия. Добрые моряки благословляли ее.

Первое января было для зимовщиков одним из самых тяжелых дней. Ветер дул с невероятной силой, стоял лютый мороз. Невозможно было выглянуть наружу. Даже самые храбрые и сильные вынуждены были отказаться от сколько-нибудь продолжительных прогулок на палубе, хотя она и была защищена тентом. Жан Корнбют, Жервик и Градлен не поднимались с коек, Опик, Андрэ Васлинг и его сообщники чувствовали себя значительно лучше остальных и бросали свирепые взгляды на слабеющих товарищей. Однажды Луи Корнбют вызвал Пенеллана на палубу и попросил показать ему запасы топлива.

— Уголь мы сожгли давным-давно,— ответил Пенеллан,— а дрова кончатся на днях.

— Если мы не раздобудем топлива,— сказал Луи Корнбют,— мы погибли.

— Единственное, что нам остается,— ответил Пенеллан,— это пустить на топливо все деревянные части корабля, от фальшбортов до самой ватерлинии. В крайнем случае придется разобрать даже весь корпус корабля, а позже построить новый бриг, поменьше.

— Это крайняя мера,— ответил Луи Корнбют.— Мы всегда успеем это сделать, когда наши люди немного поправятся. Но вот что меня удивляет,— добавил он шепотом,— мы быстро теряем силы, а у наших врагов сила с каждым днем все прибавляется.

— Это верно,— согласился Пенеллан.— И если мы не будем следить за ними день и ночь, то дело может кончиться плохо.

— А теперь,— сказал Луи Корнбют,— возьмем топоры и попробуем раздобыть дров.

Несмотря на трескучий мороз, моряки взобрались на носовой фальшборт и срубили все деревянные части, без которых корабль мог обойтись. Вернувшись с новым запасом дров, они растопили печь, и один из зимовщиков остался следить за огнем.

Вскоре Луи Корнбют и его друзья оказались в довольно затруднительном положении. Они не могли доверить своим врагам ни одного, даже самого незначительного дела и обо

всем должны были заботиться сами. Силы их быстро падали. Жан Корнбют слег, он жестоко страдал от цинги. Вслед за ним заболели Жервик и Градлен. Если бы не благотворное действие лимонного сока, который им давали в изобилии, несчастные наверняка не выдержали бы этих страданий.

Но пятнадцатого января, когда Луи Корнбют спустился в трюм, чтобы взять несколько лимонов, он остолбенел от изумления: бочонки с лимонами исчезли. Отыскав Пенеллана, он сообщил ему о новом несчастье. Была совершена кража, и виновников нетрудно найти. Теперь Луи Корнбют понял, почему здоровье его врагов ничуть не пошатнулось. Но друзья его так ослабели, что не могли помочь ему вернуть лимоны, от которых зависела их жизнь. В первый раз за все это время Луи Корнбют пришел в отчаяние.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Бедственное положение

Двадцатого января почти никто из зимовщиков не мог встать с постели. Шерстяные одеяла и буйволовы шкуры до известной степени защищали их от холода, но стоило высунуть руку из-под одеяла, как начинались такие жестокие боли, что приходилось немедленно прятать ее. Однако, когда Луи Корнбют затопил печь, Пенеллан, Мизон и Андрэ Васлинг встали и подошли к огню. Приготовленный Пенелланом горячий кофе несколько подбодрил моряков. Мари тоже встала и выпила кофе.

Луи Корнбют подошел к постели своего отца. Ноги старого моряка были поражены болезнью, и он лежал почти без движения. С болью в сердце слушал Луи его бессвязное бормотание.

— Луи,— говорил он,— я умираю! О, какая мука! Спаси меня!

Луи Корнбют больше не раздумывал. Он подошел к помощнику капитана и, едва владея собой, спросил:

— Вы знаете, где лимоны, Васлинг?

— Должно быть, в трюме,— ответил тот, ничуть не смущаясь.

— Вы прекрасно знаете, что там их нет, потому что вы их украли.

— Вы здесь хозяин, Луи Корнбют,— насмешливо ответил Андрэ Васлинг.— Вы можете говорить и делать, что вам заблагорассудится.

— Сжальтесь над моим отцом, Васлинг, он умирает. Только вы можете его спасти. Отвечайте же!

— Мне нечего вам сказать,— проговорил Андрэ Васлинг.

— Негодяй! — закричал Пенеллан, бросаясь на помощника капитана с ножом в руке.

— Ко мне, друзья! — крикнул в свою очередь Васлинг, пятясь назад.

Опик и норвежские матросы прыгнули с коек и встали позади него. Мизон, Тюркьет, Пенеллан и Луи Корнбют приготовились к защите. Пьер Нукэ и Градлен, несмотря на болезнь, пришли к ним на помощь.

— Пока еще вы слишком сильны для нас,— проворчал Андрэ Васлинг.— Мы будем бить только наверняка.

Моряки до того ослабли, что не решились сразиться с четырьмя негодьями, так как в случае неудачи их ожидала верная гибель.

— Андрэ Васлинг,— мрачно сказал Луи Корнбют,— если мой отец умрет, в его смерти будешь виновен ты, и я убью тебя как собаку.

Андрэ Васлинг и его сообщники молча отошли на другой конец кубрика.

Тем временем топливо кончилось, и Луи Корнбют, несмотря на холод, снова поднялся на палубу и принялся рубить фальшборт. Однако через четверть часа холод заставил его спуститься. Перед тем как войти в кубрик, он взглянул на наружный термометр. Ртуть замерзла. Это означало, что температура воздуха была ниже 42°. Воздух был чист и сух. Ветер дул с севера.

Двадцать шестого января направление ветра изменилось. Теперь он дул с северо-востока. Наружный термометр показывал —35°. Жан Корнбют был в агонии. Сын напрасно старался как-нибудь облегчить его страдания. Однако в тот же день Луи Корнбюту удалось вырвать из рук Андрэ Васлинга лимон. Он набросился на негодяя в ту минуту, когда тот собирался отправить лимон в рот. Андрэ Васлинг и пальцем не шевельнул, чтобы вернуть лимон. Очевидно, он считал, что еще не пришло время действовать.

Лимонный сок несколько помог Жану Корнбюту, но лечение необходимо было продолжать. Молодая девушка на коленях умоляла Андрэ Васлинга дать несколько лимонов, но тот даже ей ничего не ответил. Вскоре Пенеллан услышал, как негодяй говорил своим товарищам:

— Старик протянет недолго. Не лучше обстоит дело с Жервиком, Градленом и Пьером Нукэ. Остальные также слабеют с каждым днем. Скоро все они будут в наших руках.

Луи Корнбют и его друзья решили действовать, пока у них еще оставались какие-то силы. Они понимали, что если не расправятся с негодьями, те непременно их уничтожат.

Между тем температура воздуха немного повысилась, и Луи Корнбют решил выйти наружу. В надежде подстрелить какую-нибудь дичь он захватил ружье. Незаметно он удалился от брига на три с лишним мили, — гораздо дальше, чем предполагал. Это было небезопасно, так как на снегу виднелись следы диких зверей. Однако Луи Корнбюту не хотелось возвращаться без дичи, и он шел все дальше. Вдруг он начал испытывать какое-то неприятное чувство, похожее на дурноту, это было так называемое «головокружение от белизны».

Действительно, куда бы Луи ни бросил взгляд, повсюду он видел только блестящую ледяную равнину. Эта белизна ослепляла капитана, его начинало мутить, он терял ориентацию. Ему казалось, что он сходит с ума. Не понимая, что с ним творится, Луи Корнбют шел вперед. Вскоре ему посчастливилось поднять белую куропатку, и он с увлечением преследовал ее, пока не подстрелил. Чтобы скорее схватить упавшую на снег птицу, Луи Корнбют спрыгнул с ледяного холмика и упал на снег. Луи думал, что холмик совсем низенький, а он оказался высотой в десять футов. К счастью, Луи не ушибся, хотя головокружение усилилось после падения. Бессознательно он стал звать на помощь; несколько минут он пролежал на снегу. Наконец он почувствовал, что коченеет от холода, и, опасаясь замерзнуть, с трудом поднялся на ноги.

Внезапно Луи Корнбюту почудился запах горелого жира. Ветер дул со стороны корабля, и, по-видимому, запах доносился оттуда. Однако Луи было непонятно, зачем на корабле жгли жир. Во всяком случае, это было чрезвычайно опасно, так как запах горелого жира мог привлечь белых медведей.

Луи Корнбют направился обратно к бригу; его волнение вскоре перешло в страх. Ему стало мерещиться, что огромные массы льда на горизонте пришли в движение, и он спрашивал себя, не начинают ли снова колебаться льды. Некоторые из этих движущихся ледяных глыб очутились между ним и бригом, и ему показалось, что они уже приближаются к кораблю. Луи остановился и стал присматриваться. Им овладел смертельный ужас, когда он понял, что движущиеся ледяные глыбы не что иное, как стадо громадных белых медведей. Стучилось то, чего он опасался: животных привлек запах горелого жира. Спрятавшись за ледяным торосом, Луи Корнбют стал наблюдать за зверями. Вскоре трое медведей начали карабкаться на ледяной холм, служивший ложем «Юному смельчаку».

Как видно, на корабле и не подозревали о грозившей опасности. Мучительная тревога сжала сердце Луи. Что предпринять? Как избавиться от страшного врага? Можно ли рассчитывать на помощь Андрэ Васлинга и его товарищей?.. Пенеллан и все товарищи, полуголодные, полузамерзшие, смогут ли дать отпор свирепым хищникам? Не застигнет ли их враждебное нападение? Все это в одно мгновение пронеслось у него в голове. Тем временем медведи взобрались на возвышение и двинулись к кораблю. Луи вышел из-за тороса, за которым укрывался, и пополз к бригу. Приблизившись, он увидел, что огромные животные рвут тент своими страшными когтями и спрыгивают на палубу. Луи Корнбют хотел было выстрелом предупредить товарищей. Но что, если они выйдут на палубу безоружными! Звери мгновенно растерзают их на клочки! Между тем на корабле, по-видимому, и не подозревали о новой опасности.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Белые медведи

После ухода Луи Корнбюта Пенеллан затворил за ним люк и возвратился к печке, у которой дежурил. Остальные улеглись на койки, чтобы хоть немного согреться.

Было шесть часов вечера, и Пенеллан решил заняться приготовлением ужина. Он спустился в трюм за солониной, собираясь бросить ее в кипяток, чтобы она немного оттаяла. Когда он снова поднялся наверх, на его месте сидел Андрэ Васлинг и кипятил в котелке сало.

— Ведь я же сидел здесь раньше вас, — резко сказал Пенеллан. — Почему вы заняли мое место?

— Я готовлю себе ужин, — ответил Андрэ Васлинг.

— Сейчас же уходите, — заявил Пенеллан, — или будет плохо.

— Ничего мне не будет, — ответил Андрэ Васлинг. — Я хочу ужинать, и мне наплевать на вас.

— Вам едва ли придется поужинать, — крикнул Пенеллан, бросаясь на Андрэ Васлинга. Но тот, выхватив нож, закричал:

— Ко мне, норвежцы! Ко мне, Опик!

В один миг его сообщники подоспели к нему. Они были вооружены пистолетами и кинжалами. Как видно, этот маневр был заранее обдуман. Пенеллан бросился на Андрэ Васлинга, который, очевидно, хотел сразиться с ним один на один. Товарищи Васлинга подбежали к койкам, на которых лежали Ми-

зон, Тюркьет и Пьер Нукэ; последний даже не в силах был сопротивляться. Но плотник схватил топор и, спрыгнув с койки, ринулся навстречу Опику. Тюркьет ожесточенно дрался с норвежцем Джокки. Жервик и Градлен были в таком тяжелом состоянии, что даже не вполне понимали, что происходит. Херминг живо справился с Пьером Нукэ, всадив ему в бок кинжал, и поспешил на помощь Васлингу, который схватил Пенеллана поперек тела.

В драке кто-то задел котелок с салом, тот опрокинулся, сало упало на раскаленные угли, и помещение мгновенно наполнилось удушливым смрадом. Проснувшаяся Мари с отчаянными воплями бросилась к постели умирающего Жана Корнбюта.

Андрэ Васлинг был слабее Пенеллана и вскоре почувствовал, что рулевой разжимает ему пальцы, пытаясь выхватить кинжал. Противники с такой силой сжали друг друга, что даже не могли пустить в ход оружие. Васлинг, заметив Херминга, закричал:

— Ко мне, Херминг!

— Ко мне, Мизон! — в свою очередь крикнул Пенеллан.

Но Мизон катался, схватившись с Опиком, который угрожал ему ножом. Топором было не так удобно защищаться, и Мизон с трудом отражал удары противника.

Лилась кровь, слышались стоны и вопли раненых. Тюркьет, сброшенный с койки на пол и раненный ножом в плечо, тщетно пытался выхватить пистолет из-за пояса у Джокки. Противник сдавил его словно железными тисками, и он не мог пошевелинуться. На крики Андрэ Васлинга, прижатого к входной двери, подбежал Херминг. Но в тот миг, когда он собирался вонзить нож в спину бретонца, тот пинком ноги свалил его на пол. Андрэ Васлингу удалось высвободить правую руку из рук рулевого, однако дверь, на которую он навалился всей своей тяжестью, внезапно выскочила из проема, и Васлинг упал навзничь.

В то же время послышалось свирепое рычание, и на ступеньках трапа показался огромный медведь. Андрэ Васлинг первый заметил его. Медведь находился от него в каких-нибудь четырех футах, когда грянул выстрел, и раненный или испуганный зверь повернул назад; бросив Пенеллана, Васлинг ринулся вслед за медведем.

Рулевой быстро вставил дверь в проем и осмотрелся. Мизон и Тюркьет, крепко связанные и брошенные в угол, изо всех сил старались освободиться от уз. Пенеллан поспешил было к ним на помощь, но был отброшен норвежцем и Опи-

ком. Силы начали изменять Пенеллану. Навалившись на рулевого, противники так крепко его связали, что он не мог шевельнуться. Затем, услышав вопли помощника капитана, они бросились на палубу, решив, что вернулся Луи Корнбют и схватился с Васлингом.

Но Андрэ Васлинг боролся с медведем, которому успел нанести два удара ножом. Разъяренное чудовище било по воздуху огромными лапами, угрожая вот-вот схватить Васлинга. Прижатый к фальшборту, помощник капитана считал себя погибшим, как вдруг раздался второй выстрел, и медведь тяжело рухнул на палубу. Подняв голову, Андрэ Васлинг увидел на выбленках фок-мачты Луи Корнбюта, в руках у которого было ружье. Пуля пронзила медведю сердце.

Однако ненависть, овладевшая Васлингом, была так велика, что заглушила в нем чувство признательности. Он огляделся по сторонам. Опик с проломленным черепом валялся на палубе. Джокки, вооруженный топором, боролся с медведем, убившим Опика. Раненый зверь яростно отбивался. К носовой части корабля приближался третий медведь.

Но Васлингу было не до него, вместе с Хермингом он бросился на выручку Джокки. Однако медведь уже основательно помял норвежца, и, когда Васлинг и Херминг свалили зверя выстрелами, в лапах у него оказался труп.

— Теперь нас только двое, — сказал Андрэ Васлинг с мрачным и свирепым видом. — Но мы дорого продадим свою жизнь.

Херминг молча зарядил пистолет. Прежде всего нужно было избавиться от третьего медведя. Андрэ Васлинг взглянул на нос корабля, но медведя там уже не было. Подняв глаза, он увидел его на вантах. Медведь карабкался по выбленкам, стараясь добраться до Луи Корнбюта. Андрэ Васлинг тотчас опустил ружье, которое он направил было на животное, и его глаза блеснули жестокой радостью.

— Ага! — закричал он. — Вот кто отомстит за меня!

Однако Луи Корнбют перебрался на фор-марс. Медведь продолжал карабкаться. Он был уже в каких-нибудь шести футах от Луи, когда тот, вскинув ружье, прицелился в зверя. Тогда Андрэ Васлинг в свою очередь поднял ружье и прицелился в Луи, готовясь выстрелить, как только медведь будет убит. Луи Корнбют выстрелил, но, по-видимому, пуля не задела медведя. Сделав огромный прыжок, зверь очутился на фор-марсе. Мачта содрогнулась. Андрэ Васлинг вскрикнул от радости.

— Херминг! — крикнул он норвежцу. — Приведи сюда Мари! Приведи мою невесту!

Херминг спустился в кубрик.

Между тем разъяренное животное бросилось на Луи Корнбюта, которому удалось увернуться, спрятавшись за мачту. Лапа чудовища была уже над головой Луи Корнбюта, но тот, схватившись за фордун, соскользнул по нему на палубу; в этот миг у самого его уха просвистела пуля. Андрэ Васлинг выстрелил в него, но промахнулся.

И вот соперники очутились лицом к лицу, в руках у них сверкнули ножи. Этот поединок должен был решить все. Желая в полной мере насладиться местью и заколоть Луи в присутствии его невесты, Андрэ Васлинг лишил себя помощи Херминга и теперь должен был рассчитывать только на себя.

Луи Корнбют и Андрэ Васлинг, вцепившись друг другу в горло, на минуту застыли на месте. Один из них должен был погибнуть. Затем они стали наносить друг другу удары. Брызнула кровь, Андрэ Васлинг попытался свалить противника на палубу, но Луи Корнбют, зная, что, кто падает, тот погибает, вовремя схватил его за руку, но при этом выронил кинжал.

В ту же минуту до него донеслись пронзительные вопли. Он узнал голос Мари, которую Херминг тащил на палубу. Ярость придавала силы Луи Корнбюту, и он снова попытался свалить Васлинга. Вдруг оба они очутились в чьих-то могучих объятиях. Медведь, спустившийся в это время с фор-марса, кинулся на них.

Андрэ Васлинг изо всех сил отталкивал медведя. Луи Корнбют почувствовал, как когти чудовища вонзаются ему в грудь. Медведь сдавил их обоих в своих лапах.

— Ко мне, ко мне, Херминг! — громко крикнул помощник капитана.

— Ко мне, Пенеллан! — в свою очередь закричал Луи Корнбют.

На трапе слышались шаги. Появился Пенеллан. Быстро зарядив пистолет, он выстрелил животному в ухо. Взревев от боли, медведь разжал лапы. Луи Корнбют без сознания упал на палубу. Животное рухнуло на пол, придавив своей тушей злополучного Андрэ Васлинга.

Пенеллан бросился на помощь Луи Корнбюту. К счастью, раны молодого моряка были не опасны, и вскоре его привели в чувство.

— Мари... — прошептал он, открывая глаза.

— Она в безопасности, — ответил рулевой, — а Херминг валяется с распоротым животом.

— А медведи?

— С ними покончено, Луи, — убиты и все наши враги. Но нужно признаться, если б не эти зверюги, нам бы несдобровать. Они спасли нам жизнь! Возблагодарим же судьбу!

Луи Корнбют и Пенеллан спустились вниз, где Мари бросилась им в объятия.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Заключение

Мизон и Тюркьет, которым удалось, наконец, освободиться от уз, перенесли смертельно раненного Херминга на койку. Несчастный уже хрипел, и моряки занялись Пьером Нукэ, раны которого, к счастью, не представляли серьезной опасности.

Однако Луи Корнбюта ожидало большое горе: отец его не подавал признаков жизни. Умер ли он от волнения, опасаясь за участь сына, или еще до того, как разыгралась эта ужасная сцена, — неизвестно. Бедного старика уже не было в живых!

Луи Корнбют и Мари были потрясены этим ударом. Они опустились на колени возле постели умершего и, рыдая, молили всевышнего принять его душу.

Пенеллан, Мизон и Тюркьет оставили их наедине с покойником и поднялись на палубу. Туши медведей перетаскивали на нос корабля. Пенеллан решил сохранить шкуры, которые должны были им очень пригодиться на обратном пути, но ему не пришло в голову использовать в пищу мясо медведей. Впрочем, теперь людей стало гораздо меньше. Трупы Андрэ Васлинга, Опики и Джокки были опущены в яму, вырытую на берегу. Вскоре за ними последовало и тело Херминга. Норвежец умер ночью с пеной ярости на губах, не испытывая ни раскаяния, ни угрызений совести.

Затем трое моряков починили тент, разорванный в нескольких местах и пропускавший на палубу снег. Сильные морозы держались до того дня, когда солнце показалось над горизонтом, это было 8 января. Жана Корнбюта похоронили на берегу. Он покинул родину, чтобы разыскать своего сына, и ему пришлось расстаться с жизнью в этой холодной, негостеприимной стране! Его могила находилась на холме, где моряки поставили простой деревянный крест.

Луи Корнбюту и его товарищам суждено было перенести еще немало испытаний; однако лимоны, которые им удалось разыскать, постепенно восстановили их здоровье.

Недели через две после описанных ужасных событий Жервик, Градлен и Пьер Нукэ могли уже подниматься и выполнять лёгкую работу. Вскоре, с возвращением водяных птиц, охота стала менее трудной. Нередко удавалось подстрелить дикую утку, мясо которой было превосходно на вкус. Охотники очень сожалели о потере двух собак, погибших во время разведки, которую они предприняли в южном направлении, чтобы узнать, на какое расстояние простираются льды.

Начало февраля ознаменовалось сильнейшими буранами и обильными снегопадами. Средняя температура все еще была -25° ; впрочем, зимовщики хорошо переносили холод. Солнце с каждым днем поднималось все выше и выше, и в сердце их пробуждалась надежда. И небо сжалилось над зимовщиками. Тепло наступило в этом году гораздо раньше, чем обычно. В начале марта зимовщики заметили стаю ворон, круживших над кораблем, а Луи Корнбюту посчастливилось даже поймать несколько журавлей, залетевших слишком далеко на север. На юге нередко виднелись вереницы диких гусей.

Возвращение птиц предвещало скорое потепление. Однако не приходилось этим обольщаться, так как с изменением ветра в периоды новолуния и полнолуния температура внезапно падала, и моряки вынуждены были снова принимать серьезные меры для защиты от холодов. К этому времени был сожжен уже весь фальшборт, несколько внутренних переборок и большая часть верхней палубы. Зимовка подходила к концу. К счастью, в марте температура редко спускалась ниже -16° . Мари занялась изготовлением летней одежды. В этом году лето пришло раньше обычного. И вот наступило равноденствие, солнце перестало скрываться за горизонтом, и начался восьмимесячный полярный день. Льды стали таять.

Теперь нужно было спустить «Юного смельчака» с ледяного ложа на воду. Корабль крепко сидел во льду, и, казалось, разумнее было бы подождать оттепели. Но нижние слои льда, подмываемые более теплыми течениями, постепенно таяли, и бриг стал незаметно опускаться. К началу апреля он оказался уже на воде.

В апреле начались сильные ливни и грозы. Обрушиваясь на ледяные поля, дождь ускорял таяние. Температура поднялась до -10° . Кое-кто из зимовщиков сбросил одежду из тюленьих шкур. Поддерживать огонь в помещении теперь не было необходимости, и спирт, запасы которого еще не иссякли, употребляли только на готовку пищи.

Вскоре с глухим треском начал ломаться лед; трещины образовывались с такой быстротой, что ходить по льду стало

небезопасно. Чтобы не угодить в одну из трещин, извивавшихся по всем направлениям, необходимо было ощупывать дорогу палкой. Однажды несколько моряков провалились в трещину, но, к счастью, они отделались только холодной ванной.

Стали охотиться на тюленей, жир которых весьма пригодился.

Теперь зимовщики чувствовали себя превосходно. Усиленно готовились к отплытию и занимались охотой, время проходило незаметно. Луи Корнбют часто сходил с корабля и совершал небольшие разведки. Изучив очертания южного берега, он решил пройти дальше на юг.

Кое-где уже началось движение льдов. Плавающие льдины направлялись в открытое море. Двадцать пятого апреля корабль был уже готов к отплытию. Паруса прекрасно сохранились в чехлах и не требовали починки. Легко представить, какая радость охватила моряков, когда они увидели, как паруса наполняются ветром. Погрузившись в воду до ватерлинии, корабль вздрогнул; он еще не мог двигаться, но вновь находился в родной стихии.

В мае месяце таяние льдов усилилось. Снег, покрывавший берега, растаял и превратился в густую грязную массу. Из-под снега робко выглянули маленькие розовато-палевые кустики вереска. Казалось, они радостно улыбались бледным лучам полярного солнца. Температура значительно поднялась, было уже несколько градусов тепла.

В двадцати милях от корабля, в южном направлении, льдины уже окончательно отделились друг от друга и устремились в Атлантический океан. Хотя море вокруг корабля еще не совсем очистилось от льда, уже образовались проходы, которыми и хотел воспользоваться Луи Корнбют.

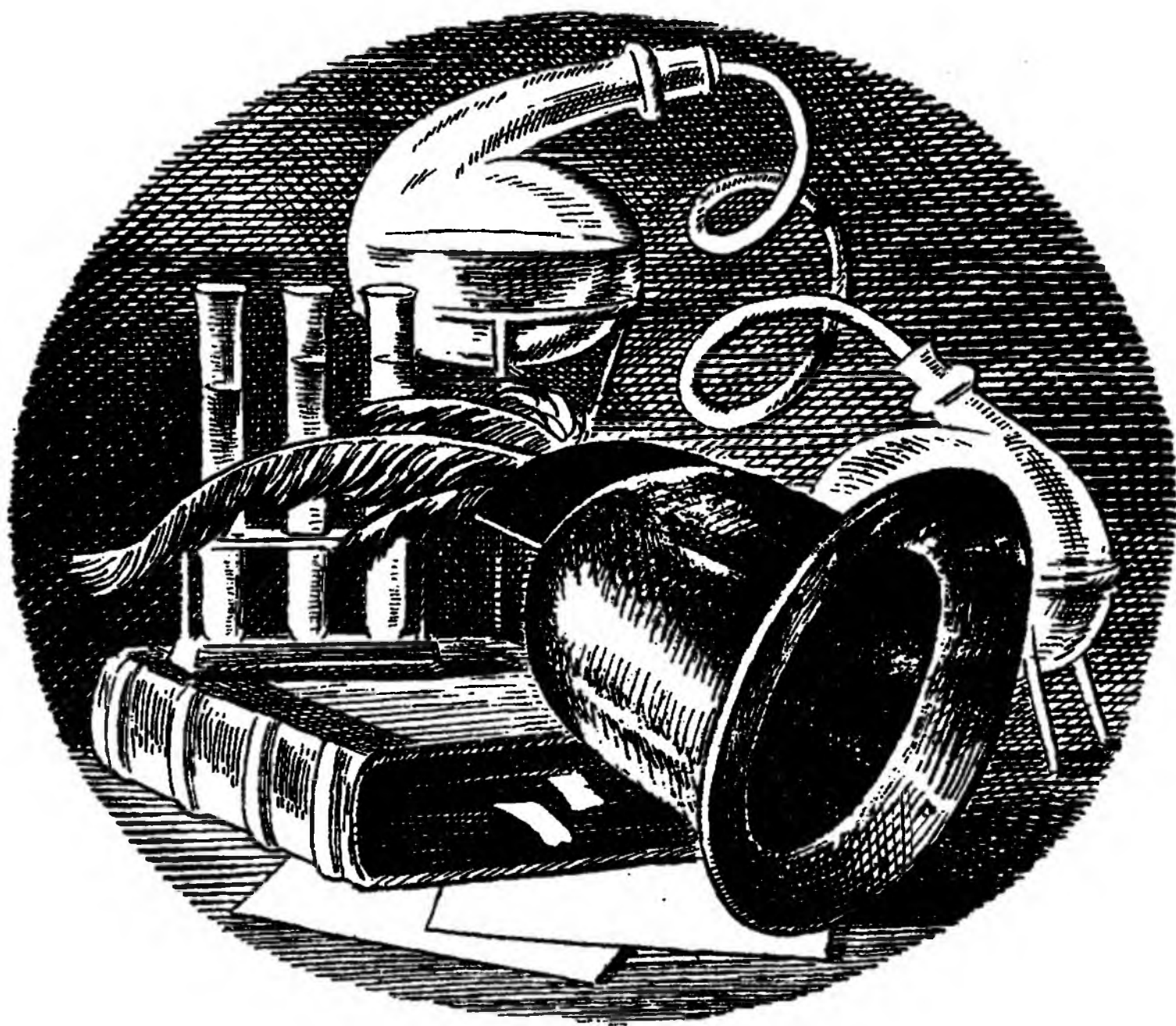
Двадцать первого мая, посетив последний раз могилу отца, Луи Корнбют, наконец, покинул бухту, где они зимовали. На душе у моряков было радостно и в то же время грустно. Ведь никто не может без чувства сожаления покинуть места, где он похоронил друга. Северный ветер надувал паруса. Однако путь часто преграждали обширные ледяные поля, и моряки пускали в ход ледовые пилы. Порой приходилось взрывать ледяные глыбы, встававшие на пути. Целый месяц они боролись с опасностями. Иной раз корабль был на волосок от гибели. Но отважные моряки преодолевали все трудности. Пенеллан, Пьер Нукэ, Тюркьет и Фидель Мизон работали за десятерых. Лицо Мари освещала радостная улыбка.

На широте острова Ян-Майен «Юный смельчак» выбрался из льдов и вышел в открытое море. 25 июня бриг повстречал-

ся с кораблями, направлявшимися на север для охоты на тюленей и китов. Но еще с месяц пришлось бригу плыть по полярным морям.

Шестнадцатого августа с «Юного смельчака» стал уже виден Дюнкерк. Корабль сигнализировал порту флагом. Все население городка собралось на набережной, встречая бриг. Вскоре отважные моряки уже обнимали своих друзей и близких. Старый кюре прижал к сердцу Луи Корнбюта и Мари. Через два дня он отслужил две обедни: первую — за упокой души Жана Корнбюта и вторую — в честь новобрачных, которые после долгих страданий, наконец, соединились в счастливом союзе.

1855 г.

ОПЫТ ДОКТОРА ОКСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

повествующая о том, что бесполезно искать даже на лучших картах городок Кикандон

Если вы станете искать на старой или новой карте Фландрии маленький городок Кикандон, то, по всей вероятности, вы его не найдете. Так, значит, Кикандон — исчезнувший город? Ничуть не бывало! Город будущего? Тоже нет. Он существует, вопреки географам, уже добрых восемьсот или девятьсот лет. Он насчитывает две тысячи триста девяносто три души, считая по одной душе на каждого жителя. Он расположен в тринадцати с половиной километрах к северо-западу от Ауденаарде и в пятнадцати с четвертью километров к юго-востоку от Брюгге, в самом сердце Фландрии. Ваар, небольшая речка, впадающая в приток Шельды, протекает под тремя его мостами, на которых, как и в Турнэ, до сих пор сохранилась средневековая кровля. В Кикандоне можно любоваться старым замком, который заложил в 1197 году граф Балдуин, будущий император Константинопольский, ратушей с готическими бойницами и зубчатыми стенами, увенчанной сторожевой башней, высотой в триста пятьдесят семь футов. С этой башни ежечасно разносится мелодичный перезвон часов; это своего рода воздушный рояль, еще более прославленный, чем перезвон в Брюгге. Если бы иностранец ненароком заглянул в Кикандон, он непременно осмотрел бы зал штатгальтеров, украшенный портретом Вильгельма Нассауского, работы Брандона, амвон церкви св. Маглуара, этот шедевр архитектуры XVI века, колодец из кованого железа посреди площади св. Эрнуфа, восхитительные орнаменты которого исполнены художником-кузнецом Квентином Метсу, гробницу, некогда воздвигнутую для Марии Бургундской, дочери Карла Смелого, почивающей ныне в церкви Божьей Матери в Брюгге, и т. д. Наконец Кикандон славится производством сбитых сливок и леденцов. Это производство уже несколько столетий

составляет привилегию фамилии Ван-Трикасс. И все же Кикандон не значится на карте Фландрии! Следует ли это приписать забывчивости географов или намеренному упущению, не могу сказать, но Кикандон существует вполне реально со своими узкими улицами, с поясом укреплений, со старинными испанскими домами, с рынком и с бургомистром. В этом городке и разыгрались не так давно события, удивительные, необычайные, невероятные, но тем не менее истинные, и о них-то и будет подробно рассказано ниже.

О жителях западной Фландрии положительно не скажешь ничего дурного. Это люди добропорядочные, рассудительные, бережливые, радушные, гостеприимные, хотя и несколько отсталых взглядов, и не слишком бойкие на язык, но все это не объясняет, почему один из интереснейших городов на их территории до сих пор не обозначен на географической карте.

О таком упущении можно искренне пожалеть. Если бы только история, или за отсутствием истории хроника, или, наконец, за отсутствием хроники местные предания упоминали о Кикандоне! Но нет, ни атлас, ни путеводители не говорят о нем. Разумеется, такое молчание должно сильно вредить торговле и промышленности этого города. Но поспешим добавить, что в Кикандоне не существует ни торговли, ни промышленности и что городок прекрасно обходится и без них. Сбитые сливки и леденцы поедает местное население, и нет надобности их вывозить. Вдобавок кикандонцы вовсе не нуждаются в иностранцах. Круг их интересов весьма ограничен, и они ведут тихое и мирное существование, они отличаются спокойствием, умеренностью, хладнокровием, флегматичностью,— словом, это типичные «фламандцы», каких до сих пор еще можно порою встретить в районе между Шельдой и Северным морем.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой бургомистр Ван-Трикасс и советник Никлосс беседуют о городских делах

— Вы так думаете? — спросил бургомистр.
— Да, я так думаю, — ответил советник, помолчав несколько минут.

— Но ведь легкомысленные поступки совершенно недопустимы, — продолжал бургомистр.

— Вот уже десять лет как мы обсуждаем этот важный вопрос, — заметил советник Никлосс, — и должен вам сказать, уважаемый Ван-Трикасс, я никак не могу принять решения.

— Я понимаю ваши колебания,— проговорил бургомистр, поразмыслив с четверть часа,— и не только понимаю, но и разделяю их. Благоразумнее всего будет обстоятельно изучить этот вопрос и только тогда уже принимать то или иное решение.

— Без сомнения,— ответил Никлосс,— должность гражданского комиссара совершенно бесполезна в таком спокойном городе, как Кикандон.

— Ваш предшественник,— многозначительно изрек Ван-Трикасс,— ни при каких обстоятельствах не решился бы сказать «без сомнения». Всякое утверждение может быть опровергнуто.

Советник покачал головой в знак согласия, потом умолк на добрых полчаса. Все это время и бургомистр, и советник пребывали в полной неподвижности. Наконец Никлосс спросил Ван-Трикасса, не приходила ли его предшественнику — лет этак двадцать тому назад — в голову мысль об упразднении должности гражданского комиссара. Эта должность обходилась Кикандону в тысячу триста семьдесят пять франков и несколько сантимов в год.

— Конечно, приходила,— ответил бургомистр, с величавой медлительностью поднося руку к своему ясному челу,— но сей достойный муж так и умер, не дерзнув принять решения по данному вопросу, да и вообще не решился провести ни одного административного мероприятия. Это был мудрец. Почему бы и мне не поступать подобно ему?

Советник Никлосс ничего не нашел возразить бургомистру.

— Человек, который умирает, не приняв никакого решения за всю свою жизнь,— важно прибавил Ван-Трикасс,— весьма близок к совершенству, какое только доступно на земле.

Сказав это, бургомистр нажал мизинцем кнопку звонка с приглушенным звуком, и раздался скорее вздох, чем звон. Тотчас же послышались легкие шаги. Казалось, прошелестела мышь, пробежав по толстому ковру. Дверь отворилась, беззвучно поворачиваясь на смазанных петлях. Появилась белокурая девушка с длинными косами. Это была Сюзель Ван-Трикасс, единственная дочь бургомистра. Она подала отцу набитую табаком трубку и маленькую медную жаровню и, не вымолвив ни слова, тотчас же исчезла так же бесшумно, как и вошла.

Достопочтенный бургомистр закурил свою внушительную трубку и вскоре скрылся в облаке голубоватого дыма, а советник Никлосс по-прежнему пребывал в глубоком раздумье.

Эти два почтенных лица, облеченных административной властью, беседовали в гостиной бургомистра, стены которой были облицованы темным дубом, покрытым богатой резьбой. Грандиозный камин с огромным очагом, где можно было бы сжечь целый дуб или изжарить быка, занимал всю стену напротив окна с мелким переплетом, расписные стекла которого приятно смягчали дневной свет. Над камином висела картина в старинной раме, приписываемая кисти Гемлинга, портрет пожилого мужчины, одного из предков Ван-Трикасса, родословная которого восходила к XIV веку, к той эпохе, когда фламандцы во главе с Ги де Дампьером боролись против императора Рудольфа Габсбургского.

Дом бургомистра был очень видным зданием в Кикандоне. Построенный во фламандском вкусе и в то же время со всеми ухищрениями, капризами, неожиданностями и причудами готики, он считался одним из интереснейших зданий города. Там царило вечное безмолвие, как в Картезианском монастыре или в приюте для глухонемых. Ничто не нарушало тишины: здесь не ходили, а скользили, не говорили, а шептались. А ведь в доме жили женщины — супруга бургомистра госпожа Бригитта Ван-Трикасс, его дочь Сюзель Ван-Трикасс и служанка Лотхен Янсен. Нужно упомянуть также о сестре бургомистра, тетушке Эрманс, старой деве, откликавшейся также на имя Татанеманс, данное ей племянницей Сюзелью, когда та была маленькой девочкой. И как это ни странно, все эти женщины жили в мире — ни раздоров, ни шума, ни болтовни: в доме бургомистра царила тишина, как в безлюдной пустыне.

Бургомистру было около пятидесяти лет; его нельзя было назвать ни толстым, ни худощавым, ни высоким, ни приземистым, ни молодым, ни старым, ни румяным, ни бледным, ни веселым, ни печальным, ни благодушным, ни желчным, ни энергичным, ни слабохарактерным, ни гордым, ни смиренным, ни добрым, ни злым, ни щедрым, ни скупым, ни храбрым, ни трусливым — никаких крайностей, умеренность во всем. Но физиономист, глядя на его замедленные движения, на слегка отвисшую нижнюю челюсть, неподвижные веки, гладкий, как медная пластинка, лоб и несколько дряблые мускулы, без труда определил бы, что бургомистр Ван-Трикасс — олицетворение флегмы. Ни разу в жизни гнев и другие страсти не заставляли бурно биться его сердце, на щеках у него никогда не выступали красные пятна; его зрачки никогда не суживались от гнева, хотя бы мимолетного. Он всегда был хорошо одет, платье на нем было ни слишком узкое, ни чересчур просторное, и ему никогда не удавалось износить своей одежды. Он ходил в тяжелых башмаках с тупыми носка-

ми, тройной подошвой и серебряными пряжками, и эта обувь своей прочностью приводила в отчаяние его сапожника. Носил он широкополую шляпу фасона той эпохи, когда Фландрия окончательно отделилась от Голландии, — следовательно, этому почтенному головному убору было около сорока лет. Но это и не удивительно. Известно, что и тело, и душа, и платье быстро изнашиваются, когда человека обуревают страсти, а наш достойный бургомистр, апатичный, невозмутимый, равнодушный, не знал страстей. Он решительно ничего не изнашивал, не изнашивался и сам, и именно потому был вполне подходящим человеком для управления городом Кикандоном и его невозмутимыми обитателями.

Действительно, город был не менее спокоен, чем дом Ван-Трикасса. Именно в этом мирном обиталище бургомистр рассчитывал достигнуть самых преклонных лет и пережить свою добрую супругу Бригитту Ван-Трикасс, которой и в могиле не суждено было вкушать более глубокий покой, чем тот, каким она наслаждалась на земле вот уже шестьдесят лет.

Это требует кое-каких пояснений.

Семейство Ван-Трикасс с полным правом могло бы именоваться «семейством Жанно». И вот почему.

Нож этого господина столь же знаменит, как и его хозяин, и этот предмет можно назвать вечным, так как он постоянно восстанавливается: когда изнашивается ручка, ее заменяют новой, точно так же поступают и с лезвием. Подобная же процедура с незапамятных времен имела место в семействе Ван-Трикассов, и сама природа, казалось, принимала в этом благосклонное участие. Начиная с 1340 года каждый Ван-Трикасс, овдовев, вступал в брак с девицей из рода Ван-Трикасс моложе себя; последняя, овдовев, в свою очередь выходила вторично замуж за одного из Ван-Трикассов моложе себя, который овдовев... и т. д. без конца. Каждый из них умирал в положенный ему срок с точностью часового механизма. Достойная госпожа Ван-Трикасс была уже за вторым мужем и, как особа добропорядочная, должна была переселиться в лучший мир раньше своего супруга, который был на десять лет моложе ее, и освободить место новой Ван-Трикасс. На это достопочтенный бургомистр безусловно рассчитывал, ибо вовсе не желал нарушать семейные традиции.

Таков был этот дом, мирный и молчаливый, где двери и полы не скрипели, стекла не дребезжали, замки не щелкали, мебель не издавала треска, флюгера вращались беззвучно, а обитатели производили не больше шума, чем тени. Бог молчания Гарпократ наверное избрал бы эту обитель для храма Безмолвия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

*в которой комиссар Пассоф появляется
столь же шумно, сколь и неожиданно*

Выше приведенный любопытный разговор советника с бургомистром начался без четверти три пополудни. Было три часа сорок пять минут, когда Ван-Трикасс закурил свою внушительную трубку, вмещающую четверть фунта табаку, а выкурил он ее только без двадцати пяти шесть.

За это время собеседники не обменялись ни единым словом.

Около шести часов советник, всегда изъяснявшийся обиняками или многозначительными намеками, начал снова:

— Итак, мы принимаем решение...

— Ничего не решать,— отвечал бургомистр.

— Я думаю, что вы в конце концов правы, Ван-Трикасс.

— Я тоже так думаю, Никлосс. Мы примем решение относительно гражданского комиссара, когда поосновательнее разберемся в этом вопросе... Ведь над нами не каплет...

— Отнюдь,— ответил Никлосс, развертывая носовой платок, которым он обошелся на редкость благопристойно.

Снова наступило молчание, продолжавшееся добрый час. Ничто не нарушало тишины, даже появление домашнего пса, доброго старого Ленто, не менее флегматичного, чем его хозяин, который из вежливости навестил гостиную. Достойный пес! Высокий образец для всего собачьего рода! Он двигался совершенно бесшумно, как если бы был сделан из папье-маше и катился на колесиках.

Около восьми часов вечера, когда Лотхен внесла старинную лампу с матовым стеклом, бургомистр сказал советнику:

— У нас больше нет важных дел, требующих обсуждения, Никлосс?

— Нет, Ван-Трикасс, насколько мне известно, таковых не имеется.

— Но разве мне не говорили,— сказал бургомистр,— что башня Ауденаардских ворот грозит рухнуть?

— Так оно и есть,— ответил советник,— и я, право, не удивлюсь, если она в один прекрасный день кого-нибудь раздавит.

— О! — промолвил бургомистр.— Я надеюсь, что мы успеем вовремя принять решение относительно башни, и такого несчастья не произойдет.

— Я тоже надеюсь, Ван-Трикасс.

— Есть и более спешные вопросы.

— Несомненно,— отвечал советник,— например, вопрос о складе кожи.

— А он все еще горит? — спросил бургомистр.

— Горит, вот уже три недели.

— Разве мы не решили на совете, что следует оставить его гореть?

— Да, Ван-Трикасс, по вашему предложению.

— Разве это не самый простой и верный способ справиться с пожаром?

— Без сомнения.

— Ну, хорошо, подождем. Это все?

— Все,— ответил советник, потирая себе лоб, словно стараясь припомнить какое-то важное дело.

— А вам известно,— продолжал бургомистр,— что прорвана плотина и кварталу святого Иакова угрожает наводнение?

— Как же,— отвечал советник.— Какая досада, что плотина не была прорвана выше кожевенного склада! Тогда вода, конечно, залила бы пожар, и это избавило бы нас от всяких хлопот.

— Что поделаешь, Никлосс,— отвечал достойный бургомистр.— Несчастные случаи не подчинены законам логики. Между ними нет никакой связи, и мы не можем воспользоваться одним из них, чтобы устранить другой.

Это глубокомысленное замечание Ван-Трикасса лишь через несколько минут дошло до его собеседника и друга и было им оценено.

— Так-с,— заговорил опять советник Никлосс.— Мы с вами сегодня даже не затронули основного вопроса.

— Основного вопроса? Так у нас имеется основной вопрос? — спросил бургомистр.

— Несомненно. Речь идет об освещении города.

— Ах, да,— отозвался бургомистр.— Если не ошибаюсь, вы имеете в виду проект доктора Окса?

— Вот именно.

— Дело движется, Никлосс,— отвечал бургомистр.— Уже начата прокладка труб, а завод совершенно закончен.

— Может быть, мы немного поспешили с этим делом,— заметил советник, покачав головой.

— Может быть,— ответил бургомистр.— Но наше оправдание в том, что доктор Окс берет на себя все расходы, связанные с этим опытом. Это не будет стоить нам ни гроша.

— Это действительно служит нам извинением. Вдобавок нужно идти в ногу с веком. Если опыт удастся, Кикандон первый из городов Фландрии будет освещен газом окси... Как он называется, этот газ?

— Оксигидрический.

— Ну, пускай себе оксигидрический газ.

В этот момент дверь отворилась, и Лотхен доложила бургомистру, что ужин подан.

Советник Никлосс поднялся, чтобы проститься с Ван-Трикассом, у которого после длительного обсуждения дел и принятия целого ряда важных решений разыгрался аппетит. Затем они договорились, что в недалеком будущем придется созвать совет именитых людей города, чтобы решить, не принять ли какое-нибудь предварительное решение по неотложному вопросу об Ауденаардской башне.

После этого достойные администраторы направились к выходной двери, бургомистр провожал гостя. На нижней площадке советник зажег маленький фонарик, чтобы пробираться по темным улицам Кикандона, которые еще не были освещены газом доктора Окса. Ночь была темная, был октябрь месяц, и легкий туман окутывал город.

Приготовления советника Никлосса к отбытию потребовали не менее четверти часа, так как, засветив фонарик, он должен был обуться в огромные галоши из воловьей кожи и натянуть на руки толстые перчатки из бараньей кожи; потом он поднял меховой воротник сюртука, нахлобучил шляпу на глаза, вооружился тяжелым зонтиком с загнутой рукояткой и приготовился выйти на улицу.

Но когда Лотхен, светившая своему хозяину, собралась отодвинуть дверной засов, снаружи неожиданно послышался шум.

Да! Как это ни казалось невероятным, шум, настоящий шум, какого город не слыхал со времени взятия крепости испанцами в 1513 году, ужасающий шум разбудил давным-давно уснувшее эхо в старинном доме Ван-Трикасса. В дверь постукали, — в дверь, которая до сих пор еще не испытала ни одного грубого толчка. Удары следовали один за другим, изо всех сил колотили каким-то тупым орудием, очевидно узловатой дубиной. Вперемежку с ударами раздавались крики, отчаянные призывы. Можно было расслышать слова:

— Господин Ван-Трикасс! Господин бургомистр! Откройте, откройте поскорей!

Бургомистр и советник, вконец ошеломленные, уставились друг на друга, не говоря ни слова. Это превосходило их воображение. Если бы внезапно выпалила старая замковая пушка, не стрелявшая с 1385 года, и ядро попало в гостиную, обитатели дома Ван-Трикасса едва ли были бы так ошарашены. Да простит нам читатель это грубое словечко, но оно здесь как нельзя более уместно.

Между тем удары, крики, призывы раздавались с удвоенной силой. Придя в себя, Лотхен отважилась заговорить.

— Кто там? — спросила она.

— Это я! я! я!

— Кто вы?

— Комиссар Пассоф.

Комиссар Пассоф! Тот самый, об упразднении должности которого толковали уже десять лет! Но что же такое произошло? Уж не вторглись ли в город бургундцы, как в XIV веке? Должно было произойти событие не меньшей важности, чтобы взбудоражить комиссара Пассофа, столь же уравновешенного и флегматичного, как и сам бургомистр.

По знаку Ван-Трикасса — сей достойный муж не мог выговорить ни слова — засов был отодвинут, и дверь отворилась.

Комиссар Пассоф ворвался в переднюю, как ураган.

— Что случилось, господин комиссар? — спросила Лотхен, мужественная девушка, ни при каких обстоятельствах не терявшая присутствия духа.

— В чем дело! — повторил Пассоф, круглые глаза которого были расширены от возбуждения. — Дело в том, что я прямо от доктора Окса, у него было собрание, и там...

— Там? — повторил советник.

— Там я был свидетелем таких споров, что... Господин бургомистр, там говорили о политике!

— О политике! — повторил Ван-Трикасс, ероша свой парик.

— О политике, — продолжал комиссар Пассоф. — Этого в Кикандоне не случалось, может быть, уже сто лет. Там начался спор. Адвокат Андрэ Шют и врач Доминик Кустос доспорились до того, что дело может окончиться дуэлью.

— Дуэлью? — вскричал советник. — Дуэль! Дуэль в Кикандоне! Но что же наговорили друг другу адвокат Шют и врач Кустос?

— Вот что, слово в слово: «Господин адвокат, — заявил врач своему противнику, — вы себе слишком много позволяете, не взвешиваете своих слов».

Бургомистр Ван-Трикасс всплеснул руками. Советник побледнел и выронил из рук фонарик. Комиссар покачал головой. Такие вызывающие слова в устах столь почтенных людей!

— Этот врач Кустос, — прошептал Ван-Трикасс, — как видно, опасный человек, горячая голова! Идемте, господа.

И советник Никлосс, комиссар и бургомистр Ван-Трикасс прошествовали в гостиную.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой доктор Окс оказывается первоклассным физиологом и смелым экспериментатором

Кто же такой был человек, носивший столь странное имя? Доктор Окс, без сомнения, был оригиналом, но вместе с тем смелым ученым, физиологом, работы которого известны всем ученым Европы и высоко ими ценятся, — счастливый соперник Дэви, Дальтона, Бостока, Менци, Годвина, Фирордта, этих великих людей, поднявших физиологию на неслыханную высоту.

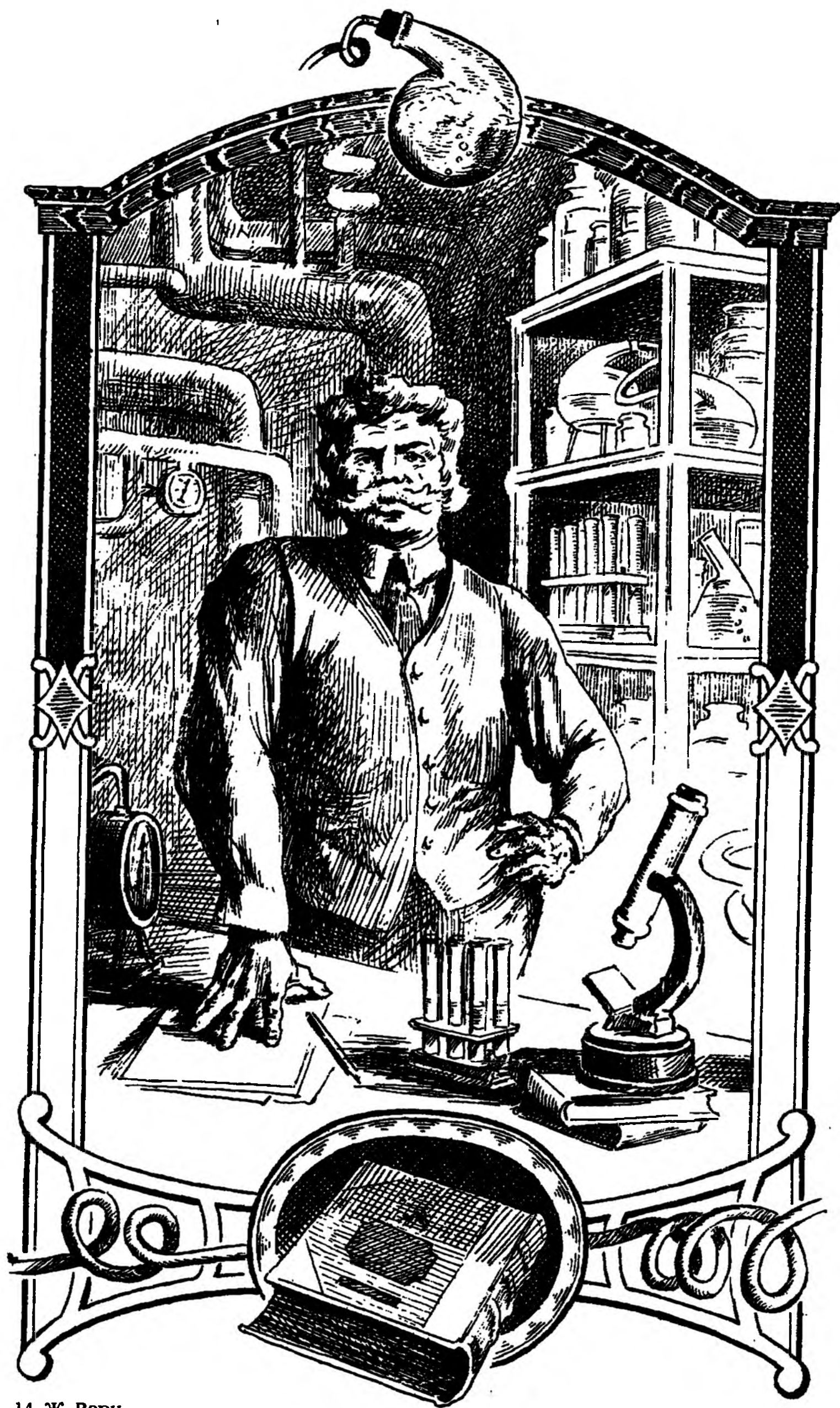
Доктор Окс был мужчина не слишком полный, среднего роста, лет... но мы не можем указать точно ни его возраста, ни национальности. Впрочем, это и неважно. Достаточно знать, что это был странный субъект, с горячей, мятежной кровью, настоящий чудака, словно соскользнувший со страниц Гофмана и представлявший полный контраст обитателям Кикандона. В себя, в свои теории он верил непоколебимо. Этот вечно улыбающийся человек, с высоко поднятой головой и широкими плечами, с походкой свободной и уверенной, с ясным, твердым взглядом, с раздувающимися ноздрями, с крупным ртом, жадно глотающим воздух, производил приятное впечатление. Он был полон жизни, прекрасно владел своим телом и двигался так быстро, словно в жилах у него была ртуть, а в пятках — иголки. Он не мог ни минуты оставаться спокойным, бурно жестикулировал и рассыпался в торопливых словах.

Значит, он был богат, этот доктор Окс, задумавший на свои средства осветить целый город?

Вероятно, да, если он мог позволить себе такие расходы, — вот все, что мы можем ответить на столь нескромный вопрос.

Доктор Окс прибыл в Кикандон пять месяцев тому назад в сопровождении своего ассистента, Гедеона Игена, длинного, сухопарого, тощего; долговязого, но столь же подвижного, как и его начальник.

Спросим теперь: почему это доктору Оксу вздумалось организовать, да еще на свой счет, освещение города? Почему он избрал именно мирных кикандонцев, этих истых фламандцев, и захотел облагодетельствовать их город необычайным освещением? Не намеревался ли он под этим предлогом произвести какой-нибудь крупный физиологический опыт, для каких обычно используют животных? И, наконец, что собирался предпринять этот оригинал? Этого мы не знаем, ибо у доктора Окса не было других поверенных, кроме его ассистента Игена, который слепо ему повиновался.

Как бы там ни было, доктор Окс заявил, что берется осветить город, который в этом весьма нуждался, «особенно ночью», по тонкому замечанию комиссара Пассофа. Итак, был построен завод для производства светильного газа. Газометры были уже установлены, трубы проложены под мостовой, и вскоре должны были загореться газовые рожки в общественных зданиях и даже в частных домах, принадлежащих поклонникам прогресса.

Бургомистр Ван-Трикасс, советник Никлосс и другие знатные люди города, чтобы не уронить своего достоинства, сочли нужным провести новое освещение в свои жилища.

Как, вероятно, помнит читатель, бургомистр и советник упомянули в своей столь затянувшейся беседе о том, что город будет освещен не вульгарным светильным газом, получающимся при перегонке каменного угля, но новейшим газом, который ярче в двадцать раз, — оксигидрическим газом, образующимся при смешении кислорода с водородом.

Доктор Окс, замечательный химик и искусный физик, умел получать этот газ в больших количествах и без особых затрат, причем он не пользовался марганцовоокислым натрием по методу Тессье дю Мотэ, а попросту разлагал слегка подкисленную воду с помощью изобретенной им батареи. Таким образом, ему не требовалось ни дорогих веществ, ни платины, ни реторт, ни горючего, ни сложных аппаратов для выработки того и другого газа в отдельности. Электрический ток проходил сквозь большие чаны, наполненные водой, которая и разлагалась на составные элементы, кислород и водород. Кислород направлялся в одну сторону, водород, которого было вдвое больше, чем его бывшего союзника, — в другую. Оба газа собирались в отдельные резервуары, — существенная предосторожность, так как их смесь, воспламенившись, непременно вызвала бы страшный взрыв. Затем каждый газ в отдельности должен был направляться по трубкам к рожкам, устроенным так, чтобы предотвратить всякую возможность взрыва. Должно было получиться замечательное пламя, не уступающее яркостью электрическому свету, который, как доказывают опыты Кассельмана, равняется свету тысячи ста семидесяти одной свечи.

Конечно, благодаря этому счастливому изобретению Кикандон должен был получить великолепное освещение. Но, как мы увидим из дальнейшего, меньше всего этим интересовались доктор Окс и его ассистент.

На другой день после шумного вторжения комиссара Пассофа в гостиную бургомистра Геден Иген и доктор Окс бесе-

довали в рабочем кабинете, находившемся в нижнем этаже главного корпуса завода.

— Ну что, Иген, ну что! — восклицал доктор Окс, потирая руки. — Вы видели их вчера у нас на собрании, этих благодушных невозмутимых кикандонцев, которые в отношении страстей представляют собой нечто среднее между губками и кораллами? Вы видели, как они спорили, как бросили друг другу вызов словами и жестами! Они уже преобразились физически и морально! А ведь это только начало! Посмотрите, что будет, когда мы вкатим этой публике настоящую дозу!

— Вы правы, учитель, — ответил Гедеон Иген, почесывая пальцем свой острый нос, — первый опыт удался на славу, и не закрой я из осторожности выпускной кран, прямо не знаю, чем бы все это кончилось.

— Вы слышали, что говорили друг другу адвокат Шют и врач Кустос? — продолжал доктор Окс. — В их словах, собственно говоря, не было ничего обидного, но в устах кикандонца они стоят всех оскорблений, какими перебрасываются герои Гомера, прежде чем обнажить меч. Ах, эти фламандцы! Вот увидите, что мы из них сделаем в один прекрасный день!

— Неблагодарных скотов, — отвечал Гедеон Иген тоном мудреца, оценившего род человеческий по достоинству.

— Наплевать! — воскликнул доктор. — Пусть себе проявляют неблагодарность, лишь бы наш опыт удался!

— А мы не рискуем, — ввернул с лукавой улыбкой ассистент, — возбуждая таким образом их дыхательный аппарат, повредить легкие этим славным жителям Кикандона?

— Тем хуже для них, — ответил доктор Окс. — Это делается в интересах науки. Что было бы, если бы собаки или лягушки вдруг отказались подчиняться опытам?

Весьма возможно, что если бы спросить собак и лягушек, то у этих животных нашлись бы возражения против вивисекции, но доктор Окс был уверен в неоспоримости приведенного им аргумента, и у него вырвался глубокий вздох удовлетворения.

— В конце концов вы правы, учитель, — твердо проговорил Гедеон Иген. — Эти кикандонцы — самый подходящий для нас материал.

— Самый подходящий, — многозначительно сказал доктор.

4 — Вы проверяли пульс у этих созданий?

— Сто раз.

— Каков же он у них в среднем?

— Меньше пятидесяти ударов в минуту. Подумайте только: город, где за целое столетие не было и тени раздоров, где

грузчики не бранятся, кучера не переругиваются, лошади не брыкаются, собаки не кусаются, кошки не царапаются! Город, где суд бездействует весь год напролет! Город, где не ведут горячих споров об искусстве, не препираются из-за деловых вопросов! Город, где жандармы стали мифом, где уже сто лет не составлялось ни одного протокола! Город, где вот уже триста лет не закатили ни одного тумака, ни единой пощечины! Вы понимаете, Иген, что так не может продолжаться, и нам необходимо изменить все это.

— Прекрасно! прекрасно! — восторженно твердил ассистент. — Ну, а воздух этого города? Вы его исследовали?

— Разумеется. Семьдесят девять частей азота и двадцать одна часть кислорода, углекислота и водяные пары в переменных количествах. Это нормальные пропорции.

— Отлично, доктор, отлично, — ответил Иген. — Опыт будет произведен в большом масштабе и будет иметь решающее значение.

— А если он окажется решающим, — прибавил доктор Окс с торжествующим видом, — то мы перевернем весь мир!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой бургомистр и советник наносят визит доктору Оксу, и что из этого проистекает

Советник Никлосс и бургомистр Ван-Трикасс, наконец, познали на своем опыте, что такое тревожная ночь. Важное событие, происшедшее в доме доктора Окса, вызвало у них настоящую бессонницу. Какие последствия будет иметь эта история? Следует ли принять какое-нибудь решение? Будут ли вынуждены вмешаться муниципальные власти? Будут ли изданы соответствующие предписания, дабы предотвратить такого рода скандалы.

Жестокие сомнения так и обуревали этих безвольных людей. Расставаясь поздно вечером, они «решили» встретиться на следующий день.

Итак, на другой день перед обедом бургомистр Ван-Трикасс самолично направился к советнику Никлоссу. Друг его уже пришел в равновесие, да и сам он уже успел оправиться от пережитого потрясения.

— Ничего нового? — спросил Ван-Трикасс,

— Решительно ничего, со вчерашнего дня, — ответил Никлосс.

— А врач Доминик Кустос?

— Я ничего не слышал о нем, так же как и об адвокате Шюте.

После разговора, длившегося час, но который можно было бы передать в нескольких словах, советник и бургомистр решили навестить доктора Окса, чтобы незаметно выпытать у него кое-какие подробности происшествия.

Вопреки своему обыкновению, приняв это решение, они захотели выполнить его немедленно и направились к заводу доктора Окса, расположенному за городом, близ Ауденаардских ворот, тех самых, башня которых грозила падением.

Бургомистр и советник шествовали медленным, торжественным шагом, проходя не более тринадцати дюймов в секунду. Впрочем, с такой скоростью ходили все горожане. Никто и никогда еще не видел на улицах Кикандона бегущего человека.

Время от времени на тихом, спокойном перекрестке, на углу мирной улицы, нотабли останавливались, чтобы поздороваться со встречными.

— Добрый день, господин бургомистр,— говорил прохожий.

— Добрый день, друг мой,— отвечал Ван-Трикасс.

— Ничего нового, господин советник? — спрашивал другой.

— Ничего нового,— отвечал Никлосс.

Однако по любопытству, звучавшему в голосе, по вопросительным взглядам можно было догадаться, что вчерашнее столкновение известно всему городу. Глядя, куда направляется Ван-Трикасс, самые тупые кикандонцы догадывались, что бургомистр собирается предпринять некий важный шаг. Инцидент, разыгравшийся между Кустосом и Шютом, занимал все умы, но никто еще не становился ни на ту, ни на другую сторону. И адвокат, и врач пользовались всеобщим уважением. Адвокат Шют, ни разу не выступавший в городе, где суд и присяжные существовали только в памяти старожилов, не проиграл ни одного процесса. А врач Кустос был почтенный практик, который, по примеру своих собратьев, излечивал больных от всех болезней, кроме той, от которой они умирали. Досадная привычка, свойственная, впрочем, всем врачам, в какой бы стране они ни практиковали.

Приблизившись к Ауденаардским воротам, советник и бургомистр предусмотрительно сделали небольшой крюк, чтобы не очутиться «в радиусе падения» башни. Зато они внимательно осмотрели ее издали.

— Я думаю, что она упадет,— произнес Ван-Трикасс.

— Я тоже,— ответил Никлосс.

— Если только ее не подопрут,— прибавил Ван-Трикасс.— Но нужно ли ее подпирать? Вот в чем вопрос.

— Да, вот в чем вопрос,— ответил Никлосс.

Через несколько минут они стояли уже у дверей завода.

— Можно видеть доктора Окса? — спросили они.

Доктора Окса всегда можно было видеть отцам города, и их тотчас же ввели в кабинет знаменитого физиолога.

Нотаблям пришлось дожидаться доктора добрый час. Первый раз в жизни бургомистр и советник проявили признаки нетерпения.

Наконец вошел доктор Окс и первым делом извинился, что заставил себя ждать; но ему необходимо было проверить чертеж газометра, установить развилку труб... Впрочем, дело было на полном ходу! Трубопроводы, предназначенные для кислорода, уже проложены. Через несколько месяцев город будет великолепно освещен; уже можно было видеть трубы, введенные в кабинет доктора.

Засим доктор осведомился, чему обязан удовольствием видеть у себя бургомистра и советника.

— Нам просто захотелось навестить вас, доктор,— отвечал Ван-Трикасс.— Мы так давно вас не видели. Ведь мы редко выходим из дому, рассчитываем каждый свой шаг, каждое движение и так счастливы, когда ничто не нарушает однообразия нашей мирной жизни...

Никлосс с удивлением смотрел на своего друга. Бургомистру еще никогда не случалось так много говорить без передышек и длительных пауз. Ван-Трикасс так и посыпал словами, что было ему совершенно несвойственно, да и сам Никлосс испытывал неодолимую потребность говорить.

Между тем доктор Окс внимательно и лукаво поглядывал на бургомистра.

Ван-Трикасс, который привык разговаривать, прочно расположившись в комфортабельном кресле, внезапно вскочил. Им овладело какое-то нервное возбуждение, столь чуждое его темпераменту. Правда, он еще не жестикулировал, но видно было, что он вот-вот начнет размахивать руками. Советник то и дело потирал себе икры и глубоко вздыхал. У него заблестели глаза, и он «решил», если понадобится, поддержать своего закадычного друга.

Ван-Трикасс поднялся, сделал несколько шагов и остановился перед доктором.

— Когда же,— спросил он слегка возбужденным тоном,— будут закончены ваши работы?

— Месяца через три-четыре, господин бургомистр, — ответил доктор.

— Ой, как долго ждать! — воскликнул Ван-Трикасс.

— Ужасно долго! — подхватил Никлосс; он был не в силах усидеть на месте и тоже вскочил.

— Мы не можем закончить работы раньше этого срока, — возразил доктор. — Ведь кикандонские рабочие не слишком-то проворны.

— Как, вы считаете, что они слишком медленно работают? — вскричал бургомистр, казалось, задетый за живое этими словами.

— Да, господин бургомистр, — твердо ответил доктор. — Один французский рабочий стоит десятерых кикандонцев. Ведь они — истые фламандцы!..

— Фламандцы! — вскричал советник Никлосс, сжимая кулаки. — Что вы хотите этим сказать, милостивый государь?

— Ничего дурного. То, что говорят о них все на свете, — ответил, улыбаясь, доктор.

— Вот как, доктор! — воскликнул Ван-Трикасс, шагавший из угла в угол. — Я не потерплю таких намеков! Да будет вам известно, что наши кикандонские рабочие ничуть не хуже всяких других, и ни Париж, ни Лондон нам не указка! Я настоятельно прошу вас ускорить работы, которые вы взяли на себя. Все улицы разрыты для прокладки трубопроводов, и это мешает уличному движению. Это наносит ущерб и торговле. Как бургомистр, я несу ответственность за благоустройство города и вовсе не желаю подвергаться нареканиям.

Достойный бургомистр! Он разглагольствовал о торговле, об уличном движении, и эти непривычные слова непринужденно слетали с его уст! Но что же с ним произошло?

— К тому же, — добавил Никлосс, — городу совершенно необходимо освещение!

— Однако, — возразил доктор, — он обходился без освещения добрых девятьсот лет.

— Что из того, сударь! — продолжал бургомистр, отчеканивая слова. — Времена меняются. Человечество идет вперед, и мы не хотим отставать от всех! Если через месяц улицы не будут освещены, вам придется платить неустойку за каждый просроченный день! А что, если в темноте приключится драка?

— Этого всегда можно опасаться! — воскликнул Никлосс. — Ведь фламандец — настоящий порох! Вспыхивает от любой искры!

— Между прочим,— перебил приятеля бургомистр,— комиссар Пассоф, начальник полиции, сообщил нам, что вчера вечером у вас в доме произошел спор. Правда ли, что спорили о политике?

— Так оно и было, господин бургомистр,— отвечал доктор Окс, с трудом сдерживая улыбку.

— И у врача Доминика Кустоса произошло столкновение с адвокатом Андрэ Шютом?

— Да, господин советник, но, к счастью, дело обошлось без оскорблений.

— Без оскорблений? — вскричал бургомистр. — Разве это не оскорбление, когда один заявляет другому, что тот не взвешивает своих слов! Да у вас рыба кровь, доктор! Разве вы не знаете, что в Кикандоне нельзя безнаказанно произнести такие слова? Попробуйте только сказать это мне...

— Или мне! — вставил советник Никлосс.

С этими словами нотабли, взъерошенные и багровые от гнева, скрестив руки на груди, уставились на доктора Окса; казалось, они вот-вот ринутся на него.

Но доктор и глазом не моргнул.

— Во всяком случае, сударь,— продолжал бургомистр,— вы отвечаете за то, что творится у вас в доме. Я несу ответственность за этот город и не позволю нарушать общественное спокойствие. Инциденты вроде вчерашнего не должны повторяться, иначе я буду вынужден принять самые крутые меры. Вы слышали? Отвечайте же, сударь!

Бургомистр, охваченный необычайным возбуждением, все больше повышал голос. Достойный Ван-Трикасс был прямо вне себя и говорил так громко, что его было слышно даже на улице. Наконец, видя, что доктор не отвечает на его вызовы, он яростно крикнул:

— Идемте, Никлосс!

И, хлопнув изо всех сил дверью, так, что весь дом затрясся, бургомистр вышел, увлекая за собой советника.

Пройдя шагов двадцать, достойные друзья начали успокаиваться. Теперь они уже двигались медленнее, походка их стала более размеренной. Погас багровый румянец, заливавший их щеки, и лицо их приобрело обычную розовую окраску.

Через четверть часа после того, как они покинули завод, Ван-Трикасс мягко заметил:

— Какой приятный человек, этот доктор Окс! Видеть его — истинное удовольствие!

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*где Франц Никлосс и Сюзель Ван-Трикасс
строят кое-какие планы на будущее*

Читателю известно, что у бургомистра была дочь Сюзель; но даже самый проницательный из читателей не мог бы догадаться, что у советника Никлосса имелся сын Франц. А если бы читатель и догадался об этом, то едва ли ему пришло бы в голову, что Франц обручен с Сюзель. А между тем эти молодые люди, казалось, были созданы один для другого и любили друг друга, как любят в Кикандоне.

Не следует думать, что в этом необычайном городе молодые сердца вовсе не бились: нет, они бились, но достаточно медленно. Там женились и выходили замуж, как и во всех других городах, но совершали это не торопясь. Будущие супруги, прежде чем связать себя нерушимыми узами, хотели изучить друг друга, и это изучение продолжалось не менее десяти лет, как обучение в коллеже. Редко-редко свадьба совершалась раньше этого срока.

Да, десять лет! Десять лет ухаживания! Но разве это так уж долго, если речь идет о союзе на всю жизнь? Нужно обучаться десять лет, чтобы стать инженером или врачом, адвокатом или советником, и разве можно в меньший срок приобрести познания, необходимые для каждого супруга? Это никому не под силу, и нам думается, что кикандонцы поступают весьма разумно, так долго и обстоятельно занимаясь взаимным изучением. Как увидишь, что в других городах, где царит распущенность, браки заключаются в несколько месяцев, так пожмешь плечами и отправишь своих детей в Кикандон, чтобы сыновья обучались в местном коллеже, а дочери — в пансионе.

За последние пятьдесят лет только один брак был заключен в два года, да и тот едва не оказался несчастным.

Итак, Франц Никлосс любил Сюзель Ван-Трикасс, но любил спокойно, как любят, зная, что любимая станет твоей через десять лет. Раз в неделю, в условленный час, Франц приходил за Сюзель и уводил ее на берег Ваара. Молодой человек брал с собою удочки, а Сюзель никогда не забывала захватить канву, на которой под ее хорошенькими пальчиками возникали фантастические цветы.

Нужно сказать, что Францу было двадцать два года и на щеках у него пробивался легкий пушок, как на спелом персике, а голос только что перестал ломаться.

У Сюзель были белокурые косы и розовые щеки. Ей минуло семнадцать лет, и она не питала отвращения к рыбной ловле. Странное это занятие, когда приходится состязаться в хитрости с уклейкой! Но Францу оно нравилось, ибо соответствовало его темпераменту. Он отличался невероятным терпением и любил следить мечтательным взглядом за колеблющимся поплавком. Он умел ждать, и когда, после шестичасового ожидания, какая-нибудь скромная уклейка, сжавшись над ним, позволяла себя поймать, он был искренне счастлив, но умел сдерживать свою радость.

В этот день будущие супруги сидели рядышком на зеленом берегу. У их ног протекал, журча, прозрачный Ваар. Сюзель безмятежно вкалывала иглу в канву. Франц машинально водил удочкой слева направо, потом снова пускал ее по течению, справа налево. Уклейки водили в воде причудливые хороводы, сновали вокруг поплавка, а между тем крючок бесплодно скитался в речной глубине.

— Кажется, клюет, Сюзель, — время от времени говорил Франц, не поднимая глаз на молодую девушку.

— Вы так думаете, Франц? — отвечала Сюзель, отрываясь на миг от рукоделия и следя глазами за удочкой своего жениха.

— Нет, нет, — продолжал Франц. — Мне только показалось, я ошибся.

— Ничего, Франц, клюнет, — утешала его Сюзель своим ясным, нежным голоском. — Но не забывайте вовремя подсечь. Вы всегда запаздываете на несколько секунд, и уклейка успевает сорваться.

— Хотите взять удочку, Сюзель?

— С удовольствием, Франц.

— Тогда дайте мне вашу канву. Посмотрим, может быть, я лучше управлюсь с иглой, чем с удочкой.

И девушка брала дрожащей рукой удочку, а молодой человек продевал иглу в клетки канвы. Так сидели они, обмениваясь нежными словами, и сердца у них трепетали, когда поплавок вздрагивал. Восхитительные, незабываемые часы! Как отрадно было, сидя рядышком, слушать журчанье реки!

Солнце уже заходило, но, несмотря на объединенные усилия высокоодаренных Франца и Сюзели, ни одна рыбка так и не клонула. Уклейки оказались безжалостными и прямо издевались над молодыми людьми, которые ничуть не сердились на них за это.

— В другой раз мы будем удачливее, Франц,— сказала Сюзель, когда молодой рыболов вколол нетронутый крючок в еловую дощечку.

— Будем надеяться, Сюзель,— ответил Франц.

Затем они направились домой, безмолвные, как тени, которые плыли перед ними, постепенно удлиняясь. Сюзель не узнавала себя, такой длинной была ее тень. А силуэт Франца был узким, как тонкая удочка, которую он нес на плече.

Молодые люди подошли к дому бургомистра. Блестящие булыжники были окаймлены пучками зеленой травы, которую никто не выпалывал, так как она устилала улицу ковром и смягчала звук шагов.

В тот момент, когда дверь отворялась, Франц счел нужным сказать своей невесте:

— Вы знаете, Сюзель, великий день приближается.

— В самом деле, приближается, Франц,— ответила девушка, опуская длинные ресницы.

— Да,— продолжал Франц,— через пять или шесть лет...

— До свиданья, Франц,— сказала Сюзель.

— До свиданья, Сюзель,— ответил Франц.

И когда дверь затворилась, молодой человек направился ровным, спокойным шагом к дому советника Никлосса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой andante превращается в allegro,
а allegro в vivace¹*

Волнение, вызванное столкновением адвоката Шюта с врачом Кустосом, постепенно улеглось. Дело так и осталось без последствий. Можно было надеяться, что в Кикандоне, ненадолго взбудораженном странным происшествием, вновь водворится невозмутимый покой.

Тем временем работы по проводке оксигидрического газа в главнейшие здания города шли полным ходом. Под мостовой спешно прокладывались трубы. Но рожков еще не было, ибо изготовить их было не так-то просто, пришлось их заказывать за границей. Казалось, доктор Окс был вездесущим, он и его ассистент Иген не теряли ни минуты, они подгоняли рабочих, устанавливали тонкие механизмы газометров, день и ночь наблюдали за гигантскими батареями, где под действием мощного электрического тока разлагалась на составные

¹ Andante — средний по скорости темп; allegro — быстрый темп; vivace — очень быстрый темп (ит.).

элементы вода. Да, доктор уже вырабатывал свой газ, хотя проводка еще не была закончена,— это, между нами говоря, было несколько странным. Но можно было надеяться, что в недалеком будущем доктор Окс продемонстрирует свое великолепное освещение в городском театре.

Да, в Кикандоне имелся театр, прекрасное здание самой причудливой архитектуры, где представлены были все стили — и византийский, и романский, и готический, и ренессанс, там были двери в виде арок, стрельчатые окна, стены украшены причудливыми розетками, крыша увенчана фантастическими шпилями, — словом, невообразимое смешение, что-то среднее между Парфеноном и Большим Кафе в Париже. Но в этом нет ничего удивительного, ибо, начатый в 1175 году при бургомистре Людвиге Ван-Трикассе, театр был закончен лишь в 1837 году при бургомистре Наталисе Ван-Трикассе. Строился он добрых семьсот лет и последовательно приспособлялся к архитектурной моде целого рода эпох. Тем не менее это было прекрасное здание, и его романские колонны и византийские своды не должны были особенно противоречить новейшему газовому освещению.

В кикандонском театре исполняли все что угодно, но чаще всего оперы. Но, по правде сказать, ни один композитор не узнал бы своего произведения, до того все темпы были изменены.

Жизнь медленно текла в Кикандоне, и, естественно, драматические произведения должны были применяться к темпераменту его обитателей. Хотя двери театра обычно открывались в четыре часа, а закрывались в десять, за эти шесть часов успевали сыграть не более двух актов. «Роберт Дьявол», «Гугеноты» или «Вильгельм Телль», как правило, занимали три вечера, до того медленно исполнялись эти шедевры. «Vivace» в кикандонском театре звучали как настоящие «*adagio*»¹, а «*allegro*» тянулось до бесконечности. Восьмушка звучала здесь как целая нота. Самые быстрые рулады, пропетые в кикандонском вкусе, смахивали на плавные переливы церковных гимнов. Веселые трели невероятно затягивались в угоду местным любителям. Бурная ария Фигаро в первом акте «Севильского цирюльника» исполнялась в темпе тридцать три метронома и продолжалась пятьдесят восемь минут.

Разумеется, приезжим артистам приходилось применяться к этой моде, но так как им хорошо платили, то они не жало-

¹ Медленно, спокойно (ит.).

вались и послушно следовали дирижерской палочке, отбивавшей в «allegro» не более восьми ударов в минуту.

Но зато сколько аплодисментов выпадало на долю этих артистов, приводивших в восхищение жителей Кикандона! Зрители все до одного аплодировали, хотя и с порядочными промежутками, а газеты на другой день сообщали, что артист заслужил «бурные аплодисменты»; раз или два здание театра сотрясали оглушительные крики «браво», и зал только потому не рухнул, что в XII столетии на постройки не жалели ни цемента, ни камня.

Впрочем, чтобы не слишком возбуждать восторженных фламандцев, представления давались только раз в неделю. Это давало возможность актерам тщательнее разрабатывать свою роль, а зрителям глубже пережить всю их мастерскую игру.

Так велось в Кикандоне с незапамятных времен. Иностранные артисты заключали контракты с директором кикандонского театра, когда им хотелось отдохнуть после выступлений в других театрах, и, казалось, эти обычаи останутся навсегда неизменными. Но вот недели через две после столкновения Шюта с Кустосом город был возбужден новым инцидентом.

Была суббота; в этот день всегда давалась опера. На новое освещение еще нельзя было рассчитывать. Правда, трубы были уже проведены в зал, но газовых рожков по вышеупомянутой причине еще не имелось, и горевшие в люстрах свечи по-прежнему изливали кроткий свет на многочисленных зрителей. Двери для публики были открыты с часу пополудни, и к четырем часам зал уже был наполовину полон. У билетной кассы образовалась очередь, тянувшаяся через всю площадь св. Эрнуфа до самой лавки аптекаря Жосса Лифринка. Такое скопление публики доказывало, что ожидается недюжинный спектакль.

— Вы идете сегодня в театр? — спросил в это утро бургомистра советник.

— Непременно, — ответил Ван-Трикасс, — и госпожа Ван-Трикасс, и моя дочь Сюзель, и наша милая Татанеманс, — все они обожают серьезную музыку.

— Так мамзель Сюзель будет? — спросил советник.

— Без сомнения, Никлосс.

— Тогда мой сын Франц будет первым в очереди, — ответил Никлосс.

— Ваш сын — пылкий юноша, Никлосс, — важно изрек бургомистр, — горячая голова! Не мешает за ним присматривать.

— Он влюблен, Ван-Трикасс, влюблен в вашу прелестную Сюзель.

— Ну что ж, Никлосс, он на ней женится. Мы решили заключить этот брак, — так чего же ему еще надо?

— Ему больше ничего не надо! Но все же этот пылкий юноша будет одним из первых в очереди у билетной кассы.

— О, счастливая, пылкая юность! — с улыбкой проговорил бургомистр, охваченный воспоминаниями. — И мы были такими, мой дорогой советник! Мы тоже любили! Мы ухаживали! Итак, до вечера. Кстати, вы знаете, этот Фиоравенти — великий артист. Как восторженно его у нас встретили! Он долго не забудет кикандонских оваций!

Речь шла о знаменитом теноре Фиоравенти, вызывавшем восхищение местных меломанов. Этот виртуоз обладал пленительным голосом и прекрасной манерой петь.

Вот уже три недели Фиоравенти пожинал лавры в «Гугенотах». Первый акт, исполненный в кикандонском вкусе, занял целый вечер. Второй акт, поставленный через неделю, был настоящим триумфом для артиста. Успех еще возрос с третьим актом мейерберовского шедевра. Но самые большие ожидания возлагались на четвертый акт, и его-то и должны были исполнять в этот вечер. О, этот дуэт Рауля и Валентины, этот двухголосый гимн любви, где звучали томные вздохи, где *crescendo* сменялось *stringendo* и переходило в *piu crescendo*¹, этот дуэт, исполнявшийся медленно, бесконечно протяжно. Ах, какое наслаждение!

Итак, в четыре часа зал был полон. Ложи, балкон, партер были битком набиты. В аванложе восседали бургомистр Ван-Трикасс, мамзель Ван-Трикасс, госпожа Ван-Трикасс и добрейшая Татанеманс в салатного цвета чепце. В соседней ложе сидели советник Никлосс и его семейство, в том числе влюбленный Франц. В других ложах можно было увидеть семью врача Кустоса, адвоката Шюта, главного судьи Онорэ Синтакса, директора страхового общества, толстого банкира Коллерта, музыканта-любителя, помещанного на немецкой музыке, сборщика податей Руппа, президента академии Жерома Реша, гражданского комиссара и множество других знатных лиц, перечислять которых мы не будем, дабы не утомлять внимания читателей.

Обычно до поднятия занавеса кикандонцы сидели очень тихо: читали газеты, вполголоса беседовали с соседями, бес-

¹ *Crescendo* — постепенное увеличение звука; *stringendo* — ускоряя; *piu crescendo* — с нарастающей силой (ит.).

шумно разыскивали свои места или бросали равнодушные взгляды на красавиц, занимавших ложи.

Но в этот вечер посторонний наблюдатель заметил бы, что еще до поднятия занавеса в зале царило необычайное оживление. Суетились люди, всегда отличавшиеся крайней медлительностью. Веера дам как-то лихорадочно трепетали. Казалось, все дышало полной грудью. Глаза сверкали, соперничая с огнями люстр, горевшими удивительно ярко. Как жаль, что освещение доктора Окса запоздало!

Наконец оркестр собрался в полном составе. Первая скрипка прошла между пюпитрами, собираясь осторожным «ля» дать тон своим коллегам. Струнные инструменты, духовые инструменты, ударные инструменты настроены. Дирижер, подняв палочку, ожидает звонка.

Звонок прозвенел. Начался четвертый акт. Начальное *allegro appassionato*¹ сыграно, по обыкновению, с величавой медлительностью, от которой великий Мейербер пришел бы в ужас, но кикандонские любители приходят в восторг.

Но вскоре дирижер почувствовал, что он не владеет оркестром. Ему трудно сдерживать музыкантов, всегда таких послушных, таких спокойных. Духовые инструменты стремятся ускорить темп, и их нужно обуздывать твердой рукой, а не то они обгонят струнные и возникнет форменная какофония. Даже бас, сын аптекаря Жосса Лифринка, такой благовоспитанный молодой человек, вот-вот сорвется с цепи.

Тем временем Валентина начинает свой речитатив:

Я сегодня одна...

Но и она торопится. Дирижер и музыканты следуют за ней, сами того не замечая. В дверях в глубине сцены появляется Рауль, и с момента встречи влюбленных до того момента, когда она прячет его в соседней комнате, не проходит и четверти часа, а между тем до сего времени в кикандонском театре этот речитатив из тридцати семи тактов всегда продолжался ровно тридцать семь минут.

Сен-Бри, Невер, Каван и представители католической знати появляются на сцене слишком поспешно. На партитуре обозначено «*allegro romposo*»², но на сей раз торжественности нет и в помине, сцена заговора и благословения мечей проходит прямо-таки в бурном темпе. Певцы и музыканты уже не знают удержу. Дирижер больше не пытается сдерживать их.

¹ *Appassionato* — страстное (ит.).

² Быстро и торжественно (ит.).

Впрочем, публика и не требует этого, напротив: каждый чувствует, что он безумно увлечен, что этот темп отвечает порывам его души.

Готовы ль вы от смут избавить край родной?
На злых еретиков пойдете ль вы за мной?

Обещания, клятвы. Невер едва успевает протестовать и спеть, что «среди предков его есть солдаты, но убийц не бывало вовек», его хватают, он взят под стражу. Вбегают старшины и эшечены и скороговоркой клянутся «ударить разом». Сен-Бри с разгону берет барьер речитатива, призывая католиков к мщению. В двери врываются три монаха, которые несут корзину с белыми шарфами, они совершенно позабыли, что им надлежит двигаться медленно и величаво. Уже все присутствующие выхватили шпаги и кинжалы, и капуцины одним взмахом благословляют их. Сопрано, тенора, басы приходят в полное неистовство и *allegro furioso*¹ бурно развивается, драматический речитатив звучит в кадрилином темпе. Наконец заговорщики убегают, вопя:

В полночный час —
Бесшумной толпой!
Господь за нас!
В бой
В полночный час!

Все зрители повскакивали с мест. В ложах, в партере, на галерке волнение. Кажется, вся публика, с бургомистром Ван-Трикассом во главе, готова ринуться на сцену, чтобы присоединиться к заговорщикам и уничтожить гугенотов, чьи религиозные убеждения они, впрочем, разделяют. Аплодисменты, вызовы, крики! Татанеманс, как безумная, размахивает своим чепцом салатного цвета. Лампы разливают жаркий блеск...

Рауль, вместо того чтобы медленно приподнять завесу, срывает ее великолепным жестом и оказывается лицом к лицу с Валентиной.

Наконец-то! Вот он, знаменитый дуэт, но он идет в слишком быстром темпе. Рауль не ждет вопросов Валентины, а Валентина не ждет ответов Рауля. Очаровательная ария: «Близка гибель, уходит время» — превращается в веселенький мотивчик, под который заговорщики произносят клятву в оперетте Оффенбаха. «*Andante amoroso*»²:

О, повтори
Слова любви...

¹ быстро и бурно (ит.).

² Плавно и нежно (ит.).

превратилось в *vivace furioso*¹, и виолончель забывает, что должна вторить голосу певца, как стоит в партитуре. Напрасно Рауль взывает:

О, промолви еще, дорогая,
Сердца сон несказанный продли!

Валентина не может продлить! Чувствуется, что ее пожирает какой-то внутренний огонь. Она берет невероятно высокие ноты, превосходит самое себя. Рауль мечется по сцене, жестикулирует, он пылает страстью.

Раздаются удары колокола. Но какой задыхающийся колокол! Звонарь, очевидно, вышел из себя. Этот ужасающий набат не уступает оркестру.

И наконец ария, завершающая этот замечательный акт: «Этот час роковой я могу ль перенести!..» — развивается в темпе *prestissimo*² и своей бешеной скоростью напоминает мчащийся экспресс. Вновь раздается набат, Валентина падает без чувств. Рауль выскакивает в окно!..

И вовремя. Обезумевший оркестр не в состоянии продолжать. Дирижерская палочка разбита в щепки, с такой силой она ударялась о пюпитр. На скрипках порваны струны, скручены грифы. Войдя в раж, литаврщик разбил свои литавры. Контрабасист вскарабкался на свой грандиозный инструмент. Первый флейтист подавился флейтой, гобоист с ожесточением грызет клапаны своего инструмента, у тромбона вырвана трубка, а злополучный трубач тщетно силится вытащить руку, которую глубоко закинул в недра трубы!

А публика! Публика, запыхавшаяся, разгоряченная, жестикулирует, вопит! У всех покраснелись лица, словно их внутри пожирает пламя! У выхода толкотня, давка, мужчины без шляп, женщины без мантилий. В коридорах толкаются, в дверях теснятся, споры, драки! Нет больше властей! Нет бургомистра! Все равны в этот миг дьявольского возбуждения...

А через несколько минут, выйдя на улицу, кикандонцы понемногу успокаиваются и мирно расходятся по домам, смутно вспоминая пережитое волнение.

Четвертый акт «Гугенотов», прежде продолжавшийся целых шесть часов, начался в этот вечер в половине пятого и окончился без двенадцати минут пять.

Он продолжался восемнадцать минут!

¹ Очень быстро и бурно (ит.).

² Самый скорый темп (ит.).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой старинный, торжественный вальс
превращается в бешеный вихрь*

Хотя зрители, выйдя из театра, вновь обрели спокойствие и мирно разошлись по домам, все же пережитое волнение давало себя знать, и, усталые, разбитые, как после веселой пирушки, они поспешно улеглись в постели.

На следующий день все смутно вспоминали недавние происшествия. Вскоре обнаружилось, что один потерял в суতোлке шляпу, у другого оборвали в свалке полу сюртука. У одной дамы недоставало изящной прюнелевой туфельки, другая лишилась нарядной накидки. Почтенные горожане окончательно опомнились, и теперь им становилось стыдно своего поведения, как будто они принимали участие в какой-то оргии. Они избегали об этом говорить, им даже не хотелось об этом думать.

Но больше всех был смущен и сбит с толку бургомистр Ван-Трикасс. Проснувшись на другое утро, он не мог найти свой парик. Лотхен искала его повсюду. Напрасно. Парик остался на поле битвы. Послать за городским глашатаем? Нет, лучше уж пожертвовать этим украшением, чем становиться посмешищем всего города, ведь он как-никак первое лицо в Кикандоне.

Достойный Ван-Трикасс размышлял обо всем этом, лежа у себя в постели, все тело у него ныло и голова была непривычно тяжела. Ему не хотелось вставать. В это утро мысль его лихорадочно работала, еще ни разу за последние сорок лет ему не случалось так напряженно думать. Почтенный отец города пытался восстановить в памяти все подробности разыгравшихся накануне событий. Он сопоставлял их с фактами, имевшими место не так давно на вечере у доктора Окса. Он старался разгадать, чем вызвана столь странная возбудимость, уже дважды проявлявшаяся у самых почтенных горожан.

«Что же такое происходит? — спрашивал он себя. — Что за мятежный дух овладел моим мирным городом? Уж не сходим ли мы с ума и не придется ли превратить город в огромный госпиталь? Ведь вчера вечером мы все были в театре — советники, судьи, адвокаты, врачи, академики, и решительно все, если память мне не изменяет, были охвачены яростным безумием! Что за колдовство было в этой музыке? Непонятно! Ведь я не ел, не пил ничего, что могло бы так меня возбудить. Вчера за обедом кусок вываренной телятины, несколько ложек шпината с сахаром, взбитые белки и два стаканчика раз-

бавленного пива, которые никак не могли ударить в голову! Нет. Тут есть что-то необъяснимое, и так как я отвечаю за поведение наших горожан, то я должен расследовать это дело».

Однако расследование, предпринятое муниципальным советом, осталось без результатов. Факты были твердо установлены. Впрочем, в городе снова водворилось спокойствие, но премудрые чиновники так и не смогли объяснить этих фактов. Вскоре все позабыли о бурном инциденте. Местные газеты глухо молчали, и в отчете о представлении, появившемся в «Кикандонском вестнике», не было и намека на овладевшую зрителями лихорадку.

Но хотя в Кикандоне вновь воцарилось безмятежное спокойствие и он по-прежнему казался типичным фламандским городком, чувствовалось, что характер и темперамент его обитателей как-то странно изменились. Поистине можно было сказать, вместе с врачом Домиником Кустосом, что «у них появились нервы».

Однако следует оговориться, что эти ярко выраженные изменения происходили только в известных условиях: когда кикандонцы расхаживали по улицам и площадям или гуляли на свежем воздухе вдоль берегов Ваара, это были все те же почтенные люди, спокойные и методичные. Такими же они оставались и у себя дома, когда одни работали руками, другие головой, а большинство ровно ничего не делало и ни о чем не думало. Они были по-прежнему молчаливы, инертны, это была не жизнь, а какое-то прозябание. В доме ни ссор, ни перебранок, сердце бьется ровно, мозг пребывает в состоянии спячки, пульс остается таким же, как в доброе старое время: от пятидесяти до пятидесяти двух ударов в минуту.

Но надо отметить странное, необъяснимое явление, которое озадачило бы самых глубокомысленных физиологов: если в домашнем быту кикандонцев не произошло никаких перемен, то общественная жизнь города резко изменилась.

Стоило кикандонцам собраться в каком-нибудь общественном здании, как «дело портилось», по выражению комиссара Пассофа. На бирже, в ратуше, в академии, на заседаниях совета и на собраниях ученых начиналось какое-то оживление, всеми овладевала странная лихорадка. Через час замечания становились едкими, через два — обсуждение превращалось в спор. Люди начинали горячиться и придирались друг к другу. Даже в церкви верующие не могли хладнокровно слушать проповеди пастора Ван-Стабеля, который метался на кафедре и обличал своих прихожан сурово, как никогда. Кончилось тем, что произошли новые столкновения, более серьез-

ные, чем между врачом Кустосом и адвокатом Шютом, и если не потребовалось вмешательство властей, то лишь потому, что поссорившиеся, вернувшись домой, быстро успокаивались и совершенно забывали о нанесенных другим и полученных ими самими оскорблениях.

Но все эти странности не заставляли задуматься горожан, неспособных к самонаблюдению. Только гражданский комиссар Мишель Пассоф, тот самый, должность которого совет уже тридцать лет как собирался упразднить, обратил внимание, что в обычное время столь спокойные граждане, попадая в общественные места, приходили в крайнее возбуждение, и с тревогой думал о том, что будет, если эта лихорадка охватит и частные дома, если эпидемия, — так именно он выражался, — вспыхнет на улицах города. Тогда конец невозмутимому покою, никто не будет прощать обид, и, охваченные нервным возбуждением, горожане все передерутся между собой.

«Что же тогда с нами будет? — с ужасом спрашивал себя комиссар Пассоф. — Как предотвратить эти вспышки ярости? Как обуздать этих взбудораженных людей? Похоже на то, что моя должность перестанет быть синекурой и совет должен будет удвоить мне жалованье... если только не арестует меня самого... за нарушение общественной тишины и спокойствия».

Не прошло и двух недель после скандального представления «Гугенотов», как опасения комиссара начали сбываться. С биржи, из церкви, из театра, из академии, с рынка болезнь проникла в частные дома.

Первые симптомы эпидемии проявились в доме местного богача банкира Коллерта.

Незадолго перед тем ему удалась на славу одна весьма выгодная финансовая операция, и он решил ознаменовать ее балом.

Известно, что представляют собой фламандские празднества, мирные и спокойные, с пивом и сиропами вместо вина. Беседы о погоде, о видах на урожай, о садах, об уходе за цветами, особенно за тюльпанами; время от времени танец, медленный и размеренный, как менуэт; иногда вальс, один из тех немецких вальсов, в которых танцующие не делают и двух оборотов в минуту и держатся друг от друга на почтительном расстоянии, — вот каковы в Кикандоне балы. Там так и не удалось привить польку, переделанную на четыре такта, ибо танцоры вечно отставали от оркестра, в каком бы медленном темпе он ни играл.

Эти мирные сборища, во время которых молодежь чинно и степенно веселилась, проходили без малейших инцидентов.

Почему же в этот вечер у банкира Коллерта безобидные сиропы, казалось, превратились в шипучие вина, в искристое шампанское, в пылающий пунш? Почему в разгар празднества всеми приглашенными овладело какое-то непостижимое опьянение? Почему плавный менуэт превратился в безумную тарантеллу? Почему музыканты вдруг ускорили темп? Почему, как и в театре, свечи стали разливать необычный блеск? Почему по залам банкира пронесся электрический ток? Почему пары сближались, кавалеры крепче обнимали дам, а иные из них отваживались на смелые па во время этой пасторали, всегда такой торжественной, такой величавой, такой благопристойной?

Увы! Какой Эдип смог бы ответить на эти вопросы? Комиссар Пассоф, присутствовавший на празднестве, увидал, что гроза приближается, но не мог ее предотвратить, не мог бежать от нее, и ему ударило в голову, как от крепкого вина. Проснулись инстинкты и дремавшие страсти. Несколько раз он жадно набрасывался на лакомства и опустошал подносы, словно только что перенес длительную голодовку.

А вечер становился все оживленнее. Голоса сливались в непрерывное глухое жужжание. Танцевали с огоньком: туфли скользили по паркету с небывалой быстротой. У танцоров разрумянились лица, как у пьяных силенов. Глаза сверкали, как угли. Общее возбуждение достигло апогея.

Когда же расходившиеся музыканты заиграли вальс из «Фрейшютца», то танцующие потеряли голову. Этот типичный немецкий вальс, всегда исполнявшийся в медленном темпе, — о! это был безумный вихрь, бешеный хоровод, которым, казалось, руководил сам Мефистофель, отбивая такт пылающей головней. Потом начался галоп, адский галоп, неудержимый, не знающий преград, бешеный ураган проносился по залам, салонам, передним, по лестницам, от подвалов до чердаков обширного дома, увлекая молодых людей, девиц, отцов, матерей, лиц всех возрастов, любого веса, обоего пола, — и толстого банкира Коллерта, и госпожу Коллерт, и советников, и отцов города, и главного судью, и Никлосса, и госпожу Ван-Трикасс, и бургомистра Ван-Трикасса, и самого комиссара Пассофа, который потом никак не мог вспомнить, с кем вальсировал в эту сумасшедшую ночь.

Но «она» не забыла. И с этого дня она то и дело видела во сне пылкого комиссара, страстно ее обнимающего. Это была прелестная Татанеманс!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой доктор Окс и его ассистент Иген обмениваются несколькими словами

— Ну, Иген, как дела?

— Все готово, учитель. Прокладка труб закончена.

— Наконец-то! Итак, мы приступаем к работе в больших масштабах, отныне будем воздействовать на массы!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где повествуется о том, как эпидемия охватила весь город и что из этого последовало

Прошло два-три месяца. Эпидемия заметно усилилась. Из частных домов она проникла на улицы. Город Кикандон стал неузнаваем.

Удивительнее всего было то, что зараза распространилась не только на мир животных, но и на растительный мир.

Обычно не бывает универсальных эпидемий. Те, что поражают человека, щадят животных, те, что поражают животных, щадят растения. Лошади никогда не болеют оспой, а люди — бычьей чумой, овцам не угрожают заболевания картофеля. Но теперь все законы природы, казалось, были нарушены. Изменились не только характер, темперамент, образ мыслей жителей Кикандона, но эпидемия перекинулась на домашних животных, собак и кошек, быков и лошадей, ослов и коз. Даже растения «эмансипировались», если можно так выразиться.

Действительно, в садах, в огородах, в виноградниках можно было наблюдать весьма любопытные явления. Вьющиеся растения распространялись с удивительной быстротой; кусты буйно разрастались; деревца превращались в деревья. Стоило бросить в землю семечко, как из него поднимался зеленый стебелек, который рос не по дням, а по часам. Спаржа достигала двух футов в высоту; артишоки вырастали величиной с дыню, дыни — величиной с тыкву, тыквы достигали неслыханных размеров, смахивая на колокол сторожевой башни, имевший девять футов в поперечнике. Кочаны капусты превращались в кусты, а грибы становились величиной с зонтик.

Фрукты не отставали от овощей. Ягоду клубники можно было одолеть только вдвоем, а грушу — вчетвером. Гроздь винограда не уступали по величине грандиозной грозди на картине Пуссена «Возвращение из Земли обетованной».

То же происходило и с цветами: огромные фиалки разливали в воздухе опьяняющий аромат; гигантские розы блистали ослепительными красками; сирень в несколько дней образовала непроходимую чащу; герань, маргаритки, далии, камелии, рододендроны наводняли аллеи, душили друг друга! Садовники ничего не могли с ними поделать. А тюльпаны, эти великолепные представители семейства лилейных, радость фламандцев, какие волнения они причиняли любителям! Достойный Ван-Бистром однажды чуть не упал в обморок, увидев у себя в саду чудовищный, гигантский тюльпан, в чашечке которого приютилось семейство малиновок!

Весь город сбежался смотреть на этот необычайный цветок, который был назван учеными «*Tulipa quinquendonia*» (Кикандонский тюльпан).

Но — увы! — если все эти растения, фрукты и цветы росли на глазах, принимали колоссальные размеры, если они радовали глаз чудесной окраской и разливали упоительный аромат, — они быстро блекли и умирали, сожженные, истощенные, обессиленные.

Такова была судьба и знаменитого тюльпана, который увял, покрасовавшись несколько дней.

То же самое стало вскоре происходить и с домашними животными, от дворового пса до свиньи в хлеву, от канарейки в клетке до индюка на птичьем дворе.

В обычное время эти животные были не менее флегматичны, чем их хозяева. Собаки и кошки скорее прозябали, чем жили, не проявляли ни радости, ни гнева. Хвост у них был неподвижен, словно отлит из бронзы. С незапамятных времен не было слышно ни об укусах, ни о царапинах. Что касается бешеных собак, то их считали чем-то вроде грифов и прочих мифических животных.

Но сколько перемен произошло за эти месяцы! Собаки и кошки начали показывать зубы и когти. Они бросались на людей, и те жестоко их избивали. Впервые на улице Кикандона увидели лошадь, закусившую удила, быка, который ринулся, опустив рога, на своих сородичей, осла, который опрокинулся на спину, задрал ноги и испускал совсем человеческие вопли, и даже баран отважно оборонялся от мясника, задумавшего превратить его в котлеты!

Бургомистру Ван-Трикассе пришлось предписать строгий надзор за обезумевшими домашними животными, которые становились прямо опасными.

Но, увы, если животные сошли с ума, то и с людьми дело обстояло не лучше. Ни один возраст не был пощажен болезнью.

Дети, до сих пор столь покорные, сделались совершенно невыносимыми, и впервые главный судья Онорэ Синтакс был вынужден выпороть своего отпрыска.

В коллеже произошла настоящая смута, и словари летали по классу, чертя в воздухе причудливые траектории. Учеников невозможно было удержать взаперти. Впрочем, и учителя находились в состоянии крайнего возбуждения и задавали им уроки выше человеческих сил!

Еще одно удивительное явление! Все кикандонцы, до сих пор столь умеренные, питавшиеся главным образом сбитыми сливками, стали теперь форменными обжорами. Обычный режим не удовлетворял их. Желудок становился бездонной бочкой, которую никак не удавалось наполнить. В городе стали потреблять в три раза больше продуктов. Вместо двух раз в день ели шесть раз. Появились желудочные заболевания. Советник Никлосс испытывал ненасытимый голод. Бургомистр Ван-Трикасс, которого мучила неутолимая жажда, все время находился под хмельком и чуть что приходил в гнев.

Наконец появились и совсем уже тревожные симптомы, и с каждым днем их становилось все больше.

На улицах стали встречаться пьяные, и в числе их весьма почтенные лица.

У врача Доминика Кустоса значительно возросла практика, так как его постоянно вызывали к желудочным больным.

Появились невриты и всевозможные неврозы, — нервная система у жителей Кикандона была вконец расшатана.

Ссоры и столкновения стали самым обыденным явлением на улицах Кикандона, которые еще не так давно были пустынными, а теперь кишели народом, так как никто не мог усидеть дома.

Пришлось увеличить число полицейских, дабы обузывать нарушителей порядка.

В одном из общественных зданий теперь помещался полицейский участок, который был день и ночь битком набит провинившимися. Комиссар Пассоф прямо выбивался из сил.

Состоялась скоропалительная свадьба, — случай совершенно небывалый. Да! Сын учителя Руппа женился на дочери местной красавицы Августины де Ровер всего через пятьдесят семь дней после того, как получил ее согласие.

Были решены и другие браки, которые в обычное время обсуждались бы целыми годами. Бургомистр был вне себя, он

чувствовал, что его дочь, прелестная Сюзель, ускользает у него из рук.

Очаровательная Татанеманс мечтала о брачном союзе с комиссаром Пассофом. Это сулило ей богатство, почет, блаженство.

В довершение всего — о ужас! — произошла дуэль! Да, дуэль на больших пистолетах, расстояние между барьерами в семьдесят пять шагов, число выстрелов не ограничено! И между кем? Читатели мне не поверят! Между Францем Никлоссом, кротким рыболовом, и молодым Симоном Коллертом, сыном богатого банкира.

Дуэль разыгралась из-за дочери бургомистра, — Симон воспылал к ней любовью и не хотел уступать ее наглomu сопернику.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*в которой кикандонцы принимают
героическое решение*

Вот в каком отчаянном положении оказались жители Кикандона. Появились новые идеи. Люди не узнавали друг друга, да и самих себя. Самые мирные буржуа превратились в забияк. За один косой взгляд могли поколотить. Некоторые мужчины отрастили усы, а самые воинственные победоносно закручивали их кверху.

В таких условиях управлять городом и поддерживать порядок на улицах и в общественных зданиях было крайне трудно, — ведь катастрофа нагрянула так неожиданно. Достойный Ван-Трикасс, этот кроткий, равнодушный человек, не способный принять никакого решения, теперь только и делал, что гневался. Раскаты его голоса так и разносились по дому. Он отдавал по двадцать распоряжений в день, бранил своих подчиненных и готов был сам выполнять свои предписания.

Сколько перемен! Тихий, уютный дом бургомистра, это почтенное фламандское жилище, утратил покой! Какие семейные сцены разыгрывались теперь в нем! Госпожа Ван-Трикасс стала желчной, взбалмошной, сварливой. Правда, мужу иной раз удавалось перекричать супругу, но заставить ее умолкнуть было невозможно. Эта сердитая дама придиралась решительно ко всему. Все было не по ней! Слуги ничего не делали! Обед вечно запаздывал! Она обвиняла Лотхен и даже Татанеманс, свою золовку, которая теперь на ее придирки довольно энергично огрызалась. Ван-Трикасс обычно заступался

за Лотхен. Это выводило из себя его супругу, вызывало попреки, ссоры, нескончаемые сцены.

— Да что же это с нами творится? — восклицал злополучный бургомистр. — Какое пламя нас пожирает? Уж не вселился ли в нас дьявол? Ах, госпожа Ван-Трикасс, госпожа Ван-Трикасс! Вы прямо изводите меня! Кончится тем, что я умру раньше вас, вопреки всем семейным традициям!

Читатель, вероятно, помнит, что Ван-Трикасс должен был овдоветь и вторично жениться, чтобы не нарушить освященного веками порядка.

Между тем всеобщее возбуждение принесло и другие любопытные и примечательные плоды. Необъяснимый нервный подъем стимулировал мозговую деятельность, у многих проявились те или иные способности. Выдвинулись таланты, которые в другое время остались бы незамеченными. Артисты, до сих пор считавшиеся посредственными, явились в новом блеске. В политике и в литературе появились новые имена. В бесконечных горячих спорах выдвинулись ораторы, с жаром обсуждавшие все современные проблемы и зажигающие аудиторию, которая всегда готова была воспламениться. Общественное движение развивалось, беспрестанно происходили собрания; в Кикандоне возник клуб и целых двадцать газет, — «Кикандонский страж», «Кикандонский беспартийный», «Кикандонский радикал», «Кикандонский крайний» и другие горячо дебатировали всякие злободневные вопросы.

О чем же они писали? Да обо всем на свете и ни о чем. Об Ауденаардской башне, грозившей упасть, одни хотели ее снести, другие выпрямить; о предписаниях, издаваемых советом, о прочистке русла речушек и сточных труб и о многом другом. И если бы еще эти ярые обличители ограничивались городскими делами! Но нет, увлеченные своим красноречием, они шли дальше и вполне могли накликать на город войну.

В самом деле, уже восемьсот или девятьсот лет кикандонцы лелеяли мечту о мщении, у них был самый что ни на есть настоящий «casus belli»¹, но город хранил его бережно, как некую обветшавшую реликвию.

Вот в чем состоял сей casus belli.

Никому не известно, что Кикандон граничит с городком Виргамен.

В 1135 году, незадолго до отъезда графа Балдуина в крестовый поход, виргаменская корова, принадлежавшая не горожанину, а общине, забрела на территорию Кикандона. Едва

¹ Повод к войне (лат.).

ли это несчастное животное успело «разочка три щипнуть травы зеленой, сочной», — но нарушение, злоупотребление, преступление было совершено и надлежащим образом засвидетельствовано в протоколе, ибо в ту эпоху чиновники уже научились писать.

— Мы отомстим в свое время, — сказал Наталис Ван-Три-касс, тридцать второй предшественник теперешнего бургомистра. — Рано или поздно виргаменцы получают по заслугам.

Виргаменцы были предупреждены. Они ждали, что будет дальше, рассчитывая не без оснований, что память об оскорблении со временем изгладится. И действительно, несколько веков они поддерживали добрососедские отношения с весьма похожими на них кикандонцами.

Вероятно, так продолжалось бы и дальше, если бы не странная эпидемия, в результате которой характер кикандонцев резко изменился и в их сердцах проснулась жажда мщения.

В клубе по улице Монстреле пылкий адвокат Шют внезапно поднял этот вопрос и, пустив в ход цветы красноречия и соответствующие метафоры, разжег бурные страсти. Он напомнил о преступлении, об ущербе, нанесенном общине, о том, что народ, «для которого священны его права», не должен считаться с юридической давностью. Он доказал, что оскорбление все еще в силе и рана все еще кровоточит; он напомнил своим слушателям, что виргаменцы имеют обыкновение как-то двусмысленно покачивать головой, выражая этим свое презрение к кикандонцам, он умолял своих соотечественников, которые «по недостатку сознательности» столько веков терпели эту смертельную обиду, заклинал «сынов древнего города» оставить все другие дела и добиться реванша! В заключение он воззвал «к их национальной чести и гордости!»

Эти тирады, столь непривычные для слуха кикандонцев, вызвали неописуемый восторг, который невозможно передать словами. Все слушатели вскочили с мест, отчаянно размахивали руками и громко кричали, требуя объявления войны. Адвокат Шют еще никогда не имел такого успеха, и надо признать, что он был прямо-таки великолепен.

Бургомистр, советники, все нотабли, присутствовавшие на этом памятном собрании, не в силах были бы сдержать этот всеобщий порыв. Впрочем, они и не пытались этого сделать и вопили, не отставая от остальных.

— На границу! На границу!

А так как граница проходила всего в трех километрах от Кикандона, то виргаменцам грозила серьезная опасность: их могли застигнуть врасплох.

Достопочтенный аптекарь Жосс Лифринк, который лишь один из всей аудитории сохранил рассудок, дерзнул напомнить кикандонцам, что ведь у них нет ни ружей, ни пушек, ни генералов.

Ему ответили, угостив его тумачами, что можно обойтись без генералов, пушек и ружей, что сознание своей правоты и любовь к отечеству обеспечат победу их народу.

Тут взял слово сам бургомистр и произнес великолепную импровизированную речь, в которой с рвением патриота разоблачал людей, под маской осторожности скрывающих свое малодушие.

Казалось, зал вот-вот обрушится от аплодисментов.

Решили проголосовать вопрос о войне.

Все, как один человек, завопили:

— На Виргамен! На Виргамен!

Бургомистр сам взялся вести армию и от имени города обещал устроить генералам, которые вернутся с победой, триумфальный въезд, как это водилось в древнем Риме.

Однако аптекарь Жосс Лифринк был человек упрямый и, не считая себя разбитым, — хотя фактически и был бит, — попробовал снова выступить с возражением. Он напомнил, что в Риме удостоивались триумфа лишь те победители, которые изничтожили не менее пяти тысяч врагов.

— Ну и что же? — возбужденно закричали слушатели.

— ...А между тем в виргаменской общине числится лишь три тысячи пятьсот семьдесят пять человек, и никакому генералу не удастся укокошить пять тысяч, если только не убивать одного человека по нескольку раз...

Но бедняге не дали кончить. Его избили до полусмерти и вышвырнули за дверь.

— Граждане, — заявил бакалейщик Пульмахер, — что бы там ни болтал этот подлый аптекарь, я самолично берусь убить пять тысяч виргаменцев, если вам угодно принять мои услуги.

— Пять тысяч пятьсот! — крикнул еще более решительный патриот.

— Шесть тысяч шестьсот! — возразил бакалейщик.

— Семь тысяч! — вскричал кондитер с улицы Хемлинг, Жан Орбидек, наживший себе состояние на сбитых сливках.

— Присуждено Орбидеку! — возгласил бургомистр Ван-Трикасс, видя, что больше никто не набавляет.

Таким образом кондитер Жан Орбидек стал главнокомандующим кикандонскими войсками.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой ассистент Иген
высказывает разумное мнение,
однако отвергнутое доктором Оксом*

— Итак, учитель? — спрашивал на другой день ассистент Иген, наливая ведрами раствор серной кислоты в сосуды огромных батарей.

— Итак, — повторил доктор Окс, — разве я не прав?

— Без сомнения, но...

— Но?..

— Не думаете ли вы, что мы зашли слишком далеко и что не следует возбуждать этих бедняг сверх меры?

— Нет! Нет! — вскричал доктор. — Нет! Я доведу дело до конца!

— Как вам угодно, учитель! Во всяком случае, этот опыт кажется мне решающим, и я думаю, уже пора...

— Что пора?

— Закрыть кран.

— Вот еще! — воскликнул доктор Окс. — Попробуйте только, и я задушу вас!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*в которой еще раз доказывается,
что с высоты легче господствовать
над человеческими слабостями*

— Что вы говорите? — обратился бургомистр Ван-Трикасс к советнику Никлосу.

— Я говорю, что война необходима, — твердо ответил советник, — и что пришло время отомстить за нанесенное нам оскорбление.

— Ну, а я, — желчно возразил ему бургомистр, — я утверждаю, что, если жители Кикандона не сумеют защитить свои права, они навлекут на себя вечный позор!

— А я вам заявляю, что мы должны немедленно же двинуть армию на врага.

— Прекрасно, сударь, прекрасно! — ответил Ван-Трикасс. — И вы это говорите мне?

— Да, вам, господин бургомистр, и вам придется выслушать правду, хоть она и колет глаза!

— Сперва выслушайте правду вы, господин советник, — отпарировал Ван-Трикасс, теряя терпение, — хотя вы с ней не

слишком в ладу! Да, сударь, да, промедление смерти подобно! Вот уже девятьсот лет, как Кикандон лелеет мечту о реванше, и что бы вы там ни говорили, нравится вам это или нет, мы все равно пойдем на врага!

— Ах, так! — воскликнул в ярости советник Никлосс. — Ну, сударь, мы пойдем и без вас, если вам неохота идти.

— Место бургомистра в первых рядах, сударь!

— Так же и место советника, сударь!

— Вы оскорбляете меня! Вы отказываетесь выполнить мой приказ! — закричал бургомистр, которому казалось, что его кулаки превратились в пушечные снаряды.

— Это вы оскорбляете меня, — ведь вы сомневаетесь в моем патриотизме! — завопил советник Никлосс, занимая оборонительную позицию.

— Я вам говорю, сударь, что кикандонская армия выступит не позже чем через два дня!

— А я вам повторяю, что и сорока восьми часов не пройдет, как мы двинемся на врага!

Нетрудно заметить из этого отрывка разговора, что оба собеседника защищали одно и то же. Оба рвались в бой и спорили только от избытка возбуждения. Никлосс не слушал Ван-Трикасса, Ван-Трикасс не слушал Никлосса. Если бы они отстаивали противоположные мнения, едва ли спор их был бы ожесточеннее. Старые друзья обменивались свирепыми взглядами. Сердце так и прыгало в груди, лицо покраснелось, мускулы судорожно напряглись, крик переходил в рычание, и видно было, что нотабли готовы броситься друг на друга.

К счастью, в эту минуту раздался бой башенных часов.

— Час настал! — воскликнул бургомистр.

— Какой час? — спросил советник.

— Пора на сторожевую башню!

— Верно. И, нравится вам это или нет, я пойду, сударь!

— Я тоже!

— Идем!

— Идем!

Читатель, пожалуй, подумает, что башня — это место, выбранное ими для дуэли, но дело объяснялось проще. Бургомистр и советник, первые нотабли города, собирались пойти в ратушу, подняться на высокую башню и осмотреть окрестные поля, с тем чтобы избрать наиболее выгодные позиции для войск.

Хотя, по правде сказать, бургомистру и советнику было не о чем спорить, по дороге они не переставали ссориться и осыпать друг друга оскорблениями. Раскаты их голосов разноси-

лись по улице; но в таком тоне теперь разговаривали решительно все, их возбуждение казалось вполне естественным, и никто не обращал на них внимания. При таких обстоятельствах на спокойного человека посмотрели бы, как на какое-то чудище.

Когда бургомистр и советник приблизились к башне, они были уже не красными, а смертельно бледными. Этот ужасный спор, где оба отстаивали одно и то же, довел их до бешенства; известно, что бледность указывает на крайнюю степень ярости.

У подножья тесной лестницы произошло бурное столкновение. Кто войдет первым? Кто первый поднимется по ступенькам винтовой лестницы? Справедливость требует сказать, что завязалась драка и советник Никлосс, забывая, сколь многим он обязан своему начальнику, с силой отпихнул Ван-Трикасса и первым устремился вверх по темной лестнице.

Оба поднимались, перепрыгивая через четыре ступеньки и при этом награждая друг друга самыми обидными эпитетами. Страшно было подумать, что может разыгаться на вершине башни, возвышавшейся над мостовой на триста пятьдесят семь футов.

Но противники скоро запыхались и, достигнув восьмидесятой ступеньки, уже еле шли, тяжело дыша.

Может быть, они утомились? Во всяком случае, их гнев уже больше не выражался в бранных словах. Теперь они поднимались молча, и, — странное дело, — казалось, что возбуждение их снижается по мере того, как они поднимаются все выше над городом. На душе становилось спокойнее. Мысли перестали бурлить в мозгу, кипение прекратилось, как в кофейнике, снятом с огня. Почему бы это?

На этот вопрос мы не можем ответить; но, достигнув площадки на высоте двухсот шестидесяти шести футов над уровнем города, противники уселись и взглянули друг на друга без тени гнева.

— Как высоко! — промолвил бургомистр, вытирая платком покрасневшее лицо.

— Ужасно высоко! — ответил советник. — Знаете, мы сейчас находимся на четырнадцать футов выше колокольни святого Михаила в Гамбурге?

— Знаю, — не без гордости ответил отец города.

Передохнув, они продолжали восхождение, по временам бросая любопытный взгляд в бойницы, проделанные в стенах. Бургомистр теперь шел впереди, и советник покорно следовал за ним. На триста четвертой ступеньке Ван-Трикасс окон-

чательно выбился из сил, и Никлосс начал тихонько подталкивать его в спину. Бургомистр принимал его услуги и, добравшись, наконец, доверху, благосклонно промолвил:

— Спасибо вам, Никлосс. Я отблагодарю вас за это.

У подножья башни это были дикие звери, готовые растерзать друг друга, на ее вершине они стали опять друзьями.

Погода была превосходная. Сиял майский день. На небе ни облачка. Воздух был чист и прозрачен. Взгляд улавливал мельчайшие предметы на значительном расстоянии. Всего в нескольких милях ослепительно блестели стены Виргамена, виднелись его красные остроконечные крыши и залитые солнцем колокольни. И этот город был обречен на ужасы войны, на пожар и разгром!

Бургомистр и советник уселись рядышком на каменной скамье как два старых друга. Все еще отдуваясь, они оглядывались по сторонам.

— Какая красота! — воскликнул бургомистр, помолчав несколько минут.

— Чудесный вид! — согласился советник. — Не правда ли, дорогой Ван-Трикасс, человечество призвано парить высоко в эфире? Разве его удел — пресмыкаться во прахе земном?

— Я согласен с вами, мой добрый Никлосс, — ответил бургомистр. — Вы глубоко правы. Здесь как-то глубже чувствуешь природу. Как легко и свободно дышится! Здесь философ должен созерцать гармонию мироздания! Здесь, высоко над житейской суетой, должны обитать мудрецы!

— Хотите, обойдем вокруг площадки? — предложил советник.

— Что ж, обойдем, — ответил бургомистр.

И друзья, взявшись под руку, стали обходить вокруг площадки. Они шли медленно, лениво перебрасываясь фразами, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться широким простором.

— Я уже добрых семнадцать лет не поднимался на сторожевую башню, — заметил Ван-Трикасс.

— А я, кажется, ни разу не поднимался, — ответил советник Никлосс, — и жалею об этом: отсюда такой замечательный вид! Посмотрите, друг мой, как красиво извивается между деревьями Ваар!

— А там вдалеке горы Святой Германдад! Как они живописны! Взгляните на эти роции, как чудесно они обрамляют равнину. Во всем этом чувствуется рука природы. Ах, природа, природа, Никлосс! Может ли человек соперничать с нею?

— Это прямо восхитительно, мой добрый друг,— отвечал советник.— Посмотрите, там, на зеленых лугах, пасутся быки, коровы, овцы...

— А вот и земледельцы направляются на поля! Совсем как аркадские пастухи! Не хватает только волынки!

— А над этой цветущей равниной чудесное синее небо, без единого облачка! Ах, Никлосс, здесь можно стать поэтом! Знаете, я, право, удивляюсь, как это святой Симеон Столпник не сделался величайшим поэтом в мире.

— Может быть, его столп был недостаточно высок,— заметил советник, кротко улыбаясь.

В этот момент начался кикандонский перезвон. Нежная мелодия колоколов далеко разносилась в прозрачном воздухе.

Друзья пришли в умиление.

— Скажите, друг Никлосс,— задумчиво спросил бургомистр своим невозмутимым голосом,— зачем это мы поднялись на башню?

— В самом деле зачем? — повторил советник.— Мы с вами унеслись в мир мечтаний.

— Зачем мы пришли сюда? — повторил бургомистр.

— Мы пришли,— ответил Никлосс,— подышать чистым воздухом, который не отравлен земными страстями.

— Ну что ж, спустимся вниз, друг Никлосс?

— Спустимся, друг Ван-Трикасс.

Друзья бросили последний взгляд на роскошную панораму, расстилавшуюся перед ними; потом бургомистр, идя впереди, начал спускаться медленным, мерным шагом. Советник следовал за ним на некотором расстоянии. Они дошли до площадки, где отдыхали при восхождении, и стали спускаться дальше.

Через минуту Ван-Трикасс попросил Никлосса умерить шаг; он-де чувствует его у себя за спиной и ему это неприятно.

Очевидно, это было очень неприятно, так как, пройдя еще двадцать ступенек, он приказал советнику остановиться и дать ему пройти немного вперед.

Советник отвечал, что вовсе не намерен стоять на одной ноге ради удовольствия бургомистра, и продолжал продвигаться.

Ван-Трикасс огрызнулся на него.

Советник ядовито намекнул на возраст бургомистра и поздравил его с предстоящим ему в недалеком будущем вторым браком, к которому его обязывают семейные традиции.

Бургомистр буркнул, что это ему даром не пройдет.

Никлосс ответил, что, во всяком случае, он выйдет первым; и вот на узкой лестнице в глубоком мраке завязалась переправка.

Они перебрасывались оскорблениями, только и слышалось: «Скотина, неуч!»

— Посмотрим, глупая тварь,—кричал бургомистр,—посмотрим, какую рожу вы скорчите, когда вас погонят на войну!

— Уж, конечно, я пойду впереди вас, жалкий дурак!— отвечал Никлосс.

Тут раздались пронзительные крики и шум падающих тел...

Что приключилось? Чем была вызвана такая быстрая смена настроений? Почему эти люди, кроткие, как овечки, на вершине башни превратились в тигров, спустившись на двести футов?

Услышав шум, башенный сторож отворил нижнюю дверь и увидел, что противники, все в синяках, выпучив глаза, вырывают друг у друга волосы,—к счастью, из париков!

— Я требую удовлетворения!—кричал бургомистр, поднося кулак к носу противника.

— Когда угодно!—прорычал советник Никлосс, яростно топая ногой.

Сторож, находившийся также в крайнем возбуждении, ничуть не удивился этому вызову. Его так и подмывало ввязаться в ссору, но он сдержался и пошел трубить по всему кварталу, что между бургомистром Ван-Трикассом и советником Никлоссом в скором времени состоится дуэль.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой дело заходит так далеко,
что жители Кикандона, читатели и даже сам автор
требуют немедленной развязки*

Из этого инцидента мы видим, как велико было возбуждение, охватившее жителей Кикандона. Два старинных друга, самых кротких на свете человека, вдруг впали в такую ярость! А ведь всего несколько минут назад, на площадке башни, они мирно беседовали, как и подобает друзьям, и предавались лирическим излияниям.

Узнав об этом происшествии, доктор Окс не мог сдержать своей радости. Он не соглашался с доводами своего ассистен-

та, уверявшего, что дело принимает дурной оборот. Впрочем, они заразились общим настроением и тоже постоянно ссорились.

Но в данный момент на первом месте было дело государственной важности, и приходилось отложить все дуэли, пока не будет разрешен виргаменский вопрос. Никто не имел права безрассудно проливать свою кровь, когда она до последней капли принадлежала находившемуся в опасности отечеству.

В самом деле, ситуация была весьма напряженная, и было поздно отступать.

Бургомистр Ван-Трикасс, при всем своем воинственном пыле, считал, что нельзя нападать на врага без предупреждения. Поэтому он направил в Виргамен полевого сторожа Хоттеринга, который от лица бургомистра потребовал возмещения за ущерб, нанесенный Кикандону в 1135 году.

Виргаменские власти сперва не поняли, в чем дело, и полевого сторожа, несмотря на его официальный сан, весьма вежливо выпроводили из города.

Тогда Ван-Трикасс послал одного из адъютантов генерала-кондитера, некоего Хильдеверта Шумана, занимавшегося производством леденцов, человека волевого и решительного, который и предъявил виргаменским властям копию протокола, составленного в 1135 году бургомистром Наталисом Ван-Трикассом.

Виргаменские градоправители расхохотались и с адъютантом обошлись точно так же, как и с полевым сторожем.

Тогда бургомистр созвал городских нотаблей. Было написано письмо, красноречивое и внушительное, содержащее ультиматум: провинившимся виргаменцам предоставлялось двадцать четыре часа, чтобы загладить нанесенную кикандонцам обиду.

Письмо отправили, и через несколько часов его принесли назад — оно было изорвано на мелкие клочки. Виргаменцы прекрасно знали, насколько медлительны кикандонцы, и потому послание, ультиматум и угрозы вызывали только смех.

Теперь осталось одно: довериться военному счастью, воззвать к богу войны и по примеру пруссаков напасть на виргаменцев, не дав им вооружиться.

Такое решение было принято на торжественном заседании, зал сотрясался от яростных криков, упреков, проклятий. Можно было подумать, что и тут происходит сборище одержимых или буйнопомешанных.

Как только война была объявлена, генерал Жан Орбидек созвал свои войска; население Кикандона, состоявшее из двух тысяч девятист девяносто трех душ, поставило две тысячи девятьст девяносто три солдата. Женщины, дети и старики присоединились к взрослым мужчинам. Всякое орудие, тупое или острое, превратилось в оружие. Разыскали все имевшиеся в городе ружья. Их оказалось пять, из них два без курка; ружьями вооружили авангард. Артиллерия состояла из старой замковой кулеврины, захваченной кикандонцами в 1339 году при штурме города Кенца; это была едва ли не первая пушка, упоминаемая в летописи, и из нее не стреляли уже пятьст лет. Снарядов для кулеврины не оказалось, к счастью для ее прислуги; но предполагалось, что пушка одним своим видом устрашит неприятеля. Холодное оружие извлекли из музея древностей, — кремневые топоры, шлемы, палицы, алебарды, копья, бердыши, дротики, рапиры, — а также из частных арсеналов, известных под названием кладовых и кухонь. Отвага, сознание своей правоты, ненависть к иноземцам и жажда мщения должны были заменить (так по крайней мере надеялись полководцы) более совершенное оружие, вроде пулеметов и современных пушек.

Был произведен смотр. Горожане, все как один, явились на зов. Генерал Орбидек плохо держался в седле, а скакун у него был ретивый, — полководец трижды падал с коня на глазах у всей армии, но всякий раз поднимался цел и невредим, что сочли благоприятным предзнаменованием. Бургомистр, советник, гражданский комиссар, главный судья, учитель, банкир, ректор — словом, все городские нотабли возглавляли войска. Ни единой слезы не было пролито матерями, женами, дочерьми. Они не вдохновляли на битву мужей, отцов и братьев, а сами следовали за армией, образуя арьергард, которым командовала супруга бургомистра.

Городской глашатай Жан Мистроль оглушительно протрубил, — армия всколыхнулась и, покинув площадь, с воинственными криками двинулась к Ауденаардским воротам.

.

В тот момент, когда голова колонны вступила в городские ворота, какой-то человек бросился навстречу войску.

— Остановитесь! Остановитесь! Сумасшедшие! — кричал он. — Отмените поход! Дайте мне закрыть кран! Ведь вы не кровопийцы! Вы добрые, мирные граждане! Если вы пришли в такую ярость, то виноват в этом мой учитель, доктор Окс! Это только опыт! Он обманул вас: обещал осветить город оксигидрическим газом, а сам напустил...

Ассистент был вне себя; но ему не удалось договорить. В тот миг, когда тайна должна была слететь с его уст, доктор Окс в неописуемом бешенстве ринулся на беднягу Игена и заткнул ему рот кулаком.

Завязалось форменное сражение. Бургомистр, советник и нотабли, остановившиеся при виде Игена, не помня себя от ярости, накинулись на чужеземцев, не слушая ни того, ни другого. Доктора Окса и его ассистента избили до потери сознания и уже собирались, по приказанию Ван-Трикасса, бросить в тюрьму, как вдруг...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой внезапно наступает развязка

...раздался чудовищный взрыв. Казалось, весь воздух загорелся. Огромное, ослепительное пламя взметнулось, как метеор, под небеса. Случись это ночью, вспышка была бы видна на расстоянии десяти миль.

Кикандонские воины все до одного повалились наземь, как картонные солдатики. К счастью, жертв не оказалось, ничего, кроме синяков и царапин. Генерал-кондитер, по странной случайности не упавший с коня, отделался только испугом, и вдобавок у него обгорел султан на шлеме.

Что же такое произошло?

Как вскоре стало известно, взорвался газовый завод. Очевидно, в отсутствие директора и его помощника была допущена какая-то оплошность. Находившиеся в различных резервуарах кислород и водород внезапно соединились. Получилась взрывчатая смесь, которая тут же и воспламенилась.

Это событие вскоре изменило все. Но когда кикандонские вояки поднялись на ноги, доктора Окса и ассистента Игена уже не было и в помине, — они исчезли бесследно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой догадливый читатель видит,
что он не ошибся,
несмотря на все недомолвки автора*

После взрыва в Кикандоне тотчас же водворились мир и тишина, и город вернулся к своему прежнему существованию.

После взрыва, который, впрочем, не слишком взволновал население, кикандонцы, сами не зная почему, машинально разошлись по домам — бургомистр под руку с советником, адвокат Шют с врачом Кустосом, Франц Никлосс со своим соперником Симоном Коллертом; шагали размеренно, бесшумно, даже не сознавая, что произошло, позабыв про Виргамен и оставив мечты о реванше. Генерал вернулся к своему варенью, а его адъютант — к своим леденцам.

В городе вновь воцарился сонный покой, все зажило прежней жизнью — люди, животные и растения, даже башня Ауденаардских ворот, которая после взрыва, — эти взрывы порой дают удивительные результаты! — заметно выпрямилась.

И с тех пор в Кикандоне нельзя было услышать ни единого выкрика и никто ни о чем не спорил. Прощайте, клубы, политика, тяжбы, полицейские! Место комиссара Пассофа опять сделалось совершенно излишним, и если ему не урезали жалованья, то лишь потому, что бургомистр и советник никак не могли принять решения по этому вопросу. Впрочем, время от времени комиссар, сам того не подозревая, являлся в сновидениях безутешной Татанеманс.

Соперник Франца великодушно уступил прелестную Сюэль ее возлюбленному, который и поспешил на ней жениться — лет через пять или шесть после описанных событий.

Госпожа Ван-Трикасс умерла через десять лет, в надлежащий срок, и бургомистр заключил брак со своей кузиной, девицей Пелажи Ван-Трикасс, на весьма выгодных условиях... для счастливой особы, которая должна была его пережить.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой объясняется теория доктора Окса

Что же проделал этот таинственный доктор Окс?

Всего лишь фантастический опыт.

Проложив трубы, он наполнил чистейшим кислородом, без единого атома водорода, сперва общественные здания, потом частные жилища и, наконец, выпустил его на улицы Кикандона.

Этот газ, совершенно бесцветный, лишенный запаха, вдыхаемый в большом количестве, вызывает ряд серьезных нарушений в организме. Человек, живущий в атмосфере, перенасы-

щенной кислородом, приходит в крайнее возбуждение и быстро сгорает.

Но вернувшись в обычную атмосферу, он снова приходит в норму, как это было с советником и бургомистром, когда они поднялись на башню, где им не приходилось вдыхать кислорода, который остался в нижних слоях атмосферы.

Человек, постоянно вдыхающий этот газ, столь губительный для организма, быстро умирает, подобно тем безумцам, которые предаются всякого рода излишествам!

Поэтому остается только порадоваться, что благодетельный взрыв положил конец опасному опыту, уничтожив завод доктора Окса.

В заключение зададим вопрос: неужели же доблесть, мужество, талант, остроумие, воображение — все эти замечательные свойства человеческого духа — обусловлены только кислородом?

Такова теория доктора Окса, но мы вправе не принимать ее, и мы решительно ее отвергаем со всех точек зрения, вопреки фантастическому опыту, которому подвергся почтенный городок Кикандон.

1872 г.

ВЛАСТЕЛИН МИРА

Я мальчиком мечтал, читая Жюль Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас...

Валерий Брюсов

Каждый год в мире выходят миллионы книг. Но герои лишь лучших из них становятся «вечными спутниками» человечества. Такими неперенными спутниками юности вот уже для многих поколений читателей сделались герои Жюль Верна: таинственный создатель «Наутилуса» капитан Немо и гениальный строитель «Альбатроса» инженер Робур, чудаковатый ученый Паганель и отважный пятнадцатилетний капитан Дик Сэнд, мужественный доктор Фергюссон, пролетевший над Африкой на воздушном шаре, и упорный Гаттерас, одержимый желанием ступить на Северный полюс, эксцентричный Филеас Фогг, совершивший кругосветное путешествие за 80 дней, и отчаянный смельчак Мишель Ардан, отправившийся с двумя спутниками на Луну внутри артиллерийского снаряда... Их приключения по-прежнему волнуют людей, будоража мысль и мечту, хотя научно-технический прогресс давно опередил самые смелые фантазии автора «Двадцати тысяч лье под водой». Писатель остается «властелином мира» (так назван один из его поздних романов).

Ныне уже требуется известное усилие воображения, чтобы представить себе, как жили люди в ту пору, когда родился Жюль Верн: не знали электрического освещения, обходились без телефона и телеграфа, не было ни радио, ни магнитофонов, ни кино, ни телевидения, не существовало автомобилей и самолетов, да и пароходы — неуклюжие «пироскафы», немилосердно чадающие из длинных труб и бьющие своими колесами-плавниками по воде, — только-только появились и никто не видел в них серьезной конкуренции красавцам-парусникам.

«Паровое судно в водах Ламанша в 182... году являлось новшеством необычайным, — писал Виктор Гюго в романе «Труженики моря». — Простодушным морякам тех лет пароход, должно быть, казался плавучей преисподней. Один местный проповедник поставил такой вопрос: «Вправе ли мы принудить воду работать заодно с огнем, если они были разделе-

ны самим богом?» И разве не похож этот железный огнедышащий зверь на Левиафана? Не значило ли это возродить хаос человеческими руками? Успехи прогресса не впервые воспринимались как возвращение к хаосу. Академия наук в ответ на запрос Наполеона о паровом судне в начале века вынесла такой приговор: «Безумная идея, грубейшее заблуждение, нелепость»... Ученые отвергли идею парохода как нечто невозможное; священнослужители, в свою очередь, отвергли его как что-то нечестивое. Наука отрицала, церковь проклинала...»

Однако многие общепринятые теперь истины, выглядевшие некогда ересью, и многие идеи, казавшиеся поначалу безумными или нелепыми, быстро изменили мир и представления о нем. За три четверти столетия, что были отпущены судьбой Жюльо Верну, ему не раз довелось стать свидетелем торжества именно таких идей. И немало идей, которые воспринимались сперва как плод чистой фантазии, но получили потом реальное воплощение, было выдвинуто им самим.

Одна человеческая жизнь способна вместить очень многое. И жизнь Жюль Верна проецируется на целый ряд подлинно революционных событий как в области развития науки и техники, так и в общественно-политической истории Франции, Европы. Он родился в эпоху пара, а умер в век электричества. Родился в период реставрации династии Бурбонов, когда на французском троне восседал самонадеянный Карл X, а умер после образования Третьей республики. Ему было два года, когда народ дал волю своему гневу и вышел в Париже с ружьями на баррикады в июле 1830 года (вольнолюбивым порывом тех дней вдохновлено знаменитое полотно Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ»); ему было двадцать лет, когда грянула революция 1848 года; на его глазах была провозглашена и вскоре жестоко подавлена Парижская Коммуна...

Не только эпоха, но нередко и место рождения определяет будущее человека, помогает ему понять свое призвание. Жюль Габриэль Верн появился на свет в древнем Нанте. Это крупный порт на западе Франции в низовье самой длинной реки страны — Луары, впадающей в Бискайский залив. Дыханием моря пропитана была вся жизнь торгового города, как рукавами Луары рассечена его площадь. Здесь сновали вверх и вниз по реке рыбацкие баркасы; отсюда уплывали и сюда возвращались с грузом разнообразных товаров большие корабли, пересекавшие океанские просторы. Маленький Жюль рано почувствовал властный зов музыки дальних странствий и в одиннадцать лет пытался бежать из дома, нанявшись юнгой на шхуну, которая отправлялась в Вест-Индию, но был снят с борта спохватившимся отцом. Жюльо Верну не удалось, как его любимому младшему брату Полю, стать морским офи-

цером. Однако пробудившаяся еще в раннем детстве тяга к путешествиям несомненно сказалась на выборе им жизненной дороги.

Другим фактором, оказавшим решающее влияние на этот выбор, стали книги. Мальчик зачитывался романами Дефо и Вальтера Скотта, Диккенса и Купера, Эжена Сю и капитана Марриэта.

Страсть к сочинительству овладела Жюлем тоже в юные годы. Он слагал романсы, сонеты, шутливые мадригалы матери, сестрам и кузинам. Писал также трагедии в стихах. Отец Жюля, мэтр Пьер Верн, который и сам отдал дань стихотворству, снисходительно относился к этим ранним пробам пера, однако не помышлял об ином поприще для своего первенца, чем юриспруденция. Родители твердо решили, что их старший сын должен избрать солидную адвокатскую профессию и унаследовать контору отца. Чтобы не перечить их воле, после окончания Нантского королевского лицея Жюль Верн отправляется в Париж для получения степени лиценциата права.

Он получает эту ученую степень в 1849 году, сдав все положенные экзамены и защитив диссертацию. Но одновременно его ничуть не прельщает участь провинциального адвоката. Безгранично веря в собственные силы и не страшась никаких трудностей, Жюль Верн мечтает о громкой литературной славе, пытается во время приездов в Нант и в письмах убедить отца в том, что таково его истинное призвание.

«Литература — прежде всего, ибо лишь на этом поприще я смогу добиться успеха, все мои мысли сосредоточены на этом!.. Буду ли я одновременно заниматься юриспруденцией, не знаю, но, если трудиться на обоих поприщах, одно убьет другое, да и адвокат из меня вряд ли выйдет...», «Дорогой папа, уверяю тебя, что стремлюсь лишь к одной вещи в мире, — служить моей музе, и начать это как можно скорее, ибо у меня нет денег, чтобы нанимать ей кормилицу. Чтобы ты об этом ни думал и как бы горько на это ни сетовал, уверяю тебя, что дело обстоит именно так...», «Я предпочитаю стать хорошим литератором и не быть плохим адвокатом...» — вот характерные выдержки из писем Жюля Верна домой, отражающие его настроение той поры.

В Париже он сразу же постарался проникнуть в литературные салоны, завести необходимые для этого знакомства. Он жаждет во что бы то ни стало увидеть своими глазами живых богов литературного Олимпа, чьи строки затверживал наизусть. И вскоре молодой провинциал удостоивается чести предстать перед теми, кто принес триумфальные победы французскому романтизму, — перед Виктором Гюго, Теофилом Го-

тье и Александром Дюма, на которого произвел особенно благоприятное впечатление.

В отличие от строго державшегося Гюго, члена Академии, пэра Франции, депутата Национального собрания (а в скором времени изгнанника), добросердечный Дюма казался — и хотел казаться — героем собственных феерий. Есть некая символика и закономерность в том, что «крестным отцом» Жюль Верна в литературе стал именно создатель «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». После смерти им суждено «стоять почти что рядом»: и тот и другой всемирно признаны классиками приключенческой литературы. Если для Дюма, по его выражению, история была гвоздем, на который он вешал свои картины, то для Жюль Верна таким «гвоздем» послужили география и естественные науки. Их литературное родство несомненно, и оно признавалось столь компетентным судьей как Александр Дюма-сын, который говорил о Жюле Верне: «С моим отцом его роднит воображение, молодой задор, чудесный юмор, неистощимая выдумка, здоровый дух, ясность мысли и еще одна добродетель, которую не признают слабые, — плодovitость», а обращаясь к самому писателю, отмечал: «Никто не приходил в больший восторг от чтения Ваших блестящих, оригинальных и увлекательных фантазий, чем автор «Монте-Кристо»¹.

Жюль Верн многое воспринял от Дюма-отца, в первую очередь умение строить напряженный сюжет и диалог, создавать героев, которые легко прокладывают путь к сердцу читателя и воплощают лучшие человеческие качества. Сам он подчеркивал, что его роман «Матиас Шандор» навеян «Графом Монте-Кристо». Благородное сердце Атоса бьется в груди капитана Немо, а гасконская удаль д'Артаньяна оживает в поступках космического путешественника Мишеля Ардана.

Путь даже самых одаренных литературных старателей к заветной золотой жиле зачастую не прост и не прям. И Александр Дюма, и Жюль Верн шли каждый к своему жанру, к принесшим им славу романам через театр. «Александр Великий», старше на четверть века, был уже знаменитым не только драматургом, но и прозаиком к тому времени, когда с его помощью состоялся литературный дебют новоиспеченного лиценциата права. Произошло это 12 июня 1850 года: на сцене основанного Дюма Исторического театра была дана премьера «Сломанных соломинок». С этого легкомысленного водевиля в стихах, выпущенного тогда же тощей брошюрой, начинается по существу творческая биография Жюль Верна.

«Сломанные соломинки» не принесли ему того мгновенного успеха, какой обрушился на Дюма в 1829 году после по-

¹ Верн Ж. Собр. соч. Т. 12. М. 1957. С. 660—661.

становки драмы «Генрих III и его двор» в Комеди-Франсэз. От подобного успеха его отделяло еще более десяти лет. Пока же госпожа Удача, скрывавшая до поры до времени свои чарующие черты под вуалью, лишь издали поманила начинающего автора, но, окрыленный этим знаком, он готов был на любые жертвы, дабы завоевать ее расположение.

Еще довольно долго свои честолюбивые надежды Жюль Верн будет связывать с театром. Одну за другой он пишет исторические драмы и лирические комедии, водевили и либретто для музыкальных спектаклей. Но большинство из них не доходит до сцены, а те, что видят свет рампы, не приносят ему ни славы, ни материальной независимости. Ради заработка он служит какое-то время в нотариальной конторе, потом становится секретарем директора Лирического театра, что гарантирует ему в течение трех лет по крайней мере 100 франков в месяц.

Работая для театра, молодой литератор пробует себя и в прозе, что предложил ему земляк, в прошлом тоже выпускник Нантского лицея, П. Шевалье, редактировавший теперь журнал «Мюзе де фамий» («Семейный альманах»). Летом 1851 года в этом журнале появляются «Первые корабли мексиканского флота», а вслед за тем еще несколько рассказов и повестей Жюля Верна, выдержанных то в духе приключенческой экзотики Фенимора Купера, то в духе романтических фантазий Эдгара По и Гофмана. Из прозы первой половины 50-х годов заслуживают внимания «Путешествие на воздушном шаре» («Драма в воздухе») и «Зимовка во льдах», поскольку они послужили своего рода набросками, этюдами к двум начальным романам цикла «Необыкновенные путешествия» — «Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествия и приключения капитана Гаттераса». Но «воздушный шар» писательской судьбы Жюля Верна набирал высоту медленно.

Повесть «Зимовка во льдах», опубликованная в 1855 году, — лучшая вещь периода «набора высоты». В «Приключениях капитана Гаттераса» находчивый доктор Клоубонни изготавливает из кусочка пресного льда линзу, с помощью которой поджигает трут (такое, кстати, вполне возможно в действительности).

«Зимовка во льдах», хотя она еще и не столь тщательно отшлифована, тоже как бы собрала в фокус многие «лучи», пронизывающие все последующее творчество Жюля Верна и в первую очередь описанную им полярную одиссею капитана Гаттераса. «Истории обреченных из Дюнкерка» (таков подзаголовок повести) уже присущи те черты, которые, развившись, составят сильную сторону лучших жюльверновских произведений, в частности, умение конструировать захватыва-

ющую интригу, позволяющую словно мимоходом сообщить читателю массу полезных или занятных сведений, а также укрепить его в мысли, что, несмотря на все испытания, в итоге благородство торжествует над низостью, любовь над коварством, знание над невежеством, мечта над бескрылой будничностью. Моряк Луи Корнбют, его отец и преданная невеста Мари, злодей Андрэ Васлинг еще не столь колоритны, как герои «Детей капитана Гранта» и «Двадцати тысяч лье под водой», но уже определенно предвещают их появление. А при описании Арктики в «Зимовке во льдах» автору удалось добиться благодаря усердному штудированию записок полярных путешественников той степени достоверности, что отличает наиболее значительные книги, которые ему предстояло создать. Одним словом, путь к достижению своего «полюса» в литературе был намечен — оставалось его пройти.

Когда первые рассказы Жюль Верна увидели свет на страницах «Мюзе де фамий», озадаченный отец задал ему в письме вопрос: к какой школе он принадлежит — к классикам или романтикам? Сын полушутя, полувсерьез ответил: «Что касается школ, то я полагаю принадлежать только к своей собственной...»

Нетрудно заметить «байронические» черты в характере капитана Немо, или «родство душ» симпатичных чудаков и преданных, разбитных слуг Жюль Верна с диккенсовскими персонажами, или то, что морская романтика, которой щедро просолены некоторые его книги, восходит к Куперу и Марриэту, — сотни нитей связывают французского писателя с отечественной и мировой литературой, многое он взял от романтизма. Но ему действительно удалось создать «собственную школу», найти свой жанр, в котором с наибольшей яркостью раскрылось его дарование и который сам он определил как «роман о науке».

Чтобы преуспеть в этом жанре, Жюль Верну необходимы были обширнейшие знания. Он неустанно накапливал их, погружаясь в пучины книжного моря и отыскивая там жемчужины сведений, которые могли пригодиться в будущем. Более двадцати тысяч тетрадей с систематизированными выписками по истории, географии, физике, химии, математике, астрономии, геологии, ботанике, зоологии осталось после писателя. Всю жизнь, чтобы быть в курсе последних событий и новейших изобретений, он внимательно следил за периодикой (в том числе научной), охотно общался с учеными, инженерами, путешественниками. В число его близких друзей входил Надар (настоящее имя — Феликс Турнашон, 1820—1910) — блестящий журналист и карикатурист, один из пионеров фотографии и воздухоплавания во Франции, послуживший прото-

типом Мишеля Ардана в романах «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны».

Именно Надар, затеявший постройку самого большого в мире аэростата «Гигант», подсказал Жюльо Верну идею первого романа «Пять недель на воздушном шаре». Когда роман был готов, полтора десятка издателей, словно сговорившись, отвергли его, пока рукопись не попала, наконец, на стол Пьера Жюля Этцеля. Он сразу разглядел в авторе талант рассказчика и по достоинству оценил перспективность «романа о науке». Этцель не ограничился публикацией в 1863 году «Пяти недель на воздушном шаре» (его ожидания оправдались — книга имела грандиозный успех и у взрослых и у детей). Он заключил с писателем контракт на двадцать лет, продленный потом еще на такой же срок (после смерти Этцеля в 1886 году дело перешло к его сыну, который оставил соглашение в силе).

Жюль Верн тщательно соблюдал условия этого договора, исправно поставляя издателю один-два (в зависимости от объема) романа в год. Помимо этого он довершил капитальный труд «Иллюстрированная география Франции и ее колоний», начатый видным ученым Теофилом Лавалле (1804—1866); подготовил трехтомную (в шести книгах) «Всеобщую историю великих путешествий и великих путешественников», а также отдельно — жизнеописания Христофора Колумба и Джеймса Кука. Мощная пружина из сплава вдохновения и самодисциплины приводила в движение этот творческий механизм, заставляя его работать четко и ритмично, хотя нередко и с перегрузками. Писатель истово трудился в Амьене, куда перебрался в 1871 году, даже опережал график, готовя произведения впрок, и потому еще в течение пяти лет после его смерти продолжали регулярно появляться жюльверновские романы, а последний — «Удивительные приключения экспедиции Барсака» — появился в печати в год начала первой мировой войны и отдельной книгой вышел уже после ее окончания.

Правда, впоследствии выяснилось, что тексты большинства «посмертных» романов Жюля Верна подверг основательной переделке его сын Мишель, ставший в некоторых случаях анонимным соавтором прославленного отца. Что побудило Мишеля Верна скрывать свое участие в обработке завещанных ему рукописей и выдавать иной раз собственную прозу за отцовскую? Прежде всего коммерческие соображения. Вспомним, что Дюма предлагал обозначить двойное авторство «Шевалье Д'Арманталя», поскольку он воспользовался наброском Огюста Маке (принимавшего позже участие в написании «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо» и других романов). Однако этому решительно воспротивился директор газеты «Ля Пресс», для которой предназначался «Шевалье Д'Ар-

манталь». «Роман, подписанный «Александр Дюма», стоит три франка за строку, — пояснил он, — а подписанный «Дюма и Маке» — тридцать су»¹. Примерно так же соотносились гонорары, которые можно было получить за «сольный» роман Жюль Верна и за роман, написанный им «дуэтом» с сыном.

Шестьдесят пять томов — шестьдесят три романа и два сборника повестей и рассказов — составляют жюльверновскую серию «Необыкновенные путешествия», вышедшую в издательстве Этцеля. Приступая к ее публикации, издатель одновременно, уверовав в своего автора, начал выпуск «Журнала воспитания и развлечения» для юношества. Журнал этот, соредактором которого стал Жюль Верн, просуществовал с 1864 по 1906 год. «Воспитание и развлечение» — вот слова, которые можно трактовать как девиз творчества автора «Таинственного острова». Ведь развлекая читателя, он неизменно стремится его воспитывать и образовывать.

Название серии — «Необыкновенные путешествия» — точно отражает ее замысел: при всей необыкновенности описываемых событий сюжетную основу здесь составляют путешествия. Задумывая этот цикл, писатель, как сообщалось в предисловии к «Капитану Гаттерасу», ставил себе задачу описать весь земной шар, «резюмировать все географические, геологические, астрономические, физические знания, накопленные современной наукой, и в красочной, занимательной форме создать универсальную картину мира». И в совокупности его романы, действие которых охватывает Европу и Азию, Северную Америку и Южную, Африку и Австралию, Арктику и Антарктику, образуют как бы беллетризованный свод тех знаний, которыми обладал XIX век.

Но Жюль Верн не был бы Жюлем Верном, если бы остался просто популяризатором, пусть даже весьма талантливым. Писатель смело выдвигал собственные проекты, гипотезы, и его прозрения не раз с блеском подтверждались. «Порожденная научными исканиями, фантастика Жюль Верна, в свою очередь, будила научную мысль»², — констатировал советский исследователь и пропагандист его творчества Евгений Брандис. Ученые разных стран и разных специальностей признавались, что выбор профессии, направление поисков, приведших к замечательным результатам, были подсказаны им книгами Жюль Верна. К примеру, К. Э. Циолковский вспоминал: «Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Ж. Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении. Явились желания. За желаниями возникла деятельность ума...»³.

¹ М о р у а А. Три Дюма. М. 1962. С. 200.

² Б р а н д и с Е. Жюль Верн. Жизнь и творчество. Л. 1968. С. 169.

³ Ц и о л к о в с к и й К. Труды по ракетной технике. М. 1947. С. 103.

В 90-е годы прошлого века, когда Жюль Верн был уже маститым автором, в Англии начали появляться фантастические романы Герберта Уэллса. Оба писателя внимательно следили за творчеством друг друга, ощущали литературную близость и вместе с тем явную несхожесть. Их качественное отличие состоит в том, что если Жюль Верн обычно исходил из реального и возможного, то для создателя «Машины времени» правдоподобие не имело решающего значения, для него социальные, философские аспекты фантастики неизмеримо важнее научно-технических.

«Предвосхищение научных изобретений» — важный момент творчества Жюль Верна, но отнюдь не единственная его цель. Вот почему по мере того, как устаревала «техническая» сторона его произведений (неизбежность чего он сам предвидел), ничуть не страдало их художественное достоинство; тускнели идеи научные, сменяясь более дерзкими, но не утрачивала своего значения гуманистическая направленность. Исходя из художественных или нравственных соображений, писатель сознательно допускал зачастую «просчеты» с точки зрения строгой науки или шел на использование заведомо ошибочных гипотез (как, скажем, в «Путешествии к центру Земли»). Его постоянно занимала мысль, не могут ли какие-нибудь научные открытия или достижения техники стать причиной бедствия для человечества, попади они в руки властолюбивого маньяка. Проблема «гений и злодейство» по-разному варьируется им, и каждый раз Жюль Верн предстает как противник войны и деспотизма, своекорыстия и делячества, моральной индифферентности.

Между двумя крупнейшими мастерами научно-фантастической литературы состоялась своеобразная творческая переключка. В одном из посмертно опубликованных романов Жюль Верна — «Тайна Вильгельма Шторица» — видны следы знакомства с уэллсовским «Человеком-невидимкой». А в «Первых людях на Луне» английского писателя мистер Бедфорд прямо восклицает, когда изобретатель знакомит его с конструкцией шара, способного перенести их на иные планеты: «Как у Жюль Верна в «Путешествии на Луну»?» Чтобы переправить своих героев на Луну, Уэллс попросту придумал «кейворит» — сказочное вещество, непроницаемое для притяжения. Иное дело Жюль Верн. Он подошел к космическому полету как к реальной технической задаче и вместе со своим кузеном профессором математики Анри Гарсе произвел сложнейшие расчеты. Известно выражение: информация — мать интуиции. Информированность Жюль Верна о новейших достижениях науки, его эрудиция поразительны, но не менее поразительна и его интуиция, проявившаяся во многих произведениях, и, быть может, с особенной силой в романах «С Земли на Луну»

и «Вокруг Луны»: Американский астронавт Фрэнк Борман обратил внимание на примечательное совпадение: его космический корабль «Аполлон-8», сделавший несколько витков вокруг Луны в 1968 году, обладал примерно такими же размерами и весом, что алюминиевый «вагон-снаряд» в жюльверновской «лунной дилогии», был запущен тоже с Флориды и приводнился в Тихом океане всего в четырех километрах от места, определенного романистом (не говоря уж о том, что экипаж «Аполлона» состоял из трех человек — столько же было посланцев «Пушечного клуба», — и что полет состоялся, как в книге, в декабре). Имя Жюль Верна было присвоено одному из новых открытых кратеров на невидимой с Земли поверхности Луны, первые фотографии которой передала советская ракета за восемь лет до старта «Аполлона» Фрэнка Бормана.

Вымысел Жюль Верна нередко граничит с научным прогнозом: «Все, что человек способен представить в своем воображении, другие сумеют претворить в жизнь», — полагал писатель. В 1895 году читатели получили его новую книгу «Плавучий остров». Оставим в стороне сатирическую направленность романа, обличающего растлевающую власть денег и человеческую тупость (непримиримая борьба левобортников и правобортников, заканчивающаяся гибелью чудо-острова, напоминает войну тупоконечников и остроконечников у Свифта). Обратимся к самой идее создания искусственного острова на стальных понтонах, способного перемещаться в океане при помощи гребных винтов, приводимых в движение электромоторами. Ровно через восемьдесят лет после выхода книги Жюль Верна в японском городе Окинава состоялась международная выставка «Океан: каким ему быть». Павильон устроителей выставки представлял собой плавучий город-остров «Акваполис» площадью 10 тысяч квадратных метров. Так что и жюльверновский Стандарт-Айленд приплыл из Моря Мечты в Море Реальности...

Это только кажется, что фантасты повествуют о будущем. Прав бесстрашный доктор Фергюссон, утверждавший в первом романе Жюль Верна: «В будущем надо видеть настоящее, ведь будущее и есть более отдаленное настоящее». И пусть не покажется парадоксом суждение американского писателя Р. П. Уоррена: «Даже в научной фантастике повествуется о прошлом. Писатели рассказывают о будущем так, как будто оно уже миновало. В научной фантастике вы забегаете вперед той истории, которую рассказываете. Вы никогда не пишете ее в будущем времени. Время ее действия — предполагаемое будущее, которое уже стало прошедшим»¹. Такое наблюдение

¹ У о р р е н Р. П. Как работает поэт. М. 1988. С. 394.

справедливо даже в отношении тех художников, кто пытается представить картины далекого грядущего, засылает зонд своего воображения в иные миры и иные цивилизации. Тем более оно справедливо в отношении Жюль Верна. С увлечением конструируя машины будущего, он никогда не «конструирует» человека будущего. Его персонажи — современники его читателей. Предвосхищая какое-либо изобретение, он помещает его в настоящее, о котором рассказывает как о ближайшем прошлом, а не пытается выдавать за будущее. «Пять недель на воздушном шаре» вышли в канун 1863 года, а действие там происходит в 1862 году. Жюль Верн любит точность координат в пространстве и во времени; многие его романы традиционно начинаются с указания дат. Необыкновенное лишь как бы электризует действительность, и читателю передается заряд духовной энергии.

Четыре произведения, составившие настоящий сборник, относятся к разным периодам творчества писателя. «Зимовка во льдах» позволяет получить представление о его первых шагах в литературе. Другая повесть — «Опыт доктора Окса» — была опубликована в 1872 году в «Мюзе де фамий», а два года спустя дала название сборнику, куда вошли также «Зимовка во льдах» и ранние новеллы — «Драма в воздухе» и «Мастер Захариус». Десять лет отделяют «Доктора Окса» от двадцати второго романа Жюль Верна «Школа Робинзонов» (1882) и еще столько же — от тридцати девятого — «Клодиус Бомбарнак» (1892).

Писатель умел по-настоящему перевоплощаться в своих героев и живо воссоздавать в воображении ту обстановку, в которую они попадали. Он чуть не простудился, описывая, как пробивался сквозь полярную стужу неукротимый капитан Гаттерас. И писал Этцелю, с которым у него сложились дружеские отношения, в процессе работы над романом «Вокруг Луны» (1870): «Я живу в своем снаряде».

Как раз когда Жюль Верн «жил в своем снаряде», у него, вероятно, зародилась идея «Опыта доктора Окса». В «Вокруг Луны» есть эпизод, когда Барбикен, Мишель Ардан и капитан Николь («трое в одной лодке, не считая собаки», только «лодка» космическая, а собака тоже имеется — Диана) испытывают неестественное возбуждение: «Лица их покраснелись, точно они сидели перед раскаленной печью: дыхание делалось бурным; легкие работали как кузнечные мехи; глаза горели, голоса звучали оглушительно громко; каждое слово вылетало из их уст как пробка из бутылки шампанского. Их жесты стали беспокойными, им не хватало места, чтобы развернуться и, что всего удивительнее, они даже не замечали своего странно-го нервного возбуждения...»

Что же послужило причиной столь странного поведения почтенных пассажиров снаряда? Оказывается, кислородное опьянение, наступившее в результате того, что Мишель Ардан забыл закрыть кран аппарата. Разобравшись в чем дело, он обращается к спутникам: «Представьте себе, например, какое-нибудь собрание, где воздух был бы насыщен этим возбуждающим газом, или, положим, театр, куда администрация впускала бы его в увеличенных дозах: какой темперамент обнаружили бы актеры и зрители, сколько было бы огня, сколько восторгов! А если бы можно было подпоить кислородом не собрание, а целую нацию! Как закипела бы ее жизнь!»

Ведь это — программа того эксперимента, который проводят доктор Окс и его помощник Иген (их имена, составленные вместе, образуют латинское название кислорода — «оксиген») над жителями сонного Кикандона. Доктор Окс, «словно соскользнувший со страниц Гофмана», изрядно встряхнул благодушных кикандонцев, убежденных, как и их достойный бургомистр, в том, что «человек, который умирает, не приняв никакого решения за всю свою жизнь, весьма близок к совершенству». Кислородный допинг коренным образом меняет поведение и нравы обитателей славного городка. Из апатичных они превращаются в воинственных и пылких, собираются даже идти войной на соседний город, дабы покарать его население за то, что несколько столетий назад общинная виргаменская корова нанесла им траву. Их проснувшийся темперамент проявляется также в исполнении в бешеном темпе мейерберовских «Гугенотов» и соответствующей бурной реакции на оперу слушателей. Но после взрыва завода, вырабатывавшего кислород, Кикандон вновь возвращается в привычную спячку... «Опыт доктора Окса» остроумно высмеивает мещанские добродетели и самодовольство, консерватизм мышления.

В начале своей карьеры Жюль Верн не слишком преуспел как драматург. Зато позже пользовались большим успехом у зрителей инсценировки таких его романов, как «Вокруг света в восемьдесят дней» (ее видел и пришел от нее в восторг Н. С. Лесков), «Дети капитана Гранта», «Михаил Строгов». Едва ли не самым удачным сценическим воплощением произведения писателя стала, по мнению современников, оперетта Жака Оффенбаха «Доктор Окс».

Книги, пленившие воображение в юные годы, оставляют, как известно, след в душе навсегда. На Жюля Верна, когда он был еще ребенком, незабываемое впечатление произвели «Робинзон Крузо» и одно из многочисленных подражаний шедевр Даниэля Дефо — «Швейцарский Робинзон» Иоганна Давида Висса.

«Робинзоны» были книгами моего детства, и я сохранил о них неизгладимое воспоминание, — признался писатель на

склоне лет. — Я много раз перечитывал их, и это способствовало тому, что они навсегда запечатлелись в моей памяти. Никогда позже, при чтении других произведений, я не переживал больше впечатлений первых лет. Не подлежит сомнению, что любовь моя к этому роду приключений инстинктивно привела меня на дорогу, по которой я пошел впоследствии...» Эти слова взяты из предисловия к роману «Вторая родина» (1900), представляющему собой продолжение «Швейцарского Робинзона» (несколькими годами раньше Жюль Верн написал такое же вольное продолжение «Повести о приключениях Артура Гордона Пима» Эдгара По — «Ледяной Сфинкс»). Отзвуки детского увлечения «Робинзонами» слышны и в романе «Два года каникул». Робинзоном Океании именуется писатель капитана Гранта, найденного преданными детьми и их друзьями на необитаемом скалистом острове. Робинзонами космоса можно назвать героев жюльверновского романа «Гектор Сарвадак»; наконец, первоначальный набросок, из которого потом вырос замечательный «Таинственный остров», был озаглавлен «Дядюшка Робинзон».

В ряду жюльверновских робинзонад стоит и «Школа Робинзонов». Предостерегая от поисков философского подтекста, который наличествует в других его книгах, автор определил роман как «веселую и забавную шутку на робинзоновскую тему». Пожалуй, это самое точное определение, ибо шутливая тональность действительно преобладает здесь. В таком ключе выдержаны характеристики персонажей (в особенности учителя танцев и изящных манер Тартелетта) и описание приключений, выпавших на их долю. Комедийность ситуации заключается в том, что испытания, через которые должен пройти Годфри Морган, уподобившись на время достославному «моряку из Йорка», организованы его дядей-миллиардером. Сей баснословно богатый «набоб из Фриско» по имени Уильям Кольдеруп, проведая, что двадцатидвухлетний племянник прежде, чем жениться на своей избраннице, горит желанием совершить путешествие и не прочь «поробинзонить», решает проучить молодого человека и доставить ему такое удовольствие. Он разрабатывает во всех деталях сценарий, согласно которому Годфри и Тартелетт, потерпев кораблекрушение (на самом деле тщательно имитированное), оказываются на необитаемом острове, незадолго перед тем приобретенном по случаю коммерсантом. Сценарий этот по ходу дела, правда, претерпевает некоторые изменения: то заботливая невеста подбрасывает своему возлюбленному сундук со всем необходимым, то миллионер — дядюшкин соперник завозит тайком на остров хищных зверей... Но в целом все идет по заранее намеченному плану, а план этот во многом «списан» с книги Даниэля Дефо. Сердобольный Кольдеруп решает даже

позволить племяннику обзавестись собственным Пятницей и подбирает на эту роль одного из слуг. Тот появляется на острове, естественно, в пятницу, и Годфри представляется возможность чудесным образом отбить пленника у нанятых дядюшкой «дикарей», после чего «спасенный туземец» ставит себе на голову ногу белого человека, признавая его своим повелителем. Завершается сцена ироническим замечанием: «Можно было подумать, что этот уроженец Полинезии тоже читал „Робинзона Крузо“».

Если Жюль Верн забавно пародировал в «Школе Робинзона» полюбившийся с детских лет роман Дефо, то его собственное творчество, завоевавшее всемирное признание, тоже не раз становилось объектом пародий. В 1883 году пародию на жюльверновские произведения под названием «Летающие острова» напечатал А. П. Чехов. А сорок лет спустя для достижения сатирического эффекта к использованию пяти персонажей французского писателя (высоко им ценимого) и обыгрыванию его мотивов прибегнул Михаил Булгаков в «эзоповской» повести «Багровый остров», которая потом была переделана в пьесу.

Популярность Жюль Верна в России началась вскоре после того, как он добился успеха у себя на родине. С поистине фантастической быстротой его романы переводятся на русский язык. Уже самый первый из них — «Пять недель на воздушном шаре» — годом позже вышел в Москве и на него откликнулся в некрасовском «Современнике» М. Е. Салтыков-Щедрин. Рецензент отметил занимательность и познавательную ценность книги, выразил уверенность, что она «непременно должна сделаться настольною детской книгой». Положительно оценил «Современник» в 1865 году и «Путешествие к центру Земли». Однако «Голос» дал резко отрицательный отзыв о том же романе, заявив, что «это уже не сказки наших неразвитых нянек», а нечто гораздо более опасное: «Читая фантастическую басню о невозможном путешествии, дети, изволите видеть, узнают и свойства извержения вулканов, и существование подземных рек, и фигуры плезиозавров и лабиринтодонов... Нам остается рекомендовать «Путешествие к центру Земли» всем, кто желает воспитывать своих детей в духе Базаровых, Лопуховых и компании». Другое издание — «Библиограф» — нашло «положительно вредной» книгу «Приключения капитана Гаттераса»: «Читатели этого произведения необходимо должны вынести массу неверных сведений, лишенных научного значения и положительно вредных по превратности толкования фактов. Дело в том, что автор снабдил экспедицию доктором, которого он возвел в ученые и заставил читать лекции и объяснять научным образом многие явления природы, и этот доктор явился неистощимым ис-

точником абсурда. Наконец, автор толкует об открытии Северного полюса как о факте и обставляет это описаниями, которые могут сбить с толку людей с неустановившимися прочно научными знаниями. Читатель согласится, что подобная галиматья едва ли интересна в книге для легкого чтения...»

Столь диаметрально противоположные мнения критиков о сочинениях французского фантаста, появившиеся в тогдашней печати, отражают не только разницу вкусов, но и столкновение различных направлений общественной мысли в России 60—70-х годов прошлого века. Но несмотря на настороженное отношение консервативных кругов (в том числе в педагогической среде), к Жюлю Верну, слава его в России стремительно возрастала.

К числу поклонников таланта Жюля Верна относился Лев Толстой. Сохранилась серия рисунков к роману «Вокруг света в восемьдесят дней», выполненная великим писателем в 70-е годы для своих детей, которым он по вечерам любил читать жюльверновские произведения. До нас дошли также слова, сказанные Толстым в 1891 году в беседе с профессором-физиком А. В. Цингером: «Романы Жюля Верна превосходны! Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А слушали бы вы, с каким восторгом отзывался о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь так восхищался, как Жюлем Верном»¹.

Не случайно, видимо, язвительный аноним в «Голосе» рекомендовал произведения Жюля Верна тем, кто «желает воспитывать своих детей в духе Базарова». Автор «Отцов и детей» высоко ценил как богатство фантазии Жюля Верна, так и простоту, естественность его слога. Тургенев познакомился с ним в Париже у Этцеля (так же как и украинская писательница Марко Вовчок, которая перевела на русский язык полтора десятка книг Жюля Верна). Как раз в те годы, когда Лев Толстой иллюстрировал эпопею Филеаса Фогга (можно сказать, делал своего рода комикс), французский романист работал над книгой о России «Михаил Строгов» (первоначальное название — «Курьер царя»). Закончив рукопись, он просил своего издателя дать ее на просмотр Тургеневу, который сделал некоторые замечания, но в целом роман одобрил. Поэтому так сокрушался Жюль Верн, когда, опасаясь вмешательства французской цензуры, Этцель умолял его убрать «все, что может быть приписано нынешнему царю или его отцу». «Досадно, — пояснял писатель, — что цензура читает книги так поверхностно. Тургенев, который знает Россию не хуже этих господ, не

¹ «Мироведение». 1928. № 3. С. 131.

усмотрел в этом ничего предосудительного. К тому же сведения я почерпнул не в старых книгах, а у Р. Килланга, совершившего свое путешествие в 1860 году»¹.

Россия притягивала к себе Жюль Верна, хотя ему так и не довелось побывать в ней. Приобретя в конце 70-х годов паровую яхту «Сен-Мишель III», писатель задумал совершить на ней большое плавание по Балтийскому и Северному морям с заходом в Петербург, но из-за шторма ему пришлось отказаться от посещения столицы Российской империи, где его имя было уже так хорошо известно. Представление о географии и истории нашей страны, об открытиях, сделанных русскими мореплавателями и путешественниками, Жюль Верн благодаря своей картотеке имел довольно основательное. В «Приключениях трех русских и трех англичан в Южной Африке», «Гекторе Сарвадаке» и других его произведениях выведены русские. И, как подсчитали специалисты, по меньшей мере в семи романах действие происходит (если не полностью, то хотя бы частично) в России. Это — в хронологическом порядке — «Михаил Строгов», «Упрямец Керабан», «Найденыш с погибшей Цинтии», «Робур-завоеватель», «Цезарь Каскабель», «Клодиус Бомбарнак» и «Драма в Лифляндии» (последняя книга, вышедшая при жизни писателя).

В «Клодиусе Бомбарнаке» слились воедино свойства романа географического, научно-фантастического, сатирического, приключенческого, да вдобавок еще и мелодрамы. Повествование ведется от лица репортера парижской газеты «XX век», который получает в Тифлисе депешу, предписывающую ему совершить поездку Трансазиатским поездом и описать все, достойное внимания читателей. Воспользовавшись своей излюбленной формой рассказа о путешествии, Жюль Верн сумел насытить его огромным фактическим материалом, почерпнув сведения географического и этнографического характера из различных документальных источников, на которые указывает в тексте, — от трудов крупного ученого Элизе Реклю до записок Александра Дюма, совершившего в 1858 году более чем шестимесячную поездку по России, и книги «Путешествие в Мерв» французского инженера Э. Буланжье, присутствовавшего на строительстве Закаспийской железной дороги. За прокладкой сквозь зыбучие пески пустыни этой дороги, которую вели русские военные инженеры под началом генерала М. Н. Анненкова, следил тогда буквально весь мир, потому что впервые в истории строители преодолевали такие трудности. «К счастью, я читал отчеты инженера Буланжье относительно громадного сооружения генерала Анненкова. Поэтому я не буду чувствовать себя полным профаном во время поезд-

¹ Жюль-Верна Жан. Жюль Верн. М. 1978. С. 247.

ки по железной дороге между Узун-Ада и Самаркандом, — сообщает жюльверновский Бомбарнак. — Часто говорят о той необычайной быстроте, с какой американцы проложили железнодорожный путь через равнины Дальнего Запада. Но да будет известно, что русские в этом отношении им ничуть не уступают, если даже не превосходят, как быстротой строительства, так и смелостью индустриальных замыслов». В воссоздании местного колорита Кавказа и Средней Азии писатель строго придерживался известных ему данных. Научно-фантастическим же роман стал потому, что локомотив мечты увлек Жюль Верна значительно дальше Самарканда — того пункта, до которого было доведено строительство магистрали. В книге она продлена до Пекина.

И чтобы журналисту (равно как и читателю) не стало скучно во время столь длительного путешествия от берегов Каспия до столицы Поднебесной Империи, автор ввел прямо-таки детективную интригу, связанную с охотой двух враждующих банд за вагоном, где везут императорскую казну. Интрига эта усложняется еще трогательной историей молодого румына Кинко, который, не имея достаточно денег на проезд, сам себя отправил багажом в ящике к возлюбленной; ему-то отводится в романе роль спасителя пассажиров и императорских сокровищ. Ряд пассажиров, попадающих в поле зрения Клодиуса Бомбарнака, писатель обрисовывает с немалой долей гротеска. Особенно достается флегматичному и надменному английскому джентльмену сэру Фрэнсису Трапельяну, не удостоившего своих спутников ни словом за все время, проведенное в пути. Юмористически описан вечно опаздывающий немецкий барон с нескончаемой фамилией Вейсшнитцердёрфер, вознамерившийся проделать кругосветное путешествие за тридцать девять дней. Резко отрицательное отношение автора к меркантилизации человеческих отношений проявляется в сцене свадьбы-сделки, в которую вступают американский торговый агент Фульк Эфринель и маклерша из Лондона Горация Блуэтт. Он делает свой бизнес на продаже искусственных зубов, она — на поставке волос для париков; фальшью, чем-то ненастоящим разит не только от их занятий, но и от них самих, лишенных нормальных человеческих эмоций и с упоением подсчитывающих лишь причитающиеся им проценты прибыли. Определенной дозой авторской иронии окрашен и в общем симпатичный образ рассказчика — «ловца сенсаций», не раз попадающего в погоне за ними впросак... Но из окна Трансазиатского поезда, куда поместил писатель своего героя, наблюдательный и начитанный Клодиус Бомбарнак сумел за время вояжа разглядеть многое, и, водя его бойким пером, Жюль Верн помог соотечественникам расширить свои представления о России.

Русский поэт «серебряного века» Владислав Ходасевич однажды заметил: «Как ни примечателен писатель, как ни значительны его книги, на какие высоты ни взбирайся он в своих писаниях, — если ни разу в жизни он не пошутил, не написал ничего смешного или веселого, не блеснул эпиграммой или пародией, — каюсь, такого писателя в глубине души я всегда подозреваю в затаенной бездарности, на меня от такого пророка или мудреца разит величавой тупостью»¹.

Жюль Верн как раз представляет собой пример иного рода — многие его страницы окрашены улыбкой, лукавством, он легко переходит от серьезных проблем к шутке, не раз прибегает к гротеску, пародии; порою ироничная манера письма сменяется острой сатирой. Внук и биограф писателя вообще считает чувство юмора «одной из основных черт характера Жюля Верна»². Черта эта, естественно, проступает и в его книгах, подтверждением чему служат фарсовый «Опыт доктора Окса», наделенная пародийными чертами «Школа Робинзонов» и «Клодиус Бомбарнак», где использованы приемы водевиля. Но из окна Трансазиатского поезда, куда поместил писатель своего героя, наблюдательный и начитанный Клодиус Бомбарнак сумел за время вояжа разглядеть многое, и, водя его бойким пером, Жюль Верн помог соотечественникам расширить свои представления о России.

Вскоре после смерти Жюля Верна петербургский журнал «Природа и люди» (в качестве приложения к которому П. П. Сойкин выпустил в 1906—1907 годах собрание сочинений писателя в 88 книгах) объявил сбор средств на сооружение памятника ему. Читатели охотно откликнулись, и поступившие деньги были переведены в Амьен в фонд строительства монумента. Так что русские поклонники внесли свою лепту в увековечение памяти того, кто был однажды назван «самым ученым из беллетристов и лучшим беллетристом из ученых».

Святослав БЭЛЗА

¹ Ходасевич В. Державин. М. 1988. С. 30.

² Жюль-Верн Жан. Цит. кн. С. 403.

СОДЕРЖАНИЕ

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ

Перевод Н. М. Брандис

Глава первая, в которой читатель, если захочет, сможет купить по случаю остров в Тихом океане	5
Глава вторая, в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Фран- циско состязается с Таскинаром из Стоктона	10
Глава третья, в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепьяно	17
Глава четвертая, в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тарте- леттом	22
Глава пятая, которая начинается со сборов к путеше- ствию и кончается благополучным отбытием	27
Глава шестая, в которой читателю придется познако- миться с новым персонажем	33
Глава седьмая, в которой читатель сможет убедиться, что Уильям Кольдеруп не напрасно застраховал свой корабль	37
Глава восьмая, в которой Годфри предается печальным размышлениям относительно мании путешествий	45
Глава девятая, в которой доказывается, что не все пре- красно в профессии Робинзона	52
Глава десятая, в которой Годфри делает то, что сделал бы на его месте каждый человек, потерпевший ко- раблекрушение	58
Глава одиннадцатая, в которой герои озабочены поиска- ми убежища и решают этот вопрос так, как его можно было решить	65
Глава двенадцатая, в которой очень кстати разражается удар молнии	72
Глава тринадцатая, в которой Годфри снова замечает легкий дымок, но теперь на другом конце острова	79
	475

Глава четырнадцатая, в которой Годфри находит подарок, выброшенный морем, и принимает его с большой радостью	85
Глава пятнадцатая, в которой происходит то, что, по крайней мере, хоть раз должно произойти в жизни настоящего или воображаемого Робинзона	91
Глава шестнадцатая, в которой рассказывается об одном неожиданном происшествии	96
Глава семнадцатая, в которой ружье учителя танцев Тартелетта поистине творит чудеса	102
Глава восемнадцатая, в которой описывается моральное и физическое воспитание уроженца Полинезии . .	108
Глава девятнадцатая, в которой положение, и без того весьма серьезное, все более и более осложняется	116
Глава двадцатая, в которой Тартелетт повторяет на все лады, что хочет покинуть остров	124
Глава двадцать первая, которая заканчивается удивительной репликой Карефиноту	131
Глава двадцать вторая, в которой объясняется все, что казалось до сих пор необъяснимым	141

КЛОДИУС БОМБАРНАК

Перевод Е. П. и Н. М. Брандис

Глава первая	151
Глава вторая	159
Глава третья	166
Глава четвертая	173
Глава пятая	183
Глава шестая	191
Глава седьмая	200
Глава восьмая	208
Глава девятая	216
Глава десятая	223
Глава одиннадцатая	230
Глава двенадцатая	238
Глава тринадцатая	245
Глава четырнадцатая	253
Глава пятнадцатая	261
Глава шестнадцатая	269
Глава семнадцатая	277
Глава восемнадцатая	283
Глава девятнадцатая	291
Глава двадцатая	297

Глава двадцать первая	302
Глава двадцать вторая	306
Глава двадцать третья	313
Глава двадцать четвертая	318
Глава двадцать пятая	325
Глава двадцать шестая	332
Глава двадцать седьмая	340

ЗИМОВКА ВО ЛЬДАХ

Перевод З. Александровой

Глава первая. Черный флаг	349
Глава вторая. План Жана Корнбюта	353
Глава третья. Проблеск надежды	357
Глава четвертая. Во льдах	360
Глава пятая. Остров Ливерпуль	364
Глава шестая. Колебания льдов	368
Глава седьмая. Приготовления к зимовке	372
Глава восьмая. План поисков	374
Глава девятая. Снежная хижина	376
Глава десятая. Заживо погребенные	380
Глава одиннадцатая. Дымок	384
Глава двенадцатая. Возвращение на корабль	387
Глава тринадцатая. Соперники	392
Глава четырнадцатая. Бедственное положение	394
Глава пятнадцатая. Белые медведи	398
Глава шестнадцатая. Заключение	402

ОПЫТ ДОКТОРА ОКСА

Перевод З. Бобырь

Глава первая, повествующая о том, что бесполезно ис- кать даже на лучших картах городок Кикандон	407
Глава вторая, в которой бургомистр Ван-Трикасс и со- ветник Никлосс беседуют о городских делах	408
Глава третья, в которой комиссар Пассоф появляется столь же шумно, сколь и неожиданно	412
Глава четвертая, в которой доктор Окс оказывается пер- воклассным физиологом и смелым эксперимента- тором	416
Глава пятая, в которой бургомистр и советник наносят визит доктору Оксу, и что из этого проистекает	420
Глава шестая, где Франц Никлосс и Сюзель Ван-Трикасс строят кое-какие планы на будущее	425
Глава седьмая, в которой <i>andante</i> превращается в <i>allegro</i> , <i>a allegro</i> в <i>vivace</i>	427
	477

Глава восьмая, в которой старинный, торжественный вальс превращается в бешеный вихрь	434
Глава девятая, в которой доктор Окс и его ассистент Иген обмениваются несколькими словами	438
Глава десятая, где повествуется о том, как эпидемия охватила весь город и что из этого последовало	438
Глава одиннадцатая, в которой кикандонцы принимают героическое решение	441
Глава двенадцатая, в которой ассистент Иген высказывает разумное мнение, однако отвергнутое доктором Оксом	445
Глава тринадцатая, в которой еще раз доказывается, что с высоты легче господствовать над человеческими слабостями	445
Глава четырнадцатая, в которой дело заходит так далеко, что жители Кикандона, читатели и даже сам автор требуют немедленной развязки	450
Глава пятнадцатая, в которой внезапно наступает развязка :	454
Глава шестнадцатая, в которой догадливый читатель видит, что он не ошибся, несмотря на все недомолвки автора	454
Глава семнадцатая, в которой объясняется теория доктора Окса	455
С. Бэлза. Властелин мира	457

Верн Ж.

В 35 Школа Робинзонов. Клодиус Бомбарнак. Повести: Пер. с фр. / Послесл. С. Бэлзы; Ил. П. Парамонова.— М.: Правда, 1989.— 480 с., ил.

Известный французский писатель Жюль Верн — замечательный мастер романа путешествий и приключений, первый классик научно-фантастического жанра, страстный пропагандист науки и ее грядущих завоеваний. В сборник вошли малоизвестные произведения писателя.

В 4703000000—1787 1787—89
080(02)—89

84.4 Фр

Жюль Верн

**ШКОЛА РОБИНЗОНОВ
КЛОДИУС БОМБАРНАК
ПОВЕСТИ**

Редактор

Е. А. Дмитриева

Оформление художника

Г. А. Раковского

Художественный редактор

И. С. Захаров

Технический редактор

В. С. Пащикова

ИБ 1787

Сдано в набор 19.08 88. Подписано к печати 06.02.89
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Эдисон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,83. Уч.-изд. л. 28,46
Тираж 600 000 экз. (1-й завод: 1—150 000 экз.).
Заказ № 400. Цена 2 р. 40 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Тюменская
правда» Тюменского обкома КПСС.
625002, г. Тюмень, Осипенко, 81.

2 р. 40 к.